

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

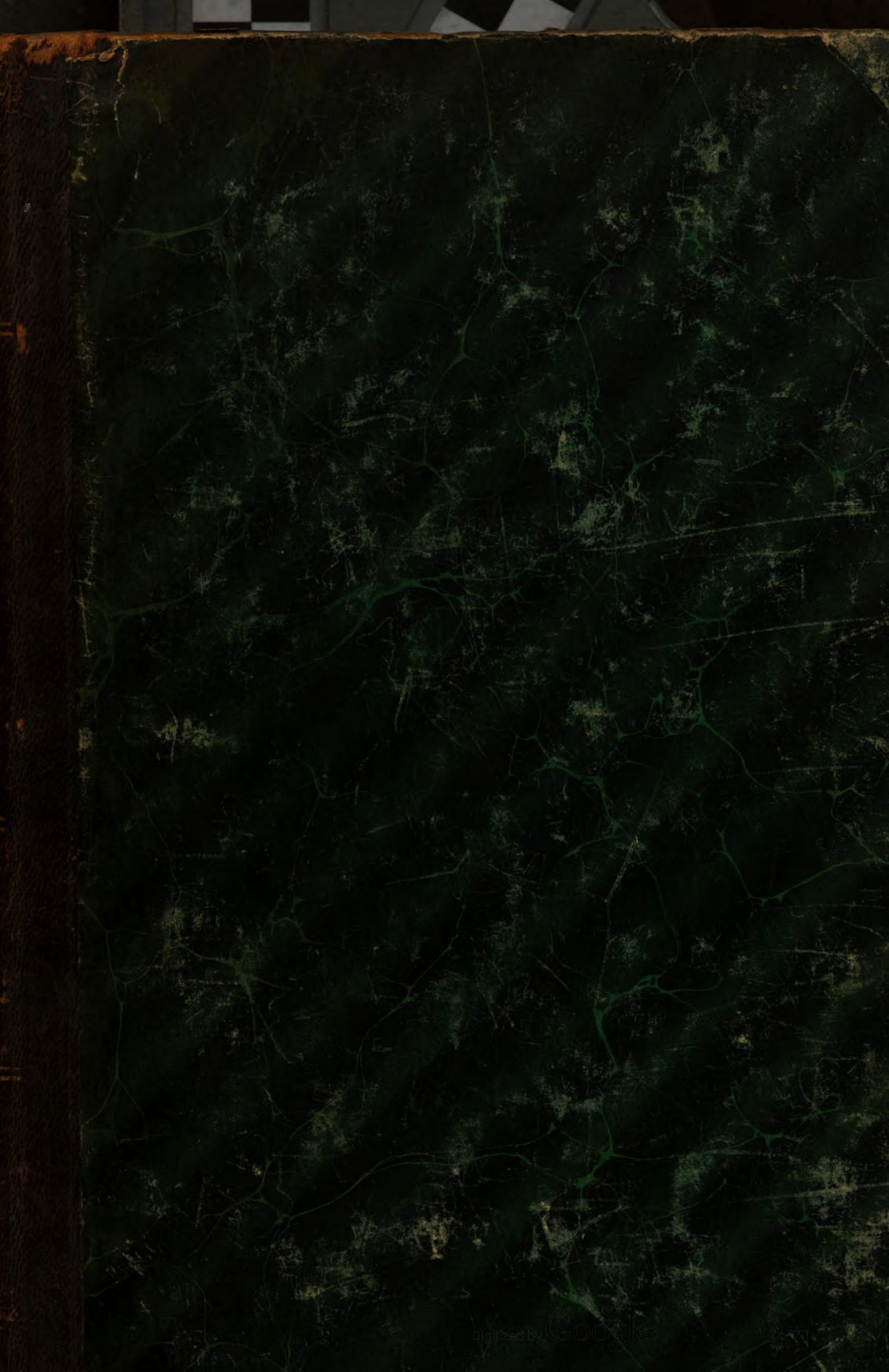
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

1906.

Іюль—Августъ.

XI.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

MISSIONERSKOE OBOZRENIJE.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ.

№№ 7—8

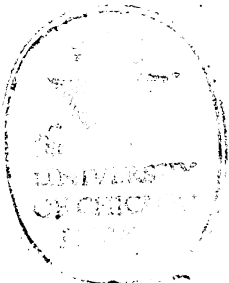
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1906.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153. Телѣ. № 5226.

BX460
. M6?
JUL - AUG
1906

76-601 064/S

Slip Sent

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи.

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Начало текущаго года вписало двѣ грустныя страницы въ лѣтопись русскаго искусства, вопія о глубокомъ пренебреженіи къ нуждамъ національнаго художественнаго творчества, указывая на полное невниманіе къ одному изъ существенныхъ путей народнаго благосостоянія и развитія, вычеркнувъ изъ намѣченной разработки вопросовъ государственнаго значенія дѣловую возможность обсужденія въ Государственныхъ Думѣ и Совѣтѣ всего того, что касается не только чистаго, но даже и прикладнаго искусства. По установленнымъ правиламъ выборовъ, въ Думу не могъ попасть ни одинъ представитель искусства. Казалось, могла еще остаться надежда на выборы въ Совѣтъ, но и тутъ упомянутыми были лишь Академія наукъ и университетъ, а *Академія художествъ забыта и лишена права посылки своихъ выборныхъ*. Такое болѣе чѣмъ печальное явленіе явилось слѣдствіемъ полной апатіи членовъ академической корпораціи къ сознанной всѣми насущности всюду назрѣвшихъ реформъ и гражданской молодости дѣятелей нашего художественнаго міра. Забытъ оказался историческій примѣръ, который представленъ Франціей: — Тьеръ, непосредственно вслѣдъ за избраніемъ его „главою исполнительной власти“ новоявленной республики, ранѣе приема делегацій, явившихся къ нему съ поздравленіями, принялъ только двухъ чиновниковъ: префекта полиціи и главнаго инспектора школъ, и первыя его слова, къ нимъ обращенныя, были высокознаменательны: „мы вернемъ миллиарды контрибуціи обновленіемъ нашей художественной промышленности“. Въ Россіи забыли, что послѣдовавшее затѣмъ обновленіе художественной промышленности Франціи было однимъ изъ могучихъ рычаговъ къ созданію ея высокаго матеріальнаго благосостоянія. У насъ забыли так-

же и то, что *русское искусство тѣсно связано* съ первѣйшими духовными народными нуждами, съ дѣломъ удовлетворенія релігіозныхъ потребностей всякаго православнаго—*съ иконою*. Забота попечительства о русской иконописи, какъ это ни странно, находится въ свѣтскихъ рукахъ, при чемъ въ такомъ учрежденіи, въ которомъ не нашлось мѣста ни одному художнику.

Забытыя въ нашихъ будущихъ законодательныхъ учрежденіяхъ нужды искусства и въ частности иконописанія оказались переданными группѣ теоретиковъ, создавшихъ, въ концѣ концовъ, такой проектъ попеченія объ иконописи, который составляетъ вторую безмѣрно печальную страницу лѣтописи редакціонныхъ работъ русскаго законосозидательства по предмету нашего обездоленнаго и безправнаго художества...

Золотыми буквами должны быть занесены на скрижали исторіи слова именного Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, ясно и безъ всякихъ сомнѣній указывавшихъ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ и властью, тотъ *истинный путь*, котораго Государь Николай Александровичъ повелѣлъ придерживаться въ дѣлѣ роста православнаго иконописанія. „Въ Монаршихъ заботахъ“, гласитъ указъ, — „о процвѣтаніи русской иконописи и охраненіи въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ нашей старины, признали Мы за благо учредить подъ непосредственнымъ покровительствомъ Нашимъ Комитетъ попечительства о русской иконописи“. Какъ много сказано этими словами! Охраненіе плодотворнаго вліянія *художественныхъ образцовъ старины*—путь, *не допускающій* отклоненія отъ древнихъ истинно чтимыхъ иконописныхъ подлинниковъ *во всѣхъ ихъ положительныхъ качествахъ*. Древняя православная иконопись, помимо многихъ своихъ высокихъ свойствъ, обладаетъ незамѣнимой прочностью своей техники, такъ называемаго, яичнаго письма. Это одна положительная сторона нашей образцовой художественной иконописи. Другая существенная сторона „образцовъ“—ихъ *ручное* производство. Государь опредѣленно говоритъ, *именно* объ иконо-*писаніи*. Изъ приведеннаго и сказаннаго ясно, что заботы Высочайше утвержденнаго Комитета должны быть направляемы *только* на попечительство *ручной* иконописи и борьбы противъ всѣхъ тѣхъ способовъ изготовленія иконъ,

которыя могутъ вредить процвѣтанію работъ нашихъ изографовъ. Понято-ли это основное предназначеніе и повелѣніе Государя членами Комитета и какъ оно ими усвоено ранѣе *и теперь* — мы внимательно разсмотримъ въ настоящей статьѣ.

Въ Положеніи о Высочайше учрежденномъ Комитетѣ попечительства о русской иконописи въ пунктѣ пятомъ читаемъ: „Комитетъ имѣеть цѣлю: *изысканіе мѣръ къ обезпеченію благосостоянія и дальнѣйшаго развитія русской иконописи*“... (Курсивъ нашъ). 17 мая 1901 года состоялось первое постановленіе Комитета, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, въ присутствіи непремѣннаго члена, — управляющаго дѣлами Комитета Академіи Н. П. Кондакова и членовъ Комитета: т. с. В. И. Ковалевскаго, гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцева, графа И. И. Толстого — бывшаго въ то время вице-президентомъ Академіи Художествъ, профессора Н. В. Покровскаго, д. с. с. Н. В. Султанова и с. с. Н. В. Пономарева. Значеніе и трезвость *перваго* постановленія Комитета такъ существенны, что мы приведемъ главную его часть.

„Комитетъ, *всесторонне обсудивъ* современное положеніе русской иконописи и, въ частности, бѣдственное состояніе иконописныхъ сель Владимірской губерніи, доселѣ поставлявшихъ рукописныя иконы почти на всю Россію и на часть христіанскаго востока, пришелъ къ убѣжденію, что *русское иконописаніе ведетъ нынѣ непосильную для него борьбу съ машиннымъ производствомъ подобій рукописной иконы на жести и впадо отъ того въ крайность, которая грозитъ въ ближайшемъ будущемъ уничтоженіемъ общаго народнаго мастерства иконописанія*, за исключеніемъ лишь немногихъ мастерскихъ и заводовъ, производящихъ самые дешевые сорта иконъ, способныхъ выдержать конкуренцію съ машинными издѣліями. Въ настоящее время *машинное производство вытѣсняетъ повсюду въ иконныхъ лавкахъ и монастырскихъ складахъ рукописную икону*, въ силу того экономическаго обстоятельства, что его издѣлія, производимыя съ наименьшею затратою, могутъ быть поставляемы дешевле писанныхъ иконъ продавцамъ, которымъ оно приноситъ, поэтому, наибольшую выгоду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе машинныхъ издѣлій за послѣдніе годы въ продажѣ не способств-

вало видимому удешевленію иконы, такъ какъ жестяныя поддѣлки подыконы, производимыя нынѣ фабрикою Жако и Бонакеръ, идутъ по цѣнѣ настоящихъ иконъ, но зато оно усилило и довело до крайности погоню заводовъ за дешевизною производства, умноживъ имитацию молебной иконы въ видѣ фолежныхъ издѣлій, бумажныхъ листовъ, наклеиваемыхъ на деревянныя доски, и иные виды печатныхъ издѣлій. Такой опытъ машиннаго производства иконъ убѣждаетъ, что оно нисколько не исправляетъ существующихъ въ русскомъ иконописаніи недостатковъ и не придаетъ новаго художественнаго или духовнаго достоинства русской иконѣ. Напротивъ того, машинное производство поведетъ къ быстрой уtratѣ православнаго характера священныя ликовъ, выработанныхъ вѣковою работою русскихъ иконописцевъ, такъ какъ мастера, призванные фабрикою для исполненія лика, воспроизводимого печатнымъ способомъ, необходимо будутъ въ угоду фабриканта, представителя базарныхъ вкусовъ, стремиться къ прикрасамъ, а въ ликахъ къ слащавости и миловидности, которыя отличаютъ печатныя и литографскія воспроизведенія религіозныхъ образовъ въ католическомъ мѣрѣ. Но когда машинное производство задавитъ живую среду народнаго иконописнаго мастерства, оставивъ отъ него только немногія мастерскія, имѣющія работать на любителей, оно обратитъ русскую иконопись, съ ея обширнымъ цикломъ ликовъ и сюжетовъ, въ тѣсныя торговый подборъ ходовыхъ иконъ, печатаемыхъ массами на продажу. Такимъ образомъ уничтожится православный обычай имѣть, при желаніи, каждому икону своего святаго. Когда-же распространеніемъ машинныхъ издѣлій будетъ уничтожена среда иконописцевъ, понынѣ разрабатывающая дѣло иконописанія, то въ самой иконописи отнимется сила личнаго религіознаго чувства и благочестія, дарующаго даже не искусному образу высокой характеръ, вліяющій на молебника. Машинное исполненіе унизитъ икону, поставитъ ее наряду и наравнѣ съ другими издѣліями фирмы, производящей изъ крашеной жести коробки для ваксы. Поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви. *Основываясь на такомъ своемъ глубокомъ убѣжденіи и исходя изъ основныхъ положеній Высочайше учрежденнаго комитета и Высочайшей воли,* объявленной въ указѣ Правительствующему

Сенату, отъ 19 марта сего года, *Комитетъ единогласно опредѣлилъ*: обратиться къ Святѣйшему Правительствующему Синоду съ просьбою *воспретить указомъ* на будущее время *всякое машинное производство печатныхъ подражаній рукописной иконъ, исполняемыхъ на жести, деревѣ и т. п.*, разрѣшивъ лишь обращеніе въ продажѣ гравюръ и литографій въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, не наклеиваемыхъ на доску. *Особеннымъ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода желателъно объявитъ монастырямъ и духовнымъ властямъ*, въ подтвержденіе православнаго обычая, *что иконами храмовыми и молебными должны быть признаваемы только иконы, писанныя рукою*“...

Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчательнаго и мотивированнаго *единогласнаго опредѣленія* Комитета, строго исполнявшаго *Монаршию* волю, графъ С. Д. Шереметевъ и профессоръ В. М. Васнецовъ представили названному учрежденію свои записки. Графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ, что въ его поѣздку еще въ 1901 году по монастырямъ *даже московской епархіи*, какъ то Даниловскомъ, Симоновомъ и Новоспасскомъ, онъ не нашелъ въ нихъ ни одной продажной писанной иконы, совершенно вытѣсненныхъ машинными иконами. Въ этихъ монастыряхъ съ усмѣшкой говорили, что *писанныхъ иконъ болъе не принято держать!* Въ *Кремлевскомъ Вознесенскомъ* монастырѣ оказались тоже лжеиконные продукты фирмы Жако. Графъ наблюдалъ это же явленіе въ монастыряхъ: Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ, въ Лубенскомъ Мгарскомъ, въ Софійскомъ Кіевскомъ и Златоверхомъ Михайловскомъ, въ Печерской Лаврѣ и др. и даже на Кавказѣ, куда тоже проникла машинная икона. „Въ Москвѣ“, — пишетъ графъ, — „В. М. Васнецовъ съ огорченіемъ передавалъ мнѣ, что его же произведенія въ снимкахъ Жако и К^о расходятся вездѣ и продаются въ самомъ Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ, помимо его и внѣ его согласія“. „Не доказываетъ ли все это ненормальность современнаго положенія вопроса и отсутствіе рѣшимости чистосердечно признать эту ненормальность!?. *Въ такомъ вопросѣ не можетъ быть средняго мнѣнія, не можетъ быть недомолвокъ*“ — заканчиваетъ графъ С. Д. Шереметевъ свою записку. Профессоръ В. М. Васнецовъ сообщалъ такое свое мнѣніе: „Монастыри и иконныя лавки

и даже въ храмахъ, что казалось-бы даже и грѣшно, такъ какъ самъ Спаситель изгонялъ торгующихъ изъ храма—вездѣ и всюду въ огромномъ количествѣ предлагаются православнымъ печатные образа на мѣди, жести и бумагѣ, и *неопытному трудно избѣгнуть приобретенія этихъ поддѣльныхъ фальсификацій образовъ. Трудно бороться живому искусству съ наплывомъ этихъ мертвыхъ продуктовъ промышленности и спекуляціи*, въ основѣ которыхъ—капиталъ и нажива!“ Въ заключеніе В. М. Васнецовъ настаивалъ „на повелѣннѣ священно-церковно-служителямъ освящать для молитвы въ храмахъ и домахъ образа только рукописныя, безъ всякихъ исключеній“.

Не смотря на присутствіе 17 мая въ засѣданіи Комитета попечительства о русской иконописи всего вышеперечисленнаго личнаго его состава и не взирая на то, что комитетъ *единогласно* сдѣлалъ уже нами приведенное опредѣленіе, основанное на *глубокомъ убѣжденіи всѣхъ господъ членовъ*, однимъ изъ нихъ была написана статья, помѣщенная сначала въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, а затѣмъ изданная отдѣльной книжкой, въ которой по изложенному опредѣленію былъ высказанъ *діаметрально противоположный взглядъ*. Такое необычное и странное, если не сказать болѣе, раздвоеніе одноличнаго мнѣнія принадлежало профессору Н. В. Покровскому. Не станемъ вспоминать, какое впечатлѣніе произвело появленіе въ свѣтъ этого мнѣнія на сочленовъ Н. В. Покровскаго, но разберемъ его „историческія справки“, художественные и практическіе взгляды, а также выводы, шедшіе въ разрѣзъ съ постановленіемъ комитета, въ которомъ онъ участвовалъ съ „глубокимъ убѣжденіемъ“. Просматривая внимательно эту его статью „Къ вопросу о мѣрахъ улучшенія русскаго иконописанія“, мы видимъ, прежде всего, что Н. В. Покровскій старается доказать, будто - бы „воспроизведеніе священныхъ изображеній механическимъ способомъ — посредствомъ печатанія ихъ на бумагѣ, полотнѣ и жести, — получило свое начало *уже давно*“. Положеніе это прежде всего совершенно невѣрное *въ главной* его и существеннѣйшей для дѣла части. *На жести* печатать стали *очень недавно*, этотъ типъ печатанія появился не болѣе, какъ двадцать лѣтъ назадъ, противъ чего въ иконномъ дѣлѣ и ополчились

иконописцы, а по Монаршей волѣ комитетъ. Такимъ образомъ историческій вопросъ сводится только къ печатанію на полотнѣ и бумагѣ.

Говорить о печатаніи на полотнѣ не стоитъ, такъ какъ антиминовъ народъ не видитъ и соблазна отъ того, что они сдѣланы машиной, а не руками, произойти не могло и не можетъ. Вопросъ могъ сводиться только къ печатнымъ священнымъ изображеніямъ на бумагѣ. Н. В. Покровский сообщалъ, что печатныя „картинки“ стали входить въ обращеніе только съ XVII вѣка (значить совсѣмъ недавно), т. е. съ начала упадка нашей иконографіи, происшедшей главнымъ образомъ отъ вторженія этихъ печатанныхъ, *именно картинокъ* въ нашъ религіозный обиходъ. Самъ Н. В. Покровский указываетъ, что патріархъ Іоакимъ въ томъ же XVII вѣкѣ, видя полную непригодность и непристойность бумажныхъ нѣмецкихъ листовъ, воспретилъ употребленіе ихъ въ церквахъ и домахъ вмѣсто иконъ. Подобные указы повторялись до 1761 г. и позднѣе того. Борьба духовной власти велась противъ „смѣхотворныхъ“ и неискусныхъ гравюръ. На стр. 14 й Н. В. Покровский высказываетъ резонное и въ концѣ концовъ совершенно побивающее его резюме, умозаключеніе. По вопросу оцѣнки, для случаевъ изыятія изъ обращенія бумажныхъ священныхъ изображеній, онъ говоритъ, что не было свыше указано никакого критерія: „даже не сдѣлано ссылки на исконный критерій—подражаніе древнимъ лучшимъ иконописнымъ образцамъ, и это, быть можетъ, потому, что *находили почему либо неумѣстнымъ сравненіе иконы съ гравюрою, или же потому, что чувство уваженія къ иконописной старинѣ было въ XVIII вѣкѣ сильно поколеблено*“. Выходитъ такъ:—или видѣли въ гравюрѣ, что безусловно вѣрно, суррогатъ, не могущій дать даже мысли замѣнить рукописную икону, или представленіе о здоровомъ и исконномъ типѣ русской иконы стало уже утрачиваться. Мы знаемъ, что истинно православному чужда мысль о замѣнѣ печатнымъ листкомъ моленной рукописной иконы, а съ другой стороны намъ вѣдомо, что, при небрежности къ сохраненію вѣками сложившихся церковныхъ обычаевъ, для многихъ стало все равно, чему бы ни молиться. Западное безразличіе въ этомъ отношеніи вторглось въ православную Русь и породило, въ средѣ шаткихъ въ почитаніи и храненіи старины, разлагающій индифферентизмъ. Н. В. Покровский самъ говоритъ,

что „въ рѣшеніи вопроса о гравюрѣ, какъ механическаго произведе-
нія, и не ставился ребромъ кардинальный вопросъ—быть или не быть“. Отсюда ясно, что „механическая“ зараза завоевала не только массы темнаго люда, но и *допускалась* власть имущими. Разумѣется, самъ Н. В. Покровскій признаетъ потерю уваженія къ иконописной старинѣ *нежелательною*. Но, несмотря на это, на страницѣ 18 онъ приходитъ къ неожиданному „убѣжденію“, что запрещеніе печатныхъ иконъ „*доколѣ преждевременно*“. Это „доколѣ преждевременно“ сдѣлалось знаменитымъ выраженіемъ въ рѣшеніи вопросовъ на плохихъ и шаткихъ доказательствахъ. Въ чемъ же гнилость подпорокъ, поддерживающихъ изумительное новое „убѣжденіе“ Н. В. Покровскаго?

Предпошлемъ разбору этихъ шаткихъ доказательствъ и разсужденій Н. В. Покровскаго указаніе на его, вообще, давно выяснившуюся въ художественномъ мірѣ полную некомпетентность касательно вопросовъ искусства. Будучи замѣчательнымъ энциклопедистомъ знатокомъ по церковной археологіи, онъ совершенно невоспримчивъ къ пониманію произведеній художественнаго творчества, представляя собою какъ-бы трубу архангела, черезъ которую проходятъ слова Божіи, но не оставляютъ въ ней никакого слѣда. Напримѣръ, невозможно сказать, что лучше: акварель, фреска, масляная живопись или мозаика; а между тѣмъ Н. В. Покровскій рѣшаетъ, что гравюра на деревѣ хуже гравюры на мѣди. Тутъ уже играетъ роль вкусъ судьи, а не дѣйствительность оцѣнки способа воспроизведенія. Можетъ быть, Н. В. Покровскому пріятнѣе и кажется лучшимъ теноръ, чѣмъ басъ, но никто не рѣшится сказать, что одинъ изъ этихъ голосовъ лучше другого. Г. профессоръ—рѣшается и идетъ далѣе, говоря, что „икона, писанная отъ руки, гораздо выше иконы печатной: въ первой *всегда* чувствуется незримое вѣяніе жизни, духа, во второй все безжизненно, мертво и плоско“.

Уже поэтому несомнѣнно, что профессоръ археологіи некомпетентенъ въ вопросахъ искусства, такъ какъ совѣмъ не всегда въ рукописной иконѣ можетъ чувствоваться „жизнь и духъ“, тогда какъ „съ точки зрѣнія идеальной“ (его выраженіе) печатная икона можетъ быть не безжизненна, не мертва и не плоска. Но оставимъ художественную сторону вопроса, перейдемъ къ подпоркамъ, поддерживающимъ „доколѣ преждевременно“. Главнѣйшей защитой бытія печатныхъ

иконъ Н. В. Покровскій выставляетъ слѣдующія положенія. Въ рѣшеніи вопроса о выборѣ между рукописными и печатными иконами онъ видитъ „неодолимыя практическія затрудненія“. Онъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ: „если будутъ запрещены печатныя изображенія, то чѣмъ мы замѣнимъ ихъ? Иконами, писанными отъ руки? Но, во 1-хъ, современный спросъ на иконы *такъ великъ*, что наличныя иконописныя силы *едва-ли* въ состояніи будутъ удовлетворить этому спросу въ той мѣрѣ, какъ желательно“.

Устрашающая цѣнность этой боязни сводится къ нулю: двадцать лѣтъ тому назадъ печатной иконы на жести не было и православные не ощущали недостатка въ рукописныхъ иконахъ на протяженіи столѣтій. Неужели въ послѣднія 20 лѣтъ такъ возросъ спросъ на иконы, что приходится помогать производительности иконописцевъ машинами?

Въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное—спросъ на иконы *уменьшается* подъ отрицательнымъ давленіемъ духа времени.

„Едва-ли“ -- совершенно неосновательно и потому еще, что Комитетъ, въ которомъ засѣдалъ и Н. В. Покровскій, высказалъ, что „*по его глубокому убѣжденію* (стало быть и *дѣйствительному* мнѣнію самого профессора), приведеніе въ исполненіе таковой мѣры (запрещеніе печатать и продавать иконы) не можетъ вызвать *ни экономическаго ущерба, ни недостатка иконъ въ продажѣ*“. Такимъ образомъ, отъ „во 1-хъ“ Н. В. Покровскаго ни остается ровно ничего и его заботы о народѣ значительно скромнѣе заботъ о благополучіи фабрикантовъ печатныхъ иконъ. „Во 2-хъ“, — пишетъ тотъ же ученый, — „наличная дѣйствительность показываетъ, что нѣкоторыя иконы отъ руки, исполненныя плохими ремесленниками и находящіяся въ обращеніи на провинціальныхъ рынкахъ, а иногда достигающія и Петербурга, бывають хуже, чѣмъ хорошая олеографія“. Ссылаясь на вышеприведенное мнѣніе Н. В. Покровскаго о безжизненности, мертвенности и плоскости всякихъ печатныхъ иконъ, даже съ идеальной точки зрѣнія, становится яснымъ, что нечего и безпокоиться о *нѣкоторыхъ* плохихъ рукописныхъ иконахъ. Далѣе, профессоръ сообщаетъ о разницѣ въ стоимости обоихъ типовъ иконъ, указывая на дешевизну печатныхъ и дороговизну писанныхъ иконъ и восклицаетъ:

„А кто будетъ въ отвѣтъ, если разные штундисты, баптисты, духоворы, пашковцы, молокане и т. п. (имя имъ легіонъ!) воспользуются этимъ налогомъ на иконы и будутъ усиленно приглашать православныхъ въ свою компанію, гдѣ нѣтъ излишнихъ расходовъ на иконы?“ Если бы такъ случилось, то въ отвѣтъ долженъ быть Н. В. Покровский, какъ ученый, какъ представитель Св. Синода, въ свое время *не замѣтившій* лавины фальсификацій, позорящей истинныя православныя святыни и не принявшій мѣръ противъ возмутительной *поддѣлки* подъ иконы въ *наклейки бумажныхъ изображеній на доски*—вѣдь этотъ продуктъ *совсѣмъ недавній*.

Въ статьѣ Н. В. Покровскаго ловко скрытъ имъ въ началѣ пущенной фразой переходъ къ апогею фальсификаціи иконы, что *на жести уже давно* печатаютъ иконы, а затѣмъ не указано значенія разницы листа и его наклейки на доску, что весьма существенно въ иконоборствѣ нашихъ дней, противъ *совершенно новаго* типа поддѣлки, не освященной хотя бы какою-либо существенною давностью.

Странно читать мнѣніе Н. В. Покровскаго о сравнительной дешевизнѣ иконъ печатныхъ и придаваніе этому какого-либо значенія, когда онъ же въ комитетѣ выразился согласно съ постановленіемъ, изъ котораго нами уже были приведены строки, что иконы печатныя *идутъ по цѣнѣ настоящихъ рукописныхъ иконъ*.

Шедевромъ защиты печатныхъ иконъ является мнѣніе Н. В. Покровскаго, гдѣ онъ совѣтуетъ отказаться отъ запрещенія столь полезныхъ машинныхъ иконъ до тѣхъ поръ, „когда хорошая иконопись въ состояніи будетъ сама собою, безъ всякихъ внѣшнихъ репрессалій, удалить всѣхъ механическихъ конкурентовъ“. Вспомнимъ и сопоставимъ съ этимъ взглядомъ мнѣніе *дѣйствительно правдивое* и компетентное М. В. Васнецова, въ которомъ онъ говоритъ: „трудно бороться живому искусству съ наплывомъ мертвыхъ продуктовъ промышленности и спекуляціи, въ основѣ которыхъ—капиталъ и нажива“! Вспомнимъ мнѣніе *всѣхъ* членовъ Комитета, высказавшаго, что въ ближайшемъ будущемъ грозитъ уничтоженіе общаго народнаго мастерства иконописанія изъ-за конкуренціи съ машиной.

Для кого и ради чего профессоръ Н. В. Покровскій обнаруживалъ такое свое мнѣніе, которое ничто иное, какъ явное противорѣ-

чіе здравому смыслу? Не принадлежи это мнѣніе профессору Н. В. Покровскому, мы были бы увѣрены, что оное высказалъ со всѣми приведенными гнилыми подпорками *участникъ* фирмъ Жако и Бонакера, Тесенко, Ракочій и К^о и т. под.

„Доколѣ преждевременно“ профессора Н. В. Покровскаго, создало первый удручающій по своимъ послѣдствіямъ шагъ къ мѣрамъ *уничтоженія* русскаго иконописанія.

Судьба русскаго искусства многосторонне печальна. Наша высшая художественная инстанція — Академія Художествъ совершенно не входитъ и не считаетъ своимъ долгомъ входить въ нужды художественныхъ корпорацій, хотя бы имъ грозила опасность быть стертыми съ лица земли. Другого вѣдомства, которому была бы дорога та часть благосостоянія государства, которая находится въ прямой зависимости отъ роста искусства, — у насъ нѣтъ. Частично, въ послѣдніе годы, лишь министерство финансовъ обратило было вниманіе на желательность развитія художественной промышленности и 10 іюня 1902 года обнародовано было положеніе о нормальныхъ художественно-промышленныхъ учрежденіяхъ этого министерства. Съ этого момента особенно осязательно стала видима — официальная подчеркнутость дѣленія искусства на „чистое“ и „прикладное“. То, что совершенно не можетъ и не должно быть раздѣляемо официально, оказалось размежеваннымъ. Путаница въ понятіяхъ о томъ, что должно относиться къ „чистому“ искусству и что къ „прикладному“, — увеличились во вредъ тому и другому. Ни Академія Художествъ не желала входить въ нужды иконописцевъ и русской иконописи — какъ „*нечистаго*“ искусства, ни министерство финансовъ — какъ искусства, хотя и „*прикладнаго*“, но якобы болѣе подвѣдомаго Святѣйшему Синоду. Ни въ уставѣ Академіи, ни въ Положеніи о художественно-промышленныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства финансовъ съ художественной инспекціею не имѣется указаній (прямыхъ) пецись о благосостояніи несомнѣнно цѣнной и *продуктивнѣйшей отрасли русскаго искусства* — иконографіи. Такимъ образомъ, *сто шестьдесятъ тысячъ русскихъ иконописцевъ* не имѣли до 1901 года по русскому законодательству нигдѣ и ни въ комъ официального защитника или покровителя. Въ Академіи до сихъ поръ отсутствуетъ даже каеэдра иконографіи, такъ что,

не покровительствуя „чистой“ религіозной живописи, ей ли было заботиться о той иконографіи, которая еще до зачатія предназначалась продажѣ на рынкахъ?!. Нашимъ иконописцамъ пришлось причислить себя къ *кустарямъ* и рѣшиться попытать счастья въ ходатайствѣ защиты противъ машинныхъ иконъ также и передъ министерствомъ финансовъ. Это первое ходатайство иконописцевъ сель Владимірской губерніи: Холуя, Мстеры и Палехи было направлено въ 1898—1899 годахъ и въ немъ просили министерство о запрещеніи печатныхъ иконныхъ поддѣлокъ, какъ *убивающихъ* производство рукописныхъ иконъ, съ просьбою помочь такому ходатайству въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Министерство, не разсмотрѣвъ просьбы по существу, сослалось на компетенцію Святѣйшаго Синода. Въ такомъ разсмотрѣніи вопроса или сказать почти въ полномъ игнорированіи ходатайства кустарей съ отсылкою ихъ лишь въ другую инстанцію, *совершенно чуждую художественной компетенціи*, сказалось мертвящее бюрократическое начало, не пожелавшее вникнуть даже въ принципиальное обсужденіе идейнаго и практическаго спора между *ста шестьюдесятью тысячами* человекъ *рабочихъ и двумя иностранцами — фальсификаторами народной святыни*.

Полуторастысячная армія *православныхъ* иконописцевъ въ лицѣ представителей Владимірскаго района ударила челомъ Святѣйшему Синоду. Въ этой инстанціи имъ отказали. Мотивомъ отказа было *отсутствіе* какихъ-либо *каноническихъ постановленій, встречающихъ печатаніе священныхъ изображеній*. Въ такой мотивировкѣ и въ самомъ прошеніи десятковъ тысячъ человекъ существовалъ одинъ и тотъ же непростительно досадный пропускъ — обмолвка или случайное обхожденіе молчаніемъ того, что должно было составить идейную сущность ходатайства и *законнаго* предлога, не могшаго привести къ отказу. Съ началомъ наклейки печатныхъ изображеній *на доску*, или съ печатаніемъ на жести, прибываемой *къ доскѣ*, было положено начало *подлога и фальсификаціи* вѣками освященнаго типа рукописной иконы на доскѣ. Противъ *такого* новшества *и не могло быть*,—ранѣе приведенной челобитной, какъ всплеска негодованія противъ прямого обмана нашего невѣжественнаго народа,—

какого бы то ни было каноническаго постановленія. Представитель Св. Синода въ Комитетѣ, профессоръ Н. В. Покровскій, въ своей знаменитой, цитированной нами книгѣ, дойдя на стр. 15-ой до новѣйшихъ печатныхъ всевозможныхъ типовъ репродукцій священныхъ изображеній, произноситъ, какъ бы вскользь, не придавая особаго значенія, фразу: „нѣкоторые изъ нихъ (предпринимателей печатниковъ) *наклеиваютъ* печатные бумажные листы *на доску* и такимъ образомъ *придаютъ* имъ *видъ настоящей иконы*. Бонакеръ и Жако въ Москвѣ печатаютъ священныя изображенія на жести и прикрѣпляютъ эти жестяные листы къ доскамъ, обтянутымъ двойнымъ коленкоромъ, *какъ настоящія иконы*“. (Курсивъ нашъ). Слова Н. В. Покровскаго „*придаютъ* имъ *видъ* настоящей иконы“ и „*какъ настоящія иконы*“ — равносильно выраженію—*ловко поддѣлываютъ*. Что Н. В. Покровскій проговорился именно въ этомъ духѣ, видно изъ его же словъ на страницѣ 18-й его книги: „не только для ⁹/₁₀ изъ простонародья, но и для многихъ интеллигентныхъ людей различіе иконы писанной отъ печатной—дѣло нелегкое“... Этими словами профессоръ Н. В. Покровскій признаетъ наличность фальсификаціи и обмана. Какое же „присутствіе“ каноническихъ постановленій можно было отыскать о *новоявленномъ* подлогѣ придѣлыванія печатнаго изображенія къ доскѣ, чему нельзя насчитать и двухъ десятилѣтій и что выросло во зло, поѣдающее *все* ручное производство? Мы подчеркиваемъ слово *все* потому, что на-дняхъ г. Тесенко сообщилъ намъ о приготовленныхъ имъ печатныхъ *иконостасныхъ* иконахъ. Очевидно, что при энергіи Н. В. Покровскаго и игнорированіи вопроса о *поддѣлкѣ и обманѣ народа*—иконописное письмо будетъ уничтожаться печатнымъ хламомъ на доскахъ. Инымъ эпитетомъ, какъ хламъ, нельзя наградить печатныя иконы сравнительно съ рукописными яичными красками—такъ велика разница *прочности* фальсификаціи сравнительно съ настоящей иконой. Отстаиваніе печатныхъ иконъ, такимъ образомъ, есть еще и посягательство на народныя деньги. *Безразличіе къ народнымъ нуждамъ, игнорированіе* вѣками упрочившихся *традицій и мнѣтъ въ-ковую, прочную, ручную икону* и предоставленіе меньшей братіи произволу и обману продавца сказывается въ слѣдующихъ словахъ

Н. В. Покровскаго: — „*Въ церковномъ* употребленіи несомнѣнно должна быть настоящая, хорошая иконопись; сильныхъ затрудненій — здѣсь не было и нѣтъ. Для храма Божія всегда найдутся хорошія иконы, а гравюры, которыя намъ лично доводилось видѣть даже въ нѣкоторыхъ подгородныхъ петербургскихъ храмахъ, здѣсь не должны имѣть мѣста. Другое дѣло — частное, домашнее употребленіе иконъ“. Можно ли отнести съ большимъ легкомысліемъ къ народу, которому, слѣдовательно, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, можно позволять всучивать *ненастоящія, дурныя и нерукописныя* иконы. Въ вопросахъ религіи, мы полагали бы, непозволительно дѣлать такія подраздѣленія, а тѣмъ болѣе профессору и члену Комитета *попечительства* о русской иконописи.

Въ своемъ ходатайствѣ иконописцы допустили нѣкоторую ошибку, назвавъ Жако евреемъ. Св. Синодъ указалъ на неправильность этого положенія, сообщивъ, что Жако христіанинъ...

Карелинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Герценъ и наши дни.

I.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай, Европа!“

„Святая почва Европы, — благословеніе ей, благословеніе!“ (VI, 142).

Такъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Герценъ въ тѣ годы, когда, въ долгомъ и долго напрасномъ ожиданіи заграничнаго паспорта, онъ мечталъ объ Европѣ по книжкамъ, создавалъ великолѣпныя легенды и красивые мненія о далекихъ волшебныхъ мірахъ, гдѣ мысль свободна и сильна, гдѣ жизнь построена на правѣ и правдѣ, гдѣ социализмъ идетъ впередъ въ сапогахъ скороходахъ и стоитъ уже на порогѣ своего осуществленія, гдѣ прогрессъ на коврѣ-самолетѣ несетъ все впередъ и впередъ счастливое человѣчество, гдѣ люди дѣятельны и энергичны и работаютъ только ради общаго блага.

Но въ концѣ концовъ онъ получилъ этотъ заграничный паспортъ, жоторый унесъ всѣ его мечты и надежды. Ему казалось постыднымъ не присутствовать на парижской революціи 1848 г. Онъ отбросилъ счастливыя впечатлѣнія прекрасной Италіи и въ тревожномъ энтузіазмѣ помчался къ всемірному очагу всемірной свободы.

Онъ видѣлъ и зналъ, — близко зналъ, — всѣхъ великихъ дѣятелей революціи и демократической республики, зналъ ихъ не только по книгамъ, но зналъ ихъ по ихъ рѣчамъ и дѣламъ, зналъ, какъ людей своего круга, своихъ близкихъ знакомыхъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Отъ него эти властители думъ и вожди человѣчества не могли спрятать своей мечтательности и беспочвенности подъ дырявымъ плащомъ бумажнаго періодическаго величія и громкихъ, но безсодержательныхъ фразъ.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай Европа!“ (V, 247)—съ ужасомъ и отвращеніемъ кричалъ обманутый и разочарованный трубадуръ Европы, подводя итоги своихъ яркихъ и живыхъ наблюденій, своего долгаго и многосторонняго опыта.

„Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слышалъ простого смѣха, понимающаго взгляда“. (III, 263).

„Мудрено теперь сбить ихъ (славянофиловъ) примѣромъ запада, когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которою ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и поклоняться *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить ея современная жизнь, но и ей самой,—столько-же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ“. (V, 391).

„Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру. Но намъ кажется, что ему слѣдовало окончить ее торжественнѣе: если не безъ страданій и боли, то, по крайней мѣрѣ, безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ вору и разбойники“. (V, 313).

Недуги запада перебросились и къ намъ. И теперь, когда незаконные наслѣдники „отходящаго міра“, подлинныя вору и разбойники, въ ночное время пришли душить и грабить, можно оцѣнить это пророчество Герцена во всей его полнотѣ и опредѣленности.

„Не любить романскій міръ свободы: онъ любитъ только домогаться ея. Силы на *освобожденіе* онъ иногда находитъ, но на *свободу* — никогда“. (III, 160).

И это мы видимъ теперь своими глазами. Русскіе революціонеры, плагиаторы и рутинеры по шаблонамъ запада, на зарѣ освобожденія обнаруживаютъ столько деспотизма и тиранніи, что давно уже набили рекордъ злѣйшихъ тиранновъ міра. Западъ передалъ свое роковое наслѣдство русскимъ ренегатамъ и общая болѣзнь вскрылась прежде

всего среди младенчески довърчиваго и наивнаго поколѣнія подражателей и приспѣшниковъ чужой мудрости.

„Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842—1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣже. Но тогда я не зналъ запада, т. е. зналъ его книжно, теоретически—и еще больше любилъ его всею ненавистью къ петербургскимъ порядкамъ. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ социальный вопросъ, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его,—и отъ того былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня,—но за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ-же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

„Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ. Паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ; оно меня снова привело *домой*.

„Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыхъ разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а напротивъ есть *земля подъ ногами* и увѣренность, что *она его*.

„И вотъ пятнадцать лѣтъ я проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шель своей дорогой. Пришла крымская война,—смѣхъ смѣнился свистомъ, клеветой... Но я шель своей дорогой. По странной ироніи мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на западъ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ“. (VI, 284).

II.

Старая ложь.

Повидимому, ясно. Герценъ самъ, своими собственными словами формулируетъ мысль, которую онъ проповѣдывалъ пятнадцать лѣтъ,

которую онъ сохранилъ до конца жизни, въ которой завѣтное его убѣжденіе. Онъ *былъ* западникомъ и пересталъ имъ быть. Но влюбленные—по плохому портрету—и мало освѣдомленные его поклонники изъ лагеря западниковъ никакъ не могутъ съ этимъ примириться. Они хотятъ быть больше строгими Герценами, чѣмъ самъ Герцень, т. е. послѣдовательными западниками, какимъ Герцень не былъ.

Это особый видъ партійнаго дальтонизма. Они не хотятъ видѣть того, что у нихъ передъ глазами, и представляются слѣпыми. Чтобы сохранить свою младенческую вѣру въ Герцена, они не вѣрятъ Герцену, а вѣрятъ его тенденціознымъ и невѣжественнымъ комментаторамъ, которые создали изъ его осколковъ западническаго фетиша и поклонялись своей суевѣрной мечтѣ, не считаясь съ дѣйствительностью.

Свою позицію они защищали самыми террористическими средствами, предавая то либеральной, то радикальной, то просто нигилистической анаемѣ всякаго, кто имѣлъ мужество говорить правду. Для этой цѣли сфабриковано много мнимо-литературныхъ формъ запугиванья, шуллерства и скоморошества. Пользуясь умственнымъ и теоретическимъ одичаніемъ русской интеллигенціи и такъ называемой „мыслящей Россіи“, давно утратившей способность и умѣнье мыслить, литературные кондотьеры подъ угрозою отлученія заставляютъ читателей видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И тѣ, по силѣ смиреннаго и всесторонняго невѣжества,—*видятъ*. Эта одна изъ многочисленныхъ формъ умственнаго упадка нашей лѣнливой и праздною, но деспотической въ своемъ безграмотствѣ интеллигенціи.

Но эти полемическіе и публицистическіе фокусы безнаказанно могли сходить съ рукъ только тогда, когда Герцень былъ подъ спудомъ. Теперь, чтобы, съ прежнею увѣренностью продолжать эту нечистую игру и врать, нужно особое своеобразное мужество. Мы приводили подлинныя слова Герцена, чтобы никакихъ недоразумѣній не было. Если въ томъ, что вышло въ свѣтъ за послѣднее время въ русскомъ изданіи Герцена, или въ томъ, что было исключено цензурою, Герцень высказывалъ не эти, а другія, противоположныя мысли, пусть ихъ дословно приведутъ поклонники измышленнаго Герцена и только тогда будетъ возможенъ споръ по документамъ, а не по сомнительнымъ тенденціямъ партійной изворотливости. Но такихъ словъ

Герцена они никогда не приведутъ, потому что такихъ словъ нѣтъ. Кромѣ того, рѣшающимъ и послѣднимъ доказательствомъ въ этомъ спорѣ является то, что сущность подлинной „идеологiи“ Герцена заключается именно въ этихъ выводахъ; что безъ нихъ Герценъ и не былъ-бы Герценомъ, что именно въ нихъ все его права на самобытность и оригинальность, что безъ нихъ онъ безслѣдно потонулъ бы въ безличномъ стадѣ многоименныхъ, но всехъ на одно лицо русскихъ западниковъ.

Стройность и гармоничность воззрѣній Герцена съ логическою необходимостью требуетъ именно этихъ выводовъ, а не какихъ-либо другихъ, потому что только они соответствуютъ его послылкамъ.

Убѣдиться въ этомъ — нетрудно.

III.

Нищета современной идеологии.

Почтальоны, которые перестали носить письма, кондуктора и смазчики, которые остановили желѣзнодорожное движеніе, вооруженный и чуть не до-гола обнаженный пролетаріатъ, адвокаты изъ судовъ и фармацевты изъ аптекъ, „сознательные“ борцы за свободу изъ матросовъ и слезоточивые трусы изъ офицеровъ, даже члены союза союзовъ, даже члены державной и правящей рабочей организациі, — знаютъ-ли они, за что они подняли красное знамя, за что они проливаютъ кровь, — чужую, конечно, — чѣмъ они могли-бы оправдать свой произволь и свое насиліе?

Быть можетъ, они слышали уличные и площадные девизы и усвоили ихъ звуковой обликъ, не зная ихъ содержанія. Быть можетъ, они слышали прихотливыя сказки о рѣкахъ молочныхъ и берегахъ кисельныхъ, которыхъ такъ много въ книжкахъ и которыхъ никогда не было въ дѣйствительности, нѣтъ теперь и не будетъ никогда. Быть можетъ, ихъ соблазняетъ уличная кутерьма и убогая роскошь процесій съ красными знаменами.

Людямъ, дѣйствительно обездоленнымъ, достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы глупо и грозно производить безтолковое движеніе,

если имъ будто-бы „ученые“ люди общаются журавля въ небѣ. Они легкомысленны и легковѣрны, потому что опытъ исторіи имъ совершенно неизвѣстенъ, а сулятъ имъ золотой вѣкъ „господа“, которыхъ теперь въ участокъ не тащатъ. Если рабочій, не перевирая иностранныхъ названій, связно скажетъ два членораздѣльныхъ слова,—и то изъ книжки, или съ чужого голоса,—вся передовая пресса приходитъ въ умиленіе отъ его непомѣрной идейности. Вѣдь и пресса наша въ своей идейности и убѣжденности недалеко ушла отъ полуграмотнаго рабочаго.

Нѣтъ нужды давать себѣ отчетъ въ теоретическихъ основаніяхъ движенія и многочисленному классу такъ называемыхъ агитаторовъ и пропагандистовъ. Они бунтуютъ народъ. Въ этомъ вся ихъ цѣль и вся ихъ философія. Они торгуютъ въ розницу и въ разность тѣмъ товаромъ, который имъ сбываютъ въ радикальныхъ газетахъ и въ передовыхъ ежемѣсячникахъ.

Какой-же товаръ они получаютъ у этихъ оптовиковъ? Самый гнилой и самый залежалый. На почвѣ нелѣпой теоріи о фатальномъ прогрессѣ и стихійной общественной эволюціи имъ дадутъ соблазнительный и произвольный выводъ, будто-бы законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, и толкуютъ этотъ выводъ съ самымъ мальчишескимъ легкомысліемъ. На западѣ была конституція, значить и у насъ должна быть конституція. Революція была, подавай ее и намъ. Тамъ забастовки, и у насъ забастовки. И все это безъ пониманія дѣла, на авось, съ дикимъ разгуломъ и свирѣпой непреклонностью.

Прогрессъ—знаетъ, куда вести. Онъ ведетъ все впередъ. И самое простое соображеніе никому не приходитъ въ голову. „Идя безъ оглядки впередъ,—говорилъ Герценъ,—можно затесаться, какъ Наполеонъ, въ Москву и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины“ (V, 446). Наши Наполеоны не имѣютъ маршрута и географической карты, идутъ впередъ, но не знаютъ, куда и зачѣмъ, въ надеждѣ, что прогрессъ, какъ и всякая кривая, вывезетъ.

Они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго, но они удивительно знаютъ будущее, потому что все будетъ точно такъ, какъ было на западѣ. Другихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ этомъ всѣ вѣрованія и убѣжденія нашей интеллигенціи. Кромѣ этого

ничтожнаго и нищенскаго софизма, у нея ничего за душою нѣтъ. И когда кровь перестанетъ литься, когда первобытная одичалость животныхъ страстей уляжется, когда люди поймутъ преступность и омерзительность своего бессмысленнаго движенія и спросятъ у своихъ вожаковъ, во имя чего ихъ завели въ грязное и кровавое болото,—какой отвѣтъ дадутъ тупые властители смутныхъ думъ? Скажутъ-ли они имъ, что это была только схоластическая полемика, защита академической диссертациі, идейный экспериментъ за счетъ револьвернаго мяса?.. А на самомъ дѣлѣ, это вѣдь такъ. Революція, прежде чѣмъ выйти на улицу, жила въ идейномъ мозговомъ туманѣ доктринеровъ и мечтателей, которымъ страстно хотѣлось, чтобы всѣ люди и народы были лицо въ лицо и шаблонъ въ шаблонъ.

Настоящій терроръ льетъ настоящую живую кровь: меньшинство путемъ кровавой бойни навязываетъ свою волю большинству. Но это меньшинство мыслью, творчествомъ и опытомъ—мертво, книжно и неживѣственно. Его убило убожество его идеологіи. Пока люди далекихъ идеаловъ, непризнанные возстановители правъ разума въ пестрой сказкѣ исторіи, не перестанутъ мѣшать другимъ людямъ жить по своему уму и по своей совѣсти, революція не кончится, потому что въ тираннической свободѣ меньшинства жить нельзя. Нынѣшняя революція, всегда книжная и отвлеченная, начинается съ того момента, когда педанты и рутинеры начинаютъ утверждать, что люди и народы всегда и во всемъ похожи другъ на друга, что исторія постоянно и во всемъ повторяется, что неудержимая эволюція творила чудеса, мѣняя людей во мгновение ока въ какую-то совершенно новую породу двуногихъ. А такъ какъ новой породы не является, то подъ ея флагомъ показываютъ на балаганныхъ подмосткахъ нравственные и умственные отбросы здороваго человѣческаго общества.

IV.

Идейный спортъ.

Герцень не только былъ-бы, какъ онъ и былъ, но и остался-бы, чего къ счастью не случилось, западникомъ, если бы онъ усвоилъ себѣ эту форму теоретическаго помѣшательства. Но онъ былъ слиш-

комъ трезвъ и здоровъ, чтобы опьянѣть на этой безпутной вакханалии.

„Путь челоѳчества неизвѣстенъ“, — писалъ онъ въ январѣ 1843 г., писалъ въ „Дневникѣ“, т. е. въ ту пору, когда такъ легко отдавался всѣмъ теоріямъ и гипотезамъ, когда весь отъ головы и до пятъ былъ западникомъ. Но эта мысль засѣла глубоко въ его мозгу и осталась тамъ до его смерти.

„Пути исторіи, пути природы отъ того такъ и кажутся намъ неисповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаются безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры“ (VI, 311).

„Пути развитія очень туги и непросты въ природѣ, въ исторіи: они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполне (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими, намъ неизвѣстными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали свое наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтиозавры — слонамъ и крокодиламъ, Египеть и Индія — Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку, — стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, одностороннія фазы ихъ со всею страстностью и увлеченіемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полаго* идеала своего“ (V, 332).

Это легкомысленная ошибка всѣхъ мечтательныхъ оптимистовъ. На нашихъ глазахъ начиналось столько новыхъ эръ и эпохъ, что міръ будто бы за это время вертѣлся волчкомъ и торопился тащить катаклизмами и катастрофами вѣчно юныхъ педантовъ и доктринеровъ. Плохъ тотъ журналистъ, который на своемъ вѣку не отмѣтилъ дюжины новыхъ эпохъ. Все течетъ, все льется, все мѣняется, всюду новыя формы и новыя породы. Это, конечно, характерный признакъ самоувѣреннаго невѣжества. Все ново для того, кто не знаетъ стараго. Для людей этого типа старое такъ-же неинтересно и безразлично, какъ и настоящее. Они всѣ въ будущемъ, потому что мечтаютъ и гре-

зить гораздо легче, чѣмъ познавать и изучать. Таково постоянное свойство лѣниваго мышленія.

Если мышленіе на протяженіи вѣка обнаружило такую легковѣсность и поверхностность, необходимо допустить, что оно надолго останется такимъ-же и долго не измѣнитъ своей старой привычкѣ. Нужны новыя породы людей неистощенныхъ и свѣжихъ, которые могли-бы перестроить всю систему познанія и мышленія. Кровь нашихъ интеллигентныхъ поколѣній такъ испорчена и истощена, что отъ нихъ, не обнаружившихъ творческой способности на протяженіи вѣка, смѣшно было бы ждать личнаго опыта и личной наблюдательности. Съ наслѣдственною привычкою жить чужимъ умомъ, они не носятъ въ себѣ и не передадутъ потомству умѣнья пользоваться своей головой для надобностей личной и общественной жизни. Ихъ мозгъ парализованъ идейнымъ рабствомъ и только это рабство они могутъ передать потомству, какъ свое наслѣдство. Поэтому они не могутъ и не должны дѣлать никакого живаго дѣла и жизнь такъ или иначе устранить ихъ съ общественной арены, такъ какъ они здѣсь не только бесполезны, но по легковѣрїю и легкомыслію прямо вредны.

Не здоровой молодостью, но безсильной, апатичной и застывшей въ узкомъ эгоизмѣ старостью вѣветъ отъ этой закоренѣлой идеологїи. Всѣ пути испробованы и изжиты. Новаго въ мірѣ нѣтъ ничего и никогда не будетъ. Шаблоны исторїи будутъ повторяться изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ. Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, какъ говорилъ ветхозавѣтный когелеть.

Кто сталъ на эту дорогу, тотъ дряхлѣ и немощенъ духомъ, какъ старецъ на краю могилы, хотя бы по годамъ и здоровью это былъ цвѣтущій юноша. Онъ уже несетъ смерть въ себѣ и для жизни не нуженъ. Его дѣло кончено. Онъ не повѣритъ и жизни, когда она развернетъ передъ нимъ пеструю и разнообразную картину своихъ типовъ, своихъ видовъ, своихъ явленій. Онъ наскоро наклеитъ старый ярлыкъ на новое явленіе, хотя бы онъ къ этому явленію совсѣмъ не подходилъ, и пройдетъ мимо. Только самое общее, самое формальное, т. е. безжизненное и бессодержательное въ жизни ему по книжкѣ чуть-чуть знакомо.

Его бѣда въ томъ, что ничто другое его и не интересуеть. Онъ близорукъ, его кругозоръ тѣсенъ, онъ старецъ, покончившій счеты съ

жизнью и равнодушный по ея кипучей энергіи. Ему кажется, что онъ все знаетъ, когда знаетъ два десятка отвлеченныхъ терминовъ, чтобы ими, какъ пентаграммой, оградить себя отъ живыхъ впечатлѣній и прожить всю жизнь въ душевной кельѣ отшельника-мечтателя.

Ему кажется, что его не понимаютъ. Но это только потому, что онъ никого и ничего не понимаетъ. Въ минуты идейнаго изступленія онъ выходитъ на площадь съ бомбой и револьверомъ, чтобы отрицать и разрушать,—прямолинейный и ограниченный, какъ схоластикъ. И какъ-же онъ сердится, когда ни бомба, ни револьверъ ни къ какимъ результатамъ не приводятъ! Кромѣ насилія, у него никакихъ средствъ нѣтъ,—кромѣ идейнаго произвола, нѣтъ никакихъ побужденій. Онъ разрушаетъ, потому что ненавидитъ жизнь и людей,—ненавидитъ за то, что они не подходятъ къ его педантической мѣркѣ. Онъ не ищетъ, потому что онъ все нашель.

У него нѣтъ пытливости, потому что онъ, какъ ему кажется, уже владѣетъ всевѣдѣніемъ. У него нѣтъ снисходительности и прощенія, потому что онъ не видитъ и не хочетъ видѣть живыхъ людей, а живетъ въ мірѣ грезъ и фантазій.

Поколѣніе современныхъ революціонеровъ воспитано на книжкахъ и доктринѣ. Теперь въ ихъ бессознательной и бессмысленной дѣятельности мы видимъ всѣ характерные признаки ихъ воспитанія и ихъ дикой идеологіи. Никто не имѣетъ права жить по своему. Всѣ должны жить по произвольной и случайной доктринѣ. Смерть тому, кто захочетъ строить свою жизнь по своему уму. Легкомысленная проповѣдь историческаго монизма, т. е. того, что законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, уже таила въ себѣ сѣмена идейной, т. е. самой бессмысленной и нелѣпой революціи, предсказывала револьверы и бомбы, кровь и подлую забастовку.

Результаты революціоннаго эксперимента можно предвидѣть заранѣе. Педанты и доктринеры ошибались, потому что знали свои теоріи и не знали жизни. Новый строй жизни не падаетъ съ неба. Люди останутся людьми и подъ легкими переменными внѣшнихъ формъ сохранять основной типъ своей совѣсти и своей мысли. Силою вещей дикіе звѣри и хищники разойдутся по своимъ трущобамъ. Хулиганы не станутъ правителями и царями. Пролетаріи станутъ на свои мѣста, вынужденные всѣмъ строемъ общественной жизни отказаться отъ смѣшной меч-

тательности, отъ несбыточныхъ утопій. Подлые люди такъ и сохраняютъ за собою Каиново клеймо подлости.

Никакой переоцѣнки цѣнностей не произойдетъ. Плохой рабочей такъ и останется плохимъ рабочимъ и за плохой трудъ не получитъ баснословно огромной заработной платы. Дураки не станутъ и не будутъ признаны мудрецами, хотя бы они пролили моря крови. Вожаки революціи съ жиру бѣсятся, а когда придется поголодать и поработать, начнутъ бранить правительство за то, что оно допустило ихъ до революціи. Вѣдь наши революціонеры безъ правительства жить не могутъ: надо-же имъ кого-нибудь обвинять, кому-нибудь дѣлать оппозицію. Русскій революціонеръ безъ правительства не мыслимъ и для него немислимо объявить себя правительствомъ, потому что онъ неопытенъ, несвѣдущъ, не знаетъ и не понимаетъ дѣла и по привычкѣ долженъ будетъ агитировать противъ самаго себя.

Это идейный спортъ, „безопасный и бессмысленный“, — болѣе безопасный и бессмысленный, чѣмъ пугачевскій бунтъ.

Надо дивиться тому, что умные и почтенные люди не видѣли, что школы и университеты, газеты и журналы идейной убѣжденности проповѣдывали и проповѣдуютъ постоянную и непрерывную революцію. Единство законовъ историческаго развитія всѣхъ народовъ предполагаетъ уже кровавую и безконечную борьбу съ русскимъ народомъ, потому что онъ дома устроился по своему. Для того, чтобы доказать эту теоретическую догадку, надо извести весь русскій народъ, начиная съ черной сотни, духовенства, донскихъ и другихъ казаковъ, лавочниковъ и торговцевъ, ломовыхъ и дворниковъ, мясниковъ и краснорядцевъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и кончая самыми низшими слоями „темнаго и невѣжественнаго народа“. И никого эта перспектива не пугаетъ. Напротивъ, интеллигенція восторженно привѣтствуетъ эту программу. Проповѣдая истребленіе русскаго народа, она и не думаетъ о возможности такого же рѣшенія со стороны населенія, обреченнаго ими на упраздненіе.

Слабый и большой умъ, оупѣвшій и малоподвижный отъ постоянной праздности, ищетъ короткихъ путей, слишкомъ общихъ формулъ и всю сложность исторіи хочетъ перевязать тонкой идейной ниточкой, чтобы носить ее, какъ казенный пакетъ, у себя подъ мышкой. Ему кажется, что дорога передъ нимъ пряма и ровна, безъ сучка и задо-

ринки и пройти ее можно даже въ нетрезвомъ видѣ или въ при-
сядку.

V.

Остановка прогресса.

„При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ,—говорилъ Гер-
цень,—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то, что *не можетъ* от-
клониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому
вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей
отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ
иногда отклоненіе даетъ себя знать болью и тутъ часто боль является
слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы
сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не за-
мѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній. Возмож-
ность остановить отклонившееся, удержать набѣжавшее или догнать его
очень мала и мало желается; желаніе предполагало-бы всякій разъ
сознаніе и цѣль“ (V, 364).

Именно такое отклоненіе мы и видимъ въ исторіи нашей интел-
лигенціи за послѣдній вѣкъ. Съ половины XIX в. русскіе передовые
умы занялись переоцѣнкою цѣнностей, т. е. употребили всѣ усилія
подлое представить честнымъ, злое добрымъ, глупое умнымъ. Это
„отклоненіе“ завертывалось все круче, скользило внизъ по скату про-
пасти, а вожди челоувѣчества говорили, что это-то именно и есть про-
грессъ, что каждый новый ущербъ въ скудномъ и безъ того запасѣ
ума и совѣсти—огромный шагъ впередъ по пути эволюціи и теперь
нестерпимая боль во всемъ общественномъ организмѣ является резуль-
татомъ разложенія мозга, отравленнаго винными и идейными парами,
алкоголемъ и теоріей. Каждое паденіе внизъ торжественно провозгла-
шается подъемомъ по лѣстницѣ эволюціи и всякое загниваніе—ро-
стомъ то личности, то общества. Паденіе на дно считаютъ движе-
ніемъ впередъ и выше и при общемъ идейномъ восторгѣ справляется
триумфъ крайней реакціи и самаго дремучаго обскурантизма.

Прогрессъ—это щить, за которымъ скрывается всякая бездарность
и всякое нравственное уродство, хищническіе инстинкты черни и про-

тивоестественная порнографія сластолюбивыхъ мистиковъ, грубое невѣжество, прикрывающееся плащомъ мнимой науки, и безграничная алчность мародеровъ, расхищающихъ общее достояніе подъ флагомъ общаго блага.

Въ основѣ этого гнилаго и затхлаго мышленія лежитъ то глупое предположеніе, будто всѣ люди одинаковы, будто бы нѣтъ ни честныхъ, ни подлыхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ,—нѣтъ устойчивости въ добрѣ и злѣ, устойчивости типовъ природы и исторіи. Все это „массы“, нули, созданіе стихійной эволюціи, которая съ ловкостью и быстротою шуллера, мѣняетъ формы физической и общественной жизни, мѣняетъ всю поверхность вселенной и каждую секунду творитъ баснословныя чудеса. По общему убѣжденію—стихійная общественная эволюція проворнѣе блохи, быстрѣе и поворотливѣе юлы, перемѣнчивѣе Протея. Она чуть не каждый день создаетъ эры и полагаетъ новыя условія бытія и мышленія.

А исторія движется медленно и природа никуда не торопится.

„Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается,—по крайней мѣрѣ, становится скромнѣе, развивается исподволь—въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охладженія, она мѣняетъ свою кору понемногу: есть наводненія, нѣтъ всемирныхъ потоковъ, есть землетрясенія тамъ сямъ, нѣтъ всеобщаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ,—больше или меньше, въ ту или другую сторону, одно-стороннихъ. Они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а если-бъ перешагнули, то въ смыслѣ той-же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей... Если-бъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ пресвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти, что онѣ передовыя страны міра. Пока одни успокаиваются на достигнутомъ, развитіе совершается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готоваго*, совершившаго свой циклъ вида“. (V, 372).

Можно подумать, что это говорить не Герценъ, а Н. Я. Данилевскій. Такъ близка ихъ мысль даже по внѣшней формѣ. Очевидно, что наслѣдственный и преемственный прогрессъ самыхъ различныхъ народовъ по одной линіи,—этотъ чудовищный угорь зарпортововавшейся софистики,—не придушилъ живой и свѣжей мысли Герцена и не сдѣлалъ его жалкимъ рабомъ стихійности, т. е. бессознательности и безответственности.

VI.

Идейная лестъ толпѣ.

Забавень и поучителень тотъ поводъ, который побудилъ Герцена высказать эти азбучныя и простыя истины объ устойчивости типовъ исторіи и природы,—истины, убѣдительныя и доступныя даже для дѣтскаго пониманія, но давно забытыя передовыми умами.

Къ нему зашелъ одинъ изъ тогдашнихъ Милюковыхъ и обрушился на него всею тяжестью идейной декламации.

— Вы съ большою чуткостью,—говорилъ онъ,—производите діагнозу современнаго человѣка, да только, разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы говорите, что все это произошло отъ того, что пациенты—французъ или нѣмецъ. А тѣ, дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость, и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы вырѣзываете безъ оглядокъ, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы. И тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надобло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ,—не золотого тельца, а бараній тулупъ—да и давай ему поклоняться и славословить его: „абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, социальный“! Вы, который сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобы не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ ра-

сплюснуть до скуль и усы сардинскаго короля. Вамъ, что ни говори, какіе ни приводи факты, вы „въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ“ толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о много обѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему-же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей непереводившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ, отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно: исторія, филологія, статистика, неотразимые факты вамъ обоимъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако и я въ свою очередь скажу: надобно знать мѣру. Какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum*, и слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физиологіи должны идти по той-же дорогѣ*. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ "... (V, 401).

„Я ненавижу, особенно послѣ бѣды 1848 г.,—говорилъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ,—демагогическую лесть толпѣ. Но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше“. (II, 24—25).

Нашимъ Милоковымъ никакъ не уйти съ честью изъ этого Кавдинскаго ущелья. Въ мирное время они не находятъ достаточно оскорбительныхъ словъ для „темнаго и невѣжественнаго“ народа, во имя своей мнимой культурности всячески бранятъ и поносятъ его. Въ немирное время они ползаютъ передъ нимъ на брюхѣхъ и „вооруженный народъ“ становится ихъ фетишемъ, ихъ послѣднею надеждою, самымъ грознымъ и величавымъ изъ ихъ девизовъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, и въ томъ и другомъ случаѣ донъ-Кихоты научности и революціи въ обоихъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ вѣтрянными мельницами и въ имени народа воплощаютъ свои домотканныя бредни.

„Ученый другъ мой, — говоритъ Герценъ про своего софиста-собесѣдника, — приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ за *несомнѣнный фактъ*, за *несомнѣнный физиологическій законъ*, что, если *русскіе* принадлежать къ европейской семьѣ, имъ

предстоитъ таже дорога и таже развитіе, которое совершено романо-германскими народами. Но въ сводѣ фізіологическихъ законовъ такого § не имѣется“ (V, 402).

Такъ изъ мечтательнаго невѣжества создается современная научность! Свои случайныя мечты разные Милюковы выдаютъ за послѣднее слово науки и „мыслящая Россія“, съ наукою незнакомая, вѣрять имъ на слово.

VII.

Отвѣтственность въ исторіи.

Клиническая картина современнаго мышленія дополняется мечтательнымъ суевѣріемъ о всемогуществѣ стихійнаго общественнаго процесса и о полномъ безсиліи личности. Можетъ быть, именно изъ этого потаеннаго сознанія о ничтожествѣ личности, выброшенной изъ жизни и плавающей въ идейномъ эфирѣ „безъ руля и безъ вѣтриль“, и вызванъ этотъ видъ холопскаго идолопоклонства. Обособленная личность не знаетъ, что надо дѣлать и куда идти, поэтому не сознаетъ отвѣтственности за свою прихотливую блажь, чувствуетъ себя „самодержавной“ для всякой порочности и всякаго преступленія и поэтому въ общественной жизни требуетъ для себя амнистіи, возлагая отвѣтственность за себя на среду, ходъ событій и эволюцію. Если судить по идеологіи, люди еще никогда не были такъ ничтожны, такъ плутоваты и трусливы, такъ лѣнны и лукавы, какъ въ наши дни.

„Чѣмъ кончилось польское возстаніе, невозможное по несоразмѣрности силъ?

„Какое теперь на совѣсти тѣхъ, которые подталкивали поляковъ?

„На это говорятъ наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

„Избраніе путей исторіи не въ личной власти; не событія зависятъ отъ лицъ, а лица отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная, до чего доплывемъ“.

„Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманіемъ, съ личной энергіей. Личность соз-

дается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носят на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ силъ намъ не по росту. Чтобы стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичомъ, палачомъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣдѣнія, дикій фанатизмъ и своего рода младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать передъ своею совѣстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу“. (V, 449—450).

Аттила не боялся отвѣтственности за свои разбойничьи подвиги. Онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ставить себя выше всякой отвѣтственности. Но Аттилы нашихъ дней — жалкіе трусы. Чтобы не подвергнуться отвѣтственности, они кричатъ, будто бы пакостятъ и безчинствуютъ для блага человѣчества. Если возьметъ верхъ противная партія, они не будутъ каяться даже въ теоретической ошибкѣ: въ жизни и въ исторіи *все* стихійно, т. е. *все* глупо и при универсальной глупости личностей никто за свою собственную глупость не отвѣтчикъ. Тамъ, гдѣ за все отвѣтственность несутъ на себѣ среда и эволюція, нѣтъ цѣлей въ жизни, нѣтъ смысла въ дѣятельности, нѣтъ совѣсти въ сердцахъ, нѣтъ ума въ засохшемъ мозгу.

VIII.

Разбитыя надежды.

Это мертвое механическое мышленіе, эта истощенность анемичнаго мозга, эта ограниченность пониманія — могутъ и должны возбуждать самыя тревожныя опасенія для будущаго. Всѣ передовые умы полны мечтами о счастья, но все счастье у нихъ сводится только къ сытости. Дальше ихъ фантазія не идетъ. Въ грезахъ объ этомъ „золотомъ вѣкѣ“ интеллигенція живетъ отъ колыбели до могилы.

„Часть образованнаго міра страждетъ стародѣвическою тоской — о счастья, которое она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобы твердо рѣшиться на вдовство безъ замужества, хнычетъ о

томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... Что дѣлать? Не увезъ,—а теперъ поздно...

„Люди досаждаютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ, и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того, что есть“.. (V, 391).

„Мудрено-ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ на то, что невозможное нами пренебрегаемъ: возмущаемся противъ естественныхъ формъ жизни и покоряемся произвольному вздору“. (V, 177).

Жизнь, которую передовые умы называютъ жизнью, только призрачное существованіе, повеселый монотонный досугъ людей сытыхъ и праздныхъ, платоническій порывъ импотентовъ. А реальная жизнь—внѣ круга ихъ наблюденія, внѣ ихъ контроля, внѣ ихъ вліянія. Они, какъ имъ кажется, ушли слишкомъ высоко, такъ высоко, что дальше и дороги нѣтъ.

„Фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго, эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это-то и есть *вершина*. Гора окончена. Выше, дальше—холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться? Отчего нельзя продолжать? Отчего Монбланъ не стоитъ на Чимборазо и Гималай не продолжаетъ ихъ? Какова была гора“? (V, 369—370).

Какъ бы ни была высока эта гора, но на ней тѣсно и холодно. Съ нея надо спускаться: ни климатъ, ни флора, ни фауна не соотвѣтствуютъ организму жителя долинъ. Эта гора—только мгновеніе, только случайный подъемъ. Ночевать на ней нельзя. *Нудо* спускаться и, спускаясь, крѣпко подумать, истина-ли то, что считалось за истину и разумъ-ли то, что привело насъ къ этой туманной и никому не нужной истинѣ. При свѣтѣ этого вопроса горный туманъ пропадаетъ. Горы—для туриста, а не для поля или пастбища.

„Тому, кто прозрѣлъ эту европейскую Майю, которая гораздо прозрачнѣе и безтѣлеснѣе великой Майи индусовъ, скучно и сиротливо-

живется на свѣтѣ. Безсиліе того, что привыкли называть умомъ, наукой, прогрессомъ, цивилизаціей, искусственность и вымученность модной идейной декламации, нелѣпость риторическаго паэоса, дешевая гниль напускнаго негодованія, дѣтская наивность глупаго восторга, шаблоны проклятій и благословеній—весь пестрый маскарадъ идейнаго балагана—передъ строгимъ испытующимъ взоромъ обнажаетъ все свое духовное ничтожество, свою рыночную продажность, свое уличное фокусничество.

„Мнѣ-же особенно посчастливилось,—говоритъ Герценъ.—Мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники. Не стоило смотрѣть въ атласъ, ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологии: болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами“.

„Десять лѣтъ!

„Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь,—въ то, что дѣлалось вокругъ. Но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобратъ на лбу этихъ людей ццероновское *vixent!*“

„Съ каждымъ днемъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе этихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтряность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапелляціонный критеріумъ, и привычка—не доказательство. Иногда я приостанавливаюсь. Мнѣ кажется, что лучшее время пришло. Я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется, напримѣръ, будто стѣсненное слово во Франціи вырастаетъ въ мысль... Я жду, надѣюсь... Бываетъ-же иногда и исключеніе! Будто что-то брезжить... Нѣтъ, ничего!“ (V, 366).

IX.

Вѣра въ Россію.

Но въ этой безпроглядной ночи вдругъ загорѣлся новый свѣтъ, совсѣмъ неожиданный и даже невидимый для каждаго настоящаго западника. *Lux ex oriente!* Въ безрадостномъ и безутѣшномъ пессимизмѣ, къ которому привелъ Герцена трезвый и строгій анализъ холодной

интеллигенціи съ ея мечтами и теоріями, пробилась брешь. Въ сознаниѣ вмѣсто книжной пыли проникла живая, непочатая сила съ инымъ кругомъ понятій, съ иною совѣстью, съ другимъ складомъ жизни. Нашлось что-то такое, что спасло Герцена, какъ отъ барскаго эпикуреизма, такъ и отъ идейнаго омертвѣнія мозга.

Была минута, когда ему было очень тяжело, когда онъ боялся за свою послѣднюю крѣпкую вѣру.

„Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій?... Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?“ (II, 394).

Но эта вѣра не измѣнила Герцену. Отъ нея отвыкать не пришлось.

„Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

„Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели“ (V, 2).

Какъ же родина могла сдѣлать то, чего не могли сдѣлать чужіе края?

„Условія, свойства русской жизни, русскаго бытія—иные, оригинальныя, *свои*. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто ни хочетъ. Особенность-же его ставится ему въ преступленіе на томъ основаніи, на которомъ французъ не можетъ простить англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а англичанинъ французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостью и остается при одномъ негодованіи“ (VI, 221).

„Пусть узнаютъ европейцы своего соотѣда. Они его только боятся. Надо имъ знать, чего они боятся.

„До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надежды и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались нѣмца для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

„Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Не знаю,—надѣюсь“ (V, 173).

Нѣмецъ, рекомендовавшій насъ Европѣ, это, конечно, Гакстгаузенъ.

„Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ,—не принималъ почти никакого участія въ се-

мейной хроникѣ запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою неспособность къ развитію или развить что-нибудь свое подъ влияніемъ благо и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и угла отраженія“. (V, 403).

„Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ: напротивъ того, очень молодъ,—писаль Герценъ И. Мишле („Русскій народъ и социализмъ“).—Умираютъ люди и въ молодости. Это бываетъ. Но это ненормально“. (V, 263).

И это совсѣмъ неожиданно? Въ прославленномъ западникѣ вы не предполагали чистокровнаго славянофила? Въ его послылкахъ вы не замѣчали необходимыхъ выводовъ? Вамъ трудно связать начала съ концами? Отъ васъ ускользнули промежуточные звенья въ стальной цѣпи логическихъ заключеній? Вы еще не вѣрите глазамъ и хотите провѣрить послѣднія станціи пройденной дороги?

Что-же? Можно будетъ сдѣлать и это для школьной наглядности, для тѣхъ умовъ, которые ощупью бродятъ по дорогѣ выводовъ.

Х.

Повторять-ли Европу?

Что-же скрывало и скрываетъ отъ запада и западниковъ важный и огромный фактъ яркой самобытности русскаго народа?

„Это одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ. Они думаютъ, что имѣютъ монополъ историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ и крамольнымъ. Все новое обижаетъ ихъ, какъ нелѣпость. Къ тому же они до такой степени привыкли думать и разсуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего, не подходящаго подъ нихъ. Въ той *неспособности* славянъ, въ которой нѣмцы видятъ низшую, недоразвившуюся *до нихъ* натуру, мы видимъ залогъ *нашего будущаго развитія*!“ (VI, 240).

А это главный козырь въ азартной игрѣ интеллигенціи. Въ Европѣ нѣтъ общественной жизни, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти. Творчество — истощено до тла. Единственная задача челоуѣчества — тащиться по кровавымъ слѣдамъ хищнаго запада и подражать ему во всемъ.

Но это сонъ идейнаго невѣжества. Когда факты дадутъ себя знать и теоріи упадутъ, ненависть и месть народа дадутъ понять интеллигенціи, что она ошиблась, что она спала, выпустивъ изъ рукъ компасъ разума и совѣсти.

„Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западную фасаду и формы безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется,—разбить-ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

„То, что въ Европѣ есть общечеловѣческое,—т. е. наука и больше ничего,—само собою принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ-ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту или мы разовьемъ какіе-либо иные историческіе элементы“? (VI, 318).

„Серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше, — европейское, уравновѣшенное, правильное, или наше хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то сколочены, а содержаніе вяло бродитъ или дремлетъ въ какомъ-то допотопномъ растворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

„Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ. Это тоже ясно. Но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть-ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ-бы онъ ни жилъ, какіе-бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, срастаніемъ черепныхъ костей и проч.? Или оно самобытный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ? И въ такомъ случаѣ не странно-ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ le secret de la comédie*, т. е. что со всѣмъ этимъ развитіемъ рано или поздно насъ такъ-же причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребетъ назадъ“... (VI, 274).

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и мы,

и Европа совсѣмъ не тѣ. И мы, и Европа стоимъ у какого-то предѣла. И мы, и она коснулись чертъ, которой оканчивается томъ исторіи.

„Тогда западные люди еще не знали своей границы. Они свой бытъ высокомѣрно принимали за идеаль всѣхъ народовъ. Они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался“...

„Тогда, униженные, забитые, и мы вѣрили въ западный бытъ и мы — тянулись къ нему.

„Теперь—западъ пошатнулся. Мы вышли изъ оцѣпенѣнья. Мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значить, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ изъ Петровской школы становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ,—мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ“. (VI, 274).

Давно это было сказано. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Но не впрокъ пошло мудрое и вѣрное предсказаніе Герцена. Петры Великіе не переводились среди идейныхъ дикарей. Теперь они разошлись во всю, работаютъ бомбами и дубинами и хотятъ повторить всю исторію запада отъ начала до конца. Надо надѣяться, что это послѣдній опытъ палачей и фанатиковъ. Жизнь не приметъ ихъ теорій и, какъ злокачественную грязь, выброситъ ихъ утопіи. Въ безсильномъ гнѣвѣ имъ придется сознаться, что ни фанатизмъ, ни тираннія не могутъ повернуть жизнь по указкѣ младенческой безграмотности. Когда рабочіе начинаютъ руководить интеллигенціей, это прежде всего свидѣтельствуеетъ о первобытномъ невѣжествѣ интеллигенціи.

„Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперешнихъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ, догнали-ли мы западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ-ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ей, мы можемъ стать на свои ноги и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги,—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ-ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязаніе на устройство, несрав-

ненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ“. (VI, 260—261).

XI.

Западъ и славянство.

„Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите, въ чемъ дѣло? Историческія формы западной жизни—въ одно и тоже время будучи *несравнимо-выше* политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманье развилось на западѣ, но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носить въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ—мать-ли, ребенокъ-ли, или какъ они примирятся,—этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

„Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ, и народный бытъ, неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ такъ-же мало можетъ идти, какъ Европа въ своей кожѣ. Что-же ему дѣлать? Слѣдуетъ-ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣки крови—до того-же выхода, до той-же идеи будущаго устройства и (невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И при томъ зная впередъ, что все это *не въ самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искусства. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную борьбу. Зачѣмъ-же еще представлять прошлую исторію цивилизації?

„А потому существенный вопросъ въ томъ, —*какъ* относится нынѣ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головой Медузы“. (VI, 278—279).

Въ этомъ освѣщеніи Герценъ ставитъ вопросъ и о славянскомъ мірѣ вообще.

„Чего домогается этотъ *нѣмой* міръ, прожившій въ постоянномъ

а parte, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ.

„Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

„Европа занята крестовыми походами. Славяне сидятъ спокойно дома.

„Европа развиваетъ феодальную систему, строитъ большіе города, составляетъ законодательства, основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ патриархальныя и демократическія учрежденія,—свою сельскую общину и вѣче.

„Часть этихъ народовъ еще не пробилъ. Они всѣ въ ожиданіи чего-то. Ихъ теперешнее status quo какое-то предварительное состояніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется“. (V, 305—306).

„Я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое „совершенствованіе человѣчества“. Природа и исторія плетутся себѣ со дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но идя только туда, гдѣ ворота открыты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*. Что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ,—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота. Если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ, и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по святой землѣ, подъ которой лежитъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько слезъ. Можетъ быть!“ (V, 338).

„О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно

Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много разъ. Мысль запада легко усваивается нами. У насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ необязателенъ. Для насъ все это одинъ костюмъ. Сверхъ того, на западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *незападный* бытъ былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Можетъ быть, западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзался. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человека *къ землѣ и къ ближнему*“ (VI, 314).

„Къ землѣ и къ ближнему“... Важно и то, и другое. Отношенія къ ближнему, конечно, еще важнѣе отношеній къ землѣ, хотя они неразрывно связаны между собою. Но Герценъ, смотрѣвшій на русскую деревню изъ дали европейскихъ столицъ, лучше видѣлъ внѣшнюю сторону мужицкаго уклада, т. е. его отношенія къ землѣ, а не духъ жизни, проявляющійся въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Тутъ, конечно, серьезной помѣхой былъ духъ матеріализма и эпикурѣйскій складъ мышленія, отъ котораго Герценъ никогда не могъ освободиться. Въ этомъ объясненіе неполноты и недосказанности его конечныхъ выводовъ.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о смертной казни.

(По поводу суждений о ней въ периодической печати).

«Царствіе Божіе внутри васъ есть».

Тревожныя событія нашего времени снова съ особенною силою выдвинули вопросъ о смертной казни. На него горячо откликнулась наша пресса. Въ ней раздались голоса православныхъ пастырей, юристовъ и прочихъ лицъ. Одни высказались за смертную казнь, принимаемую въ крайнихъ случаяхъ. Другіе негодующе протестовали противъ смертной казни и назвали сторонниковъ ея „палачами“ и „убійцами“!.. Очевидно, „Юпитеры“, потерявъ душевное равновѣсіе, забыли, что вопросъ о смертной казни имѣетъ свою вѣковую исторію; что онъ является своего рода „Гордіевымъ узломъ“, котораго нельзя разсѣчь однимъ взмахомъ пера; что положительно рѣшали его Кантъ, Гегель, Сталь, Тренделенбургъ и другіе *философы и мыслители*.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ собственно сужденія православныхъ пастырей, высказавшихся въ прессѣ противъ смертной казни. Что касается другихъ лицъ, преимущественно юристовъ, то о нихъ мы скажемъ коротко.

Въ своемъ отрицаніи смертной казни эти лица исходятъ изъ ложныхъ воззрѣній на сущность права. По установившемуся мнѣнію, подъ правомъ разумѣется организованная защита отношеній гражданъ въ данномъ государствѣ ¹⁾. Тамъ, гдѣ такая защита признана, „сила перестаетъ быть правомъ, а право становится силою“ ²⁾. Сила права заключается въ томъ, что оно въ своемъ сохраненіи и осуществленіи опирается на могущественную государственную власть и является воплощеніемъ идей правды и справедливости. Правдѣ присуща идея возмездія. И право посему требуетъ наказанія. Такъ что право прояв-

¹⁾ См. книгу Іеринга.—Цѣль въ правѣ. Русскій переводъ.

²⁾ Проф. Фойницкій. Курсъ уголовн. судопр. Изд. 2; стр. 126.

ляется или въ формѣ исполненія, или въ формѣ возмездія. Въ послѣднемъ случаѣ власть, призванная осуществлять и охранять право, выступаетъ „отмстителемъ въ наказаніе дѣлающему злое“ (Римл. 13, 4). Этимъ путемъ право восстанавливаетъ и подтверждаетъ за собою „всеобщее признаніе“ (Гегель), наглядно доказываетъ, что „нравственный порядокъ господствуетъ“ (Сталь). Наказаніе является собственно необходимою реакціе права противъ его нарушителей. Степень реакціи зависитъ отъ силы нарушенія. Отсюда съ неумолимою логикою вытекаетъ пропорціональность отношеній между преступленіемъ и наказаніемъ. Это требуется природою права, коренящеюся въ немъ идеею справедливости. За абсолютное преступленіе — убійство должно быть и абсолютное возмездіе — смертная казнь преступника... И законодательство, налагающее за убійство не смертную казнь, а только ограниченіе свободы, не соблюло бы закона, охраняющаго жизнь, во всей его святости; слѣдовательно, оно далеко не было-бы человѣчнымъ, напротивъ того, оно отреклось-бы отъ уваженія къ человѣческой жизни, было-бы несправедливымъ законодательствомъ (Сталь). Нѣтъ никакой соразмѣрности между жизнью, какъ-бы она ни была горька, и смертью, и такъ какъ жизнь обнимаетъ все существованіе, то и наказаніе за нее не можетъ заключаться ни въ какомъ иномъ возмездіи, какъ только опять въ лишеніи жизни (Кантъ и „Philos. des Rechts“ Гегеля). Правда, въ большинствѣ случаевъ нужно ограничить смертную казнь; но если упразднить ее закономъ, то за преступникомъ будетъ признано право на жизнь, котораго онъ не имѣетъ, отчего произойдетъ путаница въ понятіяхъ о правѣ, основывающихся на пропорціональности отношеній (Тренделенбургъ). И если, по мѣткому выраженію Іеринга, изъ двухъ заповѣдей: „не дѣлай беззаконія“ и „не терпи беззаконія“, — въ практической жизни болѣе важна вторая заповѣдь, менѣе — первая, то на ряду съ второю заповѣдью можно поставить заповѣдь: „наказывай соотвѣтственно преступленію“!..

Между тѣмъ, подъ влияніемъ гуманизма и зародившихся въ Италіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ золотой вѣкъ естественныхъ наукъ, идей криминальной антропологіи въ наукѣ уголовнаго права произошелъ переворотъ. Центръ тяжести съ преступленія былъ перенесенъ на преступника. Со всею силою былъ выдвинутъ вопросъ: что-же такое преступникъ? И хотя этотъ вопросъ доселѣ не разрѣ-

шенъ, но подъ его вліяніемъ образовался въ наукѣ новый взглядъ на наказаніе, какъ *на средство исправленія преступника*. Понятно, что этимъ взглядомъ въ корнѣ подрывалось основное требованіе права, чтобы наказаніе соотвѣтствовало преступленію. Высшимъ преступленіемъ считалось лишеніе жизни. Но оно уже не могло влечь за собою и высшее наказаніе—смерть преступника. Жизнь послѣдняго была неприкосновенна и подлежала только исправленію. Отсюда шло отрицаніе смертной казни. Такимъ образомъ, общественное благо, охраняемое и олицетворяемое правомъ, приносилось въ жертву благу „преступнаго чловѣка“. Возвращался старый порядокъ, гдѣ „сила была правомъ“, потому что общество, не находя организованной защиты своей безопасности,—защиты отъ убійць въ правѣ,—вынуждалось къ самоохранѣ на личный произволь каждаго. Становилось яснымъ, что право не можетъ имѣть своею задачею исправленіе преступника; иначе оно перестанетъ быть правомъ. Милость къ преступнику, стремленіе исправить его—все это служить предметомъ не права, а христіанской любви, которая осуществляетъ право и сочетаваетъ съ нимъ—милость къ преступнику, въ зависимости отъ его внутренняго состоянія, стараніе исправить его. Здѣсь Церковь подаетъ государству руку. Здѣсь случается: „милость превозносится надъ судомъ“ (Іак. 2, 13); „превозносится“, но не отмѣняетъ справедливости права, суда! Когда-же подъ вліяніемъ ложно понятой гуманности и разныхъ вліяній въ наукѣ, въ правѣ водворяется милосердіе на счетъ справедливости, когда рушится основа права, т. е. требованіе пропорціональности отношеній между преступленіемъ и наказаніемъ, тогда преступления теряютъ свой ужасъ и преступникъ перестаетъ „бояться носящаго мечъ“ (Римл. 13, 4). Гибельныя послѣдствія отъ этого неисчислимы!.. Почему въ европейскихъ кодексахъ доселѣ существуетъ смертная казнь, какъ высшее наказаніе за крайнее преступленіе.

Теперь рассмотримъ сужденія православныхъ богослововъ, высказавшихся въ прессѣ противъ смертной казни.

Съ наибольшою подробностью эти сужденія изложены въ „Голосъ священника о смертной казни и объ убійствѣ, какъ средствѣ политической борьбы“¹⁾.

¹⁾ «Волна» 1906 г. 1 янв. Харьк.

Опуская въ немъ все несущественное и къ дѣлу не относящееся, мы разберемъ только основныя положенія „Голоса“.

Впрочемъ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу весьма характернаго обвиненія, брошеннаго „Голосомъ“ пастырей по адресу тѣхъ, которые „молчатъ“ по вопросу о смертной казни.

„Мы всѣ—убійцы и палачи, пишутъ пастыри, если допускаемъ смертную казнь, если не кричимъ, не протестуемъ противъ нея. Молчаніе знакъ согласія, и мы, если молчимъ, то eo ipso соглашаемся“. Невольно хочется спросить „любвеобильныхъ“ пастырей-прокуроровъ, кто-же призналъ, что „молчаніе знакъ согласія“?

Житейскій обиходъ? Жаль, что пастыри въ такомъ источникѣ черпаютъ мудрость для составленія столь грозныхъ обвинительныхъ актовъ! Впрочемъ, при желаніи покопаться въ томъ-же арсеналѣ лучше, можно найти тамъ и другое: „слово—серебро; молчаніе—золото“. Значить, молчаніе не всегда—знакъ согласія!.. И въ Библии на счетъ молчанія сказано: „всему свое время... время молчать, и время говорить... бываетъ обвиненіе, но не во время, и бываетъ, что иной молчитъ—и онъ благоразуменъ. Иной молчитъ, потому что не имѣетъ, что отвѣчать; а иной молчитъ, потому что знаетъ время. Мудрый человѣкъ будетъ молчать до времени, а тщеславный и безразсудный не будетъ ждать времени? Не давайте святыни псамъ, говоритъ Христосъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями. Ясно, что молчаніе молчанію рознь. Можно молчать, потому что „время молчать“; можно молчать, потому что нечего отвѣчать (Мѣ. 22 гл. 34 ст.); можно молчать, потому что время обсуждать: такъ или иначе; можно молчать, потому что согласны; можно молчать, какъ молчалъ однажды Христосъ (Іоан. 8, 3—7) и т. д. и т. д... Признать-же за молчаніемъ исключительно значеніе *согласія* и для „Голоса“ врядъ-ли будетъ удачнымъ? Вѣдь пастыри выразили въ немъ свой „крикливый протестъ“ только въ январѣ 1906 г. Значить, если держаться логики названныхъ пастырей, то *до этого времени* они своимъ молчаніемъ выражали *согласіе* на смертную казнь и, такимъ образомъ, были „палачами и убійцами“? Если-же окажется, что осужденіе смертной казни *всегда* гнѣзилось *въ душѣ* пастырей, то почему-же нельзя допустить этого и относительно другихъ душъ, которыя *en masse* причислены пастырями къ „убійцамъ“ и „палачамъ“

за одно только „молчаніе“!.. Не напрасно-же Писаніе говоритъ: „не дѣлайте другимъ того, чего себѣ не хотите“?!..

Но обратимся къ разбору основныхъ мыслей „Голоса священника“. „Нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе убійства“, заявляетъ „Голосъ“, разумѣя убійство тѣла человѣческаго. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить“—учить Христосъ. Разница, какъ видимъ, огромная! Въ „Голосѣ“ самымъ ужаснымъ признается зло физическое, въ Евангелии—зло нравственное. По Евангелію, всякій, убивающій душу человѣка, убиваетъ *всего* человѣка: и душу и тѣло его; а убивающій тѣло человѣка, далеко еще не убиваетъ и души его. Это—азбука Писанія!.. Къ сожалѣнію, „Голосъ“ старается оправдать себя даже Писаніемъ, указывая, что въ немъ-де діаволь—это „олицетвореніе зла“—называется „человѣкоубійцею“. Но наивность такой ссылки слишкомъ очевидна. Въ своей рѣчи къ іудеямъ Христосъ говорилъ о діаволѣ, какъ объ убійцѣ душъ первыхъ людей ложью (Іоан. 8, 44). Никакихъ тѣлъ человѣческихъ діаволь не убивалъ „отъ начала“ и въ раю похоронъ не было. Тамъ произошла смерть духовная. И только уже послѣ нравственной смерти появились, какъ ея необходимыя слѣдствія, на землѣ физическія болѣзни и, наконецъ, тѣлесная смерть (Римл. 5, 12 ст. и др.). Въ смыслѣ перваго убійцы душъ человѣческихъ діаволь и называется въ Писаніи „человѣкоубійцею“ и „отцомъ лжи“. Все это — „млеко“ Писанія!..

Если-же ужаснѣйшимъ зломъ по Евангелію является убійство души человѣка, то „Голосъ“, протестующій противъ „самаго ужаснаго на свѣтѣ“, долженъ былъ-бы „протестовать“ именно противъ отравы или убійства *душъ* человѣческихъ. Особенно—это долгъ пастырей Церкви, которые призваны насаждать Царство Божіе „внутри“ людей.

Но если пастыри, вмѣсто лѣченія душъ человѣческихъ, стануть бороться съ гнилыми плодами больныхъ душъ, да еще путемъ „крикливыхъ протестовъ“ и воплей: мы не допустимъ 1)..., то въ результатѣ

1) Характерны и весьма поучительны въ устахъ пастырей воогласы: „мы—всѣ убійцы и палачи, если допускаемъ смертную казнь, если не кричимъ, не протестуемъ противъ нея“.. Или: „мы протестуемъ противъ смертной казни и противъ убійства, какъ средства политической борьбы. Мы протестуемъ противъ всякихъ убійствъ, разстрѣловъ, погромовъ и избіеній кого-бы то ни было. Довольно крови!“ Комментаріи излишни..

получится еще горшее зло, еще большая сумятица. За призракомъ лѣченія, какъ за надежною ширмою, зло спокойно станетъ расти въ глубь человѣка. Нужно взять въ послушаніе истиннѣ душу человѣка и тогда гнилые плоды послѣдней, лишившись питанія, сами изсохнутъ. Всякая другая работа будетъ трудомъ Данаидъ...

Между тѣмъ „Голосъ“ не только этого не сознаетъ, но даже заявляетъ, что и солдатъ и революціонеръ, борющіеся за свои убѣжденія оружіемъ, — „оба правы, каждый со своей точки зрѣнія, оба честные, хорошіе люди“ ¹⁾ и посему „Голосу священника“ *одинаково* (?) жаль и убитого революціонера и солдата, убитого на своемъ посту. Признаемся, что ничего подобнаго мы не ожидали услышать отъ пастырей Церкви, у которыхъ должна быть *своя*, христіанская точка зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія они обязаны были оцѣнить по достоинству убѣжденія солдата, за которыхъ онъ пошелъ и убѣжденія павшаго въ битвѣ революціонера ²⁾. Двухъ правдъ для христіанскаго пастыря нѣтъ. Одно изъ двухъ: или солдатъ правъ, а революціонеръ неправъ; или наоборотъ. Если-же окажутся оба неправыми, то пастырь обязанъ съ кротостью повѣдать имъ правду и плѣнить ею души ихъ. Тогда кончится между ними и борьба за убѣжденія. Страдалецъ-же за правду всегда и вездѣ удостоивался не только неизмѣримо большей жалости, чѣмъ погибшій за неправду, но и память о немъ пребывала благословенной (Мѡ. 5, 11; 1 Петр. 2, 19—20; 2 Тим. 2, 5). Это также — „млеко“ Писанія!.. Да, пастырямъ Церкви Христовой надлежитъ выступать не съ „крикливыми протестами“, по духу и формѣ подобными прокламаціямъ, а съ увѣщаніемъ ко всеѣмъ творить отъ чистаго сердца дѣла Христовы, какъ единственно спасительныя для человѣка...

Но посмотримъ, что говорится далѣе въ „Голосѣ священника“. „Убийство — діаметрально противоположно любви... Господь Иисусъ Христосъ запрещаетъ Своимъ ученикамъ не только убійство, но и гнѣвливое, грубое отношеніе къ ближнимъ“... Такъ-ли? И во-первыхъ, *всякій*-ли гнѣвъ запрещенъ Христомъ? Въ Евангеліи сказано: „Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду“ (Мѡ. 5, 22). Значитъ, *не всякій*, а только *напрасно*

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Впослѣдствіи *два* изъ пяти пастырей, подавшихъ «Голосъ», внесли поправку въ пользу солдата — «Волна» № 5.

мый гнѣвъ преступенъ, какъ преступна и всякая неправда. Справедливый-же гнѣвъ былъ присущъ и Христу и Богу-Отцу и Апостоламъ, и это понятно, потому что божественная любовь „не безчинствуетъ“ и „не радуется неправдѣ“. Такъ: Христосъ „сѣ *гнѣвомъ*“ отнесся къ жестокосердымъ фарисеямъ (Мр. 3, 5) и однажды „*вознегодовалъ*“ даже на учениковъ Своихъ (Мр. 10, 14); Апостолы говорятъ намъ о „*гнѣвъ Божіемъ*“ на людей, упорно подавляющихъ истину неправдою (Рим. 1, 18; 2, 4—8; 12, 19), и свидѣлствуютъ, что „*гнѣвъ Божій*“ вполне мирится съ божественною „благостью“ и требуется божественнымъ правосудіемъ (Рим. 2, 4—5; 3, 5—8). Припомнимъ проявленіе гнѣва Христова въ храмѣ, какъ свидѣтельство „ревности“ Его по домѣ Божіемъ (Іоан. 2, 15—17). Негодовали на зло въ людяхъ и апостолы. Такъ „*вознегодовали*“ они на сыновей Зеведеевыхъ (Мѣ. 20, 24); такъ вознегодовалъ ап. Павелъ (Дѣян. 16, 18)... И думается, что отвергать возможность *справедливаго* гнѣва—противно разуму и сердцу человѣка, любящаго правду.

Ну, а *убійство*? Всякое-ли убійство—„діаметрально противоположно любви“? Въ „Голосѣ“ говорится, что *всякое*. Къ сожалѣнію, ссылаясь на ученіе Христа, „Голосѣ“ не только не привелъ полностью словъ Иисуса Христа относительно убійства, но и не сдѣлалъ никакихъ къ нимъ поясненій. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о „гнѣвѣ“, необходимо процитировать слова Христа и пояснить ихъ. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежить суду“,—такъ Христосъ подтверждаетъ ученикамъ древнюю заповѣдь (Мѣ, 5, 21).

Какъ видимъ, здѣсь не только запрещается убійство, но и совершившій убійство отдается „суду“. Что же это за „судъ“? Еще Ноу Богъ сказалъ: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка“. Моисей по повелѣнію Бога ввелъ *въ законъ* месть за кровь убитаго и убійца, *виновный* въ пролитіи крови человѣческой, подвергался смерти отъ родственниковъ убитаго. Впослѣдствіи, въ цѣляхъ уничтоженія злоупотребленій этимъ правомъ, дѣла убійць были переданы особымъ „судамъ“, состоявшимъ обычно изъ 23-хъ членовъ. Приговоры „судовъ“, опредѣляющіе смертную казнь убійцамъ, утверждались верховнымъ судилищемъ или „синедріономъ“. Затѣмъ „судъ“ приводилъ въ исполненіе смертный приговоръ. За этими-то „судами“

Христось и признавалъ право по прежнему вѣдать дѣла убійць. Значить, Христось допускалъ *возможность* смертной казни въ нарушение заповѣди: „не убій“ и рѣзко отличалъ такую казнь, какъ *возмездіе* за грѣхъ, отъ убійства, какъ *преступленія*.

Если-же, далѣе, признать, что *всякое* убійство, *всякая* смертная казнь — „діаметрально—противоположны любви“, то какъ тогда смотрѣть на убійства и казни, совершенныя Богомъ лично и чрезъ людей? Вѣдь примѣрами такихъ убійствъ и казней полна исторія ветхозавѣтной Церкви. Въ Новомъ-же Завѣтѣ мы видимъ Христа, то съ бичомъ въ рукахъ выгоняющаго изъ храма людей и животныхъ, разсыпающаго деньги у мѣнщиковъ, опрокидывающаго ихъ столы; то повторяющаго новыми словами древнюю угрозу: „всѣ, взявшіе мечъ, *мечемъ* погибнутъ“ (Мѡ. 26, 52; ср. Бт. 9, 6). Замѣчательно, что на судѣ у Пилата Христось не только не отвергъ власти послѣдняго предавать извѣстнаго рода преступниковъ смертной казни, но прямо санкціонировалъ эту власть Божественнымъ происхожденіемъ!.. На вопросъ Пилата: не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?—Иисусъ отвѣчалъ: „ты не имѣлъ-бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано тебѣ свыше“ (Ин. 19, 10—11). Укажемъ еще на казнь Ап. Петромъ Ананіи и Сапфиры, на ослѣпленіе Ап. Павломъ волхва. Не будемъ уже говорить объ Апостольскомъ *ученіи*, по которому человѣческія власти имѣютъ право силою меча наказывать преступниковъ: убійць, воровъ, злодѣевъ, посягающихъ на чужое (1 Петр. 2, 13—20; 4, 15; Римл. 13, 1—10)... ¹⁾ И оспаривать съ христіанской точки зрѣнія *самую возможность* и *законность* наказанія властями преступниковъ, начиная отъ *minimum*'а и кончая *maximum*'омъ наказаній, отнюдь нельзя. Другое дѣло, когда говорятъ о *помилованіи* преступниковъ, о *смягченіи* наказанія,—тогда дѣйствительно въ такихъ рѣчахъ чувствуется настоящій духъ Христа.

¹⁾ Если ап. Павелъ (Римл. 13, 4) указываетъ на мечъ у начальниковъ, то безспорно, что этотъ мечъ здѣсь разумѣется, какъ знакъ «права меча» (*ius gladii i. e. necis*). По Ульпіану, „кто управляетъ всѣми провинціями, тотъ имѣетъ право меча“. Ап. Павелъ здѣсь говоритъ не только о языческомъ начальствѣ, но вообще о начальствѣ, и о томъ, что вытекаетъ отсюда. Ясно также, что мечъ не можетъ быть знакомъ карательной власти съ исключеніемъ смертной казни, но именно указываетъ на послѣднюю. (См. Лютардта, пер. А. Лопухина, ПБ. 1892 г. стр. 938-я).

сказавшаго: „блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ“. Писаніе ясно говоритъ: „милость превозносится надъ судомъ“, хотя милостивымъ нужно быть „съ разсмотрѣніемъ“ (Иуд. 22 ст.). И вотъ въ оказаніи дѣль „милости“ къ преступникамъ и заключается святѣйшая обязанность пастырей Церкви.

„Запрещая всякое (?) убійство, читаемъ далѣе въ „Голосѣ“, Господь запретилъ и смертную казнь. Къ нему привели женщину, взятую въ прелюбодѣянніи. По закону евреевъ ее нужно было побить камнями. Спросили у Иисуса, что съ ней дѣлать, желая обличить Его въ неуваженіи къ отеческимъ законамъ и зная напередъ (?), что Онъ смертной казни не одобритъ (?). Господь отвѣчалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень“ (нужно *точно* приводить текстъ). Тогда строгіе судьи, обличаемые совѣстью, стали расходиться и оставили женщину одну, стоящую передъ Иисусомъ. Господь, наставивши ее на добрый путь, отпустилъ. Кого-же, спрашиваетъ „Голосъ“, послѣ приведенныхъ словъ Спасителя, можно казнить и кто имѣетъ право казнить (sic!..)? Грѣшникъ? Но сказано: „кто безъ грѣха, пусть броситъ камень“. Значитъ грѣшникъ не можетъ казнить, такъ какъ и самъ такой-же грѣшникъ, какъ и казнимый (sic!..). Праведникъ?—Но онъ не станеть казнить, потому что любить“ (sic!!!)..

Передъ такую экскурсію въ область богословской экзегетики остается только руками развести! Откуда „Голосъ“ взялъ, что фарисеи *напередъ знали, что Христосъ смертной казни не одобритъ?*.. Изъ ученія Христа „о судѣ“ надъ убійцами, какъ мы уже знаемъ,—такого заключенія нельзя сдѣлать, да и никто его не дѣлалъ. И нашъ евангельскій текстъ, передающій событіе съ женщиною—прелюбодѣйцею также не даетъ никакого основанія къ такому заключенію. Новыхъ-же „египетскихъ“ текстовъ мы не знаемъ, а харьковскому не имѣемъ права вѣрить..

Да если-бы фарисеи дѣйствительно *„напередъ знали“*, что Христосъ отвѣтитъ вопреки закону Моисея, то что мѣшало имъ раньше, когда Христосъ такъ училъ, и въ данномъ случаѣ прямо предъявить ко Христу обвиненіе?! Между тѣмъ они настойчиво *вымогаютъ* у Христа отвѣтъ и такъ формулируютъ свой вопросъ, что въ немъ нѣтъ и намека на то, что имъ уже вѣдомо ученіе Христа. А вѣдь такимъ умолчаніемъ они сами даютъ Христу возможность разрушить ихъ козни!

Другое дѣло, еслибы фарисеи спросили Христа: „Моисей заповѣдалъ въ законѣ побивать такихъ камнями, а Ты *училъ* иному. Что *теперь* скажешь?“ Картина рѣзко мѣняется. Думать-же, что совопросники Христа, опытные въ лукавыхъ вопросахъ, допустили навязанную имъ „Голосомъ“ оплошность,—крайне было-бы наивнымъ!

Не менѣе наивно и другое поползновеніе „Голоса“—это приписать фарисеямъ цѣль обвинить Христа только „въ неуваженіи къ отеческимъ законамъ“?!. Въ Евангеліи ясно сказано: „говорили это, искушая Его, чтобы найти *что-нибудь* къ обвиненію Его“. А „*что-нибудь*“ могло быть и полное *согласіе* Христа съ закономъ Моисея. Фарисеи, иродіане и книжники обычно такъ вопрошали Христа, что и положительный и отрицательный отвѣтъ на ихъ вопросы равно могли дать имъ поводъ къ обвиненію Христа. Такъ, напримѣръ, они вопрошали Христа о подати Кесарю. Иногда и Христосъ мѣрилъ имъ тою же мѣрою (Мр. 11, 28—33). Такъ было и въ случаѣ съ прелюбодѣйцею. Въ то время Палестина была подъ властью Римскаго Кесаря, отнявшаго у іудеевъ право смертной казни („намъ не позволено предавать смерти никого“—Ин. 18, 31). И вотъ, если бы Христосъ далъ согласіе на исполненіе закона Моисеева, то совопросники обвинили бы Его въ противленіи *кесарю*; но если бы Онъ отвергъ законъ Моисея, то его обвинили бы въ неуваженіи отеческихъ законовъ и въ предпочтеніи Кесаря Моисею. Посему Христосъ на такіе вопросы всегда отвѣчалъ такъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ Его нельзя было обвинить. Такъ Онъ отвѣтилъ и на вопросъ о женщиѣ-прелюбодѣйцѣ. Зная коварство фарисеевъ, Христосъ въ то же время видѣлъ, что его совопросники сами же прелюбодѣи, только не „*взятые*“ въ прелюбодѣянніи, благодаря своей хитрости. Предъ Нимъ они выступили не въ качествѣ официального „*суда*“, который по „отеческимъ законамъ“ вѣдалъ дѣла прелюбодѣйцевъ, а въ качествѣ добровольныхъ обвинителей—судей. Между тѣмъ послѣдніе и сами подлежали „*суду*“. Такимъ положеніемъ Своихъ совопросниковъ Христосъ и воспользовался. Онъ уклоняется отъ прямого и принципиальнаго рѣшенія поставленнаго Ему вопроса, а только даетъ понять коварнымъ вопрошателямъ, что они сами повинны въ грѣхѣ прелюбодѣянніа. Не ожидавшіе такого оборота дѣла, когда изъ ловцовъ они превратились въ уловленныхъ,—фарисеи и книжники поспѣшили уйти.

Такъ Христосъ отвѣтомъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“—избѣжалъ обвиненія Его въ нарушеніи закона Моисея, потому что не отвергъ возможности наказанія прелюбодѣйцы по Моисееву закону; а также не проявилъ и противленія волѣ Кесаря, такъ какъ сдѣлалъ невозможнымъ осуществленіе этого наказанія въ данномъ случаѣ. Отпуская женщину, Христосъ сказалъ: «и Я не осуждаю тебя», но не потому опять, чтобы Христосъ отвергалъ «судъ» надъ прелюбодѣйцами и возмездіе за грѣхъ прелюбодѣянія, а потому, что женщина раскаялась и ей оставалось лишь „*впредь*“ не грѣшить: „*иди, и впредь не грѣши*“,—сказалъ Христосъ.

Извративъ смыслъ евангельскаго текста, «Голосъ» далѣе изъ словъ Христа дѣлаетъ такое, по-истинѣ, изумительное заключеніе: „*кого-же*,—спрашиваетъ онъ, послѣ приведенныхъ словъ Христа (разумѣются слова: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“), *можно казнить и кто имѣетъ право казнить?*“ Не отвѣчая на первый вопросъ, такъ какъ на него отвѣтъ дается рѣшеніемъ вопроса: «кто имѣетъ право казнить?». «Голосъ» на этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаетъ: «Грѣшникъ? Но сказано: кто безъ грѣха, пусть бросить камень. Значитъ, грѣшникъ не можетъ казнить, такъ какъ и самъ такой же грѣшникъ, какъ и казимый. Праведникъ? Но онъ не станетъ казнить, потому что любить».

Жалкая софистика! Не будемъ уже говорить о томъ, что въ словахъ Христа: «кто изъ васъ безъ грѣха»—разумѣлся грѣхъ прелюбодѣянія, за который и побивали камнями, а не вообще грѣхъ!.. Не будемъ говорить и о томъ, что въ словахъ Христа: «пусть бросить камень» ясно указана возможность для того, кто безъ грѣха, бросить камень!.. Не будемъ говорить также и о томъ, что всѣ заключенія «Голоса» здѣсь лишены элементарной логики!.. Но укажемъ на то, что «Голосъ» въ принципѣ отвергъ собственно *всякое* наказаніе «грѣшника», такъ какъ *де грѣшники не наказываютъ* грѣшника, а *праведники любятъ* грѣшниковъ!... А если нѣтъ тѣхъ, кто наказываетъ, то ясно, что нѣтъ и наказуемости, нѣтъ и наказуемыхъ! Дальше уже идти некуда!.. Вполнѣ понятно, что если оспаривается *возможность* борьбы со зломъ въ людяхъ путемъ физическихъ наказаній на томъ основаніи, что грѣшники не имѣютъ права наказывать, такъ какъ сами грѣшатъ, а праведники не наказываютъ, а лю-

бать, — то отсюда понятна невозможность для грѣшниковъ и вообще какой-либо, хотя бы то и духовной борьбы со зломъ въ другихъ, такъ какъ они сами грѣшники. Со зломъ могутъ бороться только праведники и опять только „любовью“. Интересно знать, къ какому разряду причисляютъ себя пастыри, подписавшіе «Голосъ»: къ «грѣшникамъ» или къ «праведникамъ»? Извѣстно, что они борются со зломъ, — значитъ они „праведники“. Тогда остается только спросить ихъ: отъ кого ихъ праведность? Мы знаемъ, что Евангельская праведность и вообще Библейская всегда допускала возможность не только любви грѣшниковъ, но и наказанія упорныхъ и нераскаянныхъ людей, примѣры чего мы уже приводили.

Далѣе въ «Голосѣ» читаемъ: «Къ чести русскаго законодательства нужно сказать, что русское уголовное право, въ противоположность уголовному праву западныхъ государствъ, *не знаетъ* ¹⁾ (sic!..) смертной казни. Тѣмъ ужаснѣе, непослѣдовательнѣе, несправедливѣе *факты* смертной казни у насъ въ Россіи!»

Выходитъ, что смертная казнь въ Россіи является произволомъ правительства!.. Подобной нелѣпости въ наше время не скажетъ и школьникъ. Очевидно, что пастыри не поняли, въ чемъ дѣло. Въ уголовномъ правѣ преступленія дѣлятся на: общественныя, въ тѣсномъ смыслѣ, и личныя; что тоже: преступленія противъ общества и преступленія противъ личности. И вотъ въ то время, какъ въ *европейскихъ* кодексахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, венгерскомъ и другихъ существуетъ смертная казнь, какъ высшее наказаніе за преступленія противъ личности (квалифицированныя дѣйствія), въ нашемъ уголовномъ правѣ высшимъ наказаніемъ за тѣ же преступленія, именуемая «тяжкими», является безсрочная каторга. Что же касается преступленій противъ общества, главнымъ образомъ преступленій *государственныхъ*, то и въ нашемъ Уложеніи 1845 г., и въ повомъ Уголовномъ Уложеніи 22 марта 1903 г. въ числѣ наказаній, какъ высшее наказаніе, полагается „*смертная казнь*“, совершаемая черезъ повѣшеніе, непублично (Угол. Улож. ст. 2; ст. 15) и опредѣляемая за квалифицированныя преступленія *государственного* характера (ст. 99; 100; 101; 104; 108; т. 6-й). И мы удивляемся,

¹⁾ Курсивъ мой.

какъ это *юридическая* газета «Волна» допустила на своихъ столбцахъ такую «юридическую» простоту!...

«Страхомъ смертной казни нельзя запугать убѣжденного революціонера, или анархиста, отдавагося всеѣмъ существомъ своему дѣлу, ни убѣжденного черносотенника, ни закоренѣлаго злодѣя»,—говорить «Голось» и посему—де смертная казнь излишня.

Но при такомъ разсужденіи и *всякое* наказаніе является излишнимъ!... Ошибка такъ разсуждающихъ заключается въ томъ, что они наказанію приписываютъ цѣль запугиванія. Между тѣмъ запугиваніе не составляетъ сущности и цѣли наказанія. Наказаніе по существу своему есть возмездіе или «отмщеніе». Если же съ нимъ и связывается нѣчто запугивающее, то послѣднее является уже субъективнымъ чувствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Наказаніе и боязнь наказанія нельзя смѣшивать. Посему, если бы въ извѣстномъ случаѣ и не было боязни наказанія, то послѣднее должно свершиться въ осуществленіе *своей* цѣли—возмездія. Иначе, и человѣческое и божественное право «закоренѣлыми злодѣями» будетъ попирается безнаказанно и вмѣсто «права» воцарится произволь. Сверхъ того, необходимо принять во вниманіе, что наказаніе должно оцѣниваться не только съ точки зрѣнія личности преступникъ, но и по дѣйствию его на общество. А въ такомъ случаѣ кто станетъ утверждать, что съ ослабленіемъ наказаній уменьшатся въ обществѣ преступленія? Развѣ наказанія породили преступленія, а не наоборотъ: преступленія вызвали различныя наказанія?! Пусть существуютъ груды уголовныхъ законовъ, пусть начальникъ носитъ мечъ, но если я не дѣлаю злого, то и законъ и мечъ не для меня. Я не только не чувствую тяжести ихъ, но даже не замѣчаю ихъ и живу по закону *Христовой свободы*. Но если я стремлюсь дѣлать злое, то изъ моихъ устъ будетъ раздаваться протестъ противъ *всякаго* наказанія, какъ своего рода плотины, преграждающей теченіе рѣки. И конецъ протеста совпадаетъ только съ концомъ наказаній. Но это настанетъ только тогда, когда человѣчество снова потеряетъ мѣрку отличія добра отъ зла и снова воскликнетъ: «что есть истина»?

„Злодѣю, рѣзавшему людей изъ-за денегъ, даруютъ жизнь, пишетъ „Голось“, а человѣка безусловно честнаго, правдиваго (sic!..), но лишь чрезмѣрно увлекшагося (sic!..) политической или соціальной идеей, до забвенія себя, до преступленія, казнятъ!“

Какая наивность! Кто-же не знаетъ, что интересы общества и государства выше интересовъ отдѣльнаго лица?!. И въ Писаніи сказано: „больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить *за други* своя“. Почему нарушеніе или посягательство на благо общества и государства всегда и вездѣ считалось неизмѣримо большимъ преступленіемъ, чѣмъ причиненный отдѣльному лицу вредъ. Больше-же преступленіе влечетъ за собою и большее возмездіе. Что-же касается „чрезмѣрныхъ увлеченій“, то они болѣе бывають присущи „злѣю“ — грабителю, чѣмъ анархистамъ и революціонерамъ, которые сознательно и заранѣе возвели убійство непріятныхъ имъ лицъ *въ догматы!*.. Во всякомъ случаѣ, крайне наивно требовать отмѣны смертной казни за политическія или социальныя преступленія на томъ основаніи, что преступники „чрезмѣрно увлеклись идеей“!.. „Безусловная-же честность и правдивость“ никогда не вяжутся съ преступными дѣйствіями, съ заранѣе обдуманнмъ истребленіемъ должностныхъ лицъ, съ метаніемъ бомбъ и прочими революціонно-анархическими атрибутами.

Въ своемъ „увлеченіи“ противъ смертной казни пастыри въ „Голосѣ“ дошли до того, что даже св. Серафима Саровскаго привлекли къ защитѣ своихъ положеній. „Вспомнимъ хоть нашего недавно прославленнаго угодника Божія, преподобнаго Серафима Саровскаго, пишутъ они. На него напали въ лѣсу разбойники, думая, что у него есть деньги. Они звѣрски избили его, искалѣчили на всю жизнь. Разбойники были пойманы и посажены въ тюрьму. Тогда святой отецъ потребовалъ ихъ освобожденія, угрожая въ противномъ случаѣ оставить монастырь. Разбойники были выпущены на свободу“.

Но, какъ видимъ, описанный случай ни слова не говоритъ о смертной казни и прямого отношенія къ ней не имѣетъ. Святой старецъ простилъ *своихъ* обидчиковъ и попросилъ имъ свободы — вотъ все, о чемъ говоритъ данный случай. Но кто-же, на основаніи этого случая, потребуеть отъ *правительства*, чтобы всѣ вообще преступники пользовались неограниченною свободою и чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ заключаемъ въ тюрьму?! Развѣ допустима полная безнаказанность преступленій?!. И власть, призванная носить мечъ въ отмщеніе дѣлающимъ злое, если откажется дѣйствовать мечомъ, то тѣмъ самымъ не упразднить-ли себя?.. Вѣдь безъ меча власть немыслима! Понятно, что объ упраздненіи властей, объ отнятій у нихъ

освященнаго словомъ Божиимъ права на мечъ, св. Серафимъ и думать не могъ! Своимъ-же отношеніемъ къ разбойникамъ онъ показалъ намъ только примѣръ того, какъ мы должны относиться къ своимъ *личнымъ* врагамъ и обидчикамъ. Власть-же имѣетъ свои особыя обязанности по отношенію къ дѣлающимъ злое отдѣльнымъ людямъ, обществу и государству и этихъ обязанностей св. Серафимъ никогда не отрицалъ. Просить о помилованіи преступниковъ— это не значитъ отрицать за властью право наказанія ихъ. Пора это понять нашимъ „гуманистамъ“!.. Пора и перестать „играть въ имена“ великихъ писателей, а тѣмъ болѣе святыхъ угодниковъ Божіихъ и даже Самого Христа!..

Между тѣмъ эта „игра въ имена“ стала отличительною чертою „свободной совѣсти“ нашего времени. И особенно она сказала въ вопросѣ о смертной казни. Примѣру „Голоса“, учинившаго возмутительное насиліе надъ мыслию св. Серафима, стали подражать другіе, въ томъ числѣ и профессора. Такъ, въ 22 № „Смоленскаго Вѣстника“ было помѣщено „Письмо въ редакцію“, перепечатанное большинствомъ нашихъ газетъ, въ которомъ предлагалось Святѣйшему Синоду „отчислить отъ лика святыхъ преподобнаго Николая Чудотворца, такъ какъ онъ не только противъ смертной казни вообще (?!), но однажды собственною своею властью воспрепятствовалъ оной, удержавъ за руку палача, честно исполнявшаго свои непосредственныя гражданскія обязанности“.

Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Сколько наглости, сознательной лжи проявилъ авторъ этого письма!.. 1). Гдѣ-же и когда св. Николай высказался противъ смертной казни „вообще“, т. е. принципиально?! И дѣйствительно-ли приведенный авторомъ случай говоритъ объ отрицаніи св. Николаемъ *всякой* смертной казни? Въ житіи св. Николая Чудотворца объ этомъ читаемъ слѣдующее: когда святитель Николай находился въ Плакоматѣ, сюда явились къ нему изъ Муръ нѣкоторые изъ горожанъ, прося его *о заступничествѣ за трехъ ни въ чемъ неповинныхъ ихъ согражданъ*, которыхъ градоначальникъ Мурскій Евстаеій, подкупленный завистниками этихъ людей, осудилъ на смерть. Горожане просили св. Николая повліять на Евстаеія и не допустить этой *несправедливости*. Святитель немедленно поспѣшилъ въ Муръ,

1) Мы посылали въ нѣкоторыя газеты, перепечатавшія это письмо, опроверженіе, но «свобода слова» этихъ газетъ отвѣтила отказомъ!..

чтобы успѣть освободить *незаконно осужденныхъ* къ смертной казни и попросилъ слѣдовать за собою также и трехъ царскихъ воеводъ. Но при всей своей поспѣшности угодникъ засталъ осужденныхъ на Діоскуровомъ полѣ готовыми принять казнь, когда палачъ уже обнажилъ мечъ. Святитель вырвалъ изъ рукъ палача мечъ и бросилъ его на землю, освободивъ *невинно-осужденныхъ*. Народъ благодарилъ св. Николая за заступничество. Но вотъ пришелъ къ мѣсту казни и Евстаѣй. Видя правоту св. Николая и сознавая свою виновность, за которую онъ могъ потерпѣть наказаніе отъ царя, Евстаѣй припалъ къ ногамъ святителя, умоляя его о прощеніи. Но такъ какъ онъ сваливалъ свою вину на другихъ, то святитель *хотѣлъ донести на него царю* и угрожалъ ему и самъ муками на томъ свѣтѣ за несправедливое управленіе. И только, когда Евстаѣй чистосердечно покаялся, святитель простилъ его.

Въ другой разъ св. Николай, по случаю осужденія на смертную казнь трехъ *ни въ чемъ неповинныхъ* воеводъ, явился во свѣтъ царю и сказалъ ему: „освободи изъ темницы трехъ воеводъ, потому что они *неправедно* осуждены и *невинно* страдают“. Разказавъ царю, какъ оклеветаны были воеводы, святитель въ заключеніе добавилъ: „если ты не послушаешь меня и не отпустишь ихъ, то воздвигну такой-же мятежъ, какъ во Фригій, и ты погибнешь“ 1).

Предъ нами здѣсь ясно выступаетъ обликъ святителя Николая, какъ *заступника* за *невинно-осужденныхъ* и *грознаго карателя несправедливыхъ*.

Можно-ли, спросимъ теперь, болѣе извратить въ этомъ случаѣ сказаніе о святителѣ, чѣмъ извратилъ его авторъ письма въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ»?!

Безъименному автору письма въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» нисколько не уступаетъ въ жадѣ «играть въ имена» и профессоръ Харьковскаго университета Н. Сумцовъ. Въ своей замѣткѣ: «По поводу одного духовнаго чтенія» («Южный Край» № 8717-й) г. Сумцовъ заявляетъ: «Златоустъ былъ противъ смертной казни... Этотъ великій учитель церкви громко и ясно высказался противъ смертной казни». Къ сожа-

1) «Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца» А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева СПб. стр. 46—65.

лѣнію, профессоръ не только не привелъ подлинныхъ словъ св. Златоуста, но даже не проставилъ и соответственной цитаты изъ его творений!.. 1). Мы же настойчиво утверждаемъ, что великій учитель церкви никогда и нигдѣ ни «громко», ни тихо, ни «ясно», ни туманно не высказывался противъ смертной казни *вообще* или *въ принципѣ*. Наоборотъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ твореній, проводя параллель между „житейскими властями“ и „властями духовными“, св. Златоустъ пишетъ: „какіе знаки начальства и что долженъ имѣть начальникъ? Власть надъ темницею, чтобы онъ былъ властенъ однихъ связывать, а другихъ разрѣшать; однихъ выпускать, а другихъ ввергать туда... Еще власть — осуждать на смерть и освобождать отъ смерти; или, вѣрнѣе, это—власть не начальника, а одного только царя, или даже и царю не принадлежитъ вполнѣ этотъ даръ, потому что онъ освобождаетъ не отъ смерти уже умершаго, а только отъ осужденія на смерть; приговоръ онъ можетъ отмѣнить, а возвратитъ къ жизни отъ смерти не можетъ“... Разсматривая затѣмъ власть апостольскую, св. Златоустъ вопрошаетъ: „нужно-ли доказывать, что они (апостолы) осуждали и на смерть и возвращали отъ смерти, не отъ приговора только освобождая и веденія на смерть, но и умершихъ и уже подвергшихся тлѣнію возстановляя отъ смерти? Когда-же они осуждали на смерть? Когда освобождали отъ смерти?“ На два эти вопроса св. Златоустъ отвѣчаетъ фактами: на первый—умерщвленіемъ Ананіи и Сапфиры, а на второй—воскрешеніемъ Тавиены. Умерщвленію Ананіи, по св. Златоусту, предшествовалъ «допросъ», затѣмъ смертный «приговоръ» и, наконецъ, Апостоль «поражаетъ» или «умерщвляетъ святотатца». Въ заключеніе св. отецъ снова вопрошаетъ: «видишь-ли, какъ они властны посылать на смерть?» 2). Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же св. Златоустъ такими словами доказываетъ необходимость наказаній «оружіемъ чувственнымъ»: «вездѣ можно видѣть оттачиваемые мечи, палачей, казни, пытки, мученія, власть надъ жизнью и смертью. А что и этотъ

1) Всѣ попытки запросить проф. Сумцова путемъ „Южн. Кр.“ и другихъ харьковскихъ газетъ: „гдѣ и когда св. Златоустъ громко и ясно высказался противъ смертной казни?“—оказались тщетными и голословное заявленіе профессора осталось безъ опроверженія. Такова теперь у насъ „свобода слова“!..

2) Т. III, стр 80—83.

видъ господства сталъ необходимъ вслѣдствіе грѣха, послушай слова любу мудрствующаго объ этомъ Павла. Аще же *хощеши*, говоритъ онъ, *не боятися власти, благое твори; и имѣти будеши похвалу отъ нея. Аще же злое твориши, бойся; не бо всуе мечъ носитъ* (Римл. 13, 3. 4). Видишь-ли, что и начальникъ, и мечъ для дѣлающихъ зло? Послушай еще (сказанное) о томъ-же съ большею ясностью. *Отмститель есть*, говоритъ, *злое творящему*. И не сказалъ онъ: «не напрасно существуетъ начальникъ», а что? *не всуе мечъ носитъ*. Богъ поставилъ надъ тобою судью вооруженнаго. Какъ сердобольный отецъ по своей добротѣ отдаетъ дѣтей, когда они оказываютъ ему невниманіе и пренебреженіе, злоупотребляя родительскою любовью,— отдаетъ строгимъ наставникамъ и учителямъ, такъ и Богъ, по благодати Своей отдалъ нашу природу, оказавшую невниманіе къ Нему, начальникамъ, какъ бы учителямъ и наставникамъ, чтобы они исправили ихъ отъ безпечности»... 1).

Пользу отъ дѣйствія меча начальниковъ св. отецъ доказываетъ и примѣромъ пережитаго его слушателями возмущенія: «въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, когда уже при начальникахъ и вооруженныхъ воинахъ, неистовство нѣсколькихъ бродягъ и пришлецовъ въ самое короткое время произвело у насъ такой пожаръ и воздвигло такую бурю, что заставило всѣхъ бояться кораблекрушенія, то если-бы не было совсѣмъ страха отъ начальниковъ, до какого неистовства не дошли-бы эти люди? Не разрушили-ль бы они у насъ города до основанія и, перевернувъ все вверхъ дномъ, не лишили-ль бы насъ и самой жизни? Уничтожь судилища—и уничтожишь всякій порядокъ въ нашей жизни; удали съ корабля кормчаго—и потопишь судно; отними вожда у войска—и предашь воиновъ въ плѣнъ непріятелямъ. Такъ, если отнимешь у городовъ начальниковъ, мы будемъ вести себя безумнѣе безсловесныхъ звѣрей,—станемъ другъ друга угрызать и снѣдать: богатый—бѣднаго, сильнѣйшій—слабаго, дерзкій—кроткаго. Но теперь, по милости Божіей, ничего такого нѣтъ. Живущіе благочестиво, конечно, не имѣютъ нужды въ мѣрахъ исправленія со стороны начальниковъ: *праведнику законъ не лежитъ*, сказано. Но люди порочные, если бы не были удержи-

1) Т. IV, стр. 746.

ваемы страхомъ отъ начальниковъ, наполнили-бы города безчисленными бѣдствіями“ 1).

Мы могли-бы привести и еще много такихъ-же выдержекъ изъ твореній св. Златоуста, но полагаемъ, что и этихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что св. отецъ „громко“ и „ясно“ признавалъ за властью право казнить мечомъ преступниковъ. Почему онъ и различалъ „*праведную казнь*“ отъ „*неправедной*“, когда казнили невиннаго. Само собою понятно, что и у св. Златоуста каждый актъ наказанія освѣщался христіанскою любовью, которая сочетаетъ справедливость съ милосердіемъ и которая милуетъ съ разсмотрѣніемъ, не безчинствуя. И опять тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о *помилованіи* преступника,—тамъ нельзя видѣть отрицаніе права казнить виновнаго. Это—азбука здравой логики!..

Но, быть можетъ, проф. Н. Сумцовъ правъ, когда свое голословное утвержденіе силится оправдать слѣдующимъ событіемъ изъ жизни св. Іоанна Златоуста: „съ какимъ усердіемъ, говоритъ онъ, Златоустъ отстаивалъ за церковь право убѣжища. Уже въ IV вѣкѣ гражданская власть стремилась лишить церковь этого права. По настоянію знатнаго царедворца Евтропія, право убѣжища было отмѣнено. Но судьба сыграла злую шутку надъ временщикомъ. Вскорѣ Евтропій запутался въ придворныхъ интригахъ, былъ лишенъ должностей, и ему угрожала смертная казнь. Тогда онъ вспомнилъ о томъ правѣ, которое было отмѣнено по его настоянію, и скрылся въ церкви. Ненавидѣвшая его толпа требовала его выдачи; но Іоаннъ Златоустъ безстрашно выступилъ на его защиту. „Вы убьете Евтропія, сказалъ онъ толпѣ, не раньше, какъ умертвивъ меня“. Затѣмъ онъ самъ отправился къ императору и выпросилъ для Евтропія помилованіе“.

Что приведенный фактъ служить доказательствомъ усиленныхъ стараній св. Златоуста отстоять за церковь право убѣжища,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но нелогично и исторически несправедливо выводить отсюда, что святой отецъ былъ противъ смертной казни вообще?!.. „Право убѣжища“ ведетъ свое начало отъ ветхозавѣтной Церкви. Тамъ оно существовало на ряду съ законами о смертной казни,

1) Т. 2-й, стр. 85—86.

отнюдь не исключая послѣднихъ, потому что дѣйствовало въ строго отведенной ему области. И въ древней новозавѣтной Церкви „право убѣжища“ не отмѣняло гражданскихъ законовъ о смертной казни, дѣйствуя въ предѣлахъ Церкви надъ лицами, ищущими въ ней убѣжища. Это подтверждается и случаемъ съ Евтропіемъ. Когда Евтропій бѣжалъ отъ царскихъ слугъ, пришедшихъ взять его „насилъно“ за оскорбленіе императрицы, и скрылся въ церковномъ алтарѣ, то св. Златоустъ, отстаивая за церковь право убѣжища, не выдалъ его воинамъ и негодующей на бывшаго надменнаго временщика толпѣ. Въ блестящей рѣчи „на Евтропія внуха“ онъ говорилъ, что Евтропій, заградившій „здѣшнее убѣжище разными указами и законами, самъ теперь нарушилъ эти законы и что „несчастіе сдѣлало его учителемъ“ того, что нельзя отнять отъ Церкви священнаго права убѣжища. Взывая далѣе къ народу о помилованіи „просящаго помощи“ Евтропія, св. Златоустъ свидѣтельствовалъ, что царь, узнавъ о бѣгствѣ Евтропія въ церковь, съ своей стороны *уже помиловалъ* его и къ тому же слезно призывалъ войско, напомнивъ воинамъ, что „несчастный“ прибѣгнулъ къ „священной трапезѣ“. Если же царь, оскорбленный Евтропіемъ, простилъ его, то „теперь приложимъ и мы должное съ нашей стороны“, продолжалъ свою рѣчь къ народу св. Златоустъ, и „приступимъ къ человѣколюбивому царю, прося его *во имя Церкви, во имя алтаря*, даровать священной трапезѣ одного человѣка 1). Если мы это сдѣлаемъ, то и самъ царь будетъ доволенъ“. Такимъ образомъ, въ случаѣ съ Евтропіемъ св. Златоустъ усиленно защищалъ *церковное право убѣжища* и если склонялъ народъ просить царя о помилованіи Евтропія, то только „*во имя Церкви, во имя алтаря*“. Никакого протеста противъ законовъ, по которымъ Евтропій подлежалъ смертной казни, здѣсь не было. Рѣчь шла только о „помилованіи“ *праведно* осужденнаго и при томъ „просящаго помощи“ у Церкви. Право наказанія Евтропія св. Златоустъ признавалъ за властью и потому взывалъ только о „помилованіи“, отстаивая собственно въ этомъ случаѣ за церковь „право убѣжища“. Почему, когда помилованный Евтропій послѣ за свои дѣянія былъ

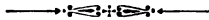
1) Курсивъ нашъ.

схваченъ, сосланъ и казненъ, то св. Златоустъ съ негодованіемъ отвергалъ обвиненія, что онъ не заступился за Евтропія. Въ казни Евтропія онъ обвинялъ самого Евтропія, но не власть, за которую всегда признавалъ право отмщенія мечомъ въ наказаніе дѣлающимъ злое.

Понятно теперь, что ссылка проф. Сумцова на св. Златоуста такъ-же неудачна, какъ и ссылка неизвѣстнаго автора вышеупомяну-таго письма на св. Николая Чудотворца.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ напомнить, что „*протестоваль*“ противъ смертной казни и Робеспьеръ, который, однако, почувавъ власть въ своихъ рукахъ, залилъ Францію кровью своихъ политическихъ враговъ!.. Фактъ весьма поучительный для нашихъ наносныхъ «гуманистовъ», которымъ мы посовѣтовали-бы всѣ свои силы направить на лѣченіе душъ человѣческихъ, на созданіе такой атмосферы, чтобы люди сознали прежде всего преступность дѣяній, вызывающихъ то или другое наказаніе. Тогда и только тогда сами собою упразднятся законы о смертной казни и многіе другіе, вызван-ные къ жизни преступлениями. «Царствіе Божіе *внутри* васъ есть»!..

И. Мариупольскій.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Миссіонерская полемика.

— Миссіонерская полемика въ наше время возбуждаетъ много вопросовъ, изъ которыхъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: нужна-ли миссіонерская полемика и законна ли она съ точки зрѣнія дѣйствующаго по дѣламъ вѣры государственнаго законодательства?

Только послѣ разрѣшенія этихъ кардинальныхъ въ миссіонерской полемикѣ вопросовъ, мы находимъ возможнымъ перейти къ частному сужденію о видахъ миссіонерской полемики, ея характерѣ, методахъ и полнотѣ.

Итакъ, *нужна-ли миссіонерская полемика?* Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ возможно дать только тогда, когда мы выяснимъ, что должно разумѣть и что обычно нѣкоторые разумѣютъ подъ миссіонерскою полемикою. Лица, отрицающія миссіонерскую полемику, смотрятъ на нее, какъ на словесный турпиръ миссіонера съ сектантомъ. Въ ихъ мысляхъ она рисуется чѣмъ-то въ родѣ логомахіи, или искуснаго метанія словъ. Самъ же миссіонеръ-полемистъ—это Хилонъ Хилонидъ (въ „Quo vadis?“ Г. Сенкевича). Конечно, такая полемика и такой полемистъ не только не нужны, но даже вредны. Такая полемика обязательно разовьетъ въ миссіонерѣ „страсть къ состязаніямъ и словопреніямъ“, а отсюда, по слову апостола, потекутъ „зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія“. Poleмика въ этомъ случаѣ превращается въ „пустые споры“, въ „глупыя и невѣжественныя состязанія“ (1 Тим. 6, 4—5; 2 Тим. 2, 23).

Но есть и другого рода полемика. Это та, которой училъ и которую велъ апостоль Павелъ. Осудивъ „глупыя и невѣжественныя состязанія, рождающія ссоры“, онъ далѣе писалъ: „рабу-же Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостью наставлятъ противниковъ, не дасть-ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы

они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю“ (2 Тим. 2, 27—26). Обличеніе, запрещеніе, увѣщаніе людей, противящихся истинѣ, развращенныхъ умомъ и невѣждъ въ вѣрѣ, должно, по Апостолу, вести „со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. 3,8; 4,2). Въ такомъ именно духѣ вели „немалое состязаніе“ Павелъ и Варнава въ Антиохіи съ людьми, которые учили объ обязательности для увѣровавшихъ во Христа язычниковъ закона Моисеева и обрѣзанія (Дѣян. 15, 2—5). Въ такомъ духѣ св. Павелъ бесѣдовалъ съ іудеями въ синагогѣ, когда „открывалъ“ Писаніе и „доказывалъ“ имъ, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть (Дѣян. 17, 1—3). Также св. Павелъ „спорилъ“ на площади и въ Ареопагѣ съ эпикурейцами и стоиками о Богѣ, Исусѣ Христѣ и воскресеніи мертвыхъ (Дѣян. 17, 18—34); а въ другой разъ онъ-же возбудилъ „распрю“ между фарисеями и саддукеями по тому-же вопросу о воскресеніи мертвыхъ (Дѣян. 23, 6—10).

И мы увѣрены, что послѣдняго рода полемика коренится въ самомъ существѣ церковнаго учительства и обязательна для Церкви, которая не можетъ спрятать зажженную свѣчу подъ сосудомъ и не должна равнодушно смотрѣть на заблужденія людей, особенно-же бывшихъ чадъ своихъ. Но гдѣ Церковь сталкивается съ заблужденіями, тамъ естественно обѣ стороны даютъ одна другой отчетъ о своемъ упованіи, тамъ происходитъ обмѣнъ мнѣній или полеміка. И, конечно, православный миссіонеръ, спрашивающій и отвѣчающій противной сторонѣ, долженъ дѣлать это „съ кротостью и благоговѣніемъ“ (1 Птр. 3,15).

Понятно теперь, что нельзя упразднить *всякую* полемику. Нужно позаботиться только, чтобы полемика съ заблудшими велась въ духѣ кротости, съ долготерпѣніемъ и назиданіемъ, какъ вели ее апостолы.

*Законна ли миссіонерская полемика съ точки зрѣнія дѣйствующаго по дѣламъ вѣры гражданскаго законодательства? Лично для насъ такого вопроса не существуетъ. Мы твердо увѣрены, что уста истиннаго благовѣстника Евангелія можетъ сомкнуть только смерть. Но разъ этотъ вопросъ задается и при томъ во всеуслышаніе, то мы считаемъ долгомъ дать на него отвѣтъ. Дѣйствующее нынѣ законодательство по дѣламъ вѣры, разумѣю новое „Уголовное Уложеніе“ 22 марта 1903 года въ томъ его видѣ, какъ оно исправлено Высочайшимъ Указомъ 17 апр. о вѣротерпимости и редактировано Государственнымъ Совѣтомъ 14 марта 1906 г., нисколько не поколебало установленнаго основными законами государства *первенствующаго* въ Россіи положенія православной*

Церкви, каковое положеніе подтверждено въ полной силѣ и вновь изданными 23 апрѣля сего года „Основными Государственными Законами“ (ст. 24-я). Посему незыблемымъ остается и право православной Церкви свободно и притомъ публично проповѣдывать иномыслящимъ свое вѣроученіе и путемъ убѣжденій и мѣрами нравственнаго воздѣйствія привлекать ихъ въ свое лоно. Всякія сомнѣнія въ этомъ случаѣ должны быть признаны излишними. Скорѣе можно ожидать, что государство разрѣшитъ также инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ публичную пропаганду ихъ ученія, чѣмъ запретить православной церкви публичную проповѣдь своего ученія иномыслящимъ. Такимъ образомъ, миссіонерская полемика съ иномыслящими безспорно является вполне законной съ точки зрѣнія дѣйствующаго у насъ по дѣламъ вѣры свѣтскаго законодательства.

Виды миссіонерской полемики. Миссіонерская полемика бываетъ публичная и частная. Первая ведется въ публичныхъ мѣстахъ, въ собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ; вторая въ частныхъ домахъ, въ небольшомъ кругу родственныхъ и другъ другу близкихъ лицъ, или же наединѣ съ заблудшимъ и колеблющимся въ православіи.

Съ увѣренностью можно сказать, что ни одна изъ отраслей миссіонерской дѣятельности не оспаривается такъ настойчиво, какъ публичныя миссіонерскія собесѣдованія съ заблудшими. Но за то и никто не проявляетъ большаго незнакомства съ практической стороною миссіонерскаго дѣла, какъ именно отрицающіе публичныя миссіонерскія бесѣды. Мы сочли долгомъ разобратъ возраженія противъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, такъ какъ считаемъ эти бесѣды однимъ изъ краеугольныхъ камней миссіонерскаго зданія.

Говорятъ, что публичныя собесѣдованія съ заблудшими излишни, потому что: во 1-хъ, они ведутся чисто-раціоналистическимъ путемъ, безъ доказательствъ ad hominem; а между тѣмъ, послѣдняго рода доказательства имѣютъ главное значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ. Посему-де необходимо вмѣсто публичныхъ преній войти съ заблудшими въ интимныя бесѣды, съ каждымъ отдѣльно и особенно съ представителями сектантскихъ общинъ; во 2-хъ, — они дали небольшой % обращеній и большую пищу для праздныхъ пересудовъ и такимъ образомъ не достигли своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ и раскольниковъ въ лоно Церкви и въ 3-хъ, — они разжигаютъ народныя страсти, вносятъ въ приходъ смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами. Въ послѣднее время появилось и еще

одно возраженіе противъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ сектантами и раскольниками. Оно исходитъ изъ той мысли, что теперь надо направить всѣ силы исключительно на охрану православныхъ чадъ отъ соблазновъ, а не отвлекать части силъ на вразумленіе заблудшихъ или отпавшихъ отъ Церкви.

Начнемъ разборъ приведенныхъ возраженій съ послѣдняго. Отрицать вразумленіе заблудшихъ на томъ основаніи, что теперь всѣ силы нужно направить на охрану православныхъ отъ соблазновъ,—значить не понимать духа Христовой вѣры, который насквозь пропитанъ прозелитизмомъ. Благовѣстіе Христовой вѣры иновѣрцамъ не можетъ быть прекращено въ Церкви никакими соображеніями, а тѣмъ болѣе ошибочными. Вѣдь охрана своихъ чадъ отъ соблазновъ—это не теперешняя только, а всегдашняя задача Церкви Христовой и, безъ сомнѣнія, въ наше время не болѣе сложная и трудная, чѣмъ въ былыя времена. И, однако, Церковь никогда не замуравывалась въ разъ построенныхъ ея стѣнахъ, а расширялась пристройкою все новыхъ и новыхъ живыхъ стѣнъ изъ людей, раньше чуждыхъ ей по вѣрѣ. Особенно же цеклась Церковь о чадахъ, покинувшихъ ее и пошедшихъ блуждать по стихіямъ міра. Глубоко вѣрно просвѣщеннѣйшій іерархъ нашей Церкви Херсонскій архіепископъ Димитрій замѣтилъ въ своей рѣчи предъ открытіемъ въ сентябрѣ прошлаго года областного миссіонерскаго съѣзда въ Одессѣ: „имъ показалось, что 17-е апрѣля означаетъ почти что прекращеніе дѣла миссіонерскаго. Не понимаютъ самаго существа жизни церкви и истиннаго характера ея благовѣстія. Церковь есть свѣточъ, долженствующій озарять лучами истины всѣ самые темные углы человѣчества. Благовѣстіе о свѣтѣ истинномъ, христіанская миссія, это—сущность дѣятельности церкви. Церковь сама вся есть великій богоучрежденный станъ миссіонерскій, выдвигающій на святое дѣло еще особыхъ, хорошо подготовленныхъ, работниковъ миссіи. И прекращеніе дѣла благовѣстническаго, миссіонерскаго, было-бы равносильно прекращенію добраго воздѣйствія церкви на жизнь человѣчества; это была бы угроза самому ея существованію“. Тотъ же іерархъ въ другомъ мѣстѣ еще лучше намѣчаетъ задачи Церкви: она должна „охранять чадъ своихъ отъ религіозныхъ заблужденій, вразумить уже заблудшихъ и отпавшихъ отъ нея овецъ и нѣчто пріобрѣсть со стороны“. И мы увѣрены, что двухъ мнѣній въ данномъ вопросѣ не можетъ быть. Заповѣдь Христа: „идите, научите *всѣ* народы“... останется и впредь „*во всѣ дни*“ обязательной къ осуществленію для православной Церкви Христовой.

Публичныя бесѣды, говорятъ, разжигаютъ народныя страсти, вносятъ въ приходъ смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами, посему-де онѣ и не нужны. Въ данномъ возраженіи противъ публичныхъ бесѣдъ кроется большое недоразумѣніе. Не будемъ уже говорить о томъ, насколько въ каждомъ отдѣльномъ „печальномъ инцидентѣ“ повиненъ самъ миссіонеръ-полемистъ. Но допустимъ, что именно его бесѣда повела къ „печальному инциденту“. Что же отсюда слѣдуетъ? Не нужно бесѣдъ, или не нужно печальныхъ инцидентовъ? Если признаемъ первое, то тогда придется зачеркнуть и многія другія отрасли церковнаго воздѣйствія на людей, такъ какъ съ каждой изъ нихъ можетъ случиться „печальный инцидентъ“. Вѣдь никто же не станетъ утверждать, что „печальный инцидентъ“ есть неотъемлемая и исключительная принадлежность публичныхъ бесѣдъ?!. Тогда такихъ инцидентовъ были-бы тысячи, или столько, сколько проведено публичныхъ бесѣдъ!.. Значитъ, бесѣда и „печальный инцидентъ“—это два отдѣльныя явленія. А если такъ, то миссіонеру должно на бесѣдахъ всѣми силами стараться избѣгать „печальнаго инцидента“, а не зачеркивать самыхъ бесѣдъ. Но при этомъ необходимо помнить, что въ „печальномъ инцидентѣ“ можетъ быть повинна, что и бываетъ, среда, въ которой дѣйствуетъ миссіонеръ, такъ что будь его бесѣда и въ апостольскомъ духѣ, а его противники могутъ устроить инцидентъ, чтобы сгладить впечатлѣніе его бесѣды на слушателей. Развѣ апостольская проповѣдь не сопровождалась также „печальными инцидентами“ и отъ „возбужденія народа“ не были побиты камнями Стефанъ и Павелъ (Дѣян. 6,12. Дн. 14,19)?!. А „немалый мятежъ“ въ Ефесѣ и обвиненіе апостоловъ въ томъ, что они „всесвѣтныя возмутители“ (Дѣян. 17; 19 гл.)?!. Что же, все это побудило апостоловъ бросить дѣло проповѣди евангелія иномыслящимъ?!. Нѣтъ. Они продолжали свое дѣло „съ долготерпѣніемъ, назиданіемъ, кротостью и благоговѣніемъ“. Если бесѣды, далѣе, „разжигаютъ страсти и вносятъ въ приходъ смуту“, то опять здѣсь все зависитъ отъ способа веденія бесѣдъ и опять здѣсь бываетъ повинной и среда заблудшихъ. Мы уже видѣли, что и апостольская проповѣдь „разжигала страсти и вносила въ народъ смуту“. Да и всякое ли „разжиганіе страстей“ и всякая ли „смута“—преступны? Миссіонеръ долженъ разжечь въ спящемъ народѣ страсть къ познанію истины, воспламенить огонь Христовой любви и ревности по домъ Божию. Состояніе „теплоты“ противно христіанству: „но какъ ты теплый, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“. Преступной же смуты и „разжиганія“ дурныхъ страстей миссіо-

нерь, конечно, долженъ всегда и всюду избѣгать. При обсужденіи этого вопроса, Одесскій областной миссіонерскій съѣздъ въ сентябрѣ прошлаго года постановилъ: „миссія должна какъ можно мягче вести бесѣды съ заблудшими, передъ бесѣдою слѣдуетъ условиться съ сектантами, чтобы не допускать ни съ чьей стороны рѣзкихъ и хульныхъ сужденій. Если же собесѣдники миссіонера или слушатели станутъ производить смуту, то тактично прекращать бесѣду пѣніемъ молитвы. Тамъ же, гдѣ есть опасность подобныхъ явленій, бесѣдъ въ храмѣ не производить“. И мы увѣрены, что другого рѣшенія по вопросу объ огражденіи публичныхъ бесѣдъ отъ инцидентовъ нельзя дать. Всѣ опасенія на счетъ „разжиганія страстей“ или „смуты“ не могутъ и не должны быть устраняемы прекращеніемъ бесѣды!.. Послѣднее походило бы на то, какъ если бы кто, желая сохранить свое платье отъ моли, сжегъ самое платье.

Публичныя бесѣды, говорятъ, не нужны, потому что онѣ ведутся чисто-раціоналистическимъ путемъ, безъ доказательствъ *ad hominem*; а между тѣмъ послѣдняго рода доказательства имѣютъ главное значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ. Посему, вмѣсто публичныхъ преній необходимо-де войти съ заблудшими въ интимныя бесѣды, съ каждымъ отдѣльно и особенно съ представителями сектантскихъ общинъ.

Въ этомъ отрицаніи сказывается полное незнаніе практической стороны миссіонерскаго дѣла. Но скажемъ прежде о логической несостоятельности такого отрицанія. Казалось-бы, что если публичныя бесѣды не достигаютъ своей цѣли потому, что ведутся неправильнымъ путемъ, то стоитъ только направить ихъ на надлежащій путь, а отнюдь не уничтожать бесѣдъ, потому что и каждымъ средствомъ воздѣйствія на заблудшихъ можно пользоваться ошибочно... Нельзя-же по этой причинѣ совсѣмъ бросить дѣло вразумленія заблудшихъ! Посмотримъ теперь, дѣйствительно-ли неправиленъ тотъ путь, по которому нынѣ ведутся миссіонерами публичныя бесѣды? Что такое „чисто-раціоналистическіе приемы“, въ которыхъ видятъ главный недостатокъ публичныхъ бесѣдъ? Подъ этими „приемами“ обычно разумѣютъ старанія миссіонеровъ убѣдить своихъ совопросниковъ въ истинѣ православнаго ученія *путемъ ссылокъ на Священное Писаніе*. Правиленъ-ли этотъ путь? Думаемъ, что каждый миссіонеръ-практикъ отвѣтитъ: не только правиленъ, но и единственно возможенъ на публичныхъ бесѣдахъ съ заблудшими. Это вотъ почему: публичная миссіонерская бесѣда не есть въ тѣсномъ смыслѣ

проповѣдь, предлагаемая слушателямъ съ цѣлью побудить ихъ на извѣстнаго рода нравственный поступокъ, какъ на примѣръ: любить ближняго, не пьянствовать, не прелюбодѣйствовать и пр..., а—полемика по вопросамъ *этры* и притомъ, по характеру и содержанію своему, зависящая отъ болѣзни и требованій немощнаго въ вѣрѣ собесѣдника. Чего-же требуетъ отъ миссіонера и чѣмъ болѣетъ сектантъ или раскольникъ? „Докажите намъ истину вашего вѣроученія и ложь нашего упованія, говоритъ сектантъ миссіонеру, и докажите не отъ своего разума, и не отъ измышлений сердца, а отъ строки Св. Писанія, или, если то будетъ раскольникъ, „старопечатныхъ книгъ“... И на первую попытку миссіонера повліять на заблудшихъ — доказательствами „отъ сердца“ или „ad hominem“ его собесѣдникъ-сектантъ тотчасъ съ улыбкой отвѣтитъ: „Эхъ, г. миссіонеръ, не о томъ мы васъ спрашиваемъ; вы намъ туману поменьше разводите; всѣ то мы знаемъ, что вы человекъ ученый и красно говорить можете; хотите поучать, такъ поучайте своихъ, а съ нами давайте побесѣдуемъ о предметахъ нашего упованія; по части-же жизни въ міру намъ и безъ васъ заповѣди вѣдомы, не язычники мы: и ближняго по силѣ любимъ и водки поменьше православныхъ пьемъ... Лучше вы вотъ растолкуйте, въ чемъ у насъ съ вами разладаца... Въ Писаніи сказано: не дѣлай изображеній мужчины и женщины, а вы понадѣлали. Можетъ, мы и „немудрые“, такъ ужъ Богъ намъ судилъ, а что-то не находимъ, чтобы Писаніе велѣло нарисовать Спасителя, аль Божию Матерь, аль Николая Угодника“... И тутъ-же другой сектантъ лукаво добавитъ: „нешто ученіе Николаитовъ Господь уважаетъ?“ (Апок. 2, 15). За этимъ пойдутъ другіе вопросы и все такого-же рода: гдѣ въ Писаніи сказано тремя перстами креститься, длинные волосы пастырямъ носить, или въ храмѣ сидѣть? Это антихристъ въ храмѣ сядетъ, раздастся изъ сектантской толпы. А тамъ пойдутъ рѣчи о „золотой чашѣ въ рукѣ жены“ (Апок. 17 гл.) съ явнымъ указаніемъ, что это „православная чаша причащенія“ и т. д. и т. д... Съ трудомъ миссіонеръ удержитъ своихъ собесѣдниковъ на одномъ предметѣ бесѣды и приступитъ къ подробному выясненію его „отъ Писанія“. Кто скажетъ, что миссіонеръ долженъ уклониться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ и притомъ по буквѣ писанія или старопечатныхъ книгъ, тотъ не знаетъ ни сектанта, ни раскольника. Вопросы „видимаго упованія“ или вопросы обрядовые и догматическіе съ внѣшними ихъ проявленіями для того и другого—вопросы жизни; надъ ихъ рѣшеніемъ онъ про-сизживаетъ не одинъ день и своими выводами волнуеть цѣлое

«село, тѣмъ болѣе что каждый сектантъ въ своемъ родѣ—миссіонеръ... Въ *интимной*-ли бесѣдѣ съ сектантомъ, или *на публичной* вы столкнетесь все съ *одними и тѣми-же* вопросами, все съ *одной и той-же* постановкой ихъ и все съ *однимъ и тѣмъ-же* требованіемъ „показать отъ Писанія“. Такъ въ селѣ, такъ въ городѣ, такъ и въ столицѣ. Если-же дѣйствительность такова, то виновать-ли миссіонеръ, употребляя въ своихъ бесѣдахъ съ сектантами „пріемы чисто-раціоналистическіе, т. е. рѣшая запросы своей больной паствы примѣнительно къ ея дѣйствительному духовному гладу—*„отъ строки Писанія“*».

Говорятъ, что миссіонеръ не долженъ спускаться до уровня совершенства сектанта, а возводить послѣдняго до своего уровня. Но полагаю, что такое средство возможно прописать только на бумагѣ, а провести его въ жизнь *ex abrupto* невозможно. Необходимо прежде спуститься до уровня совершенства больного пациента, если это, конечно, не соблазняетъ другихъ, поговорить съ нимъ на его языкѣ, а затѣмъ уже незамѣтно для него самого возводить его отъ степени въ степень, иначе вы для него будете чужестранецъ (Кор. 9, 19—22).

Такимъ образомъ, если миссіонеръ въ своей борьбѣ съ заблудшими, путемъ публичныхъ или же частныхъ бесѣдъ съ ними, бросить тѣ пріемы, которые называютъ „чисто-раціоналистическими“, то съ увѣренностью можно сказать, что онъ погубить дѣло миссіи, такъ какъ и среди сектантовъ и среди православныхъ поселить убѣжденіе, что православное ученіе основано не на Св. Писаніи, а на философіи и пустомъ обольщеніи, по преданію человѣческому!..

Что-же касается „сердечности“ въ миссіонерской полемикѣ, то полагаемъ, что она необходима не только въ полемикѣ, но и во всѣхъ отрасляхъ миссіонерской дѣятельности и состоитъ въ томъ, что каждое свое слово миссіонеръ растворяетъ чувствомъ любви и состраданія къ заблудшему, что свое дѣло онъ ведетъ не какъ машина, а какъ преданный миссіонерству душею и тѣломъ. Такая „сердечность“ не измѣряется наборомъ „помазанныхъ“ словъ, а, такъ сказать, исходитъ отъ всего миссіонера. Слово такого миссіонера дѣйственно и когда онъ „свѣтитъ міру“ и когда съ кѣмъ-либо, какъ съ внухомъ, говоритъ наединѣ.

Публичныя бесѣды, говорятъ далѣе, нужно бросить еще и потому, что онѣ даютъ большую пищу для праздныхъ пересудовъ и небольшой процентъ обращеній и, такимъ образомъ, не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ или раскольниковъ въ лоно Церкви.

Но кому изъ миссіонеровъ неизвѣстно, что интимныя бесѣды ихъ съ сектантами, и особенно съ сектантскими представителями даютъ еще большую пищу для пересудовъ? Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: какъ-то въ с. Разказово, Тамбовской губ., послѣ публичной бесѣды съ сектантами, ко мнѣ подошла группа православныхъ, среди которыхъ были и очень почтенныя лица, и убѣдительно просила меня не ходить въ дома сектантскихъ заправиль для частныхъ бесѣдокъ съ ними „одинъ-на-одинъ“, потому что, по отъѣздѣ миссіонера, эти лица распространяють про такія бесѣдки очень обидныя для православныхъ небылицы. И я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться, что довѣрять честности сектантскихъ заправиль можно только тогда, когда поставишь себѣ за правило: жить абстракціями, а не дѣйствительностью!.. Но что-же? Неужели миссіонеру бросить частныя бесѣды съ сектантами изъ боязни кривотолковъ?.. Не лучше-ли поискать средствъ къ устраненію пересудовъ, чѣмъ сокращать самое дѣло миссіи въ явный ущербъ послѣднему?

Публичныя бесѣды, говорятъ, излишни и потому еще, что даютъ небольшой процентъ обращеній и не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній заблудшихъ въ православіе.

Мы не будемъ говорить о томъ, что, за нѣкоторыми исключеніями, самъ сектантъ на публичной бесѣдѣ не сознается во лжи своего „упованія“, что свой переходъ въ православіе онъ совершаетъ втихомолку, какъ изъ ложнаго чувства стыда, такъ и изъ боязни своихъ „собратій“. Но на публичной бесѣдѣ онъ имѣетъ полную возможность убѣдиться во лжи своихъ „пресвитеровъ“ и вотъ, когда онъ приходитъ къ батюшкѣ съ просьбою „присоединить“ его, или ѣдетъ за этимъ на сторону, что бываетъ очень часто, потрудитесь-ка опредѣлить: подъ вліяніемъ публичной или частной бесѣды съ нимъ миссіонера созрѣла въ его душѣ рѣшимость присоединиться къ православію? Нерѣдко самъ сектантъ отказывается дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ и понятно почему: наблюдать за жизнью души несравненно труднѣе, чѣмъ за теченіемъ самой быстрой рѣчки, а разобратся въ этой жизни и тѣмъ болѣе!.. Но все-же, насколько можно судить объ этомъ со словъ бывшихъ сектантовъ, публичныя бесѣды миссіонеровъ всегда врѣзывались въ ихъ душу и служили однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій къ обращенію ихъ въ лоно православной церкви.

Съ увѣренностью скажемъ, что прежде чѣмъ миссіонеръ не подорветъ авторитета сектантскихъ заправиль доводами „отъ Писанія“, до тѣхъ поръ онъ не откроетъ себѣ сердца искренно

заблудшаго рядоваго сектанта. А этого и можно достигнуть только при помощи публичныхъ бесѣдъ, такъ какъ невозможно же миссіонеру ходить съ сектантскимъ начетчикомъ по избамъ и предъ каждымъ заблудшимъ въ отдѣльности устраивать бесѣду съ его наставникомъ. Если же миссіонеръ самъ придетъ къ рядовому сектанту, то послѣдній тотчасъ скажетъ ему: я неграмотный, малосвѣдущій, а вы лучше поговорите съ нашимъ братомъ N.—онъ у насъ за „старшого“; мы же послушаемъ васъ и тогда рѣшимъ, кто изъ насъ идетъ по Писанію. И всѣ попытки миссіонера завязать разговоръ останутся тщетными, если онъ не проведетъ прежде публичныхъ бесѣдъ со „старшимъ“ у сектантовъ. Такова внутренняя связь между сектантскимъ „пресвитеромъ“ и его паствою и миссіонеру необходимо прежде всего порвать или ослабить именно эту связь и притомъ путемъ гласнымъ, публичнымъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе не только со стороны рядовыхъ сектантовъ, но и мѣстной православной паствы, нерѣдко живущей подъ обаяніемъ „учености“ сектантскаго „пресвитера“. Лишенный въ приходѣ довѣрія, сектантскій „пресвитеръ“ или смиряется духомъ, стушевывается, или еще болѣе ожесточается, чувствуя, что съ потерю своего первенства онъ лишается и многихъ земныхъ благъ... Если же миссіонеръ начнетъ съ того, чтобы заручиться симпатіями сектантскихъ „пресвитеровъ“ путемъ интимныхъ съ ними бесѣдокъ, то онъ, во 1-хъ, тотчасъ возбудитъ и среди рядовыхъ сектантовъ и среди православныхъ недоовѣріе къ своей дѣятельности и тѣмъ обезцѣнитъ особенно въ глазахъ сектантовъ фактъ присоединенія къ православію ихъ „пресвитера“; а во 2-хъ, что очень важно, вскорѣ убѣдится, что среди „передовыхъ“ сектантовъ слишкомъ мало лицъ, искренно и безкорыстно вѣрующихъ въ истину своего „упованія“ и ищущихъ спасенія „по Писанію“. Отсюда, невольно явится у миссіонера неотложная нужда въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе снять съ темныхъ, рядовыхъ сектантовъ умственно-религіозный гнетъ ихъ „передовиковъ“.

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы публичныя бесѣды оцѣнивались количествомъ происшедшихъ на нихъ обращеній заблудшихъ въ лоно Церкви и чтобы въ „массовыхъ обращеніяхъ“ видѣть единственную, или хотя-бы главную цѣль публичныхъ бесѣдъ. Что таковыя обращенія на публичной бесѣдѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, *и не могутъ быть*, объ этомъ мы уже сказали. Но къ сказанному считаемъ долгомъ прибавить нѣсколько словъ въ разъясненіе *истиннаго значенія* публичныхъ бесѣдъ.

Прежде всего спросимъ: кто навязываетъ публичнымъ бесѣдамъ вышеупомянутую цѣль—„массовое обращеніе заблудшихъ“? Миссіонеры? Нѣтъ! А кто-же? Это: а) или враги миссіи, стремящіеся возложить на выю миссіонеровъ „иго неудобноносимое“, чтобы затѣмъ проливать „крокодиловы слезы“ о недостиженіи миссіей этой цѣли и, какъ-бы нехотя, ставить на очередь вопросъ объ уничтоженіи миссіонерскаго института, такъ сильно мѣшающаго имъ сѣять на народной нивѣ всевозможные плевелы... б) или искренно желающіе тѣмъ-либо помочь миссіи, но по неопытности дающіе миссіонерамъ неудобноисполнимыя совѣты. Я не имѣю никакого желанія говорить здѣсь о тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, имѣющихся у насъ мѣсто, когда люди, *по личной неприязни* къ дѣятелямъ миссіи, трубятъ объ уничтоженіи миссіонерскаго института, для чего только прикрываются тѣмъ соображеніемъ, что миссіонерскія-де бесѣды не сопровождаются „массовымъ обращеніемъ заблудшихъ“!.. Наше слово будетъ только къ искренно ревнующимъ о благѣ Церкви. Только имъ мы скажемъ нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ.

Необходимо принять во вниманіе, что публичная миссіонерская бесѣда ведется съ *представителями* сектантскихъ общинъ, которые связаны съ своими послѣдователями главнымъ образомъ узами не св. Писанія. Насколько дорога „передовымъ“ сектантамъ истина, можно отчасти судить по тому, какъ легко они мѣняютъ секты при условіи *всегда стоять во главѣ*. Сверхъ того, они находятся въ большой зависимости, особенно матеріальной, *со стороны* и эта зависимость несравненно тяжелѣе мѣстной. Вотъ почему миссіонеръ, хотя имѣетъ дѣло на публичной бесѣдѣ съ сектантскимъ „пресвитеромъ“, но преимущественною своею цѣлью поставляетъ воздѣйствовать чрезъ обличеніе и увѣщаніе „пресвитера“ на массу *рядовыхъ* сектантовъ и православныхъ, живущихъ въ общеніи съ сектантами и подвергающихся вліянію ихъ „пресвитера“. Болѣе подробно цѣль публичныхъ бесѣдъ можно формулировать такъ: онѣ даютъ миссіонеру возможность—а) подорвать въ глазахъ крестьянъ авторитетъ сектантскихъ наставниковъ и тѣмъ снять умственно-религіозный гнетъ послѣднихъ какъ съ рядовыхъ сектантовъ, такъ и съ немощныхъ православныхъ, б) открыто защитить православіе отъ нареканій, что оно, какъ говорятъ сектанты, якобы „лишь шепчетъ въ кулакъ“, в) гласно предъ народомъ, въ средѣ котораго работаютъ сектанты—пропагандисты, доказать ложь сектантскаго ученія, г) показать православнымъ на живомъ примѣрѣ, какъ имъ должно защищать

себя отъ сектантовъ ученіемъ Слова Божія ¹⁾, д) подойти съ открытымъ лицомъ, въ сознаніи *доказанной* своей правоты, къ душѣ рядовыхъ сектантовъ и немощныхъ православныхъ, которые въ такомъ случаѣ съ большимъ довѣріемъ и сердечностью откликаются на рѣчи миссіонера, с) поднять въ общей массѣ крестьянъ угасающій и раздуть уже погасшій духъ православія и побудить ихъ не только къ храненію православной вѣры, но и къ защитѣ ея и ж) сильнѣе расположить и приблизить крестьянъ къ дѣятелямъ миссіи ²⁾ и тѣмъ дать послѣднимъ возможность глубже проникнуть въ тайники религіозной жизни народа и тамъ подготовить благодарную почву для всесторонняго вліянія Церкви на сердца особенно немощныхъ и заблудшихъ ея чадъ. Восемилѣтній миссіонерскій опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что послѣ успѣшной публичной защиты православія въ душѣ ищущихъ истины, но заблудшихъ, зарождается склонность къ православію, просыпается пытливость и возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нерѣдко также разнообразны, какъ разнообразна религіозная психика крестьянъ. И вотъ тогда уже необходимо прійти на помощь къ каждому больному отдѣльно и *въ частной бесѣдѣ* съ нимъ удовлетворить *его* религіозно-нравственнымъ запросамъ. Впрочемъ, нерѣдко и *частная бесѣда* переходитъ въ публичную, по количеству слушателей.

Частныя бесѣды съ заблудшими, съ немощными православными и даже просто съ вопрошающими чадами Церкви миссіонеръ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ вести въ каждомъ приходѣ, конечно, по мѣрѣ физической возможности. Не разъ мы наблюдали, что чѣмъ успѣшнѣе проходила наша публичная бесѣда, тѣмъ больше являлось охотниковъ побесѣдовать съ нами въ тѣсномъ кругу, или наединѣ, тѣмъ откровеннѣе шли эти бесѣды и тѣмъ плодотворнѣе онѣ были. И эта тѣсная связь между публичными и частными или интимными бесѣдами вполне понятна. Вѣдь внутренняя жизнь обыденной личности находится въ большой зависимости отъ настроенія окружающей ее среды.

¹⁾ Съ этою цѣлью православные слушаютъ бесѣду миссіонера съ Библіею или книгами Новаго Завѣта въ рукахъ. По нимъ они слѣдятъ за ходомъ бесѣды, отмѣчаютъ необходимые тексты, провѣряютъ правильность сектантскихъ толкованій и т. п...

²⁾ Въ огромномъ большинствѣ случаевъ именно на публичныхъ бесѣдахъ обнаруживаются люди изъ среды народа съ миссіонерскимъ огонькомъ, желающіе и умѣющіе постоять за вѣру православную. Изъ такихъ лицъ затѣмъ формируются въ приходяхъ «кружки ревнителей православія».

И если публичная бесѣда создаетъ въ массѣ извѣстное настроеніе, то послѣднее властно прокрадывается въ душу каждаго слушателя и тамъ творитъ обновленіе ея. Такимъ моментомъ и пользуется миссіонеръ, чтобы довершить обновленіе отдѣльной души по завѣтамъ Церкви Православной.

Понятно теперь, что публичныя и частныя бесѣды съ заблудшими и другими чадами Церкви являются для миссіонера главными камнями, на которыхъ онъ строитъ свое миссіонерское зданіе. И мы глубоко убѣждены, что фундаментъ изъ этихъ камней не только прочный, но и крайне необходимый, особенно въ наше время и притомъ въ той средѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ какой и при какихъ миссіонеру приходится дѣйствовать. Эти камни, этотъ фундаментъ заложенъ Христомъ. На немъ Церковь со временъ апостольскихъ строила и, увѣрены, что и впредь будетъ строить живой храмъ Господу Богу. Правда, публичная полемическая бесѣда для миссіонера—бремя тяжелое и весьма отвѣтственное. Но снять его съ миссіонера намъ не велитъ наша совѣсть, не велитъ, наконецъ, польза Церкви Христовой и завѣтъ ея Основателя.

Говоря о публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ съ заблудшими, мы отнюдь не устраняемъ для миссіонера возможности и даже необходимости, особенно въ зараженныхъ лжеученіями приходахъ, прибѣгать и къ обычной *проповѣди* въ храмѣ и другихъ мѣстахъ, когда слушателями являются почти всегда исключительно православные. Но мы только утверждаемъ, что публичныя и частныя бесѣды съ заблудшими и немощными православными представляютъ собою два главныхъ камня, лежащихъ въ основѣ миссіонерскаго дѣланія. Посему на нихъ и должно быть обращено *особливое* вниманіе миссіонера.

Характеръ миссіонерской полемики. Когда мы отвѣчали на вопросъ: нужна-ли миссіонерская полемика?—то мы начертили два типа полемики: одинъ отрицательный, а другой положительный или апостольскій. Обрисовывая апостольскую полемику, мы тѣмъ самымъ опредѣляли и характеръ миссіонерской полемики. Несомнѣнно, что послѣдняя должна быть запечатлѣна духомъ Апостольскимъ. Она должна быть кротка, назидательна, долготерпѣлива, благоговѣйна, незлобива, привѣтлива и учительна (2 Тим. 2, 23—26; 3, 8; 4, 2). Все, присущее „глупымъ и невѣжественнымъ состязаніямъ“, когда люди спорятъ изъ любви или страсти къ словопреніямъ, должно быть чуждо миссіонерской полемикѣ (1 Тим. 6, 4—5; 2 Тим. 2, 23.). Какъ-бы ни былъ грубъ, бранчивъ и невѣжественъ собесѣдникъ миссіонера,

послѣдній долженъ увѣщевать его съ кротостью, незлобіемъ и долготерпѣніемъ. Болѣе того, къ такому-же отношенію къ заблудшему онъ долженъ побуждать и всѣхъ слушателей, погашая духомъ любви вспышки гнѣва со стороны слушателей на сектанта или на раскольника. Въ крайнемъ случаѣ, если негодование слушателей принимаетъ грозный видъ, то тихо и съ любовью внести въ полемику молитвенное настроеніе, пригласивъ всѣхъ пропѣть молитву, или даже отслужить молебенъ о вразумленіи заблудшихъ и затѣмъ спокойно расходиться по домамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что моленіе, особенно продолжительное, успокоитъ страсти народа и онъ разоидется съ миромъ въ душѣ.

Методика миссіонерской полемики. Вопросъ, *съ чего начинать бесѣды съ сектантами?*—много разъ обсуждался въ миссіонерской литературѣ и на миссіонерскихъ съѣздахъ. Съ своей стороны мы ставимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ зависимость отъ того, о чемъ собственно долженъ бесѣдовать миссіонеръ? Несомнѣнно, *о вѣрѣ Христовой*. Такихъ бесѣдъ требуетъ отъ него и сектантъ. Здѣсь у нихъ общая точка отправления. Далѣе предъ ними невольно встаетъ также общій вопросъ: откуда каждый изъ нихъ черпаетъ *вѣру Христову*? У того и другого въ рукахъ Библия. Уже это свидѣтельствуетъ, что оба они пришли побесѣдовать о вѣрѣ Христовой не отъ себя, не отъ собственнаго вымысла, а отъ св. Писанія. Но какъ каждый изъ нихъ смотритъ на книги св. Писанія? Этотъ вопросъ требуетъ разъясненія и есть *исходный* для всей ихъ дальнѣйшей бесѣды. Не разрѣшить его значить начать дѣло собесѣдованій съ неизвѣстнаго. Посему и необходимо въ бесѣдѣ съ сектантами прежде всего выяснитъ взглядъ ихъ на источники христіанской вѣры, съ точки зрѣнія которыхъ они оспариваютъ истину православія и отстаиваютъ свое ученіе. Это важно и по слѣдующимъ практическимъ соображеніямъ: сектантъ черпаетъ свою вѣру только изъ книгъ Св. Писанія или Библии и старается привить такой-же взглядъ на Библию, какъ на единственный источникъ христіанской вѣры, и православнымъ. Отсюда у православныхъ, общающихся съ сектантами, образуется привычка искать указаній на все, что есть въ Православной Церкви, только въ Библии. Понятно, что, не находя многого въ Библии, они вступаютъ на путь соблазновъ, чѣмъ искусно пользуются сектанты. И если въ вопросѣ объ источникахъ христіанской вѣры не послѣдуетъ у миссіонера соглашенія съ сектантомъ, то все-же бесѣда объ этомъ внѣдритъ въ сознаніе слушателей, что нельзя искать въ Библии отвѣта на всѣ вопросы вѣры, что есть еще и другой источникъ христіанскаго вѣроученія. А

уже одна мысль объ этомъ предохранить многихъ отъ соблазна сектантствомъ. Особенно, если важность Св. Преданія будетъ обстоятельно выяснена и со стороны необходимости его для правильного истолкованія Св. Писанія. Такъ что вопросъ объ источникахъ христіанскаго вѣроученія мы считаемъ неотъемлемою принадлежностью и притомъ *начальнымъ* въ полемикѣ миссіонера съ сектантами.

Одновременно съ вопросомъ объ источникахъ христіанскаго вѣроученія, необходимо внѣдрить въ сознаніе сектантовъ и всѣхъ вообще слушателей, что принимаются для разъясненія недоумѣній и «свидѣтельства человѣческія» (Іоан. 5, 9) и что первыя лишь больше и важнѣе послѣднихъ. Это побудитъ сектантовъ изучать исторію церкви и перенести полемику на болѣе сознательную почву, чѣмъ привязанность къ буквѣ Писанія. И самая буква Писанія тогда будетъ ими пониматься несравненно разумнѣе.

Всѣ другого рода вопросы могутъ быть предметомъ бесѣды не въ зависимости отъ какого-либо строгаго порядка ихъ, а лишь примѣнительно къ потребностямъ слушателей и немощныхъ чадъ Церкви. При этомъ миссіонеръ обязательно долженъ подкрѣплять свои сужденія и ссылками на Св. Преданіе и свидѣтельствами церковной исторіи, несмотря на то, приметъ ли ихъ или не приметъ его собесѣдникъ-сектантъ. Такимъ путемъ миссіонеръ закрѣпитъ въ сознаніи слушателей весьма важную для успѣха миссіонерскаго дѣла мысль о необходимости рѣшать вопросы на основаніи и другихъ источниковъ, кромѣ Библіи. Да и каждое слово миссіонера будетъ являться обоснованнымъ на извѣстныхъ источникахъ, а не на собственномъ вымыслѣ и чрезъ это будетъ дѣйственнѣе сектантской рѣчи.

Какъ завязать бесѣду съ сектантами? Конечно, этотъ вопросъ возникаетъ только тогда, когда сектанты *молча* присутствуютъ на бесѣдѣ. Въ такихъ случаяхъ необходимо бесѣду вести апологетическимъ методомъ, разбирая несправедливость сектантскаго ученія объ извѣстномъ предметѣ вѣры. Если сектанты не вступятъ въ бесѣду, то указать имъ на повелѣніе Ап. Петра: «будьте всегда готовы всякому, [требующему у васъ] отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ». Если опять они не пожелаютъ бесѣдовать, то указать на *противленіе* ихъ заповѣди Ап. Петра. Всѣ эти указанія и увѣщанія должны быть кроткими и назидательными. Исчерпавъ освященные Христомъ и Апостолами способы завязать бесѣду съ сектантами, необходимо дать полную возможность православнымъ высказать

всѣ, накопившіяся и царяція среди нихъ недоумѣнія, а затѣмъ постепенно разрѣшить ихъ. Бесѣда и въ такомъ видѣ принесеть большую пользу дѣлу миссіи въ приходѣ.

Въ какой формѣ вести бесѣду съ задлудшими? Собственнымъ опытомъ мы убѣдились, что продолжительныя рѣчи обѣихъ сторонъ мало способствуютъ выясненію предъ слушателями, особенно предъ крестьянами, спорнаго вопроса. Получается впечатлѣніе, что и миссіонеръ говорилъ много, и сектантъ не меньше. А на чьей сторонѣ правда, этого собственнымъ умомъ крестьянинъ не разрѣшить. Посему лучше вести бесѣду краткимъ діалогомъ или путемъ совопросничества, чтобы каждый вопросъ немедленно получалъ себѣ разрѣшеніе. Это—любимая крестьянами форма собесѣдованій. И только предварять и заключать бесѣду можно болѣе продолжительнымъ словомъ на тему бесѣды. Что касается *перерыва бесѣды* съ цѣлью передохнуть, то это зависитъ уже отъ усмотрѣнія миссіонера, который въ этомъ случаѣ будетъ соображать, не сгладить-ли такой перерывъ впечатлѣнія бесѣды на слушателей, не понизитъ-ли въ нихъ ограднаго воодушевленія? Въ своей личной практикѣ я рѣдко прибѣгалъ къ перерыву, хотя бы бесѣда продолжалась и до восьми часовъ. Но если перерывъ сдѣланъ, то необходимо заполнить его пѣніемъ духовныхъ молитвъ и пѣснопѣній, чтобы религиозное настроеніе въ слушателяхъ не превратилось во взаимную распрю по вопросамъ бесѣды и чтобы шумъ и гамъ отъ входящихъ и выходящихъ не нарушали божественной гармоніи бесѣды.

Положеніе собесѣдниковъ. Въ настоящее время сектанты особенно часто стали изъяслять претензіи на то, чтобы во время бесѣды стоять рядомъ съ миссіонеромъ или же смѣнять другъ друга за каеедрой и чтобы имъ также говорить лицомъ къ народу. Если подобныхъ требованій нельзя отклонить, то миссіонеру никогда не надо сходить съ своего мѣста и уступать его сектанту. Народъ всегда на бесѣдѣ долженъ видѣть *лицо* миссіонера—это психологія бесѣды. Но удовлетворить требованіе сектанта-собесѣдника возможно другимъ путемъ,—это поставивъ ему другую каеедру, столъ и т. под.

Время бесѣды опредѣляется свободой крестьянъ отъ полевыхъ работъ, а *мѣсто* избирается по усмотрѣнію миссіонера и пастыря прихода; причемъ, если возможна со стороны сектантовъ грубость, то въ храмѣ не устраивать бесѣды.

Какъ приглашать сектантовъ на бесѣды? Самымъ лучшимъ способомъ долженъ быть признанъ тотъ, когда «кружки ревнителей православія», или вообще православные прихожане, а осо

бенно православные члены смѣшанныхъ семей, сами, по просьбѣ священника или миссіонера, зовутъ сектантовъ побесѣдовать. Но хорошо, если и миссіонеръ съ пастыремъ побываютъ у сектантовъ и лично приглашаютъ ихъ на бесѣду въ школу, храмъ и проч. Можно приглашать и письменно. Но всячески должно избѣгать приглашеній сектантовъ на бесѣду чрезъ посредство лицъ, состоящихъ въ приходѣ на полицейской или земской службѣ, чтобы не дать никакого повода къ обвиненіямъ въ насиліи. Единственнымъ основаніемъ приглашенія сектантовъ на бесѣды должны быть слова Ап. Петра (1 Птр. 3, 15) и вообще Св. Писанія.

Полнота миссіонерской полемики. Миссіонерская полемика со стороны разработки въ ней *тѣхъ или другихъ* вопросовъ вѣры и жизни стоитъ въ зависимости отъ требованій текущаго времени. Считаюсь съ запросами современности, она рѣшаетъ ихъ въ духѣ ученія Христа и Его Св. Православной Церкви. Наше время съ его рѣзкою соціально-экономическою и политическою борьбою выдвинуло на первую очередь много такихъ вопросовъ, которые раньше лишь изрѣдка вслывали на поверхность житейскаго моря и которымъ посему мало удѣлялось или вовсе не удѣлялось вниманія въ миссіонерской полемической литературѣ. Сверхъ того, эти вопросы нерѣдко рѣшаются теперь у насъ не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми партіями, группами и братствами, какъ напримѣръ: партіями соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, «Группою христіанъ», «Христіанскимъ Братствомъ Борьбы» и друг.—на *христіанской почвѣ* и проводятся въ жизнь подъ *знаменемъ Христа*. Все это будитъ уснувшую, волнуетъ пытливаю мысль христіанина даже въ захолустной деревнѣ, а особенно въ зараженныхъ сектантами приходахъ, гдѣ многіе давно уже лелѣютъ соціально-коммунистическія мечты. Подъ давленіемъ новыхъ думъ и сомнѣній православный горожанинъ, а тѣмъ болѣе сельчанинъ, идетъ за совѣтомъ къ пастырямъ и служителямъ Церкви. И послѣдніе *должны* разрѣшить его сомнѣнія, *должны* успокоить его мятущуюся совѣсть. Посему необходимо, чтобы миссіонерско-полемическая литература обстоятельно и въ доступной для народа формѣ разработала и освѣтила съ христіанской точки зрѣнія слѣдующіе жизненные вопросы нашего времени: во 1-хъ, вопросъ о частной собственности и общности имѣній; во 2-хъ, вопросъ о добромъ и преступномъ богатствѣ, а также о доброй и преступной бѣдности; въ 3-хъ, вопросъ о необходимости и значеніи для человѣка труда; въ 4-хъ—

о власти: ея происхожденіи, свойствахъ и назначеніи; ея правахъ и обязанностяхъ; о необходимости повиновенія властямъ и о крайнемъ предѣлѣ повиновенія; въ 5-хъ—объ истинной свободѣ, равенствѣ и братствѣ; въ частности: о совмѣстимости свободы съ порядкомъ и законностью, а равенства и братства со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ; въ 6-хъ—о стачкахъ и забастовкахъ; въ 7-хъ—о возмездіи за преступленіе въ связи съ оцѣнкою одного и того же дѣйствія съ точки зрѣнія преступленія и съ точки зрѣнія возмездія или наказанія за преступленіе и въ 8-хъ, наконецъ, всѣ вообще вопросы, выдвинутые разлившимся по всему лицу земли русской ученіемъ социалистовъ, коммунистовъ, революціонеровъ и анархистовъ. Каждый вопросъ долженъ освѣщаться съ христіанской точки зрѣнія такъ, чтобы въ его рѣшеніи можно было найти и опроверженіе ложныхъ взглядовъ, порожденныхъ тѣми или другими социальными ученіями. Возьмемъ для примѣра вопросъ о происхожденіи власти. Въ его рѣшеніи, соотвѣтственно нуждамъ нашего времени, надо рельефно обрисовать то положеніе, что узаконяющею властью санкцію является *воля Бога, а не народа*, потому что делегацію власти отъ народа, какъ суверена, уничтожается взглядъ на носителя власти, какъ на „небеснаго“ или „Божьяго помазанника“, что противорѣчитъ ученію Св. Писанія и, въ частности, ученію Христа и Его св. Апостоловъ и т. д. и т. д..

Кромѣ перечисленныхъ религіозно-соціальныхъ вопросовъ миссіонерская полемическая литература должна пополниться разработкою и вопросовъ чисто-религіозныхъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ завѣтовъ: Ветхаго и Новаго. Сектанты, отрицающіе „видимость“ въ Церкви: церковные обряды, внѣшнюю сторону въ таинствахъ и пр., обосновываютъ свое отрицаніе на томъ соображеніи, что вся вообще «видимость», о которой упоминаетъ новозавѣтное св. Писаніе, является остаткомъ ветхозавѣтной обрядности. Послѣдняя полностью уничтожена Христомъ. Христосъ пришелъ «исполнить всякую правду»,—говорятъ они,—т. е. выполнить весь ветхій законъ и тѣмъ самымъ отмѣнить его навсегда, что и исполнилось, когда Христосъ въ моментъ Своей смерти сказалъ: «свершилось», т. е. кончился ветхій законъ, какъ о томъ и говоритъ Ап. Павелъ: „кончина закона—Христосъ“. Со смерти Христа начался новый завѣтъ, какъ и сказалъ Христосъ: „новый завѣтъ въ Моей Крови“. Въ новомъ завѣтѣ поклоненіе Богу надлежитъ воздавать въ „духъ“, а не „видимости“. Если же и послѣ смерти Христа Апостолы придерживались „видимости“, то это потому, что они

не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ обрядовъ, отъ предписаній своего прежняго закона, а иногда совершали обрядъ, чтобы не соблазнить немощной совѣсти вѣрующихъ изъ іудеевъ. Такъ, они продолжали ходить въ храмъ, приносить жертвы по закону, совершать омовеніе водою или водное крещеніе, молиться руками, мазать елеемъ и проч... Между тѣмъ для истинныхъ христіанъ, которые находятся не подъ закономъ, а подъ благодатью,—всѣ эти дары, жертвы, омовенія и храмы не нужны. Истинный христіанинъ крестится не водою, а въ смерть Христа (Римл. 6, 3), какъ крестился Самъ Христосъ, на что и Апостоламъ Онъ указалъ и т. д... и т. д... И какой вопросъ не поставьте предметомъ бесѣды съ такими сектантами (преимущественно молоканами), они все сведутъ: и храмъ, и водное крещеніе, и елеопомазаніе, и иконы и пр...—къ Ветхому Завѣту, который де полностью отмѣненъ смертью Христа. Такъ что необходимо прежде рѣшить общій и главный вопросъ объ отношеніи Ветхаго завѣта къ Новому. Въ нашей полемической миссіонерской литературѣ этотъ вопросъ почти совсѣмъ не затронуть, что объясняется сложностью даннаго вопроса. Когда выяснится общая мысль, что не все изъ Ветхаго закона упразднено, что многое видоизмѣнено, а кое-что и оставлено въ прежнемъ видѣ, тогда уже въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ: о храмѣ, иконахъ и т. д... будетъ обсуждаться частная мысль, т. е. отмѣнены ли храмы, иконы и проч...

Въ зависимости отъ такого взгляда сектантовъ на Ветхій Завѣтъ миссіонерская полемика по вопросу, напимѣръ, объ иконахъ, должна псчерпать собою не только возраженія, что „иконы—идолы“, но и болѣе трудныя, когда сектанты признають иконы священными изображеніями, но отрицають ихъ на томъ основаніи, что онѣ даны были для Ветхаго Завѣта и притомъ по повелѣнію Бога. Между тѣмъ послѣдняго рода возраженія въ нашей полемической литературѣ или едва разбираются, или совершенно обходятся. Также и въ вопросѣ о водномъ крещеніи необходимо подробно доказать, что крещеніе не есть ветхое омовеніе. Вообще должно сказать, что сектантская изворотливость въ защитѣ своего ученія прогрессируетъ и новозавѣтную обрядность болѣе умные сектанты отвергають уже не отдѣльными упреками въ идолопоклонствѣ и проч., а общимъ обвиненіемъ въ служеніи буквѣ Ветхаго Закона. Такъ что такое обвиненіе должно предвидѣть при рѣшеніи каждаго вопроса миссіонерской полемики.

Я не касаюсь здѣсь неправильнаго рѣшенія въ нашей полемической литературѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, натяжекъ и т. под.

недостатковъ, такъ какъ все это не имѣетъ отношенія къ полнотѣ миссіонерской полемики. Но укажу еще на нѣкоторые вопросы, которые, по моему мнѣнію, должно подробно разработать въ миссіонерской литературѣ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о чудесахъ, какъ признакъ истинной Церкви Христовой, въ которой пребываетъ полнота даровъ св. Духа. Обличеніе заблужденій жидовствующихъ, хлыстовъ и скопцовъ также требуетъ большого вниманія со стороны миссіонерской литературы. Необходимымъ признаю ко всему сказанному добавить, чтобы каждый вопросъ въ полемической литературѣ обстоятельно разрѣшался при свѣтѣ св. Писанія, св. Преданія и исторіи христіанской Церкви. Польза отъ этого для миссіи неоспорима ¹⁾.

Итакъ, миссіонерская полемика нужна, законна, проявляется въ публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ, ведется въ духѣ кротости, назидательности, учительности, долготерпѣнія и благоговѣнія, строится по извѣстной методикѣ и должна исчерпывать полностью недоумѣнные вопросы, со стороны ихъ количества и содержанія.

Харьковскій епархіальный миссіонеръ

Иванъ Айвазовъ.

1) Въ интересахъ миссіонерской полемики необходимо пользоваться принятыми у сектантовъ «сборниками духовныхъ стихотвореній» и другими богослужебными и вообще духовными книгами, въ которыхъ содержится много матеріала, обличающаго самихъ сектантовъ.

По сектовѣдѣнію.

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи ¹⁾).

III.

9) Вѣчное царство Искупителя откроется страшнымъ судомъ. Вышній Владыка Судія провозвѣститъ о судѣ съ неба трубнымъ звукомъ, потомъ сойдетъ на землю со всею небесною силою, поставитъ вѣсы и всѣхъ потребуетъ къ отвѣту. Страхъ охватитъ тогда всѣхъ. Суда этого недолго ждать. Время его близко. А потому нужно оставить гордость и угоду плоти и со слезами, смиреньемъ и постомъ ожидать пришествія Судіи.

Небеса радость поють,
Хвалу Богу воздають
За великій Его трудъ.
Загремитъ Вышній Владыка
Во двѣнадцать страшныхъ трубъ.
На матушкѣ на землѣ,
Во израильской семьѣ.
Судитъ Агнецъ будетъ судъ.
Такого страшнаго суда
Не бывало никогда,
А судилъ вамъ Мой пророкъ,
Покрывалъ грѣшнымъ порокъ—
Онъ до время до поры,
Чтобы ждали. Съ Сіонъ горы
Катитъ грозень къ намъ гонецъ
Саваоѣ Господь Творецъ,
Милосердый нашъ Отецъ,
Избранный Божій Сынъ,
И вся сила Божья съ Нимъ--
Все Ангелы, Архангелы,
Херувимы, Серафимы
И вся сила Свѣтъ небесна.
Утвердитъ Нашъ Государь
Свои страшные вѣса,

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ» 1906. № 3.

Поколеблются тѣлеса,
И отъ страха Его гласу,
Грома страшнаго, ужаса,
Многи будутъ держать страхъ.

Судья скажетъ—на отвѣтъ,
А кто не хранилъ мой свѣтъ,
И не шелъ во мой слѣдъ?..
Всѣ ли Богу, мои дѣти,
Держите данны вамъ завѣты?..

Я вамъ милости снискалъ.
Соловей гнѣздо свиваль,
По ночамъ онъ рано пѣлъ,
А виноградъ мой бѣлый
Въ садахъ спѣлъ и зеленѣлъ.
На древа ваши садился,
Сладкимъ пѣньемъ усладился.

Почто вѣтви повредили,
Живу Богу не угодили,
Страдать Его проводили,
Плоть богатствомъ оградили?
Тѣмъ вы души погубили,
Всюду цвѣты посорвали,
Плоды мои поснимали,
На бесѣдахъ много спали,
Во саду моемъ зеленомъ
Соловью мѣста не дали.
Въ томъ поруку вы давали,
Чтобы муку миновали.

Я жалѣлъ васъ, Искупитель,
Чтобъ отъ стадичка не отстали.
А теперь вы мои други,
Предъ судомъ вы Божьимъ стали.

Слохвтитесь, мои други;
На святой Божьей округѣ
Вертитесь, мои други.

Когда крестъ не понесете,
То и души не спасете.

Сребра и золота у васъ много,
Заставили страдать Бога.

До суда времени немного.
Вы вставайте, пробудитесь
Отъ тѣлеснаго, други, сна,
Свѣтильнички въ сердцѣ жгите
Меня Бога съ судомъ ждите.
Дни золотые провожайте,
Плотямъ своимъ не угождайте.

А судъ страшный ужъ у двери.

Всѣ пороки обозрите,
Во слезахъ Бога примите,
Во кротости, во смиреньи

Мои други помолитесь,
 Другъ на друга не гордитесь.
 Скоро Батюшка родимый
 До насъ грѣшныхъ умилится,
 И съ покровомъ къ намъ явится,
 Но заслугамъ дать награду,
 Своимъ вѣрнымъ—отраду,
 Соберетъ овецъ въ ограду,
 Которыя безъ пороку—
 То—учители, пророки,
 Чины дѣвственны непорочны,
 Грѣховъ тяжкихъ недоточны.

10) Судъ будетъ въ Москвѣ. Искупитель батюшка откроется съ чудесами. Онъ вострубитъ во сто трубъ—и вся Россія изумится его славному явленію. Соучастникомъ въ судѣ будетъ Духъ Святой и Матушка Царица. Времени до суда немного. Нужно поститься, говѣть и терпѣть, чтобы съ честью встрѣтить Христа. Нужно оставить также и всякую заботу о тѣлѣ, а вмѣсто того—приобрѣтать сокровища духа—вѣру, любовь, чистоту и смиренье.

Успенья Божья Мать,
 Пошли свою благодать
 Во всѣ чистыя сердца
 Проповѣдать про Отца.
 Пошли Сына съ высоты,
 Мы остались сироты.
 Души плачутъ въ тѣлесахъ—
 Виденъ Агнецъ въ небесахъ.
 Унываетъ Духъ нашъ въ тѣлѣ,
 Ждемъ на всякой мы недѣлѣ.
 Духъ Святой насъ утѣшаетъ,
 Въ страхъ время совершаетъ.
 Судить Матушка Царица,
 Полетитъ къ намъ Орелъ птица.
 Ужъ этому не бывать,
 Чтобы вѣрнымъ унывать.
 Откроется Богъ Богомъ,
 Судья праведный нашъ самъ.
 Откроется съ чудесами—
 Увидите тогда сами.
 Объявится Царь предъ нами,
 И не будетъ Москва въ пламени,
 Не сгоритъ она, не утонетъ,
 И никто ее не тронетъ.

Отецъ числа отстрадалъ
 И на крестъ Себя отдалъ.
 Духъ евангеліе складаль,
 Всѣ страды его, терпѣнье.

Сама Матушка Успенье
 На Господа уповала,
 На гласъ она распѣвала,
 Въ соборъ Христа убирала,
 Который за насъ умиралъ.
 На крестѣ онъ Свѣтъ распялъ.
 Прогекли рѣки Его кровью.

Судить судъ Онъ будетъ вновь.
 Судить Матушка Царица
 И Духъ Святой—райская птица.
 Катитъ съ неба колесница
 Къ Ильѣ Божию пророку.
 Отъ Христа чиста дорога
 А время идетъ немного.
 Съ чѣмъ мы встрѣтимъ жива Бога?
 Его жизнью, страдами.
 Тѣмъ мы ему не угодили—
 Далеко Свѣта проводили.

Вотъ какое, други, дѣло
 Что намъ Матушка запѣла—
 Сердца наши обогрѣла
 Съ неба своей теплою
 И покрыла высотой,
 Приказала Христа ждать,
 Чтобы въ очи увидетьъ

А намъ надо поболѣть,
 Попоститься, поговѣть
 И душою пострадать,
 Чтобы честь Христу отдать.

Возлюбите Божье слово,
 Не ходите безъ покрова,
 Ожидайте моей славы,
 Приклоните свои главы
 Живъ Богъ, живъ Царь нашъ на свѣтъ,
 А мы, Свѣтъ нашъ, Твои дѣти.

Ожидайте съ неба судъ,
 Великъ Батюшка твой трудъ.
 Какъ вострубить во сто трубъ,
 Всю Рассею удивить,
 Насъ счастливыми явить.
 Всѣмъ намъ гласъ свой подаеть,
 Птица райская вѣщаеть.
 Чистота въ крылахъ летаетъ
 Прямо къ своему Отцу,
 А время идетъ къ концу.

Вы подумайте о томъ,
 Оставляйте всякъ свой домъ,
 Не жалѣйте тѣлеса,
 Ждите съ неба чудеса,
 Любовь пойте на гласа.

Довѣряйтесь тому—
 Богъ живеть въ чистомъ дому,
 Завсегда съ дѣтьми бесѣдуетъ
 И никто про то не вѣдаетъ.
 Мы возьмемъ ему вѣру,
 Любовь, правду, чистоту;
 Какъ оставимъ простоту,
 Тѣмъ дойдемъ мы въ высоту.

11) Государь Батюшка заповѣдуетъ дѣтушкамъ достойно
 приготовиться къ суду—оставить все тѣлесное, взять одно только
 небесное. О томъ же завѣщаль и Илья пророкъ, который запо-
 вѣдалъ молиться и не дѣлать грѣховъ „слабости“.

Проглаголоваль Государь
 Изъ устъ своихъ златыхъ:
 Кабы вы, мои любезные,
 Жили бы да не грѣшили,
 А меня, жива Бога,
 Отъ себя не отпустили.
 Кабы вы, мои любезные,
 Оставили все тѣлесное,
 А взяли бы небесное.
 Его дѣти не стѣрпѣли,
 За нимъ во слѣдъ полетѣли,
 Просвирочки получали,
 Сами голосомъ кричали,
 Что судьбу не замѣчали.
 Они въ пречистыхъ рукахъ были,
 А сердцами крѣпко ныли.
 Была намъ, други, судьба—
 Дождемся страшнаго суда.
 Илья пророкъ загремѣлъ,
 Слабо жить всѣмъ не велѣлъ.
 Молитесь, не унывайте,
 Отъ слабости отставайте.
 Оглянитесь назадъ,
 Обозрите всѣ пороки,
 Въ чемъ вы прежде находились.
 А нашъ Батюшка силенъ,
 У него гора Сіонъ,
 Мы дождемся тѣхъ временъ,
 Какъ пойдетъ Царь нашъ со славою,
 Объявить онъ свой указъ
 Не будетъ вѣрнымъ отказъ,
 А грѣшнымъ откажу,
 Хоть на время погожу
 И Аминь слово скажу.

12) Есть и другіе варианты на ту же тему о страшномъ судѣ.

Царь Искупитель сойдетъ на землю съ ключами отъ неба. Съ нимъ сойдетъ и вся небесная сила. Все небо зажжется тогда свѣчами. Искупитель сойдетъ на землю, подниметь бѣлое знамя и поставитъ тронъ. Его окружатъ цари и патріархи. Херувимы и серафимы будутъ стоять около трона. Илья пророкъ съ Предтечею будутъ держать надъ нимъ корону. Тутъ же будетъ присутствовать и ап. Петръ съ ключами отъ темничныхъ дверей. Искупитель зазвонитъ въ большой колоколъ, и по этому звону соберутся въ Москву всѣ его вѣрныя сироты. Явный Царь Россіи будетъ преслѣдовать „дѣтушекъ“ мученіями, но Искупитель оградитъ ихъ чудесами.

Во превышнемъ небѣ,
 Въ пресвѣтломъ раю
 Отъ престола Духа Свята
 Нову радость запоемъ.
 Саваоу живу Богу
 Убрать тайный кабинетъ,
 Скоро будетъ новый вѣкъ,
 Будетъ радость во весь свѣтъ.
 Саваоеъ со славой будетъ,
 Со небесными ключами,
 И все небо со свѣчами
 Сына Божія встрѣчать.
 Матерь Божія вначалѣ
 Непорочна чиста дѣва
 Во престолѣ жалко пѣла
 И молила Тебѣ, Свѣтъ:
 Почто страдамъ конца нѣтъ.
 Кроткій Агнецъ отвѣчалъ:
 Страдамъ моимъ есть началъ
 Во имя Вышняго Творца,
 А страдамъ нѣту конца.
 Скоро придетъ пора время,
 Подниму я бѣлое знамя,
 Объявлю скоро указъ,
 Приготовьтесь на мой гласъ,
 И реку я въ одинъ часъ.
 Дни, минуты тѣ настали,
 Херувимски полки стали,
 Серафимски поютъ славу,
 Преклоняютъ низко главу.
 А небесны патріархи
 Всѣ страдатели монархи
 Управляютъ Отца тронъ
 Илья пророкъ со Предтечей
 Держать Агничу корону.
 Всѣ Ангелы, Архангелы

Къ суду страшному готовы
 На главахъ вѣнцы покровы,
 И Архангельски соборы.
 Свѣтель мѣсяць со лучами—
 Петръ Апостоль со ключами
 У темничныхъ у дверей,
 Гдѣ нашъ Агнецъ Богъ Владыка
 И небесный Архіерей
 Сократилъ Онъ, Государь,
 Гордыхъ, лютыхъ Онъ звѣрей.
 Отопри замки, печати,
 Пора страды покончати,
 Чинамъ дѣвственнымъ, непорочнымъ
 Жива Бога въ ризы бѣлыя облачати.
 А вы дѣтѹшки любезны
 Извольте судъ мой замѣчать.
 Въ Словѣ Божьемъ говорится:
 Огнемъ грѣхъ загорится.
 Духъ глаголетъ пресвятой:
 Несите крестъ распятый свой,
 И законъ чистый, святой.

Я открылъ вамъ тайный свѣтъ,
 Призову вѣхъ на отвѣтъ,
 Зазвоню я въ большой звонъ,
 Во всю землю будетъ стонъ
 Соберу своихъ сиротъ.
 О, прекрасная Москва!
 Ты прославилась весьма.
 Въ тебѣ будетъ Искупитель
 Судъ со славою судить.
 Обѣщался Искупитель
 Всѣ иконы позлатить,
 Златы вѣнцы накладывать,
 Чтобы небомъ завладать.
 Чудесами Москву прославлЮ,
 Я и Питеръ такъ не оставлю
 Храбрыхъ воиновъ поставлю.
 Тогда, други, не робѣть.
 Царь васъ будетъ совращать,
 Честью, славою прельщать
 И мученіемъ тращать.
 Многихъ звѣри растащатъ
 Въ темные лѣса,
 Въ черные моря,
 А съ вами Богъ, страдальцами,
 Чудеса буду творить.
 Ильи Пророка отъ престолу
 Колесница загремитъ.

13) Судъ искупителя настолькоъ близокъ, что считается какъ бы

совершившимся фактомъ: воображеніе уже рисуетъ возвращающагося изъ ссылки Искупителя. А съ нимъ—силы неисчетныя: милліоны и билліоны скопцовъ, какъ стаи бѣлыхъ голубей, тучами летятъ встрѣчать его славное явленіе.

Отъ бѣлой зари,
 Отъ крутой горы,
 Отъ Иркутской,
 Выкатало къ намъ
 Красно Солнышко—
 Сударь Батюшка,
 Искупитель Свѣтъ
 Выкаталъ онъ къ намъ
 Яснымъ Солнышкомъ.
 Полный Духа Свѣтъ
 Кораблемъ плыветъ.
 Въ кораблѣ томъ
 Огонь, полымя.
 Жарка молнія.
 Въ корабляхъ силы неисчетныя
 Милліонами, билліонами
 Бѣлы голуби летятъ тучами,
 Летятъ тучами,
 За крестъ мучены,
 Все скопцы, бѣльцы,
 Земли греческой,

Въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ изображаются обстоятельства возвращенія Искупителя-Селизанова изъ ссылки въ Петербургъ (въ 1802 г.), когда онъ нѣкоторое время пользовался свободой и покровительствомъ Императора Александра I-го.

14) Искупитель сидитъ на царскомъ тронѣ, въ порфирѣ и коронѣ, имѣя въ рукахъ державу и щитъ. Явный царь ему служитъ защитникомъ.

Какъ во Питерѣ во градѣ,
 При духовномъ виноградѣ,
 Жили праведны въ оградѣ.
 Стоялъ тамъ Божій домъ,
 Радости были всѣ въ немъ.
 Онъ со царскимъ со трономъ,
 Со небеснымъ со покровомъ.
 Сидѣлъ Батюшка на тронѣ,
 Онъ въ порфирѣ былъ въ коронѣ,
 А въ правой ручкѣ держава,
 А въ другой ручкѣ два щита,
 А явный царь ему былъ защитой.

15) По другой пѣснѣ, Селивановъ изображается въ Сенатѣ, среди царя и вельможъ ходатайствующимъ за свободу своихъ дѣтушекъ.

Онъ страдаетъ за насъ Свѣтъ,
 Вспомнимъ всякъ его завѣтъ.
 Онъ намъ притчу говорилъ,
 Неволюшку растворилъ,
 Открылъ волюшку на вѣкъ.
 О томъ Духъ намъ святой рекъ.
 Вы служите Отцу съ вѣрою,
 Иди всякій его путемъ смѣло,
 Нашъ Батюшка лучемъ свѣтитъ,
 За всѣхъ за насъ отвѣчаетъ,
 Хотя слезы проливаетъ.
 Ко царю тайно катить,
 Царское сердце сокращаетъ
 Рукой, сильною десницею
 Во Сенатѣ, при всѣхъ лицахъ.
 Удивляются вельможи,
 Что премудрый идетъ Судъ Божій.
 Творить Онъ волю по глаголу,
 Перемѣняетъ нашу волю,
 А намъ плакать надо болѣ.
 Наливайте слезъ сосуды,
 Разбирайте Божьи суды,
 Не угождайте плоти ради,
 Поминайте Божьи страды.
 Принесите всякъ плоды
 Совершенные къ Отцу,
 Приготовьтесь къ вѣнцу,
 Будьте чисты всѣ сердцами,
 Предстань всякій предъ зеркаломъ
 Во пророческихъ трубахъ.
 Пребывай всякъ во трудахъ,
 Во любви, вы во совѣтѣ,
 Чего нѣтъ краше на свѣтѣ.

* * *

Кромѣ пѣсенъ въ честь Искупителя, къ разряду вѣроучительныхъ пѣсенъ нужно отнести нѣсколько стиховъ, прославляющихъ Пречистую Матушку Богородицу, нѣкоторыхъ пророковъ и ангеловъ.

16) Матушка Богородица есть достойная царица, скорая помощница въ житейскихъ бѣдахъ. Къ Ней нужно прибѣгать въ молитвахъ.

Достойная Матерь Божія
 Засудила судъ неложный,
 Строго съ гнѣвомъ поступила,
 Жива Бога откупила
 Казною своею небесной.
 О, достойная Царица
 Приказала всѣмъ молиться
 И слезами горько литься,
 Удостоилась страдати,
 Душу святостью награждати
 Многихъ въ царствіе провожати.
 Всѣхъ насъ грѣшныхъ прощаетъ
 Къ намъ на помощь поспѣшаетъ
 Научи насъ Чистая Дѣва,
 Какъ прожить намъ здѣсь безъ гнѣва.
 Станемъ Христа Бога славить
 Святой престоль Ему ставить.
 Пришло время прославляться,
 Второму Христу являться.
 Началь въ небѣ творить будетъ,
 Какъ Нашъ Батюшка засудитъ,
 Во все небушко затрубить,
 Во всей землѣ будетъ слышно,
 Это отъ Батюшки намъ вышло.
 Сойдетъ съ неба суда много
 Про живого Христа Бога
 Всѣ года, числа поставитъ
 И часы его прославитъ
 Предъ лицомъ Творца прославитъ,
 Достойно есть съ Богомъ поздравитъ.

17) Матушка Богородица научаетъ своихъ дѣтушекъ радѣ-
 нію. Радѣніе — ремесличко Божіе, трудъ Божій. Радѣть нужно
 усердно, неустанно. Съ радѣніемъ должно соединять молитву,
 чтобы благополучно переплыть житейское море и не увязнуть
 въ тинѣ мірской жизни. Пѣсня изображаетъ далѣе пречистое
 Успенъе Богородицы и приводитъ ея предсмертныя завѣты и
 наставленія. Смерть Богородицы сравнивается съ закатомъ солнца.
 Для принятія тѣла усопшей Богородицы Батюшка посылаетъ съ
 неба цѣлый полкъ ангеловъ со свѣчами. Четыре патріарха на
 пеленахъ несутъ ея пречистую главу въ седьмое небо, гдѣ будутъ
 называть ее царицей.

Наша Матушка родная въ полку пребывала,
 Она вѣрныхъ избранныхъ научала,
 Ремесличко имъ Божіе вручала:
 Вы, возлюбленные мои дѣтушки, радѣйте,
 Божіимъ ремесличкомъ владѣйте,

Что которое главы сильныя вамъ вручала,
И служить живому Богу научали.
Безпрестанно труды въ небо предносите,
А у Батюшки вы милости просите,
Чтобы вамъ житейское море переплыти
Да у Батюшки въ Сіонъ градъ быти,
Посреди вамъ синяго моря не погрязнуть,
А при краюшкѣ вамъ въ тинѣ не увязнуть.

О, великая надежда наша Матерь!
Жаль Пречистую твою плоть землѣ предати,
Чтобъ намъ Матушку родную не видати,
Изъ пречистыхъ устъ глаголу не слыхати.
Неотступно она Саваоа просить
Изъ очей она слезушки росить,
И сердечныя колѣна преклоняетъ,
Сама себя предъ Батюшкой извиняетъ:
Государь, Родной Батюшка помощникъ,
Помоги мнѣ сиротѣ корабль управить
А святое твое имячко прославить.

Съ востока красное солнышко выходило,
И за темныя оно облака заходило
И покрыло сыру землю темнотою.
А вѣрныя избранные замѣчали,
Что не будетъ ли отъ Батюшки печали,
Не пошлетъ ли полкъ ангеловъ со свѣчами
И четырь патриарха съ пеленами
И положить нашу Матушку Родную
Понесутъ ее въ седьмое небо ко престолу,
Пречистую главу будутъ принимати
И царицей ее будутъ называти.

О великая Царица наша Матерь!
Жаль пречистую твою плоть къ землѣ предати,
Неутѣшно будутъ праведные рыдати,
Знать намъ Матушку Родную не видати,
Изъ пречистыхъ устъ глаголу не слыхати.

Наша Мать глаголетъ слова строго:
А вы будьте, мои дѣтушки, готовы,
Вы, снимайте съ рукъ и съ ногъ оковы,
Смирённыхъ нашъ Батюшка принимаетъ,
Горделивыхъ же онъ отметаётъ,
Онъ и хочетъ ихъ нещадно покарати,
Что нельзя имъ это время воротити.
По рукамъ и по ногамъ ихъ тогда свяжеть,
Отъ вѣчнаго царствія небеснаго откажеть.
Тогда злѣй будутъ страдати,
Что не умѣли ремесличкомъ Вожимъ владати,
Тѣмъ лишилися небесной благодати.

18) Матушка Богородица требуетъ отчета у пророковъ—всегда ли они усердно радѣютъ и не угоджаютъ ли плоти. Она даетъ

ИМЪ наставленіе упражняться въ чтеніи евангелія и чаще возноситься мыслями къ небу. За это въ небѣ ихъ приметъ Саваоѣъ и облечетъ ихъ въ золотыя ризы. Сама же Матушка неизмѣнно пребываетъ съ радѣющими.

Наша Матушка родная
 Со соборомъ покатила,
 Всѣхъ пророковъ запросила:
 Нутка, здравствуйте, пророки,
 Каковы ваши истоки,
 Какъ часто ходите,
 Какъ на кручи водите,
 По округѣ ходите,
 А плотямъ волю даете;
 Это надо прекратить,
 Только въ небушко ходить.
 Читайте евангеліе—
 Примутъ въ небѣ ангелы.
 Саваоѣъ будетъ встрѣчать
 Въ златы ризы облачать.
 Наша Матушка родная
 По округѣ покатила,
 Служителей удивила.
 Служители совстрѣчали
 Они свѣчи засвѣчали.
 Наша Матушка нетлѣнна,
 Какъ солнышко, непремѣнна,
 Во трехъ лицахъ возсіяла,
 Всѣхъ покровомъ покрывала.
 Свѣтъ нашъ Батюшка Родимый
 Во гостяхъ у насъ бываетъ,
 Нагостился, распростился,
 Въ седьмо небо укатился,
 Засудилъ Божимъ судомъ,
 Взялъ Сына къ себѣ въ домъ,
 Одно словечко сказалъ,
 Строго Сыну приказалъ:
 Ужъ ты Сынъ ты мой сынокъ,
 Я дарю тебѣ замокъ,
 Еще золоты ключи,
 Чтобъ не спать тебѣ въ ночи—
 Братьевъ, сестеръ собирать,
 Всѣхъ ихъ кротко научать,
 Ко царствію прилучать,
 Постригать ихъ во монахи,
 Нарекать имъ имена,
 Отдавать имъ стремена,
 Золотыя удила
 Завуздывать свою плотъ
 Не пускать ко аду плотъ.

Вы припомните поруку,
 Обойдите горьку муку. .
 Свѣтъ нашъ Батюшка Родимый
 На седьмомъ небѣ катаеть,
 За престоломъ обитаеть,
 Вокругъ ангелы летають,
 На свои жалостные корабли
 Свѣтъ очами онъ взираеть,
 Всѣмъ избраннымъ сиротамъ
 Милость Божью посылаетъ
 И покровомъ покрываетъ.

19) Наряду съ Матушкой Богородицей прославляется архангелъ Гавріиль, предвозвѣстившій ей тайну рожденія отъ нея Искупителя.

Избранная Воевода,
 Наша Матушка Родная,
 Благодатная Марія
 Благовѣщенье имѣла.
 Архангелъ Гавріиль
 Тайну Божью объявилъ,
 На округъ не молчалъ,
 Неоднократно возвѣщалъ,
 Святымъ Духомъ отвѣчалъ.
 Жива Бога назначалъ.
 Чистая Дѣва ввѣрилась,
 По глаголу сотворилась,
 Святымъ Духомъ воспалилась,
 Благодать ей съ неба лилась.
 Живой источникъ течеть,
 Духъ Святой ко всѣмъ речеть.
 Птица райская поеть
 Гласъ небесный подаеть,
 Приказъ новый отдаеть.
 Кто изъ васъ, други, пойметъ,
 Про Спасителя Христа
 Путь дороженька чиста..

20) Прославляются также пророки—Давидъ, Енохъ и Илія, долженствующіе предварить своимъ пришествіемъ судъ Искупителя. Пророкъ Илія прославляется, какъ примѣръ спасительнаго страданія и терпѣнія:

Илія пророкъ былъ славень,
 Его жизнь была невольна,
 Били всѣ его довольно,
 Онъ въ горахъ больше скрывался
 Да слезами заливался.

21. Энохъ и Даниилъ вмѣстѣ съ Ильею пророкомъ устраиваютъ ковчегъ для всѣхъ Божіихъ людей—для бѣлыхъ голубей, и увѣщываютъ ихъ плыть въ этомъ ковчегѣ внизъ по тихому Дону къ спасительному дому Давидову, гдѣ Божій судъ и правда.

Даниилъ, Энохъ, Илья,
Они судари пророки
Построили ковчегъ
Для Божіихъ людей
Для бѣлыхъ голубей.
Ребятюшки молодцы,
Проплывемъ-те мы, ребята,
Внизъ по Тихому по Дону,
Ко Давидову мы дому,
Проплывемте мы туда,
Гдѣ Божіи суда.
Протрубила къ намъ труба
Блаженная изъ рая.
Кто во трубушку трубиль,
Того Батюшка любиль,
Еще жаловаль, дариль,
Онъ конями, богатырями,
Еще царствіемъ небеснымъ,
Еще раемъ преблаженнымъ.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ духовныхъ пѣснопѣній скопцовъ Курской епархіи. Мы далеки отъ мысли, что приведенныя пѣснопѣнія обнимаютъ собой весь пѣсенный матеріалъ, находящійся въ обращеніи среди сектантовъ. Но думаемъ, что онѣ въ достаточной полнотѣ раскрываютъ міровоззрѣніе сектантовъ, касаются всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ скопческаго ученія и достаточно ясно показываютъ, насколько вообще безотрадно міросозерцаніе скопцовъ, какъ далеко оно отъ вѣяній жизни и какъ оно мертво. Отчужденіе отъ всякихъ радостей и счастья жизни, призывъ къ терпѣнію, къ страданію, къ безстрастію, соединенному фактическимъ самоизуродованіемъ, и къ яко бы ангелоподобной жизни, проникающіе собой разсмотрѣнныя пѣсни, сообщаютъ скопчеству характеръ сложнаго религіознаго психоза, противный истинѣ подлиннаго христіанства.

Священникъ Владиміръ *Швалеевскій*.

Какъ проповѣдуютъ книгоноши.

(Изъ отчета миссіонера — книгоноши).

Прихожу я въ одинъ молоканскій домъ и предлагаю купить книги.

„А нѣтъ-ли у тебя портретовъ нашихъ воякъ — Куропаткина, Макарова, Стѣсселя?—спрашиваетъ меня старикъ:—вотъ ихъ бы мы купили, пожалуй“.

— Нѣтъ, говорю, такихъ нѣтъ. А есть у меня портреты тѣхъ воиновъ, которые побѣдили не японцевъ, а всѣ силы ада.

„Да это кто-же такіе?“

— А Господь, апостолы...

„О, это ты про иконы что-ли!“

— Да, да, про портреты нашихъ защитниковъ отъ враговъ невидимыхъ.

„Э, этого намъ не нужно, мы о нихъ читаемъ въ Евангеліяхъ; изображенія ихъ бесполезны“.

— Эхъ, старина, старина, грѣхъ тебѣ! Вѣдь и про Куропаткина-то ты небось читаешь въ телеграммахъ и газетахъ. И кажется, довольно-бы. Нѣтъ, ты еще спрашиваешь ихъ картины. Для чего? почему? Да читать про кого-нибудь—это одно, а кромѣ того хочется еще видѣть и портретъ или картину. Читаешь ты, примѣрно, про сраженіе. Нѣтъ, мало того, ты еще повѣсишь на стѣну и картину этого сраженія: такъ оно понятнѣе, виднѣе, да и сердце больше трогается. А вѣдь въ спасеніи—въ этомъ все, чтобы сердце обратить къ Богу...

И начавъ отъ сего, я благовѣствовалъ имъ о душевной пользѣ христіанскаго иконопочитанія и его различіи отъ языческаго идолослуженія.

Другой разъ, усталый, я попросился въ молоканскій домъ попить чайку.

„Слышу я про тебя, дядя, говоритъ мнѣ за чаемъ хозяинъ, что ты знаешь въ Словѣ Божіемъ. Вотъ и библію съ собой носишь. Но зачѣмъ же ты продаешь несогласное съ Писаніемъ?“

— Ты это про что? Какъ это несогласное?

„Да вонъ у тебя въ коробѣ иконы“.

— То-то и есть, что несогласнаго-то въ нихъ съ Писаніемъ равно ничего нѣту.

Я пододвинулъ коробъ и сталъ вынимать изъ него одну за другой бумажныя иконки.

— Вотъ тебѣ, смотри, напримѣръ,—взялъ я одну,—нарисованъ Христосъ, на крестѣ распятый среди двухъ разбойниковъ; у креста стоитъ Богословъ и Богоматерь; вдали — городъ; кругомъ—толпа народа. Вѣдь это же все изъ Писанія. Не вѣришь?

И я раскрылъ Евангеліе и сталъ читать о распятіи.

Вотъ въ этой близости къ народу, простотѣ логики, естественности и жизненности построенія проповѣди—сила и польза книгоношества—миссіонерства.

Влад. Базарниновъ.

По расколовѣдѣнію.

Какъ смотрѣть на Бѣлокриницкую іерархію.

Послѣдователи Бѣлокриницкой іерархіи добиваются признанія ея законности, хотя-бы чрезъ Константинопольскаго патріарха, и обвиняютъ православную Россійскую Церковь въ люциферіанской ереси за то, что при обращеніи членовъ означенной іерархіи къ православной церкви ихъ принимаютъ какъ простецовъ-мірянъ, или иноковъ. Нѣкоторые, хотя этого обвиненія и не высказываютъ, но заявляютъ, что при приѣмѣ ихъ въ сущихъ санахъ имъ легче было-бы придти къ соединенію съ православною церковью. Заявленія эти могутъ быть неискренни, искусительны только въ извѣстныхъ расчетахъ, но есть и такія, искренность которыхъ заподозрить нѣльзя. Отсюда является необходимость установить точный взглядъ на Бѣлокриницкую старообрядческую іерархію, дабы опредѣлить и способъ приѣма обращающихся. Взглядъ этотъ можетъ и долженъ быть установленъ съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны догматико-канонической и церковно-практической, такъ какъ вопросъ о способахъ принятія въ церковь обращающихся не догматическій, почему въ разныя времена церковь рѣшала его не единообразно и не на основаніи только теоретическихъ принциповъ, но и по церковному усмотрѣнію пользы, или вреда для церкви.

Мнѣніе наше со стороны догматико-канонической (теоретической) нижеслѣдующее:

И прежде всего необходимо установить раздѣльность понятій „догматическій“ и „каноническій“, часто сливаемыхъ, отъ чего получаютъ невѣрныя, или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно точныя представленія о предметѣ и всегда спутанность въ разсужденіяхъ по извѣстному вопросу. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они и на самомъ дѣлѣ сливаются, но во многихъ не могутъ быть сливаемы. Иллюстрируемъ нашу мысль двумя примѣ-

рами, касающимися таинствъ крещенія и брака,—которые едва ли кто станеть оспаривать. Возьмемъ вопросъ о крещеніи съ нѣкоторыхъ, относящихся къ намъ сторонъ. Согласно повелѣнію Господа оно должно совершаться „во имя Отца и Сына и Св. Духа“ (сторона догматическая, непреложная), такъ что крещеніе, по Господней заповѣди совершенное, есть дѣйствительное, а вопреки ея—не дѣйствительное и крещенный все равно, что не крещенъ; въ апостольскихъ правилахъ оно называется еретическимъ по существу и потому, что въ то время такіе еретики были, которые нарушали заповѣдь Христову (подробно сіе раскрыто въ нашемъ сочиненіи: „Критическій разборъ ученія безпоповцевъ“). Но есть другія стороны въ совершеніи этого таинства. По церковному устройенію, по правиламъ и практикѣ крещеніе долженъ совершать священнослужитель, по извѣстному чину, извѣстнымъ способомъ (погруженіемъ). Нарушеніе сего, особенно въ одержанность введенное, будетъ противозаконно, но дѣйствительности его такая противозаконность не уничтожаетъ: крещенный крещеннымъ и останется. Принципъ св. Кипріана, что „еретическое“,—въ смыслѣ всякаго еретика или раскольника,—„крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“, церковь не принять. Вотъ почему, признавая крещеніе нашихъ безпоповцевъ незаконнымъ, мы, при обращеніи кого-либо изъ нихъ въ прав. церковь,—не повторяемъ его. Тоже нужно сказать и о бракахъ. Чтобы бракъ былъ церковнымъ таинствомъ, расторгаемымъ (за исключеніемъ извѣстной причины), требуется молитвенное благословеніе церкви, низводящее на брачующихся извѣстнаго вида благодать. Таково вѣрованіе нашей церкви. Въ этомъ его дѣйствительность.

Но законность его совершенія обставлена еще большими условіями, до тоекратнаго предбрачнаго оглашенія. Нерѣдко бываетъ, что условія этихъ не соблюдаютъ, совершитель подвергается дисциплинарному наказанію, но бракъ не расторгается, но остается дѣйствительнымъ. Иногда, какъ сказали мы, законность и дѣйствительность сливаются, на примѣръ: если повѣнчать кого-либо при живой женѣ, или брата на родной сестрѣ,—иногда же, по видимому, полная законность, на примѣръ: собраніе всѣхъ документовъ, не дѣлаетъ бракъ дѣйствительнымъ, который и расторгается; но это далеко не всегда и главнымъ образомъ по отношенію только къ браку, который есть установленіе не исключительно церковное, и церковно-гражданское.

На основаніи сказаннаго думаемъ, что понятіе дѣйствительности нужно отличать отъ понятія законности и еще отъ понятія благодатности, о которомъ скажемъ ниже. Первое, какъ и

третье, входятъ въ область вѣрованій (догматъ), второе въ область права. И еще полагаемъ, что такое расчлененіе не есть пустая схоластика, а необходимо вызывается силою вещей, чтобы получить точно-раздѣльное о предметѣ представленіе, что далѣе еще яснѣе увидимъ.

Итакъ приступаемъ къ сильному рѣшенію поставленнаго вопроса о Бѣлокриницкой іерархіи, имѣя въ виду установленную нами точку зрѣнія.

I. Когда мы видимъ предъ собою старообрядческаго архіерея (по австрійскому священству), или священника (по гражданскому термину „настоятеля“), то, естественно, возникаетъ первый вопросъ: кого мы видимъ предъ собой, лицо-ли, священную степень имѣющее, хотя-бы и не нашей церкви, или простого мірянина, или инока. Въ нашемъ сознаніи еще и вопроса не представляется пока о его законности, или незаконности; да разъ онъ не нашъ, то это послѣднее какъ-то мало для насъ и интересно. Отвѣчая на вопросъ, мы и останавливаемся: первое, дѣйствительно-ли онъ получилъ преемственную отъ епископа хиротонію, второе, не былъ-ли рукополагавшій запрещенъ, или изверженъ и третье, не принадлежалъ ли онъ къ такимъ еретикамъ, отъ коихъ не принято и крещеніе? Въ данномъ случаѣ третій признакъ совершенно устраняется. Второй возбуждалъ и возбуждаетъ сомнѣнія и пререканія. Но до тѣхъ поръ, пока мы не удостовѣримся документально или ничѣмъ неоспоримо въ фактъ запрещенія до, или даже послѣ уклоненія въ расколъ, изверженія изъ сана (а прямого удостовѣренія въ этомъ мы пока не имѣемъ), до тѣхъ поръ всѣ сомнѣнія должны быть въ пользу подсудимаго, что до пререканій, то высказываютъ два положенія: а) что поступокъ Амвросія подпадалъ подъ правила, подвергающія виновнаго изверженію, а равно всѣхъ отъ него поставленныхъ. Такія правила есть, но правила сами по себѣ не судятъ, а судятъ власть имѣющіе люди по этимъ правиламъ, и пока не произнесенъ судъ, дѣйствія виновнаго (но не осужденнаго) лица всѣми признаются дѣйствительными. Иначе и не возможно. Сколько и у насъ можетъ оказаться священныхъ лицъ, иногда довольно открыто совершающихъ такіе проступки, за которые они съ меньшей рѣшительностью, по правиламъ, подлежатъ изверженію; но до тѣхъ поръ, пока не состоялось надъ ними суда церковнаго, они продолжали священнодѣйствовать и „тайны строить“ и никто въ дѣйствительности ихъ не сомнѣвался и не можетъ сомнѣваться. Такъ и по отношенію къ Амвросію. Говорятъ при этомъ о какомъ-то „самоотлученіи“. Терминъ этотъ

существуетъ и встрѣчается, между прочимъ, въ Номоканонѣ, печатавшемся при п. п. Іоасафѣ I и Іосифѣ, извѣстномъ подъ именемъ Афонскаго Номоканона, и потому обязательномъ въ глазахъ старообрядцевъ. Но понятіе „самоотлученія“ скорѣе всего развѣ только нравственное, касающееся совѣсти извѣстнаго лица, но въ глазахъ другихъ никакого значенія не имѣющее. Можетъ быть, и изъ насъ многіе, за тѣ или иные пороки, правилами предусмотрѣнные, самоотлучены, но продолжаютъ отправленіе своего служенія, котораго никто не считаетъ ничтожнымъ, ничего незначущимъ. Лучше было-бы такого термина при рѣшеніи вопросовъ каноническихъ совѣмъ не употреблять, какъ имѣющаго лишь нравственное (а не каноническое) значеніе. На этой почвѣ „самоотлученія“ мы ничего не рѣшимъ, а откроемъ только двери къ произволу каждаго неприваннаго судіи.

б) Иные вставляютъ сюда вопросъ о благодатности. Это, понятіе также догматическое. Но вопросъ о благодатности совѣмъ другой вопросъ, чѣмъ о видимой дѣйствительности тайнодѣйствій, которая можетъ быть или не быть, признаваться или не признаваться, а потому и при обращеніи въ церковь изъ другихъ религіозныхъ обществъ повторяться или не повторяться. И рѣшеніе вопроса о благодатности или безблагодатности эпирается, какъ ниже увидимъ, совѣмъ на другихъ основаніяхъ и вытекаетъ изъ другихъ принциповъ. При разсужденіяхъ по поставленному вопросу онъ совершенно неумѣстенъ.

Третій признакъ о преемствѣ происшедшей отъ Амвросія хиротоніи очевиденъ. Какъ Амвросій получилъ рукоположеніе преемственное, такъ и всѣ отъ него происшедшіе не лишены этой преемственности. Нѣкоторые стараются различать внѣшнюю преемственность отъ внутренней какой-то, чтобы сдѣлать потомъ болѣе рѣзкій практическій выводъ. По правдѣ, мы не знаемъ такого различія и не представляемъ ясно, что такое эта внутренняя преемственность. Если это преемственность вѣры и благодати, то это другой вопросъ, о которомъ будетъ еще рѣчь. Но рѣшеніе вопроса съ разсматриваемой стороны имѣетъ одну зацѣпку, которую невозможно пройти молчаніемъ. Если имѣть въ виду собственно іерархію Бѣлокриницкую, то вопросъ о преемственности, безспорно, рѣшается въ смыслѣ положительномъ; но если брать то общество, къ которому пришелъ Амвросій, то въ немъ былъ въ теченіе цѣлыхъ 180 лѣтъ перерывъ преемства хиротоніи, такъ что Амвросію пришлось возстановлять преемство, связать собою и чрезъ себя порванную нить. Это какъ-бы новая пятидесятница, только совѣмъ не чудесная. Очевидно,

здѣсь двѣ точки зрѣнія на предметъ, съ двумя противоположными выводами. Каждый можетъ отстаивать ту или другую, примиреніе же между ними невозможно. Мы выдвигаемъ это обстоятельство тоже не по любви къ схоластикѣ, а по требованію жизни. Въ настоящее время мы, православные, отстаиваемъ послѣднюю точку зрѣнія, тогда какъ старообрядцы упорно держатся первой. Которая изъ нихъ болѣе правильна и можемъ-ли мы отстоять свою, вопросъ оставляемъ открытымъ. Мы [желали-бы лишь освѣдомить о семъ Высшую церковную власть. Ниже мы увидимъ, почему въ данномъ случаѣ мы довольствуемся этимъ. При видимой прееменованности хиротоніи, при отсутствіи ересей, требующихъ перекрещиванія, при сомнительности изверженія изъ сана и даже формальнаго, каноническаго запрещенія, склоняясь видѣть въ членахъ австрійской іерархіи не простыхъ мірянъ только, а тѣмъ болѣе самозванцевъ, а людей, посвященныхъ въ извѣстной степени, мы усваиваемъ имъ очень немного. Мы знаемъ и древнихъ и новыхъ отдѣлившихся раскольниковъ и еретиковъ, — новацианъ, донатистовъ, несторіанъ, армянъ, католиковъ, даже англиканъ, которые ушли отъ церкви дальше, чѣмъ наши старообрядцы, но духовенство которыхъ не мыслилось и не мыслится какъ простецы, хотя среди упомянутыхъ такіе даже есть, признаніе хиротоніи которыхъ, при обращеніи ихъ въ пр. церковь, является въ глазахъ православныхъ іерарховъ (хотя и не всѣхъ) очень сомнительнымъ и затруднительнымъ. Итакъ, даже и приравненіе, по признанію хиротоніи, членовъ Бѣлокриницкой іерархіи къ помянутымъ диссидентамъ дѣлаетъ имъ еще меньшую честь и едва-ли можетъ надмевать ихъ и давать основаніе къ широкимъ, успокоительнымъ для нихъ выводамъ, въ людяхъ же, къ нимъ нерасположенныхъ по своимъ религіознымъ упованіямъ, производить смущеніе. Насколько можно дѣлать изъ этого благоприятнаго заключенія, сейчасъ увидимъ.

2. Бѣлокриницкая іерархія можетъ-ли быть признана канонической? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ имѣть болѣе рѣшительный характеръ. Съ самаго начала ея появленія и до настоящаго времени указывали на 34. прав. св. апостоль, 15 перваго Вселенскаго Собора, 13 и 15 Антиохійск. и др., въ коихъ говорится о самовольномъ удаленіи епископа изъ своей области, или епархіи и о совершеніи рукоположеній въ предѣлахъ чуждыхъ, — что сдѣлалъ Амвросій, а равно и о приѣмѣ его въ сущемъ санѣ іеромонахомъ, какъ о событіи небываломъ, безпримѣрномъ, нарушающемъ коренные устои церковнаго порядка и устроенія. Іеромонахъ объявилъ и „достоинство митрополита“ и какъ-бы

вручилъ ему паству, точнѣе—всю церковь, епископства дотолѣ лишенную. Правда, указанныя правила относятся къ внутреннему порядку православной церкви, Амвросій же удалился въ иное церковное общество, перешель „отъ ереси въ православіе“, какъ замѣчаютъ старообрядцы. Поэтому и поступокъ его они подводятъ подъ 15 пр. перво-второго Собора. Но личное сознание самого Амвросія было другое. Въ своемъ объясненіи причинъ перехода, данномъ на вопросъ австрійскаго правительства,—онъ ни единымъ словомъ не коснулся чистоты православія Греческой церкви, не высказалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ содержаніи ею какихъ-либо ересей, а указалъ на тѣ, именно, побужденія, какія предумотрѣны вышеуказанными правилами и еще 13 правиломъ перво-второго Собора. Отъ словъ его мы и должны судить его. Посему точка зрѣнія старообрядцевъ, по сущей справедливости, не можетъ быть принята за основаніе. А что до указанія послѣдними историческихъ примѣровъ, подходящихъ къ приему Амвросія іеромонахомъ, то эти примѣры совсѣмъ неподходящи¹⁾. Ибо „якоже невозможно духовнику (разумѣй священнику) хиротонисати, сипе и испадшаго на степень священства паки возвращати“ (Номокан. Петр. Іос. патр.). Амвросій на взглядъ старообрядцевъ былъ еретикъ, да при томъ 2-го чина и тоже, значить, „испадшій“. Приемъ отъ нѣкоторыхъ еретиковъ конечно возможенъ, но онъ требуетъ другой обстановки, канонической.

Заключеніе о совершенной неканоничности австрійскаго старообрядческаго священства понятно. Скажемъ болѣе. Если бы даже такъ могло случиться, что къ старообрядцамъ ушли не одинъ, а десять епископовъ и если бы съ видимой стороны были соблюдены всѣ церковныя правила, то и въ такомъ представляемомъ мыслію случаѣ положеніе дѣла, взглядъ и отношеніе православной Церкви, въ лицѣ ея кормчихъ, мало бы измѣнились,—такъ какъ они ушли къ обществу людей, раскольничаствующихъ съ Церковью и неподчиняющихся ея священноначалію,—что Амвросій учинилъ. И это по существу самое главное. Тогда выдвинулись бы только другіе вопросы, еще болѣе важнаго свойства: о раздраніи Христовой Церкви, созданіи другихъ алтарей и подобныя, вызываемыя обстановкой. Съ обратной же стороны, если бы Амвросій, учинившій рядъ противоканоническихъ дѣяній, завершилъ свою дѣятельность тѣмъ, что привелъ свою новую паству въ ограду Церкви, раскаявшись самъ и другихъ расположивъ къ тому же, то, полагаемъ, что церковь не только приняла бы его, простивъ его видимыя прегрѣшенія, но и самое

¹⁾ Можно читать въ нашемъ руководствѣ по обличенію раскола.

его дѣяніе признала бы подвигомъ апостольства, если бы не оказалось побочныхъ обстоятельствъ, затемняющихъ его славу. Должны пояснить, что это говоримъ не въ умаленіе значенія канонѡвъ, а въ томъ соображеніи, что церковь можетъ допускать въ частныхъ случаяхъ нѣкоторыя исключенія, не возводя ихъ въ законъ и обдержность. Это неоспоримое ея право на всѣ времена, какъ вѣчно живой и не старѣющей со всѣми присушими ей правами и полномочіями, Господомъ данными. Послѣдней нашей вставкой заключеніе не ослабляется, но усиливается.

3. Благодатна ли Бѣлокриницкая іерархія? Здѣсь мы оставляемъ каноническую почву и возвращаемся снова на догматическую, съ почвы правилъ переходимъ на почву вѣры. По исконному вѣрованію церкви, благодать святаго Духа, въ день пятидесятницы ниспосланная на сидящихъ лишь въ Сіонской горницѣ, навсегда осталась и пребываетъ лишь въ истинной Христовой Церкви, откуда, какъ отъ источника, и изливаются лучи ея на весь увѣровавшій міръ. Внѣ же Христовой Церкви, во всѣхъ отдѣлившись отъ нея обществахъ (еретиковъ или раскольниковъ,—все равно) этой благодати нѣтъ. Такимъ образомъ вопросъ о благодатности, или безблагодатности сводится къ вопросу о Церкви. Прилагая этотъ вопросъ къ іерархіи, отъ Амвросія ведущей начало, мы, оставляя уже разсужденіе о преемственности, должны обратить вниманіе только на то, къ истинной-ли Христовой Церкви пришелъ Амвросій? Если съ точки зрѣнія нашей Церкви отвѣтъ на вопросъ получается отрицательный (а это совершенно вѣрно и по существу ученія о церкви съ полнотою священныхъ чиновъ и таинствъ, тогда какъ у бѣглопоповцевъ не было преемственного епископства),—тогда и вопросъ о благодатности не можетъ получить иного рѣшенія, кромѣ отрицательнаго. И въ такомъ именно рѣшеніи нѣтъ ничего искусственнаго. Не можемъ не привести здѣсь двухъ-трехъ словъ изъ I-го правила св. Василія Великаго, что при безблагодатности хиротоніи рукоположенные суть даже простые міряне. Буквально въ немъ читаемъ: „хотя начало отступленія произошло чрезъ расколъ (рѣчь о каеарахъ), но отступившіе отъ Церкви уже не имѣли на себѣ благодати св. Духа. Ибо оскудѣло преподаваніе благодати... Отторженные, содѣлавшіеся мірянами, не имѣли власти ни крестить, ни рукополагать“.

Однако при обращеніи въ православную Церковь не только крещеніе, но и рукоположеніе каеаровъ принимали и св. Василій В. сего не отрицалъ, а не то, чтобы всѣ внѣ Церкви рукоположенные уже ничего, даже внѣшняго вида и названія не полу-

чили, и при обращеніи въ прав. Церковь не могли быть принимаемы въ прежнихъ званіяхъ. Правила Соборовъ относительно принятія въ нее переходящихъ отъ расколовъ и нѣкоторыхъ ересей достаточно ясны и внушительны. (8-го прав. всел. Соб. 95-е шестого, 112 и 132 каре. и др).

Итакъ, съ одной стороны Бѣлокриницкая хиротонія можетъ быть названа дѣйствительною, но съ другой противоканонической и раскольнической, наконецъ, безблагодатною.

На основаніи сказаннаго мы переходимъ къ рѣшенію и выводному, практическаго вопроса о приѣмѣ въ прав. Церковь обращающихся ея членовъ въ „сущихъ санахъ“, или какъ простецовъ. И прежде всего должны замѣтить и объяснить,—что и въ началѣ выразили,—что самый вопросъ о способѣ приѣма обращающихся къ церкви еретиковъ и раскольниковъ не-догматическій, тѣсно связанный съ правовѣріемъ или неправовѣріемъ, а каноническій, отъ древнихъ вѣковъ и до настоящаго не единообразно церковью рѣшаемый. Возьмемъ для примѣра признаніе или непризнаніе дѣйствительности крещенія,—этого первѣйшаго таинства, которое при томъ, по символу вѣры, должно быть едино, а отсюда и о повторяемости или неповторяемости онаго. Сколько было разнообразія въ рѣшеніи этого вопроса по отношенію къ однимъ и тѣмъ же отдѣлившимся, начиная со св. Кипріана и кончая позднѣйшимъ временемъ. Древнихъ новаціавъ одни принимали чрезъ крещеніе, другіе просто чрезъ возложеніе рукъ, нѣкоторые въ прежнее время и армянъ крестили (Корм. л. 636), въ первой половинѣ 17 вѣка и латинъ у насъ, въ Великороссіи, крестили (Соборн. изложен. патр. Филарета, см. въ п. п. Иосифа), тогда какъ въ Кіевской церкви не крестили (требник. Петра Могила), раньше же этого ни въ церквахъ греко-славянскихъ и ни у насъ ихъ не крестили (Окруж. посл. Марка Ефесскаго, Житіе Саввы сербскаго, Отвѣты Нифон. Кирік.). Примѣчательно при этомъ, что представители восточной церкви во второй половинѣ 17 вѣка убѣдили русскихъ отложить крещеніе латинъ (Дѣяніе Собор. 1667 г.), а потомъ, сто лѣтъ спустя, сами же ввели у себя перекрещиваніе, которое и доселѣ продолжается въ Константинопольской церкви. При такомъ разнообразіи слѣдуетъ то еще отмѣтить, что никогда никого и иначе и не совѣмъ правильно мыслящихъ и дѣйствовавшихъ, никто ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ,—еретиками не называлъ, а много-много старался, убѣдить въ неправильности и несоотвѣтствіи съ коренными церковными принципами (Діонисій александр. убѣждалъ Кипріана, патріарх. антиохійскій Макарій русскихъ епископовъ). Тимоѣей

пресвитеръ, правила котораго помѣщены въ Кормчей, устанавливаетъ при приѣмѣ обращающихся отъ еретиковъ принципъ совершенно не догматическій, а нравственно-педагогическій. Видимо, онъ раздѣляетъ на крещеніе еретиковъ точку зрѣнія св. Кипріяна, хотя выражается сдержанно и прямо этого не говоритъ, но поясняетъ, что мы не покрещиваемъ еретиковъ ради облегченія присоединенія для тѣхъ изъ нихъ, которые могли устыдиться крещенія и отложить самое присоединеніе (прав. I-е). Принципъ этотъ чисто нравственнаго свойства церковью не отвергнуть и никѣмъ не былъ оспариваемъ.

Тоже должно сказать и относительно миропомазанія и хиротоніи, имѣя въ виду принятіе переходящихъ съ признаніемъ ихъ, или съ повтореніемъ. И здѣсь тоже свободное усмотрѣніе церкви. Примѣръ перваго мы усматриваемъ въ Окружномъ посланіи Марка Ефесскаго, написаннаго послѣ Флорентійской уніи. Въ немъ онъ устанавливаетъ принятіе латинъ чрезъ миропомазаніе; тоже подтвердилъ и нашъ Соборъ 1667 г. Между тѣмъ практика церковная послѣдующаго времени, неизвѣстно (по крайней мѣрѣ намъ) когда и по какому установленію, допустила и допускаетъ у насъ приѣмъ латинъ третьимъ чиномъ. Относительно признанія хиротоніи, внѣ прав. церкви полученной, въ древней церкви видимъ слѣдующее. Въ то время, какъ первый Вселенскій Соборъ установилъ принимать въ сущихъ санахъ новаціанъ (прав. 8-е), второй Соборъ не призналъ хиротоніи Максима Киника и имъ поставленныхъ, хотя по существу заблужденія ихъ отстояли отъ прав. Церкви отнюдь не далѣе новаціанъ. Должно сказать болѣе: погрѣшность Максима К. чисто нравственная, дисциплинарная, и тогда какъ новаціане названы въ правилѣ соборномъ еретиками, по отношенію къ Максиму К. и имъ поставленнымъ отцы Собора названія этого не усвоили. Только впоследствии было открыто, что онъ держится мнѣній аполлинаріевыхъ,—но обстоятельство это, какъ только привходящее, на судъ Собора видимо вліянія не имѣло. Выписываемъ самое объ этомъ правило, недостаточно общеизвѣстное. Второго Всел. Собора прав. 4-е. „О Максимѣ Киникѣ и о произведенномъ имъ безчиніи въ Константинополѣ: ниже Максимъ былъ, или есть епископъ, ниже поставленные имъ на какую бы то ни было степень клира“. Зонара поясняетъ, что „Максимъ было философъ, циникъ. Циниками эти философы назывались за ихъ наглость, дерзость и безстыдство“. Вина его въ томъ заключалась, что онъ былъ призванными изъ Египта епископами рукоположенъ въ Константинополѣ (безъ вѣдома мѣстнаго епископа

Григорія Богослова), что толковникъ называетъ „злодѣяніемъ“ (см. и толкованіе Вальсамона). Изъ приведеннаго правила ясно, что церковь имѣла при сужденіи о людяхъ, нарушившихъ ея міръ, болѣе широкой взглядъ, чѣмъ одно содержаніе ересей или раскольниковыхъ мнѣній по ихъ существу; она не стѣснялась произносить строгій судъ и за смуту церковную, отъ чего бы такова ни происходила и какой бы характеръ ни имѣла. Думаемъ, что въ этомъ (т.-е. въ охраненіи церковнаго мира и порядка) и заключается основной принципъ церковнаго устроенія.

Прилагая все сказанное къ нашему вопросу относительно принятія обращающихся изъ Бѣлокриницкой іерархіи въ сущихъ санахъ, или какъ простецовъ, мы видимъ, что со стороны теоретической можно оправдывать и тотъ и другой способъ. Такимъ образомъ острота вопроса теряется, о какой-то люциферіанской ереси не можетъ быть и рѣчи, руки церковной власти развязываются,—что особенно мы и имѣли въ виду. Вѣдь нельзя забывать того, что Амвросій произвелъ большую смуту въ прав. церкви, гораздо большую, чѣмъ Максимъ Киникъ; да и преемники его со всею силой ее поддерживаютъ. Относительно же еретичества не безъ основанія указываютъ въ самомъ Бѣлокриницкомъ Уставѣ, какъ основаніи Бѣлокриницкой іерархіи, мнѣнія, съ аріанскими очень близкія. Можно сдѣлать по этому поводу и болѣе рѣзкое заключеніе о преданіи Амвросія анаемѣ и всѣхъ отъ него происшедшихъ, кто по меньшей мѣрѣ раздѣляетъ эти мнѣнія, подобно тому, какъ былъ анаематствованъ Максимъ, когда обнаружилось, что онъ держится Аполинаріевыхъ мнѣній (Зонара и Вальсамонъ, въ толк. 4-го прав.). Но мы не рѣшаемся такого заключенія сдѣлать.

Останавливаемся на одномъ, наиболѣе мягкомъ и самомъ, кажется, корректномъ. Если отъ измѣненія чинопріема будетъ польза для церкви, чрезъ облегченіе въ нее доступа отчуждившимся, раскольничающимъ,—пусть церковная власть въ силу присущихъ ей правъ это сдѣлаетъ, и мы должны преклониться предъ нею. Если же это породитъ еще большую смуту и вредъ, то пусть остается существующая практика. Во всякомъ случаѣ починъ измѣненія чинопріема должны дать не мы, а ищущіе примиренія и соединенія.

Профессоръ *Н. Ивановскій*.

Возстановленіе истины.

(По поводу неправды „Нижегород. Листка“ о миссіонерскихъ бесѣдахъ).

Въ концѣ сентября и началѣ октября 1905 гоба въ Городцѣ (Нижегород. губ.) производились собесѣдованія православными миссіонерами епархіальнымъ—И. П. Ломакинымъ и окружнымъ—свящ. В. Орловымъ, со старобрядцами австрійскаго толка. Собесѣдники австрійскіе хвалились: „Мы казенныхъ миссіонеровъ прохватимъ въ газетахъ“, и дѣйствительно въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ въ № 270 было напечатано въ отдѣлѣ хроники слѣдующее: „25 и 26 сентября состоялись бесѣды миссіонеровъ окружного—священника Владиміра и епархіальнаго—г. Ломакина со старобрядцами. 25 сентября бесѣду велъ священникъ Владиміръ съ однимъ старобрядческимъ начетчикомъ. По окончаніи бесѣды, стали сговариваться объ условіяхъ слѣдующей бесѣды. Во время этого г. Ломакинъ заявилъ: „Я завтра буду бесѣдовать о томъ-же предметѣ; они обманули слушателей; я ихъ обличу“. Старобрядцы, какъ знающіе г. Ломакина, что бесѣдовать съ нимъ не возможно, категорически отказались. 26 сентября г. Ломакинъ бесѣду открылъ и старобрядцы увидѣли г. Ломакина возсѣдающимъ вмѣсто о. Владиміра. И что-же собесѣдники слышали отъ епархіальнаго миссіонера? Во-первыхъ, онъ не сдержалъ честнаго слова, даннаго наканунѣ, говорить по 20 минутъ, а говорилъ, сколько ему хочется, а старобрядческаго начетчика перебивалъ на каждой рѣчи. Во-вторыхъ, отмѣтимъ образецъ проповѣди и слова увѣщанія нашихъ миссіонеровъ къ „заблудшей братіи“. Вотъ они: „онъ обманывалъ“, „онъ кривотолчилъ“, „цѣль лукавая“, „ложная“, „безсовѣстно“, „не обманывай народъ“, „пріѣхали обманывать“, „болтуны“ и т. п. Послѣ перечисленныхъ „задушевныхъ словъ“, думаемъ, каждый долженъ задать себѣ вопросъ: для чего миссіонеры? Полезны-ли они? и есть-ли надобность тратить на нихъ милліоны рублей, собираемыхъ съ голоднаго народа, который они своими поступками не привлекаютъ въ церковь, а отгоняютъ отъ нея, даже тѣхъ, которые и желали бы находиться въ ней. А 2 октября въ

соборѣ бесѣда не состоялась. Собесѣдники спорили 5 часовъ объ условіяхъ собесѣдованія, чтобы говорить по 30 минутъ, а г. Ломакинъ соглашался бесѣдовать, лишь бы говорить сколько угодно. На такія условія старообрядческіе начетчики не соглашались. Всетаки эти 5 часовъ недаромъ прошли миссіонеру: онъ обращался съ новыми словами проповѣди, которыхъ не произносилъ на прошлой бесѣдѣ: „ты лгунишка“, „вашъ архіерей кукольникъ“. Съ такими наставленіями и пришлось разойтись слушателямъ по домамъ“. („Нижегород. Листокъ“ № 270 1905 г.).

Какъ очевидецъ помянутыхъ въ означенной корреспонденціи бесѣдъ, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ печатно заявить о моемъ отъ нихъ впечатлѣніи.

Корреспондентъ говоритъ, что мѣстные старообрядцы пригласили своихъ собесѣдниковъ, но не говорятъ того, кто они—эти *свои* собесѣдники. О. Владиміръ открылъ и велъ бесѣду съ мѣстнымъ мнимымъ начетчикомъ австрійской секты. Начетникъ этотъ оказался очень слабымъ и вынужденъ былъ пригласить на помощь болѣе его знающихъ раскольническую казуистику, и пригласилъ какихъ-то двухъ знаменитостей изъ Н.-Новгорода (проживающихъ на хлѣбахъ у нѣкоего Сироткина). И дѣйствительно 25 сентября въ слободской церкви мы впервые увидѣли съ о. Владиміромъ бесѣдующихъ, или точнѣе, спорящихъ—двухъ молодыхъ субъектовъ, много напоминающихъ собою (по странному костюму и прическѣ волосъ) одинъ—швейцара грязненькихъ но, меровъ городской окраины, а второй—конторщика или жидка-вояжера, въ цилиндрѣ неопредѣленнаго цвѣта, грязненькой, когда-то бѣленькой сорочкѣ и измятомъ ошейникѣ или галстукѣ.

Субъектъ въ швейцарской формѣ речитативомъ и крикливо ведетъ рѣчи, оборотаясь къ народу, поднявшись на свой дорожный чемоданъ и еще выше поднимая книгу, отчеканиваетъ: „Добрые слушатели, вотъ ихъ церковь-то—въ этой книгѣ написано есть—*сомнище иудейское*“ (и другія хульные рѣчи), а наша старообрядческая—Христова церковь 180 лѣтъ была вдовою, не просто, а по пророчеству Исаи пророка: о вдовствѣ ея написано у него въ 54 главѣ, это вѣрно“.

Старообрядцы съ умиленіемъ слушаютъ ругательныя рѣчи своего новаго защитника, но какъ-то конфузливо опускаютъ долу свои очи изъ-за такихъ нескромныхъ учителей; лица ихъ выражаютъ внутреннее недовольство, — они какъ бы говорятъ, хорошо-то оно хорошо по нашему, да сами-то вы вѣрите-ли во что: вѣдъ въ священномъ же писаніи сказано: „брѣющій браду есть еретическій слуга, вотъ оно что“...

Что это за артисты? Кто они?—думалось намъ. Оказалось, что это Василій Усовъ, братъ архіерея Иннокентія Усова, и Осипъ Храмовъ.

О. Владиміръ, какъ онъ сообщилъ намъ, съ такими неограниченно беззащитными ругателями св. Церкви еще не былъ знакомъ. При-

существовавшей здѣсь г. Ломакинъ и предложилъ о. Владиміру попросить книгу и самому по ней прочитать, о чемъ говорить въ 54 главѣ пророкъ Исаія и какъ объясняетъ это мѣсто блаженный Іеронимъ, такъ какъ, по словамъ г. Ломакина, у пророка Исаіи и помину нѣтъ о вдовствѣ Христовой церкви. О. Владиміръ попросилъ у собесѣдниковъ самую книгу, на которую они въ оправданіе небытія у нихъ 180 лѣтъ епископа сдѣлали ссылку, но не вычитали самаго мѣста. Храмовъ подаетъ библію, но не толкованіе Іеронима. О. Владиміръ возвратилъ библію и снова повторилъ свою просьбу, дать толкованія блж. Іеронима. Храмовъ подаетъ: изволь. О. Владиміръ книгу передаетъ г. Ломакину, говоря: „я съ этимъ толкованіемъ Іеронима незнакомъ“. Раскольничьи собесѣдники поднимаютъ по обычаю шумъ (обычай у нихъ такой: какъ только почувютъ обличеніе, сейчасъ закричатъ неистово): „мы ведемъ бесѣду не съ Ломакинымъ, мы съ нимъ бесѣдовать не желаемъ“. Г. Ломакинъ взялъ изъ рукъ о. Владиміра книгу. Оказалось, что и опять подана не та книга, какую у нихъ просили. Такъ просимой книги раскольничьи собесѣдники и не дали. Г. Ломакинъ сказалъ: „въ церкви сейчасъ начинается всенощное (было 6 часовъ вечера), объявляю, что завтра я буду бесѣдовать, привезу свои книги и по книгамъ разберемъ“. Раскольничьи собесѣдники возопили: „мы не желаемъ“. „Какъ вамъ угодно,—сказалъ г. Ломакинъ,—а бесѣда будетъ о томъ-же, пожалуйста“. Вотъ вся суть этой бесѣды. Какъ назвать поступки старообрядческихъ собесѣдниковъ, обманывали они или нѣтъ, подавая вмѣсто просимой книги другую? Добросовѣстно это или недобросовѣстно, но дѣло было именно такъ.

Хотя „категорически“ собесѣдники отъ бесѣды на слѣдующій день отказались, однако явились и 26 сентября на бесѣду г. Ломакина. Что было начитано собесѣдниками 25 сентября отрывками изъ разныхъ книгъ, все это по самымъ книгамъ г. Ломакинъ разобралъ. Изъ разбора обнаружили, что собесѣдники писаніемъ злоупотребляли—на погибель себѣ и своимъ послѣдователямъ; ни одно изъ приведенныхъ ими доказательствъ не даетъ, какъ оказалось, и намекъ о прекращеніи въ церкви Христовой епископовъ и не оправдываетъ отступленія раскольниковъ отъ православной церкви.

2 октября въ Городецкомъ соборѣ г. Ломакинъ открылъ бесѣду и предложилъ къ обсужденію вопросъ: когда Грекороссійская церковь сдѣлалась неправославною и лишенною благодати Св. Духа въ совершаемыхъ ею таинствахъ, каковою считаютъ ее старообрядцы, и за что именно, и на какомъ основаніи можно ее считать таковой. И просилъ указать точно время уклоненія церкви православной въ ересь и подтвердить свое указаніе словомъ Божиимъ и писаніями свв. отецъ. Собесѣдники хорошо поняли, что такой вопросъ рѣшить отъ слова

Божія и свв. отецъ и оправдать незаконное отступленіе раскольниковъ отъ православной церкви нѣтъ никакой возможности, и чтобы въ глазахъ публики не уронить себя, заявляютъ, что бесѣдовать они согласны, но только съ условіемъ говорить каждому свою рѣчь по 30 минутъ. Г. Ломакинъ сказалъ: „это дѣло ваше, можете вопросъ рѣшить, то рѣшите хоть въ 5 минутъ, хоть въ 35 минутъ, дѣло не въ минутахъ; вся сила и суть въ доказательствахъ отъ писанія, вотъ я рѣшайте“. Собесѣдники поднимаютъ крикъ и шумъ: „Мы желаемъ по 30 минутъ и тебѣ больше не дадимъ“. Г. Ломакинъ сказалъ: „Въ святомъ дѣлѣ, какъ разъясненіе св. истины, мѣрить время минутами вовсе неудобно и я никогда такъ не бесѣдую, я полагалъ бы со своей стороны и совѣтовалъ согласиться и моимъ собесѣдникамъ—для яснаго обмѣна мысли и чтобы не утомлять публику, прочитывать каждой сторонѣ не болѣе трехъ мѣстъ, до тѣхъ поръ, пока не исчерпается весь возбужденный вопросъ; бесѣда тогда будетъ справедливою и интересною и для всѣхъ ясною“. И вотъ на такой-то разумный и цѣлесообразный порядокъ старообрядческіе собесѣдники согласиться никакъ не могли; прошумѣвъ и проспоровъ нѣсколько часовъ, они отняли время у другихъ, желавшихъ бесѣды и на этихъ условіяхъ (въ числѣ желавшихъ были и старообрядцы-поморцы, но австрійцы и ихъ до бесѣды не допустили). Они неистово кричали хульные рѣчи, махая книгами, а большею частію разными газетами, которыхъ у нихъ были полны пазухи. Мы, слушатели, были утомлены и еще болѣе удивлены, почему собесѣдники не соглашаются разбираться въ недоумѣнныхъ вопросахъ вдумчиво и спокойно, на такихъ, казалось бы, самыхъ лучшихъ условіяхъ, какія предлагаетъ имъ епархіальный миссіонеръ, человекъ почти 50-лѣтняго опыта, посѣдѣвшій на книгахъ? 30 лѣтъ онъ состоитъ епархіальнымъ миссіонеромъ, самъ онъ вышелъ изъ австрійскаго раскола и даже самъ Швецовъ приходится ему ученикомъ. Собесѣдники же его сравнительно мальчишки, вести бесѣды по Божьи и по совѣсти, очевидно, не желаютъ и не могутъ, и дерзко кричатъ ему: „епархіашка, епархіашка, бесѣдовать съ нами не можешь, тебѣ только со старухами бесѣдовать, а не съ просвѣщенными собесѣдниками, а еще потомственного почетнаго гражданина вымолилъ у Побѣдоносцева“. Вотъ какія настоящія задушевныя-то слова мы слышали отъ пріѣзжихъ собесѣдниковъ Усова и Храмова.

У раскольниковъ лукавая цѣль вести бесѣды по минутамъ, какъ разъяснилъ г. Ломакинъ. Они вполне увѣрены, да оно и естественно, что по заранѣе заготовленному списку они въ 20 минутъ вычитаютъ въ 50-ти и болѣе мѣстахъ изъ книгъ и разныхъ газетъ, а въ 10 минутъ отъ себя всѣ эти 50 мѣстъ вычитанныхъ обобщать и получается огромнѣйшая, путаная и темная сѣтка, которую не только основа-

тельно разобрать, но даже снова перечитать только нѣтъ никакой возможности въ 20 минутъ, а вѣдь для разъясненія необходимо ихъ повторить снова, раскольники же на разборъ вычитанныхъ ими мѣстъ болѣе условленнаго времени срока не дадутъ, да еще минутъ за 5 начнутъ всѣ открывать карманные часы и галдѣть: „время миссіонера кончено, будетъ“, и опять начинаютъ читать, одинъ подыскиваетъ книги и въ нихъ обводитъ нужное мѣсто карандашомъ, а другой снова читаетъ еще больше 50 мѣстъ; а потомъ отъ разбора бѣжать—„разбирай, какъ тебѣ надо, мы вѣдь не жалованье получаемъ, намъ некогда“, обо всемъ этомъ авторъ задушевной городецкой хроники умолчалъ...

Теперь о томъ, „нужны ли миссіонеры, на которыхъ будто бы тратятся милліоны рублей, собираемые съ голодныхъ людей, и полезны ли миссіонеры“. Какъ тутъ корреспондентъ напоминаетъ Іудино нищелюбство („къ чему такая трата“?..). Раскольники и ихъ друзья давно объ этомъ пишутъ. Анонимному корреспонденту „Нижегор. Листка“ скажемъ на это, что въ Нижегор. епархіи есть 4 епарх. миссіонера, получающихъ отъ Братства св. Креста по 700 руб. въ годъ, и нѣсколько окружныхъ, получающихъ по 30 руб., т. е. 8 коп. въ сутки—это первое. А второе—корреспондентъ говоритъ неправду, что будто бы деньги эти собираются съ голоднаго народа и только будто бы съ голоднаго, а не сытаго. Я самъ крестьянинъ, имѣю плательную книжку и съ меня нѣтъ ни одной копѣйки въ ней на миссіонеровъ... Если что считать для народа тяжестью, такъ это именно вотъ этихъ господъ собесѣдниковъ раскольническихъ, которые явно живутъ сыто и пьяно за счетъ старообрядческой простоты, темноты и невѣжества. А сколько ихъ, этихъ гг. Усовыхъ, Мельниковыхъ, Механиковыхъ, Бриллиантовыхъ, Швецовыхъ, Перетрухиныхъ, Храмовыхъ, Коноваловыхъ, Черчимцевыхъ, Худошинныхъ, Зеленковыхъ, Старковыхъ, Варякиныхъ, Иголкиныхъ, Картушинныхъ и т. п.? Старообрядческой духовной братіи цѣлое полчище,—этихъ архіереевъ, поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, читалокъ. Вотъ на этихъ-то пиявокъ, которыя въ потемкахъ сосутъ кровь народа, и слѣдовало бы обратить вниманіе и сосчитать, сколько стоитъ ихъ содержаніе, и за чей счетъ они такъ пышно развѣзжаютъ и живутъ. Одному городецкому старообрядчеству обходятся эти дармоѣды не менѣе 10,000 руб. въ годъ, а православный миссіонеръ стоитъ для Городца 200 руб. Вотъ какая разница; на нее то и слѣдовало бы безпристрастной печати обратить вниманіе. А православные миссіонеры содержатся братствомъ на добровольныя пожертвованія братчиковъ, такъ же какъ строятся православные храмы и богоугодныя заведенія. Нужны ли и полезны ли миссіонеры, на это отвѣчу фактами. Я уроженецъ Городца. Имѣю отъ роду 50 лѣтъ.

Рожденъ и воспитанъ въ расколѣ и обязанъ переходомъ въ православіе миссіонерамъ. Далѣе, знаю, что за послѣднія 25—30 лѣтъ съ начала открытія у насъ противораскольнической миссіи, благодаря послѣдней, въ Городецкомъ отдѣленіи было присоединено отъ раскола въ православіе болѣе 1500 душъ, отпаденій же отъ православія не болѣе 5 душъ, а во всей Нижегород. епархіи, какъ это можно видѣть изъ отчетовъ Братства св. Креста, ежегодно было присоединяемо отъ 450 до 700 душъ. Не знаю, у кого послѣ этого хватитъ смѣлости сказать, что будто бы миссіонеры отгоняютъ отъ церкви православной, а не присоединяютъ къ ней раскольниковъ? Корреспондентъ глумится надъ миссіонеромъ, красненькими „задушевными словами“, а надъ чѣмъ глумится? Надъ тѣмъ, что пустого болтуна назвали собственнымъ его именемъ. Корреспондентъ не понимаетъ различія между словами увѣщанія и обличенія въ явной лжи. Миссіонеръ долженъ знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Если съ нимъ выступаетъ на бесѣду истый старообрядецъ и убѣжденный вѣродержатель, ищущій истины, и предлагаетъ свои сомнѣнія на общее съ миссіонеромъ рѣшеніе и обсужденіе, то здѣсь и требуется разъясненія и увѣщаніе къ заблудшему. Другое дѣло, когда неожиданно, какъ тать или хищный волкъ, является съ цѣлымъ возомъ своихъ и всякихъ книгъ въ православное село и безъ спроса прямо идетъ въ православный храмъ и разбирается здѣсь со своимъ багажомъ пропагандистъ, и настойчиво и дерзко требуетъ бесѣды для похуленія только православной церкви, а не спокойнаго разъясненія истины. Тутъ требуется отъ миссіонера уже не увѣщаніе, а твердое обличеніе. Вспомните слова Христовы: „Вожди слѣпціи, порожденіе ехиднино. Вы дѣти отца вашего діавола“... или св. Никифора, писавшаго противъ иконоборца Мамона: „ты проповѣдуешь не догматы, а бредни, болтаешь хуже воронъ и лягушекъ, безчувственный дубъ“ („Богосл. Вѣст.“ 1905 іюнь 67 стр.). Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда такъ церковь не церемонилась и не унижалась предъ еретиками и отступниками, а тѣмъ паче предъ ея хулителями, какъ нынѣ. Но нашей ожидательной печати и этого недостаточно. Ей, можетъ быть, желательно, чтобы церковь „сказала хулу на Бога“?..

Или, быть можетъ, упразднить нашу противораскольничью миссію, чтобы не дѣлать препонъ пропагандистской лжи. Австрійцы давно этого и страшно жаждутъ. А почему? Да потому что по причинѣ православной миссіи успѣха никакого не имѣютъ у насъ. Изъ всего населенія въ 20,000 душъ за 50 лѣтъ они совратили не болѣе 30 душъ и только изъ бѣглопоповщины; изъ православныхъ же только одного и это за 50 лѣтъ.

Корреспондентъ ставитъ въ вину Ломакину то, что онъ назвалъ

непризнаваемаго закономъ старообрядч. епископа Усова „кукольникомъ и лгунишкой“. Но корреспонденту, должно быть, неизвѣстно, что куколой называли сами старообрядцы своего же митрополита Кирилла (Лѣтопись Н. Субботина выпускъ II 1865 г. Старообрядческія письма въ Бѣлую Криницу). Г. Ломакинъ въ подтвержденіе своего отзыва объ Усовѣ указалъ собесѣдникамъ на его книгу, въ которой тотъ писалъ, что будто бы апост. Павелъ училъ, что не только епископы, но и апостолы и сами ангелы съ небесъ могутъ заблуждаться и погрѣшать (стр. 268, разб. Ф. Круглова), и что тотъ же Усовъ написалъ въ той же книгѣ (Церк. Хр. временно безъ епископа), что погрѣшать не могутъ только Богъ да скотъ. Ломакинъ, объясняя такое нечестивое ученіе лжеархіерея Усова о заблужденіи ангеловъ и кощунственное сравненіе Бога со скотомъ, предложилъ оправдать писаніемъ своего архіерея. Собесѣдники вмѣсто отвѣта, взяли въ руки нѣсколько газетъ, подняли невообразимый шумъ, выкрикивая имя Завитневича и поднимая въ одной рукѣ „Церковный Вѣстникъ“, а другой показывая два перста и махая ими въ воздухъ (это Храмовъ), кричали: „Симъ побѣдимъ. Симъ побѣдимъ“. Итакъ самымъ постыднымъ и позорнымъ образомъ съ бесѣды наши знаменитые защитники раскола бѣжали. Публика (которой было чел. 200) была въ недоумѣніи, видя неистовство пріѣзжихъ собесѣдниковъ. Г. Ломакинъ высказалъ сожалѣніе о раскольничьей темнотѣ и закрылъ бесѣду. Вся публика благодарила его за его спокойное веденіе настоящей бесѣды съ неблаговоспитанными и грубыми собесѣдниками.

Вотъ дѣйствительная исторія собесѣдованій 25—26 сентября и 2 октября.

Очевидецъ *К. Коренинъ*.

Бесѣда со старообрядцемъ «Спасова» согласія по вопросу о таинствѣ «Покаянія».

(Изъ полемики).

Православный: Въ числѣ семи спасительныхъ таинствъ, установленныхъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, таинство покаянія— принадлежитъ, по выраженію Б. Катихизиса, къ числу „нужно потребныхъ“ для каждаго христіанина таинствъ и вотъ почему. Человѣкъ рождается зараженный прародительскимъ грѣхомъ. Св. Крещеніе возрождаетъ его въ новую жизнь, но не уничтожаетъ тотчасъ жизни ветхаго человѣка, ибо вседѣйствующая благодать Божія даетъ мѣсто дѣйствію вѣры и подвигу каждаго человѣка, дабы милость была не безъ правды и дабы мы добровольно приняли спасеніе. Такимъ образомъ и возрожденный не устыдился признаться, что „еще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ... Аще речемъ, яко не согрѣшихомъ, лжа творимъ Его (Иисуса Христа) и слово Его нѣсть въ насъ“ (I Иоан. 1, 8—10).

Но такъ какъ крещеніе едино, не повторяется, то и является необходимость въ новомъ благодатномъ средствѣ для очищенія насъ отъ грѣховъ, и такое то средство и есть именно таинство св. Покаянія, дарованное Господомъ Своей Церкви „Поелику, говоритъ пр. Ефремъ Сиринъ, нельзя во второй разъ креститься, то не надлежало бы быть и грѣху. Но такъ какъ существуетъ болѣзнь (грѣховная), то есть и кропленіе (очищеніе). Кто даровалъ надежду спасенія въ крещеніи, тотъ, чтобы не лишить ея, даровалъ оставленіе грѣховъ“. (Твор. Ефрема Сирина по издан. 1849 г. ч. 8, стр. 129). Еще прежде Своего воскресенія Христосъ Спаситель общалъ Апостоламъ дать власть прощать грѣхи, когда сказалъ Ап. Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ ученикамъ: „дамъ ти ключи Царства небеснаго: и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“ (Мѡ. 16, 19), и въ другой разъ всѣмъ апостоламъ Христосъ сказалъ: „Аминь бо глаголю вамъ: елико аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси,

и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ“.
(Мѣ. 18, 17—18).

По воскресеніи Своемъ, явившись ученикамъ, эту власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія Христось, дѣйствительно, и дароваль апостоламъ, сказавъ имъ: „миръ вамъ!.. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ.—Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся“ (Іоан. 20 гл. 21—23 ст.). Такъ установлено Іисусомъ Христомъ таинство покаянія.—Эту богодарованную власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія Апостолы, конечно, не безъ воли Господа передали своимъ преемникамъ—пастырямъ Церкви: епископамъ и пресвитерамъ.

Такъ Игнатій Богоносець училъ: „Всѣмъ кающимся Господь прощаетъ (грѣхи), если они возвращаются къ единенію Божію и къ собору епископа. Вѣрую благодати Іисуса Христа, что Онъ разрѣшитъ васъ отъ всякихъ узъ“ (посл. къ Филад. Гл. VIII). Ясно, что Богъ прощаетъ грѣхи и даетъ благодатное отъ нихъ разрѣшеніе, именно тогда, когда грѣшникъ прибѣгаетъ ко Христу, желаетъ возстановить единеніе съ нимъ и идетъ исповѣдывать свои грѣхи предъ поставленными Имъ лицами, имѣющими во главѣ своей епископа.—Только подъ этими двумя условіями „благодать Іисуса Христа разрѣшаетъ (грѣшника) отъ всякихъ узъ“.

Св. священномученикъ Кипріанъ: „Власть разрѣшать что-нибудь на землѣ такъ, чтобы это разрѣшалось и на небѣ, Господь далъ прежде Петру..., а по воскресеніи и всѣмъ Апостоламъ, говоря: яко же посла Мя Отець и Азь посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся“ (Іоан. XX, 21—23). Отсюда понятно, что давать отпущеніе грѣховъ могутъ только въ Церкви *предстоятели*, имѣющіе основаніемъ *Евангельскій законъ* и Господне распоряженіе“ (т. 1-й, письмо 60-е).—И въ другомъ мѣстѣ: „Власть отпускать грѣхи дарована апостоламъ и Церквамъ, учрежденнымъ отъ нихъ—посланиковъ Христовыхъ, а затѣмъ епископамъ, которые наслѣдовали имъ по преемству“ (письмо Фирмилиана). Особенно же ясно объ этомъ училъ Св. Златоустъ: „кто размыслить, какъ важно то, что человекъ, еще облеченный плотію и кровію, можетъ присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго Естества, тотъ ясно увидитъ, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. *Ими* совершаются эти священнодѣйствія и другія, не менѣе важныя для совершенства и спасенія нашего. Люди, живущіе на землѣ и еще обращающіеся на ней, поставлены распоряжаться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ; ибо не имъ сказано: елико аще

свяжете на земли, будутъ связано на небеси, и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ (Мѡ. XVIII, 18).—Земные властители имѣютъ власть связывать, но только тѣло; а эти узы связываютъ самую душу и проникаютъ въ небеса; что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ довершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка. Не значить ли это, что Онъ далъ имъ всю небесную власть.

„*Имъ же, говоритъ Господь, отпустите грѣхи, и отпустятся, и имъ же держите, держатся* (Іоан. XX, 23). Какая власть можетъ быть больше этой? *Отець Судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22); а я вижу, что Сынъ весь этотъ судъ вручилъ священникамъ“. (Г. I., 416—418).

Такъ и въ правилахъ св. Апостоль и св. соборовъ—ездѣ, гдѣ говорится о покаяніи, какъ таинствѣ, лица, совершающія это таинство, именуются или епископами, или пресвитерами (см. 39 и 52 пр. св. Апостоль, 6, 7 и 52 Карѡаг. Соб.; Лаод. соб. 57 и друг. съ толкованіями Вальсамона, Зонары и Аристина) и нигдѣ, разъ говорится о покаяніи, какъ таинствѣ, власть вязать и рѣшить грѣхи не дана мірянамъ. Слѣдовательно, ваши настоятели, отцы духовные, не имѣя сана іерархическаго, противозаконно дѣйствуютъ, принимая приходящихъ на покаяніе, восхищаютъ недарованное, чѣмъ и нарушаютъ основное евангельское ученіе, нарушаютъ догматъ вѣры, еретичествуютъ. И не думайте, что суду вашихъ настоятелей-мірянъ — послѣдуетъ Судъ Божій,—нѣтъ, „елицы у нихъ принимаютъ исповѣдь, неисповѣдани суть и елицѣхъ они свяжутъ и разрѣшатъ, не исправленіе суть“.

Старообрядецъ: Все сказанное вами, отецъ миссіонеръ, мы не отрицаемъ. Мы признаемъ, что такая исповѣдь была и должна быть, когда есть и когда были лица іерархическія, но, вѣдь, мы вѣруемъ и учимъ, что теперь нѣтъ православныхъ священниковъ, что нынѣ господствуетъ ересь,—а на это время,—положены и особыя правила и особый видъ исповѣди.—Такъ, пр. Феодоръ Студитъ писалъ: такъ какъ господствуетъ ересь и обстоятельства со всѣхъ сторонъ стѣснительны, то предоставилъ всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни, какъ можетъ каждый; и хорошо сдѣлалъ онъ, достопочтеннѣйшій, такъ что и совершаемое не есть законъ, и душа, за которую умеръ Христосъ, не осталась безъ врачеванія“ (Письма, т. II, 413-стр.).—Слѣдовательно, во время обуреванія ересью, въ небытность іереевъ, разумію православныхъ, врачевать душевныя болѣзни предоставлено всѣмъ желающимъ, какъ можетъ каждый; значить, и наши наставники могутъ принимать приходящихъ къ нимъ на исповѣдь и ни мало не погрѣшаютъ.

Православный: Неправильно вы понимаете приведенное вами мѣсто изъ писемъ пр. Θεодора Студита; не о томъ онъ училъ и писалъ, что во время ереси каждый, якобы, можетъ врачевать болѣзни душевныя, т. е. якобы мірянинъ можетъ совершать таинство св. покаянія, — что и увидимъ мы изъ подробнаго разсмотрѣнія письма Θ. Студита къ монаху Θεодору. Предварительно же скажу нѣсколько словъ по поводу сказаннаго вами, что вы не отвергаете сказаннаго мною, что покаяніе, какъ таинство, установлено Господомъ Іисусомъ Христомъ и что власть рѣшить и вязать въ этомъ таинствѣ принадлежитъ лицамъ іерархическимъ, — но, что де нынѣ нѣтъ священниковъ православныхъ, а потому де и міряне могутъ совершать это таинство. Развѣ власть вязать и рѣшить дана Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ преемникамъ только на время? Развѣ онъ училъ, что наступитъ такое время, когда не будетъ православнаго священника, и тогда власть эту могутъ присвоить себѣ и міряне и совершать таинство покаянія?! Нѣтъ! Пока будетъ существовать Церковь, созданная Спасомъ, а она будетъ существовать — пока стоитъ видимый міръ, пока живы люди, и никакія врата адовы не могутъ уничтожить Церковь Христову, — до тѣхъ поръ будетъ существовать и Богомъ преданная власть вязать и рѣшить чрезъ лицъ священныхъ; и никакой другой исповѣди, никакой иной власти вязать и рѣшить — Христосъ не установилъ, а по-сему всѣ тѣ свидѣтельства, которыя я выше привелъ, остаются въ силѣ. Что „ключи Царствія небснаго“ или иначе, власть вязать и рѣшить чрезъ посредство православныхъ священниковъ у православныхъ христіанъ не прекратится, объ этомъ говорится въ Учительномъ Евангеліи: „Обношаше ключъ (Царствія Небснаго) не одинъ Петръ, но и всѣ Апостолы токмо, но и воспреемницы престола тѣхъ, намѣстницы, святители, патріархи. Паки же сіи оставльша и предаша епископамъ со возложеніемъ рукъ, епископи же оставиша презвитерамъ и всему чину священническому; и таковой ключъ обносится и до днесъ во архіереехъ и презвитерехъ и даже до скончанія вѣка не отнимется отъ нихъ“ (По изд. 1642 г. листъ 136 об.).

Только ересь, по ученію св. Амвросія Медиоланскаго, не имѣетъ православныхъ (Божіихъ) священниковъ; не имѣя священниковъ, ересь не должна присвоить себѣ и права священническаго, т. е. вязать и рѣшить (см. кн. „О покаяніи“ св. Амвросія Медиоланскаго по издан. 1901 г. гл. 2-я, 5—7 стр.).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію свидѣтельства пр. Θεодора Студита. Въ письмѣ къ Θεодору Монаху — преподобный не о томъ писалъ, что, во время ереси, можетъ каждый и мірянинъ врачевать душевныя болѣзни, совершать таинство покаянія, а о томъ, что епитиміи налагать — врачъ-пастырь, во время ереси и когда обстоятельства

со всѣхъ сторонъ стѣснительны, падшимъ клирикамъ, „обличеннымъ или въ подписи, или въ общеніи съ еретиками“, можетъ по своему усмотрѣнію, что онъ, преподобный, и дѣлалъ, „налагая епитиміи по принужденію отъ самаго перваго дня, и при томъ изъ заключенія подѣ стражею посредствомъ писемъ“, но и это онъ дѣлалъ „не въ видѣ опредѣленія, а въ видѣ совѣта—до времени мира, „чтобы тогда принять то, что будетъ опредѣлено патріархомъ съ утвержденія Св. Собора“ (см. 152 письмо его къ Θεодору Монаху, ч. 2-я, 377—379 стр.).

Освободившись изъ заключенія, пр. Θεодоръ Студитъ, отдавши отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ касательно назначаемой имъ епитиміи, ни въ чемъ не получилъ замѣчанія (379 стр.).—Θеодоръ Монахъ издалъ „Окружное посланіе“, каковое между прочимъ получено было преподобнымъ отцомъ. Въ этомъ посланіи Θεодоръ Монахъ укорялъ іерарховъ и священниковъ за то, что они, якобы, лицемѣрно принимали покаяніе, смѣялся надъ епитиміями, назначаемыми ими, злословилъ, говоря, что „дѣйствія этихъ іерарховъ и священниковъ производять соблазнъ“ (стр. 411—414).—Отвѣчая ему, преподобный и писалъ, что патріархъ, видя, что господствуетъ ересь и обстоятельства со всѣхъ сторонъ стѣснительны, предоставилъ всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни (т. е. подписи, общенія съ еретиками—иконоборцами и др.), какъ можетъ каждый,—до тѣхъ поръ—пока не соберется соборъ, „когда сдѣланное хорошо будетъ одобрено, а сдѣланное иначе будемъ отвергнуто“ (313 стр.).

Но право то было предоставлено „врачамъ“,—„которые полагають души свои за врачуемыхъ, ибо они совершаютъ куплю Христову“—(414—415 стр.),—а купля вручена пастырямъ, а не мірянамъ.—Возстававшему же Монаху Θεодору преподобный въ назиданіе писалъ: „А тебя, братъ, кто поставилъ законодателемъ въ Церкви Божіей, тогда какъ ты, можетъ быть, еще не научился и повиноваться? Посему не бывъ избранъ начальствовать надъ кѣмъ-нибудь, ты долженъ принимать законы, а не законодательствовать, руководиться, а не руководить,—просвѣщаться, а не просвѣщать, учиться, а не учить!..“ (Стр. 417). И такъ, напрасно ссылаетесь на преподобнаго, желая оправдать незаконныя дѣйствія своихъ настоятелей. Преподобный говорилъ не о томъ, что мірянинъ можетъ совершать таинство покаянія; училъ онъ объ епитиміяхъ, при чемъ примѣненіе той или другой епитиміи онъ предоставлялъ усмотрѣнію „врача“, воспрещая даже монаху—восхищать то, что не даровано.

Старообрядецъ: Вы только указываете на одинъ видъ покаянія; между прочимъ писаніе указываетъ намъ нѣсколько видовъ покаянія.

Можно непосредственно прибѣгать къ Богу съ покаяніемъ въ содѣянныхъ грѣхахъ и Господь, видя наши слезы и сокрушеніе, про-

щаетъ наши беззаконія. Такъ въ бесѣдахъ І. Златоустаго на 14-мъ посланій Ап. Павла“ читаемъ: „Да увѣщаемъ себѣ, яко согрѣшихомъ, не языкомъ да глаголемъ токмо, но и мыслию; не грѣшныхъ себѣ нарицаймо токмо, но и согрѣшенія помышляймо, по виду коеждо счисляюще; не глаголю ти, изъяви себѣ, ниже предъ иными, оглаголуй, но покоритися совѣту пророку глаголющему, открий къ Господу путь твой.—Предъ Богомъ сія исповѣждь, предъ судьей исповѣдай согрѣшенія моляйся, аще и не языкомъ, но памятью и тако бѣди помилованъ быти“. (3088 стр.; тоже 2983 стр. по изданію 1624 г.).

Эта же мысль проводится и въ Б. Сборникѣ: „Благодать и оставленіе, еже въ крещеніи младенци мы приемлюще, во грѣсѣхъ возрастающе осквернихомъ то, и угасихомъ. Ради же слезъ, и даже до старости, и до послѣдняго дыханія, на всякъ часъ крещатися, и очищати можемъ. Ради слезъ очистися, ради исповѣданія оправдася,—еже всегда, и въ самой старости, и въ послѣднихъ же сѣдинахъ, сотворити можемъ, глаголю же прослезити, и воздохнути, исповѣдатися, помолитися... Духъ Святыи рожая намъ по уверзенія слезы, ко оставленію и пораженію и очищенію согрѣшеній. Велика иже по Бозѣ слезъ крѣпость, велико тѣхъ дѣйство свидѣтель — въ ветхомъ ниневитяне, Іезекія, Манассія“. (Б. Сборн. 210, 211 и 212 л. л. об.). Такимъ образомъ Б. Сборникъ свидѣтельствуетъ, что достаточно воздохнуть предъ Господомъ со слезами о содѣянныхъ грѣхахъ и Господь приметъ это сокрушеніе о грѣхахъ и проститъ грѣхи кающагося такимъ образомъ. Въ подтвержденіе этой, именно, мысли въ Сборникѣ приводится слѣдующій рассказъ о разбойникѣ, который только слезами своими, своимъ плачемъ о прежнихъ беззаконіяхъ загладилъ грѣхи, заслужилъ прощеніе. „Бысть, читаемъ въ Сборникѣ, нѣкто разбойникъ во странахъ Фраческихъ, суровъ и безчеловѣченъ, и таковъ, яко и пути оны не проходны сотворити, и сего яти множайши отъ волнъ всяко ухищренія смыслюще и яти не возмогша. Слышавъ же блаженный царь Маврикій; съ нѣкимъ юнымъ отрочищемъ, посла къ нему крестъ свой, глаголя: не бойся. И якоже дѣйствомъ Божиимъ разбойникъ, устыдѣвся слова царева, отложъ разбойническій обычай, пришедъ къ ногамъ царевымъ со исповѣданіемъ припаде“. Вскорѣ послѣ сего, рассказывается далѣе, разбойникъ этотъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и, вѣдая о скорой своей кончинѣ, „на молитву ко Вседержителю Богу обратися, со слезами исповѣдуяся, и прощенія своихъ согрѣшеній прося, глаголаше: не ищи отъ меня ничто же благо, Владыко человеколюбче; но якоже на бывшемъ прежде мене разбойницѣ, аще и на мнѣ удиви милости твоя, и прими сей плачь мой смертный... И якоже пріять Петра апостола Твоего горчайшій плачь, сице прими и мой, Человеколюбче. Проливаю сія слезы на согрѣшеніе моихъ рукописаній... сія и таковая

на многи часы разбойникъ исповѣдуюся, и своимъ главотяжцемъ слезы обрысуя, предаде духъ“. Чудеснымъ образомъ, во снѣ, открыто было врачу, надзиравшему надъ страннопримнымъ домомъ, въ которомъ скончался разбойникъ, что „ефіопы, пришедшіе взять душу разбойника,—бѣжаша посрамлени“, ибо ангелы показали имъ „убрусецъ“, омоченный слезами разбойника, сказавъ, что Господь принялъ эти слезы, какъ истинное покаяніе, и простилъ грѣхи разбойника. Пришедши къ царю, врачъ рассказалъ ему и видѣніе свое и о тѣхъ слезахъ, кои проливалъ кающійся разбойникъ, „глаголя цареви: благодаримъ Бога.. Слышахомъ разбойника спасшася ради исповѣданія при крестѣ небеснаго Царя и видѣхомъ разбойника спасшася ради исповѣданія при твоёмъ Царствіи.—И сія слыша Царь вѣру емъ истиннѣ быти“. (214 об.—216 об.).

Ясно, что слезы предъ Господомъ, сокрушеніе о грѣхахъ довлѣютъ на покаяніе, приемятся Богомъ. Приведемъ и еще одно свидѣтельство изъ книги „Маргаритъ“—свидѣтельство, въ которомъ тоже говорится, что, и помимо іереевъ, можно непосредственно отъ Господа получить прощеніе во грѣхахъ и что и это покаяніе—приемятся Имъ. „Се спастися хочу, читаемъ въ „Маргаритѣ“, что сотворю? Како спасуся, и кій образъ восприму? Къ кому прибѣгну? Много бо согрѣшихъ, и дѣломъ, и словомъ и умомъ, во дни и нощи, и по вся часъ. Тѣмъ же что сотворю, како ли спасуся, къ кому прибѣгну? Азь повѣмъ къ кому прибѣгнути.

„Блаженный бо Давыдъ показа къ кому прибѣгнути, рече: Богъ намъ прибѣжище и сила, и помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло. Къ тому и ты прибѣгни, каися и плача. Покайся, возлюбленне, и не размышляй, покайся и не тужи и не отчайся, имѣя спасенія лѣчбу.. Преклоняй колѣнѣ, бій въ перси, слезы изроняй, воздыхай, плачи, простирай рудѣ на небо, возводи очи ко Владыцѣ.. Пойдемъ, поклонимся Ему, и припадемъ, и плачемся предъ Господѣмъ сотворшимъ насъ; той-бо есть Богъ нашъ, той насъ сотворилъ, той насъ ушедрить той ны помилуетъ и просвѣтитъ лице Свое на ны. Той бо есть Богъ кающихся и тако приметъ вы кающася“ (слово 13-е о лжеучителяхъ 593 об., 594, 595—597 л.л. об.)

Поэтому-то мы, хотя и не имѣемъ священниковъ, надѣемся, что имѣемъ покаяніе и можемъ каяться въ своихъ грѣхахъ непосредственно предъ Богомъ, вѣруя, что и такое исповѣданіе приемятъ Онъ и проститъ намъ наши прегрѣшенія.

Православный: И такъ, ваши наставники измыслили новый видъ покаянія, какъ таинства, именно: сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, со слезами, предъ Самимъ Господомъ, чѣмъ и стараетесь замѣнить установленное Господомъ Иисусомъ Христомъ покаяніе, исповѣдь предъ

лицами іерархическими—и въ доказательство приводите вы изъ „Бесѣды І. Златоустаго на 14 посланій Ап. Павла, изъ книги „Маргаритъ“ и изъ „Соборника“—Но, при безпристрастномъ разсмотрѣніи указанныхъ вами свидѣтельствъ, оказывается, что ни мало они не служатъ оправданіемъ новому вашему ученію.

Дѣло въ томъ, что сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, слезы о содѣянныхъ преступленіяхъ, воздыханіе и молитвенный вопль предъ Господомъ, — это только составныя части покаянія, исповѣди, какъ таинства.

Объ этомъ только и училъ въ приведенныхъ вами свидѣтельствахъ І. Златоустъ (въ книгѣ „Маргаритъ и въ „Бесѣдахъ“). „Ты грѣшешь? Войди въ Церковь, училъ Св. Златоустъ, припади, плачь, рыдай, стенай, проливай слезы.

„Ты согрѣшилъ? Исповѣдай Богу свои грѣхи, скажи просто: я согрѣшилъ,—скажи это Богу, вѣдающему все прежде, чѣмъ это совершится,—скажи Богу, испытующему сердца и утробы,—скажи здѣсь, чтобы не быть обличеннымъ и посрамленнымъ тамъ многими тысячами ангеловъ и людей.

„Скажи мнѣ, что лучше: здѣсь ли въ Церкви исповѣдаться предъ Богомъ только и духовнымъ отцемъ твоимъ, или тамъ опозориться предъ столькими тысячами людей и ангеловъ“ (т. XI, 936 стр.). Такимъ образомъ, исповѣдь во грѣхахъ, плачь и слезы—все это передъ Господомъ, но посредникомъ, свидѣтелемъ твоей искренной исповѣди, твоего исповѣданія въ содѣянныхъ преступленіяхъ, твоего плача и слезъ о грѣхахъ, долженъ быть духовный отецъ-священникъ, а этого то послѣдняго у васъ нѣтъ.

Да, ты творишь исповѣдь въ содѣянныхъ грѣхахъ, въ преступленіяхъ, которыми оскорбилъ Творца и отдалилъ Его отъ себя,—непосредственно предъ Самимъ Господомъ,—но повторяю, свидѣтелемъ твоей исповѣди долженъ быть іерей, молитвами и возложеніемъ рукъ котораго ты примиряешься съ Богомъ и получаешь прощеніе, разрѣшеніе отъ грѣховъ. „Престоль священства, говоритъ Св. Златоустъ, утвержденъ на небесахъ, и священнику ввѣрено устроить тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. Елика аще свяжете на земли, говоритъ Онъ, будутъ связано на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшено на небесѣхъ“. (Мѡ. XVIII, 18). Что можетъ сравниться съ такою честью?

Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія судить на землѣ, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всею природою разгнѣ-

ваннаго Бога и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его“ (т. VI 417 стр.). И такъ, не могъ учить и не училъ Златоустъ, что одни только слезы, плачь, стenanіе и воздыханіе о содѣянныхъ грѣхахъ непосредственно предъ Самимъ Господомъ, безъ присутствія іерея, могутъ замѣнить покаяніе, какъ таинство. Такъ, въ Б. Сборникѣ въ словѣ Анастасія Синаита, приведенномъ вами, говорится только, что искреннее раскаяніе, съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами о грѣхахъ, пріемлетъ Господь, въ доказательство чего и приведенъ рассказъ о разбойникѣ, который не могъ, по болѣзни, загладить свои преступленія доброй жизнью, добрыми дѣлами, а горько плакалъ и сокрушался о своихъ беззаконіяхъ. Его слезы были приняты Господомъ, вмѣсто добрыхъ дѣлъ, и онъ получилъ прощеніе.—Если во всемъ сказаніи о покаявшемся разбойникѣ не упомянуто о священникѣ,—такъ это не значить еще, что покаяніе, какъ таинство, можетъ быть замѣнено одними слезами. Въ „Сборникѣ“ не сказано, что разбойникъ былъ и крещенъ, не сказано, что онъ былъ и христіанинъ. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же Анастасій Синаитъ училъ: „Развѣ ты не знаешь, что Церковь Божія есть врачевница?—Итакъ, если ты во врачевницѣ останешься болящимъ, то гдѣ послѣ получишь исцѣленіе?—Исповѣдай же Богу чрезъ священниковъ грѣхи свои.—Осуди свои дѣла и не стыдись“. (Номоканонъ, изд. Павлова, 1897 г. стр. 474).

Ясно, что ни Св. Златоустъ, ни Анастасій Синаитъ не оправдываютъ измышленной вами исповѣди.

Къ тѣмъ доводамъ о таинствѣ покаянія, которыя я выше привелъ, приведемъ и еще ученіе Бл. Симеона Солунскаго: „Покаяніемъ совершается исправленіе наше отъ грѣховъ, вновь нами содѣваемыхъ. И такъ какъ послѣ крещенія нѣтъ другого способа быть возваннымъ ко спасенію по благодати и дару, кромѣ подвиговъ и трудовъ, кромѣ обращенія и слезъ, кромѣ исповѣданія прегрѣшеній и удаленія отъ зла: то и дарованъ этотъ великій даръ... Покаяніе, послѣ крещенія, и главизна спасенія для всѣхъ вѣрныхъ, и другое очистилище, и второе крещеніе, совершаемое посредствомъ исповѣди и сокрушенія, посильными трудами и слезами...“

„Но силу рѣшить и вязать Онъ (Господь)—даровалъ намъ, чelовѣкамъ, самъ отъ Себя дуновеніемъ сообщивъ въ началѣ этотъ даръ Апостоламъ. Ибо дуну, сказано, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся (Іоан. 20, 22—23).“

„Для того это, чтобы тѣ, кои пришли въ смиренія души на исповѣдь, чрезъ искреннее раскаяніе отклонившись уже отъ грѣха, открыто получали разрѣшеніе. И это совершается постоянно донныѣ.“

„Сія-то сила Духа проявляется и дѣйствуетъ чрезъ священнослу-

жителей... Покаяніе есть одно изъ таинствъ, и совершать его для вѣрныхъ—принадлежитъ епископамъ“ (т. 2-й, по изд. 1856 г. Стр. 14, 15, 33, 314 и 322).

Слѣдовательно, необходимы: сокрушеніе о грѣхахъ, слезы, удаленіе отъ зла, подвиги и труды, словесное исповѣданіе грѣховъ предъ тѣми, кои получили на это власть, т. е. предъ священнослужителями, и разрѣшеніе отъ грѣховъ, бываемое отъ іерея. Объ этомъ то у насъ и рѣчь съ вами; этого то у васъ и нѣтъ, именно разрѣшенія іерейскаго отъ грѣховъ, а стало быть и слезы и исповѣдь ваши вотще.

Самарскій Епарх. миссіонеръ іерей *Д. Александровъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Обзоръ печати.

(По поводу статьи Д. С. Мережковского „Пророкъ русской революціи“,
„Вѣсы“,—№ 2 и № 3—4).

I.

В. В. Розановъ и Д. С. Мережковскій—звѣзды одной плеяды.
Проще сказать, это два сапога—пара.

Оба мистики, оба пламенные и яростные, но, повидимому, безсильные поклонники „святой плоти“. На этой почвѣ—полное единеніе духа.

Есть и черты различія, но сравнительно незначительныя. Г. Розановъ больше наираетъ на Ветхій Заветъ, на богинь вождельнія и сладострастія по библейскому тексту. Г. Мережковскій присноровился къ Апокалипсису и дѣйствуетъ имъ на читателя, какъ обухомъ топора. Его богини и героини—бѣлыя дьяволицы, вѣдьмы съ нѣмецкаго Брокена и съ русской Лысой горы.

Г. Розановъ много вульгарнѣе, но и много реальнѣе г. Мережковскаго. Онъ глазамъ не вѣритъ: ему надо дотронуться и обнюхать. Г. Мережковскій доволенъ тѣнью, мимолетнымъ призракомъ, капризной и мимолетной тучкой и вкушаетъ необъяснимое наслажденіе тамъ, гдѣ г. Розановъ еще сомнѣвается въ самой реальности факта.

Тѣмъ не менѣе они какіе-то близнецы въ русской литературѣ, два Аякса, которые всегда вмѣстѣ, гдѣ мятежная плоть поднимаетъ стяги борьбы съ тѣми, кто сомнѣвается въ ея божественности.

Г. Розановъ издалъ прекуръезную книгу „Около церковныхъ стѣнъ“.

Мы о ней уже говорили въ прошлой книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“. Но въ благородномъ мистико-эротическомъ спортѣ г. Мережковскій блестяще побилъ рекорды своего коллеги по вѣрѣ и далъ ему очковъ пятьдесятъ впередъ.

Придетъ время—и, повидимому, оно недалеко,—когда серьезные и образованные люди будутъ удивляться тому, что г.г. Розанова и Мережковского считали писателями, что было и такое поколѣніе, среди котораго они могли найти извѣстность и популярность, что ихъ книги читали.

Но наше время, кажется, „изъ всѣхъ правилъ вышло“. Кадеты побѣдили,—а вѣдь это историческій фактъ, не менѣе удивительный, чѣмъ лавры двухъ друзей-мистиковъ. „Кадеты побѣдили“—вѣдь это вольный переводъ словъ Нитцше: „все возможно, все дозволено“.

Но статья г. Мережковского заслуживаетъ полнаго вниманія при всемъ юродствѣ ея содержанія, какъ верхъ безумія, возможнаго въ наши безумные дни.

Начнемъ съ конца. По дорогѣ реакціонныхъ заблужденій Достоевскаго г. Мережковскій шелъ къ своей истинѣ и остановился, когда уперся въ нее лбомъ.

Передъ какой-же истиной—ложь все, что говорилъ Достоевскій о самодержавіи и православіи?

„Это истина—пророчество о Св. Духѣ и о Св. Плоти, о Церкви и царствѣ Грядущаго Господа“.

„Не въ христіанство, а только въ религію Троицы, Всѣхъ Трехъ—Божественной Множественности, открывающейся въ Божескомъ Единствѣ—включается и человѣческая множественность, совокупность личностей, святая общественность; только въ религію Святой Земли естественно включается и всемірное соединеніе и устроеніе людей на землѣ, церковь, какъ царство“. „Точно такъ-же, какъ Первая Ипостась Отчая воплотилась въ міръ природномъ, въ дочеловѣческомъ, въ космосѣ, и Вторая Сыновняя—въ Богочеловѣкѣ, Третья Ипостась, Духа, воплотилась въ Богочеловѣчествѣ“.

„Не въ христіанство“... Это надо запомнить. „Божественная Множественность“—повидимому, языческій политеизмъ. Святая Земля съ большими буквами—какое-то первобытное идолопоклонство.

Вотъ какую истину надо признать истиной, чтобы раздѣлять взгляды г. Мережковского. Это отчасти успокоительно. Такихъ чудачковъ много не наберется и мистическая ахинея творца новой религіи едва-ли соберетъ новую нехристіанскую церковь. Авторъ ни въ Магометы, ни въ Будды не годится: очень ужъ онъ далекъ отъ земли, съ какой-бы буквы онъ это слово ни писалъ.

II.

Въ чемъ-же провинился покойный Ф. М. Достоевскій передъ Д. С. Мережковскимъ?

Вотъ въ чемъ. Революціонеръ въ душѣ, онъ притворялся реакціонеромъ и только одному г. Мережковскому удалось подмѣтить и объяснить этотъ литературный маскарадъ.

Отъ истины, теперь намъ уже известной, перейдемъ къ тѣмъ заблужденіямъ, которыя такъ удивительно ново объясняетъ г. Мережковскій.

Его путеводная звѣзда въ пустынѣ заблужденій—„безвластіе, какъ путь къ боговластію“.

Было-бы несправедливо обвинять автора въ трусости или осторожности. Онъ всегда на передовыхъ позиціяхъ, всегда тамъ, гдѣ больше опасности.

Достоевскій любилъ исторію Европы, „осколки ея святыхъ чудесъ“, но современная Европа была ему не по душѣ.

„Кажется,—говоритъ г. Мережковскій,—Достоевскій чувствовалъ и то, что на такую любовь Европа не можетъ отвѣтить Россіи ничѣмъ, кромѣ ненависти. „Въ Европѣ всѣ держатъ противъ насъ камень за пазухой. Европа насъ ненавидитъ“. „Европа презираетъ насъ, считаетъ низшими себя, какъ людей, какъ породу, а иногда мерзимъ мы имъ, мерзимъ вовсе, особенно когда имъ на шею бросаемся съ братскимъ поцѣлуями“. „Мы для нихъ не европейцы, мѣшаемъ мы имъ, пахнемъ не хорошо“. Всѣхъ славянъ вообще „Европа готова заваривать кипяткомъ, какъ гнѣзда клоповъ въ старушечьихъ деревянныхъ кроватяхъ“. „Тамъ (въ Европѣ) порѣшили давно уже покончить съ Россіей. Намъ не укрыться отъ ихъ скрежета и когда-нибудь они бросятся на насъ и съѣдятъ насъ“.

„Въ заключеніе совѣтъ—чтобы не быть съѣденными, надо самимъ съѣсть Европу. Таково наше „всеслуженіе челоѣчеству“. Но мы-ли съѣдимъ Европу или Европа съѣстъ насъ, во всякомъ случаѣ, этотъ русскій скрежетъ уже тѣмъ омерзительнѣе европейскаго, что прикрывается „братскими поцѣлуями“, отъ которыхъ дѣйствительно, „не хорошо пахнетъ“. На эти поцѣлуи „русскому Христу“ Христосъ вселенскій могъ бы отвѣтять: „другъ, цѣлованіемъ-ли предаешь Сына Челоѣческаго“?

Сердиться на г. Мережковскаго нельзя: онъ слишкомъ младенецъ, чтобы требовать отъ него отвѣтственности за дикій и безсвязный лепетъ. Его окрошка изъ цитатъ Достоевскаго—дѣтская шалость, разсчитанная на совершенно игрушечные эффекты.

Кто читаль Достоевскаго, тотъ знаетъ, что покойный писатель никогда „не бросался къ ней на шею съ братскими поцѣлуями“. Онъ любилъ прошлое Европы, но ея настоящее положеніе не возбуждало его симпатій.

Это знаетъ и г. Мережковскій. Съ чего-же онъ горячку пореть? Только оттого, что г. Достоевскій сказалъ „мы“? Но вѣдь это довольно обычная литературная манера рѣчи. Г. Мережковскій старый литераторъ и это ему пора бы знать. Такъ говорятъ, чтобы придать больше мягкости рѣчи, чтобы сдѣлать укоръ безобиднѣе. Говоря „мы“, Достоевскій думалъ не о себѣ, а, скорѣе, о г. Мережковскомъ.

И на такомъ пустякѣ писатель въ цвѣтущемъ возрастѣ, какъ неопытный отрокъ, притворяющійся умнымъ, строить цѣлую систему вздорныхъ обвиненій, все шире и шире охватывая горизонты, которые здѣсь рѣшительно ни къ чему. Достоевскій превращается въ „русскаго Христа“ и литературная полемика превращается въ явное кощунство.

Еще ни одинъ писатель не говорилъ такого непристойнаго вздора, потому что серьезный человѣкъ щадитъ свое доброе литературное имя, не просится подъ розги, не щеголяетъ озорствомъ и безшабашностью. На это дерзаютъ только легкомысленные ребята, которымъ терять нечего, которые слишкомъ довѣрчиво рассчитываютъ на снисхожденіе своихъ близкихъ, которые куражатся и капризничаютъ, когда замѣтятъ, что имъ все сходитъ съ рукъ, что имъ мирволятъ и не придаютъ значенія ихъ капризамъ. Но и дѣтская шаловливость иногда переходитъ черезъ край и тогда...

Доказать свои положенія онъ, конечно, не можетъ. Это наборъ фразъ и игра въ слова. Онъ доволенъ уже тѣмъ, что „дерзнулъ“. Въ ранней молодости дервостью гордятся. У кадетовъ—это своего рода шикъ.

Какъ молодъ и наивенъ почти маститый поэтъ и чревоушатель!

Европа пережила свои старые идеалы. Въ свое время эти идеалы казались великими и исчерпывающими всю полноту правды, дающими смыслъ всему существованію человѣка. Въ мечтѣ, въ теоріи они были прекрасны. Но, когда захотѣли осуществить ихъ въ жизни, когда кровью и убійствомъ стали внушать „человѣчеству“ новорожденную истину, недавніе могучіе боги оказались мертвыми чурбанами. Ихъ уже нѣтъ. Они позади, на тѣхъ путяхъ исторіи, къ которымъ возврата нѣтъ. Теперь Европа живетъ безъ горячей вѣры, безъ великой идеи. Жизнь стала сѣрой, скучной и безцвѣтной, безъ будущаго, безъ цѣлей, безъ надеждъ. Легко понять любовь къ Европѣ въ годы ея творчества и гордой вѣры въ себя. Легко понять и ненависть къ Европѣ, когда она застыла въ безжизненномъ покоѣ буржуазіи и другихъ идеа-

ловъ не имѣеть, даже для пролетаріата, который строится и организуется по шаблонамъ буржуазіи и своихъ дорогъ не нашель. Объ этомъ написаны цѣлыя книги и вопросъ поставленъ вполне определенно. И г. Мережковскій эти книги, надо полагать, читаль, читаль онъ, вѣроятно, и Влад. Соловьева, и Герцена, и Хомякова, и Данилевскаго. Зачѣмъ-же онъ напускаеть на себя тупость и невѣжество? Только для того, чтобы морочить тѣхъ читателей, которые ничего не читають, ничего не знаютъ и знать не хотять?

Ш.

Ясное дѣло, что избалованный г. Мережковскій за что-то сердится на Достоевскаго. Кадеты вѣдь очень обидчивы.

Что-же его такъ задѣло? А вотъ что. Достоевскій часто высказываль одну мысль, которую беретса формулировать самъ г. Мережковскій. Представимъ эту мысль въ его передачѣ.

„Русскій интеллигентъ, пока остается самимъ собою, т. е. русскимъ европейцемъ, не можетъ понять православія, такъ-же, какъ Европа не понимаетъ его. А слѣдовательно, не можетъ понять и русскаго народа. Остается „погибать врозь“.

Эта мысль Достоевскаго для г. Мережковскаго—ножь острый. Онъ вспыхнулъ, озлился, сталъ ломать въ своей дѣтской игрушки и на зломамашѣ и нянькѣ повторяеть скверныя уличныя слова, чтобы сорвать свою досаду.

Правда, говорятъ, глаза колетъ. Кадеты нынѣ представляютъ волю невѣдомой страны и голосъ выдуманнаго народа. Но православія они не понимаютъ, въ чемъ и сами признаются. А безъ православія русскаго народа дѣйствительно не поймешь. Все это такъ просто и ясно, что этого не видять только разные кадеты, задавшіеся цѣлью перелгать дѣйствительность.

Если-бы г. Мережковскій съ годами росъ, онъ могъ-бы попытаться поспорить съ Достоевскимъ, подумать о доказательствахъ, поискать фактовъ. Но онъ слишкомъ лѣнивъ и легкомысленъ для этого. Онъ просто показываеть языкъ и назойливо твердить, что онъ „побѣдилъ“, какъ всегда побѣждаютъ кадеты.

По г. Мережковскому выходитъ, что наша интеллигенція прекрасно понимаетъ православіе. Но понимаетъ-ли его г. Мережковскій? Какъ онъ его понимаетъ, мы скоро увидимъ. Но заранѣе предупреждаемъ, что такъ его никто и никогда не понималь, не понимаетъ и понимать не будетъ. Онъ и г. Розановъ—непризванные строители новаго Соломонова храма. Они создаютъ свою собственную религію, и—въ ин-

тересахъ пропаганды, подобно другимъ кадетамъ, выдаютъ его за православіе. Кадеты пробовали убѣдить мужиковъ, что самодержавіе тоже самое, что и республика. Но республика остается республикою, а похотливое язычество—язычествомъ, какъ-бы ихъ ни называли.

Рознь между интеллигенціею и народомъ—старый вопросъ. Теоретически онъ поставленъ и рѣшенъ давно, практически онъ рѣшается на нашихъ глазахъ. На уличныхъ листкахъ красною краскою часто рисуется тенденціозная картина: интеллигентъ братски жметъ руку мужику и заключаетъ съ нимъ союзъ на почвѣ республики, націонализаціи земли и вооруженнаго возстанія. Кадеты „требуютъ“, чтобы всѣ повѣрили этой сказкѣ. Но сказокъ у кадетовъ слишкомъ много и всѣ онѣ фантастичны.

На этой почвѣ интеллигенція создаетъ мечтательный призракъ какой-то особой, не то официальной, не то ветхозавѣтной Руси, алчной, пржорливой, тупой и безсовѣстной.

„Россія проглотитъ сперва Европу, потомъ Азію и, наконецъ, весь міръ. Это любовь даже не живого къ мертвому, а хищнаго звѣря къ добычѣ, хищной птицы къ трупу. „Гдѣ трупъ, тамъ соберутся орлы“. Вселенная—трупъ. И русскій двуглавый орелъ носится надъ трупомъ вселенной“.

Въ евангельскомъ текстѣ стоятъ не орлы, а коршуны. Но слишкомъ уже хотѣлось г. Мережковскому пофорсить краснымъ словомъ и показать во всемъ блескѣ свободу своего слова въ дѣтски-безумной ненависти къ двуглавному орлу. Эта лживая и гнусная картина под-сказана старой повадкою нашей интеллигенціи блистать непомѣрнымъ, необузданнымъ и безтолковымъ либерализмомъ.

Это что-то въ родѣ тѣхъ папирсовъ, которыя „борцы за свободу“ гасили объ икону Иверской Божіей Матери. Въ томъ и другомъ случаѣ психологія одинаковая: „наплевать“. А логика... Впрочемъ, на что логика побѣдителямъ? Посмотрите на кадетовъ. Они отлично справляются безъ разума и безъ логики и свою глупость прикрываютъ красною тогою гнѣва и мести.

Г. Мережковскій зналъ, что своею циничною выходкою онъ многимъ причинитъ боль и огорченіе. Но его истинная цѣль именно въ томъ-то исключается, чтобы причинить эту боль. Младенческая несостоятельность его основной мысли отнюдь не требовала такихъ оскорбительныхъ и грязныхъ оборотовъ рѣчи. Причудливость и босяцкая неопрятность образа—для него цѣль сама по себѣ и онъ ловитъ новые нечистоплотные эффекты, чтобы блеснуть цинизмомъ безшабашности.

Удивительно-ли, что онъ бросаетъ комьями грязи въ русскаго двуглаваго орла, если не останавливается и передъ явнымъ кощунствомъ?

„Въ кровавомъ бреду Достоевскаго о всемірно-русской монархіи,—говоритъ онъ,—„русскій Христосъ“ поклонился дьяволу“.

Достоевскій тутъ не причемъ. Не онъ одинъ не отрекается отъ „русскаго Христа“ ради какой-то Божественной Множественности и Святой Земли. Да и какое дѣло г. Мережковскому до Христа, если онъ самъ признается, что его вѣра—не христіанство?

Но и Христосъ, поклонившійся дьяволу, тоже не Богъ.

Что же собственно хочетъ сказать г. Мережковскій?

Споръ, который онъ поднимаетъ, старый споръ. Это споръ между западниками и славянофилами. Ни одного новаго доказательства, ни одного жизненнаго обобщенія г. Мережковскій въ этотъ споръ не вноситъ. У него нѣтъ ни одной ясной и точной мысли, только подборъ словъ вычурныхъ и непристойныхъ. Его исходная точка зрѣнія показалась бы смѣшной и нелѣпой даже у малограмотной начетчицы, запуганной чтеніемъ Апокалипсиса.

И въ этотъ старый споръ, который съ большимъ достоинствомъ и съ огромною эрудиціею вели серьезные и умные люди, какъ уличный мальчишка, вмѣшивается г. Мережковскій, съ визгомъ, хохотомъ, съ ужимками балаганнаго шута, и въ дикомъ восторгѣ произноситъ такія пошлости, отъ которыхъ покраснѣла бы и обезьяна.

Г. Мережковскій любитъ блеснуть своею начитанностью. Его эрудиціи не отрицаетъ даже В. П. Буренинъ, который много разъ пользовалъ розгою ученія поэта-мистика, хотя, къ сожалѣнію, повидимому, не достигъ цѣли. Но эта начитанность—для него худшее зло: у него все какъ-то не ко двору. Лучшія мысли мыслителей и поэтовъ превращаются въ какую-то яичницу, въ трактирную окрошку изъ всякой всячины и возбуждаютъ невольную брезгливость. Онъ всегда искалъ вниманія толпы и черни и у него нѣтъ ничего, чѣмъ бы онъ не пожертвовалъ ради популярности и рыночнаго успѣха. Теперь балаганное глумленіе—товаръ ходкій.

Къ довершенію кощунства и безстыдства онъ время отъ времени принимаетъ позу и языкъ пророка.

„Господь наказалъ насъ—и слава Господу! Выпьемъ-же чашу гнѣва Господня до дна, ибо на днѣ—спасеніе“.

Не будемъ забывать, что это говоритъ пророкъ Третьяго Завѣта, который молится Великой Матери Елѣвзинскихъ таинствъ. Кто ему „Господь“ и что онъ Господу?

Онъ радуется чашѣ гнѣва Божія, но не потому, что на днѣ ея спасеніе: спасеніе для проклинаемой имъ Россіи невозможно, по его убѣжденію,—а потому что старая Русь съ ея вѣрою, съ ея Господомъ—будто-бы гибнетъ и погибнетъ.

Ш.

Поэтъ Минскій, всю жизнь блуждавшій въ непроницаемыхъ дебряхъ дремучей языческой мистики, почувствовалъ себя убѣжденнѣйшимъ социаль-демократомъ и сталъ редакторомъ социалистической газеты. Но, испугавшись послѣдствій социалистической программы по шаблонамъ нашихъ доморожденныхъ мыслителей и вождей социалистической партіи, предпочелъ бѣжать за границу и оттуда посылать громы на своихъ недавнихъ союзниковъ.

Г. Мережковскій принесъ свою туманную мистику къ ногамъ побѣдоносныхъ кадетовъ и на свой ладъ переиѣвываетъ ихъ нехитрыя пѣсенки.

Еврейскій вопросъ играетъ огромную роль въ судьбѣ и карьерѣ кадетовъ. И на этотъ алтарь проворный мистикъ приноситъ свою и своеобразную жертву.

„Когда христіане называютъ евреевъ „жидами“, они произносятъ хулу на Христа во чревѣ Матери Его, въ тайнѣ Рождества Его, во святomъ Израилѣ. Истинные „жиды“—не евреи, а тѣ христіане, которые возвращаются отъ Новаго Завѣта къ Ветхому, отъ Христа вселенскаго къ Мессіи народному“.

Мистикъ, а знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Значить-ли это, что евреи обратились къ „Христу вселенскому“?.. А если не значить, то что-же это значить?

Если „народный Мессія“—что-то позорное и безстыдное для русскаго народа, то почему онъ такъ хорошъ для еврейства?

Онъ будто-бы вступаетъ за оскорбленное достоинство Матери Его, онъ, который Святая Земля пишетъ съ большой буквы и вдается въ соблазнительныя тонкости толкованія по поводу словъ: „Богородица есть Великая Мать Сыра Земля“.

Авторъ много разъ переворачиваетъ на разные лады лукавыя слова покойнаго Влад. Серг. Соловьева о необходимости для Россіи національнаго отреченія для церковнаго единства подъ главенствомъ папы. И у Соловьева это выходило достаточно туманно въ тонкомъ лицемѣрїи напускной мистики. А у г. Мережковскаго это было-бы какою-то загадкою сфинкса, если-бы его отношеніе къ еврейскому вопросу не давало ключа къ пониманію его удивительной декламации. О вселенскомъ Христѣ, котораго евреи не признаютъ, онъ говоритъ „страха ради іудейска“, чтобы не допустить русскій народъ до вѣры въ народнаго Мессію, котораго евреи и теперь еще ждуть. Игра старая и нехитрая.

„Каждый народъ долженъ отречься отъ себя, отъ своей „синтети-

ческой личности, отъ своего особаго Бога“, долженъ сдѣлаться жертвою за всё другіе народы, умереть, какъ народъ, во всечеловѣчествѣ, для того, чтобы воскреснуть въ бого-человѣчествѣ“.

Разберитесь въ этомъ жалкомъ наборѣ словъ.

„Каждый народъ долженъ“... Отчего-же ни нѣмцы, ни французы, ни англичане этого не дѣлаютъ? У cadaго своя „синтетическая личность“ и „свой особый богъ“. Не дѣлали этого ни римляне, ни греки. Почему такая жестокость только къ русскому народу? Отчего однимъ народамъ суждено принимать жертвы, а другимъ приносить ихъ?

„Умереть, какъ народъ“... Это ясно. И этого для русскаго народа г. Мережковскій очень желаетъ. Да и не одинъ онъ. Но нельзя-же такъ неприкровенно выдавать сокровенныя тайны кадетовъ. Это одно изъ тѣхъ пожеланій, которыя принято держать въ строгой тайнѣ партійной замкнутости.

И это, по увѣренію г. Мережковскаго, перспектива очень соблазнительная и очень заманчивая. Умрите, какъ народъ, а воскреснете, какъ боги. Чего лучше? Отчего-же г. Мережковскій не сдѣлаетъ этого опыта на своей собственной особѣ. Пусть онъ умретъ, какъ человѣкъ, и воскреснетъ, какъ Богъ,—и тогда, можетъ быть, ему можно будетъ повѣрить. Или онъ уже и безъ того богъ, сталъ богомъ, не въ примѣръ прочимъ, даже не умирая?

Что-же это? Мистика или новое дурачество капризнаго младенца?

Дивно, что эти невѣроятныя рѣчи раздавались и въ университетской аудиторіи, въ закрытомъ засѣданіи Философскаго Общества и имъ внимали, какъ рѣчамъ компетентнаго пророка, открывающаго новые пути и новыя правды.

Или и храмы науки превратились у насъ въ площадныя торжища, гдѣ каждый говорить, что хочетъ и какъ хочетъ? И тамъ уже отвыкли отличать плевелы отъ пшеницы, убѣжденную рѣчь отъ кривляющейся декламации? Развѣ не фокусы эти „ужасы“, которыми лекторъ забавлялъ ученую аудиторію?

Если „Философское общество“ пробавляется такою „философією“, ему надо переименовать свое имя. Иначе и за философію стыдно будетъ.

А тамъ слушали и даже одобрили такой, на примѣръ, вздоръ.

„Послѣдній ужасъ въ томъ, что, вѣря въ „русскаго Христа“, „русскаго Бога“, нельзя вѣрить въ истиннаго Бога-Слово, во Христа вселенскаго“.

И никакого ужаса—нѣтъ. Каждый народъ вѣруетъ во Христа по своему и отъ этого Христосъ не становится не вселенскимъ. Вотъ вѣровать въ Третій Завѣтъ, въ „Мать Сыру Землю“, въ „Святую Плоть“—человѣческую такъ-же, какъ и въ Христа,—это дѣйствительно значить создавать себѣ „особаго Бога“ и свою собственную „синтетическую личность“.

Зачѣмъ г. Мережковскій ужасается чужимъ ужасомъ? Чего ему страшно? Повидимому, ему-то уже бояться нечего: вѣдь онъ открыто не признаетъ христіанства.

Но и Христа г. Мережковскій, какъ новый Савль, гонить только для того, чтобы гнать русскій народъ.

„Русскій народъ, сдѣлавшись „русскимъ Христомъ“, двойникомъ Христа, самъ превратился въ звѣря, въ антихриста, потому что антихристъ и есть двойникъ Христа“.

И все: и Звѣрь, и Христосъ, и Антихристъ—съ большой буквы. Это указаніе искать особый мистическій смыслъ въ прикровенной рѣчи. Но на самомъ дѣлѣ этого потаеннаго смысла нѣтъ. Г. Мережковскій просто бранится, чтобы браниться.

Въ „Философскомъ Обществѣ“ г. Мережковскому по существу не возражали. Значить, и тамъ приеѣма такая догика и такіе приемы доказательства? Тогда *fuit philosophia, non est*.

IV.

Итакъ, русскій народъ—антихристъ.

Для начала—и это хорошо. Дальнѣйшіе выводы слѣдуютъ, конечно, сами собой.

„И по другой формулѣ: „Богъ есть синтетическая личность народа“, а „русскій царь есть воплощеніе личности русскаго народа“, выходитъ опять-таки, что „русскій Богъ“, и русскій Христосъ—есть русскій царь“.

„И послѣдняя тайна, послѣдній ужасъ самодержавія не въ томъ-ли, что самодержецъ—самозванецъ Христа?“

Еще одинъ ударъ и все будетъ ясно.

„Развѣ вся исторія самодержавія—не самое фантастическое и самое реальное „неистовство“? Во всякомъ случаѣ, это не что-то трезвое, умѣренное и благоразумное, „конституціонно-демократическое“, а пьяное, дикое, какъ тотъ огненный бредъ, изъ котораго родились легенды скопцовъ и хлыстовъ о богѣ-саваоѣ, „сокатившемъ съ неба на землю“.

Маска упала. Мы узнаемъ азартнаго, хотя и неопытнаго игрока. Это не мистика, не логика и даже не статья. Это просто *captatio benevolentiae*, униженное пресмыкательство передъ слишкомъ молодымъ знаменемъ кадетовъ. Очевидно, авторъ старается получить знаки ордена Гапона первой степени, когда этотъ орденъ замѣнить собою старые русскіе ордена.

Все „конституціонно-демократическое“—непремѣнно трезвое, непремѣнно умѣренное, непремѣнно—благоразумное.

Вотъ тонкое искусство самой низкой, самой работѣльной лести.

Логика и практика кадетовъ—ни для кого не секретъ. До сихъ поръ они еще ни разу не говорили „отъ разума“. Они заклинають и проклинають именемъ „воли“ народа и изъ этой воли для личныхъ надобностей выдѣляютъ только гнѣвъ и месть. Они сладострастно мечтають о „сладости мщенія“. Они жаждутъ власти и упоены властью.

Это все, что хотите, только не „трезвость“.

Говорить объ „умѣренности“ кадетовъ—тоже довольно рискованно. У нихъ для всего одно „или“, въ которомъ вторая часть противопоставленія всегда остается неизмѣнною.

Или амнистія, или революція.

Или автономія окраинъ, или революція.

Или принудительное отчужденіе частно-владѣльческихъ земель, или революція.

Если это называть умѣренностью, то что-же тогда будетъ называться неумѣренностью?

„Благоразуміе“, конечно, невозможно въ томъ кровавомъ туманѣ, которымъ окутана боевая и побѣдоносная партія, призывающая къ новымъ битвамъ.

Г. Мережковскій съ вѣрнымъ прицѣломъ нашелъ именно тотъ видъ лести, который навѣрняка покоряетъ славолубивое сердце новыхъ кондотьеровъ. Ложь, самая грубая и неприкрытая, явно противорѣчащая наличной дѣйствительности, очевидная для каждаго, кто умѣетъ своими глазами смотрѣть на слова и поступки людей, томить и нѣжить сердце кадетовъ, которые до г. Мережковского, не имѣя наемныхъ льстецовъ, лстили себѣ сами, при явной безграмотности говорили отъ имени послѣдняго слова науки, прославляя политическія убійства, поднимали свой голосъ противъ смертной казни, держали свои дружины подъ красными флагами, а въ Думѣ поднимали бѣлые,—символь всепрощенія и мира,—но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ дали насладиться всею сладостью мести.

Каши масломъ не испортишь. Это г. Мережковскій понялъ. И съ льстивой угодливостью, какъ лукавый лакей новаго барина, поползъ къ ногамъ „конституціонно-демократическаго“ фетиша съ словами такой безшабашной и безстыдной лжи, которая въ первый разъ позорить буквы русскаго печатнаго слова.

И по своему онъ указалъ дорогу и другимъ. Онъ понялъ нехитрое искусство, какъ и чѣмъ надо подольщаться къ кадетамъ.

Для этого надо говорить, что русскій народъ звѣрь и хищникъ, что онъ антихристъ, что русскій Христосъ поклонился дьяволу, что русскій царь—самозванецъ Христа.

Многіе, несомнѣнно, пойдуть по стопамъ г. Мережковскаго, чтобы по мѣрѣ возможности приспособиться къ новому порядку вещей. Но имъ не обогнать перваго прыткаго льстеца. Онъ побилъ рекордъ. У русскаго народа больше нѣтъ такихъ святыхъ, кощунственное отношеніе къ которымъ могло бы снискать большее благоволеніе кадетовъ.

Вотъ „заря новаго дня“, вотъ то „солнце свободы“, котораго такъ долго ждала „мыслящая Россія“!

И вотъ, съ другой стороны, тѣ жертвы, которыя должны будутъ принести люди русскаго происхожденія и православной вѣры, чтобы получить права гражданства при новомъ укладѣ общественной жизни.

Кадеты всегда и всего „требуютъ“. Видя добровольное низкопоклонство и раболѣпіе г. Мережковскаго, они потребуютъ такого-же раболѣпія и отъ всей литературы.

И цензура ихъ будетъ беспощадна. Этому есть уже примѣры. Предсѣдатель Думы чуть не въ первомъ-же засѣданіи, какъ Писея въ удушливомъ туманѣ одуряющихъ испареній, провѣщаль, что Государственная Дума „выше всякаго упрека“. Надо имѣть слишкомъ много „воли“ и не имѣть разума, чтобы метать такіе папскіе громы.

V.

Г. Мережковскій до краевъ наполнилъ своимъ показнымъ гнѣвомъ какую-то грязную чашку и кощунственно утверждаетъ, что это чаша гнѣва Господня. Мы знаемъ, для чего онъ это дѣлаетъ. Но въ его изложеніи есть еще тонкости, которыя показываютъ, съ какимъ опытнымъ и беззапѣчивымъ виртуозомъ мы встрѣчаемся на этой почвѣ.

„Романовъ, Пестель или Пугачевъ“?—такимъ вопросомъ Бакунинъ озаглавилъ одну изъ своихъ статей, въ которой, между прочимъ, доказывалъ, что русскій царь могъ-бы спасти,—по крайней мѣрѣ, на время,—самодержавіе,—если-бы сталъ во главѣ русской и всемірной соціальной революціи. Выкинувъ средняго, слишкомъ серединнаго, Пестеля и оставивъ двухъ крайнихъ, получимъ вопросъ: самодержецъ или самозванецъ?—вопросъ монархиста Достоевскаго, совпавшій съ вопросомъ анархиста Бакунина.

„Изъ русской исторіи мы знаемъ, какъ трудно иногда отличить самодержца отъ самозванца. Каждый пришедшій царь оказывается вовсе не тѣмъ грядущимъ царемъ, котораго ожидаетъ народъ, какъ Мессію. И если-бы даже избраніе царя совершилось по волѣ народа, то гдѣ ручательство, что воля эта совпадаетъ съ волею Божьей, „съ милостью Божьей“. Въ соборномъ голосѣ церкви? Но Церковь давно лишена со-

борнаго голоса; Церковь обезглавлена самимъ царемъ, который сталъ „главою Церкви“, „крайнимъ судьбою“ дѣлъ церковныхъ. Помазаніе на царство совершается въ Церкви, но не Церковью, а самимъ царемъ...

„Съ другой стороны, низверженіе какой-нибудь династіи еще вовсе не обозначаетъ паденія самодержавія въ его послѣдней исторической сущности. Перемѣна династій—дѣло историческаго случая“...

Вы, читатель, исполнѣ ясно понимаете эти слова автора, который давно уже претендуетъ на званіе опытнаго мастера литературнаго слова?

Признаюсь, для меня они туманны и сбивчивы. Это какой-то революціонный птичій пискъ, рѣзкій и пронзительный, но не членораздѣльный.

Прежде всякій царь былъ „самозванцемъ... Христа“. На какихъ историческихъ фактахъ великій мыслитель обосновалъ этотъ выводъ, сказать трудно. Затѣмъ самозванецъ и самодержецъ отождествились. Каждый самозванецъ сталъ самодержцемъ и каждый самодержецъ сталъ самозванцемъ. Воля народа и „милость Божія“—стали какимъ-то призракомъ. Царь „обезглавилъ Церковь, сталъ ея „главою“ и самъ помазываетъ себя на царство, а смѣна династій—дѣло случая“...

Вотъ беспорядочная куча сужденій, которыя такъ странно видѣть въ статьѣ мистика и философа. И мистика, и философія что-то ужъ очень лукавы и неуловимы. Ни логическимъ, ни историческимъ путемъ этихъ выводовъ авторъ доказать бы не могъ. Затѣмъ-же онъ ихъ даетъ въ такой кудрявой и символической формѣ?

Логика—ничтожна до смѣшнаго. А психологія...

Но это только начало скорбей. Жизнь идетъ такъ, что надо ждать проявленія и худшихъ, еще болѣе циничныхъ инстинктовъ.

VI.

Вы думаете, что здѣсь конецъ? Что мы дошли до предѣла, „его же не преjdeши“? Нѣтъ, г. Мережковскій идетъ и дальше, „все впередъ и все выше“.

„Откуда самодержавіе—все равно, паря или народа,—откуда власть человѣческая, откуда всякое государство?—Вотъ вопросъ, который безмолвно, но неотразимо поставленъ Великой Русской и уже всемірной революціей, въ настоящемъ только соціально-политической, въ будущемъ неизбѣжно и религіозной. Вотъ изъ за чего „взволновалось море“, „затуманилась Русь“, и „такая раскачка пошла, какой міръ не видалъ“?

Пока отмѣтимъ странный намекъ на „самодержавіе народа“.

Для кадетовъ самодержавіе народа—партійный догматъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія. Для г. Мережковскаго и это ересь. Не потому-ли, что въ Россіи самодержавіе народа пришлось бы на долю именно русскаго, а не какого-либо другаго народа?

Откуда-же въ самомъ дѣлѣ самодержавіе и какой отвѣтъ дать Великой Русской Революціи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Мережковскій даетъ характеристику простонароднаго представленія о самодержавіи.

„Православный царь-батюшка, красное солнышко“—сначала символъ, образъ, икона, потомъ одно изъ воплощеній Христа и, наконецъ, воплощеніе совершенное, единственное—самъ Христосъ Грядущій, новый „русскій Христосъ, міру невѣдомый“. Человѣкъ становится иконою, икона—идоломъ, идолъ Богомъ. Христіанство подмѣняется хлыстовствомъ, т. е. непобѣжденнымъ, несознаннымъ, до-христіанскимъ язычествомъ“.

На первый взглядъ кажется, что авторъ ловитъ какую-то мысль, но не можетъ поймать ее. Онъ хватается за символическія слова, дѣлаетъ намеки, но не можетъ свести свои разрозненныя впечатлѣнія къ одному центру. Будто бы въ воздухѣ что-то есть—тонкое, неудовимое, таинственное,—но оно не дается слову.

Но на самомъ дѣлѣ ничего такого нѣтъ. За словами нѣтъ мысли. Тамъ только одно „настроеніе“ и „тенденція“. Какая тенденція—ясно.

Установивъ на такихъ посылкахъ свой главный выводъ: „самодержавіе отъ антихриста“,—г. Мережковскій беретъ въ руки какой-то „обоюдоострый мечъ“, который онъ будто-бы нашель у Достоевскаго и „который нельзя направить въ борьбѣ иначе, какъ или за самодержавіе противъ Христа, или противъ самодержавія за Христа“.

Такъ, конечно, и должно быть: если самодержавіе отъ антихриста, то Революція отъ Христа.

Допустимъ недопустимое. Допустимъ, что г. Мережковскому удалось бы убѣдить православное населеніе въ Россіи, что самодержавіе и православіе отъ Антихриста, а Революція отъ Христа. Какъ было-бы легко кадетамъ повести народы Россіи по новымъ путямъ къ новой правдѣ!

Но вотъ вопросъ, который надо кадетамъ рѣшить въ интересахъ партійной дисциплины. Выводы г. Мережковскаго имъ, конечно, по сердцу. Но какъ отнестись къ его аргументаціи и его общимъ предположеніямъ? Принять и ихъ, какъ свое, кровное, партіи присущее и отъ нея неотъемлемое? Но тогда, можетъ быть, придется попасть еще въ худшее положеніе, чѣмъ съ дѣломъ объ автономіи Польши. Конечно, для осуществленія политической программы имъ полезно распространять убѣжденіе, что русскій народъ—антихристъ, а всякій

русскій царь—самозванецъ. Но не слишкомъ-ли это прямолинейно? Не преждевременно-ли это? Побѣда—побѣдой, а дипломатія—дипломатіей.

Боюсь, что его не признають своимъ и раскольники, которые во всякомъ случаѣ первыми ославили Петра антихристомъ. Думается, что по ихъ сужденію Христосъ г. Мережковского будетъ антихристомъ, а антихристъ Христомъ.

Это внушаетъ нѣкоторыя опасенія за карьеру г. Мережковского въ бурныхъ перемѣнахъ освободительнаго движенія. Можетъ статься, что кадеты не признають его своимъ.

Впрочемъ кадеты лѣвѣютъ, будутъ и должны лѣвѣть. Такъ уже имъ на роду написано.

Интересно было бы знать, напримѣръ, мотивированное мнѣніе по поводу слѣдующихъ утвержденій г. Мережковского.

„Антихристъ придетъ и станетъ на безначаліи“,—въ предсмертномъ дневникѣ своемъ говоритъ Достоевскій. Это не совсѣмъ точно. Антихристъ придетъ, выйдетъ изъ „безначалія“, анархіи, но станетъ не на безначаліи, а на единоначаліи, единодержавіи, самодержавіи. Антихристъ будетъ послѣдній и величайшій самодержецъ, самозванецъ Христа...“

„Антихристъ—самозванецъ, ложный царь, ибо единый истинный царь—Христосъ. Въ послѣдней борьбѣ Государства съ Церковью и произойдетъ та борьба ложнаго Царя съ Истиннымъ, Звѣря съ Агнцемъ, о которой сказано: они (самодержцы, слуги антихриста) передадутъ силу и власть свою звѣрю и будутъ вести борьбу съ Агнцемъ и Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей“...

„И остріе меча Христова, поднятаго для этой брани, есть первое пророческое слово великой русской религіозной революціи, слово, недаромъ (?) идущее именно отъ насъ (?), учениковъ Достоевскаго (?): государство—отъ Антихриста“...

„И здѣсь,—заключилъ свою рѣчь на поминкахъ Достоевскаго въ Философскомъ Обществѣ г. Мережковскій,—на этой грозно-торжественной тризнѣ, уготованной ему самой исторіей, не нашъ слабый голосъ, а голоса „Великой Русской Революціи“, голоса громовъ человѣческихъ, въ которыхъ уже слышатся грома Господни, да спокуютъ ему вѣчную славу.“

VII.

Итакъ, что-же новаго мы узнали изъ новой статьи г. Мережковского?

По моему, не мало.

Русскій народъ—антихристь.

Русскій царь—самозванецъ Христа и тоже антихристь.

Государство—отъ Антихриста.

Послѣдній ударъ особенно великолѣпенъ. Авторъ, очевидно, анархистъ. Дешевенькій, но анархистъ.

Все время онъ старается идти въ ногу съ кадетами. Помните, какъ онъ разстилася передъ всѣмъ „конституціонно-демократическимъ“? Но такъ-ли это?

Кадеты согласятся, что русскій народъ—антихристь и самодержавіе отъ антихриста. Но исповѣдуютъ-ли они и тотъ догматъ, будто-бы отъ антихриста и государство? Похоже на правду: они такъ много давали обѣщаній, что могли дать и это. Но вѣдь тогда съ ними пойдетъ уже совсѣмъ другой разговоръ. Если они, разрушая существующій строй, и сами ничего не хотятъ строить и останются на „безвластіи“, тогда ряды ихъ сторонниковъ сильно порѣдѣютъ и, пожалуй, на сценѣ появится какой-нибудь апокалипсическій Звѣрь съ большой буквы, которымъ такъ пугаетъ „мыслящую Россію“ г. Мережковскій. Открытали тайна кадетовъ? Это-ли ихъ завѣтное слово? Если партія не „выступить“ съ опроверженіемъ, г. Мережковскому надо до поры до времени вѣрить: его обвиненіе или, точнѣе, похвала — вполнѣ опредѣленно.

Въ „реакціонерѣ“ Достоевскомъ г. Мережковскій усмотрѣлъ скрытаго революціонера. Теперь въ кадетахъ онъ усматриваетъ анархистовъ, хотя тѣ употребляютъ всѣ усилія, чтобы казаться государственниками. Онъ всегда—и всегда одинъ—видитъ незримое для очей смертныхъ.

Пусть-же пока это остается вопросомъ и секретомъ партій.

А теперь можно слѣлать маленькій опытъ. Нельзя-ли перевести грозный и торжественный языкъ апокалипсиса на простую рѣчь?

Революція—отъ Христа, самодержавіе—отъ Антихриста. Государство отъ Антихриста, а анархія отъ Христа. Русскій народъ—воплощенный антихристь, а евреи—„святой Израиль“. При этомъ самъ авторъ, какъ вѣрующій по Третьему Завѣту, не христианинъ.

Не слишкомъ-ли много козырей для одной игры?

Безъ Апокалипсиса и русскій народъ не будетъ такъ плохъ и кадеты (не будутъ казаться Агнцемъ, поражающимъ самодержавнаго Звѣря. Все приметъ свои размѣры и свои очертанія.

И тогда всѣмъ откроется литературный секретъ автора этой статьи: авторъ далъ легкомысленный и игривый фельетонъ для уличнаго юмористическаго жанра съ аляповатами пятнами красной краски, а въ Философскомъ обществѣ по легковѣрью и боязливой терпимости при-

знали за эту статью шаловливого пародиста за философа и трибуна и до конца выслушали его затѣйливыя рѣчи. Съ наукой за послѣднее время въ петербургскомъ университетѣ что-то неладится. То профессоръ изобрѣтетъ такую науку, надъ которой всѣ смѣются, то придетъ съ улицы жрецъ бѣлой и черной магіи и подъ именемъ философіи напуститъ сѣрнаго тумана изъ геенны огненной или изъ жаровни заходистой гадалки.

Впрочемъ, какое дѣло г. Мережковскому до науки? Онъ имѣлъ свою цѣль и вполне достигъ ея.

А намъ, русскимъ людямъ, это во всякомъ случаѣ хорошій урокъ. Мы слишкомъ терпимо и благодушно относились ко всѣмъ опаснымъ и зловреднымъ шалостямъ литературы, легко мирились съ босяками, бродягами и хулиганами въ вѣнкахъ дешевой славы гражданской скорби и гражданского подвига, простодушно смотрѣли на одностороннюю проповѣдь такой „гуманности“, не отгоняли отъ себя ни блохъ, ни клоповъ и теперь дожили до того, что первый встрѣчный безнаказанно ругаетъ насъ и хищникомъ, и звѣремъ, и даже антихристомъ.

Передъ нами заря будущей литературы.

Русскій мужикъ, русское духовенство, русскій солдатъ, русскій купецъ—все русское и самобытное—уже давно стали мишенью для самыхъ невѣжественныхъ и тупыхъ газетныхъ борзописцевъ, для тѣхъ полуграмотныхъ болтуновъ, которые опошили и уронили нашу литературу и нашу публицистику.

У насъ не было достаточно темперамента, чтобы энергично отвѣчать на гнусную и постоянную клевету, не было любви и къ своему и мы—сочувственно смѣялись, когда насъ обвиняли во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Мы никогда не придавали должнаго значенія выходкамъ доморощенныхъ хулителей и самооплевателей.

„Все—пустяки“,—стало главнымъ правиломъ нашей личной и общественной жизни. Для насъ былъ далекъ и порой смѣшонъ каждый благородный и смѣлый порывъ одинокихъ людей серьезно стать за серьезность и жизненность нашей наследственной, въ вѣкахъ окрѣпшей правды. Мы, какъ старые псковичи, все такали и такали, пока не протакали.

Весело ли читать нелѣпости и дикій вздоръ г. Мережковского?

Но это еще цвѣточки. Ягодки еще впереди.

Придется услышать и худшія поношенія, слова злѣйшей клеветы: вѣдь побѣдили—кадеты...

Н. Пустынникъ.

Православно-догматическое учение о первородномъ грѣхѣ. Свящ. Алексія *Бургова*.

Догматъ о первородномъ грѣхѣ, являясь предпосылкою другихъ основныхъ христіанскихъ догматовъ (искупленія и спасенія), настолько важенъ въ христіанской догматикѣ, что выдѣленіе ученія о немъ въ особое, спеціальное сочиненіе давно уже стало необходимымъ. Однако не появилось (за исключеніемъ небольшихъ журнальныхъ статей) такого труда ни у насъ, ни на Западѣ. Такимъ образомъ, сочиненіе свящ. А. Бургова служить первымъ опытомъ въ указанномъ смыслѣ. По научнымъ своимъ качествамъ этотъ трудъ напоминаетъ классическія произведенія мм. Макарія, Сильвестра и др. богослововъ послѣдняго времени. Въ нихъ въ такой же системѣ излагаются основанія ученія православной церкви объ этомъ догматѣ, заимствованныя изъ Св. Писанія, св. отцовъ и учителей церкви и даже изъ области человѣческихъ или научныхъ знаній. По примѣру тѣхъ же классиковъ авторъ, для большаго уясненія православно-христіанскихъ истинъ, пользуется сопоставленіемъ ихъ съ инославными христіанскими ученіями, съ мнѣніями разныхъ западныхъ богослововъ. Авторъ много занимается филологическими изслѣдованіями греческаго и еврейскаго текстовъ и даетъ обстоятельныя, часто оригинальныя объясненія многимъ темнымъ мѣстамъ Св. Писанія.

При всей научности изложенія, сочиненіе это читается очень легко и доступно даже простому читателю. Поэтому его можно рекомендовать и лицамъ, не получившимъ спеціальнаго богословскаго образованія. Кромѣ того, рекомендуемое нами сочиненіе можетъ служить очень важнымъ учебнымъ пособіемъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, такъ что помѣщеніе его въ ученическія семинарскія бібліотеки было бы очень желательнымъ. Изданіе изящное. Текстъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ, что, конечно, облегчаетъ работу глазъ.

1905 годъ въ международномъ отношеніи (Венгерскій кризисъ.—Мароккскій вопросъ.—Англо-японскій союзъ.—Портсмутскій договоръ.—Русско-германскій союзъ). Рѣчь, произнесенная 29 янв. 1906 года *А. Штиглицемъ*.

Прекрасная брошюра, носящая вышеизложенное заглавіе, какъ показываетъ уже само названіе ея, представляетъ собою воспроизведеніе всѣхъ важнѣйшихъ событій въ международныхъ отношеніяхъ, происшедшихъ за послѣднее время. Какъ въ калейдоскопѣ, въ этой рѣчи предъ читателемъ проходятъ одна за другою картины политической жизни Европы (а также отчасти и другихъ частей свѣта) въ указанный періодъ. Нечего и говорить о томъ интересѣ, который представляетъ приведеніе въ нашемъ сознаніи въ систему событій, такъ измѣ-

нившихъ за послѣднее время международныя отношенія. Кромѣ этого интереса, возбуждаемаго уже самымъ предметомъ сочиненія, рѣчь Штиглица имѣетъ цѣнность и съ внѣшней стороны, съ которой она дѣйствительно представляется „рѣчью“, живымъ разговоромъ съ друзьями (къ которымъ обращается авторъ), а не сухимъ, отвлеченнымъ разсужденіемъ. Словомъ, сочиненіе является вполне удовлетворительнымъ, а потому мы позволимъ себѣ рекомендовать ее читателю, который съ нею еще незнакомъ.

Сборникъ правилъ и программъ для производства испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы. Составилъ свящ. В. Бехтеровъ. Ц. 20 коп.

Считаемъ долгомъ извѣстить лицъ, готовящихся къ учительскому званію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, а также экзаменующія учрежденія о появленіи сборника подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Этотъ сборникъ является самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существовавшихъ до него подобныхъ изданій, носившихъ обыкновенно названіе „Правилъ и программъ“. Въ него включены не только всѣ требованія, предъявляемыя „Совѣтомъ“ кандидатамъ на учительское званіе въ указанныхъ школахъ, но указаны и книги, которыми эти лица могутъ пользоваться для своихъ экзаменовъ, а также помѣщены и циркуляры училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, касающіеся экзаменующихъ учрежденій. Книжка эта, несмотря на полноту содержанія, имѣетъ довольно малый объемъ (31 стр.) и недорогога.

Полное собраніе резолюцій Филарета митрополита московскаго. Изданіе редакціи „Душеполезнаго Чтенія“.

Обращаемъ также вниманіе читателей на сборникъ резолюцій Филарета московскаго, изданный въ этомъ году. Редакція „Душеполезнаго Чтенія“ выпустила этотъ сборникъ по просьбѣ многихъ своихъ подписчиковъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который представляютъ резолюціи мѣститаго іерарха. Резолюціи до 1833 г. содержатся въ 3-хъ объемистыхъ томахъ и изданы весьма тщательно.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Журналы VI отдѣла присутствія. № 1-й (13 марта 1906 года ¹⁾).

1) *Слушали*: предложенный преосвященнымъ предсѣдателемъ слѣдующій проектъ программы вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ.

1) О единовѣріи.

а) Общее сужденіе о смыслѣ и значеніи единовѣрія: 1) по отношенію къ нему самому и 2) по отношенію къ старообрядчеству.

б) Переходъ православныхъ въ единовѣріе и обратно; переименованіе церквей единовѣрческихъ въ православныя и обратно.

в) Служеніе въ единовѣрческихъ церквахъ православныхъ епископовъ (по какому чину должно быть совершаемо ими служеніе).

г) Особый епископъ или особые викарные епископы для единовѣрцевъ.

д) Опредѣленіе священниковъ въ единовѣрческіе приходы.

е) Значеніе учрежденія патріаршества для единовѣрцевъ и прочихъ старообрядцевъ.

ж) О снятіи клятвъ: нужно ли приглашеніе для сего восточныхъ патріарховъ? Какъ формулировать снятіе клятвъ?

з) Какъ усовершенствовать жизнь православныхъ приходовъ, дабы не было соблазна единовѣрцамъ и было бы смягчено озлобленіе на насъ старообрядцевъ (чинъ богослуженія, крестное знаменіе, поклоны, освоенность клириковъ съ церковной литературой).

II. О старообрядчествѣ.

а) Устройство миссіи и положеніе миссіонеровъ.

б) Объ австрійской іерархіи.

¹⁾ Составъ отдѣла: Предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынской, и члены: протоіереи: П. Я. Свѣтловъ, А. С. Лебедевъ, К. І. Левитскій, И. Сребрянскій, Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ: Н. И. Ивановскій, С. Т. Голубевъ, М. А. Машановъ, миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ, В. Г. Сенатовъ, И. Е. Айвазовъ, М. А. Кальневъ, свящ. Александровъ.

- в) О бѣгствующихъ священникахъ и о бѣглопоповствѣ.
- г) Прочія мѣры къ обращенію старообрядцевъ, особенно безпоповцевъ.

III. О сектахъ.

- а) Какъ нравственно оздоравливать зараженные сектантствомъ приходы? Екдики или особо уважаемыя духовныя лица, назначаемыя для пастырскихъ посѣщеній приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ.
- б) Устраненіе причинъ общаго недовольства сектантовъ православною Церковію.
- в) Необходимое дополненіе противосектантской полемики.

IV. О магометанахъ.

Миссіонерскіе курсы и школы. Poleмика. Инородческія поселенія. Богослуженіе на инородческихъ языкахъ. Вторые священники въ православныхъ приходахъ съ населеніемъ инородческимъ. Инородческіе монастыри.

Язычники. Православное миссіонерское общество.

Постановили: Вышеизложенный проектъ программы вопросовъ утвердить, принявъ оный къ руководству при дальнѣйшихъ работахъ VI отдѣла.

2) *Слушали:* заявленіе преосвященнаго предсѣдателя о томъ, что въ предложеніи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 28-го іюня 1905 года за № 100, было изъяснено, что по прямому смыслу Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собораканоническому обсужденію его подлежатъ и предметы вѣры. Вслѣдствіе сего преосвященный предсѣдатель отдѣла возбудилъ вопросъ, слѣдуетъ ли обсуждать VI отдѣлу присутствія предметы вѣры или ихъ вовсе не слѣдуетъ касаться? По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу, *постановили:* Въ виду важности и сложности вопросовъ по предметамъ вѣры, по мнѣнію VI отдѣла, ихъ касаться не слѣдуетъ, отложивъ разрѣшеніе ихъ до завершенія переустройства нашего церковнаго управленія, о чемъ и представить общему присутствію. Въ частности, оставивъ на вопросѣ о соединеніи старокаатоликовъ съ православною Церковью, VI отдѣлъ не находитъ возможнымъ отлагать его разсмотрѣніе, въ виду особливаго къ нему интереса со стороны общества и литературы, но не можетъ принять его къ своему обсужденію, по причинѣ отсутствія въ распоряженіи VI отдѣла достаточныхъ научныхъ силъ и матеріаловъ, о чемъ также доложить общему присутствію, равно и по вопросамъ о богослуженіи.

3) *Итали сужденіе* по вопросу о смыслѣ и значеніи единовѣрія по отношенію къ нему самому.

По обмѣнѣ мнѣній, *постановили*: ходатайствовать о признаніи соборомъ единовѣрія, примѣнительно къ рѣшенію архипастырскаго собора въ Казани, не переходною ступенію отъ раскола къ православію, не болѣзнію, но почитать единовѣрческія общины православными и равночестными съ тѣми, которыя содержатъ одобренные соборомъ 1667 года обряды. Мѣропріятія и распоряженія церковной власти относительно единовѣрцевъ не должны быть направляемы къ постепенному переходу единовѣрцевъ къ одобреннымъ соборомъ 1667 года обрядамъ, но къ христіанскому усовершенствованію ихъ въ единеніи со вселенскою Церковью, дабы при семъ единовѣрцы, дорожа строгимъ выполненіемъ богослужебнаго чина и сохраненіемъ древлерусскаго церковнаго быта, не унижали бы тѣхъ одобренныхъ соборомъ 1667 года чиновъ, въ коихъ нельзя усмотрѣть небреженія, уступки мірскому духу или нарушенія церковныхъ установленій и послѣ патріарха Никона обязательныхъ для всѣхъ православныхъ приходоѡвъ и христіанъ. Самое наименованіе „единовѣрческая церковъ“ и „единовѣрцы“ замѣнить наименованіемъ „православные старообрядцы“.

№ 2. (14 марта 1906 года¹⁾).

1) *Имѣли сужденіе* по вопросу о смыслѣ и значеніи единовѣрія по отношенію къ расколу и, по обмѣнѣ мнѣній, *постановили*: миссіонерское значеніе единовѣрія весьма велико и незамѣнимо, такъ какъ массовыхъ обращеній старообрядцевъ въ православіе съ великороссійскимъ чиномъ не бываетъ и давно не было, а въ единовѣріе—повторяется нерѣдко. Однако, чтобы единовѣріе могло проявить свое вліяніе во всей силѣ, нужно оградить это дѣло отъ нѣкоторыхъ помѣхъ. Дѣло въ томъ, что единовѣрцы чрезъ два-три поколѣнія начинаютъ проявлять сильное тяготѣніе къ новоблагословенному чину и быту, какъ болѣе легкому и удобоносимому, и тѣмъ отвращаютъ отъ своихъ церквей старообрядцевъ, ревнителей строгаго богослуженнаго чина и быта. Особенно примѣтно бываетъ это неудовольствіе въ тѣхъ новоучрежденныхъ единовѣрческихъ приходоѡвахъ, въ коихъ церковная власть спѣшитъ вводить нѣкоторые новоблагословенные чины и обычаи и тѣмъ озлобляетъ новообращенныхъ и окончательно дѣлаетъ невозможными дальнѣйшія обращенія старообрядцевъ, которые поднимаютъ ропотъ о томъ, что ихъ обманули. Посему для дальнѣйшаго миссіонерскаго вліянія едино-

¹⁾ Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынской, и члены: протоіерей А. П. Мальцевъ, протоіерей К. І. Левитскій, протоіерей И. Сребрянскій, протоіерей Н. А. Касторскій, протоіерей В. А. Прозоровъ, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, профессоръ С. Т. Голубевъ, Д. Н. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ, и В. Г. Сенатовъ.

вѣрія на расколъ необходимо слѣдить за строгимъ выполненіемъ древняго чина. Это особенно важно наблюдать въ новоучрежденныхъ единовѣрческихъ церквахъ, а равно и въ тѣхъ, которыя устроены среди раскольническихъ поселеній.

2) *Имѣли сужденіе* по вопросу о переходѣ православныхъ въ единовѣріе и обратно и о переименованіи церквей единовѣрческихъ въ православныя и обратно. При обсужденіи сего вопроса были приняты во вниманіе 5 и 11 пункты правилъ единовѣрія 1800 года и дополнительное къ нимъ разъясненіе Святѣйшаго Синода въ опредѣленіи, отъ 8 мая—17 іюня 1881 года, Высочайше утвержденномъ 4 іюля того же года. По пункту 5 правилъ единовѣрія 1800 года дозволено присоединяться къ единовѣрцію незаписнымъ раскольникамъ не иначе, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что присоединяющійся никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ. Въ 1881 году этотъ пунктъ правилъ единовѣрія Святѣйшій Синодъ дополнилъ разъясненіемъ, что разрѣшается присоединяться къ единовѣрцію тѣмъ изъ записныхъ православнымъ, кои по надлежащемъ разслѣдованіи окажутся издавна, не менѣе пяти лѣтъ, уклоняющимися отъ исполненія Таинствъ православной Церкви, но не иначе, какъ съ особаго относительно каждаго изъ таковыхъ лицъ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По пункту 11 правилъ единовѣрія дозволено православному принимать причащеніе отъ единовѣрческаго священника лишь въ крайней нуждѣ въ смертномъ случаѣ, гдѣ нельзя найти православнаго священника и церкви. Этотъ пунктъ Святѣйшій Синодъ въ 1881 году также дополнилъ разъясненіемъ, что православные могутъ обращаться къ единовѣрческимъ священникамъ, для исполненія христіанскаго долга исповѣди и святаго причащенія, лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ съ тѣмъ при томъ, чтобы подобное обращеніе отнюдь не служило поводомъ къ перечисленію православнаго въ единовѣріе; для чего православный, исполнившій въ подобныхъ случаяхъ христіанскій долгъ исповѣди и святаго причастія въ единовѣрческой церкви, обязывается представить своему приходскому священнику полученное имъ отъ единовѣрческаго—свидѣтельство о бытіи на исповѣди и причастіи Святыхъ Таинъ въ единовѣрческой церкви, для внесенія соотвѣтствующей записи о семъ въ книгу приходской церкви. По обсужденіи изложенныхъ пунктовъ правилъ единовѣрія и дополнительнаго къ нимъ разъясненія Святѣйшаго Синода, VI отдѣлъ присутствія находитъ ихъ несоотвѣтствующими ни понятію объ истинномъ церковномъ единеніи между православіемъ и единовѣріемъ, ни Высочайшей волѣ, выраженной въ указѣ 17-го апрѣля 1905 года, о дозволеніи всѣмъ русскимъ подданнымъ свободнаго выбора исповѣданія вѣры, а посему постановилъ: ходатайствовать предъ Соборомъ объ отмѣнѣ пунктовъ 5

и 11 правилъ единовѣрія и дополнительнаго къ нимъ въ 1881 году разъясненія Святѣйшаго Синода и о дозволеніи какъ православнымъ переходить въ единовѣрческіе приходы, такъ и единовѣрцамъ—въ православныя, съ тѣмъ, однако, чтобы и православныя и единовѣрцы, переходящіе изъ одного прихода въ другой, испрашивали на то согласіе епископа, посовѣтовавшись со своимъ прежнимъ приходскимъ священникомъ. Что же касается переименованія православныхъ церквей въ единовѣрческія и обратно, то VI Отдѣлъ Присутствія, не находя возможнымъ устанавливать по сему предмету одного общаго правила, полагаетъ предоставить епархіальнымъ начальствамъ каждое вновь возникающее дѣло о переименованіи православной церкви въ единовѣрческую или обратно разсматривать особо и постановлять рѣшеніе, по тщательномъ выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по выслушаніи заключеній свѣдущихъ лицъ, при чемъ, если переименованія православной Церкви въ единовѣрческую или обратно будетъ домогаться только часть прихожанъ, хотя бы и большая, и рѣшеніе епархіальнаго начальства для нихъ будетъ неблагопріятное, то предлагать имъ строить особую церковь, именуя ее по своему желанію православною или единовѣрческою, а самый приходъ или церковь переименовывать лишь при единодушномъ или почти единодушномъ желаніи всѣхъ прихожанъ. вмѣстѣ съ симъ VI отдѣлъ постановилъ ходатайствовать предъ соборомъ объ отмѣнѣ дополнительнаго мнѣнія митрополита Платона къ правиламъ единовѣрія, какъ рѣзко обособляющаго единовѣріе отъ православія.

№ 3. (15 марта 1906 года) 1).

1) Имѣли сужденіе по вопросу о служеніи въ единовѣрческихъ церквахъ православныхъ епископовъ: по какому чину должно быть совершаемо ими служеніе. По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу выяснилось, что богослуженіе въ единовѣрческихъ церквахъ, совершаемое православными епископами по рукописному архіерейскому служебнику XVI вѣка, производитъ весьма сильное и благотворное впечатлѣніе на единовѣрцевъ и вообще старообрядцевъ, присутствующихъ за такимъ богослуженіемъ. Посему VI отдѣлъ присутствія постановилъ ходатайствовать предъ Соборомъ о томъ, чтобы упомянутый рукописный архіерейскій служебникъ, по предварительномъ разсмотрѣніи его и исправленіи въ немъ нѣкоторыхъ неточностей, былъ напечатанъ для совершенія по нему православными епископами въ единовѣрческихъ

1) Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ и В. Г. Сенатовъ.

церквахъ архіерейскаго служенія съ соблюденіемъ ими при этомъ всѣхъ обрядовыхъ дѣйствій, содержимыхъ единовѣрцами.

2) *Имѣли сужденіе* по вопросу объ опредѣленіи священниковъ въ единовѣрческіе приходы. По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу, *постановили*: твердо наблюдать, чтобы священники въ единовѣрческіе приходы назначались по выбору самихъ прихожанъ, а не по усмотрѣнію только епархіальныхъ преосвященныхъ и чтобы для кандидатовъ священства, избираемыхъ единовѣрцами, не ставилось необходимымъ условіемъ прохожденіе ими курса ученія въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній. Войдя за симъ въ обсужденіе вопроса о назначеніи благочинныхъ для единовѣрческихъ церквей, VI отдѣлъ *постановилъ*: ходатайствовать предъ Соборомъ о предоставленіи единовѣрческимъ священникамъ самимъ избирать изъ среды своей благочиннаго и затѣмъ представлять его на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго, а въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ число единовѣрческихъ церквей незначительно, не болѣе двухъ, оставлять таковыя церкви безъ подчиненія благочинному, съ порученіемъ ихъ непосредственному наблюденію самого епархіальнаго преосвященнаго или его викарнаго епископа.

3) *Имѣли сужденіе* о школьномъ подготовленіи кандидатовъ на священно и церковно-служительскія мѣста въ единовѣрческіе приходы. Принимая во вниманіе, что наши духовно-учебныя заведенія при современномъ ихъ строѣ являются мало или даже вовсе непригодными для подготовленія достойныхъ кандидатовъ священства въ единовѣрческіе приходы, VI отдѣлъ *постановилъ*: просить Соборъ учредить для подготовленія единовѣрческаго духовенства школу для взрослыхъ на подобіе греческихъ семинарій, подготовляющихъ кандидатовъ священства.

4) *Слушали* заявленіе священника Симеона Шлеева о необходимости духовнаго просвѣщенія единовѣрческихъ приходовъ. Церковныя власти не должны удовлетворяться воздѣйствіемъ на старообрядцевъ и единовѣрцевъ путемъ однихъ только обрядовъ, а должны приложить заботу и о томъ, чтобы кромѣ охраненія древнихъ обрядовъ, единовѣрцы просвѣщались Божественнымъ ученіемъ православной Христовой вѣры и добродѣтели, а потому къ прежде бывшимъ отраслямъ ихъ приходской жизни необходимо присоединить, по мнѣнію о. Симеона Шлеева, еще и нижеслѣдующія. а) Необходимо возвысить въ единовѣрцахъ сознательное отношеніе ихъ къ Христовой вѣрѣ, а для сего обязательно устраивать для молодого поколѣнія школы съ обычаями и постановкой единовѣрческими, для взрослога же населенія—внѣбогослужебныя воскресныя бесѣды съ чтеніемъ святаго Евангелія (которое, къ сожалѣнію, такъ мало читаютъ старообрядцы),—съ чтеніемъ, соединеннымъ съ параллельнымъ прочитываніемъ соотвѣтствующихъ

святоотеческихъ толкованій и объясненій. Въ видахъ сознательнаго отношенія единовѣрцевъ къ своимъ обрядамъ и въ этомъ смыслѣ и обрядоваго ихъ превосходства предъ прочими старообрядцами необходимо также устройство бесѣдъ литургическаго характера, гдѣ бы излагались исторія и смыслъ единовѣрческихъ обрядовъ и обычаевъ, ихъ богослужебныхъ чиновъ. б) Въ цѣляхъ неприкосновенности древняго уклада церковной жизни необходимо должно поддерживать въ единовѣрческихъ монастыряхъ и приходахъ неуклонное исполненіе апостольскихъ, соборныхъ и свято-отеческихъ правилъ, требованій церковнаго устава и издревле принятыхъ благочестивыхъ обычаевъ. в) Въ видахъ устраненія недостатковъ въ религиозно-нравственной жизни единовѣрцевъ и созданія имъ и въ этой области превосходства предъ старообрядцами—необходимо также открывать по приходамъ бібліотеки съ книгами духовно-нравственнаго содержанія, пріобрѣтать жизнеописанія святыхъ угодниковъ, брошюры и листки добраго содержанія для бесплатной раздачи. г) Для улучшенія пѣнія въ единовѣрческихъ церквахъ необходимо умѣлое исполненіе принятаго тамъ знаменнаго—крюковаго пѣва. Для этого должно создать или лучше пересоздать нынѣшній составъ единовѣрческихъ пѣвцовъ—учредить при единовѣрческихъ монастыряхъ курсы крюковаго пѣнія и дать возможность ихъ слушателямъ съ теченіемъ времени занимать при единовѣрческихъ церквахъ не только пѣвческія, но діаконскія и даже священническія мѣста. Такіе курсы съ такими правами повысятъ своихъ учениковъ и въ нравственномъ отношеніи, въ чемъ такъ нуждаются нынѣшніе единовѣрческіе пѣвцы. *Постановили:* предложенныя священникомъ Симеономъ Шлеевымъ мѣры къ духовному просвѣщенію единовѣрцевъ одобрить и представить на утвержденіе Собора.

№ 4-й (16 марта 1906 г.) 1).

Имѣли сужденіе о магометанствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ и воздѣйствія на него и, по обмѣнѣ мнѣній, *постановили:*

1) Миссіонерское дѣло въ отношеніи къ магометанамъ и язычникамъ въ поволожскихъ и сибирскихъ епархіяхъ главнымъ образомъ совершалось при посредствѣ устроенныхъ по системѣ Н. И. Ильминскаго инородческихъ школъ. Сими школами, по возможности, ограждалось отпаденіе инородцевъ въ магометанство и утверждалось сознательное и одушевленное усовершенствованіе инородцевъ въ христіанской вѣрѣ и жизни. Посему необходимо программу Ильминскаго въ

1) Составъ комисіи: Предсѣдательствующій преосвященный епископъ Волынской Антоній, преосвященные—Сухумскій Киріонъ и Имеретинскій Леонидъ, профессоръ М. А. Машановъ, протоіерей А. Поповъ, В. М. Скворцовъ и А. С. Будилевичъ.

инородческихъ школахъ и самую систему дальнѣйшаго распространенія этихъ школъ охранять и дѣлать. Система Ильминскаго зиждется на употребленіи мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Цѣлесообразность лежащаго въ основѣ сей системы принципа подтверждена преосвященными епископами Леонидомъ и Кириѳомъ, засвидѣтельствовавшими печальные результаты игнорированія сего принципа на Кавказѣ. Такъ какъ система Ильминскаго встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ наблюдателей, не знающихъ инородческихъ языковъ и потому требующихъ руссификаціи татаръ и другихъ инородцевъ, то желательно, чтобы наблюденіе за инородческими школами было сосредоточено въ лицѣ людей, прекрасно знающихъ эти языки. А если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздается заявленіе о томъ, что то или другое инородческое село само настолько обрусѣло, что подростающее его поколѣніе вполне правоспособно учиться на русскомъ языкѣ, то во избѣжаніе споровъ и столкновеній; необходимо касательно языка преподаванія въ школахъ такихъ селъ имѣть особое сужденіе уѣзднымъ наблюдателямъ совмѣстно съ инородческими наблюдателями и мѣстными приходскими священниками. Что касается мѣстностей Кавказа, обуреваемыхъ магометанствомъ, то желательно употребленіе того языка, на которомъ говоритъ данное племя.

2) Постановленное относительно школъ должно быть примѣняемо и къ богослуженію и выбору священниковъ. Тамъ, гдѣ не понимаютъ славянскаго языка, необходимо поддерживать богослуженіе на инородческихъ языкахъ; въ приходахъ же смѣшанныхъ можно служить поочередно на русскомъ и инородческомъ языкахъ, при этомъ, если какая либо народность не имѣетъ своего языка, при полномъ непониманіи русскаго языка, допускается служеніе на томъ языкѣ, который имъ болѣе понятенъ. Въ такихъ приходахъ полезно ставить священниковъ изъ природныхъ инородцевъ, или такихъ русскихъ, которые знаютъ инородческой языкъ настолько, чтобы править на немъ божественную службу и совершать живую проповѣдь.

3) Особенно важно въ виду появленія многочисленныхъ магометанскихъ журналовъ (въ одной Казани ихъ 5) основать апологетическій и полемическій журналъ на татарско-русскомъ языкѣ въ Казани и таковой же на грузинскомъ языкѣ на Кавказѣ—въ виду 1¹/₂ миллионнаго магометанскаго населенія, сохранившаго свой природный грузинскій языкъ. Со времени объявленія вѣротерпимости, основаніе подобнаго журнала является дѣломъ первостепенной важности, на которое не должно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ, но приложить особое попеченіе о томъ, чтобы привлечь къ нему свѣдущихъ лицъ. Для Грузія же нужно переиздать древнія сочиненія мѣстныхъ богослововъ противъ магометанства. Не менѣе важно поручить ка-

занскимъ ученымъ составить краткое руководство для сравнительнаго изложенія главнѣйшихъ основъ христіанскаго и магометанскаго вѣроученій въ простѣйшей формѣ, на подобіе существующихъ противопштундистскихъ и другихъ катихизисовъ.

Таковой противомагометанскій катихизисъ необходимо перевести на всѣ языки и нарѣчія, доступныя магометанскому населенію, и кромѣ того издавать общедоступныя миссіонерскіе листки съ самымъ широкимъ распространеніемъ.

4) На Кавказѣ должно имѣть особое наблюденіе за остатками христіанскаго благочестія среди магометанъ грузинъ и по возможности пользоваться развалинами христіанскихъ святынь, привлекающихъ магометанъ поклонниковъ, какъ средствами вліянія на ихъ совѣсть.

5) Необходимо озаботиться, чтобы во всѣхъ богословскихъ школахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ есть магометанское населеніе, преподавались миссіонерскіе предметы въ формѣ обязательныхъ предметовъ.

6) Одной изъ главныхъ помѣхъ къ обращенію въ христіанство магометанъ разныхъ народностей является страхъ неизбѣжной мести отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, избѣжать которой инородцы могутъ только въ томъ случаѣ, если получаютъ возможность выселяться или къ христіанамъ своего племени, или во вновь учреждаемые христіанскіе поселки, каковыя существуютъ въ настоящее время въ Самарской губерніи и Тургайской области, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстныхъ епископовъ.

Представляется дѣломъ огромной церковной и государственной важности, чтобы мѣстные миссіонерскіе комитеты и епархіальныя начальства получили отъ гражданской власти практическую возможность устраивать подобныя поселки на государственныхъ земляхъ Заволжья, Сибири, Крыма, Кавказа и т. п. мѣстностей.

Въ равной степени это необходимо по отношенію къ новообращеннымъ язычникамъ.

7) Соглашаясь съ тѣмъ, что миссіонерское вліяніе бываетъ прочнѣе, если оно оказывается со стороны мѣстнаго дѣятеля, а не со стороны пріѣзжихъ, а съ другой встрѣчаясь съ фактомъ неправоиспособности къ этому со стороны большинства приходскихъ священниковъ, поглощенныхъ пастырскими обязанностями для вѣрныхъ христіанъ, отдѣлъ полагаетъ, что весьма желательно распространить практику нѣкоторыхъ Заволжскихъ епархій, архипастыри которыхъ старались назначать въ села со смѣшаннымъ населеніемъ вторыхъ священниковъ изъ инородцевъ, въ качествѣ ли второго штата, или на діаконскомъ штатѣ съ спеціальнымъ назначеніемъ вѣдать прихожанами изъ инородцевъ и, по возможности, мѣстныхъ магометанъ и язычниковъ.

8) Особенно благотворное религіозно-бытовое значеніе имѣютъ для

крещенныхъ инородцевъ инородческіе монастыри мужскіе и женскіе тѣмъ болѣе, что сами инородцы обнаруживаютъ неуправляемое стремленіе къ основанію такихъ обителей по всему Заволжью, не взирая даже на препятствія со стороны и церковныхъ и гражданскихъ властей. Преосвященный Антоній въ бытность епископомъ Уфимскимъ, уступая желаніямъ инородцевъ въ продолженіе полутора лѣтъ устроилъ 6 монастырей: 2 мордовскихъ, 2 чувашскихъ и 2 черемисскихъ, которые были быстро населены отшельниками и щедро одѣлены землею, лѣсами и хлѣбомъ отъ сосѣднихъ сельчанъ своего племени. Монастырь вросаетъ въ народный бытъ, какъ въ почву дерево, связывающееся съ нею не только своимъ главнымъ корнемъ, но множествомъ небольшихъ корешковъ, разрастающихся во всѣ стороны. Такъ и община съ насельниками инородцами и со всею системой своего церковнаго строя и хозяйственнаго быта,—вся цѣликомъ становится предметомъ благоговѣйной любви и посильнаго подражанія мѣстныхъ крестьянъ на 100 верстъ окрестъ, какъ, напримѣръ, Михайлово-Черемисскій монастырь, Казанской епархіи, близъ Васильсурска, этотъ инородческій Валаамъ.

Другіе дѣятели миссіи, священники и учителя—одинокіе дѣятели, а монастырь является таковымъ въ лицѣ десятковъ или даже сотенъ своихъ насельниковъ, которые сами того иногда не подозреваютъ.

Посему отдѣлъ признаетъ необходимымъ, чтобы церковная власть всюду шла сочувственно на встрѣчу стремленіямъ инородцевъ устраивать свои монастыри, обыкновенно возникающіе изъ небольшихъ группъ отшельниковъ по лѣсамъ и болотамъ Заволжскаго края.

№ 5. (17 марта 1906 года) 1).

Обсуждали два извѣстныхъ проекта о дарованіи единавѣрцамъ особаго епископа члена Синода или викарныхъ епископовъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ и послѣ многихъ разсужденій пришли къ соглашенію въ томъ, что

1) Неупотребимое желаніе единавѣрцевъ имѣть своего епископа выражается въ многочисленныхъ прошеніяхъ ихъ общинъ въ продолженіе уже многихъ десятковъ лѣтъ, а въ послѣднее время охватило всю единавѣрческую Русь и собрало въ Святѣйшемъ Синодѣ болѣе 120 приходскихъ о томъ приговоровъ. Единавѣрцы часто тяготеютъ своими отношеніями къ епархіальной власти, лишенной возможности удѣлять

1) Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынской, и члены: протоіерей В. А. Прозоровъ, протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ М. П. Чельцовъ, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, профессоръ С. Т. Голубевъ, Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ и В. Г. Сенатовъ.

имъ настолько вниманія, чтобы безъ помощи консисторіи (какъ указано въ „правилахъ“ ихъ) вѣдать ихъ приходскія дѣла и служить по ихъ чину, а австрійская іерархія, опираясь на законъ о вѣротерпимости, настойчиво и безуспѣшно, заманиваетъ ихъ въ свои сѣти (особенно въ Черниговской губерніи).

2) Хотя принято думать, что по Номобанону невозможно раздвоеніе церквей (храмовъ) и паствы между двумя епископами, но изъ правилъ 79, 112, 132 и 131 Кар. Собора видно, что новообращаемымъ къ церкви (б. донатистамъ) разрѣшается составлять со своимъ новообращеннымъ епископомъ (вѣроятно, временно) особую общину.

3) Существованіе ставропигій, подворій однихъ епископовъ и монастырей въ епархіи другого и духовенства военнаго и придворнаго, не подчиненнаго мѣстнымъ архіереямъ—все это представляетъ собою уже допущенное и авторизованное распредѣленіе пасомыхъ между двумя архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

4) До настоящаго времени епархіальный архіерей былъ высшій въ російской Церкви единоличный пастырь (такъ какъ Святѣйшій Синодъ есть собраніе, а не личность), а потому существованіе епархіальныхъ архіереевъ-единовѣрцевъ представляло бы собою общеніе ихъ съ великороссійскими епархіями не возглавленнымъ отъ высшаго общаго пастыря и нарушало бы мысль о единствѣ обоихъ богослужебныхъ чиновъ въ единой Церкви. Въ настоящее же время, если осуществится каноническая идея о митрополичьихъ округахъ, то подобное затрудненіе устранится само собою.

5) Епископы викарные, какъ невѣдомые русской старинѣ, какъ званіе, заимствованное у католиковъ, не удовлетворяютъ единовѣрцевъ, а главное не устраняютъ чрезпредѣльное полномочіе каждаго изъ нихъ въ томъ смыслѣ, что его полномочія не будутъ совпадать съ предѣлами епархій и тѣмъ усложняютъ управленіе единовѣрческими приходами до чрезвычайности.

Посему постановили: 1) Если осуществится мысль объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ, ходатайствовать объ учрежденіи въ каждомъ будущемъ митрополичьемъ округѣ по одному единовѣрческому епископу, наименовавъ его епархію именемъ того или другого единовѣрческаго мѣстечка и села и подчинивъ его архипастырскому управленію всѣхъ единовѣрческіе приходы митрополіи на началахъ ставропигій или подворій съ тѣмъ, чтобы мѣстные великороссійскіе епископы не лишены были права слѣдить за поведеніемъ клира и мірянъ и сноситься о семъ съ единовѣрческимъ епископомъ; а по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, давали собственныя распоряженія; 2) Подчинивъ единовѣрческихъ епископовъ митрополитамъ и митрополичьимъ соборамъ на ряду съ прочими епископами округа, допустить въ пер-

вопрестольномъ градѣ съѣзды російскихъ единовѣрческихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ русскаго первосвятителя или другого іерарха (единовѣрческаго или великороссійскаго чина), по его указанію.

№ 5. (18 марта 1906 года) ¹⁾.

1) *Слушали* сданный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода на заключеніе отдѣла проектъ устава всероссійскаго братства православныхъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ.

Постановили: Признать сей уставъ безпрепятственнымъ для утвержденія съ тѣмъ, чтобы 1) §§ 4 и 15, гдѣ идетъ рѣчь объ учрежденіи единовѣрческаго епископа, какъ одной изъ задачъ братства, исключить, ибо сія мысль входитъ въ другіе параграфы, гдѣ идетъ рѣчь о благоустроении клира, а затѣмъ эти параграфы вовсе потеряютъ значеніе, если будутъ учреждены единовѣрческіе епископы.

2) Въ §§ 11, 16 и 19 вмѣсто властныхъ выраженій: „Братство поддерживаетъ, устраиваетъ“ надо написать: „старается о поддержаніи, объ устроеніи“, ибо братство не имѣетъ іерархической власти, а только ревнуетъ о благѣ Церкви.

3) По сей же причинѣ должно опустить вовсе конецъ § 19 „Пѣвцы могутъ быть замѣстителями и дальнѣйшихъ священныхъ степеней“.

4) § 17 по той же причинѣ опустить.

§ 24. О созваніи общихъ съѣздовъ должно прибавить: „съ разрѣшенія высшей іерархической власти“.

§ 27. Въ виду значительнаго центральнаго вліянія, на которое рассчитываетъ братство, необходимо, чтобы предсѣдатель его избирался изъ духовныхъ лицъ, преимущественно епископскаго сана и ниже пресвитерскаго.

§ 61. Можно допустить въ члены братства раскольниковъ, но не допускать ихъ въ совѣты ни братства, ни отдѣлений его, дабы они не захватили въ руки всѣхъ дѣлъ братства.

§ 67. Упомянутіе о свѣчныхъ заводахъ опустить.

2) *Слушали* составленный по порученію начальства профессоромъ Н. И. Ивановскимъ проектъ посланія собора русской Церкви къ восточнымъ патріархамъ объ утвержденіи единовѣрія и о разъясненіи клятвъ собора 1667 года.

Постановили: Согласиться съ содержаніемъ проекта и признать, что для широкаго вліянія Церкви на расколъ и для утвержденія колеблющихся единовѣрцевъ необходимо и ничѣмъ незамѣнимо давно желаемое ими утвержденіе единовѣрія и разъясненіе сихъ клятвъ,¹⁾ со-

¹⁾ Присутствовали: Предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынской, и члены: протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, Д. И. Боголюбовъ и В. Г. Сенатовъ.

боромъ при участіи двухъ восточныхъ патріарховъ наложенныхъ, равнымъ или большимъ церковнымъ авторитетомъ. При семъ поелику полнота вліянія сей мѣры можетъ быть достигнута лишь тогда, когда восточные патріархи не письменно только, но самолично, подтвердятъ свое согласіе, то весьма желательно, чтобы они, пожаловавъ въ Россію, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ вкупѣ съ русскими іерархами и въ присутствіи православныхъ старообрядцевъ и раскольниковъ торжественно заявили бы, что тѣ клятвы имѣли и имѣютъ силу не на содержащихъ „старые“ обряды чадъ православной Церкви, но на хулителей послѣдней по слову Господню: „аще же Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“,—причемъ присовокупить, что если бы кто не повѣрилъ правотѣ такого толкованія и продолжалъ утверждать, что клятвы наложены въ 1667 году на самые чины старообрядческіе, то сей новый соборъ отъ такой клятвы разрѣшаетъ содержащихъ старые обряды, но не отдѣляющихся отъ нашей Христовой Церкви.

Отдѣлъ VI уповаетъ, что такое дѣйствіе восточныхъ и російскихъ іерарховъ имѣло бы неоцѣнимое значеніе какъ для единовѣрцевъ, такъ и для раскольниковъ и замѣнило бы собою многолѣтніе труды миссіонеровъ и пастырей Церкви о примиреніи раскольниковъ и утвержденіи въ вѣрѣ колеблющихся.

Въ томъ же смыслѣ возстановленія авторитета церковной власти имѣло бы высокое цѣнное значеніе возстановленіе въ русской Церкви власти патріаршей, такъ какъ Синодальное управленіе уже потому, что оно не вѣдало русской старины, является важнымъ препятствіемъ для утвержденія прочности единовѣрія и для обращенія раскольниковъ къ Церкви Божіей 1).

1) Подписывая настоящій журналъ, священникъ Симеонъ Шлеевъ остался при мнѣніи, что 4 и 15 §§ устава Всероссийскаго братства православныхъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ не исключать, а оставить безъ измѣненія. При дарованіи единовѣрцамъ епископовъ они падаютъ сами собой, а при недарованіи весьма потребны.

Изъ личныхъ впечатлѣній депутата Курскаго обще-епархіальнаго съѣзда.

Съ 23-го января по 31-е включительно въ городѣ Курскѣ происходило засѣданіе общеепархіальнаго съѣзда.

Засѣданія съѣзда начались въ епархіальномъ домѣ, за сравнительною тѣсотю, были перенесены въ актовъ залъ духовной семинаріи, и потомъ опять продолжались и закончились въ епархіальномъ домѣ.

На первомъ, утреннемъ собраніи 23-го января былъ избранъ предсѣдатель—законоучитель Бѣлгородскаго учительскаго института свящ. Е. Поповъ и дѣлопроизводители. Кромѣ того, были назначены нѣсколько комиссій для изготовленія докладовъ, на основаніи постановленій благотворительскихъ собраній, по главнымъ 11-ти вопросамъ.

24-го, въ 10 час. утра, въ епархіальный домъ прибылъ владыка Питиримъ. Благословивъ собраніе, онъ убѣдительно просилъ отцовъ и мірянъ, при обсужденіи вопросовъ, соблюдать возможно больше спокойствія и безпристрастія. Оставивъ за собою желаніе присутствовать при рѣшеніи вопросовъ перваго (объ епархіальномъ управленіи) и шестого (о возможномъ сокращеніи состава клира), онъ отбылъ, представивъ съѣзду полную возможность свободно и въ мѣру общаго разумія высказываться и дѣлать постановленія по каждому вопросу.

Такъ какъ работы только что составленныхъ комиссій ни по одному вопросу къ первому засѣданію не были готовы, то съѣздъ запасся слушаніемъ доклада консисторскаго столоначальника и возможности замѣны нѣкоторыхъ взносовъ съ церквей епархіи прибылью изъ суммъ свѣчнаго завода. Докладъ былъ обстоятельнѣйшій. Цифры и пояснительныя къ нимъ примѣчанія пестрѣли и чередовались на каждой изъ многихъ страницъ. Какъ ни свѣжо было вниманіе слушателей, только что приступившихъ къ занятіямъ, тѣмъ не менѣе къ концу доклада ослабѣло настолько, что уловимы становились однѣ цифры, а не комбинаціи ихъ. Согласно докладу, рѣшили отъ 20—24-хъ тысячъ руб. взносовъ церковныхъ переложить на чистую прибыль завода.

Однимъ, какъ говорится, почеркомъ столоначальники хотѣли провести и двухтысячную ежегодную прибавку на содержаніе консисторскихъ чиновниковъ изъ суммъ все того же свѣчнаго завода. Большинство уполномоченныхъ отъ клира и мірянъ дружно возстали противъ такой новой финансовой экскурсіи въ епархіальныя суммы. И по справедливости. Только за годъ предъ этимъ въ консисторіи, безъ вѣдома и согласія епархіи, открытъ V столъ, съ позаймствованіемъ потребныхъ для его содержанія 2500 руб. изъ тѣхъ же свѣчныхъ заводскихъ суммъ. Протестуя, депутаты считались еще съ тѣмъ

обстоятельствомъ, что въ дополнительное содержаніе чиновниковъ идетъ семикопеечное обложеніе каждаго пробѣльнаго листа для всѣхъ церковныхъ книгъ: приходорасходныхъ, метрическихъ, исповѣдныхъ и др. А это по многолюднѣйшей епархіи, даже за вычетомъ ихъ заготовительной стоимости, должно составить сумму не малую. Полнаго единодушія при обсужденіи этого яснаго и, казалось бы, безпорнаго вопроса все-таки не было. Голоса раздѣлились. Предложили его рѣшить окончательно закрытой баллотировкой.

Большинствомъ шаровъ вопросъ о прибавкѣ былъ отвергнутъ.

Рѣшеніемъ двухъ этихъ вопросовъ закончилось утреннее собраніе сѣзда, затянувшись однако слишкомъ до 3-хъ пополудни.

Вечернее собраніе съ 7-ми началось въ актовомъ залѣ духовной семинаріи. Такъ какъ собранія имѣли открытый характеръ, залъ наполнился семинаристами и городской публикою, по началу съ большимъ интересомъ отнесшейся къ засѣданіямъ сѣзда.

Все вечернее собраніе почти до 12-ти ночи прошло въ обсужденіи такого неважнаго вопроса—оставить или отмѣнить позолоту на выдѣлываемыхъ въ епархіальномъ заводѣ свѣчахъ. Экономія отъ отмѣны позолоты получалась не малая—до 6,000 руб., достоинство свѣчи существенно не мѣнялось. Казалось бы—о чемъ долго спорить и въ чемъ не столковаться. Свѣжая энергія депутатовъ и первая очередь обсуждения сдѣлали другое. Защитниками позолоты и противниками ея было высказано столько остроумія, столько находчивости, потрачено столько словеснаго пороха и столько сломано копій, что просто до боли хотѣлось крикнуть: поберегите силы и разумъ на болѣе достойное ихъ примѣненіе въ дѣлѣ обсуждения болѣе серьезныхъ и важныхъ вопросовъ.

Едва ли не самымъ сильнымъ аргументомъ защитниковъ позолоты былъ тотъ, что, если свѣчи развѣнчивать отъ позолоты, тогда и иконы церковныя и домашнія должны быть чужды всякихъ украшеній.

Такъ или иначе, она восторжествовала, позолота на свѣчахъ была оставлена.

Было уже больше 11 ч. ночи. Обсужденіе другихъ вопросовъ представлялось невозможнымъ, и собраніе разошлось до 10 час. утра дня слѣдующаго.

Утро 25-го принесло сюрпризъ не изъ пріятныхъ. Предсѣдатель съ приложеніемъ медицинскаго удостовѣренія, прислалъ заявленіе, что, за слабостью голоса и почти полной потерей его, онъ не можетъ вести дальнѣйшихъ засѣданій.

Невольно многимъ приходило на мысль, что, если на резюмированіе сужденій объ одной свѣчной позолотѣ потерялся предсѣдатель-

скій голосъ, то гдѣ же взять предсѣдателя съ такими голосовыми средствами, какихъ хватило бы на обсужденіе всѣхъ 27-ми вопросовъ, или же, что лучше, съ такимъ тактомъ, чтобы не требовалось ихъ крайняго напряженія. Вниманіе всѣхъ остановилось на двухъ лицахъ: протоіерей соборной церкви г. Льгова Положинцевъ и свящ. кладбищенской церкви г. Курска Ломакинъ.

Большинствомъ голосовъ, послѣ долгой прелюдіи и самой процедуры закрытой баллотировки, былъ избранъ послѣдній.

Принимая предсѣдательствованіе, о. Ломакинъ призывалъ депутатовъ къ спокойствію и порядку: при желаніи говорить по извѣстному вопросу, они должны соблюдать строго очередь, терпѣливо ждать ея и на полсловѣ не перебивать оратора.

Обращаясь въ частности къ посторонней публикѣ и учащейся молодежи, онъ просилъ ихъ повоздержаться отъ шумныхъ восторговъ своего одобренія говорящимъ. Вѣдь настоящій съѣздъ, говорилъ онъ, братское во Христѣ собраніе пастырей и преданныхъ церковному дѣлу мірянъ, а—не разносословный митингъ. Поэтому и участвующимъ и слушающимъ нужно держать себя такъ, чтобы не уронить достоинство собранія, не обезцѣнить всей важности предстоявшихъ ему задачъ.

Хороша была рѣчь предсѣдателя, убѣдительно доводы его. Того, однако, порядка и спокойствія, къ какимъ онъ приглашалъ, на дѣлѣ не вышло. Что причиной тому: молодой-ли въ большинствѣ составъ представителей, бурный-ли духъ переживаемаго времени, или малый опытъ многихъ представителей въ подобныхъ собраніяхъ? Думается—то, и другое, и третье. Фактъ на-лицо: порядка на всѣхъ засѣданіяхъ было весьма мало. И чисто героическое терпѣніе предсѣдателя и всѣ его дипломатическіе приемы разбивались о несокрушимое желаніе и привычку депутатовъ говорить по вдохновенію, а не въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Даже могучій голосъ предсѣдателя, труба іерихонская въ сравненіи съ голосомъ предсѣдателя перваго, къ концу засѣданій ослабъ до хрипоты... Но то—между прочимъ.

Когда окончилась рѣчь предсѣдателя, было уже около трехъ по полудни. Собраніе разошлось до семи вечера съ полнымъ чувствомъ удовлетворенія за удачный выборъ предсѣдателя и надеждой, что, подъ его руководствомъ, засѣданія должны пойти успѣшно.

Открылось вечернее засѣданіе. Предсѣдатель опросилъ участниковъ комиссій—не готовы-ли доклады хоть по одному изъ 11-ти главныхъ вопросовъ.

Доклады готовы не были, и потому приступили къ обсужденію вопросовъ внѣ программной рубрики.

Собраніе происходило въ стѣнахъ семинаріи, и умѣстнымъ представлялось, поэтому, здѣсь-же на мѣстѣ, посудить о предложенныхъ вни-

манію създа нуждахъ ея. Первымъ былъ затронуть вопросъ о библиотекахъ: ученической и фундаментальной, увеличеніи книгъ въ первой и возможномъ доступѣ воспитанниковъ во вторую. Въ связи обсуждался вопросъ о возможности и необходимости знакомства воспитанниковъ съ современной общественной жизнью путемъ выписки и чтенія журналовъ и газетъ. Возбудился оживленнѣйшій обмѣнъ мнѣній. И не жаль было тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, тѣхъ блескокъ остроумія и тѣхъ доводовъ разума, какіе проявлены были при этомъ обмѣнѣ. Вопросы такіе не чета свѣчной позолотѣ. Для того, чтобы свѣдѣнія, при обсужденіи пользы и нужды семинаріи, имѣть изъ первыхъ рукъ, рѣшили пригласить (и пригласили) отца ректора семинаріи. Совмѣстно съ нимъ продолжалось обсужденіе вопросовъ о библиотекахъ, читальнѣ, а также о желательности и возможности замѣны въ семинаріи освѣщенія керосинового электрическимъ и необходимости расширенія и даже переустройства больницы.

Вообще—все вечернее собраніе было живымъ и интереснымъ. Закончилось оно допущеніемъ депутаціи отъ старшихъ классовъ семинаріи. Эта многочисленная депутація, въ лицѣ двухъ выразителей, горячо доказывала необходимость саморазвитія воспитанниковъ чрезъ чтеніе книгъ научнаго содержанія и вообще знакомство съ текущей литературой по всѣмъ ея живымъ вопросамъ.

За-одно, выражая нѣкоторое удовлетвореніе, но не благодарность, за допущеніе семинаристовъ, по окончаніи полнаго курса, въ университеты, они выражали требованіе, но не желаніе, чтобы это право было дано по окончаніи 4-хъ, а не шести классовъ.

Здѣсь они встрѣтили справедливое и сильное возраженіе одного, совсѣмъ еще молодого, о. депутата.

Онъ имѣлъ мужество сказать имъ горькую правду, что подобныя желанія умѣстны лишь при добросовѣстномъ и усердномъ занятіи науками, а не при тѣхъ самочинныхъ перерывахъ ими занятій, какія весь учебный годъ сводятъ къ тремъ-четыремъ мѣсяцамъ. При такихъ-же перерывахъ, становящихся прямо хроническими, не можетъ быть и рѣчи о томъ высокомъ держаніи семинаристами знамени науки, о какомъ съ такимъ пафосомъ говорилъ одинъ выразитель.

Даже больше того: является справедливое опасеніе, чтобы современные семинаристы не понизили даже до позора ту дѣйствительно высокую репутацію, какая упрочилась за семинаристами прежнихъ временъ.

Послѣ него представитель отъ мірянъ, изъ отставныхъ военныхъ, обратясь ко всѣмъ присутствовавшимъ на собраніи семинаристамъ, выразилъ удивленіе и прямо порицаніе выраженію ими своихъ желаній не въ формѣ покорнѣйшей просьбы, а въ видѣ подлежащихъ немед-

ленному удовлетворенію требованій. Последнее, по его глубокому убѣжденію, свидѣтельствуетъ о крайней ихъ невоспитанности и прямо неприличномъ бравированіи ею.

Эти возраженія и замѣчанія, растворенныя отеческимъ сожалѣніемъ, въ массѣ воспитанниковъ вызвали частію глухое, частію открытое недовольство, безъ рѣзкихъ, впрочемъ, проявленій. Ожидая большаго и худшаго, вѣрнѣе-же, считаясь съ половиной 12-го ночи, предсѣдатель закрылъ собраніе. Закрывая, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы дальнѣйшія засѣданія происходили въ епархіальномъ домѣ. И таковое предложеніе единодушно, безъ всякихъ возраженія, было принято всѣми.

Подводя итоги ему, нельзя не сознаться, какъ былъ правъ владыка Питиримъ, отечески увѣщевая—лучше потѣсниться въ епархіальномъ домѣ, чѣмъ искать простора въ семинарскомъ залѣ. Поддерживали его многіе изъ о.о. и мірянъ. Партія недовольныхъ епархіальнымъ помѣщеніемъ оказалась сильнѣе. Торжество ея было недолго, всего на три засѣданія. Дальше, даже самые рьяные изъ нихъ, убѣдились во очію, что въ семинарскомъ залѣ не было даже того простора, какой ставили они во славу угла желаній своихъ. Объемомъ помѣщенія превосходя залъ епархіальнаго дома не болѣе, какъ въ полтора раза, онъ, кромѣ всѣхъ депутатовъ и городской публики, долженъ былъ вмѣстить еще добрую половину воспитанниковъ многолюднѣйшей семинаріи. Но въ этомъ еще полбѣды. Бѣда въ томъ, съ перенесеніемъ засѣданій въ семинарское зданіе, нарушалось и выбивалось изъ колея только что установившееся сравнительно спокойное теченіе жизни семинаріи. Создалась такая коллизія: не допустить ихъ на собраніе—значило нарушить принципъ открытыхъ дверей, допустить (что и было)—внести несвоевременную и ненужную приподнятость въ настроеніе той молодежи, какая и безъ того зовется „неучащейся“. И дѣйствительно, опасенія владыки и хорошо понимавшихъ его умѣренныхъ депутатовъ сбылись: правильныя классныя занятія нарушились. Почти полная пустота въ классахъ и безлюдье въ занятыхъ комнатахъ. Зато въ актовомъ залѣ въ урочное и во внѣурочное время „учащихся гражданъ“ хоть отбавляй... Раздувалось такимъ образомъ потухавшее пламя, въ горѣвшій безъ шума огонь подливалось масло. Дальнѣйшія послѣдствія легко учитывались, и потому возвращеніе въ епархіальный домъ было естественнымъ и необходимымъ. Безъ особой нужды и съ плохо продуманной цѣлью былъ разыгранъ бесполезный для отцовъ и завѣдомо вредный для дѣтей фарсъ. И не окончился онъ съ перенесеніемъ засѣданій въ епархіальный домъ, а продолжался во все время сѣзда, и разрѣшился преждевременнымъ отпускомъ воспитанниковъ на масляницу и первую недѣлю великаго поста.

Съ возвращеніемъ на староселье—въ епархіальный домъ утреннее собраніе 26 янв. посѣтилъ преосвященный Питиримъ. Подъ его предсѣдательствомъ началось обсужденіе вопроса объ епархіальномъ управленіи. Хотя онъ былъ рѣшенъ уже на ноябрьскомъ курскомъ епархіальномъ „соборикѣ“, тѣмъ не менѣе и повторительное обсужденіе его, какъ широкаго и, такъ сказать, краеугольнаго въ дѣлѣ грядущаго переустройства церковно-общественной жизни, было полно глубокаго интереса. Въ ноябрьское рѣшеніе—учрежденіе при епископѣ постояннаго совѣта пресвитеровъ—было внесено то новое положеніе, что епархіальные соборы изъ клира и мірянъ, ежегодно созываемые и возглавляемые епископомъ, должны быть высшимъ епархіальнымъ учрежденіемъ, центромъ, объединяющимъ всю церковно-общественную жизнь епархіи.

Принципъ выборнаго начала долженъ быть при этомъ приводимъ широко и свободно.

Было уже около 3-хъ по-полудни. Начавшееся было обсужденіе вопроса о возможномъ сокращеніи состава клировъ отложено было до вечерняго засѣданія. Весьма утѣшенный общею настроенностью депутатовъ, владыка отбылъ. Слѣдомъ разошлись и депутаты.

Ходъ дальнѣйшихъ засѣданій изложимъ конспективно, останавливаясь болѣе подробно только на болѣе характерныхъ сужденіяхъ и постановленіяхъ. Въ числѣ таковыхъ отмѣтимъ прежде всего единодушное постановленіе сѣзда о выведеніи редакціи епарх. вѣдомостей изъ стѣнъ духовной семинаріи. Рѣшено редактора ихъ сдѣлать выборнымъ, оживить и расширить неофициальный ихъ отдѣлъ возможно широкимъ и свободнымъ сотрудничествомъ духовенства всей епархіи. Добрый починъ въ этомъ сдѣланъ епископомъ Питиримомъ. Исключительно благодаря его распоряженіямъ, въ теченіе уже года на страницахъ вѣдомостей стали часто появляться интересныя и живыя статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. И фізіономія самаго художнаго органа становится неузнаваемой. Онъ привлекъ теперь вниманіе даже тѣхъ, кто не заглядывалъ въ него дальше опредѣленій, перемѣщеній и свободныхъ мѣстъ. Вотъ что значитъ умѣлою рукою и добрымъ искреннимъ желаніемъ вдохнуть „душу живу“ въ совсѣмъ омертвѣвшее дѣло. Аккуратно отъ каждой церкви получая пять рублей, епархіальный органъ прозябалъ на формулярахъ—некрологахъ, словахъ и поученіяхъ, не всегда образцовыхъ, и скучнѣйшихъ археологическихъ изысканіяхъ—лѣтописныхъ сказаньяхъ о церквахъ и приходяхъ. Чаше-же былъ занятъ натаскиваніемъ статей изъ тѣхъ духовныхъ журналовъ, съ какими, въ теченіе многихъ лѣтъ, велъ обмѣнъ изданьями. Прочно существуя больше трехъ десятковъ лѣтъ на обязательной подпискѣ, онъ не имѣлъ доселѣ ни внѣшнихъ, ни внутрен-

нихъ побужденій къ улучшенію и повышенію интереса своего содержанія.

Другимъ не менѣе характернымъ и отраднымъ постановленіемъ можно считать подтвержденіе ноябрьскаго постановленія о желательности и необходимости епархіальныхъ сѣздовъ ежегодно, чаще смотря по надобности, и всегда изъ клира и мірянъ.

Опытъ двухъ такихъ сѣздовъ показалъ, что на нихъ можно смотрѣть, какъ на первый серьезный шагъ сближенія клира и мірянъ и приобщенія послѣднихъ къ совмѣстной, дружной работѣ тамъ, гдѣ недавно, еще совсѣмъ вчера, была область чуждая, почти заповѣдная. Въ кастовую обособленность клира пробивается брешь великая. Пропасть, отдѣлявшая клиръ, ремесленныхъ молитвенниковъ, отъ мірянъ, плательщиковъ за трудъ-молитву, замѣтно суживается. Кладутся прочные устои соединительному мосту чрезъ нее, братски подаются руки для союзнаго, въ духѣ мира и любви дѣланія правды Божіей.

Упомянувшійся уже вопросъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ составѣ клира, сверхъ ожиданія и къ общему удовольствію, прошелъ спокойно и скоро. Надо замѣтить, что на обсужденіе сѣзда онъ былъ предложенъ въ виду появленія въ Епарх. Вѣд. (декабрьскихъ №№) статьи о возможности и желательности упраздненія штатныхъ діаконскихъ вакансій при всѣхъ церквяхъ, кромѣ соборныхъ. По согласному заявленію всѣхъ депутатовъ, обсужденіе его на благочинническихъ собраніяхъ прошло повсемѣстно съ небывалой бурностью. Діаконы, это своего рода казачество въ арміи клира, всѣми силами пытались доказать свою необходимость въ составѣ клира, хотя это имъ нигдѣ и не удалось. Умъ хорошо, два лучше, разумъ же цѣлой епархіи, въ лицѣ ея избранниковъ, и совсѣмъ неподобно. Именно этимъ разумомъ подошли на сѣздѣ къ вопросу проще и ближе. Безспорно было установлено то положеніе, что многочисленность клира, по матеріальнымъ условіямъ приходовъ, особенно сельскихъ, вообще нежелательна. Желательно поэтому, съ согласія приходовъ, сокращеніе вакансій діаконскихъ или псаломщическихъ. Въ послѣднихъ случаяхъ діаконы, замѣщая псаломщиковъ, сохраняютъ за собой діаконское содержаніе. Такимъ рѣшеніемъ была обойдена вся острая сторона вопроса, и онъ разрѣшился безъ особыхъ осложненій.

Полная, однако, справедливость требуетъ сказать, что много этому помогло и то обстоятельство, что вопросъ этотъ обсуждался и рѣшался уже на седьмой день засѣданій. Энергія-же и вниманіе депутатовъ къ этому дню пошли подъ такой уклонъ, что нѣкоторые изъ нихъ разѣхались по своимъ приходамъ. Наглядное доказательство—что значить вопросъ о позолотѣ свѣчей рѣшать въ первую очередь...

Психологія всѣхъ сѣздовъ обычная и неизбѣжная: когда вниманіе

участниковъ ослабѣетъ и энергія пойдетъ на убыль, начинается уже не серьезное и коллективное, общимъ разумомъ, рѣшеніе вопросовъ, а простое, чисто поверхностное, прикосновеніе къ нимъ, съ нарочитымъ обхожденіемъ такихъ сторонъ, какія могутъ возбудить новыя пренія.

Въ данномъ случаѣ иначе и быть не могло. Вниманію сѣзда было предложено цѣлыхъ 27 вопросовъ. И первый изъ нихъ: „какія желательны измѣненія въ органахъ епархіального управленія и въ строѣ епархіальныхъ учреждений“ имѣлъ цѣлыхъ восемь серьезныхъ отдѣловъ. Изъ нихъ каждый можно считать за цѣлый вопросъ. Всѣхъ вопросовъ такимъ образомъ набирается уже до 35-ти. Девяти дней съ многочасовыми засѣданіями утренними и вечерними оказалось все-таки мало. И тѣмъ меньше ихъ было, что обсуждались и рѣшались нѣкоторые до боли острые и важные вопросы внѣ и сверхъ программы, по письменнымъ и личнымъ докладамъ трехъ священниковъ. Суть ихъ докладовъ та, что прихожане ихъ, подъ вліяніемъ крестьянскихъ союзовъ, плату за требы таксировали такъ низко, что, безъ назначенія казеннаго содержанія или пособія отъ епархіи, служить имъ долѣе невозможно. Выяснилось дальше, что такія явленія, не единичные и теперь, скоро могутъ стать общими и повсюдными. Большинствомъ депутатовъ было выражено искреннее сожалѣніе о такихъ прискорбныхъ, все учащающихся, явленіяхъ. Находились, однако, и такіе о.о., какіе не прочь были добить лежачаго. Священникамъ этихъ приходовъ они смѣло ставили въ укоръ, что сами они, своимъ жестокосердіемъ и вымогательствомъ, доводятъ прихожанъ до такой крайней мѣры. Они же, съ виду горячо, изъявляли готовность идти на ихъ мѣста и восстановить добрыя отношенія. Самоотверженные и, думалось, искренніе ихъ порывы по началу были должнымъ образомъ оцѣнены. Когда же они оставили за собою тыловыя позиціи, сказавши, что готовы пойти, если пустятъ ихъ настоящіе ихъ прихожане, порывы ихъ были тотчасъ переоцѣнены...

Упомянемъ, въ заключеніе, о двухъ инцидентахъ съ депутатами сѣзда.

Сѣздомъ были назначены двѣ комиссіи: одна въ епархіальное женское училище для ревизіи экономической стороны жизни его, другая— въ духовную семинарію для обозрѣнія библиотекъ ученической и фундаментальной, о которыхъ такъ много и долго говорено было при засѣданіяхъ сѣзда въ семинарскомъ залѣ. Попутно комиссія первая коснулась и нѣкоторыхъ сторонъ жизни учебно-воспитательной. Администраціей училища комиссія (изъ 5-ти лицъ: трехъ священниковъ и двухъ мірянъ) по началу была принята весьма благосклонно. Были для нея, что называется, открыты двери и сердца. Когда же она сдѣ-

лала съѣзду свой докладъ и съѣздъ вторично предложилъ ей провѣрить свои первыя впечатлѣнія, сердца замкнулись и двери затворились. Ссылкой на поздній часъ посѣщенія (конецъ седьмого вечера), отъ комиссіи потребовали документъ, уполномочивающій ее на производство ревизій внѣ экономическихъ нуждъ училища.

Подобная участь постигла и библиотечную комиссію. Въ первый разъ она свободно была допущена въ библиотеки. Когда же она сдѣлала докладъ и была послана съѣздомъ добыть болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, ей показали такой параграфъ устава духовныхъ семинарій, каковымъ не предусматриваются подобныя полномочія комиссіи и права всего съѣзда. Скрѣпя сердце, пришлось помириться съ такою узкостью правъ съѣзда, сводящихся единственно къ экономической сторонѣ дѣла.

Видѣлась со стороны и чувствовалась лично страшная усталость послѣ 16-ти кряду многочасовыхъ засѣданій. Особенно это нужно сказать о тѣхъ, какіе по началу проявили много, если не энергіи, то горячности. Къ концу обезразличились они такъ, что сгорали однимъ желаніемъ: поскорѣ домой, въ семью и приходъ, а здѣсь послѣ насъ хоть потопъ.

Серьезно считаясь съ этимъ обычнымъ явленіемъ, нельзя не пожелать, чтобы каждый епархіальный съѣздъ, разѣзжаясь, оставлялъ послѣ себя не одни журнальныя постановленія, а живыхъ, убѣжденных и энергичныхъ продолжателей. Они-то, подъ живымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ, должны быть дѣятельными проводниками мѣропріятій съѣзда. Нѣтъ особой нужды назначать имъ много дѣлъ по приходу, законоучительству и службѣ платной и „чести ради“ въ епархіальныхъ учрежденіяхъ. Да и не всякій изъ нихъ, правду сказать, найдетъ въ себѣ необходимый запасъ мужества. Всего удобнѣй, думается, назначать ихъ изъ пріѣзжихъ городскихъ и сельскихъ представителей отъ клира и мірянъ, съ ихъ, конечно, согласія и съ назначеніемъ имъ содержанія изъ суммъ епархіальнаго свѣчнаго завода. Свободные, убѣжденные, они-бы провели въ дѣйствительную жизнь тѣ постановленія съѣзда, какія не должны терпѣть отлагательства до созыва слѣдующаго съѣзда. Оставленные, отстроченные, они, если не совпадаютъ съ желаніемъ начальствъ епархіальнаго и учебныхъ заведеній, идутъ часто на обидную смарку. На слѣдующемъ съѣздѣ о нихъ рѣчь или совсѣмъ не поднимется, или поднимется безучастно и глухо. Да и не у всѣхъ, даже самыхъ энергичныхъ и прямолинейныхъ, депутатовъ станетъ охоты тратить порохъ на одни холостые выстрѣлы, часто, однакожь, съ чувствительнымъ рикошетомъ на себя самихъ.

Вотъ выводъ изъ нашего правдиваго сказанія о дѣянiяхъ январскаго Курскаго общеепархіальнаго съѣзда.

Одинъ изъ 120-ти.

Миссіонерскія бесѣды въ залѣ донской духовной семинаріи.

Съ благословенія архіепископа донского Аѳанасія, въ залѣ донской дух. семинаріи, по воскреснымъ днямъ первыхъ пяти недѣль Великаго поста, происходили миссіонерскія бесѣды. Организованы онѣ были ректоромъ семинаріи, протоіереемъ Овсянниковымъ. Въ веденіи ихъ приняла участіе мѣстные миссіонеры: протоіерей Н. Кутеповъ, Д. Граціанскій и свящ. Іоаннъ Артемьевъ, которые взяли на себя трудъ практически ознакомить воспитанниковъ съ методами веденія собесѣдованій со старообрядцами и сектантами. Воспитанники VI класса семинаріи читали составленный по порученію о. ректора на добровольно избранныя ими темы по обличенію раскола и сектантства. Темами для чтеній по обличенію раскола служилъ разборъ новѣйшихъ сочиненій раскольническихъ писателей—Мельникова, Усова, Пичугина и Коновалова, частью помѣщенныхъ въ журналъ „Старообрядческій Вѣстникъ“, частью изданныхъ въ дитографированномъ видѣ, каковыя сочиненія въ большомъ количествѣ распространены среди донскихъ вообще и новочеркасскихъ въ частности старообрядцевъ. Изъ этихъ сочиненій защитники раскола на публичныхъ бесѣдахъ заимствуютъ свой полемическій арсеналъ, часто за неимѣніемъ своихъ возраженій и доказательствъ, занимаясь на бесѣдахъ вычитываніемъ сочиненій вышеназванныхъ писателей. Предметомъ чтеній по обличенію сектантства служилъ разборъ главнѣйшихъ пунктовъ лжеученій мѣстныхъ штундобоптистовъ и хлыстовъ. Воспитанникамъ, составлявшимъ чтенія, были заблаговременно выданы о. ректоромъ экземпляры разбираемыхъ ими старообрядческихъ и сектантскихъ произведеній и пособія. Воспитанники съ усердіемъ писали добровольныя сверхпрограмныя письменныя работы, представляя рефераты по 5, 8 и даже 12 писанныхъ листовъ.

Всѣхъ рефератовъ было составлено девять.

На первомъ чтеніи, въ воскресенье 19 февраля, въ недѣлю православія воспитанникомъ Балашевичемъ было предложено чтеніе на тему „Новыя попытки со стороны старообрядцевъ поколебать въ православномъ народѣ вѣру въ святость мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и въ дѣйствительность совершаемыхъ отъ нихъ чудесъ“. Это чтеніе представляло подробный разборъ статьи, помѣщенной въ июньской и июльской книжкахъ „Старообрядческаго Вѣстника“, подъ заглавіемъ: „Святость старца Серафима Саровскаго“; черкасскій уѣздный миссіонеръ свящ. І. Артемьевъ въ дополненіе къ этому чтенію въ устной рѣчи представилъ разборъ тѣхъ возраженій противъ мощей преп. Серафима, какія ему приходилось встрѣчать во время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ миссіи, предложилъ воспитанникамъ семинаріи рядъ

совѣтовъ касательно веденія собесѣдованій со старообрядцами, иллюстрируя ихъ примѣрами изъ своей миссіонерской практики, и сдѣлалъ нѣсколько разъясненій по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній по вопросу о мощахъ старца Серафима, высказанныхъ присутствовавшими на бесѣдѣ православными слушателями. На второй бесѣдѣ, въ воскресенье 26-го февраля, воспитанникъ Епифановичъ предложилъ чтеніе на тему: „Свобода вѣроисповѣданія, данная государственною властью старообрядцамъ, дѣлаетъ ли сама по себѣ старообрядческое общество истинною Церковью Христовою?“. Это чтеніе представляло разборъ сужденій по сему вопросу, высказанныхъ въ различныхъ статьяхъ „Старообрядческаго Вѣстника“. Миссіонеръ Артемьевъ выяснилъ то впечатлѣніе, какое произвелъ на старообрядцевъ манифестъ 17-го апрѣля 1905 г. и изложилъ методъ своихъ бесѣдъ со старообрядцами по этому вопросу. По окончаніи рѣчи о. Артемьева воспитанникъ Савченковъ предложилъ чтеніе на тему: „согласно ли со словомъ Божиимъ учать русскіе сектанты рационалистическаго направленія, когда отвергаютъ необходимость почитанія святыхъ иконъ“. О. ректоромъ семинаріи была выяснена постановка этого вопроса при собесѣдованіяхъ съ сектантами и были разобраны сектантскія возраженія противъ иконопочитанія. На третьей бесѣдѣ, въ воскресенье 5-го марта, воспитанникъ Михайловъ предложилъ противосектантское чтеніе о почитаніи св. креста Христова. Донской епархіальный миссіонеръ, протоіерей Николай Кутеповъ выяснилъ методы практической постановки вопросовъ при собесѣдованіяхъ съ сектантами и въ частности постановку вопроса о почитаніи св. креста Христова. Воспитанникъ Богдановскій сдѣлалъ затѣмъ чтеніе на тему: „Справедливо ли старообрядцы обвиняютъ православную церковь въ люциферіанской ереси за то, что она не принимаетъ представителей старообрядческой іерархіи при переходѣ ихъ въ православіе въ сущемъ санѣ?“. Это чтеніе представляло критическій разборъ 29-й главы сочиненія старообрядческаго писателя Ивана Усова: „Церковь Христова временно безъ епископа“. О. протоіерей Кутеповъ сдѣлалъ рядъ разъясненій касательно современной постановки при собесѣдованіяхъ со старообрядцами по вопросу объ истинной Церкви Христовой, обильно иллюстрируя свою рѣчь примѣрами изъ своего богатаго миссіонерскаго опыта.

На четвертомъ собесѣдованіи, въ воскресенье 12-го марта, воспитанникъ Рукянъ предложилъ противосектантское чтеніе о необходимости крещенія младенцевъ. Донской епархіальный противосектантскій миссіонеръ Димитрій Граціанскій выяснилъ свою постановку вопроса при собесѣдованіяхъ со штундо-баптистами и разобралъ новѣйшія возраженія противъ крещенія младенцевъ, сдѣланныя на основаніи церковно-историческихъ и каноническихъ данныхъ извѣстнымъ вожакомъ

штундистовъ Балихинымъ въ его письмахъ къ одному изъ православныхъ миссіонеровъ. Рѣчь г. Граціанскаго заключала въ себѣ совершенно новыя свѣдѣнія по противосектантской полемикѣ, почему были выслушаны всѣми съ неослабѣвающимъ вниманіемъ. Затѣмъ воспитаникъ Ножинъ предложилъ: „Разборъ основаній, приводимыхъ безпоповщинскими начетчиками Коноваловымъ и Надежинымъ въ защиту ученія о прекращеніи священства въ Христовой церкви“. Это чтеніе представляло критическій разборъ старообрядческаго сочиненія „Апология о существѣ, вѣчности и видѣ Христовой церкви“. Миссіонеръ о. Артемьевъ, которому неоднократно приходилось вести публичныя бесѣды съ Коноваловымъ и Пичугинымъ, изложилъ выработанные имъ методы собесѣдованій съ этими безпоповщинскими начетчиками. Въ особенности подробно изобразилъ о. миссіонеръ то, какъ эти начетчики пытаются защищать различные пункты старообрядческой безпоповщинской доктрины перетолкованіемъ различныхъ мѣстъ изъ твореній блаженнаго Иеронима. На пятомъ собесѣдованіи воспитаникъ Черницынъ предложилъ чтеніе на тему: „Согласно ли со словомъ Божиимъ учать штундобаптисты объ евхаристіи, какъ о простомъ воспоминаніи страданій и смерти Спасителя“, и воспитаникъ Евфимьевъ— „Согласно ли со словомъ Божиимъ ученіе хлыстовъ о многократныхъ перевоплощеніяхъ Христа въ различныхъ людяхъ“. На это собесѣдованіе были приглашены мѣстные хлысты, но они не явились. Миссіонеръ Граціанскій подробно изложилъ выработанные имъ методы собесѣдованій съ хлыстами.

Обо всѣхъ этихъ бесѣдахъ старообрядцы и сектанты были извѣщены особыми объявленіями, выставленными на видныхъ мѣстахъ. Всѣмъ старообрядческимъ наставникамъ г. Новочеркасска эти объявленія были разосланы въ особыхъ пакетахъ. Объявленія о бесѣдахъ печатались и въ мѣстныхъ газетахъ. Старообрядцы и сектанты, правда, въ незначительномъ количествѣ, все-таки посѣщали эти бесѣды.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

∞ *Клятвы соборовъ и клятвы отцовъ.* Въ газетахъ промелькнуло какъ-то извѣстіе, что предполагаемый соборъ Русской церкви, въ видахъ сближенія нашихъ старообрядцевъ съ православіемъ, долженъ будетъ снять съ нихъ клятвы большого Московскаго Собора. Кто знакомъ съ опредѣленіемъ послѣдняго Собора, тотъ знаетъ, на комъ и за что лежатъ его пореченія. „Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе“...—гласятъ дѣянія Собора 1667 года—„передаемъ и повелѣваемъ вѣзмъ неизмѣнно хранить и покоритися святѣй восточнѣй церкви, аще ли же кто не поступитъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покоритися святой восточной церкви и сему освященному собору или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы такового противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа извергаемъ... отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ Церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и придетъ въ правду покаяніемъ“ (Мат. для ист. р. л. II, стр. 218—219). Отсюда ясно, что на ищущихъ единенія съ Православною Церковію и присоединившихся къ ней соборныя клятвы не простираются. Слѣдовательно, не въ этихъ клятвахъ таится причина средостѣнія между православіемъ и расколомъ.

Гдѣ-же она? Что препятствуетъ примирительному движенію раскольниковъ-старообрядцевъ съ Православною Церковію? Чѣмъ заглушается материнскій голось Церкви въ сердцахъ старовѣровъ? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ статьѣ „Первые плоды вѣротерпимости“, помѣщенной въ № 10477 „Нов. Времени“. „Вся стойкость старообрядчества, по словамъ одного послѣдователя старой вѣры, держится на страшныхъ заклятїяхъ, положенныхъ умершими дѣдами и отцами на своихъ внуковъ и дѣтей, чтобы они отнюдь не „общились“ съ членами господствующей Церкви“. Свидѣтельство это правдиво и не можетъ не обращать на себя вниманія. Пишущій эти строки опытно знаетъ, что послѣднимъ препятствіемъ къ присоединенію къ Православной Церкви не рѣдко служитъ заклятїе родителей держаться своей вѣры. Когда доводы и доказательства въ пользу истины Православія сдѣлали свое дѣло, когда, повидимому, не осталось препятствій къ присоединенію даннаго лица къ Православной Церкви, усилія миссіонера, точно о гранитную скалу, разбиваются о могучую препопу отцовскихъ клятвъ. И это нужно сказать не только о раскольникахъ-старообряд-

цахъ. Подобныя заклѣтія, какъ это видно изъ свидѣтельствъ миссіонеровъ, существуютъ и въ средѣ сектантовъ-штундистовъ.

Что въ такихъ случаяхъ дѣлать миссіонеру? Конечно, онъ долженъ указать на извѣстныя слова Господа Своимъ ученикамъ о любви къ Нему (Мѡ. 10, 37), привести въ примѣръ отвѣтъ св. апостоловъ начальникамъ іудейскимъ (Дѣян. 4, 19) и проч. А миссіонеръ-пастырь данною ему властью взять и рѣшать (Іоан. 20, 21—23) можетъ и долженъ снять страшное для потомковъ родительское заклѣтіе, какъ не соотвѣтствующее духу ученія Христова. (См. Е. В.).

∞ *Печальная знаменія времени.* Преосвященный Гурій, епископъ Симбирскій, усмотрѣвъ въ журналахъ благочинническихъ собраній демонстративную настроенность духовенства противъ епархіальной власти, къ свѣдѣнію духовенства епархіи опубликовалъ резолюцію, въ которой, между прочимъ, говорится о такихъ не порядкахъ въ собраніяхъ духовенства: „собраніемъ духовенства завладѣваютъ двое-трое изъ молодыхъ священниковъ, проникнутыхъ крайнимъ либерализмомъ въ своихъ сужденіяхъ по современнымъ теченіямъ жизни и съ дерзостію настаивающихъ, чтобы всѣ соглашались съ ихъ разсужденіями, — при чемъ никакихъ возраженій они не допускаютъ: прямо забиваютъ словами въ два-три голоса, повышаемаго на нѣсколько тоновъ до крика. При такихъ хаотическихъ разсужденіяхъ на благочинническихъ сѣздахъ духовенства, по признанію благочестныхъ іереевъ, приходится подписываться къ постановленіямъ собраній противъ совѣсти потому только, что такъ рѣшаетъ вопросъ большинство присутствующихъ, подъ вліяніемъ верховодовъ собранія. Въ виду этого я полагаю бытъ благочинническіе округа, гдѣ имѣются либерально-ярые священники, озлобленные противъ епархіальной власти, совершенно освободить отъ обсужденія вопросовъ изъ современной церковно-общественной жизни, по предложеніямъ епархіальнаго начальства. Сами по себѣ пусть они судятъ-рядятъ о нихъ сколько угодно и какъ угодно“ („Симб. Еп. Вѣд.“ № 6, ч. офф. отр. 58—59).

∞ *О духовныхъ слѣдователяхъ.* Во „Владикавказскихъ Еп. Вѣдом.“ пишутъ: „Оффиціальныи слѣдователь въ духовномъ вѣдомствѣ есть излишняя, ненужная намъ личность по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) слѣдователь этотъ все равно такой же юристъ, какъ и всѣ прочіе пастыри. Образовательный цензъ его ничуть не превышаетъ ценза и прочихъ — всѣ семинаристы, да иногда и не окончившіе. Спрашивается, зачѣмъ отличать, выдѣлять, дѣлать своего рода начальствомъ этого одного счастливица изъ среды другихъ десятковъ, когда и я, и другой и пятый и десятый вполне можемъ справиться по руководствамъ съ любымъ нашимъ слѣдствіемъ въ станицѣ?..

2) Послѣ этого къ чему обременять платою особыхъ суточныхъ и проѣздныхъ этому „форменному“ слѣдователю, проѣзжающему иногда за цѣлыя пять десятковъ верстъ на тройкѣ, когда и все то слѣдствіе двухъ грошей не стоитъ? Далѣе, они напрасно только беспокоятъ причты, затягивая веденіе слѣдственныхъ дѣлъ. Мы не говоримъ ужъ здѣсь про слѣдствія надъ причтомъ... Сначала пишутъ причту: „дать свѣдѣнія“, „выслать метрику одну, другую, третью“, „копію прислать“, „подлинникъ списать“, „справки навести“, „удостовереніе прислать“,

„свидѣтелей прислать“, „допросить родителей“, „къ присягѣ привести“, „правда это или нѣтъ—узнать“, „крестъ прислать, евангеліе выдать, епитрахиль принести“, „прийти въ общественную квартиру“, „вновь туда же явиться“, „новое удостовѣреніе написать“... Не лучше ли устроить такъ: слѣдовательскую должность уничтожить, всѣ слѣдственные дѣла по приходу поручать мѣстному причту; слѣдствія надъ священниками по проступкамъ важнымъ производить комиссіи окружныхъ священниковъ, съ обязательнымъ условіемъ—не назначать въ комиссію враговъ подсудимаго, тяжбы между причтомъ разбирать домашнимъ образомъ непосредственно или архіерею, или самимъ окружнымъ священникамъ по порученію владыки, т. е. учинить самосудъ, цѣлью котораго должно быть не наказаніе, а примиреніе; путевыя издержки взыскивать не съ церкви, а съ обвиняемыхъ. Тогда жалобы уменьшатся, прекратятся и суды“. („Владик. Еп. Вѣд.“).

∞ *Дайте свѣту!* Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ „Вятск. Епарх. Вѣдом.“ статья свящ. Ардашева, рисующая намъ крайнюю религіозную темноту далекихъ вотскихъ уголковъ. Вотяки, говоритъ авторъ, „по плоти и духу—язычники и христіане—по имени. Христіанство коснулось лишь только верхушекъ. Знаютъ они, что они христіане, крещеные, что „Крестосъ“—Богъ, что родится ребенокъ—крестить надо, выростетъ—женить, а умереть похоронить: постомъ нужно на „сповѣдь кодить“, предъ смертію также, а то „коронить“ не стануть. Въ извѣстное время надо принимать „бачка“, иконы,—молиться по русски. Этимъ и исчерпывались познанія въ христіанствѣ и отношенія къ нему шудзимонцевъ и подобныхъ имъ.—При всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать и крѣпко хранить завѣты языческой старины—править моленія и праздники злымъ и добрымъ богамъ, оканчивающіеся обыкновенно грязнымъ разгуломъ, варить кумышку, существенно необходимую принадлежность всѣхъ языческихъ моленій и праздниковъ, слушаться своихъ „тунно“ и пр. Однимъ словомъ, „русской вѣра править и свой не забывать“.

Подобное религіозное состояніе—даже и не двоевѣріе, какъ называютъ его нѣкоторые миссіонеры. Нѣтъ, это язычество, язычество по убѣжденію, язычество во всемъ его мрачномъ безобразіи, слегка лишь прикрытое именемъ христіанства. На одной параллели съ религіознымъ состояніемъ, стоятъ умственное и нравственное развитіе вотяковъ. Невѣжество полное—если можно выразиться—цѣльное, нетронутое. Говори вотякамъ какую угодно небылицу—повѣрять. Скажи, что земля стоитъ на трехъ китахъ—безусловно повѣрять,—жена турецкаго царя родная дочь Шайтана—повѣрять,—тамъ-то летаетъ шестиглавый змѣй съ хвостомъ въ тысячу верстъ—повѣрять, а если посомнѣваются, покажи клочекъ печатной бумаги: тутъ, молъ, написано про это—окончательно повѣрять.

Нравственность, въ зависимости отъ язычества, приняла здѣсь чудовищно-уродливыя формы. Повальное пьянство, самый грязный развратъ—явленія, по взгляду вотяковъ, нормальныя, какъ освященная стариной: старики такъ дѣлали, и намъ велѣли—„некоршо“ ломать стариковскій обычай!“ Школъ у вотяковъ мало, и прививаются онѣ туго. Проповѣдь пастыря бесплодна на каменной почвѣ.

Ни откуда нѣтъ притока свѣта, чистаго воздуха!

Крѣпко спитъ вотякъ во тьмѣ и снѣи смертной...

Зато какой благодатной почвой является вотякъ для всякаго рода спекуляцій, то чудовищно гнусныхъ, ужасныхъ, отъ которыхъ „горькою болью сжимаются сердце, злобно безслышныя слезы текутъ“, то—смѣшныхъ до упаду, до гомерическихъ слезъ. Спекулянты—шарлатаны обыкновенно изъ числа мелкихъ торгашей—татаръ, различныхъ Юсупокъ, Галеевъ, Ахматовъ. Они пророчествуютъ, нашептываютъ, лѣчатъ, ворожатъ, торгуютъ, воруютъ, пируютъ, развратничаютъ. При торговлѣ немилосердно обманываютъ. И не перечесть всего.

При всемъ этомъ, Юсупки—желанные гости вотяковъ. Эксплоатируя самымъ безсовѣстнымъ образомъ простосердечіе и невѣжество вотяковъ, Юсупки всѣ силы употребляютъ къ тому, чтобы возможно дольше удержатъ ихъ въ темномъ язычествѣ“.

Про однихъ ли только вотяковъ можно сказать: „свѣту жоца! побольше свѣту“! Не относится ли это ко всей Руси, утопающей нынѣ въ тинѣ невѣрія, лжи, человѣконенавистничества и злобы! Вся Русь пуждается въ тѣхъ, кто можетъ и силенъ дать ей истинный свѣтъ правды Христовой...

« Дерзкое нападеніе злоумышленниковъ на монаховъ, охраняющихъ святой колодезь Тихоновой пустыни. Въ срединѣ темной ночи съ 15 на 16 апрѣля завѣдывающій братією на святомъ колодезѣ Тихоновой пустыни, старецъ 73 лѣтъ, іеромонахъ Порфирій былъ разбуженъ нѣсколькими послѣдовательными ударами въ окно своей келіи, при чемъ было разбито 4 стекла. Встревоженный, онъ вскочилъ съ постели и съ крикомъ бросился изъ келіи съ цѣлю ударить въ колоколь, висѣвшій у его крыльца, но едва отворилъ дверь—его схватили за плечи два злоумышленника и со словами „стой, куда ты“, повалили на полъ, одинъ схватилъ его ноги, другой сталъ колѣномъ на грудь и началъ душить: старецъ посильно сопротивлялся и громко кричалъ. Тогда одинъ изъ злоумышленниковъ снялъ съ себя кушакъ и крикнулъ: „молчи“, „бей его“! а другой зажегъ спичку и осматривался, какъ бы что отыскивая, вѣроятно, впослѣдствіи найденный здѣсь желѣзный гвоздодеръ. Человѣкъ, душившій о. Порфирія, снялъ съ себя кушакъ, стараясь обмотать его вокругъ шеи и головы старца, но послѣдній все еще продолжалъ сопротивляться. Тогда злоумышленникъ сталъ втискивать ему въ ротъ кушакъ и о. Порфирій не могъ уже звать на помощь. Въ этотъ моментъ послѣдовали удары въ колоколь, находящійся надъ окномъ церкви. Раздался крикъ двухъ другихъ злоумышленниковъ „не смѣй звонить“ и одинъ за другимъ произведены два выстрѣла въ монаха Агапита, выскочившаго изъ своей келіи на стоны и бряки о. Порфирія. Корпусъ, въ которомъ находится келія о. Агапита, расположенъ по другую сторону двора. Бросившись въ одномъ нижнемъ бѣльѣ къ тому колоколу, въ который обыкновенно звонятъ къ правилу, онъ нашелъ веревки и съ помощью ихъ вскочилъ на нижнюю обшивку стѣны церкви, ухватившись лѣвою рукою за косякъ окна и тогда досталъ веревку и сталъ ударять въ колоколь. Видимо эта веревка была умышленно подтянута или обрѣзана. Вторымъ выстрѣломъ Агапитъ слегка раненъ нѣсколькими дробиными въ ногу, онѣ, въ числѣ около 60, пробили рубаху о. Агапита и глубоко

засѣли въ обшивкѣ церкви. Повидимому выстрѣлъ былъ произведенъ на близкомъ разстояніи отъ монаха Агапита и церкви, такъ какъ дробь попала въ стѣну кучею, занимая площадь въ діаметрѣ не болѣе 3—4 вершковъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ плотника Громова, выбѣжавшаго изъ 3-го корпуса „ребята, вставайте на помощь“. Раздался третій выстрѣлъ по направленію къ Громову и этимъ выстрѣломъ сдѣлана пробоина въ стеклѣ двери и отщеплены кусочки косяка, другой внутренней двери. Сплюснутая револьверная пуля найдена впоследствии здѣсь же на полу. Въ это время о. Порфирія злоумышленники уже оставили и онъ направился въ свою келію, а о. Агапитъ бросился было къ колокольнѣ, чтобы ударить въ большой колоколъ, но его не пустили, при чемъ злоумышленники кричали: „гдѣ у васъ здѣсь находятся монахи, у которыхъ деньги, веди насъ къ нимъ“, но тутъ же кто-то изъ нихъ крикнулъ: „ша, ша“, что въобщитно было сигналомъ къ отсузленію и злоумышленники направились въ ворота, которые по случаю ремонта забора на замок не запирались и уже въроятно заранѣе ими были отворены. О. Агапитъ слышалъ, какъ одинъ изъ злоумышленниковъ сказалъ „поѣдемъ“ и вслѣдъ затѣмъ раздался топотъ копытъ и стукъ колесъ. Надо полагать, злоумышленниковъ ожидали у святыхъ воротъ одна или нѣсколько подводъ. Стороожъ монахъ совершалъ свой обходъ въ эту ночь до 12 часовъ. Всѣхъ монаховъ, вмѣстѣ съ о. Порфиріемъ, на святомъ колодцѣ находилось 6 человекъ, а плотниковъ ночевало здѣсь въ эту ночь 8 человекъ. Никто изъ бывшихъ на святомъ колодцѣ заявить объ этомъ событіи въ обитель не пошелъ до 6 час. утра и такимъ образомъ злоумышленникамъ была полная возможность скрыть свои слѣды. Мѣстный полицейскій урядникъ, находившійся по дѣламъ службы въ участкѣ, узналъ объ этомъ происшествіи только въ началѣ 12 часа дня. Найденный на мѣстѣ преступленія желѣзный гвоздодеръ имѣетъ въ длину 12 вершковъ и вѣситъ 3 фунта. Злоумышленники проникли во дворъ свободно, такъ какъ ограда въ двухъ мѣстахъ, вслѣдствіе ремонта, была разобрана.

(„Калуж. Губерн. Вѣдом.“ № 41).

∞ *Постановленіе 2 го округа Аккерманскаго уѣзда, состоявшееся 8-го февраля.*

1. Усилить энергію пастырей Церкви настолько, чтобы они во всякое время были готовы отвѣчать на всѣ требованія прихожанъ, чтобы интересы прихожанъ въ религіозно-нравственномъ, просвѣдительно и благотворительномъ отношеніяхъ были бы насущною потребностью пастыря прихода; объединить интересы пастыря и прихожанъ такъ, чтобы каждый пастырь заботился прежде всего о пасомыхъ. 2. Самую существенную помощь прихожанамъ пастырь можетъ оказать въ дни голодовокъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, при помощи церковно-приходскихъ попечительствъ. Посему необходимо открыть во всѣхъ приходахъ церковно-приходскія попечительства, которыя будутъ производить всякія пожертвованія по положенію о попечительствахъ и, между прочимъ, на поддержку бѣдныхъ прихожанъ въ несчастныхъ случаяхъ. 3. Открыть церковно-приходскія совѣты, въ составъ которыхъ входило бы не больше 12 членовъ изъ людей благонадежныхъ и испытанныхъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. 4. Открыть по мѣрѣ возможности общія церковно-приходскія собранія по предпо-

ложенію окружного благочиннаго, на которыхъ онъ долженъ на первыхъ порахъ присутствовать для руководства и совѣта. 5. При обновленіи жизни прихода необходимо предъявить новыя требованія и къ псаломщикамъ, которые и по нынѣшнему положенію должны быть помощниками для проведенія извѣстныхъ пастырскихъ идей въ жизни прихода, обращать особенное вниманіе на ихъ правоспособность: чтобы они и сами обладали хорошимъ голосомъ и могли бы устроить хоры пѣвчихъ изъ любителей прихожанъ и учениковъ и ученицъ церковныхъ школъ и народныхъ училищъ М. Н. Просвѣщенія, а также могли бы устраивать общее хоровое пѣніе въ церкви. Хорошее хоровое и общее пѣніе въ храмахъ, сопровождаемое отчетливымъ произношеніемъ словъ пѣснопѣній и молитвъ церковныхъ, глубоко западаютъ въ души и сердца молящихся и, какъ сѣмя, павшее на добрую почву, приноситъ обильный плодъ, такъ и всякій христіанинъ, проникнутый до глубины души хорошимъ мелодичнымъ пѣніемъ, можетъ получить любовь и привязанность къ церкви и всему, что въ ней видитъ и слышитъ. Псаломщиковъ, не способныхъ къ выполненію своихъ обязанностей, престарѣлыхъ и, въ особенности, съ крупными недостатками, увольнять безъ всякихъ предварительныхъ слѣдствій, по экзамену въ епархіальной комиссіи, или по суду товарищей округа. 6. Недоразумѣнія между членами причта и между причтомъ и прихожанами разрѣшать не нынѣшнимъ порядкомъ чрезъ духовныхъ слѣдователей, а предварительно сдавать таковыя на судъ товарищей и только въ серьезныхъ случаяхъ передавать разслѣдованію чрезъ слѣдователей.

Для выполненія всѣхъ указанныхъ мѣропріятій необходимо слѣдующее: усердіе и энергія—эти качества могутъ появиться у пастыря тогда, когда онъ настолько будетъ обезпеченъ, чтобы нужды его семьи не отвлекала его отъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей, а для возбужденія безпрерывной энергіи и усердія въ пастырѣ церкви на пользу пастыи нужно: 1. обезпечить священниковъ содержаніемъ, именно: къ нынѣшнему источнику дохода—арендной платѣ за землю—назначить жалованье отъ казны, чтобы священникъ вовсе не зависѣлъ отъ прихожанъ, а, напротивъ, чтобы самъ могъ помочь бѣднымъ прихожанамъ. Если же и при этомъ способъ обезпеченія духовенства окажутся священники, которые будутъ вымогать у прихожанъ, таковыхъ немедленно лишить приходовъ. 2. Для образца веденія пастыремъ своего дѣла въ приходѣ нужно выписать руководства, которыя бы руководили пастыря, какъ вести пастырское дѣло въ приходѣ.

Вотъ тѣ мѣропріятія, которыя, по мнѣнію духовенства округа, могутъ способствовать наилучшей, при настоящихъ условіяхъ, постановкѣ вопроса объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній.

отъ Предложеніе Преосвященнаго Серафима Орловской духовной консисторіи. „Въ городахъ интеллигенція, сочувственно относящаяся къ возрожденію приходской жизни и состоящая членами приходскихъ совѣтовъ, обратилась ко мнѣ съ просьбою относительно просвѣтительной дѣятельности приходовъ. Дѣло въ томъ, что не всѣ священники бывають способны проповѣдывать живымъ словомъ, вести собесѣдованія и даже читать произведенія св. отцевъ, а многіе очень заняты

требамн. Поэтому необходима имъ помощь. Прихожане очень желали бы слушать религіозно-нравственныя чтенія. Поэтому прошу разъяснить чрезъ благочинныхъ всѣмъ священникамъ, что я разрѣшаю чтеніями заниматься не только клиру, но и мірянамъ, членамъ приходскихъ совѣтовъ и боголюбивымъ прихожанамъ, съ благословенія о.о. благочинныхъ и подъ наблюденіемъ настоятелей церквей. Есть міряне, которые съ любовью читаютъ въ церквахъ св. Апостоль и Дѣянія; почему же имъ не читать на собраніяхъ творенія св. отцевъ, св. Тихона Задовскаго, св. Іоанна Златоустаго, Святителя Теофана или такія книги, какъ „Духовныя основы жизни“ В. С. Соловьева. Это необходимо для поднятія интереса въ обществѣ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Но только эти чтецы должны быть люди, пользующіеся довѣріемъ духовенства. Собранія должны происходить разъ въ недѣлю“. („Орл. Еп. Вѣд.“ № 13).

⚪ *Миссіонерскія собесѣдованія со старообрядцами въ г. Новочеркасскъ.* 20—23 апрѣля сего года въ зданіи Новочеркасской народной читальни происходили публичныя собесѣдованія миссіонеровъ протоіерея Н. Кутепова и свящ. І. Артемьева съ защитниками старообрядчества (австрійскаго окружническаго голка) К. А. Перетрухинымъ и его сыномъ І. К.

20-го (съ 4 ч. веч.) была проведена бесѣда о вѣчности церкви Христовой, о необходимости въ ней епископскаго служенія; 21-го (съ 5 ч. веч.) о незаконности по суду церковныхъ канонѣвъ перехода м. Амвросія въ старообрядческую бѣлокриницкую общину; 22-го (съ 10 ч. у.) о томъ же и 23-го (съ 4 ч. веч.) о измѣненіи обрядовъ русской церкви со времени патріарха Никона и о клятвахъ соборовъ 1666—1667 гг.

О. протоіерей Кутепо въ збличалъ неправоту старообрядчества доводами св. Библии и книги Кормчей. Защитники старообрядчества уклонялись отъ прямыхъ обличеній и уходили въ церковно-историческія частности. На полѣ историческихъ и каноническихъ справокъ съ полнымъ успѣхомъ обличилъ неправоту старообрядческой защиты о. І. Артемьевъ. Бесѣды были заключены прочувствованной рѣчью о. Кутепова, въ которой онъ вручалъ посвященное миссіей возвращающей силѣ Божіей и убѣждалъ слушателей просить Господа о дарованіи общаго мира и единенія всѣхъ.

О фотографическомъ снимкѣ правой руки преп. Спиридонія просфорника.

Въ 3-мъ номерѣ „Старообрядца“ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Правая рука мощей преп. Спиридонія просфорника“, а послѣ статьи, на стр. 294, помѣщенъ рисунокъ руки преп. Спиридонія, лежащаго во гробѣ, покрытомъ покровомъ. Подъ рисункомъ подписано: „Фотографическій снимокъ правой руки преп. Спиридонія просфорника“.

Въ пояснительной статьѣ къ этому рисунку между прочимъ говорится: „Съ 1864 года стали печатать въ предисловіи къ синодальнымъ псалтырямъ, что правая рука мощей преп. Спиридонія просфорника имѣеть триперстное сложеніе. Вотъ что объ этомъ читаемъ въ „Псалтири“: *„Желающій несомнѣннаго древняго свидѣтеля собственными очами видѣти, да идетъ во святую кіево-печерскую лавру въ пещеры къ святымъ мощамъ препод. Спиридона просфорника, и узритъ десницу его, яже, якоже въ часъ кончины своя троеперстно сложию для крестнаго знаменія, тако сложенною пребываетъ и донынѣ близъ седми сотъ лѣтъ“* ¹⁾. (Предислов. къ учебн. Псалтир. л. 10, изд. Москва 1898 г.).

...„Пастыри правительственной церкви не представили, при этомъ сказаніи, снимка съ руки преп. Спиридонія“... Однако нѣкоторые старообрядцы сами позаботились восполнить этотъ пробѣлъ и сняли фотографическій снимокъ съ руки преп. Спиридонія. Что же оказывается? Оказывается, что рука эта не имѣеть никакого перстосложенія: она сложена просто въ кулакъ, только не плотно, такъ что большой палецъ лежитъ на второмъ суставѣ указательнаго, концомъ наружу, а концы остальныхъ пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони. Какъ же изъ такого положенія пальцевъ сдѣлать триперстіе? А очень просто: эту руку показываютъ большимъ пальцемъ къ зрителю, такъ что онъ загоразиваетъ концы остальныхъ пальцевъ, и выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ триперстіе. Это всякій можетъ испытать на своей рукѣ.

„По представленному при семъ фотографическому снимку съ руки мощей преп. Спиридонія всякъ наглядно можетъ убѣдиться, сколько правды въ проповѣди свнода, будто она имѣеть триперстное сложеніе“ (Старообр. № 3, стр. 293).

Очевидно снимокъ сдѣланъ старообрядцами съ цѣлію обличить Свнодъ въ томъ, что рука не имѣеть триперстнаго сложенія. Снятый старообрядцами рисунокъ, по словамъ старообрядца, показываетъ, что рука „сложена просто въ кулакъ, только неплотно... концы остальныхъ пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони. Это разсужденіе показываетъ колебаніе старообрядца въ своихъ сужденіяхъ. Онъ положительно говоритъ: рука „сложена просто въ кулакъ“, но своими оговорками — „неплотно“, „концы пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони“—опровергаетъ свою мысль—„сложена въ кулакъ“, а доказываетъ, что рука не сложена.

И въ самомъ дѣлѣ—персты указательный и великосредній протянуты мало наклонно, а безъимянный и мизинецъ видятся согбенными, но насколько они согнуты?—Рисунокъ точнаго отвѣта не даетъ.

¹⁾ Курсивъ «Старообрядца».

Большой палец только боковой стороною видѣется изъ подъ указательнаго перста, а концомъ своимъ даже немного выдается вправо изъ подъ покрывающаго его указательнаго перста. И видится: Большой и указательный персты плотно соединены, изъ которыхъ—указательный персть покоится на большомъ,—средній персть нѣсколько отклонился отъ указательнаго перста, но, хотя неплотно, примыкаетъ къ нему; однако онъ также вытянуть, какъ и указательный. Однимъ словомъ—три первые перста протянутые составляютъ троеперстіе.

И самъ составитель объяснительной статьи къ рисунку невольнo проговаривается, что рисунокъ изображаетъ троеперстіе. Онъ говоритъ: „большой палецъ лежитъ на второмъ суставѣ указательнаго, концомъ наружу“ (другими словами—большой палецъ лежитъ подъ указательнымъ), „а концы остальныхъ пальцевъ“ (отдѣляемые большимъ пальцемъ отъ ладони) „въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони“. „Какъ же изъ такого положенія пальцевъ сдѣлать триперстіе?“—спрашиваетъ составитель статьи, и отвѣчаетъ: „А очень просто: эту руку показываютъ большимъ пальцемъ къ зрителю, такъ что онъ загороживаетъ (а на рисункѣ большой-то палецъ загороженъ указательнымъ) концы остальныхъ пальцевъ, и выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ три перстіе. Это всякій можетъ испытать на своей рукѣ“. Да, слѣдуетъ только сложить персты триперстно. Такъ, и старообрядцу совѣсть подсказываетъ, что перстосложеніе у преп. Спиридона триперстное,— „выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ триперстіе“, — но упорство въ отрицаніи истины вынуждаетъ его утверждать, что „рука эта не имѣетъ никакого перстосложенія: она сложена просто въ кулакъ“!

Еще одно замѣчаніе. Сколько извѣстно,—рука, положенная на грудь, имѣетъ большой палецъ обращенный къ головѣ, а мизинецъ — къ ногамъ, а здѣсь наоборотъ. Странно. И разъясненіе къ рисунку и самый рисунокъ тщатся одинаково превратно изложить обличающее раскольниковъ свидѣтельство древности троеперстія.

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи 1).

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Въ виду огромнаго историческаго значенія разнородности взглядовъ Государя и Св. Синода на одинъ и тотъ же предметъ—иконописаніе,— для полноты картины, которой посвящена настоящая статья, я приведу полностью указъ и опредѣленіе Св. Синода, чтобы имѣть возможность сдѣлать на него ссылки.

„Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Владимірскому губернскому правленію. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ *слушали*: 1) три прошенія уполномоченныхъ сельскими обществами, Мстерскимъ, Палеховскимъ, Вязниковскаго уѣзда, крестьянъ: Александра Купчихина, Петра Бороздина и учителя иконописной школы Михаила Цѣпкова, изъ коихъ одно, отъ 19 мая сего года на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода преосвященнаго митрополита кіевскаго, и два отъ 16-го того же мая и 12 августа сего года, на имя Святѣйшаго Синода, — съ жалобою на выдѣлку московскими фабрикантами Жако и Бонакеръ иконъ на жести и съ просьбою или совѣтъ запретить изготовленіе означенныхъ иконъ, или не дозволять духовнымъ учрежденіямъ приобрѣтеніе и продажу этихъ иконъ, а также иконъ на бумагѣ, набитыхъ или наклеенныхъ на доски; 2) прошенія по тому же предмету крестьянъ-иконописцевъ

1) См. „Миссіонерское Обзорѣніе“, № 5.

села Холуя того же уѣзда; 3) донесеніе преосвященнаго митрополита московскаго отъ 12 іюля сего же года за № 368, о томъ, что изготовляемыя вышеупомянутыми фабриками иконы выпускаются въ обращеніе не иначе, какъ съ дозволенія духовной цензуры и съ указаніемъ на вѣроисповѣдную принадлежность владѣльцевъ сихъ фабрикъ, и 4) предложеніе, 17 августа сего года за № 5508, исполнявшаго обязанности синодальнаго оберъ-прокурора, отношенія управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ отъ 5 августа того же года за № 246, съ отзываетъ по предмету означенныхъ ходатайствъ вышеупомянутыхъ иконописцевъ. *Приказали:* Уполномоченные сельскихъ обществъ, Мстерскаго и 1-го и 2-го Палеховскихъ Вязниковскаго уѣзда, крестьяне Александръ Купчихинъ и Петръ Бороздинъ и учитель иконописной школы Михаилъ Цѣнговъ въ прошеніяхъ отъ 16-го и 19 мая сего года, изъ коихъ первое, на имя Святейшаго Синода, а второе — на имя первоприсутствующаго члена онаго, преосвященнаго митрополита кievскаго, ходатайствуютъ о воспрепятствованіи производства иконъ на жести, выдѣлываемыхъ московскими фабрикантами Жако и Бонакеръ, или же по крайней мѣрѣ о недозволеніи всѣмъ духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать и продавать эти иконы, а также иконы на бумагѣ, набитыя или наклеенныя на доски, объясняя, что съ развитіемъ фабричнаго производства всѣхъ этихъ иконъ и установленіемъ по сему сравнительной дешевизны ихъ, невозможно существованіе иконописнаго промысла, которымъ занято нынѣ до 3,800 человекъ, проживающихъ въ селахъ Мстерѣ и Палехѣ, не считая жителей окрестныхъ селъ и деревень, занимающихся другими промыслами, вызываемыми иконописаніемъ, и насчитываемыхъ въ одномъ только 2-мъ участкѣ Вязниковскаго уѣзда до 32,000 человекъ, которымъ по указанной причинѣ грозитъ разореніе. Затѣмъ, при прошеніи отъ 12 августа сего года тѣ же лица, въ доказательство непочтительнаго отношенія къ святынямъ фабрикантовъ печатныхъ иконъ на жести, представили жестяной ящикъ изъ-подъ масла, сдѣланный изъ таковыхъ иконъ. Кромѣ крестьянъ, иконописцы с. Холуя того же уѣзда въ прошеніи Святейшему Синоду отъ 30 іюня сего года излагаютъ такъ же ходатайства. Независимо сего управляющій министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, отношеніемъ отъ 5 августа сего года за № 246, сообщилъ г. синодальному оберъ-прокурору, что кустари

иконописцы Вязниковскаго уѣзда обратились въ министерство земледѣлія съ просьбою о поддержаніи передъ Св. Синодомъ ходатайства ихъ о недопущеніи въ монастыряхъ, церквахъ и подвѣдомственныхъ Св. Синоду учрежденіяхъ иконъ, изготовляемыхъ фабричнымъ способомъ посредствомъ печатанія на жести. Посему, и въ виду того, что кустарнымъ иконописнымъ промысломъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ занимается все мужское и большая часть взрослого женскаго населенія села Холуй, сель Мстеры и Палехъ и нѣкоторыхъ другихъ селеній, всего свыше 8,000 человекъ, а также значительное число кустарей въ Харьковской губ. и другихъ мѣстностяхъ Россіи, и что конкуренція дешевыхъ печатныхъ иконъ фабричнаго издѣлія безъ сомнѣнія понизитъ спросъ на болѣе дорогіе образа ручной живописной работы, и тѣмъ лишитъ многихъ кустарей иконописцевъ ихъ единственнаго источника существованія, — тайный совѣтникъ баронъ Искуль проситъ г. обер-прокурора не оставить безъ вниманія вышеозначеннаго ходатайства кустарей иконописцевъ Вязниковскаго уѣзда. Изъ доставленныхъ преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ, по запросу Св. Синода, свѣдѣній относительно представленія въ духовную цензуру изготовляемыхъ московскими фабриками Жако и Бонакеръ иконъ и вѣроисповѣдной принадлежности собственниковъ сихъ фабрикъ оказывается: 1) всѣ иконы, изготовляемая означенными фабриками, печатаются и выпускаются въ обращеніе не иначе, какъ съ разрѣшенія согласно требованій 277 ст. ценз. уст. изд. 1890 года, и разрѣшенія печатаются на каждой иконѣ, и 2) Августъ Жако — французскій гражданинъ, постоянно живущій въ Парижѣ, вѣроисповѣданія римско-католическаго и главный уполномоченный директоръ фабрики и распорядитель всего дѣла въ Москвѣ французскій гражданинъ Генрихъ Ландрю, на имя котораго и выдано свидѣтельство на право производства печати изъ канцеляріи Его Императорскаго Высочества генерала - губернатора, постоянно живетъ въ Москвѣ и вѣроисповѣданія римско-католическаго. Завѣдующимъ же фабрикою по довѣренности состоитъ московскій мѣщанинъ Владиміръ Париковъ, вѣроисповѣданія православнаго. Владиміръ Бонакеръ прусскій подданный, живущій постоянно въ Россіи, вѣроисповѣданія лютеранскаго. Обсудивъ изложенное и принимая во вниманіе, 1) что всѣ изготовляемая на фабрикахъ Жако и Бонакеръ иконы на жести выпускаются въ обращеніе съ разрѣшенія духовной цензуры, 2) что къ

воспрещенію иконъ на жести не оказывается достаточныхъ основаній ни въ канонахъ, ни въ преданіяхъ православной церкви, такъ какъ отъ прежняго времени и доннѣ не мало сохранилось металлическихъ священныхъ изображеній, 3) что въ силу 100-й ст. устава о пред. и пресѣч. прест. т. XIV, изданія 1890 года, изготовленіе и продажа предметовъ чествованія христіанъ воспрещается лишь не христіанамъ, а собственники вышеупомянутыхъ фабрикъ принадлежатъ хотя и не къ православнымъ, но христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, а завѣдующій фабрикою Жако православный, 4) что указываемое просителями и управляющимъ министерствомъ земледѣлія г-ну синодальному оберъ-прокурору, что кустары-иконописцы Вязниковскаго уѣзда обратились въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ вопросомъ объ устраненіи экономическихъ затрудненій кустарей-иконописцевъ, происходящихъ отъ распространенія издѣлій вышеупомянутыхъ фабрикъ, не можетъ быть предметомъ заботы духовнаго вѣдомства и 5) что представленный при одномъ изъ прошеній уполномоченныхъ Мстерскаго и Палеховскихъ сельскихъ обществъ ящикъ изъ-подъ масла подлежитъ изытію изъ обращенія, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) вышеупомянутыя ходатайства кустарей отклонить, и 2) предоставить г. оберъ-прокурору а) увѣдомить управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, что Синодъ призналъ подлежащимъ особому обсужденію вопросъ о затруднительности положенія указанныхъ кустарей и б) войти съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношенія о воспрещеніи обращенія предметовъ обихода, подобныхъ представленному уполномоченными. Для исполненія сего опредѣлили передать въ канцелярію оберъ-прокурора, а для объявленія просителямъ послать Владимірскому губернскому правленію указъ, каковымъ увѣдомить для свѣдѣнія и преосвященнаго митрополита московскаго. Октября 23 дня 1899 года“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

„Отъ 6 февраля—3 мая 1902 года за № 564, о воспрещеніи съ 1 января 1903 г. продажи въ церквахъ и лавкахъ при церквахъ и монастыряхъ иконъ, печатанныхъ на жести. По возбужденному въ центральномъ управленіи Святѣйшаго Синода вопросу о воспрещеніи вся-

каго машиннаго производства печатныхъ подражаній рукописной иконѣ, Святѣйшій Синодъ, въ заботѣ о поддержаніи иконописнаго мастерства, опредѣленіемъ отъ 6 февраля—3 мая 1902 года за № 564, постановилъ: „объявить по духовному вѣдомству, чтобы въ церквахъ и монастыряхъ съ 1 января 1903 года не были продаваемы иконы, печатаемыя на жести“.

Я указалъ и разъяснилъ, добавивъ о новѣйшемъ приѣмѣ — *непосредственнаго печатанія иконъ на деревянныя доски*, что такого типа не могло быть „въ преданіяхъ православной церкви“. Такимъ образомъ этотъ аргументъ является уже нынѣ отпадающимъ. Что касается до выраженія о томъ, что „и донныѣ не мало сохранилось металлическихъ священныхъ изображеній“, то и эта ссылка теряетъ въ настоящее время свой вѣсъ, какъ не приложимая и не примѣняемая къ *деревянной* иконной фальсификаціи. Несомнѣнно, что некому было обратить вниманіе на устарѣлость духовнаго цензурнаго устава 1890 г., хронологически не могшаго имѣть въ своихъ статьяхъ указываемой мною разновидности иконно-печатнаго *новшества, неминуемо вводящаго въ обманъ* почти каждаго не спеціалиста. Указъ Св. Синода ясно говоритъ о сознаніи лицъ, его писавшихъ, что наша *высшая духовная инстанція признаетъ печатную икону поддѣльной*, именуя такую „подражаніемъ рукописной иконѣ“. Запрещеніе Св. Синодомъ продавать такія иконы въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ есть указаніе на *непригодность* печатныхъ иконъ для пользованія ими православнымъ людемъ. Но указъ этотъ *не исполняется нигдѣ*.

Указъ Святѣйшаго Синода, изданный въ руководство торговцамъ, не имѣлъ и не имѣетъ того значенія, какое присуще обыкновеннымъ гражданскимъ законамъ. Не смотря на то, что указъ касался только лицъ прямо подчиненныхъ Св. Синоду, таковыя не придали ему ровно никакого значенія, какъ будто его совсѣмъ не существовало. При отсутствіи контроля и карательныхъ мѣръ или принужденія исполнять указъ, а также при полной неразъясненности со стороны Св. Синода причинъ, вызвавшихъ его появленіе, также неудовлетворенія Св. Синодомъ основы ходатайства, запретить корень зла—печатаніе иконъ, указъ этотъ ничего не внесъ въ жизнь, кромѣ недоумѣнія на пассивность и безсиліе съ одной стороны и на злую волю со стороны торговцевъ. Еще до изданія указа, людьми свѣдущими предвидѣлись всѣ

случившіяся печальныя послѣдствія нежеланія видѣть въ печатной иконѣ, придѣланной къ доскѣ, поддѣлку подъ моленную рукописную икону, освященную вѣками. До появленія этихъ поддѣлокъ, которыя въ настоящее время вылились въ типъ тончайше предательской фальсификаціи посредствомъ *прямого печатанія* священныхъ изображеній непосредственно *на деревянныя доски*, въ Россіи функционировали сто шестьдесятъ тысячъ иконописцевъ, считая въ этомъ числѣ и ходобщиковъ (скупщиковъ и торговцевъ иконами, тоже иконописцевъ). Поддѣлки подъ иконы въ настоящее время уменьшили, въ силу неравной и неправой борьбы, число иконописцевъ до шестидесяти тысячъ. Два упомянутыхъ нами ходатайства, окончившіяся буквально ничѣмъ, учрежденіе комитета попечительства о русскомъ иконописаніи, тоже ничего не сумѣвшего добиться въ этомъ направленіи, выброшенная фабрикою за бортъ стотысячная армія иконописцевъ, ведшихъ свое дѣло отъ пра-пра-пра-дѣдовъ и ранѣе, все это довело нашихъ иконописныхъ тружениковъ до крайнихъ степеней законнаго недовольства. Если добавить ко всему этому неуваженіе свыше защиты чистоты рукописной иконы и сказавшееся въ результатѣ чуть ли не покровительство машиннымъ поддѣлкамъ, уже нанесшимъ православной иконописи жестокой, почти смертельный ударъ, то станутъ ясны тѣ волненія, которыя царятъ среди иконописцевъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ погрома, въ которомъ побѣдоноснымъ фельдмаршаломъ былъ профессоръ Н. В. Покровский. Державная воля, ясно высказанная при учрежденіи комитета, и, не имѣющей двухъ толкованій, Царскій наказъ о томъ, чего держаться въ дѣлѣ покровительства иконописанія, крѣпко поняты православными иконописцами, какъ истины, касавшіяся иконы и лелѣвшіяся въ сознаніи православнаго народа въ продолженіе вѣковъ. Видя Царскую волю нарушенною, нужды иконописанія нисколько не защищенными, въ декабрѣ 1905 года въ селахъ Владимірской губерніи Мстеры, Холуй и Палехъ, сплошь заселенныхъ иконописцами, возникла вновь мысль послать выборныхъ къ Государю съ просьбою, *по крайней мѣрѣ, заставить исполнять указъ Св. Синода*; что же касается до воспрещенія печатанія, то объ этомъ уже отложены были попеченіе и сколько-нибудь вѣскія надежды. Въ январѣ 1906 года депутаты отъ этихъ трехъ сель по 2 человекъ отъ cadaго имѣли счастье представиться Государю и лично подать прошеніе. На словахъ они просили

о воспрещеніи производства печатныхъ фальсификацій иконъ и ходатайствовали „по крайней мѣрѣ“ объ исполненіи указа Св. Синода. Депутации были представлены Государю графомъ С. Д. Шереметевымъ, председателемъ комитета. *Государю благоугодно было обѣщать принять просьбу во вниманіе. Благочестивѣйшему* Государю не надлежало отнестись *иначе* къ ходатайству и депутаты-иконописцы, полные вѣры въ исполненіе ближайшими слугами Престола Царской воли, отправились въ свои села съ радостной вѣстью о Монаршемъ вниманіи. Для вѣрующихъ, свято чтущихъ завѣты старины и характеръ священныхъ предметовъ религіознаго обихода, признаніе законности бытія фальсифицированныхъ неправославной фирмою иконъ казалось невыносимымъ послѣ словъ самого Верховнаго Вождя земли православной. Каково же было изумленіе, горе и полная растерянность чаявшихъ движенія живой воды, когда пронесся невѣроятный слухъ о мнѣніи непосредственнаго исполнителя Государевой воли — Высочайше утвержденаго комитета попечительства объ иконописаніи, совершенно по новому, вопреки всякому здравому смыслу остановившагося на мысли, никому доселѣ не приходившей въ голову! Слухъ передаетъ, что комитетъ *во исполненіе желанія Государя* пообѣщавъ принять всѣ мѣры, чтобы *печатаніе иконъ*, изъясъ изъ рукъ гг. Жако и Бонакеръ, *передать монастырямъ* и этимъ самымъ вышесмянутымъ *селямъ!* Дѣятели иконографіи просятъ запретить печатаніе, В. М. Васнецовъ, С. Д. Шереметевъ, Н. П. Кондаковъ высказывали громкій возмущенный протестъ противъ машиннаго производства, графъ И. И. Толстой всегда стоялъ противъ убійства ручной иконы машинною и вдругъ, комитетъ,—гдѣ подавляющее большинство этихъ лицъ съ незапятнанною идейною репутаціею высказывались въ унисонъ съ желаніемъ Государя, — приходятъ къ заключенію сдѣлать наихудшее, что только можно измыслить, а именно, *окончательно убить иконописаніе мелкихъ и среднихъ монастырскихъ иконописныхъ работъ и производство кустарей.* Всѣ разглагольствованія комитета объ эксплуатаціи капиталистами—кулаками мастеровъ, о борьбѣ съ кулачествомъ, — выразились въ этомъ мнѣніи въ намѣреніи окончательно вдвинуть машину и капиталиста въ это святое дѣло! Чѣмъ можно объяснить и оправдать подобное рѣшеніе? Церемоніей съ богатыми фабрикантами? Или же намѣреніемъ купить у нихъ машины и

все производство и предать все это уничтоженію,—если не хватаетъ здоровыхъ силъ добиться указа просто о запрещеніи печатанія? Бюрократическимъ недомыслиемъ? Но вѣдь дѣятели, мною перечисленные, безусловно выдающагося ума и большого государственнаго опыта! Какъ объяснить повернувшійся курсъ большинства комитета въ лагерь профессора Н. В. Покровскаго, вопреки волѣ Государя? Вѣдь у комитета нѣтъ ни власти, ни права поступать наперекоръ ясному желанію Императора! А между тѣмъ комитетъ дотолковался до абсурда и до полного нарушенія Царскаго наказа... Неужели этотъ слухъ вѣрнень?

За одной бѣдой идетъ другая, а послѣ третьей и конца нѣтъ бѣдамъ. Надняхъ, черезъ владимірскаго губернатора депутаты получили обратно свое прошеніе,—*поданное лично Государю*, — при увѣдомленіи, что оно *оставлено безъ послѣдствій*. Дѣло дошло до такого положенія, что буквально никто ничего понять не можетъ. Да и можно ли что-либо понять, когда депутаты лично слышали слова Императора и Его обѣщаніе!

Я могу придумать лишь одно объясненіе такому бюрократическому лаконизму, который облакаетъ слова „оставлена безъ послѣдствій“. Объясненіе это можетъ крыться въ здоровомъ смыслѣ собранной Государевой Думы. Но остается ли надежда на будущую ея способность взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія Государя и со стороны истинно православнаго воззрѣнія на цѣнность рукописной иконы? Будутъ-ли дорога большинству членовъ Думы нужды убиваемаго машиной ручнаго искусства? Найдутся-ли въ Думѣ люди хоть сколько-нибудь свѣдушіе въ искусствѣ? Послѣдній вопросъ не изъ послѣднихъ. Когда даже *профессоръ* Н. В. Покровскій, всю жизнь проведеній съ художественными памятниками церковной старины, не понимаетъ или не хочетъ понять, что произведенія Жако есть *новшество*, не имѣвшее хоть сколько-нибудь узаконенной давности, и если даже онъ не понимаетъ нелѣпости незапрещенія печатанія иконъ, *пока сама иконопись своею качественностью не убьетъ сама машину*, то что-же можно будетъ требовать или ожидать отъ состава Думы, въ которой не имѣется ни одного члена, хоть сколько-нибудь знакомаго съ искусствомъ и его нуждами? Остается надѣяться только на законопроектъ, который внесется въ Думу, съ обильными комментаріями. Но и здѣсь опять и опять вопросы. Кто составитъ такой проектъ? Комитетъ

попечительства объ иконописаніи?—Я указаль на слухъ о его послѣднемъ невозможномъ мнѣніи. Н. В. Покровскій?—Радости не больше съ его „доколѣ“. Св. Синодъ?—Онъ спросить мнѣніе Н. В. Покровскаго. Академія Художествъ?—Изъ нея вышли единственные два члена, понимавшіе нужды иконографіи въ связи съ нашимъ историческимъ народнымъ и церковнымъ укладомъ. Надежда только на приказъ Государя составить законопроектъ въ томъ истинномъ духѣ, какъ *Онъ* его понимаетъ.

Въ настоящее время слухъ о необычайномъ проектѣ комитета попечительства о русскомъ иконописаніи, къ полному и общему изумленію, оправдывается. Членъ комитета профессоръ Н. П. Кондаковъ предпринялъ въ концѣ апрѣля повѣзку по иконописнымъ селамъ владимірской губерніи съ очевидною цѣлью успокоить иконописцевъ, волнующихся послѣ „оставленнаго безъ послѣдствій“ ихъ январскаго ходатайства. *Успокоеніе* сказалось въ совѣтахъ проф. Н. П. Кондакова бороться съ печатными иконами *такими же, но лучшими, печатными иконами* самимъ Владимірскимъ иконописцамъ, для чего комитетъ рекомендуетъ соединиться имъ въ цехъ и общаесть матеріальную помощь на машины. Убивъ такимъ способомъ теперь мѣшающія иконописанію фабрики печатныхъ иконъ, можно-де будетъ вслѣдствіи пріумевьшить по своей волѣ таковое собственное производство. Излагать оцѣнку *такой мѣры* попечительства о преуспѣяніи и развитіи *рукописной* иконы я нахожу излишнимъ. Полагаю, что для всякаго очевидно, что комитетъ не вѣдаетъ, что творить, рекомендуя *мѣру къ уничтоженію иконописи?* Несомнѣнно, здравый смыслъ иконописцевъ не позволитъ имъ дѣлать то, противъ чего они борются. Русскій народъ вообще неспособенъ на компромиссы, и еще менѣе падохъ на сдѣлку съ убѣжденіемъ въ вопросахъ вѣры.

Нелѣпо надѣяться на то, что нашъ *темный* народъ *разберетъ* и предпочтетъ лучшую печатную школу худшей. Въ итогѣ — совѣтъ, предлагаемый проф. Н. П. Кондаковымъ, какъ членомъ комитета, въ корнѣ подрываетъ авторитетъ этого учрежденія, такъ блестяще начавшаго свою дѣятельность и пришедшаго къ изложенному позорному мѣропріятію. Нелѣпость совѣта проф. Н. П. Кондакова дѣлается еще очевиднѣе, когда припомнимъ, что комитетъ *не можетъ* дать

иконописцамъ на производство печатныхъ иконъ даже одной десятой капитала Жако, затраченнаго послѣднимъ на орудія своего производства. Успокоительная миссія Н. П. Кондакова—коварный и заслуживающій глубокаго порицанія дипломатическій изворотъ...

А тѣмъ временемъ многоколесный драконъ, питающійся огнемъ и горячимъ паромъ, изрыгаетъ сотни тысячъ и милліоны поддѣльныхъ иконъ, отъ которыхъ людъ православный вправѣ отворачиваться и идти на путь сомнѣній и къ началу неуваженія этихъ произведеній католика и лютеранина. Производство машинной иконы возрастаетъ съ непомѣрной быстротой. Не такъ давно представитель Жако обращался къ фабрикантамъ досокъ Владимірскихъ сель, прося ихъ ставить ему иконныя доски. На вопросъ, сколько штукъ каждаго формата прислать *на пробу*, полученъ отвѣтъ:— „пришлите *вагонъ*“. Когда владимірцы спросили, сколько придется посылать досокъ потомъ, если пробы подойдутъ подъ требованія фирмы, довѣренный сообщилъ, что, по меньшей мѣрѣ, *по вагону еженедѣльно*. Владимірцы отказались за невозможностью поспѣвать готовить требуемое количество. И такъ, „доколѣ“ Н. В. Покровскій поджидаетъ *роста* ручного иконописанія, машина не можетъ уже довольствоваться всею тою массою досокъ, которую могутъ сработать *всѣ владимірцы*. Машина-драконъ *дожираетъ* рукописную икону!

Передъ нами остается во всей своей неприкосновенности практически неразрѣшенный новый иконоборческій вопросъ. Сведя въ одно общее все, что имѣется за и противъ печатной иконы и выяснивъ шаткость доводовъ ея защиты, я остановлю вниманіе на слѣдующихъ положеніяхъ. Святѣйшій Синодъ, своимъ указомъ, запрещающимъ торговлю печатной иконой въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ, призналъ непригодность *для церкви* имѣть что-либо общее съ этимъ суррогатомъ. Указъ этотъ обойденъ дважды: 1) торговцами, подвѣдомственными Св. Синоду, и 2) находчивостью фабрикантовъ, сѣумѣвшихъ вмѣсто *жести* печататать иконы на доскахъ. Послѣдній техническій кунштюкъ *совершенно уничтожилъ всякое значеніе указа*, даже если-бы онъ нынѣ и исполнялся. Остается выходъ—взглянуть на дѣло прямѣе и непосредственно ближе къ его сущности, *разъ уже сложилось убѣжденіе Св. Синода не имѣть соприкосновенія духовныхъ учреждений съ печатной иконой*. Отсюда естественно

вытекает нравственная необходимость воспользоваться формулою, предложенною профессоромъ В. М. Васнецовымъ. Эта формула: „*повелѣніе священно-служителямъ освящать для молитвы въ храмахъ и домахъ образа только рукописныя безъ всякихъ исключеній*“ . Такой редакціей Указъ Святѣйшаго Синода уничтожить въ корнѣ печатныя иконныя фальсификаціи.

Припомнимъ мысль Комитета, что распространеніе печатной иконы уничтожить то въ рукописномъ образѣ, даже неискусномъ по мастерству, что придаетъ ему высокій характеръ, вліяющій на молебщика. Эта особенность ручной иконы истекаетъ изъ *силы личнаго* религіознаго чувства иконописца. Достоинство это *разнообразится* не только у каждаго отдѣльно иконописца, но и у одного и того-же по мѣрѣ его вдохновенности и совершенствованія. Богатство творческаго разнообразія здѣсь безпредѣльно. Это огромное преимущество рукописныхъ иконъ драгоцѣнно. Драгоцѣнны и тѣ дремлющія силы высокихъ художественныхъ способностей, которыми обладаетъ русскій православный иконописецъ кустарь. Я могъ-бы назвать имена иконописцевъ, работы которыхъ по совершенству техники буквально неподражаемы со стороны лицъ интеллигентныхъ, посвятившихъ себя искусству. Въ народѣ незыблема и вѣра, не подточены ничѣмъ еще его гигантское терпѣніе и усидчивость. У насъ совершенно не обращали вниманія на эти рѣдчайшія способности кустарей и не давали рациональныхъ путей ихъ развитію. Между тѣмъ изъ многихъ десятковъ тысячъ иконописцевъ-крестьянъ легко могли бы выработаться замѣчательные художники религіозной живописи. Хотя это вопросъ далекаго будущаго, но нельзя въ данномъ случаѣ не обратить на него серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе что иконописаніе въ народѣ преемственно изъ рода въ родъ *изъ поколѣнія въ поколѣніе*. *Врожденность* такихъ исключительныхъ способностей уже въ наличности. Это такая цѣнность, которую не купить, не привить и не достать ни за какія деньги, ни при какихъ-нибудь условіяхъ. Въ вопросѣ борьбы съ печатной иконой забыли, что уничтожается для искусства, если кустарямъ, преемникамъ поколѣній иконописцевъ, придется бросить свое дѣло и заняться инымъ производствомъ. Если-бы еще можно было направить эту врожденную ихъ способность на другой отдѣлъ искусства, тогда было бы поль-горя. Но и такого теченія не наблюдается, словно десятки тысячъ людей способ-

разной художественной культуры не представляют высокой государственной цѣнности. И эта народная сила обрекается на упраздненіе...

Въ заключеніе нельзя не остановиться на положеніи, высказанномъ въ пунктѣ 4-мъ Указа. Онъ гласитъ, что вопросъ „объ устраненіи экономическихъ затрудненій кустарей иконописцевъ, происходящій отъ распространенія издѣлій вышеупомянутыхъ фабрикъ, *не можетъ быть предметомъ заботы духовнаго вѣдомства*“. Такое положеніе никакъ нельзя признать глубокимъ и основательнымъ. Въ самой этой фразѣ уже *указаніе на зло*, причиняющее матерьяльный ущербъ иконописцамъ, говоритъ *за необходимость заботы*. Кому же, какъ не духовному вѣдомству интересоваться и пещись *о качественности* моленной иконы? Ясно, что качественность иконы стоитъ въ прямой зависимости отъ матерьяльной обеспеченности художника.

Для относительной полноты этихъ матерьяловъ по исторіи современнаго иконоборства необходимо добавить, что главное зло упадка нашей иконописи кроется въ полной некомпетности въ распознаваніи качественности иконы, со стороны канонической, подлинника и художественной, и въ абсолютной непросвѣщенности въ этой области православныхъ священнослужителей. Религіозная живопись и иконопись въ Россіи охватываютъ *неизмѣримо большую часть* всего національнаго художественно-живописнаго творчества. Опѣнка пригодности для молитвы православныхъ иконъ должна быть обязанностью и священнослужителя, освящающаго икону. Только при его просвѣщенности и при достаточномъ пониманіи въ области иконографіи невозможны будутъ случаи помѣщеній въ церкви и въ домахъ фальсифицированныхъ и кощунственныхъ иконъ. Одной изъ коренныхъ мѣръ должно быть введеніе иконографіи въ курсъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

Еще разъ напомнимъ первоначальное мнѣніе Комитета попечительства о русской иконописи: „поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви“. Съ своей стороны я присоединяюсь къ мнѣнію графа С. Д. Шереметева и къ убѣжденію ста шестидесяти тысячъ русскихъ иконописцевъ, что въ рѣшеніи настоящаго иконоборческаго вопроса „не можетъ быть средняго мнѣнія и не можетъ быть недомолвокъ“.

А. А. Карелинъ,

Императорской Академіи Художествъ Почетный Общникъ.

Герценъ и наши дни 1).

ХІІ.

Человѣкъ будущаго въ Россіи—мужикъ.

Туманы хаоса расходятся. Это уже не хаосъ, когда не въ книжкѣ, не на бумагѣ, а въ жизни и въ дѣлѣ есть инныя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ землѣ и къ ближнему. Это новый огромный и сложный типъ исторической психологіи, новый строй общественной правды. Разъ это такъ, всѣ рѣчи о хаосѣ и океанидахъ становятся только риторическимъ украшеніемъ слога.

Почему-же Герценъ, формулируя такіе серьезные, полные такого огромнаго значенія выводы, такъ нерѣшителенъ и не твердъ въ словѣ? Зачѣмъ онъ простую и глубокую мысль завертываетъ въ дѣтскія идейныя пеленки? Отвѣтъ ясенъ. Западъ умеръ. Но когда-то Герценъ любилъ Западъ и тѣни прежней любви стояли надъ его сознаниемъ, когда онъ издалека и съ помощью телескопа присматривался къ чуднымъ очертаніямъ новой красоты.

И онъ самъ зналъ это и много разъ мучился этимъ.

Вотъ одинъ любопытный отрывокъ изъ его исповѣди, о побужденіяхъ остаться навсегда за границей.

„Зачѣмъ-же я остаюсь?

„Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, не смотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь. За нее я отдамъ все,—я отдаю за нее часть своего достоянія;

1) См. «Миссіонерское Обозрѣніе», № 5.

а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства „гонимыхъ, но не низлагаемыхъ“.

„За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время свою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзвуковъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

„Дорого мнѣ стоило рѣшиться... Вы знаете меня.. и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу, и рѣшился, не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ, обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ принесъ все на жертву:

„Человѣческому достоинству,

„Свободной рѣчи“. (V, 170).

Это одна изъ сказокъ неопытной молодости, когда самъ Герценъ не зналъ своего сердца. Внѣшней красотой манили чужія формы. Кровная связь съ народомъ порвалась не только на время. Она порвалась навсегда. Когда чары Запада разсѣялись и Герценъ, какъ ему казалось, „вернулся на родину“, на самомъ дѣлѣ онъ не только тѣломъ, но душой оставался на „странѣ далече“. Онъ видѣлъ только самыя общія очертанія, внѣшнюю сторону жизни.

Лживую сказку запада онъ возненавидѣлъ всеми силами своей души. Онъ понималъ, что даже человѣческое достоинство тамъ можно сохранить, только удалившись въ тѣсный кругъ семьи и закрывъ двери для идейныхъ болтуновъ и мечтателей. Онъ понималъ, что тамъ честнаго и кровнаго дѣла нѣтъ, а гдѣ нѣтъ честнаго общественнаго дѣла, тамъ нѣтъ и человѣческаго достоинства. Блудный сынъ, онъ понималъ, что ему приходится ѣсть съ одного корыта со свиньями и тосковалъ объ отцовскомъ домѣ. Западное корыто онъ опрокинулъ презрительнымъ и гнѣвнымъ пинкомъ, но домой воротиться ему не пришлось.

А разрывъ съ сказочнымъ міромъ чахлой идейности—былъ полонъ и безповоротенъ. Герценъ пересталъ вѣрить въ пролетарія.

„Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*,—точно такъ-же, какъ во Франціи работникъ“ (V, 275).

„Здѣсь Герценъ перешагнулъ тотъ порогъ, вернуться съ котораго

нельзя. „Образованное меньшинство“, т. е. интеллигенція, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, мужика совсѣмъ не знаетъ, а поэтому и вѣрить въ него—не можетъ. Мужикъ и пролетарій—эта два полюса, которые никогда и ни въ какой точкѣ сойтись не могутъ. Это два міра, чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу. У пролетарія нѣтъ и не можетъ быть здоровыхъ основъ общественнаго уклада. У него нѣтъ нравственныхъ основъ для обузданія своего эгоизма. У него нѣтъ прочныхъ традицій и устойчивыхъ навыковъ, потому что малѣйшая перемѣна въ техникѣ производства опрокидываетъ всѣ устои его жизни. Его побѣды случайны и временны. Онъ герой только на одну битву, на одинъ историческій моментъ. Онъ явился въ міръ такъ-же случайно, какъ и исчезнетъ. Онъ необходимый членъ общества только до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой народъ признаетъ формулы германо-романской психологіи всеобщими законами историческаго развитія.

Это въ извѣстномъ смыслѣ эфемериды, которая чувствуетъ себя въ мірѣ недолговѣчнымъ фантомомъ. Онъ чувствуетъ, что его существованіе нельзя обезпечить на вѣка и поэтому весь цѣликомъ отдается моменту, порыву. Онъ знаетъ, что все, что строить онъ и что строить для него, по минованіи надобности будетъ упразднено и поэтому онъ легко поддается страсти разрушать то, что раньше или позже должно само погибнуть.

У него нѣтъ широкаго мышленія людей дѣйствительно образованныхъ, какъ нѣтъ и наслѣдственнаго опыта мужика, никогда не разрывающаго съ прошлымъ и цѣликомъ поглощеннаго работами настоящаго. По самому положенію своему, онъ мечтатель, а мужику мечтателемъ быть нельзя. Въ дни случайнаго торжества, онъ жестокъ и беспощаденъ, какъ звѣрь, потому что у него нѣтъ никакихъ побужденій, кромѣ личныхъ. Полуграмотный и невѣжественный, онъ считаетъ себя признаннымъ цѣнителемъ науки и искусства. Свою личную и маленькую волю онъ считаетъ единственною нормою жизни и проливаетъ чужую кровь, потому что ему недорого своя. Онъ всегда быстръ, торопливъ и беспощаденъ, потому что видитъ недалеко. Его будущее такъ-же темно и туманно, какъ и его прошлое. Историческіе моменты, отпущенные ему судьбою для кратковременнаго существованія, онъ хочетъ сдѣлать годами своего господства и своей тиранніи.

Онъ страшенъ своимъ невѣжествомъ и своею беспочвенностью.

Этотъ вопросъ уже давно раскололъ всю Европу на двѣ половины. У насъ этотъ расколъ—не ко двору. Во всѣ счеты проникаетъ третья половина—мужикъ. Надо быть большимъ социаль-демократомъ, чтобы мечтать объ единствѣ интересовъ рабочаго и мужика. Наша интеллигенція стоитъ за пролетарія и поэтому стоять за мужика ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Для Герцена этотъ вопросъ всегда былъ ясенъ. „Между селомъ, и городомъ,—говорилъ онъ,—вѣка. Иныя понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ“. (VI, 270).

А на западѣ деревни меньше, чѣмъ у насъ, и деревня тамъ строится на городской ладъ. А нашу деревню въ городъ не перетянешь. Она еще достаточно сильна для того, чтобы перетянуть городъ.

Пролетарій ни къ какой странѣ и ни къ какому племенному типу не принадлежитъ. У него нѣтъ характера. Онъ космополитъ по профессіи. Онъ такъ-же внѣ времени, какъ и внѣ пространства. Это полное отраженіе нашей безформенной и беспочвенной интеллигенціи.

XIII.

Мужикъ и пролетарій.

Роковая ошибка нашей интеллигенціи въ томъ именно и состоитъ, что на мужика смотрятъ, какъ на пролетарія, какъ на фабричнаго рабочаго, какъ на батрака, который живъ и уменъ только поденнымъ заработкомъ. На самомъ-же дѣлѣ не только представители свободныхъ профессій, но и бюрократія, и вся интеллигенція, и вся буржуазія по духовному и нравственному смыслу своего заработка и своего пропитанія гораздо ближе къ рабочему, чѣмъ къ мужику.

Мужикъ живетъ не изо дня въ день, а съ жатвы до жатвы. И даже не изъ году въ годъ, а долженъ принять въ счетъ и возможные неурожаи въ будущемъ. И ему приходится подсчитывать приходы и расходы не только для себя и своего поколѣнія, но не истощать почвы и не тратить всѣхъ запасовъ до тла, потому что вѣдь и внуки ѣсть захотятъ.

При каждомъ новомъ волненіи или возстаніи рабочихъ—интеллигенція вспыхиваетъ, какъ порохъ. Она сама — праздничный и много-

цветный фейерверкъ, и поэтому любить фейерверки. Вспыхнувъ, она сгораеть до тла, какъ всякій порохъ. Это просто взрывчатое вещество, единственное назначеніе котораго разрушить и сгорѣть. Ея жизнь—не жизнь рабочаго,—отъ субботы до субботы, до получения расчета. Весь режимъ жизни рассчитанъ на болѣе короткій срокъ.

Выражаясь бездарнымъ языкомъ историческаго матеріализма, все остальное только идейныя надстройки надъ экономическимъ базисомъ недѣльнаго заработка и недѣльной получки. Богъ при такой жизни нуженъ только отъ субботы до субботы. Расчетъ полученъ и—шашашъ. Послѣ получки—новый счетъ: все вали на новую.

Этого не хотѣли замѣчать, хотя факты были на лицо и мы въ свое время на это указывали. Фабричная философія охватила всю нашу литературу. Всѣ наши поэты воспѣвали мечту и моментъ. Возьмите томики стиховъ нашихъ идейныхъ поэтиковъ. Всѣ они поютъ мечту, красивую, радужную, непремѣнно и обязательно несбыточную,—какъ несбыточны мечты рабочаго о мѣсячномъ или годовомъ обезпеченіи.

Если мечта остается въ предѣлахъ возможнаго, она не по душѣ нашей интеллигенціи. Съ нележкой руки Надсона, всѣ поэты и идейные мечтатели алчуть „нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,—нечеловѣчески-великаго страданія“. Это, конечно, очень смѣшно, но все же не такъ дико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Рабочій все же реальнѣе интеллигента: онъ умѣетъ предвидѣть на недѣлю. Интеллигентъ, побивая рабочій рекордъ сокращенія сроковъ, все совмѣстилъ въ одинъ моментъ. Пусть сгорю, только бы вспыхнуть, только бы ослѣпить.

Вся литература послѣдняго времени является яркою иллюстраціею къ этому общему выводу. Новые христіане, мистики-порнографы по формуламъ отнынѣ незабвеннаго кружка религіозно-философскаго содомизма, готовы были все отдать—и синодъ, и сенатъ, рясы и бороды, догматы и соборы, честь и приличія, церковь и религію,—за мигъ одинъ плотскаго и духовнаго обновленія въ вонючей миквѣ, какъ г. Розановъ, или за одинъ опытъ изнасилованія жены-христіанки, распростертой передъ распятіемъ, мужемъ-язычникомъ, утончающимъ развратъ мистическою противоестественностью, какъ Юліанъ у г. Мережковскаго.

Дамы - романистки изощряють всю свою—удивительную по настойчивости—фантазію, чтобы найти такой субъектъ и создать такой моментъ, чтобы ради него навѣкъ осквернить и опоганить святыню женской чести, испортить семейную жизнь и поднять завѣсу ужаснаго и загадочнаго. Конечно, въ этой области ничего новаго нѣтъ. „Всякое бывало“,—говариваль у Гуцкова Акиба. И все это грязно, пошло и цинично. Но вопросъ—не въ томъ. Быль—*моментъ*. Пусть послѣ него омерзѣніе, отвращеніе и скука. Но его ожиданіе—неодолимая чары короткихъ сроковъ.

Идейные писатели и бѣллетристы всю свою поэзію находили только въ этомъ. Развѣ не герои момента всѣ эти босяки Горькаго, прокаженные и сифилитики Андреева, окостенѣвшіе въ элефантіазисъ, идейные трупы идейнаго творчества?

Теперь революціонные поэты и революціонные романисты воспѣваютъ политическія убійства съ огромнымъ подъемомъ міровой и гражданской скорби. Опять дѣло момента. Вѣдь нельзя-же возвести убійство въ норму жизни и убивать всегда. „Товарищи“ по приговору невѣдомаго трибунала приходятъ убивать сторонника стараго режима. Поэты и художники увѣнчиваютъ эти подвиги лаврами нетлѣнной, вѣчной красоты и сверхъ-человѣческаго величія. Но вѣдь это герои—на моментъ. Черезъ моментъ это будутъ палачи и убійцы.

Если завѣтнѣйшая мечта идейнаго рабочаго состоитъ въ великомъ желаніи—нажраться такъ, чтобы потомъ всю жизнь не хотѣть ѣсть, то завѣтнѣйшая мечта интеллигента—наскандалить и набезобразничать такъ, чтобы отъ зависти перевернулись въ гробу Аретино и маркизъ де-Садъ, чтобы обезьяна отъ стыда покраснѣла, чтобы всѣ добрые люди сказали: каковъ прохвостъ и мерзавецъ!

XIV.

Мужикъ и рабочій—не одно и то же.

Итакъ, по лѣстницѣ срочнаго прокормленія и сокращенія сроковъ—отъ „момента“ идейной интеллигенціи мы поднялись до субботней поллучки мастераваго. Далѣе слѣдуютъ, конечно, люди двадцатаго числа. Тутъ логика и психологія реальнѣе, устойчивѣе и прочнѣе уже въ

четыре раза. Правда, и этотъ срокъ не великъ и оставляетъ мѣсто для размышленія о преходящей славѣ вѣка сего, о мимолетности всего земнаго, о суетности человѣческой жизни и о прочихъ невеселыхъ предметахъ.

Но мѣсяць—все же срокъ достаточно длинный для того, чтобы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе духа и обновить способность приспособляемости. За мѣсяць можно почувать, откуда вѣтеръ дуетъ и соотвѣтственно примѣниться. Безъ пера и чернилъ все равно ни одно правительство существовать не можетъ, а что писать и какъ писать—не все-ли равно? Перечитайте въ Библии книгу царствъ. Сколько смѣнялось іудейскихъ и израильскихъ царей! Но при этомъ лѣтопись педантически замѣчаетъ, что при каждомъ изъ нихъ—такой-то и такой-то — „былъ писецъ его“.

Бюрократическій мѣсяць—срокъ въ миллионъ разъ большій, чѣмъ „моментъ“ интеллигента и въ четыре слишкомъ раза большій, чѣмъ получка заработной платы на фабрикѣ. Но по степени мечтательности и неопредѣленности въ виду всевозможныхъ вѣяній и теченій не больше содѣйствуетъ устойчивости, широтѣ и дальновидности мышленія на общественныя темы, чѣмъ ветхозавѣтная суббота пролетаріата въ лонѣ капитализма.

Другое дѣло буржуазія. Не говорю о побѣдителяхъ и рантьевахъ. Для нихъ никакихъ сроковъ не существуетъ и они отдыхаютъ на лаврахъ своихъ. Но воинствующая буржуазія, еще добывающаяся побѣды и лавровъ, имѣетъ свои сроки. Полагаю срокъ въ шесть мѣсяцевъ. Болѣе долгосрочные векселя теперь не въ ходу. Буржуазія по своей собственной расцѣнкѣ опредѣлила для себя шестимѣсячный аршинъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ—можетъ произойти полная перемѣна декораций и первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

Но шесть мѣсяцевъ—все-таки передышка. Можно подготовиться къ неожиданностямъ и принять мѣры. Пусть за этой чертой—бури и ураганы, но до нея миръ и покой.

Если вы всмотритесь въ эту градацію короткихъ сроковъ, вы сквозь бьющее въ глаза различіе, увидите общія и родственныя черты. Съ перваго взгляда кажется, что общаго по логикѣ и психологіи пропитанія и обезпеченія между капиталистомъ и рабочимъ, между бюрократомъ и интеллигентомъ? Но стоитъ только cadaго изъ нихъ

порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ сопоставить съ мужикомъ, сразу-же бросится въ глаза поразительное сходство, такъ что всѣмъ становится очевидно: одна семья.

Что такое мужикъ? У него нѣтъ сроковъ и все на срокъ. Онъ не можетъ забастовать ни на моментъ, ни на недѣлю, ни на мѣсяць, ни на шесть мѣсяцевъ. Ему никакъ нельзя опустить ни одной упряжки, а все его существованіе—безсрочное. Землю нельзя истощить однимъ хищническимъ посѣвомъ, чтобы попробовать счастья въ Монте-Карло. Землю нельзя поставить на карту подъ шестимѣсячный срокъ. Тутъ и ждать нельзя, и торопиться нѣтъ смысла. Кромѣ срочныхъ расчетовъ, необходимо—стихийно необходимо—имѣть и безсрочные. И тутъ, конечно, возможны инстинкты—беречь и холить землю, или истощить ее по мѣрѣ возможной скорости. Но это уже характеръ народа, а не срочная банковская операція.

Понятіе о пролетаріатѣ на нашихъ глазахъ растетъ. Тѣни и оттѣнки его уже ложатся на всю интеллигенцію, на всю бюрократію и буржуазію, даже на земцевъ. Всѣ почувствовали случайность и неустойчивость промышленнаго и профессиональнаго заработка и съ этою цѣлью случайныя и временныя условія жизни, результатъ случайной экономической побѣды, хотя бы увѣковѣчить, гарантировать закономъ. Къ примѣру, адвокаты, еще недавно получавшіе баснословные гонорары, хотѣли бы перестроить все общество такъ, чтобы для нихъ никогда не проходили эти дни счастья. Инженеры готовы и на забастовку, и на вооруженное возстаніе, чтобы навѣки гарантировать себѣ огромные проценты съ строительной горячки правительства. Словомъ, каждая профессія, по аналогіи съ пролетаріатомъ, хочетъ придать вѣчную обязательность и вѣчную неизмѣнность преходящимъ и измѣнчивымъ экономическимъ отношеніямъ.

Въ промышленномъ государствѣ эти инстинкты имѣютъ свое оправданіе: барыши отъ предпріятія надо дѣлить болѣе равномерно. Но въ государствѣ земледѣльческомъ эта устойчивость и опредѣленность промышленнаго заработка и барыша получается не за счетъ вѣшняго рынка, торговаго и экономического поработченія чужихъ странъ и далекихъ народовъ, а за счетъ своей-же деревенской требухи. Это скорпіонъ, который въ минуту опасности убиваетъ самъ себя. Промышленныя государства жирѣютъ и богатѣютъ за чужой счетъ. Землевлд-

дѣльческое государство съ капиталистическими замашками, цѣлое приносится въ жертву части.

Въ рабочемъ пролетаріатѣ мы получаемъ новый типъ, типъ экспроприатора мужицкой собственности. Лучшія условія жизни онъ добываетъ себѣ за счетъ обѣднѣнія и истощенія мужика и деревни.

И если всѣ слои общества проникаются моралью и психологіей пролетаріата, мужикъ попадаетъ въ новыя формы крѣпостной зависимости.

Все это я говорилъ собственно къ тому, чтобы отмѣтить мѣткость и справедливость замѣчанія Герцена о томъ, что мужикъ и рабочій—не одно и то же.

Впрочемъ, можетъ быть, при такой постановкѣ дѣла, самъ собою напрашивается тотъ выводъ, что земледѣльческое государство не можетъ вылиться въ формы государства промышленнаго, дѣйствительно капиталистическаго.

При этомъ не невѣроятнымъ кажется и то предположеніе, что если путемъ компромиссовъ и такъ называемой классовой борьбы все городское населеніе, т. е. буржуазія и бюрократія, интеллигенція и пролетаріатъ, какъ-нибудь придутъ къ какому-нибудь соглашенію, мужицкая Россія совсѣмъ останется внѣ счета. Другими словами, какъ во всякой настоящей борьбѣ обнаружатся только *два* стороны.

Чтобы бороться и драться, нужно не меньше и не больше двухъ сторонъ. Третій всегда будетъ только радоваться. Римляне не просто же говорили: *tertius gaudet*. Если-же такая борьба начнется, по всѣмъ разумнымъ соображеніямъ и по всѣмъ показаніямъ здраваго смысла, она будетъ безконечна. Если же ей какой-нибудь конецъ и будетъ, то совершенно особенный—вопреки всякому разуму и всякому здравому смыслу.

Девизъ данъ. Вѣрѣ мужика противопоставлена вѣра пролетарія. Всѣ силы мобилизуются. Уже и въ официальномъ органѣ святѣйшаго синода встрѣчаются въ ущербъ его достоинству, слишкомъ часто и демонстративно поются—акаѣнсты пролетаріату. Несомнѣнно, этотъ примѣръ производитъ свое впечатлѣніе на духовенство. Недаромъ его въ консервативной печати не разъ и сурово упрекали въ двоедушіи. Новая и большая сила станетъ противъ мужика.

Но что дѣлать, если не всѣ окажутся малодушными? Одинъ смѣ-

лый и мужественный голосъ можетъ смутить всеобщее соглашеніе властей и интеллигенціи на общепролетарской точкѣ зрѣнія.

Освободительное движеніе не выдвинуло ни одного пророка и ни одного героя. Это понятно. Въ борьбѣ за экономическое преобладаніе—ничего героическаго нѣтъ. Героизмъ—всегда въ отстаиваніи своихъ правъ противъ тиранніи и террора большинства, въ борьбѣ слабого противъ внѣшней давящей силы.

Величайшимъ и опасѣйшимъ врагомъ всего освободительнаго движенія былъ бы новый Сергій Радонежскій или митрополитъ, который въ ореолѣ святости поднялъ бы простой и мужественный голосъ противъ соціальной неправды за весь народъ и всю землю. Только тогда *два* враждующія стороны—стали-бы на свои позиціи и не стали бы упражняться въ усобицѣ по типамъ прежнихъ удѣльныхъ усобицъ..

Но святой, чтимый всей землей и всѣмъ народомъ—Божье чудо, которое стоитъ внѣ всякаго человѣческаго ученія.

По земнымъ и житейскимъ расчетамъ, дѣло представляется проще и печальнѣе. Не въ первый разъ зовутъ народъ на новыя дороги. Мужикъ не шель. И это Герценъ отлично зналъ.

„Трудно,—говорилъ онъ,—своротить русскій народъ съ его родной дороги. Онъ упрется, ляжетъ на ней, вросетъ въ землю и притворится спящимъ, мертвымъ“. (VI, 287).

По многимъ признакамъ и въ официальной церкви надо опасаться уклона не къ религіи мужика, а пролетаріата,—чтобы не увлекъ ее суетный духъ суетной интеллигентности. Допустимъ, что она перейдетъ этотъ роковой порогъ, не утративъ своего догматическаго наследства, не станетъ еретическою, не будетъ подобно Теофану Прокоповичу и его сподвижникамъ, искоренять православіе и вводить протестантизмъ. Все-же она рискуетъ быть при такомъ уклонѣ по логикѣ вещей чужою народу и возбудить новые толки объ антихристовой печати.

Будетъ тоже, что предсказывалъ когда-то Хомяковъ на случай официальнаго окатоличенія православной русской церкви.

„Пусть,—говорилъ Хомяковъ,—русскій народъ подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія); пусть духовенство измѣнить (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго);—и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь церкви и образуютъ

чинъ мірянъ. Найдутся-же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ два или три епископа, которые не измѣнять Богу. Они благословятъ низшіе чины и составятъ изъ себя епископство— и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ. Она останется католическою церковью, какою была и во времена апостоловъ“.

XV.

Что такое мужикъ?

Герценъ, противопоставивъ мужика рабочему, вышелъ на ту дорогу, на которой всѣ его взгляды получали и должны были получить совершенно другой характеръ.

Онъ остался съ мужикомъ. Но что такое мужикъ по его представленію?

О мужикѣ Герцену пришлось говорить въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Вполнѣ естественно, что въ молодые годы онъ раздѣлялъ сантиментальныя и платонически-восторженныя рѣчи о мужикѣ филантроповъ крѣпостной эпохи. Говорилъ онъ о мужикѣ и въ „Дневникѣ“. Чтобы тонъ его рѣчи не показался слащавымъ и приторнымъ, надо помнить, что „Дневникъ“ одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Герцена. Здѣсь онъ типичный представитель не только своего времени, но и вообще русской интеллигенціи. Здѣсь онъ бьетъ челомъ каждому теоретическому западному идолу, не замѣчая, что эти идолы отнюдь не изъ одного капища, что стоятъ рядомъ имъ невмѣстно. Здѣсь онъ отдаётся всѣмъ капризнымъ настроеніямъ праздноя и несобранной молодости и пишетъ казеннымъ языкомъ модной идейности. Вотъ одинъ яркій примѣръ.

1843 годъ, декабрь. „Съ 29 на 30, ночь. Ни вѣры нѣтъ, ни надежды... Я себя какъ-то ненавижу... Хотѣлось-бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино хотѣлъ-бы пить... Этого не должно-бы быть“... (VI, 96).

Мечтательны и его сужденія о мужикѣ, хотя и въ нихъ звучитъ живая трезвая нотка.

„Грустно въ мірѣ Чичикова,—такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ. И тамъ и тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на буду-

щев. Но вѣру эту отрицать нельзя—и она не просто романтическое упованіе *ins Blaue*, а имѣетъ реалистическую основу: кровь какъ-то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смѣтрю изъ окна на бурлаковъ,—особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣніемъ, они ѣдутъ на лодкѣ. Крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья. И потомъ—въ бурю. Какая дерзость, смѣлость! Летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ. Взглянулъ-бы на тебя, дитя, юношею. Но мнѣ не дожидаться. Благословляю-же тебя хоть изъ могилы.

„Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечи жизни. Сверхъ всего, повтореннаго много разъ,—отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки. Да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго. А православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человекъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать, если не въ открытой борьбѣ, гдѣ онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ. Я это испытываю очень часто. Когда онъ видитъ простой расчетъ, дѣло другое. Но, когда не изъ расчета, а просто изъ доброжелательства что-нибудь сдѣлать,—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ“. (VI, 14).

Мечта и жизнь, сказка и правда—мѣшаются въ этой тирадѣ съ простодушной наивностью. Если мужикъ не довѣряетъ, значить онъ имѣетъ право не довѣрять. Если онъ мошенничаетъ, значить всѣ прямые пути ему закрыты. Юноша - Герценъ съ высоты барства старчески качаетъ головой надъ мужикомъ и называетъ его „дитя“, когда по годамъ, уму и опыту это дитя много старше и зрѣлѣе своего мечтательнаго печальника.

„In potentia много въ русской душѣ“, (VI, 16)—говорилъ Герценъ, не замѣчая, что еще больше *in facto*, поскольку дѣло касается мужицкой души.

Съ испанскимъ „плебеємъ“ Герценъ познакомился по произведеніямъ Кальдерона. „Великъ испанскій плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности. Вотъ онъ, элементъ, вовсе не развитой у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ, какъ рабъ, или отомститъ, какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь безпрерывно на низшій классъ во всегдашнемъ сопри-

косновеніи съ нами. Чего недостаетъ ему, чтобы выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ. Вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди. На нихъ много клеветаютъ съ нравственной стороны. Они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть. Мы явно и законно грабили ихъ: сила неодинаковая. Но, когда они убѣдятся въ челоуѣкѣ (и я имѣю гордость включать себя въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ въ дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удачу, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc. Но видно,—какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ,—чего-то недостаетъ въ головѣ: мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ“ (VI, 128).

Странно, что остроумный сибаритъ и тонкій эпикуреецъ Герценъ держитъ ключъ отъ загадки въ рукахъ и не понимаетъ сущности дѣла. За крѣпостнымъ правомъ стояли всѣ силы государства и мужикъ отлично понималъ, что бороться съ нимъ ему не подъ силу. Лукавство и плутоватость—его единственное орудіе сократить лѣниваго и ненаблюдательнаго барина. Да онъ терпѣливъ и по натурѣ. Стенька Разинъ и Пугачевъ нашли отголосокъ въ его памяти, но не воспитали въ немъ революціоннаго духа. Онъ терпитъ, пока можно терпѣть, а вытерпѣть онъ можетъ много.

Революціонный характеръ онъ принимаетъ только тогда, когда поднимается на строеніе земли. Самое яркое и поучительное дѣло—это возстаніе всѣмъ міромъ на строеніе земли. Когда передъ 1612 годомъ тогдашняя интеллигенція, т. е. бояре, кокетничавшіе съ поляками, литовцами и польскіе наѣзники, стрѣлецкіе головы и казацкіе атаманы, шпны и воры, вооруженные всѣми послѣдними словами науки того времени и самую угодливую идейностью, сдѣлали опытъ разорить и испакостить землю, народъ всталъ, прогналъ идейныхъ воровъ, выбралъ царя и умиротворилъ страну.

Это революція въ русскомъ изданіи. У насъ почему-то знамена-

тельными двѣнадцатыми годами столѣтій. Но нужно думать, что на этотъ разъ не будетъ ждать такъ долго и раньше провиденціальнаго срока умиротворить страну, потому что никому другому это не подь силу.

XVI.

Крещеная собственность.

Опредѣленіе высказывается о мужикѣ Герценѣ въ статьѣ „Крещеная собственность“.

„Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни. Я готовъ былъ цѣлыя часы, лежа гдѣ-нибудь подь березой или липой, смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывные пѣсни, раздающіяся во всякое время дня вблизи, вдали... Съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ; изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей; и скрипитъ запрещенный колодець, опуская бадью;—и гремитъ по мосту порожняя телега, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ...“

„Въ нашей бѣдной сѣверной долиной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Сорренто, ни римской Кампаніей, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англій. Наши безконечныя луга, покрытыя ровной зеленью, успокоительно хороши. Въ нашей стелящейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное... Что-то такое, что поется въ русской пѣснѣ, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.“

„И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ, какъ наши великоруссы и украинцы.“

„Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней. Она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ. Деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ, побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными. Съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда

пронеслась надъ головой мѣстнаго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не таковы, напримѣръ, въ Романьи, въ Калабріи, въ Испаніи, въ горахъ Швейцаріи, Шотландіи, Норвегіи.

„Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ. Если онъ богатѣеть, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ—такъ, какъ, наоборотъ, въ прежнее время русскіе купцы, приобрѣтая милліоны, оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми-же крестьянами“. (V, 286).

„Мы государство сельское. Наши города—большія деревни. Тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ. Разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ,—ни раздробленія полей на частную собственность, ни сельскаго пролетаріата. Крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ. Онъ вѣчно на міру и съ міромъ. Коммунизмъ его общиннаго устройства, его сельское самоуправленіе дѣлають его сообщительнымъ и развязнымъ“. (VI, 287).

За послѣднее время городъ дальше отошелъ отъ деревни, но въ главныхъ чертахъ схема Герцена сохраняетъ всю свою силу. Русскій городъ, кромѣ столичныхъ и крупно-промышленныхъ центровъ, сохранилъ и навсегда сохранитъ черты сельскаго быта, постояннаго общенія съ деревней. Самостоятельнаго значенія онъ добивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Психологія города никогда не проникнетъ въ деревню и городскому пролетарію никогда не задушитъ деревенской морали и совѣсти, деревенскаго отношенія „къ ближнимъ“.

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія въ русскомъ мужикѣ заслуживаетъ одна характерная черта, только отмѣченная Герценомъ.

„Крестьянинъ средней Италіи такъ-же мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ—на собственность. Нигдѣ не видаль я, кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а *непочатая сила*, непонятная имъ самимъ до поры, до времени, которая даетъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, какъ крѣпостное состояніе“. (VI, 76).

Теперь, когда у порога русской жизни стоитъ болѣе свирѣпый и

безпощадный врагъ, чѣмъ печальной памяти крѣпостные помѣщики, когда домогается тираннической власти и господства идейный и уличный пролетаріатъ, люди вчерашняго дня, люди мстительнаго и ожесточеннаго невѣжества, люди, въ личномъ эгоизмѣ потопившіе совѣсть, люди преступленій и насилія, люди крови и убійства, люди амнистїи и безотвѣтственности, палачи по убѣжденію и профессїи, насильники по инстинкту и влеченію,—только вѣра въ здоровый мужицкій умъ и даетъ нѣкоторую надежду на возможность спасенія отъ конечной гибели. Безграмотный, безкровный и голодный мужикъ оказывается единственнымъ носителемъ общественной правды, общественной устойчивости и дѣйствительно человѣческой, а не скотской жизни. Если Герценъ былъ правъ,—а мы убѣждены, что въ данномъ случаѣ онъ былъ правъ,—если „благородныя и мужественныя черты“ русскаго мужика, теперь не крѣпостнаго, проявятся во всей своей красотѣ и силѣ, всѣ площадные и академическіе пролетарїи превратятся въ камень, какъ отъ лица Медузы.

„Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ,—говорилъ Герценъ въ статьѣ „Россия и Польша“, — дающій огромную свободу мысли, а именно нашу привычку, тоже „отъ самыхъ пеленокъ“, вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности. Мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir. Она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забыли ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца“ (VI, 292).

Эти бы слова да Богу въ уши: очередь за Миниными и Пожарскими.

XVII.

Русскіе нѣмцы.

Но правда-ли это? Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ „темнымъ и невѣжественнымъ“ народомъ, холопомъ и смердомъ отъ вѣка, вьючнымъ скотомъ, который не различаетъ тьмы отъ свѣта, зла отъ добра, который, какъ неуклюжая океанида, копается гдѣ-то въ грязи, на прокормъ и пропой интеллигенціи. Вѣдь именно таково завѣтнѣйшее вѣрованіе и убѣжденіе нашей интеллигенціи „съ ея добросовѣстною вѣ-

рою въ несбыточные вещи“ (V, 198), которая „смотреть съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ“ (VI, 256).

Наша интеллигенція въ погонѣ за благомъ всего человѣчества, имѣла самыя смутныя представленія о своей странѣ и, по суду мужика, вся поголовно перешла въ „нѣмцы“.

„Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуешь весь петербургскій періодъ. Какой-то нервъ портится, какой-то уголь отшибается и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское,—по крайней мѣрѣ, то русское, которое составляетъ народную особность.“

„Дѣло-то въ томъ, что жизнь русскую, неустановившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ *нѣмецкомъ переводѣ*; а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того устояващагося полнаго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!*“

„Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во все стороны на западъ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ... Вотъ и все. Есть признаки, *примѣты*, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простаго ума, т. е. не предупрежденнаго, для простаго сердца, для кровной связи. Это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.“

„Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городского жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?.. Ни будочника, чтобы спросить дорогу, ни номеровъ, ни фонарей. А крестьянскій мальчикъ попѣваетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.“

„Той ясности, той легкости, къ которой насъ приучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ, мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру“. (VI, 258).

Герценъ, конечно, не такой безпомощный туристъ, какъ наши интеллигенты подъ нѣмца, которымъ безъ будочника чистый зарѣзъ. Но онъ все еще видитъ хаосъ тамъ, гдѣ крестьянскій мальчикъ преспо-

койно идетъ домой. Онъ все еще чужой въ этой мѣстности, хотя лучше другихъ находить дорогу.

„Европа послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на грудахъ труповъ, по колѣна въ крови передъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ—поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства—ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губить сахара, капиталъ работника—и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей, все сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій прилѣвъ: „свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу“!

„Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣками уцѣлѣвшіе разные виды коммунистическаго владѣнія землею—отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками до полной собственности. Правда-ли, нѣтъ-ли, но согласитесь, что при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса нельзя не изслѣдовать такого важнаго факта. Изученіе его можетъ-же дать столько-же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты фаланги и икарійцевъ?

„Что же вы думаете? Обратились-ли люди на эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтверждали? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили“. (VI, 222—223).

Соціализмъ и коммунизмъ здѣсь, конечно, ни къ чему. Это остатки идейнаго жупела. Вышнее сходство въ отношеніяхъ къ землѣ еще не сглаживаетъ глубокой разницы въ отношеніяхъ къ ближнему. А въ этомъ вся суть. Тѣмъ не менѣе Герценъ глубоко правъ, когда смѣется надъ идейными педантами, которые боятся найти то, чего такъ ищутъ.

XVIII.

„Мы господскіе, а земля наша“.

„Представьте себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяніемъ взглядъ свой среди этого кораблекрушенія въ эту темную ночь и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-

то тусклый свѣтъ и этотъ свѣтъ мерцаль отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика!

„...Этотъ дикій, этотъ пьяный, въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчить,—будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора и государственные люди?

„Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

„Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи: мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждого работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*. Но—*право на землю*?

„А между тѣмъ оно у насъ больше, чѣмъ право: оно фактъ. Оно больше, чѣмъ признано: оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ. Онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю послѣдствіе *рожденія* и *работы*. Оно такъ-же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ-же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, приобретаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

„Право каждого на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось повидимому—безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша*“. (VI, 283—284).

Тутъ, конечно, своя логика. Долго и про себя мужикъ таилъ одну завѣтную думу. Если бы онъ умѣлъ говорить по нашему, онъ сказалъ бы, что господа—одна изъ равновидностей пролетаріата, что они не прочно сидятъ на землѣ, что они со временемъ „пройдутъ“, какъ проходятъ другія формы пролетарской притязательности и въ сущности болѣзненнаго безволія. Оторвавшись отъ земли и работы, люди всегда не знаютъ, чего хотѣтъ, раскидываются на всѣ стороны разомъ

и разсѣиваются, какъ пыль, когда угмонится вѣтеръ. И теперь на землѣ ничего, кромѣ деревни, прочнаго нѣтъ.

„Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло-бы своего полного развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля на пользованіе которой каждый имѣеть право, съ тѣмъ вмѣстѣ никому не принадлежитъ *лично и потомственно*.

„Далѣе, *право на землю и общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиться на этихъ началахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подъ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти—такъ, какъ въ Моревѣ уцѣлѣло коммунальнныя и городскія права подъ властью Османлисовъ. Этотъ характеръ мірскаго управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Кэри, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, что „въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія“.

„Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанью и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленьемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. *права каждаго на землю,*
2. *общиннаго владѣнія ею,*
3. *мірскаго управленія.*

„На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиваться будущая Русь“. (VI, 184—285).

Всѣ элементы формулы русской общинности на лицо, но сама формула поставлена вверхъ ногами: слѣдствія поставлены на мѣсто причинъ, а причины на мѣсто слѣдствій. Прежде всего, мірское самоуправленіе, въ той формѣ, въ которой оно существуетъ, возможно только на почвѣ христіанскихъ понятій въ ихъ православномъ пониманіи. Только поэтому и возможно общинное владѣніе ею, а отсюда и права на землю.

„Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства, отъ

выкрашенных по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія социализма въ Европѣ.

„Это обстоятельство безконечно важно для Россіи“. (V, 274).

„Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину. Община спасла народъ русскій. Уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству!“ (V, 295—296).

„Скорость, съ которою часть населенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрехшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противодѣйствовали, когда перемѣны касались ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на коммунизмъ, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею“. (V, 307—308).

XIX.

Община и земля.

Община и общинное владѣніе землею — несомнѣнный и, конечно, очень крупный фактъ въ жизни русскаго народа. Это одна изъ внѣшнихъ оболочекъ, которыя прикрываютъ тайны русской народной психологіи и поэтому будущей русской философіи. Если онъ не ускользнулъ отъ вниманія нѣмца Гакстгаузена, заѣзжаго туриста, то конечно, Герцену, когда онъ откладывалъ идейные телескопы и микроскопы, было гораздо ближе это характерное явленіе русской жизни. Но объяснить его онъ не могъ. Его мысль дальше внѣшности и поверхности не проникала.

Правда, онъ бросалъ намеки, которые доказываютъ, что и ему извѣстна тайна удивительнаго и для чужихъ непонятнаго строя жизни. Онъ говорилъ, что у мужика не только инья, чѣмъ на Западѣ, от-

ношенія къ землѣ, но и иныя отношенія къ ближнимъ. На этой точкѣ ему слѣдовало-бы остановиться. Не стоятъ-ли тѣ и другія отношенія въ взаимной связи?—Не обусловливаютъ-ли они другъ друга? А если такъ, то что ставить въ первую голову—землю или ближнихъ? Землю,—говорилъ Герценъ. Ближнихъ,—говорятъ славянофилы.

Здравый смыслъ и логика здѣсь, конечно, не на сторонѣ Герцена. Отношенія къ землѣ въ русской общинѣ являются отношеніями не къ землѣ собственно, а къ тѣмъ-же ближнимъ. Отношенія къ землѣ, какъ— по теперешней пролетарской терминологіи—мертвому орудію производства, никакого нравственнаго начала въ себѣ не заключаютъ и заключать не могутъ. Они окрашиваются бытовою, моральною и духовною радугою только на почвѣ отношеній къ ближнимъ.

Это, можно было бы сказать, азбучная истина. Но плохо ученымъ и особенно идейнымъ людямъ—она совершенно недоступна. Чѣмъ ученѣе по современной научности человекъ, тѣмъ онъ простоватѣе, до-вѣрчивѣе, наивнѣе и тупѣе. Онъ вѣритъ книжкѣ и претендуетъ понимать только непонимаемое. Поэтому все простое и ясное для него совершенно не существуетъ.

Слѣды идейной ограниченности замѣчены и на отношеніяхъ Герцена къ общинѣ. Иногда онъ бьетъ совсѣмъ не въ тотъ колоколь. Въмѣсто трезвона иногда начинаетъ бить въ набатъ, возбѣщая пожаръ или мятежъ, когда все просто, мирно и спокойно. Сюда относятся все его рѣчи о социализмѣ и коммунизмѣ. Не на русской почвѣ создались эти понятія и къ русской почвѣ никогда не подходили и не пододуть. Въ нихъ совсѣмъ другая психологія и именно поэтому они не примѣнимы къ русской жизни. Западный коммунизмъ на русской почвѣ перестаетъ быть коммунизмомъ. На западной почвѣ онъ возникъ изъ началъ эгоизма, утилитаризма, классовой борьбы, борьбы за существованіе,—изъ началъ, которыхъ нѣтъ въ русской совѣсти. Коммунизмъ и социализмъ носятъ признаки принужденія, насильственности, тиранніи. Общинное землепользованіе смѣшно и бессмысленно внѣ общаго добровольнаго соглашенія.

Соціалистическая коммуна имѣетъ въ виду землю, только какъ орудіе производства, и во всемъ преслѣдуетъ только матеріальныя цѣли. Русская община прежде всего и самымъ существеннымъ образомъ институтъ моральный. Коммунистическая община—какъ всякая отвлечен-

ная доктрина, какъ всякая идейная утопія—стоитъ внѣ времени и пространства, приобретаетъ абсолютное значеніе, т. е. для каждаго народа и каждой эпохи. Поэтому она неподвижна, неуклюжа, стѣсняетъ свободу совѣсти и личности, т. е. попросту мертва уже въ зародышѣ, какъ всѣ мечты и грезы пролетаріата.

Русская община зорко смотритъ на давно и хорошо знакомую среду, видитъ каждую переменѣу въ личностяхъ и обстоятельствахъ, приспосаблиется ко всякимъ переменамъ, каждую минуту живетъ и творитъ, нуждается въ догадкѣ и вдохновеніи, находчивости и смѣлливости, нуждается въ каждомъ умѣ и каждой способности. Рѣшеніе общины — плодъ личныхъ способностей и личной находчивости каждаго отдѣльнаго члена, оформленный и сглаженный авторитетомъ общаго согласія и одобренія. Эта автономная семья, съ которой всѣ до одного члены безусловно автономны въ своихъ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ, но ради общаго блага въ дѣятельности ближайшей и непосредственной добровольно подчиняются общему соглашенію и приговору.

До такой общины и коммунизму, и коллективизму далеко. Это мертвецы съ людныхъ улицъ Запада, гдѣ каждый живетъ для себя. На просторѣ полей сильнѣе и слышнѣе запахъ ихъ разложенія и гніенія. Въ русской деревнѣ онъ не ко двору: тамъ несравненно выше, цѣльнѣе, справедливѣе и умнѣе строй общественной жизни. Ни коммунизмъ, ни социализмъ съ христіанствомъ не совмѣстимы. Это языческой режимъ поголовной сытости, по мнѣнію сторонниковъ,—полунищеты и полусытости на самомъ дѣлѣ. Это начала стадной, почти скотской жизни, что бы ни болтали мечтатели и педанты. Русская община состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ голосъ и право рѣшенія.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Правда о занятіяхъ духовенства сельскимъ хозяйствомъ.

Въ повременной печати — свѣтской и духовной нерѣдко теперь встрѣтишь рецепты по уврачеванію язвъ экономическаго быта приходскаго духовенства. По одному изъ такихъ рецептовъ, духовенству рекомендуется, между прочимъ, внимательнѣе отнестись къ церковной землѣ и примѣненіемъ новыхъ, лучшихъ способовъ обработки земли возможно полнѣе использовать этотъ источникъ причтоваго содержанія. И вотъ, когда приходится читать и слышать благожелательные совѣты въ этомъ родѣ, невольно раздумываешь о практической пригодности ихъ, цѣлесообразности и совмѣстимости ихъ выполненія съ достоинствомъ нашего паствыства, какъ апостольскаго служенія. А на встрѣчу думамъ встаетъ рядъ картинъ изъ будней жизни, въ воспоминаніи мелькаютъ знакомые образы, лица...

I.

Въ уѣздномъ городѣ ярмарка, главнымъ образомъ конная и рогатаго скота. Кругомъ шумъ, крикъ и гвалтъ невообразимые... Громкое ржанье лошадей, оглушительное мычанье коровъ, споры продавцовъ и покупателей и крѣпкая русская брань, божба и клятва цыганъ и кулаковъ и пр. и пр.

— Эй, духовный! отецъ духовный!.. постой, остановись, сдѣлай милость, — слышался плаксивый, умоляющій голосъ.

Мы съ товарищемъ, будучи случайными гостями ярмарки, остановились оба, принявши плаксивую просьбу на счетъ одного кого-либо изъ насъ. Недоразумѣніе наше тотчасъ разъяснилось.

На плоскодонной, обыкновенной барышнической телѣгѣ съ коновя-

зями, запряженной хорошо выкормленной лошадыю, — безъ подстилки, безъ кучера, стоя на колѣнахъ, ѣхалъ кто-то изъ духовныхъ, — но кто именно? трудно было угадать: псаломщикъ или діаконъ, — предположить же въ немъ священника нельзя было никакъ. Атлетъ по сложенію, косая сажень въ плечахъ, съ серебристыми, сѣдѣющими космами волосъ, выбившимися изъ-подъ надвинутой на брови высокой шапки, — съ кнутомъ за кушакомъ, перехватившимъ заплатанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ ватный подрясникъ, — ѣхавшій духовный во многомъ напоминалъ Лѣсковскаго діакона Ахиллы Десницына. Слѣдомъ за нимъ, запыхавшись, стараясь догнать, трусиль мелкой рысцою, сидя верхомъ, оборванный, лохматый мужиченко. Лошадь сильно хромала на одну изъ переднихъ ногъ и, видимо, выбивалась изъ силъ, повинаясь стегавшему ее сѣдоку. Сѣдокъ, не надѣясь догнать „духовнаго“, надрывающимъ душу крикомъ просилъ его остановиться. „Духовный“, наконецъ, внялъ мольбамъ, попридержалъ возжи и пустилъ лошадь вольнымъ шагомъ, поджидая мужика.

— Отецъ духовный, яви Божескую милость, — вопить мужичекъ, — возьми назадъ лошадку, которую ты мнѣ продалъ. Отдай мнѣ деньги и получи ее. Не попробовалъ я при покупкѣ, какъ она бѣжить, повѣрилъ твоимъ словамъ, что лошадь во всемъ исправная, а она, вонъ, оказалась совсѣмъ хромою. Пожалѣй, кормилецъ, ради Истиннаго Бога, — вѣдь, послѣднія кровныя денежки отдалъ тебѣ, — ну, а работать, видишь самъ, опять будетъ не на комъ.

— Ну, братъ, сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ. Видѣлъ, что покупалъ, — и пользуйся. Мертвыхъ съ погоста, самъ знаешь, не носить, — какъ-то особенно невозмутимо-равнодушно отвѣчалъ духовный и, стегнулъ кнутомъ лошадь, скоро исчезъ изъ глазъ мужика и начинавшей собираться толпы праздничныхъ любителей ярмарочныхъ сценъ.

Мужикъ завылъ-заголосилъ. Одни изъ толпы находили положеніе обманутаго мужика смѣшнымъ и открыто издѣвались надъ его оплошностью. Другіе — большинство — разразились цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ по адресу уѣхавшаго духовнаго.

— Захотѣлъ ты милости отъ кого ждать?! — говорили они мужику. — Не знаешь-же ты, братъ, его. А онъ на ярмаркахъ всегда и ищетъ такихъ покупателейъ, которые его не знаютъ. Скорѣй камень

треснетъ, чѣмъ онъ надъ тобой смилостивится. Любого барышника за поясъ заткнетъ и нашего брата-мужика очень хорошо понимаетъ. Купить себѣ лошаденку за полцѣны, проработаетъ на ней лѣто, а потомъ, какъ ярмарка, „вдваторога“ за нее-же сдеретъ. Священникъ, вѣдь, — ну, какъ тутъ не повѣришь его слову? А повѣришь, вонъ оно что выходитъ. Потомъ самъ-же надъ тобой и издѣвается...

Мы послѣшили съ товарищемъ поскорѣй убраться, дабы не слышать новаго потока заочныхъ „благопожеланій“ самого пострадавшаго и сочувствовавшей его горю толпы уѣхавшему священнику, его женѣ, его дѣтямъ, матери и всему родству и свойству.

— Ты не знаешь, — спрашиваю у товарища, — что это за священникъ?

— Удивительно, какъ ты его не знаешь, — было отвѣтомъ на мой вопросъ. — Это-же одинъ изъ крупныхъ богатѣевъ и хозяинъ, какихъ мало, — Н-скій священникъ. — И товарищъ попутно сообщилъ столько любопытныхъ свѣдѣній о хозяйственныхъ способахъ быстрой наживы, практикуемыхъ этимъ священникомъ, что... „не лѣтъ есть глаголати“.

II.

На большой, трактовой дорогѣ, не далеко отъ села Н. расположился постоялый дворъ съ обширными надворными постройками-кладовыми, амбарами и сараями. Содержателемъ постоялаго двора состоитъ сынъ священника села Н., извѣстнаго далеко въ округѣ за „образцоваго“, дѣятельнаго хозяина. Въ желаніи имѣть надежнаго помощника въ широко-организованномъ сельскомъ хозяйствѣ священникъ рѣшилъ, что первоначальной школьной грамотности и быстрого умѣнья щелкать на торговыхъ счетахъ вполне достаточно для тѣхъ занятій, къ которымъ предназначался его сынъ. Наибольшее вниманіе было обращено на развитіе практическихъ, хозяйственныхъ способностей сына подъ непосредственнымъ руководствомъ отца. И сынъ оказался понятливымъ, толковымъ ученикомъ, и скоро превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія отца. Церковной земли, въ значительномъ, сверхъ обычной пропорціи, количествѣ для совмѣстной дѣятельности по сельскому хозяйству отца съ сыномъ было уже мало. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ продажи смежной земли, отецъ съ сыномъ прику-

пили десятинъ пятьдесятъ. Подъ опытнымъ руководствомъ отца и тщательнымъ надзоромъ сына, хозяйство шло успѣшно, давало большіе барыши. Отецъ съ сыномъ не знали, не переживали никакихъ сельско-хозяйственныхъ кризисовъ. Да и откуда имъ было взяться, когда большая часть сельско-хозяйственныхъ полевыхъ работъ исполнялась безъ затратъ, бесплатными руками. Отецъ каждый годъ составлялъ списокъ приходскихъ жениховъ и невѣстъ и, по мѣрѣ надобности, требовалъ ихъ то на покось, то на жниво, то на молотьбу. Отказаться отъ этихъ требованій значило бы потерять добрыя отношенія священника,—подвергнуть себя всякаго рода неприятностямъ со стороны духовнаго отца и двойной цѣнѣ за вѣнчаніе. На работы къ священнику шли такъ-же многочисленные приходскіе должники. Одни изъ нихъ въ свое время оказались несостоятельными въ платежахъ за требы и отбывали свой долгъ полевымъ трудомъ; другіе одолжились у батюшки по веснѣ, кто—восьминкою, кто—четвертью ржицы и теперь работали „за процентъ“. И тѣмъ, и другимъ должникамъ такъ-же тщательно и исправно велся списокъ.

Обычная область сельскаго хозяйствовѣдѣнія скоро была уже тѣсна для отца и сына. Съ общаго совѣта рѣшено было поставить „дѣло“ шире и испытать свои силы въ промысловыхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ было содержаніе сыномъ постоялаго двора на большой дорогѣ. Доказавши достаточно свои способности въ руководствѣ дѣломъ сельскаго хозяйства, сынъ не менѣе блестяще обнаружилъ ихъ и въ качествѣ содержателя постоялаго двора, главнымъ образомъ — кабатчика. Случайные заѣзжіе посѣтители двора не могли надивиться искусству безпатентной торговли водкой и превращенія послѣдней въ воду. Сынъ затѣмъ занялся ссыпкою конопли и въ этомъ дѣлѣ превзошелъ всѣхъ кулаковъ-міроѣдовъ — Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Отецъ устроилъ „маслобойню“ и повелъ широко и не безъ выгоды торговлю масломъ и жмыхами. И росло, и ширилось „дѣло“ отца съ сыномъ, и росли, и увеличивались съ каждымъ днемъ ихъ оборотные и запасные капиталы... И славны они были по всей той округѣ, какъ опытные и искусные хозяева-практики...

III.

Но оставимъ такіе случаи и обратимся къ общимъ сужденіямъ о совмѣстности сельско-хозяйственныхъ занятій съ достоинствомъ нашего паствыства.

Наши благожелатели, умысленно или нѣтъ, всегда имѣютъ въ виду здѣсь одну лишь отрасль сельскаго хозяйства, именно — полеводство, оставляя почему-то въ сторонѣ всѣ остальные, какъ: скотоводство, домоводство и различнаго рода сельско-хозяйственную промышленность. Въ занятіяхъ земледѣіемъ они не видятъ ничего зазорнаго для нашего сана и связанныхъ съ нимъ обязанностей, въ подтвержденіе своего взгляда любятъ ссылаться на примѣръ Спасителя, не гнушавшагося занятій плотничнымъ ремесломъ и скорбятъ лишь о томъ, что духовенство до сихъ поръ придерживается ручныхъ способовъ обработки земли, не хочетъ или не умѣетъ перейти къ раціональному, интенсивному землепользованію.

На нашъ взглядъ отправной пунктъ подобныхъ сужденій не вѣренъ уже по одному тому, что тутъ нравственной оцѣнкѣ подвергается одна лишь отрасль сельскаго хозяйствовѣдѣнія. А между тѣмъ, заговоривши о полеводствѣ, нельзя уже молчать и о другихъ отрасляхъ, составляющихъ вмѣстѣ съ первымъ полный кругъ сельскаго хозяйствовѣдѣнія. Полеводство немислимо безъ скотоводства, послѣднее — безъ купли-продажи; продукты полевого хозяйства также требуютъ сбыта. Сельское хозяйство для того, чтобы стать источникомъ хорошаго дохода, безусловно должно принять характеръ одного изъ видовъ обрабатывающей промышленности. А понимаемое въ этомъ, единственно отвѣчающемъ дѣйствительности, смыслѣ, оно, это сельское хозяйство, есть уже далеко не простая, невинная вещь, подобно плотничному ремеслу Спасителя, и вопросъ, насколько желателенъ священникъ, опытный и дѣеспособный хозяинъ-практикъ, съ точки зрѣнія соответствія его занятій съ лежащимъ на немъ саномъ, явится уже въ другомъ освѣщеніи. Изъ фактовъ, приведенныхъ нами изъ дѣйствительности, отвѣтъ на него слѣдуетъ совершенно другой, нежели даваемый многими защитниками хозяйничанья клириковъ. И у русскаго священника, приложившаго свой умъ и сердце къ широкой эксплуатаціи сельскаго хозяйства, часто практикуются тѣ-же нравственные принципы, что и

у любого кулака-міроѣда: „Своя рубашка къ тѣлу ближе“, „Не обманешь,—не продашь“, „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палать каменныхъ“ и мн. т. п....

Но скажутъ: приводимые нами примѣры исключительны. Пусть такъ. Но что скажутъ противъ слѣдующихъ обычныхъ явленій въ с.-хозяйственной практикѣ каждаго священника. Наступаетъ „рабочая пора“,—когда для каждаго хозяина время особенно дорого,—когда, по народному выраженію, „день годъ кормить“. Желая управиться съ полевыми работами наемными руками и часто не отыскавши такихъ рукъ и за любую плату, вы отстааете съ уборкой хлѣбовъ отъ другихъ,—вы волнуетесь, беспокоитесь, какъ-бы всѣ предшествовавшіе ваши труды и потраченныя средства не пропали даромъ. Долго-ли до бѣды? Ни оттуда, ни отсюда зайдетъ туча, пойдетъ дождь, а то и вовсе градъ и—пиши все пропало. Послѣ нѣкотораго раздумья вы приходите къ рѣшенію, находите исходъ, какъ наверстать потерянное время, не рискуя остаться въ большомъ убыткѣ. Въ слѣдующій-же праздникъ или воскресный день вы заказываете матушкѣ испечь пироги, распорядиться насчетъ съѣдобнаго угощенья,—покупаете ведро, два водки и приглашаете прихожанъ „на помочи“, „на толоку“. Крестьяне охотно идутъ на эту приманку батюшки въ праздничный, нерабочій день. „Утру глубоко“ того-же дня вами наскоро, лишь „для очистки совѣсти“, совершается съ пятого на десятое церковное богослуженіе, а затѣмъ вы вступаете въ отправленіе обязанностей, ничело общаго съ вашимъ пастырствомъ не имѣющихъ. Вооружившись „четвертной бутылью“ и большимъ стаканомъ, начинаете „угощать“ мужиковъ.

— Своему здоровью, батюшка!—слышатся предложенія собравшейся толпы.

Вы отказываетесь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, но мужики настаиваютъ на своемъ,—имъ „лестно“ выпить съ батюшкой. И чувствуя себя въ этотъ день рабомъ толпы и исполнителемъ ея капризовъ, вы осушаете первый стаканъ. Стаканъ затѣмъ начинаетъ гулять по рукамъ и устамъ прихожанъ; устраивается, съ благословенія и примѣра священника, общественное пьянство. Попробуйте подвести итогъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ этого дня. Прежде всего, вы нарушили, оскорбили покой и святость праздничнаго дня, пригласивши

прихожанъ на работу, были невнимательны и нерадивы въ отправленіи церковнаго богослуженія, причащались св. Тайнъ безъ всякой мысли о величіи таинства, ибо онѣ, эти мысли, въ тотъ день были заглушены въ васъ безпокойными думами, какъ-бы поменьше израсходовать, побольше сдѣлать работы и, наконецъ, своимъ благословеніемъ и примѣромъ произвели въ своемъ приходѣ пьянство. Прислушайтесь къ голосу своей пастырской совѣсти и она скажетъ вамъ, во что обошлось вамъ хозяйство въ этотъ день.

Положимъ, что вы успѣшно управляетесь съ полевыми работами, не прибѣгая къ подобнымъ способамъ управки. Но у васъ вся церковная земля—полевая, сѣнокосной нѣтъ. Безъ сѣна, этого главнѣйшаго кормового продукта для скота, вамъ не обойтись. И, вотъ вы въ сѣнокосную пору обращаетесь къ тѣмъ изъ прихожанъ, которые владѣютъ большими сѣнокосными участками и просите ихъ продать вамъ сколько-нибудь сѣна. Мужики, не долго думавши, рѣшительно заявляютъ вамъ, что продажнаго сѣна у нихъ нѣтъ, „а, вотъ, ежели за могоарычъ, то для твоей милости—съ великимъ предовольствіемъ. Пріѣзжай ужю, батюшка, къ вечеру, привези ведерочки двѣ водочки, а мы тутъ посоветаемъ промежь себя и отведемъ возковъ на пять, на шесть“. И опять вы вечеромъ ѣдете на телѣгѣ, нагруженной четвертными бутылками, къ мужикамъ на сѣнокосъ, поите ихъ водкой и сами принимаете участіе въ ихъ выпивкѣ.

А, вотъ, вы, будучи рачительнымъ хозяиномъ, опытно убѣждаетесь, что содержимыя вами коровы простой породы мало даютъ молока и не особенно цѣнны въ продажѣ. Нужно улучшить породу и въ этихъ видахъ вы покупаете бычка-производителя семментальской породы. А чтобы съ возможно-большой пользою для себя эксплуатировать доходность, доставляемую бычкомъ, вы входите въ соглашеніе съ крестьянами. Обрисовавши всѣ прелести семментальской породы, за условную цѣну деньгами или „натурой“, отдаете крестьянамъ въ стадо бычка „на нагуль“. И что-же, говорятъ-ли эти и под. факты за совмести-мость с.-хозяйственныхъ занятій съ священнымъ достоинствомъ нашего сана?..

IV.

Рекомендуя, далѣе, духовенству усердныя занятія сельскимъ хозяйствомъ, многіе закрываютъ глаза и ничего не хотятъ знать о сложности постороннихъ обязанностей, не оставляющихъ прямо-таки времени для какихъ-либо хозяйственныхъ занятій. Самыя эти занятія почему-то ограничиваются тѣснымъ кругомъ лишь лѣтнихъ полевыхъ работъ. Надѣль далеко не такъ. Тамъ, гдѣ хозяйство ведется интенсивно (а лишь при такомъ только веденіи оно въ состояніи быть источникомъ хорошаго дохода), оно требуетъ къ себѣ усерднаго вниманія, заботливыхъ хлопотъ и работъ во весь круглый годъ.

Весною вы пашете, засѣваете землю. Только что кончили занятія этого рода,—подошла сѣнокосная пора. Не успѣли управиться съ сѣнокосомъ,—рожь подошла, овесъ поспѣлъ и другіе яровые посѣвы. Кончилась уборка хлѣба съ полей, началась молотба, производится посѣвъ озимыхъ хлѣсовъ. Сентябрь уже на исходѣ, „осень на дворъ черезъ прясло глядитъ“, а вы еще не успѣли управиться съ коноплею. А тамъ еще ждутъ своей уборки различные корнеплоды, картофель, огородныя овощи. Управились вы со всѣмъ въ концѣ октября, подводите итоги с.-хозяйственному году. Опредѣляете, сколько у васъ хлѣба на продажу, сколько оставить въ запасъ на расходъ по хозяйству,—сколько конопли переработать въ масло и оставить на сѣмена. Направляете затѣмъ ваше вниманіе въ сторону полученія возможно большей выгоды при сбытѣ с.-хозяйственныхъ продуктовъ, слѣдите аккуратно за курсовой цѣной на хлѣбъ и пр., стараетесь воспользоваться благоприятнымъ моментомъ повышения цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ и т. п. Тамъ, одна-двѣ лошади оказались лишними на зиму,—опять заботы—сбытъ возможно выгоднѣй, тасканье по ярмаркамъ и продажа съ практикой иной разъ тѣхъ-же пріемовъ, которыми не гнушался и выведенный нами въ началѣ статьи „духовный отецъ“. Затѣмъ въ своихъ хозяйственныхъ планахъ рѣшаете закормить одну пару свиней на продажу, другую—себѣ на убой. Хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ: тамъ отелилась корова, тамъ лошадь принесла породистаго жеребенка. Все требуетъ вниманія, бдительнаго надзора, тщательнаго хозяйскаго ухода и т. д., и т. д...

Нужно-ли на это время?—Безъ сомнѣнія, и не малое, а ровно таки 365 дней въ году. А исполненіе пастырскихъ обязанностей? Развѣ оно лежитъ внѣ времени и пространства?

Пастырскія обязанности, говорятъ, несложны, и отъ исполненія ихъ у священниковъ остается много свободнаго, празднаго времени, особенно въ періодъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, когда прихожане-крестьяне поголовно бываютъ заняты этими работами, рѣже посѣщаютъ храмъ и нечасто требуютъ духовенство для отправленія различныхъ требъ и молебновъ по домамъ. Вообще, наши крестьяне пріурочиваютъ удовлетвореніе большинства своихъ религіозныхъ потребностей къ свободному для себя времени — осеннему, зимнему и отчасти весеннему. Въ нашихъ мѣстахъ періодъ такого времени обнимаетъ собою девять мѣсяцевъ въ году—съ сентября по май. Посмотримъ, чѣмъ занимается приходскій священникъ въ теченіе этого періода, при чемъ напередъ спѣшимъ оговориться, что, при описаніи этихъ пастырскихъ занятій, будемъ имѣть въ виду священника, сознательно и ревностно относящагося къ своему пастырскому долгу.

За это время въ нашемъ, напр., приходѣ священникъ съ причтомъ ходитъ по домамъ прихожанъ съ крестомъ въ сентябрѣ, совершаетъ молебны по всему приходу съ чтимой иконой въ октябрѣ; передъ святками ходитъ „съ молитвой“, на святкахъ „христославить“, на Крещеніе ходитъ „съ водою“, подъ Пасху „съ молитвой“, на Пасху служитъ молебны по всему приходу съ иконами, послѣ Пасхи совершаются частые крестные ходы для молебствованія „на-зелени“, по колодцамъ, надъ скотомъ и т. п. За это же время у насъ бываетъ отъ 150 до 200 крестинъ, до 100 погребеній и столько-же случаевъ напутствованій больныхъ. За это-же время бываетъ очень много церковныхъ—воскресныхъ, праздничныхъ, заупокойныхъ и великопостныхъ богослуженій. Это-же время является наиболѣе удобнымъ для пастырской проповѣди съ церковной каеедры, по обилію посѣщающихъ въ храмъ прихожанъ. По тѣмъ-же причинамъ то-же время наиболѣе удобно для пастырскихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій преимущественно въ воскресные и праздничные дни. Это-же время посвящается усердной дѣятельности священника по законоучительству въ школахъ, иногда—въ трехъ-четырехъ и рѣдко—менѣе двухъ. Въ это-же время приходское духовенство, у насъ одинъ священникъ, ведетъ весь кругъ цер-

ковнаго письмоводства: метрики и росписи въ двухъ экземплярахъ, клировые—въ 4-хъ, приходо-расходныя, брачный журналъ, обыскъ-брачный, выписи по воинской повинности, лѣтопись и пр. Тогда же духовенство должно наиболѣе усердно слѣдить и за воспитаніемъ собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей, не поступившихъ еще въ духовно-учебныя заведенія...

Много-ли же отъ исполненія этихъ занятій у усерднаго, ревностнаго къ своему долгу священника насчитается за этотъ періодъ времени праздныхъ дней?—Рѣшительно ни одного. Будній, короткій осенній и зимній день цѣликомъ уходятъ на занятія въ школахъ, на письмоводство, домашнія занятія съ своими дѣтьми и на отправленіе приходскихъ требъ. Праздничный и воскресный день—на церковное богослуженіе, пастырское учительство и совершеніе приходскихъ богослуженій и молитвословій. У сельскаго священника въ этотъ періодъ времени нѣтъ прадниковъ, понимаемыхъ въ общемъ смыслѣ дней, посвященныхъ отдыху отъ трудовъ. А что и духовенство имѣетъ права на отдыхъ, вопросъ излишній, такъ какъ въ отдыхѣ не отказываютъ даже и каторжникамъ. И не будетъ-ли простою справедливостью отдать на сравнительно ограниченный по совершенію церковныхъ богослуженій и требъ отдыхъ духовенству тѣ три лѣтнихъ мѣсяца въ году, которые намъ рекомендуютъ посвящать на интенсивныя занятія сельскимъ хозяйствомъ? И не лучше ли, отложивши въ сторону предлагаемыя „спеціальныя с.-хозяйственныя журналы, газеты и брошюры“, посоветовать тому-же духовенству обновить и освѣжить запасъ своихъ духовныхъ силъ изъ источниковъ, болѣе соответствующихъ своимъ содержаніемъ самому назначенію духовенства, чѣмъ свѣдѣнія по агрономіи, культурѣ табака, корнеплодовъ и пр.?

V.

Резюмируя все выше сказанное, нужно признать, что сельско-хозяйственныя занятія и лежащія на насъ пастырскія обязанности взаимно исключаютъ другъ друга, что и засвидѣтельствовано еще 19 съ лишкомъ вѣковъ тому назадъ самимъ Пастыреначальникомъ—Христомъ

когда Онъ прямо и категорически заявилъ: „Не можете Богу работать и мамонѣ“. Въ священникѣ—рачительномъ и дѣятельномъ хозяинѣ напрасный трудъ искать „добраго пастыря“, бодрствующаго на стражѣ вѣчнаго спасенія своей паствы и ревностнаго служителя Таинъ Божіихъ. Такой пастырь—только „наемникъ“ и, расходуя постоянно и ежедневно весь запасъ своихъ духовныхъ и физическихъ силъ на интенсивныя занятія сельскимъ хозяйствомъ, на устройство своего жизненнаго благополучія, мало удѣляетъ вниманія своимъ чисто пастырскимъ обязанностямъ. Послѣднія часто забываются, игнорируются имъ и превращаются въ холодное, формальное, чисто механическое отправленіе церковно-приходской „службы“. Много было такихъ пастырей-наемниковъ въ „доброе старое время“ въ средѣ старозавѣтнаго сельскаго духовенства, выросшаго и воспитавшагося на почвѣ правовыхъ условій крѣпостнаго рабства и созданнаго имъ взгляда на священника, какъ на слѣпое орудіе барской воли, барскихъ капризовъ. Не мало, къ сожалѣнію, въ средѣ рядового, сельскаго духовенства найдется и теперь—въ нашъ холодный, позитивный вѣкъ—такихъ пастырей-наемниковъ, и типъ священника—опытнаго дѣльца и практика-хозяина „съ трезвымъ взглядомъ на жизнь“, едва-ли не преобладающій. Пастырская церковно-приходская дѣятельность ихъ... О ней лучше бы не говорить. Она вся ушла въ погоню за наживой, въ эксплуатацію сельскаго хозяйства, въ сколачиваніе капитала. Много-ли теперь священниковъ, „право правящихъ слово истины“? Церковное богослуженіе совершается сплошь и рядомъ кое-какъ, съ пятаго на десятое, съ однимъ желаніемъ лишь бы поскорѣе кончить скучную „службу“ и отдаться с.-хозяйственнымъ занятіямъ. „Служба на почтовыхъ“,—это терминъ, изобрѣтенный духовенствомъ. Требоисправленіе, совершеніе таинствъ превратилось въ ремесло. Вы платите рубль за крестины,—вашему ребенку—хорошее имя и самый чинъ совершенъ съ нѣкоторою внятностью и членораздѣльностью рѣчи. А вы—30 копѣекъ?—Получайте Касьяна и довольствуйтесь ролью истукана, стоящаго у купели и ничего, ровно таки ничего не понимающаго изъ того невяннаго лепета, какимъ прочитываются всѣ молитвы въ чинѣ Крещенія.

А попробуйте обратить ваше вниманіе въ сторону самой священнѣйшей обязанности—пастырскаго учительства, и самое большее, что

вы услышите,—это первую, попавшую подъ руки печатную проповѣдь, читаемую съ кафедръ и съ такимъ заунывнымъ, псалтирнымъ речитативомъ, что едва-ли потомъ въ другой разъ у васъ явится охота слушать церковное поученіе. Отсутствіе личной инициативы, живого желанія вникнуть въ жизнь прихожанъ, горячимъ, убѣдительнымъ словомъ согрѣть ихъ сердца, освѣтить и расширить ихъ темный и тѣсный кругозоръ религіозно-нравственныхъ понятій,—отсутствіе всего этого красной нитью проходитъ черезъ всю пастырскую дѣятельность сельскаго хозяина-священника. Подобно богослуженію и требосправленію, церковная проповѣдь превратилась также въ ремесло, исполняемое съ тѣмъ большею халатностью, что за него не платяты, не даютъ цѣны, не представляютъ къ скуфьямъ и камилавкамъ. Для священника—усерднаго хозяина—въ отправленіи обязанностей пастырскаго учительства всякій аршинъ хорошъ, всякій шаблонъ удовлетворителенъ. Пишущему эти строки пришлось однажды въ обществѣ ктитора и церковнаго сторожа прослушать терпѣливо длиннѣйшее поученіе Златоуста, прочитанное батюшкою на ц.-славянскомъ языкѣ псалтирнымъ речитативомъ. А на любопытный вопросъ—„для чего онъ читаетъ подобныя поученія?“—получишь не менѣе „любопытный“ отвѣтъ, что такъ-де слѣдуетъ по чину, по положенію и лучше Златоуста все равно ничего не выдумаешь“.

Отъ пастырскаго учительства попробуйте перенести свой взоръ на школьное законоучительство батюшекъ — сельскихъ хозяевъ. Попробуйте вы спросить ихъ, когда они, удрученные заботами и хлопотами по хозяйству, успѣваютъ заниматься въ школахъ, учить дѣтей вѣрѣ истинной, жизни нравственной, христіанской? И если вы хорошо знакомы съ этими батюшками, то на свой вопросъ услышите прежде всего веселый, чистосердечный смѣхъ надъ вашею наивностью, а затѣмъ уже получите надлежащій отвѣтъ. „Наивны вы,—скажутъ,—милостивый государь, точно пятилѣтній ребенокъ. Мыслимо-ли усердно заниматься этимъ дѣломъ, когда васъ всего съ головою захватило хозяйство, а этихъ самыхъ школъ въ иномъ приходѣ штукъ до пяти найдется? Въ одной побудешь, въ другую, третью, четвертую не дойдешь. Такъ ужъ мы рѣшили равнять всѣ одинаково и, сдавши дѣло цѣликомъ на руки учителямъ и учительницамъ, сами заглядываемъ

нзрѣдка и случайно, по пути, напр., къ больному съ требой или, вотъ, когда иной разъ удосужится прѣхать о. наблюдатель, съ которымъ,—къ слову сказать,—мы въ большихъ ладахъ,— ну, тогда провожаемъ его лично изъ одной школы въ другую... И все у насъ шито-крыто, ни въ чемъ ни сучка, ни задоринки“...

— Прекрасно,—соглашаетесь вы.—Ну, а какъ на счетъ воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей? На родительскія-то обязанности вы удѣляете достаточно времени?

— Ровно столько, сколько совѣтуетъ блаженной памяти пощ. Сильвестръ, авторъ „Домостроя“, для жизненнаго примѣненія замѣчательнаго педагогическаго принципа: „Аще не имуть мѣры кротости, то палкою—по кости“...

— Ну, а...—раскрываете вы ротъ для новаго вопроса.

— Да позвольте,—нетерпѣливо прерываютъ васъ,—полно вамъ допытываться. Перемѣнимъ разговоръ... Видали вы у меня семментальскаго бычка? Недавно купилъ и за-дешево пришелся,—по случаю. Не видали? Нѣтъ? Стоитъ посмотрѣть,—давно ужъ всемъ показываю. Прелесть что такое! Какой хоботь, какіе рога,—я вамъ скажу,—хвостъ, ну и все прочее. Посмотрите, сами убѣдитесь—красавецъ, хоть куда! Ну, а только ребенокъ еще всемъ, всего только два года. Уходу за нимъ, хлопотъ, наблюденій еще много, пока до дѣла доведешь. Да, вѣдь, за то красавецъ-скотина, прямо залюбоваться можно. Хотѣлось бы еще теперь жеребца арденской породы достать. У васъ такъ-то нѣтъ на примѣтъ?..

Сомкните ваши уста, идите смотрѣть и любоваться семментальскимъ бычкомъ, воспитаніе котораго для хозяина составляетъ предметъ несравненно большихъ заботъ и хлопотъ, чѣмъ воспитаніе собственныхъ дѣтей.

И вотъ обыденная жизнь нашего сельскаго духовенства. Это—того духовенства, которое именно, по словамъ В. М. Скворцова, „и должно составлять подлинную силу церкви“ („Новый путь“,—Записки р.-философ. собраній,—1903 г.,—январь); это—того духовенства, относительно нравственнаго значенія и силы котораго интеллигенція пришла къ опредѣленному выводу, „не признавая этой силы доброю“ („Вынужденная самозащита“,—О. Е. Вѣдомости, 1904 г.); это—того духовен-

ства, наблюдая обыденную жизнь котораго, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ нашей церкви, епископъ Порфирій, пришелъ къ грустному убѣжденію, что оно, «обладая узкимъ образованіемъ и направленіемъ душъ въ одну сторону,—къ колокольнымъ», не въ состояніи руководить идейной, духовной жизнью общества и рекомендуетъ ставить во священника «грамотныхъ, честныхъ и зажиточныхъ поселянъ» («Церков. Вѣстникъ» 1904 г., № 13,—стр. 399—400); это—того духовенства,—скажемъ отъ себя,—которое, въ погонѣ за выгодой, за приобрѣтеніемъ, ушедши съ головой въ сельское хозяйство и другіе источники содержанія—исповѣдныя, крестинныя, свадебныя, похоронныя вознагражденія, давно уже отказалось отъ своего великаго назначенія «свѣщника, на свѣщницѣ горящаго» и назойливые, мучительные вопросы, волнующіе каждую живую душу—о правдѣ Божіей на землѣ сознательно и спокойно предоставило рѣшать за себя новымъ самозваннымъ отцамъ церкви вродѣ Л. Н. Толстого и т. п.

* *
* *

«Тогда, приступиша ко Іисусови иже отъ Іерусалима книжницы и фарисеи, глаголюще: почто ученицы Твои престапаютъ преданіе старецъ? Онъ-же отвѣщавъ, рече имъ: почто и вы престапаете заповѣдь Божию за преданіе ваше?» (Мѡ. XV, 1—3).

Я отсюда, изъ сельской глуши и затишья, вижу удивленные взоры, слышу недоумѣнные вопросы: «Кто сей рѣзкій, продерзостный обличитель-священникъ? Зачѣмъ онъ отступаетъ отъ «освященныхъ» временемъ традицій?»

«Онъ-же, отвѣщавъ, рече имъ: почто и вы престапаете заповѣдь Божию за преданіе ваше?.. Все бо явленное свѣтъ есть»... (Ефес. V, 13).

Пора признать, что «незамѣнимая и благодарная задача» дѣятельности лицъ нашего сословія можетъ быть одна и только лишь одна, находящая себѣ достаточное опредѣленіе въ названіи именно этого сословія въ отличіе отъ другихъ «духовнымъ». И не пионеры, не проводники научныхъ свѣдѣній по части агрономіи, о которыхъ съ положительностью нельзя сказать—вышли-ли они изъ семинаріи или изъ с.-хозяйственного института, представляютъ собою „разумную силу въ

народъ», - а тѣ самоотверженные апостолы правды Божіей на землѣ, которые только что начинаютъ обрисовываться, выдѣляться изъ густого тумана вѣковыхъ сословныхъ традицій, выросшихъ и созрѣвшихъ на почвѣ грубаго матеріализма и служенія личной выгодѣ. Не къ жатвѣ, выращенной усовершенствованными способами земледѣлія и минеральнымъ удобреніемъ, должно прилагать свое старательное усердіе духовенство; а къ той, единственно важной и священной для него «жатвѣ», о которой еще Спаситель говорилъ, что ея, этой „жатвы“, много, а дѣлателей мало. Пора идти въ міръ, въ народъ, на апостольское служеніе... Пора „благовѣстити нищимъ, исцѣлители сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно“ (Лук. IV, 18 - 19)...

Священникъ *Семенъ Поповъ*.

Прим. ред. Въ искренней статьѣ о. Попова несомнѣнно много реальной правды, но въ то же время нельзя не отмѣтить сгущенія красокъ въ его мастерскихъ „картинкахъ съ натуры“ и односторонности въ его сужденія ихъ по данному вопросу, которыхъ редакція не можетъ вполне раздѣлять.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Централизація миссіи.

Въ VI-мъ Отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія, какъ извѣстно, были сосредоточены всѣ дѣла относительно нашей внутренней миссіи. Въ числѣ этихъ дѣлъ находился и вопросъ объ устройствѣ миссіи. Для детальной разработки этого вопроса была избрана особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Ивановскаго и изъ членовъ — миссіонеровъ: Харьковскаго, Херсонскаго и Самарскаго. Коммиссія признала, что въ епархіяхъ миссіонерское дѣло по-прежнему должно вестись народомъ или паствою, приходскими пастырями и спеціальными миссіонерами. Но, по мнѣнію коммиссіи, борьба съ расколомъ и сектами не должна ограничиваться *епархіальною организаціею*. Раскольники, а тѣмъ болѣе сектанты представляютъ собою силу сплоченную и сѳорганизованную. Они дѣйствуютъ въ предѣлахъ Россіи по опредѣленному плану, всѣ части котораго выработаны ими сообща и приводятся въ исполненіе подъ взаимнымъ контролемъ и наблюденіемъ центра. Посему, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ расколосектантствомъ необходимо хорошо ознакомиться съ повсемѣтною его дѣятельностью, обсудить таковую, и затѣмъ уже выработать мѣры къ ея ослабленію и даже прекращенію. Всего этого и можно достигнуть только путемъ взаимныхъ совѣщаній или съѣздовъ дѣятелей епархіальныхъ миссіи. Подобные съѣзды необходимы еще и по другимъ соображеніямъ. Необходимо: а) прійти дѣятелямъ миссіи другъ къ другу съ поддержкою въ дѣлѣ возможно лучшаго устройства и направленія въ епархіяхъ миссіи, б) водворить въ дѣйствіяхъ миссіонерскихъ лицъ и учрежденій (какъ-то: братствъ, комитетовъ, совѣтовъ и т. под.) разныхъ епархій полезное для дѣла миссіи единство, в) предупредить и

*

сгладить тѣ мѣропріятія, которыя являются или нецѣлесообразными, или бесплодными, или даже вредными для миссіи, что особенно случается въ мѣстахъ, гдѣ впервые появляется расколъ или сектантство и гдѣ миссіонеръ и миссіонерскія учрежденія только выступаютъ на миссіонерское поприще, г) подробно ознакомиться съ расколо-сектантствомъ, которое, какъ живой организмъ, даритъ насъ все новыми и новыми явленіями, д) провѣрить пригодность ранѣе принятыхъ мѣръ и выработать новыя, соотвѣтственно назрѣвшимъ новымъ нуждамъ миссіи, е) совмѣстно выяснить литературныя нужды миссіи, а также разрѣшить вопросы миссіонерской полемики и методики, ж) совмѣстно обсудить дѣло школьной миссіи, з) выяснить матеріальныя нужды миссіи и и) вообще, при свѣтѣ полной картины расколо-сектантства, разработать всѣ вопросы практической и литературной миссіи. Нечего уже говорить о томъ высокомъ духовномъ подкрѣпленіи, которое дѣятели миссіи всегда получаютъ на подобныхъ сѣздахъ и которое вдохновитъ ихъ на еще болѣе идейное служеніе святому дѣлу миссіи.

Самое устройство означенныхъ сѣздовъ можетъ быть представлено, по мнѣнію комиссіи, въ слѣдующихъ чертахъ: сѣзды раздѣляются на областныя или окружныя и всероссійскіе. Окружныя сѣзды происходятъ ежегодно. Въ составъ ихъ входятъ дѣятели миссіи и представители церковно-общественныхъ миссіонерскихъ учреждений: братствъ, обществъ и другихъ изъ епархій, наиболѣе тѣсно связанныхъ между собою общностью миссіонерскихъ нуждъ. Съ это цѣлью русская церковь дѣлится на миссіонерскіе округа, которые могутъ совпадать съ проектируемыми митрополичьими округами. Всероссійскіе сѣзды устраиваются по просьбѣ не менѣе, какъ двухъ окружныхъ сѣздовъ. Время и мѣсто тѣхъ и другихъ сѣздовъ опредѣляется Всероссійскимъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ, для участія въ засѣданіяхъ котораго, при обсужденіи въ немъ важнѣйшихъ миссіонерскихъ мѣропріятій, окружныя сѣзды намѣчаютъ ежегодно изъ своей среды трехъ лицъ.

Такимъ образомъ, окружныя и всероссійскіе сѣзды миссіонеровъ и представителей миссіонерскихъ церковно-общественныхъ организацій, дѣйствующихъ въ епархіяхъ, явятся необходимымъ средоточіемъ или центромъ миссіонерской жизни русской церкви. Сюда должно стекаться все, касающееся миссіонерскаго дѣла въ епархіяхъ, и отсюда должны исходить всѣ мѣропріятія относительно миссіи. Постановленія сѣздовъ

черезъ ихъ предсѣдателей—мѣстныхъ епископовъ направляются во всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ, которымъ незамедлительно вносятся на утвержденіе высшей церковной власти.

При такомъ строѣ миссіи, *правляющимъ* миссіонерскимъ центромъ въ епархіи остается епархіальный архіерей, а во всей русской церкви высшая церковная власть, т. е. въ настоящее время Св. Синодъ.

Но, если высшая церковная власть и впредь должна оставаться единственнымъ правящимъ центромъ всероссійской внутренней миссіи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, то важность и сложность дѣлъ противораскольнической, противосектантской и противоинославной миссіи настоятельно требуютъ, чтобы означенная власть имѣла при себѣ Всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ, въ которомъ сосредоточивались-бы все свѣдѣнія о положеніи миссіонерскаго дѣла въ Россіи, о состояніи раскола, сектъ и инославія и ихъ пропагандѣ, и черезъ который она издавала-бы руководящія и другого рода распоряженія по дѣламъ внутренней миссіи.

Дѣятельность этого Совѣта, по мнѣнію комиссіи, коротко можетъ быть выражена въ слѣдующихъ правилахъ:

§ 1. Всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ учреждается при высшей церковной власти, въ настоящее время при Св. Синодѣ, въ качествѣ ближайшаго совѣщательнаго и исполнительнаго органа ея по дѣламъ всероссійской внутренней миссіи: противораскольнической, противосектантской и противоинославной.

§ 2. Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ. Предсѣдатель назначается высшимъ церковнымъ управленіемъ изъ епископовъ—постоянныхъ членовъ этого управленія. Члены раздѣляются на постоянныхъ и временныхъ. Первые назначаются въ потребномъ количествѣ высшею церковною властью изъ хорошо знающихъ дѣло миссіи лицъ, а вторые вызываются на срокъ Совѣтомъ изъ числа лицъ, указанныхъ окружными миссіонерскими съѣздами, а также и изъ другихъ дѣятелей миссіи.

§ 3. Въ Совѣтъ сосредоточиваются для высшей церковной власти все свѣдѣнія о состояніи миссій въ епархіяхъ, о дѣятельности миссіонерскихъ лицъ и учреждений (какъ-то: братствъ и др...), о положеніи и пропагандѣ раскола, сектъ и инославія и т. под... и черезъ

Совѣтъ высшая церковная власть осуществляетъ всѣ свои мѣропріятія и распоряженія по дѣламъ миссіи.

§ 4. Совѣтъ вносить на утвержденіе высшей церковной власти представленія епархіальныхъ епископовъ о назначеніи и увольненіи епархіальныхъ миссіонеровъ, а также ходатайства объ открытіи окружныхъ и всероссійскихъ миссіонерскихъ сѣздовъ.

§ 5. Въ Совѣтѣ сосредоточиваются суммы, отпускаемыя высшею церковною властью на нужды внутренней миссіи и онъ-же изыскиваетъ способы къ увеличенію этихъ суммъ.

§ 6. Совѣтъ сносится по дѣламъ миссіи чрезъ подлежащихъ архіереевъ со всѣми церковно-общественными учрежденіями въ Россіи: братствами, обществами и т. под., приглашаетъ въ свои засѣданія указанныхъ этими учрежденіями лицъ съ правомъ полного голоса.

§ 7. Совѣтъ предъ открытіемъ окружныхъ и всероссійскихъ миссіонерскихъ сѣздовъ, а также и въ другое время приглашаетъ въ свои засѣданія съ правомъ рѣшающаго голоса для обсужденія назрѣвшихъ миссіонерскихъ вопросовъ специальныхъ миссіонеровъ и лицъ изъ числа тѣхъ, которые намѣчены для этой цѣли окружными сѣздами.

§ 8. Совѣтъ заботится о развитіи миссіонерской литературы: книгъ, брошюръ, листовъ и проч.

§ 9. По вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ епархіяхъ, Совѣтъ сносится къ епархіальными архіереями.

§ 10. Всѣ журнальныя опредѣленія Совѣта проводятся имъ въ исполненіе только по утвержденіи ихъ высшею церковною властью.

§ 11. Болѣе подробно дѣятельность Совѣта опредѣляется высшимъ церковнымъ управленіемъ.

При такомъ строѣ высшаго миссіонерскаго центра, получится полное взаимодействіе церковныхъ и общественныхъ силъ, работающихъ на миссіонерской нивѣ, и высшая церковная власть явится вполне осѣдоленной въ миссіонерскихъ дѣлахъ. Къ этому и должно стремиться особенно въ столь тревожное для Православной Церкви время, какъ наше, когда предоставленъ широкой просторъ всякой пропагандѣ.

И. Мариупольскій.

По сектовѣдѣнію.

Распредѣленіе сектъ по религіямъ.

[Докладъ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія).

Новое государственное законодательство по дѣламъ вѣры, разумѣю новое Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 года въ томъ его видѣ, какъ оно редактировано Высочайше утвержденнымъ 14 марта 1906 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, а также и Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости,—покоится на вѣiskonфессіональномъ принципѣ. Въ немъ государство объявило себя институтомъ чисто-правовымъ, или юридическимъ. Со скрижалей государственнаго кодекса предположено постепенно вычеркнуть весь вѣроисповѣдной элементъ. Въ настоящее время государство прошло только половину этого безрелигіознаго пути. Вѣiskonфессіонализмъ еще не проведенъ имъ полностью въ дѣйствующій законъ. Исключеніе, въ смыслѣ приложенія ограничительныхъ и карательныхъ законовъ, оставлено для послѣдователей изувѣрныхъ ученій, какъ „несовмѣстимыхъ съ основами разумной и нравственной жизни государства“, и для религій нехристіанскихъ, по причинѣ „глубокаго сознанія истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой“.

Такимъ образомъ, государство въ наше время перешло на *обще-христіанскую* почву, не сдѣлавъ существеннаго различія между христіанскими исповѣданіями, въ томъ числѣ „старобрядческими согласіями“ и раціоналистическими и мистическими сектами, за исключеніемъ, конечно, изувѣрныхъ. Уравнять же съ христіанствомъ религіи нехристіанскія государство сразу не рѣшилось, хотя этого и требуетъ отъ него объявленный имъ-же вѣроисповѣдной принципъ.

Вслѣдствіе такого отношенія къ нехристіанскимъ религіямъ,

государство новыми законами расширило права преимущественно христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ христіанскихъ сектъ и „старообрядческихъ согласій“. Такъ, напримѣръ, оно уравнило въ правахъ „старообрядцевъ“ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ; лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ „старообрядцамъ“ и сектантамъ, разрѣшило крестить по обрядамъ своей вѣры и воспитывать въ той-же вѣрѣ взятыхъ ими на свое попеченіе некрещенныхъ подкидышей и вообще дѣтей неизвѣстныхъ родителей.

Всѣ эти и имъ подобныя права, предоставленныя дѣйствующимъ законодательствомъ христіанскимъ исповѣданіямъ, въ томъ числѣ „старообрядческимъ согласіямъ“ и раціоналистическимъ и мистическимъ сектамъ, побуждаютъ насъ теперь-же разрѣшить выдвинутый новымъ вѣроисповѣднымъ законодательствомъ весьма важный вопросъ: *всѣ-ли секты, составившіяся изъ отпавшихъ отъ Православной Церкви лицъ, должны признаваться сектами христіанскими, или-же нѣкоторые изъ нихъ должны быть причислены къ нехристіанскимъ религіознымъ общинамъ.*

Неотложное рѣшеніе этого вопроса требуется еще и тѣмъ соображеніемъ, что много чисто-церковныхъ вопросовъ, касающихся иномыслящихъ, разрѣшаются въ зависимости отъ принадлежности послѣднихъ къ христіанскимъ религіямъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о молитвѣ за умершихъ лицъ инославныхъ исповѣданій и другіе.

Основныя положенія, по которымъ та или другая секта должна быть признана нехристіанской,—это, по нашему мнѣнію: во 1-хъ, возникновеніе, выдѣленіе и дальнѣйшее развитіе секты на почвѣ или точнѣе изъ нѣдръ нехристіанскихъ религій: магометанской, еврейской, языческой и другихъ; во 2-хъ, возникновеніе и выдѣленіе секты хотя и изъ христіанскаго исповѣданія или ученія, но съ тѣмъ, однако, что въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи эта секта окончательно порываетъ связь съ христіанствомъ и усваиваетъ въ томъ или другомъ видѣ ученіе и мораль нехристіанскихъ религій и сектъ; въ 3-хъ, возникновеніе и выдѣленіе секты хотя и изъ христіанства, но съ тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта секта приноситъ въ христіанское ученіе языческія и вообще нехристіанскія религіозныя воззрѣнія, или-же собственный вымыселъ, такъ что нерѣдко отъ всего христіанства у нея остаются одни только христіанскія имена съ новымъ нехристіанскимъ содержаніемъ; въ 4-хъ, отрицаніе сектою двухъ главныхъ догматовъ христіанства, благодаря которымъ послѣднее является божествен-

ною религіею, а не человѣческимъ ученіемъ,—это *догматы о Божествѣ Иисуса Христа*, или единократномъ воплощеніи Его отъ Святаго Духа и Дѣвы Маріи и *догмата объ искупленіи Христомъ грѣховъ* всего міра; въ 5-хъ, *отрицаніе сектою* *обоихъ божественныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія*: Священнаго Преданія и Священнаго Писанія и въ 6-хъ, наконецъ, *отрицаніе сектою* или общиною вообще всякаго божественнаго элемента въ своемъ ученіи, какъ *и вѣрованія въ личное безсмертіе или загробную жизнь чловѣка*. Нехристіанство послѣдней категоріи сектъ или общинъ является въ своемъ существѣ *атеизмомъ*, хотя-бы секта или община и имѣла какой-либо культъ, даже связанный съ личностью или, точнѣе, съ именемъ Иисуса Христа.

Сверхъ изложенныхъ основаній, въ дѣлѣ причисленія той или другой секты къ нехристіанскимъ религіознымъ общинамъ, Православная Церковь можетъ руководствоваться и церковными канонами: 7-мъ правиломъ II Вселен. Собора и 25-мъ прав. VI Вселен. Собора. Въ приведенныхъ правилахъ еретики, наиболѣе сильно искажившіе ученіе Христа, какъ-то: евноміане, монتانсты, савелліане, мавихеи, валентиніане, маркіониты и имъ подобные, приравняются *къ язычникамъ*. Кто изъ этихъ еретиковъ пожелалъ-бы присоединиться къ православію, того принимали, какъ *язычника*. Таковыхъ, пишутъ отцы II-го и VI-го Вселенскихъ Соборовъ, „въ первый день *дѣлаемъ христіанами*, во второй оглашенными, потомъ въ третій закликаемъ ихъ, съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице и во уши: и тако оглашаемъ ихъ, и заставляемъ пребывать въ церкви, и слушати писанія, и тогда уже крещаемъ ихъ“.

Принявъ во вниманіе изложенныя выше основныя положенія и церковныя каноны, которыми, по нашему мнѣнію, надо руководствоваться при распредѣленіи сектъ по религіямъ, мы признаемъ необходимымъ, въ интересахъ Православной Церкви и въ виду современнаго направленія государственной вѣротерпимости, перечислить въ разрядъ *нехристіанскихъ* религіозныхъ обществъ нѣкоторыя изъ сектъ, составившихся у насъ изъ отпавшихъ въ разное время отъ Православной Церкви лицъ,—это секты: *жидовствующихъ, духоборцевъ, иеговистовъ, хлыстовъ и скопцовъ*, со всѣми подраздѣленіями означенныхъ сектъ на многочисленныя толки.

Понятно, что къ тому-же числу нехристіанскихъ религіозныхъ общинъ должны быть отнесены и всѣ другія секты, ученіе которыхъ подходитъ подъ одно изъ вышеприведенныхъ нами *основныхъ положеній*, или-же которыя приравняются Церковью

къ нехристіанскимъ обществамъ „ради назиданія многихъ“, какъ о томъ читаемъ въ 1-мъ правилѣ св. Василія Великаго и чему примѣры мы видѣли въ 7-мъ прав. II-го Вселен. Собора и въ 95-мъ прав. VI-го Всел. Собора.

Секта жидовствующихъ, о которой мы упомянули, въ настоящее время гнѣздится, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ: Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тамбовской и другихъ. Она раздѣляется на три сравнительно большихъ толка: талмудистовъ или шапошниковъ, староіудеевъ или безшапошниковъ и караимовъ. Эти толки разнятся между собою тѣмъ, что шапошники во всемъ подражаютъ кореннымъ евреямъ—талмудистамъ; безшапошники отвергаютъ Талмудъ и обосновываются на книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, а караимы пользуются только пятикнижіемъ Моисея. Всѣ вообще жидовствующіе пересаживаютъ въ русскую народность вѣроученіе, мораль, надежды и чаянія коренныхъ евреевъ. Свою судьбу они сливаютъ съ судьбою евреевъ и вмѣстѣ съ ними признаютъ себя разсѣянными по лицу земли и плѣнниками русскаго царя. На православныхъ они усвоили взглядъ отъ евреевъ и считаютъ ихъ челоуѣко-обожателями. Троичности Лицъ въ Богѣ жидовствующіе не признаютъ. Іисусъ Христосъ, по ихъ мнѣнію,—это простой челоуѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, распятый за богохульство и противленіе кесарю. На своихъ религіозныхъ собраніяхъ жидовствующіе, изъ которыхъ талмудисты одѣты въ традиціонныя еврейскія „талисы“, возносятъ горячія молитвы о собраніи ихъ въ Палестинѣ, о возсозданіи Іерусалима и храма, о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства ихъ съ царемъ—Мессією во главѣ, когда они будутъ владѣть всѣми народами. Впрочемъ, нѣкоторые смотрятъ на Мессію, какъ на великаго философа—моралиста, царство Котораго будетъ торжествомъ разума и правды на землѣ. Другіе вовсе не ожидаютъ Мессіи. Празднованіе субботы, обрѣзаніе и другіе еврейскія обряды и установленія соблюдаются жидовствующими строго съ тою только разницею, что у талмудистовъ эта обрядность сложнѣе, у безшапошниковъ она черпается только изъ ветхозавѣтной Библии, а у караимовъ изъ пятикнижія Моисея.

На основаніи изложеннаго секта жидовствующихъ, хотя и выдѣлилась изъ нѣдръ христіанской Церкви, но, какъ перешедшая на еврейскую почву и усвоившая вѣроученіе и мораль евреевъ, должна быть признана сектою *нехристіанскою*.

Секта іеговистовъ въ лицѣ своего основателя, отставнаго капитана Николая Ильина, и его послѣдователей отвергла всѣ

христіанскіе догматы. Такъ, она не только отринула троичность Лицъ въ Богѣ, воплощеніе Іисуса Христа и Его искупительную смерть, но и не признала духовности существа Божія. Боги, по ученію іеговистовъ,—это люди же, только безсмертные и просвѣщенные таинствами натуры, музыкою и разными языками. Богъ Отецъ есть „простой человѣкъ. Онъ говорилъ лицомъ къ лицу съ нашими предками, ходилъ, ѣлъ и пилъ съ ними и даже боролся съ Яковомъ, имѣлъ не только всѣ члены человѣческаго тѣла, но и душу. Имя Его Егова, что значитъ наимудрейшій мудрецъ изъ всѣхъ мудрецовъ“. Іисусъ Христосъ, Мессія—тотъ же Егова, человѣкобогъ, только распятый. „Открытіе величайшей истины Божіей для всѣхъ людей въ томъ, что подъ именемъ Іисуса Христа былъ распятъ тотъ же самый Богъ—еврей, который обѣдалъ у Авраама, ходилъ и стоялъ съ нимъ у Содомы“ и т. д... Отсюда у іеговистовъ полное отрицаніе Бога, какъ Творца и Промыслителя міра. „Неопровержимо доказано, учитъ Ильинъ, что такимъ безчисленнымъ множествомъ солнцевъ, планетъ и кометъ, вращающихся на расстояніи квадраніоновъ, октаніоновъ, билліоновъ верстныхъ миль не можетъ владѣть одно такое существо, которое, подобно человѣку, ограничено въ два аршина семь вершковъ, какъ Богъ—еврей, Егова или Богъ Авраамовъ, а тѣмъ болѣе Онъ не могъ создать ихъ не только въ шесть дней, но даже и въ 666666 октаніоновъ тысячелѣтій“. Свое ученіе о происхожденіи міра іеговисты черпаютъ у матеріалистовъ. За отрицаніемъ христіанскихъ догматовъ у іеговистовъ идетъ кощунственное отрицаніе православной и вообще христіанской Церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. Изъ источниковъ христіанскаго вѣроученія іеговисты признаютъ только ветхозавѣтное Св. Писаніе и Апокалипсисъ, кощунствуя нерѣдко надъ Св. Евангеліемъ и посланіями Апостоловъ. Они-же далѣе учатъ о необходимости соблюдать Моисеевъ Законъ и сами празднуютъ субботу, обрѣзаются, не ѣдятъ свинины и т. под... Соблюденіе Моисеева закона приводитъ ихъ къ отрицанію всего христіанства. Конечныя чаянія іеговистовъ—это тысячелѣтнее чувственное царство Іисуса—Мессіи на землѣ, въ Іерусалимѣ на горѣ Сіонѣ, съ блаженствомъ въ немъ только „іеговистовъ“. Задавшись цѣлью объединить все человѣчество одною религіею,—это „религіею безсмертія“ или „любви“, іеговисты отвергли всѣ религіи. На мѣсто ихъ они поставили свой воинственный бредъ, представляющій собою смѣсь іудейства съ матеріализмомъ и собственной ихъ фантазіею. Въ этомъ, по выраженію Ильина, „новозавѣтномъ іудействѣ“ только

изрѣдка попадаются христіанскія имена, безъ соотвѣтственнаго имъ въ христіанствѣ смысла. Такимъ образомъ, секта іеговистовъ, хотя и выдѣлилась изъ христіанства, но вскорѣ перешла на почву отчасти іудейства, отчасти матеріализма и собственнаго вымысла, въ духѣ ученія хиліазма и друг., совершенно порвавъ связь съ христіанствомъ. Отъ послѣдняго она удержала нѣсколько христіанскихъ именъ, соединивъ съ ними свой смыслъ.

На этомъ основаніи секта іеговистовъ или „новозавѣтнаго іудейства“ должна быть признана сектою *нехристіанскою*.

Секта духоборцевъ кореннымъ образомъ извратила христіанское ученіе о Богѣ вообще и, въ частности, о троичности Лиць въ Немъ. Богъ, по ученію духоборцевъ, не есть самостоятельное, внѣмірное и личное Существо. Онъ неотдѣлимъ отъ духоборческаго рода и видимаго міра. Божественная Троица—это не три отдѣльныхъ Лица, а три различныхъ дѣйствія, проявленія или видоизмѣненія одного и того же существа. Въ человѣкѣ: Богъ Отецъ—это память, Богъ Сынъ—разумъ, Богъ Духъ Святой—воля. Въ природѣ: Отецъ—свѣтъ, Сынъ—животь, Духъ Святой—покой. Иисусъ Христосъ, такимъ образомъ, не есть второе лицо Св. Троицы, а только божественный разумъ, который переселяется съ древнихъ временъ изъ однихъ избранниковъ въ другихъ. Такъ онъ переселился въ простаго человѣка Иисуса, а, по смерти и истлѣніи Иисуса, перешелъ чрезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ въ духоборческій родъ, гдѣ и пребываетъ, постоянно рождаясь въ духоборцахъ, особенно въ основателѣ и и дальнѣйшихъ руководителей духоборчества. Посему-то послѣдніе и называютъ себя Сынами Божиими, Христами и требуютъ себѣ божескаго поклоненія. Такъ что духоборцы поклоняются „живому“ Христу. Отсюда у нихъ ученіе, что воплощеніе и смерть Христа не были жертвою для искупленія грѣховъ міра, а только нагляднымъ выраженіемъ того, что происходитъ въ душѣ cadaго духоборца, совершающаго свое спасеніе. Въ ученіи о человѣкѣ духоборцы повторяютъ воззрѣнія дуалистическаго пантеизма. Душа человѣка, по ихъ мнѣнію, существовала до сотворенія видимаго міра и тогда же пала. Въ наказаніе за грѣхъ она заключена въ тѣло. По смерти тѣла человѣка, души добрыхъ людей переселяются въ тѣла другихъ людей, а злыхъ—въ животныхъ. Отсюда мораль у духоборцевъ строго запечатлѣна взглядомъ на тѣло человѣка и на весь внѣшній міръ, какъ на темницу и узы души. Строгое воздержаніе въ брачной жизни,

нсядепіе мяса, целюбовь къ разнымъ благамъ матеріальной культуры и т. д.—вотъ характерныя черты ви́шняго быта духоборцевъ. Евангельскаго ученія о воскресеніи мертвыхъ, будущей жизни и мздовоздаяніи духоборцы не признають. Все свое ученіе они черпають не изъ Библии, которую почти совсѣмъ отменяють, а изъ собственнаго разума, озаряемаго, по ихъ словамъ, божественнымъ разумомъ, обитающимъ внутри каждаго духоборца. Другимъ источникомъ ученія у духоборцевъ является преданіе ихъ отцовъ, именуемое „Животною Книгою“ и состоящее изъ разныхъ псалмовъ. Выходя изъ мысли о непосредственномъ общеніи челоуѣка съ Богомъ, чрезъ что каждый духоборець есть Сынъ Божій, духоборцы отвергають *видимую* Церковь, съ ея іерархіей, таинствами и обрядами. „Наша церковь, учать они, построена въ душахъ, въ сердцахъ челоуѣческихъ“. Члены этой церкви разсѣяны повсюду и принадлежать къ различнымъ религіознымъ обществамъ. Кромѣ явныхъ духоборцевъ, въ составъ невидимой Церкви входятъ много потаенныхъ, которые хотя и не знаютъ Христа, но стремятся къ добру. Потайные духоборцы есть и среди язычниковъ, и среди магометанъ, и среди евреевъ.

Если теперь, какъ мы видѣли, секта духоборцевъ извратила въ корнѣ все христіанское ученіе привнесеніемъ въ него дуалистически-пантеистическихъ воззрѣній и собственнаго вымысла; если она отвергла самые источники христіанскаго ученія, замѣнивъ ихъ своими; если она обожествила челоуѣка; отвергла въ Богѣ самостоятельную и всякую вообще личность, а также все божественное домостроительство о спасеніи челоуѣка и всего міра, какъ и всю христіанскую эсхатологію; словомъ, если она отъ всего христіанства сохранила только нѣсколько именъ съ чуждымъ христіанству содержаніемъ, то она никоимъ образомъ не можетъ считаться сектою христіанскою, а должна быть признана *нехристіанскимъ* религіознымъ обществомъ.

Секта хлыстовъ, извѣстная у насъ еще подъ множествомъ другихъ названій, полностью отинула все христіанское ученіе, скрывъ у себя подъ христіанскимъ обличемъ пантеистическія и дуалистически-мистическія начала языческихъ религіій востока и нашего финско-славянскаго кудесничества, а также отчасти воззрѣнія древнихъ ересей, возникшихъ въ Церкви Христовой. Такъ, ученіе хлыстовъ о Богѣ, кромѣ употребленія ими именъ: Саваоѣ, Христосъ и др., не имѣетъ въ себѣ ничего христіан-

скаго. Богъ у хлыстовъ, хотя и существуетъ внѣ міра, но извѣ-
 степь имъ только по Своимъ многократнымъ воплощеніямъ въ
 избранныхъ хлыстахъ. Послѣдніе, при воплощеніи въ нихъ Бога,
 перестаютъ быть простыми людьми и становятся „богами“. По-
 лучается обожествленіе человѣка, или человѣкообожаніе. Трои-
 чности Лиць въ Богѣ хлысты не признаютъ. Первые два Лица
 Св. Троицы у нихъ въ ученіи о воплощеніи совершенно сли-
 ваются и отождествляются, разнясь между собою только въ на-
 званіяхъ. Духъ Святой также является только особою духовною
 силою Бога Отца, обитающею на седьмомъ небѣ, откуда эта сила
 по молитвѣ хлыстовъ „накатываетъ“ на нихъ и проявляетъ себя
 чрезъ нихъ въ пророчествахъ, нечленораздѣльныхъ звукахъ и
 разныхъ тѣлодвиженіяхъ. Воплощеніе Христа въ людей проис-
 ходитъ двояко: или чрезъ естественное рожденіе отъ хлыста—
 Христа и его жены—Богородицы младенца „христосика“, или
 же чрезъ особые подвиги хлыста, какъ-то: усиленную молитву,
 постъ и т. под.. Въ одно и тоже время можетъ быть много Хри-
 стовъ. Евангельскаго Иисуса Христа, какъ второго Лица Св.
 Троицы, воплотившагося отъ Духа Святого и Дѣвы Маріи, Своєю
 смертію искупившаго грѣхи всего міра и основавшаго на землѣ
 Свою церковь, хлысты не признаютъ. У нихъ Иисусъ—это сынъ
 Іосифа и Маріи, простой человѣкъ, но только воплотившій или
 вмѣстившій въ себя Христа, какъ вмѣщаютъ Его и избранные
 хлысты. Посему законъ Христа, данный чрезъ Иисуса, имѣлъ
 цѣну только для современниковъ Иисуса, какъ и откровеніе Хри-
 ста чрезъ хлыстовъ имѣетъ значеніе только для современниковъ
 этихъ хлыстовъ. Такое откровеніе Христа въ хлыстовскомъ об-
 ществѣ никогда не прекращается. Отсюда понятно, что и къ
 источникамъ христіанскаго ученія—къ Св. Писанію и Св. Пре-
 данію хлысты относятся отрицательно, признавая за ними зна-
 ченіе только для времени Иисуса. На мѣсто ихъ они ставятъ за-
 повѣди своихъ „живыхъ“ христовъ и пророковъ. Изъ ученія объ
 Иисусѣ Христѣ у хлыстовъ вытекаетъ и отрицательное отношеніе
 къ основанной Имъ видимой новозавѣтной Церкви. Эта Церковь,
 по ихъ мнѣнію, плотская, душевная, потребная только для лю-
 дей, не познавшихъ истины. У познавшихъ истину есть другая
 Церковь, духовная, обладающая всѣми чрезвычайными дарами
 Св. Духа: даромъ языковъ, пророчества и др.. Выходя изъ чи-
 сто-дуалистическихъ воззрѣній на матерію, хлысты признаютъ
 въ человѣкѣ тѣло злымъ началомъ, а духъ добрымъ. Злое на-
 чало подлежитъ умерщвленію или погашенію, а доброе возгрѣ-
 ванію. Посему они отрицаютъ бракъ и дѣторожденіе, какъ скверну;

пизнуруютъ тѣло особыми «радѣніями», иногда завершаемыми „свальнымъ грѣхомъ“; не ѣдятъ мяса и т. д. По той же причинѣ они отрицаютъ воскресеніе тѣла. Тѣло—это темница души. Душа существовала до сотворенія видимаго міра и за содѣянный грѣхъ заключена въ тѣло. По смерти тѣла, душа хлыста переселяется въ сообщество ангеловъ, а не-хлыста входитъ въ животнаго, гдѣ очищается и снова вселяется въ тѣло человѣка, пока послѣдній не станетъ хлыстомъ.

Съ сектою хлыстовъ почти вполне тождественна другая *секта скопцовъ*, выдѣлившаяся изъ хлыстовства по мотивамъ нравственнаго свойства и доведшая или завершившая умерщвленіе тѣла извѣстнымъ изувѣрствомъ надъ нимъ.

Изъ сказаннаго нами достаточно ясно, что подъ христіанскими именами у хлыстовъ и у скопцовъ скрывается совершенно чуждое христіанству религіозно-нравственное ученіе, которое представляетъ собою смѣсь пантеистическихъ и дуалистически-мистическихъ началъ языческихъ религій востока съ финско-славянскимъ кудесничествомъ и отчасти носитъ въ себѣ слѣды богомильскихъ и монтанскихъ религіозныхъ воззрѣній. На этомъ основаніи секты хлыстовъ и скопцовъ должны быть отнесены къ нехристіанскимъ религіознымъ обществамъ.

На перечисленныя нами секты, а равно и на тѣ, которыя по своему ученію подходятъ подъ выше изложенныя нами положенія, и должны быть распространены всѣ тѣ церковныя и гражданскія постановленія, какія существуютъ у насъ относительно нехристіанскихъ религій.

И. Айвазовъ.

По расколовѣднію.

Нужна ли спеціальная миссія противъ раскольниковъ и сектантовъ ¹⁾?

Горестную картину представляетъ намъ старообрядчество и сектантство во всѣхъ своихъ видахъ и во всѣхъ частнѣйшихъ подраздѣленіяхъ. Но она, несомнѣнно, была еще бы горестнѣе, если бы власти духовныя и гражданскія не употребляли разнаго рода мѣръ къ пресѣченію, врачеванію и искорененію этого зла. Мѣры эти, начатыя съ самаго начала появленія раскола, продолжались непрерывно, но соотвѣтственно духу времени измѣнялись и разнообразились.

Власть гражданская, со всею строгостію выступившая въ первое время появленія раскола, противъ отступниковъ отъ церкви православной, постепенно дѣлалась уступчивѣе и снисходительнѣе, пока, наконецъ, государственнымъ актомъ величайшей важности, 17 апрѣля 1905 года, не объявила полной вѣротерпимости, предоставивъ каждому въ дѣлахъ вѣры слѣдовать внутреннему влеченію своего сердца. Отнынѣ, такимъ образомъ, всѣ заботы по огражденію чадъ церкви православной исключительно падаютъ на рамена духовныхъ вождей св. Церкви, архипастырей и пастырей, дѣлая ихъ отвѣтственными предъ Богомъ и людьми за успѣхъ или неудачу этого дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что враждующіе противъ Церкви православной, дѣйствовавшіе до сего времени болѣе или менѣе тайно, отнынѣ явно и открыто будутъ стремиться къ тому, чтобы привлечь послѣдователей православія на свою сторону, будутъ назойливо навязывать разнаго рода измышленныя сектантскія и старообрядческія лжеученія и черезъ то смущать нетвердыхъ въ православной

¹⁾ Докладъ, читанный на Симбирскомъ пастырскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ 16--24 января 1906 года.

вѣрѣ. Слѣдовательно, теперь каждый, кому дорого ученіе Христа, завѣты и уставы св. церкви, не шая силъ, долженъ выступить на духовную защиту св. церкви, долженъ всемѣрно стремиться поддерживать колеблющихся въ православіи и споспѣшествовать отраженію разнаго рода нападокъ на дорогую намъ св. вѣру православную. Но такой взглядъ нынѣ далеко раздѣляется не всѣми; часто приходится слышать, что наступилъ конецъ проповѣди къ иномыслящимъ: «пусть, кто какъ желаетъ, такъ и вѣруетъ», теперь не нужны никакіе спеціальные проповѣдники-миссіонеры для борьбы съ сектами и расколомъ; миссія—прямой долгъ приходскаго священника. Дать посильный отвѣтъ на представляемыя возраженія и составляетъ нашу задачу.

Миссія—прямой долгъ приходскаго священника—положеніе безспорное. Главное орудіе въ распоряженіи добраго пастыря, для воздѣйствія на пасомыхъ, всегда было и есть учительное слово. Пастырь душъ, подобно кормчему, обязанъ руководить кораблемъ духовнымъ такъ, чтобы обрѣтающіеся въ немъ не претерпѣли тревоженій и не утонули въ волнахъ бурнаго житейскаго моря.

Какъ велико и отвѣтственно это служеніе! Какія вообще великія заботы, труды и тяжелыя обязанности предлежатъ пастырямъ для достойнаго служенія ихъ Богу и своей паствѣ.

Но кромѣ этихъ общихъ пастырскихъ обязанностей, на священника въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ среди православныхъ живутъ старообрядцы или сектанты, возлагается новая забота «объ иныхъ овцахъ, яже не суть отъ двора сего и тыя подобаетъ привести»... Привести во дворъ овчій овецъ, ушедшихъ на сторону далече, дѣло въ высшей степени трудное, требующее осторожности, умнѣнья, любви, снисходительности, терпѣнія, знанія Слова Божія, отеческихъ писаній и кромѣ того точнаго знанія тѣхъ сектантскихъ или старообрядческихъ ученій, противъ которыхъ выступаетъ онъ съ проповѣдію истиннаго ученія Христова.

Вотъ тѣ качества, какія предъявляетъ къ современному проповѣднику православія миссія. При настоящемъ составѣ пастырскаго института, не съ цѣлью унижить или какъ-нибудь обидѣть пастырей церкви, мы, въ интересахъ святаго дѣла миссіи, рѣшаемся ставить вопросъ: всѣ ли пастыри чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ отвѣчать на запросы со стороны иномыслящихъ?

Мы смѣемъ думать, что многіе молодые пастыри, изучившіе исторію обличенія сектъ и старообрядчества, при желаніи, спо-

способны сдѣлаться пастырями-миссіонерами, но въ какомъ положеніи можетъ очутиться предъ запросами сектантскихъ и старообрядческихъ лжеучителей добрая половина пастырей, которые никогда не изучали, что и какъ слѣдуетъ отвѣчать раскольникамъ и сектантамъ, которые никогда не слышали полемическихъ бесѣдъ съ ними, которые, можетъ быть, двѣ трети жизни уже прожили въ чисто православныхъ приходѣхъ, и къ тому же подъ твердой охраной гражданской власти. Что можетъ сдѣлать въ семъ случаѣ священникъ при появленіи въ его приходѣ лжеучителя-пропагандиста? Не встанетъ ли онъ, пастырь, по отношенію къ своимъ пасомымъ въ положеніе безпомощнаго зрителя и, видя свое безсиліе, не будетъ ли только скорбѣть и терзаться, какъ его духовныя чада будутъ, можетъ быть, переходить въ иновѣрный лагерь, изъ послушныхъ чадъ дѣлаться заклятыми врагами православной церкви?

Какъ тутъ быть, гдѣ искать помощи?

Другого исхода пока нѣтъ, какъ обратиться за помощью къ опытнымъ апологетамъ православія, принявшимъ на себя трудъ служенія миссіи. Для лицъ, мало или поверхностно, по слухамъ, знакомыхъ съ дѣятельностію миссіонеровъ, на основаніи многолѣтняго опыта скажемъ взятое прямо изъ жизни. Долго и спокойно живущій въ православномъ приходѣ и не чувствовавшій никогда нужды въ миссіонерахъ, священникъ обыкновенно привываетъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей мало нужныхъ и въ лучшемъ случаѣ смотритъ лишь снисходительно, совершенно равнодушно относясь къ ихъ служенію, а подъ вліяніемъ свѣтской и иногда, къ удивленію, даже нѣкоторой части духовной литературы, разнаго рода ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ раскольниками, а хуже всего слуховъ, распространяемыхъ нѣкоторыми изъ своихъ собратій, почему-либо имѣющихъ личное недовольство на кого-либо изъ миссіонеровъ, начинаетъ смотрѣть на дѣятельность миссіи прямо недружелюбно и начинаетъ размышлять о томъ: нужны ли въ самомъ дѣлѣ миссіонеры, не слѣдуетъ ли эту должность упразднить?

Истинную оцѣнку дѣятелямъ миссіи знаютъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ сектантство или старообрядчество стоитъ, если такъ можно выразиться, въ боевомъ положеніи къ православію, гдѣ часто и отъ считающихъ себя православными вѣтъ обрядовѣріемъ старообрядчества или духомъ ложно направленной духовной свободы сектантства. Въ такихъ приходѣхъ пастыри, стоящіе въ лучшемъ видѣ на высотѣ своего призванія, всесторонне знакомые съ отвѣтами на пререкаемые вопросы, которые предъ-

являются заблудшія чада своего прихода, всегда видятъ въ миссіонерахъ самыхъ близкихъ своихъ друзей. Во всякомъ трудномъ дѣлѣ, въ силу психологическаго закона, человѣкъ ищетъ помощи, имѣетъ стремительное, неудержимое желаніе подѣлиться своими взглядами на дѣла, повѣдать испытанныя радость и горе, успѣхи и неудачи передъ другимъ, но непременно человѣкомъ, связаннымъ общностью интересовъ. Въ этомъ разгадка, почему сами дѣятели миссіи сдружаются въ такую тѣсную семью, начиная отъ простеца-начетчика, до человѣка, занимающаго высокій постъ въ отечественной церкви.

Здѣсь нѣтъ мѣста любоначалию, здѣсь равноправные соработники, въ потѣ лица расчищающіе тернія нивы Христовой. Самый вопросъ: нужны ли миссіонеры, здѣсь вызываетъ благородное негодованіе. Каждый пастырь, обуреваемый постоянно нападками со стороны старообрядцевъ или сектантовъ, дорожающій пользою дѣла, не входитъ въ оцѣнку лицъ, а отъ всего сердца желаетъ лишь одного, чтобы какъ можно чаще раздавалось Евангельское благовѣстіе истиннаго ученія Христова. Старообрядчество и сектантство—болѣзни вѣковыя и упорныя; для искорененія требуется всестороннее на нихъ воздѣйствіе.

Но вотъ, въ православномъ приходѣ, гдѣ много уже лѣтъ священствуетъ достойнѣйшій пастырь, начинающій уже замѣчать плоды своихъ трудовъ, видя то или другое нравственное усовершенствованіе ввѣренной ему паствы, вдругъ появляется новая личность враждебныхъ взглядовъ по отношенію къ православной церкви, будь то человѣкъ пришлый или даже одинъ изъ своихъ прихожанъ.

Слышится, что послѣдователь неслыханнаго раньше въ приходѣ новаго религіознаго ученія, начинаетъ пропагандировать свое ученіе и проповѣдь его заражаетъ другихъ. Добрый пастырь начинаетъ беспокоиться за участь ввѣренныхъ его попеченію чадъ и, наконецъ, рѣшается идти и преподать совращаемымъ пастырское наставленіе. Но вмѣсто привычнаго послушанія и должнаго вниманія къ своимъ словамъ встрѣчаетъ самый рѣзкій протестъ, часто подкрѣпляемый доказательствами массою книгъ, которая для самого пастыря—terra incognita. Отъ наставленія такого пастыря вышла не польза, а скорѣе вредъ. Пропагандистъ съ каждымъ днемъ дѣйствуетъ смѣлѣе и успѣшнѣе, пастырь же церкви дѣлается печальнѣе и скорбь его усиливается сознаніемъ, съ одной стороны, отвѣтственности за утрату своихъ духовныхъ чадъ предъ Богомъ, а съ другой—передъ духовнымъ начальствомъ. Горестное сознаніе неисполненнаго долга

и тревожное состояніе въ приходѣ заставляетъ искать сторонней помощи. Вопросъ: нужны ли миссіонеры—забывается и встревоженный пастырь обращается за помощью къ специальной миссіи. Дѣло обыкновенно идетъ такъ: въ началѣ пастырь, нуждающійся въ помощи миссіонера, лично или письмами ищетъ совѣта послѣдняго, предлагая разрѣшить тотъ или иной пререкаемый вопросъ, но видя, что отъ его трудовъ дѣло мало измѣняется, требуетъ, чтобы миссіонеръ явился для бесѣды. Требованіе должно быть исполнено немедленно; здѣсь никто не хочетъ считаться ни съ силами, ни съ возможностью для миссіонера удовлетворять всѣмъ и каждому. При малѣйшемъ замедленіи летятъ на миссіонера жалобы, обвиненіе въ бездѣтельности и лѣности, напрасномъ полученіи жалованья и т. п.

Требованіе исполнено, миссіонеръ съ цѣлымъ возомъ духовнаго оружія является въ приходъ, начинается рядъ бесѣдъ. Въ глазахъ колеблющихся слушателей засвѣтился огонекъ духовной радости, началось пробуждаться сознаніе правоты дѣла св. церкви, отъ этого огонька таютъ всѣ, навѣянные лжеучителемъ, сомнѣнія въ вѣрѣ. Самъ лжеучитель, чувствуя, какъ его доводы въ пользу проповѣдуемаго имъ ученія разбиваются постепенно о несокрушимыя твердыни православія, израсходовавъ весь арсеналь клеветы на св. церковь, теряется, а самыя, имѣющіяся въ его рукахъ невѣдомыя, книги, служатъ ему въ обличеніе.

Мы, пастыри, тяжелый отвѣтъ должны будемъ дать передъ Богомъ и св. церковію за уклоненія отъ нея каждаго изъ „малыхъ сихъ“, колеблемыхъ вѣтромъ лжеученій. Посему мы должны сплотиться, подавъ другъ другу руку помощи, во единое воинство духовное; врагъ пробуждается; мы должны встрѣтить его во всеоружіи, впереди имѣя тѣхъ лицъ, которымъ всѣ ухищренія, коварство и козни врага болѣе извѣстны.

А такими лицами нельзя не признать испытанныхъ дѣятелей на поприщѣ миссіонерства.

Но противъ сего слышится иногда возраженіе: миссіонеры своею дѣятельностію могутъ ослабить авторитетъ приходскихъ пастырей.

Объяснимся и въ этомъ.

Ни одинъ миссіонеръ, понимающій дѣло, будь то лицо духовное или свѣтское, никогда не позволитъ себѣ вести дѣло такъ, чтобы набросить малѣйшую тѣнь униженія на дѣятельность приходскаго пастыря. Самыя миссіонерскія правила, утвержденныя Св. Синодомъ, ставятъ миссіонеровъ въ нѣкоторое подчиненіе по отношенію къ приходскому священнику. Пріѣзжій

миссіонеръ долженъ явиться къ настоятелю прихода, получить отъ него согласіе и указанія о времени и мѣстѣ бесѣдъ; долженъ предоставить ему на бесѣдахъ вступительное и заключительное слово. Что касается миссіонеровъ изъ мірянъ, то они, каковы бы ни были какъ по положенію, такъ и образованію, обязательнымъ для себя считаютъ принять предъ бесѣдою благословеніе отъ приходскаго пастыря и тѣмъ наглядно показать, какъ высоко смотрятъ на его авторитетъ. Ясно, что опасенія излишни, а въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ проповѣдь, споспѣшствующая дѣлу Божію утвержденія св. церкви на землѣ, и неумѣстны.

Наши соображенія вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые благочинническіе округа высказались за упраздненіе должности благочинническихъ миссіонеровъ, не представивъ никакихъ достаточныхъ къ тому основаній.

Лучшей постановки миссіонерскаго дѣла по епархіямъ, чѣмъ какая принята у насъ, мы пока не знаемъ. Если кто укажетъ лучшую, спасибо ему скажемъ. Но все же существа дѣла спеціальной миссіи это не касается. Оно должно стоять незыблемо.

Нашъ окончательный выводъ: нужна ли противораскольничья и противосектантская миссія и миссіонеры—таковъ. До тѣхъ поръ, пока пастыри не будутъ въ состояніи сами лично бороться съ спеціальными и опытными защитниками противнаго православной церкви ученія, до тѣхъ поръ, пока поднятіе уровня религіознаго образованія пасомыхъ не дастъ имъ возможности самостоятельно разбираться въ вопросахъ вѣры, до тѣхъ поръ миссіонерство, какъ особый институтъ во всѣхъ своихъ видахъ, публичныя бесѣды, какъ особое средство борьбы православной церкви, должны существовать („Мисс. Обзор.“, ноябрь 1905 г., кв. 2, № 17, стр. 1997). Исконный врагъ св. церкви Христовой не дремлетъ, соработники его, лжеучители, надвигаются; духовно возродившая, воспитавшая и облагодатствовавшая насъ святая родная наша церковь ждетъ отъ насъ защиты; встанемъ же дружной духовной ратью, съ молитвою на устахъ, тщаніемъ не лѣнливи, духомъ горяще, Господеви работающе (Рим. XII, 11) за дѣло Божіе!

Священникъ-миссіонеръ *Алексій Сокольскій.*

Бесѣда со старообрядцемъ «Спасова» согласія по вопросу о таинствѣ «Покаянія» 1).

(Изъ полемики).

Старообрядецъ: Захарій Колистенскій въ книгѣ „О правдивой единости“ во главѣ 36-й пишетъ: „Исповѣданіе грѣховъ предъ епископами или отъ нихъ поставленными священниками обязательно для всякаго правосл. христіанина и кто не исповѣдуется или осуждаетъ исповѣдь, тотъ грѣшитъ смертнымъ грѣхомъ, теряетъ спасеніе и церковному наказанію подлежитъ. Но опять-таки, при настоящемъ гоненіи латинянъ и ихъ единомышленниковъ на русскую церковь, при недостаткѣ священниковъ, православные, не противорѣча ученію и практикѣ древней восточной Церкви, могутъ исповѣдывать грѣхи свои предъ всякимъ іеродіакономъ, монахомъ, всякимъ міряниномъ и даже непосредственно предъ самимъ Богомъ“ („Палинодія Захарія Колистенскаго“, изслѣдованіе Завитневича, стр. 300).

А такъ какъ мы не имѣемъ священниковъ, то, слѣдовательно на основаніи этого ученія можемъ творить исповѣдь и предъ мірянами и непосредственно предъ самимъ Богомъ, что не противно ученію древней Церкви. Такъ, въ Кормчей книгѣ читаемъ: „аще во грѣсѣхъ состарѣвся человекъ, завѣщаетъ въ молитвѣ своей завѣтъ между собою и Богомъ, глаголя, яко прости мя Владыко, яже согрѣшихъ доселѣ, и прочее не содѣю древнихъ моихъ грѣховъ, ни обращаю къ нимъ, но исповѣмся имени Твоему. Аще сій завѣтъ сотворивъ къ Богу человекъ, въ малехъ днехъ умретъ, что требъ есть помышляти о немъ? Отвѣтъ. Пріятно бысть покаяніе его отъ Бога, въ немъ же обрѣтется, въ томъ же и вчиненъ бысть се есть, въ спасеніе придетъ покаянія ради. Еже бо покаяться и отступить отъ грѣха въ человекѣ есть, а еже многолѣтну быти, въ Бозѣ есть“ (л. 629 и об.).—Значитъ и безъ іерея возможно получить прощеніе въ грѣхахъ, исповѣдавшись Господу Богу. У пр. Никона Черногорца говорится даже о томъ, что „мужъ нѣкій“, сотворивъ исповѣдь въ своихъ грѣхахъ предъ обра-

1) См. «Миссіонерское Обзорніе» № 5.

зомъ (иконою) Спаса, получилъ прощеніе, что и удостовѣрено чудеснымъ гласомъ отъ образа (Слово 52 л. 420—421).

На основаніи приведенныхъ мною свидѣтельствъ, мы, старообрядцы, увѣрены, что, исповѣдуясь предъ Господомъ, получимъ прощеніе въ содѣянныхъ грѣхахъ.

Православный: Оправдывая свою исповѣдь и стараясь показать законность и спасительность совершаемаго вами покаянія, вы сослались на Захарія Копистенскаго, который въ книгѣ своей „О правдивой единости“ писалъ къ юго-западнымъ христіанамъ, что они, „при настоящемъ гоненіи латинянъ и ихъ единомышленниковъ на русскую Церковь, при недостаткѣ священниковъ, не противорѣча ученію и практикѣ древней восточной Церкви, могутъ исповѣдывать грѣхи свои предъ всякимъ іеродіакономъ, монахомъ, міряниномъ и даже непосредственно предъ Самимъ Богомъ“.—Но можно-ли ваше положеніе сравнивать съ положеніемъ юго-западныхъ христіанъ? Тѣ имѣли только скудость іереевъ, вы же совершенно отрицаете бытіе ихъ въ настоящее время; тѣхъ гнали и угнетали латиняне, вы же живете на свободѣ и никто васъ не гонитъ, никто не уничтожаетъ священства, котораго у васъ и нѣтъ, да и быть не можетъ; тѣ находились въ общеніи съ общей вселенской Церковью, имущей—полноту іерархіи и таинствъ, вы же отрицаетесь отъ всякаго общенія со вселенской Церковью, понося и осуждая ее всячески.

Тамъ была нужда только мѣстная, у васъ-же нужда всеобщая. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря гоненію, христіане Юго-Западнаго края не имѣли прав. священниковъ, къ которымъ могли прибѣгать, на покаяніе, то въ другихъ мѣстахъ іереевъ было много, нужды не было. Тамъ не возводили подобную исповѣдь въ обдержный законъ, а у васъ, вѣдь, нынѣ, это обдержный законъ, которымъ вы управляетесь. Такъ можно-ли подобнымъ свидѣтельствомъ оправдываться и тѣмъ болѣе ставить его въ обдержный законъ для Церкви? „Что не по правиламъ, то въ примѣръ не приводится и что и рѣдкое—не законъ Церкви“, говоритъ Матѳей Властарь (Синтагма буквы В. Гл. 3-я).

Общій же законъ таковъ: „исповѣданіе грѣховъ предъ епископами или отъ нихъ поставленными священниками обязательно для всякаго правосл. христіанина и кто не исповѣдуется, тотъ грѣшитъ смертнымъ грѣхомъ, теряетъ спасеніе и церковному наказанію подлежитъ“, учитъ тотъ же Захарій Копистенскій (36 гл. „О правдивой“; см. у Завитневича, 300 стр.). О томъ, что власть вязать и рѣшить принадлежитъ исключительно священникамъ, а не простецамъ, и что только чрезъ посредство лицъ іерархическихъ получаемъ прощеніе въ грѣхахъ, тотъ же Захарій Копистенскій учитъ и въ другой книгѣ своей „Па-

инодія“, въ ч. первой, разд. 1, артикуль 7, стр. 398—406 и это особенно по тому, что онъ былъ проповѣдникомъ той мысли, того ученія, что никогда Церковь не можетъ лишиться православнаго священства. (Ч. 2-я, разд. 7, артик. 3-й. Стр. 671-я).

Изъ Кормчей вы привели отвѣтъ Анастасія Синаита, въ которомъ только и говорится, что Господь принимаетъ кающагося грѣшника, который, по причинѣ болѣзни, не успѣлъ загладить прежнихъ своихъ беззаконій, прежней грѣховной жизни, жизнью добродѣтельной, добрыми дѣлами и прощаетъ его, вмѣняя ему, [вмѣсто добрыхъ дѣлъ, данный имъ обѣтъ отстать отъ грѣха. Но никакъ нельзя думать, что раскаявшійся грѣшникъ, давшій обѣтъ отстать отъ грѣха, и принятый Господомъ, пренебрегалъ и не прибѣгалъ къ таинству покаянія, полагая послѣднее замѣнить молитвеннымъ обѣтомъ — отстать отъ грѣха. Вѣдь, въ той же кормчей книгѣ, нѣсколько повыше приведеннаго вами свидѣтельства, тотъ же Анастасій Синаитъ на вопросъ: „Глаголютъ нѣщии, яко то есть покаяніе грѣха, еже остоятися и престати отъ грѣха“, отвѣчалъ: „неправо смыслятъ, иже се глаголютъ“ (л. 626 об.). И въ другомъ мѣстѣ: „находятся, писалъ онъ, безумцы или, лучше сказать, нечестивцы, которые говорятъ, что нѣтъ пользы отъ исповѣди предъ людьми, такими же грѣшниками, какъ и мы, ибо одинъ Богъ можетъ отпускать грѣхи. Говорящіе это пусть знаютъ, что они, во первыхъ, только прикрываютъ этимъ свое нечестіе и безуміе, во вторыхъ забываютъ слова Самого Господа къ Своимъ ученикамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси и елика аще разрешите на земли, будутъ, разрешена на небесѣхъ (Мѡ. 18, 18)...

„Богъ совершаетъ спасеніе людей не чрезъ ангеловъ, но чрезъ святыхъ людей, своихъ служителей, которые суть соучастники Его въ дѣлахъ спасенія тѣхъ, кто хочетъ спастись“ (Номоканонъ Павлова по гуд. 1897 г. 473 стр.). Тотъ же Анастасій Синайскій на вопросъ: „Аще кто срамлялся рещи священнику челоуѣку своя грѣхи и студодѣяніе, внидетъ же въ Церковь, и о себѣ исповѣтся Господеву, убо пріятенъ-ли есть или ни“? Отвѣчалъ: „въ онже день умилится челоуѣкъ и общается Богу ктому не согрѣшати, но прилежнѣ покается, пріемлетъ его Богъ; *но не пріемлетъ извѣщеніе единъ о себѣ*, (т. е. не при священникѣ) совершенныхъ о своемъ ирощеніи“ (см. въ кн. Никона Черниг. Горы 51 сл.; 416 л.).

Указали вы на то, что, якобы, пр. Никонъ училъ, что и предъ иконой Спаса можно приносить покаяніе, творить исповѣдь.—Не правда. Такихъ людей, которые учили, что Богъ прощаетъ грѣхи творящихъ исповѣдь предъ иконой, преподобный называлъ „развращенными“ и совѣтовалъ не только не бесѣдовать съ такими людьми, но и бѣгать ихъ. „О другихъ же отъ части смотрительнѣ бываемыхъ

писалъ онъ, яко во иже ко иконѣ исповѣдавагося, и Давыдово, и ина ветхаго завѣта и великаго канона, и другая, елика честное твое имяне писаніе, да испытуеть владыко мой честь твоя смотрительныхъ силу и отнюдь непримати ниже въ бесѣду, яко о таковыхъ смотрительныхъ развращенная тѣхъ толкованія, не вмѣщающая въ духовный умъ, но отъ плотскаго мудрованія совращается въ различныя ереси и прелести, и до конца погибають“ (пандекты слово 28). Наоборотъ, преподобный училъ, что „все Божественное писаніе глаголетъ, яко презвитерамъ священнодѣйствующимъ подобаетъ исповѣдемъ бывати, а не ко ивѣмъ“ (тамъ же 14 слово).

Вѣдь и тогда, когда мы приходимъ на исповѣдь къ священнику, получаемъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, не должны думать, что исповѣдемъ свои беззаконія челоуѣку и отъ челоуѣка получаемъ прощеніе. Все предъ Богомъ и отъ Бога. „Развѣ къ челоуѣку ты приходишь съ исповѣданіемъ грѣховъ, писалъ Златоустъ, или отъ челоуѣка получаешь ты отпущеніе грѣховъ? Вѣдь ты приступаешь къ Владыкѣ и Царю всѣхъ Богу, отпускающему чрезъ священника тебѣ твои грѣхи. Священникъ здѣсь только посредникъ, а не отъ себя дѣйствуетъ... Не самъ онъ (священникъ) даетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ, но великій Первосвященникъ Христосъ, ввѣрившій ему священство“ (т. XI, 967—968 стр.).

Итакъ, никакъ и ничѣмъ нельзя замѣнить таинство покаянія, совершаемое іереями. Не имѣя священниковъ,—вы не можете получить и не получаете отпущеніе грѣховъ, безъ чего и получить спасеніе не можете.

Старообрядецъ: Но развѣ мы не можемъ творить исповѣданіе своихъ грѣховъ предъ нашими старцами, опытными въ духовной жизни? Можемъ, и на это имѣемъ свидѣтельство отъ Божественнаго писанія. На вопросъ: „хорошо-ли исповѣдывать грѣхи мужамъ духовнымъ?“—пр. Анастасій Синаитъ отвѣчалъ: „весьма хорошо и полезно, но не тѣмъ, которые исполняютъ это неискусно и грубо, дабы неразумною снисходительностью, или неблаговременнымъ и не разсудительнымъ протяженіемъ епитимій не сдѣлать тебя безчувственнымъ презрителемъ ихъ или лѣнивымъ и безпечнымъ. Итакъ, если найдешь духовнаго мужа искуснаго, могущаго врачевать тебя, исповѣдайся предъ нимъ безъ стыда и съ вѣрою, какъ предъ Богомъ, а не челоуѣкомъ“ (Номокан. Павлова прилож. № 1).—Что дѣйствительно право выслушивать исповѣдь и давать разрѣшеніе отъ грѣховъ имѣли лица, не имѣющія на себѣ священнаго сана, объ этомъ свидѣлствуетъ и профессоръ Суворовъ, говоря, что „даже простые монахи, не имѣвшіе духовнаго сана, выслушивали исповѣдь и давали разрѣшеніе отъ грѣховъ“ (Курс. Церк. прав. т. 2 стран. 220).

Мысль, высказанную профессоромъ Суворовымъ, подтверждаетъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ, который писалъ: „что монаху, еще не украшенному священнымъ саномъ, можно исповѣдывать грѣхи, какъ унаслѣдовавшему это право вмѣстѣ съ покаянною одеждою, и богодарованнымъ образомъ, это засвидѣтельствовано въ богодухновенныхъ писаніяхъ, которыя, если прослѣдить ихъ внимательно, убѣдятъ тебя, что я говорю правду. Раньше одни только епископы получили отъ божественныхъ апостоловъ въ наслѣдство власть вязать и рѣшить. Когда же архіереи, съ теченіемъ времени, сдѣлались негодными, эта страшная власть перешла къ священникамъ безукоризненной жизни и одареннымъ божественною благодатью. Затѣмъ, когда эти послѣдніе смѣшались съ другими, когда и епископы и священники, оставивши народъ, сравнялись другъ съ другомъ и многіе впали, какъ это и теперь бываетъ, въ грѣхи обмана и пустословія, и равно погибли, власть эта, какъ я сказалъ, перенесена была на избранный Божій народъ, разумѣю монаховъ, не потому, чтобы власть была отнята отъ священниковъ и епископовъ, а потому, что они сами отчудились отъ нея“ — („Къ вопросу о тайной исповѣди“ Суворова; стр. 60—61).

И, вотъ, о основаніи приведенныхъ мною свидѣтельствъ, наши духовные отцы, хотя и не имѣютъ на себѣ іерархическаго сана, хотя и міряне,—могутъ принимать на исповѣдь приходящихъ къ нимъ и, слѣдовательно, т. покаянія мы имѣемъ. Напрасно вы обвиняете насъ; мы идемъ по писанію и самовольно ничего не вводимъ у себя.

Православный: Въ началѣ, стараясь оправдать свою незаконную исповѣдь, вы старались доказывать, что можно исповѣдь творить непосредственно предъ самимъ Господомъ, безъ присутствія какихъ-либо посредствующихъ лицъ. Теперь-же, когда я доказалъ всю нелѣпость и незаконность измышленнаго вами ученія, вы уже говорите, что покаяніе свое вы творите предъ своими старцами-мірянами, опытными въ духовной жизни, стараясь оправдать доводами дѣйствія своихъ старцевъ. Но, прежде чѣмъ разбирать приведенныя вами свидѣтельства, я просилъ бы васъ обратить вниманіе на то, что я въ началѣ говорилъ, когда указывалъ, отъ словъ Христа Спасителя, что власть вязать и рѣшить дана Господомъ сначала апостоламъ, а потомъ и ихъ преемникамъ—епископамъ и пресвитерамъ. Такъ укажите, когда же и гдѣ же Господь или апостолы власть вязать и рѣшить передали и мірянамъ, вашимъ старцамъ? Вѣдь до сихъ поръ вы не указали.

Правда, вы сослались на Анастасія Синаита, который писалъ, что „хорошо и полезно исповѣдывать грѣхи мужамъ духовнымъ и, если найдешь духовнаго мужа искуснаго, могущаго врачевать тебя, то исповѣдайся предъ нимъ безъ стыда и съ вѣрою, какъ предъ Богомъ,

а не человѣкомъ“. Но кого разумѣлъ Анастасій Синаитъ подѣ „духовными мужами“: простецовъ-ли, или лицъ облеченныхъ іерейскимъ савномъ? Конечно, не простецовъ, а лицъ священныхъ, что видно изъ дальнѣйшаго содержанія отвѣта преподобнаго, отвѣта, который вы, по обычаю, не дочитываете, искажая тѣмъ дѣйствительный смыслъ словъ преподобнаго отца: „находятся, говорится далѣе въ отвѣтъ, безумцы, или лучше сказать, нечестивцы, которые говорятъ, что нѣтъ пользы, отъ исповѣди предѣ людьми, такими же грѣшниками, какъ и мы, ибо одинъ Богъ можетъ отпустить грѣхи. Говорящіе это пусть знаютъ, что они, во-первыхъ, только прикрываютъ свое нечестіе и безуміе, во вторыхъ, забываютъ слова Самого Господа къ Своимъ ученикамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небесахъ; и елика аще разрешите на земли, будутъ разрешена на небесахъ (Мѣ. 18, 18). Отвергающіе исповѣдь—отвергаютъ вмѣстѣ и крещеніе и евхаристію, такъ такъ и эти священнодѣйствія совершаются людьми. Ибо Богъ совершаетъ—спасеніе людей не черезъ ангеловъ, но чрезъ святыхъ людей. Своихъ служителей, которые суть соучастники Его въ дѣлѣ спасенія тѣхъ, кто хочетъ спастись.—Указывая на это апостольскій сказалъ: такъ насъ да нещуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ (1 Корин. 4, 1)“. (Номоканонъ Павлова 473 ст.). Ясно, что Анастасій Синаитъ подѣ духовными мужами разумѣлъ совершителей таинства покаянія—священниковъ.—Этимъ „духовнымъ мужамъ“ и „святимъ людямъ“. Анастасій приписываетъ совершеніе таинства крещенія и евхаристіи и называетъ ихъ „строителями таинъ Божіихъ“. Такъ, развѣ можно понимать слова его по вашему, т. е. что и мірянамъ можно совершать таинство покаянія. Почти современникъ преподобнаго Анастасія—Іоаннъ, Ігуменъ Раиескій, писалъ объ исповѣди: „чистосердечно исповѣдывать грѣхи мы обязуемся въ силу божественнаго повелѣнія. Это видно изъ преданій и правилъ, предложенныхъ Каѳолической Церкви апостолами, по внушенію Св. Духа. Исполняя ихъ каноны и уставы и, по ихъ заповѣди исповѣдуя свои грѣхи Божіимъ священникамъ, мы удостоиваемся получать разрешеніе и отпущеніе“ (тамъ же стр. 472).

Сослались вы на профессора Суворова, который въ доказательство того, что исповѣдь [можетъ творить и простой монахъ, сослался на І. Дамаскина. Но, вѣдь, сочиненіе, на которое сослался Суворовъ, не принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину, оно завѣдомо подложное, о чемъ подробно можете прочесть въ „Номоканонѣ“ изд. Павлова, въ приложеніи первомъ, на страницахъ 475—478.—Такъ, развѣ можно подложными [сочиненіями оправдываться и ими замѣнять ученіе Христа, св. апостоловъ, и каноны церковные, какъ общій и обязательный для всѣхъ законъ?! Вѣдь, Іоаннъ-то Дамаскинъ въ своемъ, несомнѣнно

подлинномъ, сочиненіи о ересьяхъ—осуждаетъ въ ученіи мессалианъ, какъ ересь то, что они всѣхъ приходящихъ къ нимъ грѣшниковъ—безъ посредства священнической власти объявляютъ чистыми отъ всякаго грѣха“ (тамъ же стр. 475 въ примѣч.). Итакъ, „писаніе“—то ваше ученіе объ исповѣди, о правѣ, яко-бы, мірянъ вязать и рѣшить—считаетъ ересью. Законъ же церковный, церковные каноны право совершать таинство покаянія приписываютъ исключительно только епископамъ и, по нуждѣ, съ разрѣшенія послѣднихъ, пресвитерамъ. Такъ учить объ этомъ 39 пр. и 52 прав. Св. Апостоль, 6, 7 и 52 пр. Карфагенскаго Собора, и 102 пр. Шестого Вселенск. Собора. Вальсамонъ въ толкованіи на 52 пр. Св. Апостоль: „епископы... и презвитеры, съ дозволенія епископа, принимаютъ помышленія людей“.

Въ толкованіи на 6-е пр. Карфагенскаго Собора Зонара: „съ Богомъ примиряетъ его (какогоса) архіерей чрезъ покаяніе“; Вальсамонъ: „епископы и презвитеры принимаютъ обращающихся, но скажи, что и эти презвитеры принимаютъ кающихся по дозволенію епископовъ“.

Въ толкованіи на 7-е правило того же Собора Зонара пишетъ: *Монахи, принимающіе помыслы, если не будетъ имъ отъ архіерея позволено принимать помыслы, не имѣютъ власти—ни вязать, ни рѣшить*; ибо Христосъ далъ сію власть священнымъ апостоламъ; а образъ апостоловъ—суть архіерей“. Вальсамонъ добавляетъ; „худо дѣлаютъ тѣ посвященные монахи, которые принимаютъ людскіе помыслы безъ епископскаго дозволенія, а тѣмъ болѣе не посвященные, ибо сіи послѣдніе не могутъ совершить ничего такого и съ дозволенія епископскаго... Не посвященному не дозволено принимать помыслы“. (См. толк. на 6-е пр.).—Такимъ образомъ законъ церковный право и власть вязать и рѣшить приписываетъ только епископамъ—и, съ ихъ разрѣшенія, пресвитерамъ, осуждая монаховъ, которые, не имѣя священнаго сана, стали бы восхищать это право себѣ, при чемъ добавлено, что простые монахи даже съ разрѣшенія епископа не могутъ совершать таинство покаянія.—Какъ же это ваши старцы-настоятели, поправъ законъ Божій, законъ церковный, дерзаютъ творить исповѣдь, восхищая не дарованное... На судъ себѣ они творятъ это...

Старообрядецъ: Но какъ-же въ Номоканонѣ, патріаршаго изданія, разрѣшается и простому старцу помышленія принимать и исправляти? На листу 72 Номоканона читаемъ: „аще убо кто есть священникъ не искусенъ-же, а другой не священникъ, искусъ же имѣя духовнаго дѣянія, сему паче священника праведно есть помышленія принимать и правильно исправляти“. На полѣ замѣчено: „старча исповѣдь пріята“. На оборотѣ этого листа, какъ бы въ поясненіе, добавлено: „елицы убо

освященіи (т. е. имѣющіе на себѣ санъ священный) по повелѣнію епископа исповѣданія чловѣческаго да пріемлютъ, не священному же иноку наказаніе его искусства даетъ власть примиренія; аще убо себе самого безбѣдно соблюдаетъ, и исповѣдующихся Богу да примиряетъ“ (Номоканонъ при Іосаф. Потребникѣ).

И такъ, опытному въ духовной жизни старцу, искусному въ прохожденіи духовной жизни иноку-простецу, — Номоканонъ разрѣшаетъ принимать исповѣдъ и примирять кающагося съ Богомъ. Отсюда, вы должны согласиться съ тѣмъ, что наши духовные отцы, старцы, совершаютъ исповѣдъ не самовольно, а по закону церковному.

И православный: Въ настоящей бесѣдѣ мы съ вами разсуждаемъ объ исповѣди, о покаяніи—какъ одномъ изъ семи церковныхъ таинствъ, совершать которое можетъ только или епископъ, или, съ его дозволенія, пресвитеръ, о чемъ выше мы привели доводы. Вы же изъ „Номоканона“ привели часть отвѣта, да и то совсѣмъ не о томъ.

Разберемъ первую часть: „Аще убо кто есть священникъ не искусенъ же, а другій не священникъ, искусъ же имѣя духовнаго дѣянія, сему паче священника праведно есть помышленія пріимати и правильно исправляти“. На полѣ сказано: „старча исповѣдъ пріята“. Въ этомъ, отрывочно вами приведенномъ, сказаніи нѣтъ ни одного слова о томъ, что „искусный, т. е. опытный въ духовной жизни старецъ можетъ совершать исповѣдъ—какъ таинство, т. е. разрѣшать отъ грѣховъ. Говорится только о томъ, что къ опытному, искусному въ духовной жизни старцу, можно приходиться и разсказывать, исповѣдывать ему свои помыслы, т. е. говорится о такъ называемой нравственной исповѣди, въ которой малоопытный въ духовныхъ подвигахъ и брани съ врагами нашего спасенія христіанинъ, простецъ-ли то будетъ или инокъ, или инъ кто,—повѣряетъ свои помыслы другому, котораго онъ считаетъ опытнѣе себя, съ цѣлью получить отъ него совѣтъ, наставленія, какъ ему удобнѣе освободиться отъ своего грѣховаго состоянія, какъ ему бороться съ обуревающими его помыслами, или злыми дѣлами, какъ ему исправиться и только. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, лучше и полезнѣе обратиться къ опытному въ духовной жизни иноку-старцу, чѣмъ къ малоопытному, юному іерею. Но, повторяемъ, инокъ-старецъ даетъ только совѣтъ, наставленіе, какъ бороться съ грѣхами, какъ избавиться отъ врага нашего спасенія, но разрѣшенія отъ содѣянныхъ грѣховъ онъ не подаетъ, да и не можетъ подать. Такіе старцы бывають и бывали, обычно, въ монастыряхъ, которымъ новопостриженные иноки вручались, какъ опытнѣмъ въ духовной жизни, подъ руководство. Эти старцы назывались „духовными отцами, духовными старцами“ или просто „старцами“ (см. 79 и 81 пр. Номоканона по изд. Павлова и толкованіе стр. 208). Объ этихъ старцахъ,

какъ руководителей неопытныхъ въ духовной жизни иноковъ, говорить и Св. Василій Великій (т. V, 44—49 стр. по изд. 1892 г.). Но къ нимъ, повторяю, прибѣгали только за совѣтомъ, наставленіемъ, имъ вѣряли свои помыслы; ихъ совѣты, наставленія соблюдали и не дѣлали ничего,—вопреки волѣ такого „учителя“.

Но если тебѣ требуется совершить исповѣдь таинственную, соединенную не только съ совѣтомъ и наставленіемъ—какъ бороться съ грѣхами, но и съ разрѣшеніемъ грѣховъ, то тутъ уже „Номоканонъ“ не дѣлаеть не отдаеть, предпочтенія опытному старцу предъ неопытнымъ священникомъ, а прямо заповѣдуетъ „обаче иже не суть священницы иноцы, паче же не искусни, приѣмлющіе-же нѣкихъ помышленія и связующи и разрѣшающіи, да знаютъ, яко не по правиламъ сіе творять, и ни во что-же есть; ибо святіи отцы ниже священникомъ изволяютъ безъ повелѣнія архіерейскаго примирите кающихся, яко же шестое, и 45 правило, иже въ Карѣагенѣ Собора изъясняютъ» (л. 72-й).

Поясненія это правило „Номоканона“ болѣе не требуетъ.

Второе свидѣтельство изъ „Номоканона“ вы привели тоже отрывочно; отсюда и смыслъ его, и безъ того темный, вами еще болѣе затемненъ.

Васъ смутили слова: „не освященному же иноку наказаніе его искусство даетъ власть примиренія; аще убо себе самого безбѣдно соблюдаетъ, и исповѣдующихся Богу да примиряетъ“. Но, вѣдь, и здѣсь не сказано, чтобы инокъ, или простолудинъ имѣли власть на разрѣшеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія. „Наказаніе и искусство“, т. е. опытность въ духовной жизни, даютъ иноку только право совѣтомъ и руководствомъ успокаивать мятущуюся совѣсть челоуѣка, исповѣдующаго ему свои помыслы; при чемъ инокъ, какъ самъ себя искусно соблюдаетъ въ жизни, такъ и другихъ долженъ руководствовать, какъ самъ живетъ въ мирѣ съ Богомъ, такъ и другихъ долженъ вести къ тому же. Что такъ должно и слѣдуетъ понимать и этотъ отвѣтъ «Номоканона», на то указываютъ слѣдующія выраженія правила: „къ богопроповѣдникамъ рече Господь апостоламъ: вы есте соль земли, и елика свяжете, и елика разрѣшите на земли, разрѣшена суть на небеси. Тѣмъ же отъ Божественныхъ отецъ нашихъ узаконися, даже исповѣдующимся примирителе бывають епископы, приѣмши апостольское мѣсто отъ Бога. Освященный же инокъ, множае паче не освященный, чрезъ волю епископскую Богу примирити не можетъ исповѣдующагося. Елицы убо суть освященни, по повелѣнію епископа исповѣданія челоуѣческія да приѣмлютъ“ и далѣе слова вами приведенныя. Значить тотъ же „Номоканонъ“ въ томъ же правилѣ говорить, что право и власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія принадлежитъ епископамъ, а, по волѣ ихъ, и пресвитерамъ. — Не

ясный конецъ запуталъ васъ. Въ первомъ изданіи «Номоканона» (1620 г.), изъ котораго правило это внесено въ наши „Патріаршіе Потребники“ конецъ этого правила читается такъ: «Елицы убо суть освящени, по повелѣнію епископскому исповѣданія человѣческаія приемлютъ: не священному же иноку, ниже даръ епископскую власть даетъ примиренія»; а это согласно съ закономъ церковнымъ, съ церковными правилами, въ которыхъ совершителемъ таинства покаянія считается епископъ и, съ его разрѣшенія, презвитеръ; „не посвященные же не могутъ совершать таинства покаянія, хотя-бы и съ дозволенія епископскаго“ (см. полн. Кормч. въ толк. на 6-е прав. Кароагенск. Соб. стр. 388).

Что покаяніе, какъ таинство, могутъ совершать только лица іерарфическія, а не простецы, о томъ учитъ и Матей Властарь, который писалъ: „худо дѣлаютъ тѣ посвященные монахи, котѣрые принимаютъ людскіе помыслы безъ епископскаго дозволенія, ибо не имѣютъ власти вязать и рѣшить, а тѣмъ болѣе монахи не посвященные, ибо отнюдь не позволительно и позволять имъ вообще принимать людскіе помыслы и судить“ (синтагма буквы „р“, гл. 9-я). Что только священники и могутъ совершать таинство покаянія, о томъ Св. Василиій Великій на вопросъ: „желающій исповѣдать грѣхи свои всѣмъ ли и кому случилось, или нѣкоторымъ, долженъ исповѣдывать?“ отвѣчалъ „исповѣдывать грѣхи необходимо предъ тѣми, кому ввѣрено домостроительство таинствъ Божіихъ. Такъ находимъ, что и древлекавшіеся дѣлали сіе предъ святыми. Ибо въ Евангеліи написано, что крестителю Іоанну исповѣдывали грѣхи свои (Мѣ. 3, 6), и въ Дѣяніяхъ (19,—18) апостоламъ, которыми и крещены были всѣ (т. 5-й,—стр. 328—329). Домостроительствеже таинъ Божіихъ ввѣрено было Апостоламъ и ихъ преемникамъ—пастырямъ Церкви.

Старообрядецъ: Я имѣю и еще нѣсколько доказательствъ въ пользу того, что наши старцы имѣютъ право принимать на исповѣдь и давать кающимся епитиміи. Такъ, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ читаемъ: „Епитиміямъ подвергали согрѣшившихъ иноковъ игумены монастырей и простые старцы, не имѣвшіе никакого начальственно-административнаго положенія. Неизвѣстно точно, съ какого времени, но повидимому рано, въ монастыряхъ игуменскимъ и старческимъ епитиміямъ стали придавать большее значеніе, чѣмъ простому дисциплинарному наказанію: епитимія признавалась неразрѣшимой никакою иною властію, кромѣ наложившей ее. Происходило это изъ представленія объ абсолютности игуменской и старческой власти, а также и отъ того, что въ епитиміяхъ старцевъ стали видѣть проявленіе вяжущей и рѣшающей власти, данной Господомъ апостоламъ, хотя большая часть игуменовъ и старцевъ не имѣли іерарическаго сана... Въ

прологъ подь 15 октября содержится слѣдующая повѣсть: нѣкогда въ скитѣ жилъ монахъ послушный отцу. Но по соблазну искусителя онъ ушелъ „отъ рукъ старца безъ вины, преобидѣвъ и запрещеніе, ибо запрещенъ быше за послушанія отложеніе“. Непокорный монахъ уходитъ въ Александрію и во время гоненія на христіанъ претерпѣваетъ тамъ мученіе за Христа. Христіане нашли его тѣло и погребли въ жертвенникѣ церковномъ „яко мученика“. Когда же стали служить литургію, то во время возгласа „елицы оглашенніи изыдите“—гробъ инока-мученика самъ собой на виду у всѣхъ молящихся перенесся на паперть и находился тамъ до конца богослуженія. Послѣ того онъ занялъ свое прежнее мѣсто. Тогда одинъ человекъ началъ молиться Богу, чтобы открыть ему значеніе чуда, и явившійся ангель разъяснилъ ему дѣло, что инокъ былъ за непослушаніе свое, при жизни, связанъ епитиміей старцемъ и не разрѣшенъ.

Благочестивый мірянинъ разыскалъ того постника, который былъ старцемъ мученика, и привелъ его въ Александрію. Когда надъ открытымъ гробомъ своего непокорнаго ученика старецъ произнесъ прощеніе ему, гробъ пересталъ переноситься изъ жертвенника во время литургіи. Значить, разрѣшеніе получило силу. Изъ этого разсказа выходитъ, что старческая епитимія имѣетъ полную—каноническую силу: она есть проявленіе апостольскаго права вязать и рѣшить и никакіе личные подвиги связаннаго, даже мученичество за Христа, не освобождаютъ отъ ея узъ („Бог. Вѣстн.“ апрѣль 1905 г. 743—744 стр.).

Подобное-же свидѣтельство находимъ мы и въ твореніяхъ Пр. Ѳеодора Студита. „Одинъ старецъ, читаемъ у него, подвизался вмѣстѣ съ послушнымъ ученикомъ своимъ. Разъ случилось, что животныя, которыхъ имѣлъ подвижникъ ради нуждъ монастыря, зашли въ поля поселянъ. Поселяне бранили старца, а тотъ разгнѣвался на ученика и далъ заповѣдь, чтобы онъ не ѣлъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока не остановитъ и не возвратитъ назадъ животныхъ и не сдѣлаетъ нужнаго огражденія, чтобы они болѣе не ходили на поля. Въ то время, когда послушникъ исполнялъ приказаніе, старецъ померъ. Опечалился ученикъ, возвратившись и найдя мертвымъ наставника: онъ почувствовалъ свое духовное сиротство и затѣмъ созналъ, что на немъ осталась епитимія—не вкушать хлѣба. Послѣ похоронъ инокъ объяснилъ дѣло кому слѣдуетъ—и просилъ врачевства и разрѣшенія епитиміи. Однако никого не нашлось, кто бы исцѣлилъ язву и разрѣшилъ связаннаго, ибо каждый отрицался и посылалъ его къ старѣйшему. И такъ какъ никто изъ находяхся тамъ не могъ его разрѣшить, то, по совѣту большаго числа людей, онъ удаляется оттуда, приходитъ въ Константинополь и идетъ къ патріарху Герману, объясняетъ ему причину прихода и проситъ отъ него помощи, какъ отъ такого лица, которы

былъ главою Церкви; однако и здѣсь не получаетъ разрѣшенія и исцѣленія. Что-же затѣмъ? Собирается соборъ, является на среду послухникъ, производится разсмотрѣніе вины его. Но и послѣ всего этого послѣдовало нѣкоторое удивительное, достославное и по истинѣ непостижимое, при такомъ архіереѣ и исповѣдникѣ, рѣшеніе.

Ни онъ, ни собравшійся соборъ не презрѣли епитиміи старца, связавшаго его и внезапно умершаго, хотя старецъ и не желалъ, чтобы ученикъ его оставался подъ епитимією. Но какъ онъ, связанный на землѣ, былъ связанъ и на небесахъ, то они и оставили его подъ епитимією, не разрѣшеннымъ, и не смѣли освободить связаннаго однимъ человѣкомъ, который, можетъ быть, не имѣлъ и степени священства, а былъ только аввою ученика, хотя тутъ были архіереи и даже глава Церкви.

Такимъ образомъ этотъ братъ пребылъ до смерти, не вкушая хлѣба“ (Огласит. поученія и завѣщаніе Θεод. Студита; по изд. Оптиной пустыни 1896 г. стр. 133—134).

Такъ вотъ вамъ новое и рѣшительное доказательство того, что старцы, не имѣя священнаго сана, могли вязать и рѣшить; отсюда наши наставники поступаютъ законно, когда принимаютъ на исповѣдь приходящихъ къ нимъ.

Тотъ же пр. Θεодоръ Студитъ на вопросъ: должно ли не имѣющему священства (монаху) назначать епитимію за неимѣніемъ пресвитеровъ и по вѣрѣ приступающаго? Отвѣчалъ: „Не противно правиламъ и простому монаху назначать епитиміи“ (твор. его т. 2, 601 стр.). И въ другомъ мѣстѣ къ Аврамію Странноприимцу писалъ: „Во время болѣзни нужно искать врача и во время бури кормчаго. Развѣ ты не видишь, что теперь великая буря и посланное отъ Бога наказаніе? Будь врачомъ, господинъ, будь кормчимъ, чтобы и себя спасти и виновныхъ исцѣлить и возвратить въ благоустроенное состояніе“ (т. 2, стр. 253). И такъ, не ясно ли, что и простой монахъ имѣетъ право, при отсутствіи священниковъ, налагать епитиміи, быть врачомъ и исцѣлять душевныя болѣзни, т. е. принимать кающихся, вязать ихъ и рѣшать. Напрасно вы и стараетесь обвинить нашихъ старцевъ въ томъ, что они восхищаютъ недарованное имъ;—напрасно утверждаете, что мы, не имѣя священства, не можемъ имѣть и покаянія, отсюда—де—и надежды на полученіе спасенія. Я кончилъ. Желая услышать и на эти доводы разъясненіе.

Православный: Постараюсь разъяснить и послѣдніе ваши доводы, изъ которыхъ однако не видно того, чтобы простецъ-монахъ могъ совершать исповѣдь, покаяніе, какъ таинство. Смыслъ послѣднихъ вашихъ доводовъ тотъ же, что и „старча исповѣдь пріята“, т. е. въ нихъ говорится объ исповѣди нравственной.

Вѣдь „Богословскій Вѣстникъ“ свидѣтельствуетъ, что въ періодъ IV—VIII столѣтія и „міряне и клирики охотно шли къ монастырскимъ старцамъ, людямъ духовнаго опыта. Они несли сюда не очищенныя свои совѣсти, борющіе помыслы, развѣдающія сомнѣнія мысли, страсти подавленной воли; предъ старцемъ исповѣдывали они свои грѣхи, не рѣдко смертныя, и прегрѣшенія до мимолетнаго помысла и подъ его руководствомъ, принявъ епитимію, какъ духовное врачевство, проходили покаяніе“ (Бог. Вѣстн. сентябрь 1905 г. Стр. 19).

Не ясно ли, что къ старцамъ шли не для того, чтобы получить разрѣшеніе отъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія, а шли за совѣтомъ, наставленіями, шли за лѣкарствомъ противъ душевныхъ болѣзней, а это и была исповѣдь нравственная, а не таинство, не исповѣдь „сакраментальная“. Вѣдь мы видимъ, что къ старцамъ шли и клирики, въ томъ числѣ и священники; такъ ужели священникъ отъ простеца инока получалъ разрѣшеніе отъ грѣховъ? Вѣдь, меньшій отъ большаго, по ученію Апостола, получаетъ благословеніе. Иначе думать учить будетъ нелѣпость.

„Принимающему исповѣданіе грѣховъ (разумѣемъ въ таинствѣ покаянія), говоритъ Симеонъ Солунскій, нужно и благословлять, и говорить разрѣшительную молитву, и разрѣшать... Какъ же будетъ совершать это тотъ, кто не имѣетъ священства“? (Т. 2, стр. 313).

„Какое же значеніе, читаемъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, имѣла исповѣдь мірянъ у монастырскихъ старцевъ? Разумѣется, только нравственное: исповѣдь мірянъ передъ простыми монахами была бытовымъ явленіемъ, а не составною частію покаянія, какъ справедливо съ современной канонической точки зрѣнія рассуждаетъ профессоръ Павловъ“ (Сентябрь стр. 20),—который, скажемъ, писалъ объ этой исповѣди, „что она предписывалась монастырскими уставами, какъ мѣра къ утвержденію новоначальныхъ монаховъ въ жизни по своимъ обѣтамъ подъ руководствомъ старшихъ братій. Обращались и міряне съ исповѣдью грѣховныхъ тайнъ своей души и съ просьбою о поданіи душеполезнаго совѣта или о молитвенномъ ходатайствѣ за себя передъ Богомъ... Но никто не смотрѣлъ на монаховъ, не имѣющихъ священническаго сана, какъ на компетентныхъ духовниковъ, т. е. уполномоченныхъ не только выслушивать исповѣдь, но и разрѣшать отъ грѣховъ“ (Номоканонъ Павлова, по изд. 1897 г. 475 стр.).

Эти старцы приходившимъ къ нимъ — давали и епитимію, какъ лѣкарство, противоядіе, противъ извѣстныхъ душевныхъ болѣзней: „Мірянинъ, пришедшій къ старцу съ тяжкимъ грѣхомъ, получалъ епитимію, которую долженъ былъ добросовѣстно исполнить, чтобы заслужить разрѣшеніе отъ грѣховъ“ („Богосл. Вѣстн.“ Сентябрь, 26 стр.); значить, онъ еще не получалъ прощенія, разрѣшенія отъ грѣховъ и понятно почему: старецъ не іерей.

Словомъ, такая исповѣдь не могла замѣнить собою таинства покаянія: „при ней не было іерархическаго лица, пресвитерскаго или епископскаго сана, въ качествѣ совершителя таинства покаянія“ („Богосл. Вѣстн.“ Мартъ 1905 г. стр. 463—464). Такъ какъ юные монахи поручались старцамъ для наученія ихъ духовной жизни, о чемъ говорили мы выше, то „власть старца надъ безвольнымъ послушникомъ, духовнаго отца надъ духовнымъ сыномъ, была неограниченная“ (тамъ же, мѣсяць сентябрь, 26 стр.),—и вотъ почему такихъ иноковъ, послушниковъ, могли разрѣшать отъ епитиміи только тѣ, кто ихъ наложилъ; вотъ почему не разрѣшили отъ епитиміи пастыри послушниковъ-иноковъ, о которыхъ привели свидѣтельства изъ „Богословскаго Вѣстника“ и „Огласительныхъ Поученій“ пр. Феодора Студита.

Но власть вязать и рѣшить принадлежала и принадлежитъ исключительно пастырямъ церкви, а не мірянамъ, какъ о томъ свидѣтельствуется и „Богословскій Вѣстникъ“, приведшій свидѣтельство Нила Синайскаго: „судить позволительно наиболѣе славнымъ и чистымъ изъ пастырей, которымъ ввѣрены ключи царствія, а не пасомымъ и посящимъ на себѣ слѣды грѣховныхъ сквернь“ („Богосл. Вѣстн.“ Апрель 1905 г. стр. 743). А вы дерзновенно вручили „ключи Царствія“ небеснаго простецамъ, своимъ старцамъ, восхитили то, что Господомъ не даровано имъ. Тяжкій грѣхъ берутъ на себя.

Такъ и препод. Феодоръ Студитъ училъ: „ключи Царства небеснаго Христосъ даровалъ великому Петру, также и всѣмъ Апостоламъ..., преподавъ черезъ нихъ преемникамъ ихъ (твор. его, т. I.—290 стр.). И въ другомъ мѣстѣ, приведши евангелическія слова: „еже аще свяжете на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“ (Мѡ. 16—19), пр. Феодоръ Студитъ писалъ: „кто же это тѣ, которымъ это ввѣрено?“

„Апостолы и ихъ преемники“ (т. II, 322 стр.), такъ училъ и знаменитый по учености и по жизни изъ монаховъ пр. Ефремъ Сиринъ: „безъ священства, писалъ онъ, не дается смертнымъ отпущеніе грѣховъ... Черезъ священство пріялъ и ключи небесъ“ (т. 2, стр. 398; сл. 57-е).

Особенно же ясно училъ бл. Симеонъ Солунскій, говоря, что монахи не имѣютъ права на совершеніе таинства покаянія. „Служеніе духовныхъ отцевъ, писалъ онъ, не должно ввѣрять простымъ монахамъ, вовсе не имѣющимъ рукоположенія. Ибо это служеніе столь священно, что принадлежитъ однимъ епископамъ и пресвитерамъ, какъ говорятъ правила церковныя (т. 2. стр. 312). Если пресвитеры, продолжаетъ онъ, не имѣютъ на это права безъ позволенія (епископовъ), а о діаконахъ правила не упоминаютъ: то какъ иной прстець, вовсе не получившій священства, будетъ совершать это таинство и священнодѣйствовать святое покаяніе?“ (Стр. 314). „Ибо покаяніе есть одно

изъ таинствъ, и совершать его для вѣрныхъ — принадлежить епископамъ“ (322 стр.).— „Слыхаль и я, писалъ бл. отецъ одному епископу, что нѣкоторыми архіереями дается монахамъ право принимать исповѣдь. Но я и прежде высказываль, и теперь выскажу мнѣніе свое, оно, надѣюсь, мнѣніе и отцовъ, — что это дѣло священства и должно быть совершаемо архіереями, или священниками, но ни подъ какимъ видомъ лицами простыми. Если уже нужда какая-нибудь, за отсутствіемъ священника, заставить, съ архіерейскаго дозволенія, совершать это дѣло и монаха, благоговѣйнаго и знающаго Божіи законы, разумью священные каноны: то пусть совершить, только чтобы принялъ одну исповѣдь и передалъ ее епископу, или подалъ требующему какой-либо душеполезный совѣтъ, но не прощаль и не разрѣшаль. Иначе безъ священства онъ могъ бы и священнодѣйствовать, и крестить, и благословлять, совершать и проч., а это чуждо Церкви“ (т. 3, стр. 162). Тоже см. стр. 150.

И такъ, ясно, все Божественное Писаніе — право и власть взять и рѣшить, право совершать таинство покаянія, — усвоеть исключительно лицамъ іерархическимъ — епископамъ и пресвитерамъ, воспрещая монахамъ и простецамъ дерзновенно восхищать недарованное имъ.

Монахъ или простецъ, по необходимости и въ крайней нуждѣ, можетъ принять исповѣдь, „но долженъ передать ее епископу, или имѣющему право священнослуженія (т. е. пресвитеру)...

Помнить монахи и простецы должны, что разрѣшить сами собою и называть себя духовниками они не могутъ, потому что не имѣютъ на то права, но если, по необходимости, принимаютъ исповѣдь и исповѣдуютъ, послѣ пусть передаютъ ее отцу духовному. Все, что услышали и узнали отъ исповѣдавшаго, пусть они перескажутъ тому, кто имѣетъ власть рѣшить: чрезъ это право разрѣшенія останется неприкосновеннымъ“.

Самое даже разрѣшеніе епископами, при нуждѣ, монахамъ принимать исповѣдь, блаженный считаетъ незаконнымъ и предписываетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ „монахи не разрѣшали сами собою“, но „доносили объ этомъ мѣстному архіерею, и чтобы рѣшеніе было сдѣлано имъ“ — (т. 3, 150—151 стр.).

Какому-же суду подлежатъ ваши старцы за самовольно присвоенное право совершать покаяніе? Блаженный отвѣчаетъ: „Если же нѣкоторые, по Божію попушенію, настолько дозволяютъ себѣ дерзости, что нечестиво и безъ вѣры (ибо это невѣріе) принимаютъ на себя священство, не бывъ рукоположены, и совершаютъ дѣла священства; то для выраженія тяжести осужденія, ожидающаго такого чело-вѣка, — нѣтъ словъ. — Его дѣйствія хуже дѣйствій самыхъ нечестивцевъ“.

и свойственны однимъ демонамъ, которые преобразуются во ангела свѣта, не будучи имъ, и поддѣлываются подъ дѣйствія Божіи, будучи безбожниками и противниками Бога. Такимъ образомъ такіе люди подвергнутся величайшему и невыразимому наказанію за то, что такъ кощунствуютъ надъ вещами божественными“ (т. 3, 148—149 стр.) Такимъ образомъ, по ученію бл. Симеона Солунскаго, ваши старцы за присвоеніе непринлежащаго имъ права творить покаяніе—осуждаются и почитаются горше нечестивыхъ демоновъ... Вотъ имъ судъ. И то, что они творятъ, почитается „кощунствомъ“, а не покаяніемъ.

И такъ, не можете и не имѣете вы таинства покаянія, этой „второй денницы по разбіеніи крестильнаго карабля и нужно потребной тайны согрѣшившихъ“, потому что некому у васъ совершать эту тайну; ваши старцы не очищаютъ васъ отъ грѣховъ, да и не могутъ; наоборотъ, „своимъ кощунствомъ надъ Божественными дѣлами“, — они на ваши головы приносятъ большее осужденіе...

Некому васъ очистить отъ грѣховныхъ сквернъ, а неочищенные отъ грѣховъ, вы и получить спасенія не можете. Пусть же старообрядцы Спасова согласія подумаютъ надъ своимъ положеніемъ; оглянитесь на Церковь Христову, Церковь Православную, которую вы хулите, но которая одна только есть истинная мать наша, могущая чрезъ своихъ пастырей, хотя и грѣшныхъ, очистить васъ отъ грѣховъ и чрезъ данные ей ключи Царствія небснаго—ввести васъ въ небесный чертогъ—Царя Христа.

Самарскій епархіальный миссіонеръ, іерей *Димитрій Александровъ*.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

„Паутина“, политическій ром. въ 3 част. В. И. Крыжановской.
„Русскій Вѣстникъ“, 1906 г. №№ 1, 2, 3 и 4.

Г-жа Крыжановская стяжала себѣ въ литературѣ имя, главнымъ образомъ, какъ историческая романистка; ея романы изъ исторіи Египта, Рима и среднихъ вѣковъ пользуются широкой извѣстностью, въ особенности „Жельзный канцлеръ древняго Египта“, представляющій интересную историко-бытовую картину временъ Іосифа, и „Свѣточи Чехіи“, рисующіе борьбу Кирилло-меоодіевскихъ началъ въ Чехіи XV в. противъ нѣмецко-католическаго гнета и возникновеніе гуситства.

Теперь передъ нами ея новое произведеніе, печатающееся съ января въ „Русск. Вѣстн.“ и имѣющее не только литературное, но и общественное значеніе. Авторъ назвалъ его романомъ; но это—не романъ въ общепринятомъ смыслѣ, а если и романъ, то во всякомъ случаѣ *романъ-хроника*, поскольку подобная литературная квалифікація приложима, напимѣръ и къ „Войнѣ и Миру“, гдѣ тоже романической интригѣ отведено второстепенное значеніе, а на первомъ мѣстѣ своить описаніе быта того времени и политическихъ событій, въ которыхъ принимаютъ участіе дѣйствующія лица. Такъ и въ данномъ случаѣ: авторъ ведетъ васъ въ свою галерею и показываетъ картины быта современнаго общества и портреты своихъ героевъ.

Переживаемое нами „лихолѣтье“ не могло не затронуть чуткаго дарованія г-жи Крыжановской и вотъ она рисуетъ намъ наше современное общество съ его вѣковымъ грѣхомъ: „духомъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія“, и отсутствіемъ національнаго самосознанія, скажемъ мы, за Ефремомъ Сиринымъ; а на ряду съ

этимъ указанъ дружный натискъ на расшатанныя, исконныя начала русскаго народа соединенными силами ивородцевъ и иностранцевъ, преимущественно нашихъ старыхъ благопріятелей--нѣмцевъ. Грозящая русскому народу опасность крушенія его самобытности, даже въ политическомъ отношеніи, представляется автору въ видѣ громадной паутины, захватившей уже въ свои тенета обезличенную и беспочвенную русскую „интеллигенцію“.

Романъ еще не оконченъ и едва ли зашелъ за половину, а потому трудно предугадать конечные выводы автора; однако уже и теперь обрисовка дѣйствующихъ лицъ и обстановки вполнѣ ясна, хотя несомнѣнно большой интересъ, для сравненія съ русскимъ бытомъ, представятъ и картины жизни германскаго общества, въ средѣ котораго поселается героя романа.

Дѣйствіе романа происходитъ сначала въ Екатеринославской губерніи, въ имѣніи генерала Шастунова, а затѣмъ переходитъ въ Польшу въ помѣстье барона фонъ-Рангвальда. Нѣкогда богатый, но затѣмъ разорившійся, генераль Шастуновъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ, остзейской баронессѣ Матильдѣ Фердинандовнѣ Рангвальдъ, которая и становится орудіемъ нѣмецкаго вліянія, какъ на своего добродушнаго и безалабернаго мужа, такъ и на всѣ его дѣла, что особенно пагубно отражается на управленіи имѣніемъ Всесвятскимъ, попадающимъ въ цѣпкія лапы ставленника генеральши, нѣмца-управителя, Либермана съ присными. Свитое генеральшей нѣмецкое гнѣздо, при содѣйствіи окрестныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, способствуетъ развитію „штундизма“ и растлѣвающе вліяетъ на мѣстное населеніе.

Съ какими чувствами и намѣреніями гг. „культуртрегеры“ явятся изъ Германіи надѣлять насъ своей „культурой“, выясняется изъ откровенной бесѣды Либермана съ пасторомъ. Дѣло происходитъ въ большомъ селѣ, по близости Кенигсберга, куда управляющій генер. Шастунова пріѣзжаетъ за своими родственниками, для которыхъ, вмѣсто поденной черной работы на родинѣ, приготовилъ „ein warmes Plätzchen“ (теплое мѣстечко) въ гостепріимной Россіи.

Пасторъ Брейтгаммеръ,—тучный, съ двойнымъ подбородкомъ,—сидѣлъ у окна и курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ; на немъ былъ индійской ткани халатъ и черная ермолка прикрывала его лысую голову.

Разспросивъ Либермана о его личныхъ дѣлахъ, онъ поспѣшилъ перейти къ политическому положенію нѣмцевъ въ Россіи; видимо, внутреннія дѣла могущественнаго сосѣда особенно его интересовали.

— Много ли протестантскихъ приходовъ въ вашей провинціи и каково живется тамъ бѣднымъ изгнанникамъ, вдали отъ родины,—спросилъ онъ.

— О! Нѣмецкихъ колоній въ Екатеринославской губерніи много, я

думаю—больше шестидесяти; жаль только, что большинство принадлежить къ анабаптистамъ.

— Увы! Конечно, прискорбно, что значительное число нашихъ соотечественниковъ отступило отъ общей матери — церкви, основанной великимъ Лютеромъ, — вздохнулъ пасторъ; — но все же они несутъ истинный свѣтъ евангельскій во тьму язычества греческой схизмы. Мнѣ говорили, однако, что у нихъ тамъ, среди туземцевъ, много послѣдователей и за одно это надо уже быть къ нимъ снисходительными; проповѣдуя слово Божіе, они *германизируютъ* тупое славянское населеніе и такимъ образомъ, оказываютъ нашей странѣ неоцѣнимую услугу.

— Вы совершенно правы, г-нъ пасторъ! Въ дѣлѣ пропаганды анабаптисты выказываютъ необыкновенное рвеніе и одерживаютъ колоссальные успѣхи: ихъ послѣдователи не только многочисленны, но, сверхъ того, они настолько проникаются духомъ своихъ апостоловъ, что дѣлаются настоящими нѣмцами. Этихъ обращенныхъ русскихъ зовутъ „штундистами“ и законъ строго наказываетъ ихъ... если поймаютъ; но, такъ какъ проповѣдь, сама по себѣ, дозволена, то, согласитесь, что одиночныя преслѣдованія не достигаютъ цѣли! Да иначе и быть не можетъ: наши колонисты—богаты и умѣютъ, когда нужно, словесное убѣжденіе поддержать и матеріальнымъ давленіемъ; гдѣ ужъ тутъ противиться такому забитому животному, какъ русскій мужикъ? Крестьяне дохнутъ съ голоду, ихъ священники—чисто нищіе, сравнительно съ нашими пасторами, и авторитета имѣютъ мало; ими пренебрегаютъ, надъ ними издѣваются и вотъ, постепенно и прочно растутъ заложенная нами тамъ Новая Германія.

— Пусть, пусть ширятся ея предѣлы и священная, высокопатріотическая работа нашихъ піонеровъ приблизить великій моментъ, когда Германіи можно будетъ наконецъ закончить свою просвѣтительную миссію и взять въ руки міровой скипетръ — на благо человѣчества и цивилизаціи, — закончилъ пасторъ, молитвенно складывая руки и набожно возводя глаза къ небу.

Потомъ, Брейтгаммеръ выпрямился и пытливо взглянулъ на собесѣдника.

— А сами-то вы прониклись-ли въ достаточной мѣрѣ сознаниемъ того долга, который Господь возложилъ на васъ въ этой дикой странѣ?

— Конечно! Я отлично знаю, что долженъ прежде всего оставаться вѣрнымъ подданнымъ Германской Имперіи, имѣть въ виду исключительно интересы моего отечества и моихъ братьевъ-нѣмцевъ и всегда быть господиномъ надъ низшимъ, варварскимъ населеніемъ, въ среду котораго меня забросила судьба...

— Это—лишь азбука и потому этого мало,—горячо возразилъ пасторъ.— На каждомъ нѣмцѣ, помните, Либерманъ, лежитъ обязанность дѣлать все, отъ него зависящее, чтобы ослабить варварское царство, которое является нашимъ самымъ опаснымъ врагомъ. Свѣтъ раздоръ, возбуждать недовольство, разъединить и *обезличивать* глущую толпу, а главное, растравить сепаратизмъ мелкихъ народцевъ, завоеванныхъ ненасытнымъ колоссомъ, вотъ—какая задача предстоитъ нѣмцамъ, которыхъ судьба приводитъ въ Россію. Лишь когда эта страна перестанетъ быть великой державой, а ея дикія орды будутъ отодвинуты далеко въ Азію, тогда только цивилизаторская миссія Германіи можетъ

считаться законченной, нашъ народъ получитъ возможность развернуться на свободѣ и проявить всю свою культурную мощь! Смѣшно и досадно видѣть, что наши братья выселяются въ Америку или въ Африку, когда у насъ тутъ же, подъ рукой, лежатъ цѣлыя области, представляющія неоцѣнимыя пространства для населенія, земли, изобилующія богатствами, которыя только и ждутъ насъ для своего развитія и процвѣтанія.

Пасторъ воодушевился, увлеченный грандіозными перспективами, созданными его фантазіей; жирное лицо его было красно, маленькіе, заплаканные глаза лихорадочно блестя, а грозно поднятый кулакъ представлялся ему уже закованнымъ въ броню и могущимъ раздавить неудобнаго сосѣда, который медлитъ звать къ себѣ своихъ господъ и благодѣтелей.

Краснорѣчіе Брейтгаммера не пропало даромъ, и подбавило жару патриотизму и національному чванству Либермана.

— Будьте увѣрены, г-нъ пасторъ, что ни одна изъ сказанныхъ вами силъ не пропадетъ даромъ ни для меня, ни для моихъ братьевъ, которымъ я дословно передамъ весь нашъ разговоръ,—съ многозначительнымъ видомъ отвѣтилъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Россіи, я и самъ всегда чувствовалъ, что эта страна—наша будущая собственность и если мы тамъ пока еще хозяева не законные, то, во всякомъ случаѣ, фактическіе: мы—въ первыхъ рядахъ всюду, гдѣ надо распорядиться или забрать въ руки выгодное дѣло. Да вотъ, хотя бы во Всевятскомъ—у насъ тамъ два завода: одинъ мыловаренный, другой керамиковый, и что же? Оба управляющіе, завѣдующіе мастерскими и главные мастера—все нѣмцы; а русская сволочь служитъ рабочей силой, и такъ вездѣ! Какъ то въ Петербургѣ мнѣ пришлось закупать сѣмена и растенія для нашей оранжереи въ Ботаническомъ саду, такъ вѣрите-ли, что мнѣ не понадобилось сказать ни одного слова по-русски, все — нѣмцы; ну, а русскіе... ха, ха, ха... годны только, чтобы таскать воду и мести аллеи. А на ихъ главной улицѣ, Невскомъ проспектѣ? Лучшие магазины — нѣмецкіе, стоитъ лишь прочесть вывѣски и подумаешь, что очутился въ Берлинѣ; у газетчиковъ и въ ресторанахъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ сколько угодно, наша церковь стоитъ на почетномъ мѣстѣ, а кто занимаетъ высшія административныя должности. Das Herz hüpfet einem im Leibe, когда читаешь имена всѣхъ этихъ—*талей*,—*фельдовъ*,—*штейновъ*,—*берговъ*,—*дорфовъ*,—*баховъ*,—*вальдовъ*,—*бурговъ* и т. п. О! Мы смѣло и бодро идемъ къ нѣмцамъ, о которой вы только что упоминали.

— Благослови насъ Богъ! Эта цѣль, въ то же время, есть благо всего человѣчества, такъ какъ Провидѣніе предназначило насъ быть двигателями мировой культуры.—Скажите, однако, дорогой Либерманъ, цѣнить-ли, по крайней мѣрѣ, это жалкое племя всѣмъ благодѣянiя и просвѣщенію, которыми мы его одарили, чувствуетъ-ли, что его назначеніе растворится въ насъ и намъ служить? Это крайне важно! Вѣдь для того, чтобы нашъ народъ могъ впоследствии спокойно пользоваться своими будущими владѣніями и дать могучій размахъ культурѣ, необходимо, чтобы народныя массы были въ повиновеніи и ревностно, безропотно выполняли черную работу; точнѣе сказать, намъ необходимо выработать изъ нихъ послушный, смысленый, трудолюбивый *рибочій скотъ*.

— Это будетъ потруднѣе, чѣмъ присоединить страну, — отвѣтили Либерманъ, почёсавъ за ухомъ. — Тамъ есть крикуны, которые вопятъ, что мы наводнили Россію, какъ саранча, пожирающая хлѣбъ у сыновъ-земли и что мы — соглядатаи, которые только ловятъ случай, чтобы измѣнить или продать государство, пріютившее и питающее насъ. Разумѣется, не ихъ же интересы будемъ мы отстаивать въ случаѣ войны, — и Либерманъ расхохотался. — О, они бы намъ горло перегрызли... если бы *могли*. На наше счастье, они могутъ только мечтать объ этомъ, кромѣ того, голодовки и всеобщая бѣдность доставляютъ не мало заботъ, ну, а мы ужъ постараемся, чтобы они не вышли изъ нищеты и гдѣ сами не сможемъ, такъ жида намъ помогутъ. Нѣтъ лучшей узды, какъ голодъ!

— Вы правы, дорогой Либерманъ! Съ темной толпой необходимо быть строгимъ. Нашъ великій Момзень сказалъ, что надо кулакомъ бить по тупымъ славянскимъ башкамъ, чтобы заставить ихъ идти по прямой дорогѣ, — убѣжденно закончилъ пасторъ.

Вечеромъ того же дня, въ гостинницѣ „*Zur fette Gans*“ засѣдало многочисленное общество, собрана была вся сельская знать.

Подъ навѣсомъ, въ саду, сидѣли дамы съ фрау Кнолле, по правую руку которой, на почетномъ мѣстѣ, помѣстили Мальвину — красную отъ волненія по поводу выпавшаго на ея долю счастья; сегодня даже чванная супруга органиста облобызала ее и пожелала удачи въ новомъ отечествѣ.

Толковали о предстоящемъ Мюллерамъ путешествіи, восторгались блестящей ролью, разыгрываемой нѣмцами въ Россіи и рассказы объ этомъ были неистощимы. Подруга фрау Кнолле уѣхала горничной при одной русской дамѣ; затѣмъ получила мѣсто гувернантки и стала „*фрейлейнъ*“, а подъ конецъ, даже вышла замужъ за доктора; другой общій знакомый „*Lohndiener*“ сдѣлался профессоромъ у „добродушныхъ“ сосѣдей и т. д.

Въ самомъ домѣ, въ особой комнатѣ, рядомъ съ общей залой, за столомъ, загроможденнымъ жбанами, бутылками и кружками, предсѣдательствовалъ Либерманъ. Здѣсь темой для разговора служила политика и, весь еще подъ впечатлѣніемъ своей бесѣды съ пасторомъ, герръ Теодоръ развертывалъ картину порабощенія Россіи — этой новой земли Ханаанской, которая самой судьбой предназначена служить образованію новой, исполинской Германіи и обезпечить, такимъ путемъ, нѣмецкому народу скипетръ мірового господства.

Подъ винными, или точнѣе, пивными парами, „*Drang nach Osten*“ собравшихся патріотовъ принималъ размѣры гомерическіе и предполагаемое завоеваніе казалось имъ уже сущимъ пустякомъ.

Такъ же легко, какъ онъ рѣзалъ сыръ и ветчину, кромсалъ Либерманъ на части „сѣвернаго колосса“: сперва отнималъ Балтійскія провинціи и Финляндію, затѣмъ Польшу и Литву и, наконецъ Крымъ съ Кавказомъ, побѣдоносно доводи русское государство до предѣловъ Московскаго княжества; но, пожалѣвъ затѣмъ и объ этомъ великодушій, съ торжествомъ водружалъ нѣмецкое знамя въ Кремлѣ, а русскихъ изгонялъ въ Азію, гдѣ и подвергалъ поголовному избіенію китайцами и японцами, забывая даже, что этимъ самымъ лишалъ *культуртрегеровъ* ихъ „рабочаго скота“.

Въ моментъ этого апофеоза, общая гармонія чуть не нарушилась: возникли разногласія во мнѣніяхъ по поводу дѣлежа добычи и общая потасовка была бы неизбежна, но тутъ въ дѣло вмѣшались дамы, привлеченныя криками и растащили расходившихся завоевателей, которые и разбрелись, затѣмъ, шатаясь, по домамъ.

Крайне сожалѣемъ, что не можемъ, за недостаткомъ мѣста, привести еще очень любопытную картинку засѣданія „Кружка ландверныхъ и резервныхъ германскихъ офицеровъ“ (есть въ Петербургѣ и такіе кружки), чтобы дать понятіе, до какой смѣлости доходятъ воинственные планы нашихъ западныхъ сосѣдей; а потому ограничимся инымъ мѣстомъ романа, рисующимъ дѣятельность „штундизма“ и отношенія штундистовъ къ миролюбивому русскому населенію.

— А о школѣ и библиотекѣ отецъ Никандръ ничего тебѣ не говорилъ? Мнѣ онъ объ этомъ писалъ.

— Какъ-же! Мы съ нимъ обсуждали это въ теченіе двухъ часовъ и я обѣщала дать тысячу рублей на поддержку. Я боюсь только, что не смотря на всю ихъ пользу, это окажется черезчуръ слабымъ оружіемъ въ борьбѣ съ гидрой *штундизма*, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь творится нѣчто ужасное, а администрація, повидимому, глуха и слѣпа. Изъ того, что говорилъ мнѣ отецъ Никандръ, ясно виденъ обширный, умно задуманный планъ, проводимый съ упорствомъ и энергіей, свойственными нѣмцами...

— Съ ихъ безпринципнымъ *езутизмомъ*, проповѣдывающимъ, что всякое средство хорошо, лишь бы цѣль была достигнута.

— Понятно, какіе тамъ принципы „mit den russischen Barbaren“! *) Что почтенные нѣмцы не станутъ стѣснять себя какими-то устарѣлыми *принципами* — истина, настолько извѣстная, что и говорить о ней не стоитъ. А вотъ послушай, что мнѣ рассказывалъ отецъ Никандръ, который въ качествѣ священника, и самъ участвуетъ въ борьбѣ за свою паству. Шарлотентальская колонія заселена исключительно меннонитами и является главнѣйшимъ очагомъ пропаганды въ губерніи, а одинъ изъ богатѣйшихъ колонистовъ, нѣкій Мердерфельдъ, — самый ярый дѣятель систематической деморализаціи нашихъ крестьянъ; у него проживаютъ обыкновенно миссіонеры, которыхъ высылаютъ сюда изъ-за границы и, въ данное время, два негодяя — Шварцъ и Зульцмейеръ скрываются въ его домѣ, рыщутъ по окрестностямъ, добывая себѣ разными способами послѣдователей, и, кромѣ того, раздаютъ тенденціозныя брошюры и книги, опорочивающія наше духовенство, православную вѣру и русскій народъ. Эту кучу печатнаго навоза читаютъ, переводятъ и толкуютъ темному люду, истомленному нищетою, и затѣмъ хорошо платятъ за отпаденіе отъ церкви, такъ какъ нѣмцы широко снабжаются деньгами изъ своего фатерланда, а все движеніе, въ цѣломъ, руководится изъ Берлина. Отецъ Никандръ описывалъ мнѣ нѣсколько случаевъ, безсильнымъ свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ: цѣлыя крестьянскія семьи были сначала

*) Русскими варварами.

разорены и затѣмъ совращены въ штундизмъ, подъ условіемъ и предлогомъ матеріальной помощи, которая была имъ оказана щедрой рукой, лишь только состоялось отпаденіе ихъ отъ православія. А какъ возмутительно ханжество этихъ сектантовъ: они парадируютъ своей идеальной честностью и на устахъ у нихъ только библейскіе тексты, что не мѣшаетъ имъ нисколько обманывать въ торговыхъ сдѣлкахъ и даже тайкомъ обкрадывать, особенно русскихъ. А какъ они жестоки къ бѣднымъ мужикамъ, которые не даютъ себя совратить въ штунду. Вообще, ихъ презрѣніе и наглое преслѣдованіе всего русскаго превосходитъ всякое воображеніе. Къ скотинѣ у нихъ больше вниманія, чѣмъ къ людямъ. Для коровъ и овецъ Мердерфельдъ построилъ въ полѣ крытые сараи и держитъ годового ветеринара, а для полевыхъ рабочихъ, изъ дальнихъ губерній, нанимаемыхъ на лѣто, онъ находитъ такой комфортъ излишнимъ. Люди спятъ подъ открытымъ небомъ и лишены медицинской помощи, а между тѣмъ одинъ Богъ знаетъ, насколько они въ ней нуждаются! Отецъ Никандръ примѣрами подтвердилъ мнѣ массу самыхъ невѣроятныхъ и возмутительныхъ фактовъ...

Юрій на минуту остановился и нервнымъ движеніемъ руки стряхнулъ пепель съ сигары.

— Я едва могу говорить, такъ все кипитъ во мнѣ, при мысли о тѣхъ мерзостяхъ, которыя эта нѣмецкая саранча дѣлаетъ русскому народу, „*das russische Vieh*“ *), здѣсь же, на его родинѣ. Напримѣръ, у нихъ вошло въ обыкновеніе кормить рабочихъ разными отбросами: но въ послѣдніе годы и это нашли черезчуръ вкуснымъ, а можетъ быть заграничные агенты получили приказъ травить народъ, но теперь несчастнымъ отпускаютъ такое продовольствіе, какого собака не станетъ ѣсть и ни одинъ желудокъ переварить не въ состояніи: червивая мука, сбившаяся въ комья, такъ что приходится разбивать ее топоромъ, гнилая рыба и палый отъ чумы скотъ, который прирѣзываютъ не задолго передъ тѣмъ, какъ ему сдохнуть. Разумѣется, отравленные такимъ образомъ люди мрутъ, какъ мухи; у одного Мердерфельда погибло больше половины его рабочихъ, впрочемъ, и у другихъ колонистовъ смертность не меньше.

— Отчего же тогда никто не жалуется властямъ? — негодующе спросилъ взволнованный Валеріанъ Петровичъ.

— Какъ же, жаловались, даже слѣдствіе было наряжено по этому поводу; но кончилось оно, какъ обыкновенно, тѣмъ, чѣмъ кончаются подобныя дѣла, когда въ нихъ замѣшаны бываютъ *нѣмецъ* или *жиды*: смертность подтвердилась, а виновныхъ не оказалось. Какой же здравомыслящій человекъ допуститъ, чтобы такіе добродѣтельные и богобоязненные люди, съ очами, возведенными къ небу, и руководящіеся въ жизни только евангеліемъ,—вдругъ, хладнокровно станутъ отравлять бѣдныхъ рабочихъ? Фи! Ихъ, разумѣется, слегка допросили, потомъ долго писали и обсуждали, а затѣмъ, потихоньку стали замалчивать, пока все не забудется, — огорченнымъ тономъ закончилъ Юрій.

— И все идетъ по прежнему!

*) Скотамъ русскимъ.

— О, нѣтъ! Теперь, эти негодяи стали осторожнѣе; но, конечно, какъ только они убѣдятся, что все это дѣло травой поросло, примутся за прежнее.

Ловкая и хитрая Матильда Фердинандовна успѣваетъ такъ одурачить своего мужа, на все смотрящаго глазами жены, что даже подбиваетъ легкомысленнаго генерала, въ ущербъ родному сыну, заложить имѣнье, оставленное тому лишь въ пожизненное владѣніе его первой женой,—чтобы купить помѣстье въ Польшѣ своему сыну отъ перваго брака, бар. Леопольду. Этотъ полунищій баронъ-голышъ, пытающійся со своей супругой тѣмъ, что урвутъ у богатыхъ русскихъ родственниковъ, оказывается не только дѣятельнымъ пособникомъ генеральши въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія „тевтонскаго“ духа, но даже и больше того, какъ увидимъ ниже.

Противники этого чужаднаго вліянія выведены въ романѣ, во первыхъ, Юрій Шастуновъ—сынъ генерала отъ перваго брака, затѣмъ его дядя, Валеріанъ Петровичъ, дочь—Милица, героиня романа, и ея другъ дѣтства Щепинъ-Кромскій. Первые два дѣйствующія лица обрисованы менѣе подробно и выставлены, какъ бы для того, чтобы выяснитъ, подъ вліяніемъ какого рода людей росъ и развивался характеръ Милицы.

Юрій—горячій, его дядя—болѣе спокойный и уравновѣшенный и оба они—глубоко честные и хорошіе русскіе люди, но слабосильные и не могущіе, по мягкости характера, положить предѣлъ заразѣ, внесенной въ ихъ семью мачихой и невѣсткой, не смотря однако на полное сознаніе приносимаго ею вреда. Тѣмъ не менѣе, борьба между враждующими сторонами (русской и нѣмецкой) ведется буквально не на животь, а на смерть, пока наконецъ Юрій, изобличивъ въ измѣнѣ „братца“, устроившаго изъ своего пограничнаго съ Пруссіей имѣнья складъ германскаго оружія, не погибаетъ за откровенность отъ „шальной“ пули на охотѣ.

Между этими, такъ сказать, *антиподами*, стоитъ цѣлый рядъ типичныхъ представителей опошлившагося русскаго „бо-монда“, но мы остановимся на наиболѣе яркихъ, по своему нравственному и умственному убожеству, экземплярахъ. Вотъ, напримѣръ, Лоло Юрасовъ—пошлый фатъ, увлекающійся смазливенькой рожницей подверн увшейся подъ руку племянницы Либермана и даже женящійся на ней; но въ скоромъ времени, какъ только у него прошелъ любозный хмель, онъ также спокойно бросаетъ жену, какъ передъ тѣмъ равнодушно отнесся къ смерти матери, убитой извѣстіемъ о его женитьбѣ, и исчезаетъ за границу влачить свое никому не нужное и безцѣльное существованіе. Таковъ и князь Игорь Загаринъ—развинченный гвардейскій повѣса. Влюбившись въ Милицу, онъ долго за ней ухажи-

вааетъ и дѣлается женихомъ, что однако ему нисколько не мѣшаетъ завести интригу съ красавицей полькой, графиней Осѣдкой; однако, на этотъ разъ, подобная продѣлка ему обходится дорого. Обольщенная имъ дѣвушка, узнавъ о его сватовствѣ и видя себя обманутой, мститъ за свой позоръ выстрѣломъ изъ револьвера, послѣ чего конечно слѣдуетъ разрывъ съ Милицей.

Представительницы „прекраснаго“ пола соперничаютъ въ безнравственности съ поломъ „не-прекраснымъ“. Вотъ характерная сценка, рисующая сразу бытъ среды и ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Передъ читателемъ княгиня Репьера—старѣющая, но пылкая не по лѣтамъ свѣтская львица.

Олимпія Аркадьевна, женщина лѣтъ пятидесяти пяти, въ молодости должна была быть хороша собой. Лицо ея было удивительно свѣжо для ея лѣтъ, въ черныхъ волссахъ не просвѣчивало ни одного сѣдого волоска; но накрашенные губы и не въ мѣру выведенныя брови предательски выдавали, что гримъ игралъ тутъ значительную роль.

Она была полна и потому туго затянута въ корсетъ. Ея нарядный капотъ, свѣтло-лиловаго цвѣта, украшалъ цѣлый каскадъ дорогихъ кружевъ; широкіе рукава открывали полные красивые локти и выхоленные, покрытыя кольцами руки. Хорошенькія еще ножки, обутыя въ черныя шелковые чулки и золотистыя туфли, кокетливо выглядывали изъ-подъ платья и покоились на сѣрой, атласной подушкѣ на полу.

Выраженіе лица—добродушное, но, еще болѣе, безпечное, служило правдивымъ отраженіемъ ея характера. Въ сущности, Олимпія Аркадьевна была не злая женщина, подчасъ даже добрая и довольно отзывчивая; но, прежде всего и главнымъ образомъ, она была свѣтской львицей и кокеткой, искавшей въ жизни только успѣха и поклоненія.

Такъ, въ вихрѣ наслажденій и проказъ своей шумной и бурной жизни, она не замѣтила, какъ потихоньку сдѣлалась бабушкой, оставаясь глухой къ голосу своего зеркала, взывавшаго къ ней: „Одумайся! Никакія ужъ краски не дадутъ тебѣ настоящей молодости; время любви для тебя миновало и ты становишься смѣшной“.

Даже смерть единственнаго сына княгини не могла отрезвить и стряхнуть ея неисправимаго легкомыслія, хотя она искренно любила молодого князя и перенесла всю свою привязанность, къ которой только была способна, на внучатъ, круглыхъ сиротъ. Но все же, противиться увлеченіямъ сердца была столь же мало способна теперь, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

Сидѣвшій противъ княгини священникъ былъ человекъ среднихъ лѣтъ. Голова и борода его подернулись сѣдиной, доброта и умъ свѣтились въ его глазахъ и отъ всего его существа вѣяло чистымъ и строгимъ покоемъ честной и безупречной жизни.

— Такъ могу ли я рассчитывать на помощь вашего сіятельства, чтобы начать задуманное дѣло, необходимость и пользу котораго я имѣлъ честь вамъ изложить?—спросилъ онъ, заканчивая горячее объясненіе, которое Олимпія Аркадьевна слушала довольно внимательно.

— Непремѣнно, отецъ Никандръ. Начинайте постройку школы, а я сегодня же прикажу управляющему выдать вамъ необходимое количество лѣса и двѣсти рублей на предварительные расходы. А для библиотеки я вамъ вышлю книги и иллюстрированные журналы.— Пожалуйста не благодарите,—перебила она священника, пытавагоса выразить ей свою благодарность.—Я всёю сердцемъ присоединяюсь къ вамъ и понимаю, что школа и книга будутъ лучшимъ оружіемъ противъ пропаганды штундистовъ. Только тогда народъ будетъ имѣть силу противиться опаснымъ совратителямъ, когда онъ будетъ просвѣщенъ!

Священникъ вздохнулъ.

— Ахъ! Тяжела борьба съ людьми, которые не брезгаютъ никакими способами, чтобы привлечь послѣдователей, располагаютъ громадными средствами и ловко пользуются бѣдностью, минутами слабости и отчаянія, а главное темнотой крестьянскаго люда, чтобы отвращать его отъ православной вѣры. Разумѣется, надо дѣлать, что можно, а Господь довершитъ остальное. Я же очень рассчитываю на школу и поспѣшу съ ея постройкой. Благодаря щедрости вашего сіятельства, можно будетъ приступить безотлагательно и на будущей недѣлѣ устроить закладку.

— Конечно, если ничто не помѣшаетъ. Но вы знаете, отецъ Никандръ, въ какое затрудненіе меня поставила неожиданная болѣзнь мистера Фрейя. Я не знаю, какъ мнѣ достать теперь же другого гувернера; а между тѣмъ, оставлять дѣтей подъ надзоромъ кормилицы, или теперь няньки Жоржа,—прямо невозможно. Я боюсь даже, чтобы не пришлось для этого ѣхать въ Петербургъ.

— Мнѣ кажется, что я могу вывести васъ изъ затрудненія и предложить человѣка вполне подходящаго. Это—нѣкто Веригинъ; онъ съ университетскимъ образованіемъ и долго жилъ въ Германіи, въ качествѣ секретаря у одного богатаго комерсанта; но семейныя обстоятельства вынудили его вернуться на родину и теперь онъ очутился въ затруднительномъ положеніи, потому что у него на рукахъ мать и нѣсколько малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ. Я отвѣчаю за его порядочность.

Княгиня оживилась.

— Вотъ и отлично! А ваша рекомендація, отецъ Никандръ, служить мнѣ лучшей порукой. Присылайте же мнѣ поскорѣе г-на Веригина.

— Непремѣнно, ваше сіятельство; пришлю завтра же.

Въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ княгинѣ на серебряномъ подносіи письмо.

— Г-нъ Либерманъ, управляющій Всесвятскаго, пріѣхалъ съ племянникомъ и подалъ письмо къ вашему сіятельству,—доложилъ онъ.

Княгиня пробѣжала письмо.

— Либерманъ предлагаетъ мнѣ въ гувернеры своего племянника и проситъ принять его. Иванъ, проведите ихъ въ голубую гостиную и попросите обождать.

Лицо священника нахмурилось. Замѣтивъ это, княгиня спросила, какого онъ мнѣнія о Либерманѣ.

— Это—личность мало достойная уваженія и, кромѣ того, онъ слишкомъ ужъ злоупотребляетъ оказываемымъ ему довѣріемъ. Главное же, онъ невѣроятно жестоко съ бѣдными крестьянами: нѣтъ такой

придирки или гадости, которыхъ онъ не сдѣлалъ бы; къ тому же онъ—твердая опора и пособникъ штундистовъ-проповѣдниковъ.—Я только удивляюсь, что онъ осмѣливается предлагать вашему сіятельству своего племянника. Мнѣ доподлинно извѣстно, что въ прошломъ году онъ привезъ сюда своихъ родныхъ; но вѣдь это же люди простые, почти мужики! Чистое горе, что всякій проходимецъ изъ иноземцевъ сейчасъ воображаетъ, что можетъ быть чѣмъ-нибудь у насъ.

Княгиня улыбнулась.

— Вы ужь черезчуръ строги, отецъ 'Никандръ! Какъ это ни тяжело сознаться, но образование за границей, даже среди народа, гораздо выше нашего, и въ Германіи, повѣрьте, нѣтъ мужиковъ въ нашемъ смыслѣ слова: самый бѣдный рабочій обладаетъ прекрасными манерами, окончилъ школу и развитъ. Да какъ же намъ обойтись безъ иностранцевъ? Они необходимы намъ, какъ гувернеры, гувернантки, бонны и т. д., чтобы дѣти, по крайней мѣрѣ, чисто говорили на языкахъ.

— Да! А вмѣстѣ съ хорошимъ выговоромъ, этотъ мусоръ общественной отбросовъ иноземныхъ государствъ сѣетъ въ душѣ дѣтей національное равнодушіе, или даже презрѣніе ко всему русскому и восхищеніе нашими исконными врагами,—горько замѣтилъ священникъ.

Княгиня съ улыбкой погрозила ему пальчикомъ.

— Не будьте такъ нетерпимы, отецъ Никандръ. Но я все же запомню, что вы мнѣ сказали, и останусь вѣрной покровительствуемому вами Веригину. Теперь я пойду, спроважу нѣмцевъ, а пока дамъ вамъ записку къ управляющему: переговорите съ нимъ и потомъ приходите завтракать.

Взволнованный Морицъ въ безпокойствѣ ожидалъ выхода княгини въ маленькой гостиной, куда ввели его съ дядей. Не смотря на убѣжденія Либермана быть болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, онъ не могъ побѣдить своей тревоги.

Въ тѣ времена, когда онъ подавалъ гостямъ „Zur fetten Gans“ капусту съ саломъ и кружки пива, чистилъ сапоги или мылъ у колдца посуду,—даже его хозяинъ не протягивалъ руки, а здѣсь онъ долженъ былъ говорить съ *настоящей* княгиней.

Онъ лихорадочно перебиралъ въ умѣ уроки Шмацеля, когда вошла Олимпія Аркадьевна.

Пристально взглянула она на обоихъ нѣмцевъ, отвѣщивавшихъ ей глубокіе поклоны, и пріятное удивленіе мелькнуло у нея въ глазахъ. Съ улыбкой кивнула она имъ и попросила дядю съ племянникомъ садиться.

Либерманъ началъ говорить и съ невѣроятнымъ апломбомъ описывать достоинства Морица, рассказывая, что тотъ кончилъ курсъ высшей школы и что своимъ образованіемъ и характеромъ вполне способенъ занять то мѣсто, котораго онъ для него проситъ. Цвѣтистая рѣчь уснащивалась при этомъ глубочайшимъ уваженіемъ „für durchlauchtigste frau Fürstin“ и лестью, если и не особенно тонкой, за то умно подобранной.

Морицъ благоразумно и скромно молчалъ; но, мало-по-малу, ласковые взгляды княгини и ея видимое благоволеніе придали ему мужество. Къ тому же и переговоры шли успѣшно и, когда Олимпія Аркадьевна пригласила обоихъ гостей остаться у нея завтракать, то

было рѣшено, что Морицъ принимается въ качествѣ гувернера къ маленькимъ князьямъ Колѣ и Жоржу Рельевымъ и, черезъ недѣлю, долженъ вступить въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей.

Вернувшемуся отцу Никандру княгиня сконфуженно объявила свое рѣшеніе и возобновила приглашеніе остаться завтракать; но священникъ извинился, что по неотложному дѣлу долженъ ѣхать домой и, холодно раскланявшись, удалился.

Обида и огорченіе кипѣли въ душѣ спокойнаго и снисходительнаго, обыкновенно, отца Никандра. Довольно было ему взглянуть на рослую фигуру Морица и на его здоровое, хотя мало выразительное лицо, и онъ понималъ, что эта соблазнительная внѣшность, въ связи съ престижемъ его иностраннаго происхожденія, повернули дѣло въ пользу нѣмца, отнявъ ожидаемый кусокъ хлѣба у его кандидата.

Презрительнымъ взглядомъ окинулъ отецъ Никандръ стоявшую у подъѣзда щегольскую тройку Либермана и, хмурый, полѣзъ въ свою таратайку, запряженную парой косматыхъ крестьянскихъ лошадокъ съ парнемъ въ красной рубахѣ на козлахъ.

— Вотъ какъ живутъ у насъ эти нѣмецкіе прощальги,—проворчалъ онъ.

Героиня романа, Милица Шастунова—натура глубоко честная и прямая, но до болѣзненности чуткая и горячая; хотя, можетъ быть, это послѣднее свойство развилось въ ней при столкновеніи съ окружающей ее средой, въ которой она не можетъ акклиматизироваться, благодаря полученному ею особому, здоровому воспитанію. Эта цѣлность и непосредственность ея характера, ярко очерченная въ цѣломъ рядѣ сценъ, не укладывается, конечно, въ рамки той пошлости и предательства, которыя воцарились въ домѣ ея дѣда, при благосклонномъ участіи генеральши и семьи ея сына, какъ и вообще не мирится съ условіями окружающаго ее свѣтскаго общества, а потому и производитъ впечатлѣніе упрямства и своеволія. Разочаровавшись въ своемъ бывшемъ женихѣ, князѣ Игорѣ, она выходитъ замужъ за графа фонъ-Береклау, отчасти по чувству оскорбленнаго самолюбія и мести Загарину, а отчасти привлеченная тѣми высоко этическими чертами новаго жениха, которыхъ не встрѣтила въ своихъ соотечественникахъ. Но тутъ возстаютъ противъ нея и становятся между ней и мужемъ мелочность и узкость обыденной нѣмецкой среды, въ которую она попадаетъ.

Правдиво отгнѣнивъ вредную дѣятельность нѣмецкой саранчи въ Россіи, строго объективный и безпристрастный авторъ даетъ прекрасный образъ „заграничнаго“ нѣмца, графа фонъ-Беренклау, человека вполне уравновѣшеннаго, съ твердой волей, любящаго свою родину и безгранично ей преданнаго. Остается только пожалѣть, что г—жѣ Крыжановской пришлось заимствовать своего героя изъ германскаго міра, но винить въ этомъ автора врядъ ли возможно, потому что и раньше Тургеневу съ Гончаровымъ тоже приходилось прибѣгать къ

заграничнымъ образцамъ для созданія типичныхъ представителей людей дѣла и твердой воли. Очевидно, въ русской жизни нѣтъ еще на лицо тѣхъ здоровыхъ условій, которыя создаютъ нормально развитые и цѣльные характеры, умѣющіе ставить себѣ дѣйствительныя цѣли въ жизни и сознательно добиваться ихъ, а не томиться въ созерцательномъ бездѣйствіи. Это предпочтеніе автора можетъ быть очень обидно для русскаго самолюбія, но тѣмъ не менѣе это неизбѣжно, если писатель желаетъ служить въ своемъ произведеніи *художественной правдѣ*.

Что г-жа Крыжановская была вполнѣ безпристрастна въ описаніи своего героя, доказывается еще и тѣмъ, что она съ неменьшимъ сарказмомъ казнить мелочность и пошлость средняго слоя заграничнаго нѣмецкаго общества, хотя и отдаетъ, при этомъ, должную справедливость тѣмъ здоровымъ семейнымъ, религіознымъ и политическимъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ это общество складывалось и которыя составляютъ существенные признаки *культурности* нѣмцевъ.

Изображенная въ романѣ правдивая картина нашего общественнаго разложенія не можетъ, во всякомъ случаѣ, пройти безслѣдно для читателя; это не такая вещь, которую можно прочесть, полюбоваться, пожалуй, ея художественнымъ замысломъ и исполненіемъ, а затѣмъ и забыть. Нѣтъ, „Паутина“ оставляетъ очень глубокое впечатлѣніе, которое будитъ мысль сознаниемъ надвигающейся бѣды, заставляетъ строже взглянуть на окружающія насъ общественныя явленія и „самоопредѣлиться“ (модное словечко). Взабаламученная русская жизнь подняла со дна общественную мусть, и въ настоящую минуту, передъ нами встаетъ неотложная необходимость точнаго анализа жизненныхъ условій нашего существованія и „переоцѣнки цѣнностей“.

Положимъ,—скажетъ себѣ въ утѣшеніе читатель,—авторъ изобразилъ пока лишь служилую или помѣщичью среду; а, можетъ быть, въ иныхъ „интеллигентныхъ“ слояхъ общества таятся залогъ возрожденія здоровыхъ началъ русской жизни? Но, во первыхъ, описанные у автора общественные классы тоже принадлежать къ числу „интеллигентныхъ“; а, во вторыхъ, что такое русская „интеллигенція“ и каково ея духовное и умственное достояніе?

Одинъ изъ видныхъ публицистовъ нашего времени, Н. М. Соколовъ *), выяснилъ символъ вѣры современной „интеллигенціи“, выдѣляющій ее въ особую, такъ сказать, секту изъ общаго понятія просвѣщеннаго и образованнаго общества. Типичныя черты *интеллигентности* заключаются, по мнѣнію автора, въ пяти „разрывахъ“, а

*) Н. М. Соколовъ. „Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“.

именно: 1. *разрывъ съ наукой*, такъ какъ цѣнится не столько знаніе, сколько „направленіе“, самая же образованность можетъ быть и довольно поверхностна и не идти дальше популярныхъ книжекъ; 2. *съ осударствомъ*; 3. *съ церковью* и 4. *съ прошлымъ*. А два послѣдніе разрыва влекутъ за собой неизбежно и пятый—*разрывъ со своимъ народомъ*.

Какъ ни странно, на первый взглядъ, послѣднее положеніе, а между тѣмъ вся босаяца литература „максимовцевъ“ несомнѣнно является мстью народу за его стойкость и вѣрность вѣковымъ историческимъ и религіознымъ основамъ его жизни. Но за послѣднее время наша „интеллигенція“ (слѣпо идущая на помочахъ масонства и пряча его за своей спиной), или по крайней мѣрѣ та ея часть, которая дѣлаетъ „освободительное движеніе“, дошла даже до открытаго предательства родины, вѣры и своего народа, что блестящимъ образомъ доказывается стремленіями разныхъ „прогрессивныхъ“ партій отдѣлить церковь отъ государства, раздробивъ къ тому же послѣднее на автономныя области и т. д.

Оплеывая все свое и рабски заимствуя идеи Запада, да холопствуя передъ его культурой, „интеллигенція“ наша, подъ видомъ „либеральнаго“ направленія, упорно проводила въ общественномъ сознаніи замѣну понятій: патриотизма—космополитизмомъ, вѣры—религіознымъ индифферентизмомъ и т. п., а сама, между тѣмъ, просматрѣла, или не желала видѣть, на примѣръ, въ той же Германіи и вѣрность историческимъ традиціямъ и то высоко развитое національное самосознаніе и сплоченность, которыя характеризуютъ нѣмцевъ и дѣлаютъ ихъ дѣйствительно, а не наружно только, мощнымъ, *культурнымъ* народомъ.

И такъ, опять вырастаетъ неотвязчивый, мучительный вопросъ—возможно ли возрожденіе русскаго общества? По нашему мнѣнію, возможны два исхода: или вызванныя къ жизни свѣжіе народные соки выгонять молодые побѣги и создадутъ столь же здоровый, новый образованный классъ, но уже связанный со своимъ народомъ, осудивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на вымираніе нынѣшнюю беспочвенную, испорченную и алчную „интеллигенцію“; или же эта *тля* захватитъ врасплохъ все въ свои руки и закуетъ въ оковы народъ-богатыря, какъ это произошло во Франціи, гдѣ вытравлена даже сама идея народности.

Но первый исходъ не можетъ придти самъ собой и спасеніе, думается намъ, въ дѣлѣ оздоровленія Руси, можетъ и должно идти отъ православной церкви, остающейся, какъ и встарь, хранительницей не только чистоты вѣры, но и народнаго духа. Если же это не произойдетъ и материнскія объятія православной церкви не раскроются для

мятущихся сыновъ ея, тогда вопросъ—быть или не быть самобытности русскаго народа—становится роковымъ.

Надо надѣяться, что вѣрная Христову ученію, наша церковь соблюдетъ и не забудетъ великій завѣтъ Его:

„Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ.

„А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ.

„А наемникъ бѣжитъ, потому что—наемникъ и не радить объ овцахъ“.

С. Литвинъ.

„Молоканскій Вѣстникъ“.

Въ половинѣ марта с. г., въ г. Владикавказѣ вышелъ 1-й номеръ молоканскаго журнала подъ названіемъ „Молоканскій Вѣстникъ“. Редакторомъ журнала состоитъ безызвѣстный въ молоканскомъ мірѣ молоканинъ Н. Ф. Кудиновъ. Кудиновъ—житель г. Владикавказа, послѣдніе годы жилъ въ г. Карсѣ, съ конца 1905 г. опять поселился во Владикавказѣ, образованія онъ домашняго.

Объявленная программа журнала довольно широка: въ ней обѣщаются „духовно-нравственныя статьи и проповѣди, статьи богословско-философскаго содержанія, беллетристика“. По заявленію редактора, „въ журналѣ принимаютъ участіе выдающіеся молоканскіе дѣятели“, 1-й номеръ журнала не оправдываетъ однако объявленій редактора: весь номеръ состоитъ изъ двухъ проповѣдей самого редактора. Кромѣ проповѣдей напечатаны 3 проекта уставовъ—союза владикавказскихъ молоканъ, союза молоканъ Карской области и союза бакинскихъ молоканъ.

Проповѣди г. Кудинова, не отличаясь ни содержательностью, ни достоинствомъ изложенія, наполнены нареканіями на православную церковь. Не смотря на заявленія автора, что цѣлью журнала служить прежде всего „очищеніе молоканства отъ тѣхъ нечистотъ, которыя обильно наполняютъ духовную храмину молоканъ“, онъ, при каждомъ случаѣ, простираетъ свой „духовный вѣстникъ“ мимо своей хаты, главнымъ образомъ въ храмину православной церкви, намѣренными вымыслами искажая историческую дѣйствительность:

На долю „убогой и заплеснѣлой“ (по выраженію автора) храмины молоканской достаются однѣ похвалы. Восхваляя молоканъ, какъ „истинныхъ послѣдователей Христа, воспріявшихъ и понявшихъ великія

идеи Христа“, „всегда боровшихся съ невѣжествомъ и тьмою“, „призваннымъ и въ настоящее время дѣлиться со всѣми тѣми великими богатствами, которыми они обогатились сами“, авторъ говоритъ о православной церкви слѣдующее.

„Почему христіанство до сихъ поръ не пришло къ единству, братству и равенству?“—спрашиваетъ авторъ въ 1-й проповѣди, и отвѣчаетъ: „потому что св. Писаніе тысячелѣтія лежало въ церквахъ, оно не было извѣстно всей народной массѣ. Народная масса пользовалась св. Писаніемъ въ той лишь мѣрѣ, какую угодно было духовенству. Когда народная масса стала пробуждаться отъ духовной спячки, духовенство насторожилось, такъ какъ пробужденіе народныхъ массъ было не въ его интересахъ. Тѣхъ, которые проснулись отъ духовнаго сна, духовенство старалось снова усыпить, если же снотворный порошокъ не дѣйствовалъ, то они ссылали ихъ въ Сибирь и на Кавказъ, отнимая у нихъ Слово Божіе, сжигая и брасая его въ колодцы“. Во второй проповѣди авторъ рѣшаетъ вопросъ: „откуда бѣдствіе и несчастія среди христіанъ“, и всѣ разсужденія свои сводитъ къ одному отвѣту—отъ церкви православной. „Люди служатъ Богу и мамонѣ-капиталу“, говоритъ онъ и далѣе ведетъ такіа разсужденія: „для составленія капитала человекъ не спитъ ночей, чтобы такъ или иначе выудить изъ принадлежащаго другимъ людямъ капитала. Онъ усердно Богу молится, чтобы Богъ далъ ему успѣха обдѣлать то или другое дѣльце. Если ему удалось или обмануть кого-л., или торговать хорошо, то онъ ставитъ свѣчи, дѣлаетъ вклады въ церкви. Для отвода глазъ люди устроили суды, но эти суды тоже увлечены служеніемъ мамонѣ, а потому и не устраняютъ зла. Судъ разбираетъ только степень обмана, а не разъясняетъ людямъ, что они служатъ мамонѣ. Есть и другое учрежденіе, которое занимается спеціальною цѣлью доказывать необходимость служенія Богу. Но служители этого учрежденія не дѣлаютъ этого. А не дѣлаютъ они этого потому, что сами прислуживаются мамонѣ. Официально они называются служителями Бога, и чтобы показать себя таковыми, они носятъ отдѣльныя отъ прочихъ одежды, устроили особыя зданія, которыя внутри и снаружи украшаютъ ликами, картинами, золотомъ и серебромъ. Люди всѣ— и тѣ, которые служатъ Богу, и тѣ, которые служатъ мамонѣ, собираются туда для выраженія своихъ чувствъ, одни къ Богу, своему Господину, другіе мамонѣ, своему господину. Казалось бы, служители этого учрежденія дѣлаютъ одно изъ благороднѣйшихъ дѣлъ. На дѣлѣ же оказывается не то. Какъ съ тѣхъ, кои служатъ Богу, такъ и съ служителей мамоны они собираютъ деньги и отпускаютъ ихъ, ничего откровенно не сказавши. Въмѣсто того, чтобы категорически заявить служителямъ мамоны о ихъ нечестіи и грѣхѣ, они стараются успокоить ихъ въ

этомъ. Учредили особую пеню, которая якобы идетъ къ Богу въ видѣ вознагражденія Богу за то, что они Ему не служатъ“ и т. д., и т. д.

Авторъ рѣшаетъ и политическіе, и социальныя вопросы—и все по одному и тому же приему. О войнѣ съ Японіей онъ говоритъ: „Богъ въ своемъ Божественномъ рѣшеніи положилъ сохранить цѣлость Японіи. Не тамъ, за десять тысячъ верстъ нужно искать земли, чтобы дать таковую бѣднымъ, нуждающимся въ ней, а тутъ, внутри страны, гдѣ она захвачена своими же братьями христіанами. Неужели тамъ гдѣ блескъ золота, украшающаго храмы, гдѣ сотни монастырей, обладающихъ несмѣтнымъ богатствомъ золота и земли, нужны еще завоевательныя планы для того, чтобы удовлетворить крайнюю нужду крестьянина“. Такимъ же образомъ рѣшаетъ онъ вопросъ и о современномъ общественномъ движеніи: „если бы миллиардныя богатства монастырей, ихъ золото, собранное народомъ, ихъ земли, исчисляемыя милліонами десятинъ, были отданы тому, кому онѣ болѣе всего нужны, тогда мы не были бы свидѣтелями всѣхъ бѣдствій, происходящихъ въ Россіи“.

Разбора такія нареканія на православную церковь не заслуживаютъ. Выписки изъ проповѣдей сдѣланы только для характеристики приемовъ молаканскихъ проповѣдниковъ, забывающихъ наставленіе св. Писанія: „слово гнилое да не исходитъ изъ устъ твоихъ“. Въ эпиграфѣ журнала редакторъ словами писанія призываетъ всѣхъ къ любви и миру, и самъ же завѣдомо съѣтъ смуту и разладъ.

Напечатанные въ журналѣ проекты уставовъ заслуживаютъ вниманія, какъ начинъ молоканъ въ дѣлѣ поднятія своего нравственнаго уровня. Союзъ Владикавказскихъ молоканъ ставитъ въ своемъ уставѣ слѣдующія цѣли: объединить отдѣльныя собранія молоканъ въ г. Владикавказѣ (здѣсь существуетъ 4 собранія молоканъ) въ одно общее собраніе, для каковой цѣли имѣется въ виду построить общій молитвенный домъ (мѣсто для дома отведено городской думой бесплатно), учредить общество трезвости, устраивать бесѣды и чтенія религіозно-нравственнаго содержанія, открыть бібліотеку-читальню при молитвенномъ домѣ, издавать книги и брошюры въ духѣ молаканскаго ученія. Проектъ устава молоканъ г. Карса и Карской области ставитъ болѣе широкія задачи 1). Союзъ имѣетъ цѣлью объединить всѣхъ молоканъ Карской области такимъ образомъ. Въ каждомъ обществѣ карскихъ молоканъ, входящемъ въ составъ союза, избирается сельскій совѣтъ изъ 6 лицъ. Сельскіе совѣты руководятъ мѣстными общинами и собираютъ средства на общія дѣла союза. Сельскіе со-

1) Проектъ составленъ, по просьбѣ карскихъ молоканъ, г. Кудиновымъ.

вѣты подчиняются главному совѣту въ г. Карсѣ, избираемому изъ 12 лицъ. Не менѣе одного раза въ годъ устраивается общее собраніе всѣхъ совѣтовъ, которое разсматриваетъ отчеты сельскихъ совѣтовъ и главнаго совѣта, разсматриваетъ и утверждаетъ смѣты на предстоящій годъ, опредѣляетъ, гдѣ и какую открыть школу, бібліотеку или читальню, избираетъ главный совѣтъ, которому передаетъ исполнительныя полномочія на годъ. Заслуживаетъ вниманія рѣшеніе вопроса о возникающихъ между членами союза недоразумѣніяхъ на почвѣ матеріальной. Недоразумѣнія разсматриваются прежде всего сельскими совѣтами; если стороны не пришли къ примиренію, дѣло ихъ поступаетъ на разсмотрѣніе главнаго совѣта; если же и тамъ стороны не примирились, имъ предоставляется право обратиться въ коронный судъ, съ тѣмъ однако, что виновная сторона исключается изъ состава союза. Уставъ союза бакинскихъ молоканъ (назвавшихъ себя прогрессистами) отличается болѣе детальною разработкой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности союза.

Миссіонеръ *Кормилинъ*.

Свящ. Серапіонъ Брояковскій. Церковно - приходская лѣтопись или описаніе прихода въ историческомъ, этнографическомъ, религіозно-нравственномъ и другихъ отношеніяхъ. Выпускъ II. Кіевъ. 1905 г. in 8° II—157 стр., ц. 85 к., съ пересылкою 1 р.

Настоящій выпускъ (II) церковно-приходской лѣтописи свящ. С. Брояковского является продолженіемъ изданнаго имъ въ 1904 г. перваго выпуска „Лѣтописи“ и есть въ собственномъ смыслѣ „лѣтопись“ или хронологія прихода, въ которую авторъ въ теченіе десяти лѣтъ заносилъ, фактъ за фактомъ, важнѣйшія событія, дурныя и хорошія, изъ мѣстной церковно - приходской жизни, съ дня поступленія своего на приходъ. Хотя этотъ трудъ имѣетъ главнымъ образомъ мѣстный интересъ, но, являясь единственнымъ въ своемъ родѣ, можетъ служить для пастыря-лѣтописца пособіемъ въ качествѣ руководства и образца при описаніи прихода, потому заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія среди тѣхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность вести церковно-приходскія лѣтописи. Имѣя подъ руками образцы, хотя бы даже не совершенные, того, о чемъ писать и что слѣдуетъ заносить на страницы „Приходской лѣтописи“, приходскіе пастыри безъ всякаго затрудненія съумѣютъ выполнить лежащую на нихъ обязанность „лѣтописцевъ“.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію II выпуска церковно-приходской лѣтописи свящ. Брояковского, мы видимъ, что авторъ въ

своемъ трудѣ касается самыхъ разнообразныхъ событій изъ мѣстной церковно-приходской жизни, при этомъ старается всѣмъ этимъ событіямъ и явленіямъ дать надлежащее освѣщеніе съ пастырско-христіанской точки зрѣнія. Къ свѣтлымъ явленіямъ приходской жизни авторъ относится тепло и задушевно; къ печальнымъ же явленіямъ—съ пастырскою скорбью и сокрушеніемъ. Наибольшее вниманіе онъ удѣляетъ въ своей „лѣтописи“ религіозно-нравственному состоянію своего прихода, просвѣщенію въ христіанскомъ духѣ подростающаго поколѣнія, приходской благотворительности, взаимнымъ отношеніямъ пастыря и паствы и т. д. Частіе, авторъ касается большихъ вопросовъ о народныхъ попойкахъ, приурочиваемыхъ къ радостнымъ и печальнымъ событіямъ въ жизни, о базарныхъ дняхъ въ праздники, отвлекающихъ прихожанъ отъ посѣщенія храма Божія, о нарушеніи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, о народныхъ суевѣріяхъ и о борьбѣ съ ними, о жестокомъ обращеніи народа съ рабочимъ скотомъ, объ истребленіи крестьянскими дѣтьми птичьихъ гнѣздъ и птицъ и т. п. Наибольше интереса представляютъ тѣ страницы лѣтописи, гдѣ авторъ ведетъ рѣчь о церковно-приходской школѣ; о порядкахъ въ ней и методахъ преподаванія, объ отношеніи къ школѣ самого народа и о плодахъ церковно-школьнаго дѣла; между прочимъ особенно оттъняетъ онъ огромную роль пастыря-законоучителя въ дѣлѣ воспитателя подростающаго поколѣнія (115—117 стр.). Съ неменьшимъ интересомъ читаются и тѣ страницы, гдѣ авторъ ведетъ рѣчь объ устройствѣ имъ для церковно-приходской школы новаго помѣщенія и о тѣхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ, которыя ему пришлось пережить при постройкѣ новаго храма. Съ особою любовью авторъ заноситъ на страницы своей лѣтописи отчетъ о плодотворной дѣятельности церковно-приходскаго попечительства (101—104 стр.). Не лишне упомянуть, что онъ въ своей „лѣтописи“ отмѣчаетъ также нѣкоторые недоумѣнные вопросы изъ своей пастырской практики и даетъ указаніе къ ихъ разрѣшенію.

Изъ этого краткаго содержанія разсматриваемой книжки о Бряковскаго видно, что авторъ ея предложилъ вниманію читателей весьма умѣлый обзоръ важнѣйшихъ событій изъ жизни своего прихода, — и этимъ начертываетъ программу вообще для всякой приходской лѣтописи. Трудъ этотъ не лишень практическаго значенія и можетъ служить руководствомъ для составленія „приходской лѣтописи“, — и потому заслуживаетъ широкаго распространенія среди пастырей церкви, которые, въ силу сложившихся обстоятельствъ, являются „лѣтописцами“ приходской жизни.

П. Козицкій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Областной сѣздъ молоканъ-уклеинцевъ въ с. Разказовѣ Тамбовскаго уѣзда ¹⁾).

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1905 года провозглашена въ Россіи свобода вѣроисповѣданія. Первыми въ Россіи откликнулись на это событіе молокане-уклеинцы Тамбовской губ., молокане—жители с. Разказова, во главѣ съ своимъ почтеннымъ старцемъ Мих. Макс. Желтовымъ, рѣшили устроить собраніе уклеинцевъ и не одной только Тамбовской губерніи. И дѣйствительно, въ с. Разказовѣ 4—6 іюня 1905 года былъ сѣздъ молоканъ. Въ миссіонерской литературѣ до настоящаго времени извѣстно о двухъ бывшихъ всероссійскихъ сѣздахъ молоканъ, именно—22 іюля 1905 г. въ с. Воронцовкѣ, Тифлисской губерніи, и 2—4 сент. 1905 г. въ с. Астраханкѣ, Бердянскаго у., Таврической губерніи. Но до этихъ всероссійскихъ сѣздовъ былъ, такъ сказать, областной ихъ сѣздъ въ с. Разказовѣ. Вотъ на это собраніе молоканъ-уклеинцевъ мы и намѣрены обратить вниманіе всѣхъ участниковъ 3 миссіонерскаго сѣзда Тамбовской епархіи. Свое сообщеніе мы дѣлаемъ исключительно, какъ непосредственный очевидецъ собранія и какъ знакомый съ главными заправилами устройства его. Намъ пришлось побывать на этомъ сѣздѣ, съ разрѣшенія организатора его—М. М. Желтова. Мы весьма благодарны за это послѣднему. Такое многолюдное собраніе молоканъ намъ пришлось видѣть впервые.

Мысль устроить сѣздъ молоканъ-уклеинцевъ въ с. Разказовѣ принадлежитъ, какъ мы сказали, извѣстнымъ молоканамъ Желтовымъ, во главѣ съ М. М. Желтовымъ. Самъ М. М. на нашъ вопросъ: по какому поводу они сѣхались,—отвѣтилъ такъ: „Вотъ до сихъ поръ мы не могли явно исповѣдывать свое „духовное христіанство“, а теперь—дай Богъ здоровья нашему Батюшкѣ-Царю!—имѣемъ полное право. А

¹⁾ Изъ доклада 3 миссіонерскому сѣзду Тамбовской епархіи.

ужь какъ оно дорого-то для насъ, это право! Вѣдь вы сами знаете,— что вамъ и говорить?—какъ насъ преслѣдовали. Вотъ—къ примѣру— сказать про моего отца; его три раза къ архіерею вызывали, разные трудныя работы заставляли дѣлать; все это для того, чтобы онъ отъ своей вѣры отказался. Но Богъ далъ ему терпѣніе; все перенесъ, все; а въ вашу вѣру все же не ушелъ. А что было съ моимъ отцомъ, то было и съ другими нашими братьями. Вѣдь это были мученики за вѣру; то ихъ въ консисторію вашу зовутъ, то въ монастырь отправятъ, то въ тюрьму посадятъ, то — говорятъ—выселяйся изъ родной земли, уходи на Кавказъ или въ Таврическую губернію. У меня и сейчасъ есть родственники въ с. Астраханкѣ. Это вѣдь они были сосланы туда въ 40—50 годахъ. Теперь они живутъ тамъ, слава Богу, хорошо.—Такъ вотъ почему мы собрались. Хотимъ отпраздновать этотъ великій день въ нашей жизни. Вѣдь наши братья почти 100 лѣтъ не видѣли такой спокойной жизни, какая наступила теперь! Только Александръ Благословенный насъ порадовалъ; да и то не надолго. Какъ вступилъ на престолъ Николай I, ну—опять все у насъ отняли, опять начали стѣснять. Вотъ какъ у насъ говорили, такъ и вышло: „Николай запретилъ, Николай и отпустить!“

Мы называемъ бывший въ с. Разказовѣ сѣвздъ молоканъ областнымъ. И вотъ именно почему. На этомъ сѣвздѣ присутствовали молокане уклеинцы не только Тамбовской губ., а и другихъ губ. Здѣсь мы видѣли и познакомились съ молоканами-уклеинцами Таврической губ., Саратовской (Балашов. у.) и даже съ „духовными христіанами“ Кавказа. Молокане Кавказа и Таврической губ. по происхожденію своему большею частью изъ Тамб. губ., а нѣкоторые даже и изъ с. Разказова. Исторически извѣстно, что въ 40—50 годахъ молоканъ изъ Тамбов. губерніи выселяли на Кавказъ и въ Таврическую губ. Знаемъ мы и то, что многіе молокане уходили изъ этой губ. Приведемъ доказательство. Въ Тамб. Губ. Вѣдом. за 1863 г. (№ 44) изъ журналовъ тамб. губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія узнаемъ о слѣдующемъ. Въ 1858 г. 9 іюня заарестованъ въ г. Тифлисъ „молоканинъ“, приписанный къ молоканскому селу Ново-Ивановки подъ фальшивымъ именемъ Симона Степан. Чулкова. На допросѣ оказалось, что онъ помѣщичій крестьянинъ Тамб. у. с. Разказова, настоящее имя его Семень Феод. Шаловицинъ, ткачъ на суконной фабрикѣ, удалился съ мѣста своего жительства, вслѣдствіе преслѣдованія за секту, въ сентябрѣ 1855 года.—Итакъ, молокане уклеинцы выселялись сами изъ Тамб. губ. на Кавказъ. Кромѣ того, извѣстно, что самъ Семень Уклеинъ, основатель молоканства, развѣзжалъ по Кавказу съ проповѣдью своего „духовнаго христіанства“. Изъ Саратов. губ. молокане-уклеинцы были потому, что эта губернія была однимъ

изъ первыхъ мѣсть проповѣди Уклеина. Исторія свидѣтельствуетъ, что послѣ проповѣди въ разныхъ селахъ Воронеж. губ. и возвращенія въ Тамбовскую, Уклеинъ, узнавши, что здѣсь его ищутъ, бѣжалъ въ Саратовскую губ., гдѣ въ Балашов. уѣздѣ болѣе половины жителей села Дурникова или Кислаго совратилъ въ молоканство.

Молокане-уклеинцы живутъ, помимо Тамбов. губ., на Кавказѣ, въ Саратовской и Воронежской губ. Для съѣзда же была избрана Тамбовская губ. и въ частности село Разказово и именно потому, что Тамб. губ. родина молоканства, первое мѣсто пропаганды Уклеина, первое „опытное поле“, на которомъ Уклеинъ пробовалъ свои силы, а село Разказово центръ молоканства въ Тамб. губ. По официальнымъ даннымъ за 1903 г. въ немъ числилось исповѣдающихъ „духовное христіанство“—613 муж. п. и 590 жен. п., итого 1203 чел., т. е. такое число, котораго нѣтъ ни въ одномъ другомъ селѣ Тамб. губ.—Разказово и мѣсто жительства главы современныхъ молоканъ-уклеинцевъ М. М. Желтова. Кромѣ того, что с. Разказово избрано мѣстомъ собранія молоканъ-уклеинцевъ еще и потому, что *это село было первымъ* въ Тамб. губ. пунктомъ пропаганды Уклеинимъ своего ученія, послѣ его мнимаго присоединенія къ православной церкви и полученія, послѣ этого, свободы. С. Разказово, т. о., живой памятникъ для молоканъ-уклеинцевъ объ ихъ учителѣ Уклеинѣ. Помимо сказаннаго, въ этомъ селѣ находятся могилы многихъ тѣхъ молоканъ, которые считаются „мучениками вѣры“.

Самое собраніе происходило такимъ образомъ.

Во дворѣ двухъэтажнаго каменнаго дома бр. Желтовыхъ былъ устроенъ шатеръ-палатка, вмѣстимостью на 400—500 человекъ. Какъ со внѣ, такъ и внутри эта палатка была украшена зеленью. Во дворѣ и въ самой палаткѣ была разбросана трава. Ко времени начала моленія ежедневно къ этому дому то и дѣло подходили и подѣзжали на хорошихъ лошадяхъ исповѣдники и исповѣдницы „духовнаго христіанства“. Всѣ были въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ. Здѣсь можно было видѣть и дамъ въ шляпкахъ и мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ. Но у большинства одежда была простая: русская поддевка или длинный сюртукъ. Когда мы вошли въ шатеръ, то намъ представилось слѣдующее. Она была буквально полна народомъ, часть котораго пѣла псалмы. Всѣ присутствовавшіе стояли. Наше вниманіе было обращено какъ на самое пѣніе, такъ и на количество пѣвцовъ. Внимательно прислушались мы къ мотиву напѣвовъ, и нашли большое сходство ихъ съ мотивами русскихъ престопадныхъ пѣсенъ мишорнаго характера. Самый порядокъ пѣнія былъ таковъ. Одинъ изъ начетчиковъ-молоканъ с. Разказова, держа въ рукахъ псалтирь, громко произносилъ каждый стихъ отдѣльно.

Пѣвцы его повторяли. Помимо начетчиковъ с. Разказова стихи говорились и начетчиками другихъ молоканскихъ общинъ. До сего времени намъ приходилось нѣсколько разъ слышать пѣніе молоканъ. Но такого грустнаго, удручающаго душу, пѣнія, мы еще ни разу не слышали. Грустно было на душѣ и у насъ. Грустно потому, что, по-видимому, люди эти „ищутъ Бога“, стремятся, взываютъ къ нему. Но духовная слѣпота не позволяетъ имъ имѣть достойныя, указываемыя православной церковью, для служенія Богу средства. Мы желали хоть на минуту проникнуться во время этого пѣнія молитвеннымъ настроеніемъ. Но пѣніе только удаляло насъ отъ этого настроенія, не давало ему необходимой пищи.

Псалмы пѣла небольшая группа присутствовавшихъ, человѣкъ 20—25. Услышавъ пѣніе этой группы, мы недоумѣвали: гдѣ же то общее пѣніе у молоканъ, о которомъ такъ много говорятъ?..

Когда пѣніе окончилось, всѣ сѣли. Сѣли и мы на предложенное мѣсто. Тутъ мы увидели яснѣе, что среди шатра, въ длину ея, стояло нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями. Среди нихъ выдѣлялся одинъ столъ, большаго размѣра, за которымъ сидѣли сами устроители сѣзда Желтовы, во главѣ съ М. М. Желтовымъ, и приглашенные почетные гости—главнымъ образомъ, изъ начетчиковъ и наставниковъ молоканства. На этомъ большомъ столѣ мы видѣли книги разнаго объема и содержанія. Здѣсь были псалтири, новый за-вѣтъ и библия на русскомъ языкѣ синодальнаго изданія. Здѣсь же была любимая молоканами библия на славянскомъ яз., изданія времени Павла I.

Второю составною частью моленія, происходившаго на молоканскомъ сѣздѣ, было объясненіе избранныхъ мѣстъ св. Писанія. Кончилось пѣніе. Тотчасъ всталъ одинъ изъ сидѣвшихъ за большимъ столомъ, взялъ въ руки библию и началъ рѣчь. Потомъ я познакомился съ этимъ ораторомъ. Онъ оказался начетчикомъ изъ с. Астраханки, Берд. у., Таврической губ. Рѣчь его лилась стройно, спокойно. Интонація голоса была пріятна.

Предметомъ своей рѣчи ораторъ взялъ 13 главу Евангелія отъ Луки. „Дорогіе братья и сестры!“—такимъ обращеніемъ началъ онъ свою рѣчь. „Мы собрались сюда съ разныхъ концовъ Россіи; собрались для того, чтобы отпраздновать знаменательный день нашей жизни—17 апрѣля, день дарованія или вѣрнѣе возвращенія намъ религіозной свободы. Здѣсь мы назидаемся, какъ говорить апостоль, „во псалмахъ и пѣніяхъ“. Кончили мы пѣніе. Обратимся теперь къ Слову Божію, Слову Господа нашего І. Христа. Мнѣ хочется, дорогіе братья и сестры, предложить вамъ 13 голову Еванг. отъ Луки“. Ораторъ прочиталъ первые 5 стиховъ, сдѣлалъ перифразъ ихъ и

перешелъ отъ историческихъ фактовъ, упоминаемыхъ въ нихъ, къ историческимъ событіямъ жизни молоканъ въ Россіи. Центромъ тяжести въ его рѣчи было указаніе на то, какія преслѣдованія терпѣли ихъ дѣды и прадѣды за исповѣданіе „духовнаго христіанства“. Въ своей рѣчи онъ упомянулъ объ отношеніи русскаго правительства къ молоканамъ въ благодѣтельное для нихъ царствованіе Александра I, объ извѣстномъ апокрифическомъ указѣ и перешелъ къ изображенію жизни молоканъ въ послѣдующее за царствованіемъ Александра I время до закона 17 апрѣля. Здѣсь онъ отдалъ должную часть всѣмъ тѣмъ, кто былъ добръ въ своихъ отношеніяхъ къ молоканамъ. Говоря о такъ называемой—„страдной порѣ“ молоканскаго „житія“ въ Россіи, ораторъ назвалъ своихъ предковъ „мучениками за вѣру“. И мы, сказалъ онъ въ заключеніи,—тоже много терпѣли; но теперь насталъ конецъ всему этому; теперь мы вольны въ своемъ религіозномъ исповѣданіи“.

По окончаніи рѣчи, молокане вторично запѣли псалмы. Затѣмъ М. М. Желтовъ пригласилъ начетчика, наставника молоканъ, с. Митрополя Тамбовскаго у.—Феодора Захаровича, прочитатъ молитву. Чтеніе молитвы было очень продолжительно. Молитва эта представляла изъ себя импровизированный сводъ мѣстъ св. Писанія Вѣтхаго и Новаго Завѣта съ нѣкоторыми добавленіями собственно-молоканскаго сочиненія, причемъ Феодоръ Захаровичъ старался отъ лица всего собранія возможно горячѣе возблагодарить Бога за дарованную милость—указъ 17 апрѣля. Упомянулъ онъ въ молитвѣ Александра Благословеннаго, воздавъ Ему должную похвалу за благодѣтельное отношеніе къ ихъ предкамъ. Помолился о немъ и своихъ предкахъ, которые терпѣли притѣсненія. Просилъ отъ лица собранія воздать (имъ) вѣнецъ нетлѣнныя всѣмъ, кто умеръ отъ преслѣдованія за вѣру. Помолвившись за умершихъ, онъ перешелъ къ молитвѣ за живыхъ. Здѣсь онъ на первомъ планѣ поставилъ имя Государя Императора Николая II и весь Царствующій Домъ. Въ концѣ молитвы Ф. З. упомянулъ о законѣ 17 апрѣля и, желая показать своимъ „братьямъ“ его значеніе для молоканъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „теперь ни гражданская, ни церковная власть насъ, молоканъ, не можетъ беспокоить“. Свою молитву Ф. З. сопровождалъ слѣдующими обрядами: поклонами въ поясъ, колѣнопреклоненіемъ, поклонами въ землю и держаніемъ рукъ, сложенныхъ одна на другую, на груди. Тоже дѣлало и все собраніе.

Таковъ общій характеръ бывшаго въ с. Разказовѣ съѣзда молоканъ уклеинцевъ. Какъ мы слышали, на этомъ съѣздѣ былъ и обмѣнъ и знакомство съ напѣвами, принятыми въ разныхъ мѣстахъ молоканско-уклеинскихъ общинъ. По справкѣ оказалось, что лучшіе напѣвы существуютъ среди балашовскихъ молоканъ-уклеинцевъ.

Мы не можемъ сказать о томъ, были ли выработаны на этомъ съѣздѣ молоканъ какія-нибудь постановленія, касающіяся вообще религіозной жизни ихъ, въ особенности новой жизни, наступившей послѣ закона 17 апрѣля. Слышали мы, что помимо „общихъ“ собраній всѣ съѣхавшіеся устраивали и „частныя“. Всего, что служило предметомъ этихъ „частныхъ“ собраній, мы не знаемъ. Извѣстны только нѣкоторыя частности. На собраніяхъ обсуждались такіе вопросы: 1) о необходимости составить адресъ съ выраженіемъ вѣрнопопданническихъ чувствъ на имя Государя Императора и 2) о необходимости всероссійскихъ съѣздовъ молоканъ. Все это, какъ извѣстно, уже приведено въ исполненіе. Адресъ на имя Государя Императора былъ составленъ въ такомъ видѣ: „Общество духовныхъ христіанъ, именуемыхъ молоканами, села Разказова съ великою радостью встрѣтило царскую милость—свое освобожденіе отъ религіозныхъ стѣсненій, которое даровано Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля сего года. Посему, призвавъ единовѣрцевъ другихъ селъ на торжественное собраніе по обряду нашей религіи, прочитавъ означенный указъ, единодушно помолились за здравіе Его Величества, Великаго Государя, Николая Александровича, ибо милости, даруемая намъ означеннымъ указомъ Его Величества, очень велики и неоцѣнимо дороги; онѣ вызываютъ у насъ слезу радости и восторга и, будучи восторжены, мы — все общество,—какъ одинъ человекъ вознесли пламенные молитвы къ Царю небесному, прося Его, да прославится имя и царствіе Государя Николая Александровича на вѣки. При этомъ, пропѣвъ 20 псаломъ, пожелали повергнуть къ стопамъ Его Величества искреннюю благодарность ихъ за милости и заботы о благѣ своего народа и заявить о ихъ вѣрнопопданническихъ чувствахъ и готовности вѣрой и правдой служить Государю и родинѣ, съ которыми они неразрывно связаны, какъ истинно русскіе люди. 1905 года, іюня 26 дня. Представители духовнымъ христіанъ, крестьяне села Разказова, Тамбовской губ. и уѣзда, Михаилъ Максимовичъ Желтовъ, Павелъ Васильевичъ Ганьшинъ“. На подлинномъ Государю Императору благоугодно было начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ, благодарю всѣхъ“¹⁾.

Мы достовѣрно знаемъ также, что на частныхъ собраніяхъ были рѣшаемы и такіе догматическіе вопросы, какъ вопросы о водномъ крещеніи, о причащеніи и др. Нужно сказать, что и среди молоканъ-уклеинцевъ проглядываетъ иногда мысль о необходимости признанія воднаго крещенія, каковое уже приняли такъ называемые „новомолokane“. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ говорилъ самъ глава тамбовскихъ уклеинцевъ М. М. Желтовъ. Но авторитетъ послѣдняго еще очень си-

¹⁾ «Тамбов. Губ. Вѣдом.» 1905 г. № 166, офф. отд., стр. 1-я.

лень. Вотъ почему всѣмъ защитникамъ воднаго крещенія пришлось по необходимости „положить храненіе устомъ своимъ“. Поднимали вопросъ и о крестномъ знаменіи, но ни къ чему опредѣленному не пришли. Сидя за стаканомъ чаю въ домѣ бр. Желтыхъ 5-го іюня, мы между прочимъ бесѣдовали о томъ, будутъ-ли молокане-уклеинцы строить молитвенные дома. На мой вопросъ: что *теперь* думаютъ по этому вопросу молокане-уклеинцы, отвѣтилъ самъ М. М. такъ: „мы пока объ этомъ не думали“.

На этомъ и заканчиваемъ описаніе Разказовскаго. молоканскаго сѣзда.

Епарх. мисс. М. Третьяковъ.

Казанско-Богородичное миссіонерское братство въ Тамбовѣ.

Не такъ давно опубликованъ годичный отчетъ по Тамбовскому Казанско-Богородичному миссіонерскому братству за 1905 г.

Изъ отчета видно, что братство влечитъ прямо-таки жалкое существованіе и доживаетъ послѣднія дни.

Братство имѣетъ довольно большой архивъ въ видѣ 13 почетныхъ членовъ; но число его дѣйствительныхъ членовъ относительно невелико—всего 45 человекъ. Почетные члены—это декорация, если хотите—традиція: о нихъ не будемъ говорить. Но что-же дѣлали по миссіонерской части тѣ 45 человекъ, которые собственно и суть братство, союзъ, дружина? Отчетъ *молчитъ* объ этомъ, и очевидно потому, что и сказать тутъ *нечего*. Въ списокъ ихъ фамилій противъ cadaго поставлена лишь цифра 3 рубля: вотъ и вся ихъ „дѣятельность“.

Но чѣмъ же однако заполнены 68 страницъ отчета?

Кромѣ перечня членовъ братства, его совѣта, отдѣленій, членовъ ревизіонныхъ комиссій и т. д., отчетъ даетъ прежде всего *статистическій очеркъ состоянія расколо-сектанства епархіи*. Откуда взяло братство эти свѣдѣнія? Изъ *обязательныхъ* донесеній приходскаго духовенства. Статистика довольно подробная, но также и довольно сбивчивая. Такъ, напримѣръ, одна и таже секта называется: разъ—субботники, другой—новоіудействующіе, третій—жидовствующіе; въ иныхъ селахъ помѣчены хлысты, въ другомъ—„хлысты тайные“: какъ будто есть еще въ епархіи и „хлысты явные!“ Все это производитъ впечатлѣніе механическаго собиранія рукою малоосвѣдומленнаго въ дѣлѣ дѣлопроизводителя цифровыхъ донесеній разрозненныхъ неспѣвшихся іереевъ. Подозрительно и то, что при датахъ, гдѣ замѣтно большое колебаніе въ числѣ расколо-сектантовъ отчетнаго года сравнительно съ 1904 годомъ, нѣтъ ровно никакихъ объясненій. Есть

въ статистикѣ и явные промахи, касающіеся особенно городовъ. Такъ извѣстно, что въ г. Борисоглѣбскѣ есть сектантство, но оно тамъ не помѣчено. Январскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ 1906 г. удостовѣрилъ, что въ самомъ Тамбовѣ имѣется до 40 человекъ баптистовъ, а отчетъ, составленный нѣсколькими мѣсяцами *позже* съѣзда, все-же насчитываетъ ихъ всего 5 человекъ.

Между тѣмъ, именно городское духовенство пресоблаждаетъ въ братствѣ и его совѣтѣ—правленіи.

Далѣе говорится о „существованіи“ въ епархіи трехъ *епархіальныхъ миссіонеровъ*. Объ ихъ дѣятельности отчетъ молчитъ, ибо они совершенно неподвѣдомы братству. Но по какой же логикѣ и для чего отчетъ братства все-же напоминаетъ объ ихъ существованіи?

Затѣмъ, рѣчь идетъ о *миссіонерахъ окружныхъ*. Ихъ въ 1905 году было 34 человекъ. Отчетъ сообщаетъ о дѣятельности 4 изъ нихъ, при чемъ видно, что изъ сихъ 4-хъ лишь два вели бесѣды и внѣ своего прихода. Но и окружные миссіонеры, какъ епархіальная должность, существующая на основаніи Синод. Правилъ 1888 г., едвали подчинены братству; добровольно же въ составъ братства они войти не пожелали, что видно изъ сопоставленія ихъ списка со спискомъ дѣйствительныхъ членовъ братства. Какое же отношеніе *ихъ* дѣятельности къ дѣятельности братства и *его* отчету? И неужели за тѣ 200 р., какія уплатило братство въ 1905 году всѣмъ 34 окружнымъ миссіонерамъ (200:34=около 6 р!), оно купило и право присвоить себѣ ихъ дѣятельность?..

Потомъ, на полъ-страницѣ идетъ пять-шесть общихъ фразъ (ежегодно повторяемыхъ въ отчетѣ!) о томъ, что и *приходскіе священники* продолжали миссіонерствовать „по мѣрѣ силъ“. Но, помимо всего прочаго, опять вопросъ: съ какой стати отчетъ о дѣятельности братства говорить о дѣятельности тѣхъ, кто не пожелалъ добровольно войти въ братство?..

Во всемъ остальномъ отчетъ держитъ тотъ же тонъ: вмѣнять братству все, что ни есть въ епархіи миссіонерскаго, особенно, если его отношеніе къ братству можно установить хотя въ видѣ нѣсколькихъ рублей, а также—ставить ребромъ всякую копейку!

Узнало братство отъ приходскихъ священниковъ (кстати: въ братствѣ не состоящихъ!), что у нихъ есть въ приходахъ нѣсколько крестьянъ, ведущихъ бесѣды съ сектантами, и вотъ оно, не давая себѣ труда привлечь означенныхъ крестьянъ въ составъ братства и совершенно не справляясь объ ихъ согласіи, просто-на-просто вноситъ *ихъ* дѣятельность въ отчетъ о *своей* дѣятельности.

При этомъ одно и то-же обстоятельство братство старается десять разъ использовать для своего отчета, и одни и тѣ же данными

на разныхъ страницахъ преподносить подъ разными рубриками: одни и тѣ-же крестьяне съ ихъ миссіонерскою дѣятельностью фигурируютъ то въ графѣ о миссіонерахъ - начетчикахъ, то въ графѣ о миссіонерахъ-книгоношахъ, то въ графѣ о миссіонерскихъ кружкахъ.

Есть у братства совершенно непроизводительные расходы. Такъ, въ 1905 году оно выдало 1.500 р. миссіонерско-псаломщической школѣ, тогда какъ оно имѣетъ всего 5 недѣльныхъ миссіонерскихъ уроковъ (т. т. 300 р. за урокъ!), а бесполезность ея для дѣла миссіи удостовѣрена официально—черезъ донесенія оо. благочинныхъ и постановленіемъ миссіонерскаго сѣзда.

Отчетъ по братской *книжной торговлѣ* не указываетъ ни ея оборота, ни % прибыли.

Отчетъ по *братской библіотекѣ* не даетъ указаній на самое главное: кому и на сколько служила библіотека.

Приходо-расходъ братства путанный. Въ графѣ дохода ясно указаны спеціальныя суммы. Но прослѣдить ихъ въ графѣ расхода и учесть остатки по нимъ невозможно. Во взносахъ духовенства и монастырей при просмотрѣ вѣдомости можно догадаться о недоимкахъ; но въ отчетѣ онѣ не указаны.

Отдѣленія братства существуютъ на бумагѣ. Половина изъ нихъ не имѣла въ 1905 г. ни копѣйки добровольнаго взноса. Есть отдѣленія, расходъ коихъ за годъ не достигъ 10 рублей. Есть въ приходо-расходѣ отдѣленій и такіе курьезы: Кирсановское отдѣленіе уплатило своимъ окружнымъ миссіонерамъ 125 р. (надо помнить, что воѣмъ 34 окружн. миссіонерамъ епархіи уплочено около 200 р.), но въ числѣ тѣхъ 4 миссіонеровъ, которые упомянуты въ отчетѣ, какъ дѣлавшіе нѣчто, миссіонеровъ кирсановскихъ нѣтъ.

Вообще, отчетъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, особенно въ въ годъ закона 17 апрѣля.

В.

„Угнетенные“ старообрядцы.

За послѣднее время, старообрядцы много писали и пишутъ въ газетахъ о своемъ „угнетенномъ“ положеніи, о своемъ „смиреніи“ и „терпѣніи“. Писали и пишутъ даже послѣ указа 17 апрѣля. Образчикъ такого „угнетеннаго“ положенія и „смиреннаго“ „терпѣнія“ старообрядцевъ сообщается въ 7-мъ № „Старообрядческаго Вѣстника“, въ корреспонденціи изъ Воронка, озаглавленной: „Бунтъ изъ-за креста“. Воспроизведемъ эту корреспонденцію.

„На старообрядческой церкви стоялъ крестъ. Въ началѣ іюня два

городовыхъ пришли и сняли его. Кто-то увидаль это и ударилъ въ набатъ. Собралась огромная толпа народа (т. е. старообрядцевъ) и потребовала, чтобы городовые поставили крестъ на мѣсто. Тѣ, боясь побоевъ, исполнили желаніе народа (т. е. старообрядцевъ). Народъ (старообрядческій) потребовалъ объясненій, кто ихъ послалъ снимать кресты. Городовые отвѣтили, что единовѣрецъ, т. е. обратившійся изъ раскола въ православіе на правахъ единовѣрія Караминъ. Это—злой фанатикъ, обладающій большими средствами (не онъ ли построилъ старообрядцамъ и церковь, когда пребывалъ еще въ расколѣ?). Старообрядцы ринулись къ нему, но онъ успѣлъ спрятаться; сколько ни искали, найти не могли. Домашніе его сказали, что его просилъ объ этомъ миссіонеръ Родіонцевъ. Толпа старообрядцевъ кинулась къ этому миссіонеру, но онъ убѣжалъ и скрылся въ банѣ, гдѣ и просидѣлъ сутокъ двое. И хорошо сдѣлалъ. Иначе, пожалуй, пришлось бы лишиться здоровья, а то и самой жизни. Возбужденная толпа (старообрядцевъ) разбила окна въ нѣкоторыхъ домахъ, негодуя за поруганіе своей (?) святыни“.

Не правда ли? Сообщаемый „Старообрядческімъ Вѣстникомъ“ фактъ весьма любопытенъ, какъ яркій показатель „угнетеннаго“ положенія старообрядцевъ и ихъ „смирннаго“ и великодушнаго „терпѣнія“, которыми они, особенно въ послѣднее время, такъ прославляютъ себя въ разныхъ газетахъ! Корреспондентъ „Стар. Вѣстника“, очевидно, особенно умилившись такимъ „терпѣніемъ“ старообрядцевъ, заканчиваетъ свою корреспонденцію такими словами: „Очевидно, и для полиціи и для миссіонеровъ прошло то золотое время, когда можно было безнаказанно издѣваться и надъ человѣческимъ достоинствомъ старообрядцевъ и надъ крестомъ Христовымъ“. Очевидно,—скажемъ и мы,—наступило *такое* время, когда, по понятію „Стар. Вѣстника“, буйство старообрядцевъ должно признавать „человѣческимъ достоинствомъ“, когда старообрядцы и безъ разрѣшенія могутъ строить церкви и ставить кресты, чего не разрѣшается и православнымъ, а блюстители законнаго порядка, очевидно, могутъ быть безнаказанно избиваемы „угнетенными“ старообрядцами, когда тѣ будутъ требовать отъ старообрядцевъ при постройкѣ церквей соблюденія установленнаго закона!..

N. N.

Единовѣрческій съѣздъ въ г. Курскѣ.

15 и 16 мая с. г. въ г. Курскѣ происходили собранія представителей единовѣрческаго клира и мірянъ курской епархіи. На собраніяхъ присутствовало до 40 делегатовъ, въ томъ числѣ нѣкоторые предста-

вители отъ другихъ епархій (Херсонской и г. Орла). Было и нѣсколько старообрядцевъ бѣглопоповщинской секты отъ курской и могилевской губерній, близкихъ по духу къ единовѣрью.

Общихъ засѣданій было три: два подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Питирима и одно—подъ предсѣдательствомъ благочиннаго единовѣрческихъ курскихъ церквей о. Рябухина. Съѣздъ открылъ преосвященный Питиримъ пространною и глубокосодержательною рѣчью о тяжелыхъ переживаніяхъ Отчественной Церкви и о средствахъ борьбы съ растущимъ невѣріемъ и усиленіемъ сектъ. Такими средствами, по словамъ архипастыря, является объединеніе всѣхъ церковныхъ элементовъ—пастырей и пасомыхъ—вокругъ Божьяго храма, благоустройство церковно-приходской жизни и организація религіозно-нравственныхъ собраній и чтеній въ приходскихъ храмахъ. Въ своей рѣчи преосвященный Питиримъ заявилъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ единовѣріемъ и старообрядческимъ расколомъ по Черниговской губерніи и выразилъ желаніе всячески содѣйствовать процвѣтанію журскаго единовѣрія съ цѣлью привлечь близкое къ нему бѣглопоповство.

Послѣ рѣчи епископа съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію намѣченныхъ программой вопросовъ. Сперва были разсмотрѣны вопросы общаго характера, касающіеся нуждъ и ближайшихъ задачъ всего единовѣрія, какъ то: о церковномъ управленіи, о единовѣрческихъ епископахъ, о клятвахъ собора 1667 года, о всероссійскомъ единовѣрческомъ братствѣ и его отдѣленіяхъ; о періодическихъ всероссійскихъ и епархіальныхъ единовѣрческихъ съѣздахъ и друг.

По вопросу о церковномъ управленіи постановлено: единовѣрцы согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ о единовѣрціи 1800 г. и Синодальныхъ указовъ 40-хъ годовъ должны оставаться внѣ всякой зависимости отъ духовной консисторіи, ограничиваясь лишь канонической зависимостью отъ епархіальнаго архіерея своей епархіи или въ будущемъ—отъ единовѣрческаго епископа.

Въ церковно-хозяйственной же жизни они всецѣло управляются своими церковно-приходскими Совѣтами и собраніями по особой инструкціи.

О единовѣрческихъ епископахъ постановлено согласиться съ журнальнымъ постановленіемъ по данному вопросу комиссіи VI отдѣла предсоборнаго присутствія (о назначеніи особыхъ единовѣрческихъ епископовъ въ митрополичьихъ округахъ), съ слѣдующимъ лишь добавленіемъ: въ епархіяхъ, удаленныхъ на большое растояніе отъ окружныхъ единовѣрческихъ епископовъ, или въ случаѣ, если единовѣрцы въ лицѣ мѣстнаго епархіальнаго епископа встрѣтятъ дѣятельнаго организатора (въ миссіонерскомъ смыслѣ) и покровителя едино-

вѣрія (какъ напримѣръ Курскій архипастырь Пителиръ), представить единовѣрцамъ свободный выборъ быть въ зависимости отъ единовѣрческаго окружного, или мѣстнаго православнаго епископа.

По вопросу о клятвахъ Собора съѣздъ постановилъ принять въ принципѣ проектъ профессора Н. И. Ивановскаго о пересмотрѣ дѣяній Собора 1667 года на Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ при участіи восточныхъ патріарховъ. Съѣздъ добавилъ: при обсужденіи даннаго вопроса на предстоящемъ Соборѣ въ интересахъ миссіи весьма желательно бы видѣть и представителей старообрядчества.

По поводу учрежденія всероссійскаго единовѣрческаго Братства и его филиальныхъ Отдѣленій по епархіямъ, съѣздъ вполне согласился съ извѣстнымъ докладомъ по сему же вопросу С.-Петербургскаго священника С. Шлеева, заслушаннымъ VI Отдѣломъ предсоборнаго присутствія, выразивъ желаніе учредить отдѣленіе Братства и въ Курской епархіи.

Не лишены интереса сужденія съѣзда и по другимъ вопросамъ общаго значенія, наприм. объ устройствѣ особыхъ единовѣрческихъ церковныхъ школъ при единовѣрческихъ церквахъ, объ отношеніи единовѣрцевъ къ раздорному старообрядчеству въ смыслѣ миссіонерскаго воздѣйствія на него и о мѣрахъ борьбы съ нимъ.

По первому вопросу съѣздъ рекомендовалъ завести при каждомъ единовѣрческомъ приходѣ церковно-приходскую школу съ особымъ единовѣрческимъ характеромъ въ смыслѣ миссіонерскаго вліянія на мѣстный расколъ. Съ этою же цѣлью постановлено возложить трудъ завѣдыванія и присканія соответствующихъ учителей исключительно на единовѣрческихъ священниковъ, а утверждать послѣднихъ долженъ непосредственно самъ епископъ, чрезъ котораго ведутся сношенія съ училищнымъ совѣтомъ или отдѣленіями и по вопросамъ хозяйственнымъ.

По вопросу о миссіонерскихъ мѣрахъ борьбы съ мѣстнымъ расколомъ съѣздъ рекомендовалъ мѣры общаго характера и спеціально миссіонерскія: производство публичныхъ и частныхъ собесѣдованій съ раздорнымъ старообрядчествомъ въ духѣ мира и евангельской любви; открытіе церковно-приходскихъ библіотекъ и книжныхъ складовъ съ полемическо-миссіонерской литературой; учрежденіе церковно-приходскихъ Братствъ и кружковъ ревнителей Православія и подготовленіе членовъ послѣднихъ къ миссіонерской полемикѣ съ иномыслящими и др. Мѣры общаго миссіонерскаго воздѣйствія на старообрядцевъ рекомендовано позаимствовать изъ доклада того же священника Шлеева VI Отдѣлу Предсоборной комиссіи (Журн. № 3, ст. 4), какъ наиболее цѣлесообразныя и отвѣчающія нуждамъ современной миссіи

Далѣ, преосвященнымъ предсѣдателемъ сѣзда былъ возбужденъ весьма интересный вопросъ объ изысканіи способовъ легчайшаго соединенія старообрядцевъ съ единовѣріемъ. Владыкою были указаны случаи обращенія къ нему старообрядцевъ бѣглопоповщинскихъ общинъ съ просьбою благословить епископскою властію для нихъ священниковъ, предварительно выдавъ имъ св. муро и грамоты. Другіе же просили выдать имъ въ новоостроющійся молитвенный домъ древній св. антминсѣ, и когда онъ заявилъ просителямъ, что у него, въ архіерейской ризницѣ, хранится древній антминсѣ, изъ котораго изъяты частицы св. мощей, и задалъ имъ вопросъ: примутъ ли они этотъ антминсѣ, если онъ вложить въ него часть св. мощей и освятить по древнему чину,—то старообрядцы изъявили полное согласіе. Изъ этихъ фактовъ преосвященный предсѣдатель сѣзда усматриваетъ тяготѣніе бѣглопоповцевъ къ Православной Церкви и исканіе ими, хотя бы условнаго, единенія съ епископами греко-россійской Церкви.

Преосвященный предлагаетъ сѣзду тщательно освѣтить этотъ вопросъ на основаніи каноновъ древней церкви и высказаться за облегченіе способа примиренія съ Вселенскаго Церковію „раздорниковъ церковныхъ, не содержащихъ ересей“. Сперва владыка самъ высказалъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній на эту тему, а потомъ подробно разбирали вопросъ епархіальный миссіонеръ Рябухинъ и делегаты сѣзда: протоіерей о. Васютинъ, священники: о. Сѣрокуровъ (отъ Херсонск. губ.), о. Маслоковъ, Андріановъ и псаломщикъ Сырниковъ (Курск. епар.).

Общими сужденіями установлено: исторія и каноны Церкви допускали различные способы примиренія съ Церковью однихъ и тѣхъ же еретиковъ и раздорниковъ церковныхъ. Русская Церковь также практиковала различные способы примиренія старообрядцевъ съ грекороссійскою Церковію: въ единичныхъ случаяхъ бѣглопоповцы принимались по 2-му чину чрезъ св. муропомазаніе, а при массовыхъ обращеніяхъ къ единовѣрію по 3-му чину чрезъ одно покаяніе и прочтеніе разрешительной молитвы (въ 1880 г.г.). Въ 40 г.г. бѣглопоповцы „Стародубскихъ слободъ“ (Черниг. губ.) и другихъ епархій воссоединились съ Церковію путемъ единовѣрія чрезъ „семипоклонный началъ“ и молитву: „Ослаби, остави, прости, Боже, согрѣшенія наша“ и т. д. Или вѣрнѣе—были приняты въ общеніе съ церковію безъ всякаго чинопріема съ признаніемъ таинства брака, совершеннаго надъ старообрядцами ихъ же бѣглыми попами.

Воссоединеніе раздорниковъ съ Церковію, такимъ образомъ, вопросъ не догматическаго характера, а скорѣй, административнаго. Онъ аналогиченъ съ другимъ вопросомъ примиренія съ Церковію кающихся въ тяжкихъ грѣхахъ, а послѣднее, по 102 пр. Всел. Соб., всецѣло

возложено на получившихъ власть вязать и отпускать согрѣшенія челоувѣческія— „дабы овцу заблуждшую возвратити и уязвленную зміемъ уврачевати, или лютѣйшими и терпкими, или слабѣйшими и мягкими быліями“, а такъ какъ бѣглопоповцы глубоко измѣнились въ своихъ убѣжденіяхъ (въ лучшую сторону) относительно истинности Православія, и такъ какъ они по вѣрѣ такъ же православны, какъ и единовѣрцы, и многіе изъ нихъ держатся бѣглопоповства не по убѣжденію, а по традиціи, то ихъ можно сравнивать съ „подцерковниками“, кои „чрезъ одно покаяніе паки совокупаются, яко едино тѣло, къ Соборной Церкви“ (1-е прав. Василя Вел.).

Преосвященный предсѣдатель затѣмъ предлагаетъ съѣзду высказаться по поводу чинопріема, совершаемаго бѣглопоповцами надъ іереями, приходящими къ нимъ отъ Православной Церкви.

Миссіонеръ Рябухинъ докладываетъ, что и бѣглопоповцы принимаютъ къ себѣ православныхъ священниковъ неодинаково: въ однихъ случаяхъ по 2-му чину (черезъ маслопомазаніе),—въ другихъ—по 3-му, черезъ покаяніе и отрицаніе отъ ересей, при чемъ отрицаніе иногда читается лично приходящимъ священникомъ, безъ присутствія другихъ бѣглыхъ поповъ; читается по старопечатному потребнику чинъ „како примати еретики яковиты“.

Чинопріемъ ни однимъ словомъ не касается существа православной церкви и не порицаетъ ея обрядовъ. Далѣе докладчикъ указываетъ на существованіе среди бѣглопоповцевъ такихъ лицъ, которые охотно бы приняли священника съ епископскаго благословенія; приняли бы и св. миро, но подъ условіемъ, чтобы послѣ того имъ была бы предоставлена въ церковной жизни полная независимость отъ консисторіи и благочинныхъ.

По мнѣнію о. Рябухина, православная церковь могла бы отнестись къ чинопріему бѣглопоповцевъ надъ приходящимъ священствомъ болѣе снисходительно, въ виду аналогичныхъ примѣровъ въ практикѣ церкви русско-древней и современной,—указывающихъ на возможность такого снисхожденія, а именно: по Соборному уложенію патріарха Филарета приходившіе изъ Бѣлоруссіи въ Москву священники „Греческаго закона“ не допускались къ общенію въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока не очищались покаяніемъ отъ священника „Московского государства“. Или: совершаемое у насъ въ 1-ю недѣлю в. поста торжество Православія, съ произнесеніемъ анаѣмы еретикамъ, есть своего рода чинопріятіе или чиноисповѣданіе своего Православія,—слѣдовательно, и практикуемое современнымъ старообрядчествомъ чинопріятіе надъ бѣглыми священниками есть не болѣе, какъ чиноисповѣданіе, не касающееся существа вѣры и оправдываемое вышеуказанными примѣрами.

Послѣ доклада о. Рябухина преосвященный Питиримъ подробно касается вопроса воссоединенія близкихъ къ единовѣрью бѣглопоповцевъ съ православной церковію, о необходимости пойти на встрѣчу ихъ желанію соединиться съ Вселенской* Церковію и о способахъ легчайшаго примиренія ихъ съ единовѣріемъ.

Владыка рекомендуетъ цѣлый рядъ легчайшихъ мѣръ для привлеченія бѣглопоповцевъ въ лоно Вселенск. Церкви. Такими мѣрами является предоставленіе имъ нѣкоторыхъ льготъ и правъ во внутреннемъ церковномъ управленіи, какъ то: предоставленіе имъ права обращаться къ православному о епископу съ просьбою рукоположенія для нихъ священниковъ, выдача имъ древнихъ антиминсовъ и св. мѣра; право надзора за благоповеденіемъ поставленныхъ священниковъ, равно и наблюденіе за церковно-приходскимъ хозяйствомъ—предоставить исключительно самимъ старообрядцамъ и ихъ приходскимъ общинамъ, оставить за православнымъ епископомъ лишь право каноническаго суда надъ старообрядческими священниками, когда о семъ заявитъ сама община. Съ цѣлью облегчить присоединеніе широкихъ старообрядческихъ массъ къ общенію съ Вселенской Церковію, возложить на рукополагаемыхъ или отпущенныхъ къ нимъ священниковъ обязанность привлекать ихъ къ церкви, хотя бы даже чрезъ одно покаяніе или семипоклонный началъ и прощеніе.

Съ заключеніями преосвященнаго Питирима съѣздъ согласился исполнѣ, присоединивъ отъ себя, что рѣшеніе вопроса о способахъ примиренія еретиковъ и раскольниковъ съ Церковію, всецѣло находится во власти самой Церкви.

Съѣздъ единовѣрцевъ закончился торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ Божественной Литургіи по единовѣрческому чину. Въ этомъ служеніи приняло участіе пять единовѣрческихъ священниковъ и одинъ православный протоіерей. Пѣли единовѣрческіе пѣвцы. По прочтеніи часовъ, предъ началомъ литургіи, преосвященнѣйшимъ Питиримомъ совершенъ былъ чинъ присоединенія бѣглопоповскаго наставника (Вѣтковскаго согласія) Георгія Соколова и его жены. Во время чина присоединенія и богослуженія владыко изображалъ крестное знаменіе и благословлялъ молящихся по единовѣрческому уставу,—истово, двоеперстно, приобщилъ въ обычное время новоприсоединенныхъ Св. Таинъ, и сказалъ соотвѣтствующее торжеству глубоконазидательное слово.

Послѣ литургіи преосвященный посѣтилъ квартиру благочиннаго о. Рябухина, гдѣ собрались всѣ депутаты съѣзда. Представителями отъ мірянъ былъ поднесенъ владыкѣ весьма художественный (Византійскаго письма) и цѣнный образъ „Живоначальныя Троицы“ и благодарственный адресъ.

Всѣ указанныя событія, какъ то: епархіальный единовѣрческій

съѣздъ подь предсѣдательствомъ епископа, рѣдкая отеческая заботливость мѣстнаго архипастыря о нуждахъ единовѣрія и о всѣхъ ино-мыслящихъ, „иже не суть отъ двора Церкви Божіей“, архіерейское служеніе въ православномъ храмѣ по старопечатному уставу,—дѣйстви-тельно, явленіе рѣдкое въ исторіи нашего православія послѣ собора 1667 года и заслуживающее подражанія пастырей православной Церкви.

Трудно себѣ представить радость единовѣрцевъ—депутатовъ, бывшихъ свидѣтелями архипастырскаго вниманія и истинно-отеческаго отношенія къ нимъ. Эту радость они ярко подчеркнули въ поднесенномъ его преосвященству адресѣ. Несомнѣнно, что всѣ эти событія не останутся безъ вліянія и на бѣглопоповцевъ, живо интересующихся вопросомъ воссоединенія съ Церковію, и ужь это вліяніе успѣло сказаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, охваченныхъ движеніемъ въ пользу православія, а въ ближайшемъ будущемъ не замедлятъ дать добрые плоды.

Можно надѣяться, что при вниманіи и неустанной заботливости всѣхъ православныхъ архипастырей и пастырей о нуждахъ единовѣрія и при благосклонномъ отношеніи къ старообрядческому расколу, по примѣру Курскаго архипастыря, вѣковая смута, раздѣляющая двѣ родственныхъ семьи русскаго народа, наконецъ, рухнетъ и средостѣніе уступитъ мѣсто братскому единенію въ духѣ единой вѣры, единаго ученія и единой христіанской любви.

М. С. Р.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Новая секта христіань-коммунистовъ.—Фанатическая секта въ Америкѣ.— Краткій историческій очеркъ шведскихъ миссій и шведскаго Миссіонерскаго Союза.—Торжественный благодарственный митингъ Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества.

Многія американскія и французскія газеты сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о новой сектѣ, появившейся недавно въ Швейцаріи, въ деревушкѣ Амденъ. Основатель секты, богатый американецъ Клейнъ, приобрѣлъ, не щадя издержекъ, большую земельную собственность, на которой образовалась въ скоромъ времени цѣлая колонія какъ изъ семейныхъ людей, такъ и изъ одинокихъ мужчинъ и женщинъ. Многіе члены прибыли изъ Америки. Колонія основана на христіанскомъ коммунизмѣ; это „община“, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали первые христіане. Принадлежащіе къ сектѣ отказываются отъ всякой собственности въ пользу общины и тѣмъ самымъ приобретаютъ всѣ права; желающимъ же выйти изъ секты имущество ихъ возвращается. Каждый можетъ свободно заниматься своей профессіей или чѣмъ пожелаетъ; напр., для художниковъ выстроена отдѣльная вилла. У сектантовъ нѣтъ ни общественнаго богослуженія, ни проповѣди; они не находятъ нужнымъ молиться на томъ основаніи, что и безъ этого Богъ посылаетъ людямъ то, что для нихъ полезно. Община Клейна считаетъ, что Христосъ былъ человекъ, но такой, который руководился исключительно Божьей волей; несмотря на это, они поклоняются Богородицѣ и святымъ и ожидаютъ второго пришествія Христа Спасителя на Пасху 1904 г. въ Амденѣ. Онъ принесетъ на землю миръ и владыки земные придутъ и поклонятся Ему. Христосъ избралъ для Своего второго пришествія Швейцарію, потому что она лежитъ въ сердцѣ Европы и имѣетъ республиканскій образъ правленія. Сектанты убѣждены, что милліоны духовъ, населяющихъ воздухъ, а также и души всѣхъ умершихъ ожидаютъ вмѣстѣ съ ними скорого пришествія Христа въ Амденъ.

Экономическое устройство общины напоминаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ фаланстеры Фурье.

Французская газета „L'Augoge“ считаетъ эту секту однимъ изъ

проявленій религіознаго помѣшательства, введеннаго въ моду непопулярной поддержкой, оказанной Толстымъ духоборамъ. Въ настоящее время эти несчастные дошли въ Канадѣ до полнаго безумія и впали въ чисто животное состояніе.

Швейцарскія власти слѣдятъ за сектантами и для вмѣшательства своего ожидаютъ только какого-нибудь противозаконнаго дѣйствія съ ихъ стороны.

Кстати о духоборахъ.

Въ американской газетѣ „Presse“ появилась маленькая замѣтка о томъ, что въ половинѣ октября шесть человекъ духоборовъ были арестованы и отданы подъ судъ по обвиненію въ поджогъ машины, связывающей снопы, а также извѣстнаго количества зерна.

Духоборы оправдываются тѣмъ, что въ Россіи они жгли (?) ружья и пушки, потому что это орудія разрушенія; въ Канадѣ же жгутъ земледѣльческія машины, потому что и онѣ „измышленія лукаваго“.

Корнваллисъ, городъ въ штатѣ Орегонъ, былъ взволнованъ въ концѣ минувшаго года безчинствами членовъ новой секты, называющихъ себя „Божіими помазанниками“. Охваченные фанатическимъ рвеніемъ, они уничтожали и жгли мебель, ковры, кухонную посуду и др. домашнія вещи. Самые дорогіе музыкальные инструменты дѣлались жертвами пламени.

Все это происходило въ домѣ м-ра и м-съ Хортъ. Деревья въ саду были выворочены съ корнемъ, цвѣтники и оранжереи вытоптаны и уничтожены. Говорятъ, что даже собаки и кошки были сожжены на жертвенномъ огнѣ.

Особенный интересъ этому дѣлу придавало то обстоятельство, что присоединившійся къ дикой сектѣ г. Хортъ былъ членомъ правительственнаго комитета штата Орегонъ; семейство его — бывшіе члены Арміи Спасенія—принадлежитъ также къ убѣжденнымъ послѣдователямъ новой секты.

Въ ноябрѣ минувшаго года Хортъ, служившій много лѣтъ въ одномъ изъ торговыхъ домовъ города, отослалъ ключи въ контору съ заявленіемъ, что отнынѣ онъ намѣренъ посвятить себя служенію Богу. Затѣмъ онъ лично принялъ участіе въ уничтоженіи домашней обстановки и въ истребленіи сада и оранжерей.

Цѣлый день двадцать человекъ—членовъ секты—находилось въ домѣ и наконецъ сожгли и уничтожили все потому, что Богу было такъ угодно. Они претендуютъ на непосредственное сношеніе съ Господомъ, Который Самъ указываетъ имъ, что слѣдуетъ уничтожить и что сохранить.

Черезъ два дня двое главарей секты предстали передъ судьями и послѣ продолжительнаго допроса, снова выпущены на свободу. Это шведъ Крефильдъ и американецъ капитанъ Бруксъ, бывшій членъ Арміи Спасенія. Въ городѣ всѣ убѣждены, что съ удаленіемъ этихъ главарей сектанты перестали бы безумствовать.

Въ теченіе дня около дома м-ра Хорта перебивало до 2000 посѣтителей. Съ наступленіемъ сумерекъ уличные мальчишки обстрѣливали зданіе камнями и перебили стекла во всѣхъ окнахъ. Вечеромъ домъ былъ освѣщенъ, но скоро всѣ огни погасли и все успокоилось.

Во время моленій всѣ сектанты катаются по полу съ громкими рыданіями, стонами и криками и производятъ такой шумъ, что сосѣди обращаются къ властямъ съ просьбами унять ихъ.

Многіе изъ друзей Хорта хотѣли посѣтить его, но не были приняты. Крефильдъ или Бруксъ встрѣчали ихъ у входа, не впускали въ домъ и отказывались вызвать Хорта на томъ основаніи, что онъ занятъ бесѣдой съ Богомъ и тревожить его нельзя. На вопросъ, почему они окружаютъ свои моленія такой тайной?—Бруксъ отвѣтилъ стихомъ псалма: „Тайна Господня съ боящимися Его“.

Сектанты увѣряютъ, что конецъ свѣта быстро приближается.

Офицеръ, явившійся арестовать Брукса и Крефильда, не встрѣтилъ сопротивленія. Его ввели въ комнату, въ которой нѣсколько человекъ лежали на полу. Одна молодая дѣвушка, очевидно, билась въ припадкѣ падучей болѣзни, лицо ея было закрыто платкомъ. Когда офицеръ подошелъ съ намѣреніемъ приподнять платокъ, сектанты закричали въ одинъ голосъ: „не трогайте ее, оставьте“!

Появленіе „Божіихъ Помазанниковъ“ вызвало въ Корнваллисѣ такое волненіе, какого мирный городъ давно не испытывалъ.

Въ 1903 году Шведскій Миссіонерскій Союзъ отпраздновалъ свою 25-лѣтнюю годовщину, и въ память этого замѣчательнаго событія была издана книга, въ которой излагается исторія происхожденія и дѣятельности этого Союза и помѣщены портреты всѣхъ его миссіонеровъ. Этотъ юбилейный сборникъ, заключающій не менѣе десяти статей разныхъ авторовъ и обнимающій 230 страницъ въ большую 8 - ю долю листа, превосходно изданъ и иллюстрированъ. Распространеніе его должно чрезвычайно увеличить интересъ въ дѣятельности этой миссіи, и едва-ли онъ можетъ не достигнуть цѣли, для которой онъ изданъ.

Миссіонерская дѣятельность, предпринятая шведами послѣ реформациі, началась прежде всего среди лапландцевъ, въ предѣлахъ ихъ собственной страны. Съ 1741 до 1748 года Петеръ Хегстремъ трудился въ Лапландіи, и его смѣнилъ Перъ Фьельстремъ (Per Fjellström), который продолжалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1764 г...

учить, проповѣдывать и писать для лапландцевъ съ избыткомъ любви и неутомимой ревностью. Послѣ его кончины, однако, ревность и интересъ къ миссіонерскому дѣлу постепенно ослабѣли, пока полстолѣтіе тому назадъ dr. Скарстедтъ, на громадномъ миссіонерскомъ собраніи, не провозгласилъ: „Скандинавская миссіонерская дѣятельность среди лапландцевъ во многихъ отношеніяхъ была и продолжаетъ быть штопаньемъ“ (a lap (patch)-work).

Миссіонерское движеніе въ Британіи въ началѣ XIX столѣтія оказало вліяніе на другія страны, и между прочимъ на Швецію. Въ 1818 году была издана миссіонерская записка, а десятью годами позднѣе въ Готенбургѣ было образовано небольшое миссіонерское общество съ цѣлью усилить интересъ къ миссіямъ посредствомъ изданія соотвѣтствующихъ сочиненій. Въ 1835 г. было основано Шведское Миссіонерское Общество. Сначала его поддерживало Базельское Общество, которое имѣло на своей службѣ одного набожнаго шведа, отправившагося въ Китай, а также „Моравскіе братья“, которые нанимали много шведскихъ миссіонеровъ. Затѣмъ оно рѣшило заняться миссіонерствомъ внутри своей страны и среди лапландцевъ „старалось заводить и поддерживать школы и дѣтскіе пріюты, поощрять лапландцевъ къ христіанской жизни согласно съ установленными правилами Евангелической лютеранской церкви“.

Въ 1874 году съ цѣлью расширенія интереса къ дѣятельности миссій была учреждена Шведская Церковная Миссія, избравшая Зулуэндъ (въ юго-восточной Африкѣ) сферой своихъ миссіонерскихъ операцій. Въ 1876 г. Шведское Миссіонерское Общество и Шведская Церковная Миссія соединили свои силы, и въ первый разъ въ лютеранской церкви была допущена организованная миссіонерская дѣятельность, и поддержанія ея требовали какъ долга Церкви. Агенты соединеннаго Шведскаго Церковно-Миссіонерскаго Общества трудятся теперь не только среди зулусовъ Натали, но также и среди туземцевъ Индіи, говорящихъ на тамильскомъ языкѣ, и труды ихъ сопровождаются великимъ успѣхомъ.

Въ 1856 году широко распространившееся религіозное оживленіе произошло въ Швеціи, явившееся результатомъ трудовъ великаго шведскаго проповѣдника, Розеніуса, и для поощренія внутренней миссіонерской дѣятельности въ шведской церкви было основано Den Evangeliska Fosterlands—Stiftelse. Это учрежденіе постепенно принимало участіе въ заграничныхъ миссіяхъ и поддерживало миссіонера на Золотомъ берегу (Африка). Затѣмъ оно избрало полемъ своей заграничной миссіонерской дѣятельности Галлаландъ, въ Восточной Африкѣ, за Абиссиніей, но ему пришлось бороться почти съ непреодолимыми трудностями, не столько для того, чтобы начать дѣло,

сколько для того, чтобы вообще добраться до этой страны. На Красном морѣ, поэтому, было начато предварительное дѣло въ Мак-Кулло, близъ Массовы. Теперь миссіонеры этого учрежденія трудятся въ Абиссиніи, странѣ Тигрэ и Кунамѣ, а также, конечно, и въ Галлаландѣ. Миссіонерское дѣло ведется также и въ Индіи среди голдовъ и индусовъ центральныхъ провинцій съ большою энергіей и успѣхомъ.

Въ 1878 г. былъ образованъ Шведскій Миссіонерскій Союзъ (Svenska Missions—förbundet), который и праздновалъ двадцатипятилѣтій юбилей своего существованія. Этотъ Союзъ былъ практически отдѣленъ отъ Fosterlands—Stiftelse, которое ригористически держалось Аугсбургскаго исповѣданія, между тѣмъ, какъ диссиденты, вдохновляемые новымъ евангелизмомъ Вальдстремовскаго возрожденія, не могли принять этого исповѣданія во всей его полнотѣ: главная разность заключалась въ значеніи, придаваемомъ удовлетворенію (atopement) и требованіи реформъ въ государственной церкви.

Шведскій Миссіонерскій Союзъ немедленно обезпечилъ себѣ щедрую поддержку въ каждомъ округѣ страны, не смотря на препятствія, поставляемые на пути болѣе старыми обществами и властями государственной церкви. Было найдено возможнымъ открыть миссіонерскій колледжъ, въ который сразу поступило не менѣе 8 волонтеровъ, готовыхъ отправиться съ миссіонерскою проповѣдью въ чужіе края. Въ 1881 году миссіонерское дѣло было начато въ Европѣ среди кавказцевъ; въ 1882 г.—въ Африкѣ среди туземцевъ Конго; въ 1886 г.—въ Америкѣ, среди жителей Аляски; въ 1890 г.—въ Азіи среди китайцевъ. Миссіи для евреевъ и мухаммеданъ въ Алжирѣ также существуютъ въ теченіе многихъ лѣтъ; а въ С.Петербургѣ, Лондонѣ и Зундерлендѣ (морской портъ въ графствѣ Дэргэмъ) Союзъ имѣетъ капеллановъ для удовлетворенія духовнымъ нуждамъ шведскихъ и другихъ скандинавскихъ моряковъ, посѣщающихъ эти порты. Въ большей части изъ этихъ мѣстъ миссіонерское дѣло ведется съ громадною энергіей и сопровождается выдающимся успѣхомъ.

Аляскинская миссія едва начала свою дѣятельность, когда шведы въ Америкѣ рѣшились сдѣлать Аляску специальнымъ полемъ миссіонерскаго труда и, образовавши американскій Шведскій Миссіонерскій Союзъ, обратились къ главному обществу, давшему имъ жизнь, за позволеніемъ взять на себя все дѣло и всю отвѣтственность съ тѣмъ, чтобы миссія была передана имъ. Поэтому пришлось искать новаго мѣста для миссіонерской дѣятельности и въ 1894 году былъ занятъ Китайскій Туркестанъ. Въ Китаѣ Союзъ велъ свое дѣло на востокѣ, Вучангѣ, Ичангѣ, Шази (Shasi) и Сунгпу, какъ главныхъ станціяхъ, и на западѣ—въ Кашгарѣ и Яркендѣ.

И дѣло внутренней миссіи не остается въ небреженіи, такъ какъ способные миссіонеры трудятся во многихъ опредѣленныхъ населенныхъ центрахъ, а большой составъ странствующихъ проповѣдниковъ посѣщаетъ другіе округа Швеціи, нуждающіеся въ наученіи христіанской истинѣ. Государственная церковь Швеціи сначала ничего практически не дѣлала для дѣтей, и Шведскій Миссіонерскій Союзъ воспользовался этимъ бездѣйствіемъ и чрезвычайно сердечно принялся за дѣло: онъ основалъ болѣе 2300 воскресныхъ школъ и имѣетъ болѣе 4000 учителей съ 105,000 учащихся. И это обстоятельство побудило государственную церковь къ соперничеству въ любви и добрыхъ дѣлахъ, такъ что теперь много благодѣтельнаго дѣлается въ Швеціи для молодежи.

Въ теченіе этихъ 25 лѣтъ у Шведскаго Миссіонерскаго Союза не переставалъ дѣйствовать миссіонерскій колледжъ, приготовлявшій агентовъ для внутренней и заграничной миссіи, такъ что на всякое вакантное мѣсто миссіонера всегда находился вполнѣ способный или почти готовый кандидатъ. Число студентовъ колеблется отъ 30 до 50, учебный курсъ продолжается три года, а каждый семестръ около 8 мѣсяцевъ. Такъ какъ лютеранская церковь въ Швеціи очень ригористична, она проявляетъ абсолютную власть относительно посвященія на церковную должность, а такъ какъ Шведскій Миссіонерскій Союзъ совершенно независимъ отъ Государственной Церкви, его миссіонеры не рукополагаются. Когда приходится посылать кого-нибудь въ качествѣ миссіонера за границу, совершается торжественная служба посвященія (а Solemn consecration service), и президентъ Союза говоритъ отправляющемуся миссіонеру: „Конференція Шведскаго Миссіонерскаго Союза рѣшила призвать васъ, А. В., и послать васъ въ качествѣ миссіонера въ N—скую миссію, и я теперь по порученію Шведскаго Миссіонерскаго Союза, задаю вамъ вопросъ: принимаете-ли вы это назначеніе и приготовились-ли вы, съ вѣрою въ Господа вашего и Спасителя, посвятить себя всецѣло и безусловно проповѣданію неисчерпаемыхъ сокровищъ Христа нашимъ ближнимъ которые ходятъ во тьмѣ грѣха и невѣдѣнія“? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта миссіонеръ посвящается посредствомъ возложенія рукъ при чтеніи молитвы.

Доходъ Союза исчисляется ежегодно въ суммѣ около 17000 фунтовъ стерлинговъ (около 170,000 рублей), а всего въ теченіе 25 лѣтъ израсходовано на миссіонерское дѣло значительно болѣе 200,000 ф. стерлинговъ. Благословеніе Божіе сопровождало труды Шведскаго Миссіонерскаго Союза въ прошломъ, какъ показываютъ достигнутые результаты, и можно надѣяться, что въ будущемъ Богъ благословитъ такихъ ревностныхъ, преданныхъ и благочестивыхъ соработниковъ Божіихъ въ ихъ трудахъ въ пользу миссіи.

Достопамятное и импонирующее зрѣлище представлялъ Албертъ-Холлъ во вторникъ вечеромъ 7 ноября прошлаго года, когда состоялось заключительное празднованіе столѣтняго юбилея Библейскаго Общества, на которое собралось до 8,000 человекъ, чтобы воздать хвалу Богу за то, что были собраны необходимыя суммы для восполненія фонда, образованнаго въ память столѣтняго юбилея общества, который носить названіе „the Centenary Fund“. Рѣдко, если когда-либо, собирались представители столькихъ платформъ. Тринадцать епископовъ англійской церкви сидѣли среди лидеровъ нонконформизма и членовъ главныхъ реформатскихъ общинъ континента Европы.

Присутствовали представители по крайней мѣрѣ 25 религіозныхъ и миссіонерскихъ обществъ. Китаецъ въ костюмѣ изъ краснаго и темно-синяго шелка живописно контрастировалъ съ почтенной фигурой генерала Бутса (Booth), съ его развѣвающимися бѣлыми локонами, одѣтаго въ шарлаховую фуфайку (jersey), которая рѣзко выдѣлялась изъ-подъ его длиннаго темнаго мундира Арміи Спасенія. Архимандритъ греческой церкви въ Лондонѣ не могъ посѣтить собранія по причинѣ болѣзни.

Съ одной стороны президента сидѣлъ американскій посланникъ, съ другой — графъ А. фонъ-Бернсторфъ, въ иностранномъ ордени. Вице-президенты общества и коми тетъ были на виду на платформѣ, а арена, кресла, балконъ и галерея огромнаго Холла, казалось, были затоплены восторженными друзьями и приверженцами общества, въ числѣ которыхъ было огромное множество вліятельныхъ делегатовъ изъ вспомогательныхъ отдѣловъ (Auxiliaries) въ разныхъ частяхъ страны; многимъ изъ нихъ, чтобы присутствовать на митингѣ, пришлось проѣхать большія разстоянія.

Прелиминарная программа священной музыки была блестяще исполнена добровольнымъ хоромъ, причемъ соло изъ Мендельсона и Шпора были прекрасно спѣты Т. Сэмпсономъ, учителемъ изъ лондонскаго колледжа для хористовъ. Новое переложеніе на музыку гимна „Съ ледяныхъ горъ Гренландіи“, специально написанное миссъ Климанъ, вызвало сильныя аплодисменты. Затѣмъ все собраніе приняло участіе въ превосходномъ пѣніи гимна „The Strain Uprise“. Графъ Стэтфордскій прочелъ псаломъ 150. Rev. Дж. Гринхоо (Greenhough), бывший президентъ баптистскаго союза, вознесъ благодаренія Богу за то, что были собраны полностью недостававшія средства для фонда въ память столѣтней годовщины. Епископъ Митчинсонъ, старѣйшій президентъ общества, начальникъ (master) пемброкскаго колледжа въ Оксфордѣ, вознесъ молитву объ единеніи и согласіи среди всей конгрегаціи Христова стада. Rev. Маршалъ Хартлэй, ex-президентъ уэслейанской конференціи, молилъ Бога, чтобы Онъ помогъ своимъ руковод-

ствомъ въ расходованіи средствъ фонда, послѣ чего все величественное собраніе приняло участіе въ пѣніи молитвы Господней, и звуки молитвы, вырвавшіеся изъ нѣсколькихъ тысячъ устъ, походили на прибой волнъ у морского берега.

Президентъ общества, маркизъ Норсэмтонскій, голосъ котораго отчетливо раздавался по всему залу, со своего кресла произнесъ краткую, но сильную и вдохновенную рѣчь. Онъ радовался, что для восполненія „Сентенарнаго фонда“ была принесена не одна ланта-вдовицы, и объявилъ, что теперь собраны полностью четверть милліона гиней ¹⁾, не считая прибыли отъ процентовъ или дивиденда. Лордъ Норсэмтонъ выяснилъ также, что этотъ фондъ будетъ посвященъ спеціальнымъ расширеніямъ дѣла общества и тому, чтобы сдѣлать болѣе производительными его операціи и организацію. Онъ горячо призывалъ увеличивать доходы общества, чтобы оно могло вести свое дѣло за границей безпрепятственно.

Епископъ манчестерскій привлекъ все вниманіе собранія своей рѣчью. Кто мечталъ бы, говорилъ онъ, о переводѣ Шекспира для африканскихъ пигмеевъ ¹⁾, или Гете для эскимосовъ, или даже Гомера для патагонцевъ. Но Библия есть благовѣстіе Божіе для всего міра: написанное, правда, людьми, но ея голосъ — голосъ Самого Бога. Мы могли бы послать ее всякому народу, живущему подъ небомъ, и она возвратилась бы къ намъ, прибавивъ новыя доказательства ея божественности. Весь обширный міръ никогда раньше не ждалъ такъ благовѣстія Божія, какъ онъ ожидаетъ теперь. Ужели мы намѣрены ограничить обращеніе книгъ Священнаго Писанія и отказать отъ своихъ усилій распространять Библию въ чужихъ краяхъ?

Вниманіе собранія было чрезвычайно заинтересовано, когда председатель приступилъ къ чтенію въ послѣдовательномъ порядкѣ поздравительныхъ привѣтствій, которыя мы приводимъ въ концѣ статьи, отъ короля Эдуарда VII, германскаго императора, короля Даніи и короля Швеціи. Секретарь нидерландскаго библейскаго общества прочиталъ по-голландски, а лордъ Норсэмтонъ послѣ перевелъ на англійскій языкъ, привѣтствіе отъ королевы голландской и ея супруга, принца Генриха Нидерландскаго. Послѣдовательное чтеніе этихъ привѣтствій отъ протестантскихъ правителей разныхъ странъ міра вызывало безграничный энтузіазмъ, который достигъ кульминаціоннаго пункта, когда американскій посланникъ, Уайтло Рэйдъ (Whitelaw Reid), поднялся съ своего мѣста и передалъ привѣтствіе отъ президента Со-

¹⁾ Золотая англійская монета въ 21 шиллингъ, около 10 р. 50 к. по курсу.

²⁾ Одно изъ туземныхъ племенъ Центральной Африки, отличающееся чрезвычайно малымъ ростомъ.

единенныхъ Штатовъ. Въ словахъ, исполненныхъ особенной сердечности и прелести, его превосходительство провозгласилъ, что хотя его страна придавала меньшее значеніе публичному исповѣданію религіи, нежели большая часть другихъ націй, она была не менѣе глубоко религіозна, и въ качествѣ свидѣтельствъ привелъ примѣры Вашингтона (Washington), Линкольна и Макъ Кинли, имена которыхъ были встрѣчены громкими одобреніями. Свое привѣтствіе онъ заключилъ чтеніемъ письма, которое президентъ Рузвельтъ прислалъ по поводу „многозначительнаго и пріятнаго событія, которое празднуетъ Британское Библейское Общество“.

Въ любезныхъ и изящныхъ выраженіяхъ лордъ Норсэмptonъ высказалъ признательность за эти королевскія привѣтствія, а также огласилъ поздравительныя телеграммы отъ Національнаго Библейскаго Общества Шотландіи, Ирландскаго Библейскаго Общества, Южно-Австралійскаго вспомогательнаго отдѣла въ Аделаидѣ, и отъ библейскаго митинга въ Коломбо, посланную гев. Артуромъ Тэйлоръ, секретаремъ Британскаго Библейскаго Общества, уѣхавшимъ по дѣламъ Общества на Востокъ, имя котораго вызвало горячія одобренія. Воздавъ дань покойному сэру Джорджу Уильямсъ, лордъ Норсэмptonъ прибавилъ: „Теперь обратимъ наши умственные взоры снова къ Царю царей и споемъ *внчайте Ею многими внчамци*“.

Затѣмъ графъ А. фонъ-Вернсторфъ, который превосходно и бѣгло говорилъ по-англійски, описалъ какъ обращеніе Библии на континентѣ приготовило путь для религіозной свободы, и собраніе отвѣтило на его слова привѣтствіемъ по поводу наступленія религіозной свободы въ Россіи. Онъ признался, что всѣ германскія библейскія общества обязаны своимъ существованіемъ импульсу, полученному отъ Британскаго Библейскаго Общества, и процитировалъ изреченіе м-ра Спердженна: „Библия—это молодой левъ; только пустите его на свободу, и онъ самъ защититъ себя“.

Вечерняя овація приберегалась для генерала Бутса, который произнесъ характерную рѣчь о „Библии и массахъ“. Онъ сильно доказывалъ драгоценность Священнаго Писанія для бѣдняковъ. Оно вводитъ Бога въ жизнь бѣднаго одинокаго труженика: оно дѣлаетъ рабочаго человека добрымъ. Собраніе весьма оживилось и выражало знаки одобренія, когда генералъ Арміи Спасенія объявилъ, „что Богъ хочетъ сдѣлать великое дѣло среди массъ, и тогда улучшатся ихъ нравы“. Истины Библии доказываютъ ихъ божественность перемѣнами, которыя онъ производятъ среди массъ нашего собственнаго (т. е. англійскаго) народа. Онъ дѣлаютъ людей не только добрыми, но и полезными, „обращая мужчинъ и женщинъ, которые были проклятіемъ, заразой и порчей повсюду, куда-бы они ни пришли, въ

служащихъ ангеловъ, спасителей человѣчества“. Между другими разсказами онъ сообщилъ объ одномъ ребенкѣ, который спрашивалъ свою мать: „Не говорила-ли ты, мама, что та книга была Божьей книгой“? „Да, милый“, отвѣчала мать. Тогда ребенокъ сказалъ: „Не думаешь-ли ты, мама, что намъ лучше послать ее домой, такъ какъ мы никогда ее не читали“. Чтобы заставить читать Библию, мы должны найти мужчинъ и женщинъ, которые живутъ ея ученіемъ открыто предъ лицомъ людей. Критицизмъ массъ не касается книгъ: это практический критицизмъ жизни тѣхъ, которые объявляютъ себя вѣрующими въ Библию. Генераль Бутсъ закончилъ свою рѣчь среди новыхъ шумныхъ аплодисментовъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ и запѣли *Te Deum*, по извѣстному переложенію Джэксона, съ чрезвычайнымъ эффектомъ.

Послѣ пѣнія были вознесены еще три молитвы: Rev. U. B. Рубу-сана, ассистентъ-корректоръ кафрскаго перевода Библии, вознесъ благодареніе за распространеніе Библии въ Африкѣ; профессоръ Кембриджскаго университета, А. Макалнетеръ, горячо молился за вліяніе Библии въ домахъ англійскихъ гражданъ, и м—ръ Ченгъ-Чингъ-Йи, ассистентъ-корректоръ мандаринскаго перевода Библии, съ трогательной простотой благодарилъ Бога за дарованіе Библии великимъ націямъ Востока.

Послѣ этихъ моленій послѣдовала рѣчь президента Форсиссъ (Principal Forsyth), предсѣдатель конгрегациональнаго Союза, который говорилъ о „Библии и заграничныхъ миссіяхъ“. Собраніе выразило одобреніе, когда онъ провозгласилъ, что эта книга была лучшимъ средствомъ распространенія цивилизаціи, нежели винтовка, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушало, когда онъ описывалъ, какъ для миссіонера, впервые выступившаго на миссіонерское поприще въ глухихъ мѣстахъ, отрѣзанныхъ отъ вѣшняго соприкосновенія съ церковью, дѣлается его великимъ таинствомъ, совершаемымъ Самимъ Христомъ. Чѣмъ болѣе мы постигаемъ силу Библии, которая проникаетъ и покрываетъ темные уголки нашего собственнаго сердца, области нашей собственной жизни, которыя были чуждыми и недоступными для Бога,—тѣмъ болѣе мы должны вѣрить, что Библия предназначена быть благословеніемъ для мрачныхъ, отдаленныхъ и непокоренныхъ странъ міра.

Послѣдній ораторъ, епископъ Карлайля (Carlisle), сразу привлекъ все вниманіе собранія, и съ геніальнымъ юморомъ и духовной мудростію извлекъ четыре урока изъ самаго митинга. Первый,—„Церковь всемірная, церковь всякаго библейскаго (Scriptural) наименованія и вѣроисповѣданія“, нуждается въ большемъ количествѣ, силѣ, совѣтѣ и дѣятельности набожныхъ мірянъ. Второй,— Биб-

лія не знаєть никакого различія между высшими классами и народными массами. Епископъ здѣсь повторилъ утверженіе генерала Бутса, замѣтивъ, что оно было высказано раньше имъ самимъ, а не заимствовано у генерала. При этомъ генераль Бутсъ всталъ и драматически поклонился къ великому удовольствію собранія. Третій, — при всемъ различіи христіанскихъ наименованій они представляютъ нѣчто единое. „Мы“, сказалъ епископъ, „находящіеся здѣсь, на этой платформѣ, принадлежимъ ко многимъ вѣроисповѣданіямъ, различающимся въ деталяхъ богослужбеной практики, но согласны въ основныхъ истинахъ откровенія. Насколько я понимаю, въ нашихъ разностяхъ нѣтъ ничего ошибочнаго, пока наши разности не окрашены враждою. Мы не представляемъ звѣринецъ, скопище львовъ, тигровъ и леопардовъ, которыхъ нужно сажать въ клѣтку отдѣльно другъ отъ друга. Мы имѣемъ свои разности, какъ ихъ имѣютъ всѣ мыслящіе люди, но мы связаны вмѣстѣ принятіемъ Библии. Есть лица, которымъ нравится находить свое единство въ соборахъ Церкви; я предпочитаю находить свое единство въ Библии—единство духа, узы (bonds) котораго не косность, но миръ“. Наконецъ, епископъ признался, что онъ не знаєть никакой церкви или общества по истинѣ столь каеолическаго, какъ британское и иностранное Библейское Общество. На этой платформѣ были люди многихъ племенъ и расъ и народовъ и языковъ—какъ будетъ повсюду въ концѣ концовъ.

Въ возвышенномъ настроеніи и громкимъ голосомъ былъ пропѣтъ заключительный гимнъ „Хвалите, о хвалите нашего Бога и Царя“. Епископъ Уэйкфилдскій произнесъ благословеніе, и торжественные звуки „Аллилуйнаго Хора“ (Hallelujah Chorus) достойно закончили благодарственный митингъ, память о которомъ никогда не исчезнетъ у всѣхъ, имѣвшихъ возможность присутствовать на немъ.

Телеграммы.

Отъ короля Эдуарда VII.

„По приказанію его величества поздравляю комитетъ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества съ успѣшнымъ сборомъ, превысившимъ четверть милліона гиней, каковой суммы требовалъ комитетъ для расширенія своего дѣла. Король желаетъ Обществу всякой удачи въ будущемъ, и надѣется, что усилія, принимаемыя обществомъ ежегодно, помогутъ, можетъ быть постепенно, но прочно, распространить христіанство по всему міру“.

Knollys.

Отъ президента Соединенныхъ Штатовъ:

„Могу-ли я послать мои сердечныя поздравленія Британскому и Иностранному Библейскому Обществу на его благодарственный ми-

*

тингъ по случаю столѣтней годовщины? Я надѣюсь, что его собраніе возбудитъ всемірный интересъ къ переводу и распространенію Библии, и я увѣренъ, что всѣ, кому близко къ сердцу благо человѣчества, будутъ чувствовать къ усиліямъ Общества самую искреннюю симпатію и признательность“.

Teodore Roosevelt.

Отъ короля Швеціи:

„Его величество король Оскаръ II., извѣстившись, что Б. и И. Б. О. собирается на благодарственный митингъ по случаю окончанія празднествъ столѣтней годовщины, съ удовольствіемъ раздѣляетъ это торжество. Его величество, взирая съ глубочайшимъ интересомъ на благословенное дѣло Б. и И. Б. Общества по всему міру, радуется вмѣстѣ со шведскимъ народомъ развитію того, что было сдѣлано для дальнѣйшаго распространенія этого великаго дѣла“.

Отъ королевы Голландской и ея супруга:

„Исполненные чувствомъ горячей симпатіи къ возвышенной цѣли, которую Б. и И. Б. О.—во преслѣдуетъ болѣе столѣтія, и съ благодарностью вспоминая о помощи, которую оно такъ охотно оказало Нидерландскому Библейскому Обществу, мы имѣемъ честь, по случаю благодарственного митинга, свидѣтельствовать наше искреннее участіе ко всякому дѣлу и усилію, направленному къ распространенію Евангелія“.

Wilhelmina, Heinrich.

Отъ Германскаго императора

„Примите мои наилучшія поздравленія по поводу блестящаго успѣха, которымъ сопровождался сборъ пожертвованій въ память столѣтней годовщины, и мои сердечныя пожеланія дальнѣйшаго счастливаго развитія благодѣнаго дѣла Б. и И. Б. Общества“.

William I R.

Отъ короля Даніи:

„Мои наилучшія пожеланія счастья и успѣха вашему дѣлу и Божія благословенія Обществу и его руководителямъ“.

Christian R.

С. Звѣринскій.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

со *Объ измѣненіи способовъ содержанія духовенства. Постановленіе 9 округа Николаевскаго уѣзда Самар. губ.* По всестороннемъ обсужденіи вопроса объ измѣненіи способовъ содержанія, духовенство не пришло ни къ какому окончательному результату, но всѣ высказались за желательность измѣненія существующаго способа содержанія; по мнѣнію однихъ было бы желательно, чтобы сами прихожане собирали извѣстную опредѣленную сумму и передавали причту, и такимъ образомъ, чтобы сами прихожане заботились о своихъ пастыряхъ, доставляя все потребное для ихъ содержанія, и возложить обязанность этихъ сборовъ на попечительства и попечительскіе совѣты. Нѣкоторые отцы сѣзда находятъ такой способъ на практикѣ непримѣнимымъ, съ одной стороны потому, что духовенство будетъ въ полномъ рабоченіи прихожанъ, пастырскій авторитетъ едва ли повысится, а съ другой стороны—и цѣль едва-ли будетъ достигнута, т. е. духовенство можетъ оказаться совершенно безъ средствъ.

Нѣкоторые отцы сѣзда высказались за желательность обезпеченія духовенства жалованьемъ отъ казны въ достаточномъ для содержанія размѣрѣ, вмѣсто платы за такъ называемыя обязательныя требы; это было бы и надежнѣе, и опредѣленнѣе, и духовенству не пришлось-бы дрожать за свой завтрашній день; при этомъ и земля должна быть по прежнему оставлена въ пользованіе причтовъ. На сѣздѣ 5 Ставроп. округа духовенство опредѣляетъ норму вознагражденія въ слѣдующ. цифрахъ: священнику—600 р. въ годъ, діакону—400 р., псаломщику—200 р. за исполненіе обязательныхъ требоисправленій, каковы крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, бракъ, елеосвященіе, похороны младенцевъ и взрослыхъ безъ выноса, остальные же требы, не принадлежащія къ числу неотложныхъ и исполняемыхъ по желанію прихожанъ, жаждетъ оставить на прежнемъ положеніи. Сѣзды 3 и 7 Николаевскаго уѣзда и 3 Бугульминскаго считаютъ нормой жалованья 1200 руб. священнику, 800—диакону и 600 псаломщику, 4 Самарскаго—норма 1600 р. на причтъ изъ трехъ членовъ, 2 Бугульминскаго—норма

1800 р. на причтъ изъ трехъ членовъ и 1200 руб. изъ двухъ членовъ. Духовенство полагаетъ, эта сумма можетъ быть изыскана земствомъ или другимъ учрежденіемъ, имѣющимъ замѣнить земство, изъ мѣстныхъ средствъ, каковое учрежденіе должно выдавать жалованье духовенству своего района ежемѣсячно, при чемъ желательно уравнивать приходы, полагая 1000 душъ на двухчленный причтъ мужескаго пола и 2000 душъ на 4 членный причтъ, при обеспеченіи послѣдняго 2400 р. Пользованіе церковной землей должно оставаться на прежнихъ началахъ. Болѣе подробный докладъ по тому же вопросу представленъ духовенствомъ 3 округа Новоузенскаго уѣзда (Самар. Еп. Вѣд.).

О церковно-приходскихъ библіотекахъ. Ставропольскій Епархіальный съѣздъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ свое желаніе о болѣе правильной постановкѣ библіотеки.

Не говоря уже о Священномъ Писаніи и твореніяхъ святыхъ отцовъ церкви, чтеніе которыхъ составляетъ непремѣнный и священный долгъ пастыря, признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы духовенство въ виду запросовъ, предъявляемыхъ къ нему настоящимъ временемъ, знакомилось съ жизнью и при помощи свѣтской литературы и особенно повременной печати.

Предоставить причтамъ широкое право пополненія приходскихъ библіотекъ произведеніями церковной и богословской литературы для чтенія клира и образованныхъ мірянъ, и религіозно-нравственныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ для народа.

Нынѣ же заняться детальною разработкою вопроса объ изданіи епархіальнаго печатнаго органа.

Журналъ сей за общимъ подписомъ представить на благоусмотрѣніе его преосвященства, нашего архиепископа.

На подлинномъ резолюція его преосвященства, преосвященнѣйшаго Агаеодора, епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго отъ 30 апрѣля 1906 года за № 1860: „Предоставляется духовенству епархіи право пополнять церковно-приходскія библіотеки произведеніями церковной и богословской литературы для чтенія клира и образованныхъ мірянъ и религіозно-нравственными книгами, журналами и брошюрами для народа. Вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній разрабатывается и ходатайство объ измѣненіи этой реформы не полезно. Удовлетвореніе прочихъ желаній духовенства зависитъ не отъ меня, а отъ высшей церковной власти—отъ предстоящаго Собора“ (Ставроп. Еп. Вѣд.).

О Талмудѣ и его проповѣдь ненависти къ не-евреямъ и христіанамъ. Талмудъ не признаетъ даже и людьми тѣхъ, кто не имѣетъ счастья принадлежать къ еврейской національности. По ученію талмуда,

не исповѣдующіе іудейства не заслуживаютъ никакой милости. Талмудъ прямо позволяетъ обманывать, грабить, надувать всяческими способами всѣхъ *гоевъ, акумовъ, кутимовъ*, т. е. не-іудевъ; *запрещаетъ давать послѣднимъ деньги безъ процентовъ*, для чего повелѣваетъ каждому отцу учить своихъ дѣтей такому навыку. Объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ въ талмудъ прямо не говорится, но есть болѣе ясныя намеки на христіанъ и болѣе частныя термины для обозначенія ихъ. Такъ именно они разумѣются подъ именами: *илахъ, ноцримъ, цадокъ*, или саддукей, они же называются *эдомитянами* и пр. На нихъ именно намекаетъ талмудъ, когда говоритъ, что саддукей, изъ словъ Быт. 1, 26: *сотворимъ человека по образу нашему*, выводятъ заключеніе, что боговъ много, или *много лицъ въ Богъ*, — что эдомитяне или ноцримы *машутъ пальцами своими вдоль и поперекъ* (намекъ на христіан. крестное знаменіе) и пр. Ненависть талмуда къ этимъ людямъ выше даже ненависти къ язычникамъ. Если кто нибудь преслѣдуетъ еврея съ тѣмъ, чтобы убить его, то еврей пусть лучше спасется въ храмъ язычниковъ, чѣмъ саддукейскомъ (т. е. христіанскомъ), говоритъ талмудъ... Объ истребленіи этихъ именно людей іудеи *доселѣ молятся: пусть будутъ уничтожены въ одно мгновеніе... Истреби ихъ, Господи, порази, уничтожь ихъ въ одно мгновеніе, порази ихъ внезапно въ глазахъ нашихъ*. (Рязан. Епарх. В—и, № 6).

Изъ отчета Братства Св. Бл. Князя Александра Невского въ г. Владимірѣ.

Почти повсюду, по словамъ отчета, среди старообрядцевъ замѣчается особенный подъемъ духа. Наибольшую живучесть въ релігіозно-нравственномъ отношеніи проявляютъ старообрядцы слѣдующихъ толковъ: австрійскаго, окружническаго и противоокружническаго, пѣтовскаго, большеначальническаго и отчасти поморскаго брачнаго. Прочіе толки къ дарованной свободѣ относятся сравнительно безучастно, а старообрядцы странники—тѣ даже пріуныли, видя въ этомъ особенныя козни „антихриста“. Подъемъ духа среди старообрядцевъ австрійцевъ—окружниковъ выражается по мѣстамъ въ устройствѣ отдѣльныхъ каменныхъ или деревянныхъ храмовъ, какъ, напр., въ д. Оедуринѣ, Муром. уѣзда, въ с. Каринскомъ, Ал. у.; въ участіи на съѣздахъ всероссійскихъ въ г. Москвѣ; въ распространеніи современной старообрядческой литературы, вродѣ журнала „Старообрядецъ“, газ. „Народная Газета“; въ стараніи слиться воедино съ противоокружниками и въ пропагандѣ своей „вѣры“ путемъ наѣзда старс-

обрядческихъ миссіонеровъ на нѣкоторыя мѣстности нашей епархіи. Отъ бесѣдъ съ православными миссіонерами австрійцы-окружники въ отчетномъ полугодіи упорно отказывались. Общество австрійцевъ не-окружниковъ раздрается внутренними усобицами по вопросу о соединеніи съ окружниками. Противникомъ единенія является старообрядческій Московскій епископъ Іовъ, проживающій въ д. Молоковѣ, въ Гуслицѣ, сторонникомъ—другой епископъ Даниилъ, тоже „гуслякъ“ изъ д. Давыдовой. Дѣятельность старообрядцевъ спасовцевъ выразилась за истекшее полугодіе въ составленіи ковровскими старообрядцами всеподданнѣйшаго адреса съ описаніемъ своихъ нуждъ, въ устройствѣ въ г. Ковровѣ и с. Ивонинѣ, Суд. у., соборныхъ совѣщаній при участіи старообрядческихъ дѣятелей: саратовскаго слѣпца Коновалова, его учениковъ Агапова и Пискунова, проживающихъ въ г. Ковровѣ, и старца-скитника г. Коврова „батюшки Іоны“, по вопросамъ: „о допущеніи брадобрійцевъ на общественную молитву“, „о необходимости покаянія предъ старцами“ и о нравственной распущенности молодежи. Среди поморцевъ въ отчетномъ полугодіи возникла интересная письменная полемика между поморскимъ наставникомъ Ив. Зыковымъ изъ с. Кабанскаго, Пок. у., и австрійцемъ окружникомъ Зеленковымъ изъ г. Егорьевска, Ряз. губ., по вопросу о незаконности австрійскаго священства. Брошюры того и другого начетчика въ большомъ количествѣ расходятся между послѣдователями поморскаго и австрійскаго согласій. Въ послѣднее время Зыковъ сталъ охотно выступать на бесѣдахъ съ православными миссіонерами послѣ многолѣтнихъ упорныхъ уклоненій отъ бесѣдъ.

Изъ сектантовъ особеннымъ усердіемъ въ пропагандѣ своихъ лжеученій отличались штундисты. Пропаганда штундизма велась особой специально разъѣздной миссіей, состоящей изъ двухъ лицъ—старшаго пресвитера Маринушкина и діакона Маркина. Трудъ этихъ миссіонеровъ вознаграждается въ размѣрѣ 35 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ прогоновъ. Молитвенныя собранія послѣ манифеста 17 апрѣля штундисты устраиваютъ открыто и безпрепятственно. Кромѣ того, въ послѣднее время штундисты устраиваютъ по мѣстамъ воскресныя собранія для дѣтей. На эти воскресныя собранія или воскресныя школы собирается дѣтей человѣкъ до 30. Предметомъ обученія служитъ чтеніе Св. Писанія и толкованіе его въ духѣ штундизма. Духъ сектантства проникаетъ въ крестьянскую среду въ особенности чрезъ молодежь, побывавшую въ солдатахъ или столицахъ.

О Т К Л И К И.

Чего должны желать мы отечеству въ настоящее время.

Наше отечество въ настоящее время особенно нуждается въ мирѣ и спокойствіи. Сколько смуть и нестроений внесено въ него врагами его; тамъ забастовки, смуты; здѣсь нестроения, грабежи, убійства. Нѣкогда Господь угрожалъ народу еврейскому, что *за отступленіе его отъ вѣры и заповѣдей Его отнимаетъ у него и храбраго вождя, и мудраго совѣтника, и прозорливца, и отроки будутъ начальниками, и дѣти будутъ господствовать ими* (Ис. 3, 2—4). Не сбывается ли это пророчество на насъ? Не горько ли видѣть такое явленіе; юношество, недоучившее еще своихъ уроковъ, бросаетъ учебныя книги, и съ своими наскоро составленными по темнымъ книжкамъ, взглядамъ, безъ знанія науки и жизни, рассуждаетъ учительскимъ тономъ о переустройствѣ общественнаго быта и безъ соображенія послѣдствій выходитъ на борьбу съ существующимъ порядкомъ! „Мы новые люди съ новымъ словомъ; мы—грядущая сила, которая разрушитъ старое и создастъ новое“. И вотъ поются гимны молодому поколѣнію съ слѣпой вѣрой въ него. И что всего удивительнѣе, подъ звуки модныхъ гимновъ и старцы нѣкіе объюродѣли, стали молодиться, нарумянивать свои старческія морщины подъ цвѣтъ новой силы, и хотятъ устроить семью, общество и государство безъ Бога, безъ религіи, безъ церкви, безъ верховной власти, безъ законовъ, безъ войска, безъ суда, безъ всего того, чѣмъ зиждется и держится современное государство. Хотятъ достигнуть всеобщаго равенства во всемъ, всеобщаго благополучія чрезъ совмѣстное владѣніе всѣми землей и имуществомъ, исключивъ собственность, какъ воровство, изъ списка словъ, имѣвшихъ доселѣ право гражданства. Говорятъ, что нѣтъ грѣха; что страсти имѣютъ полное право на свое законное существованіе; что онѣ не только не вредны, а даже полезны, такъ какъ возбуждаютъ жизнь и энергію въ обществѣ. Такимъ образомъ, все, съ чѣмъ сжилось человѣчество, должно быть оставлено какъ пережитокъ, и человѣчество, очертя голову, должно ри-

нута на невѣдомый доселѣ путь къ достиженію своего благополучія.

Не только мужи зрѣлаго возраста, но даже подростки съ неудержимою страстію занимаются вопросомъ о переустройствѣ русскаго государства, о расширеніи правъ и льготъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Ожидаютъ „правового порядка“: причемъ одни останавливаются на конституціи, какъ средствѣ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, а другіе идутъ дальше, мирятся не иначе, какъ только на социаль-демократической республикѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣло мѣшается съ бездѣльемъ. Сперва говорили во всякаго рода засѣданіяхъ ученыхъ, земскихъ, а потомъ перешли къ устройству банкетовъ, къ пѣнію революціонныхъ пѣсней. Видя и слыша все это, благонамѣренные люди протираютъ себѣ глаза и съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: „сонъ ли это, или дѣйствительность?“—Русь! Святая Русь! Твои ли это сыны? Твои ли это граждане, присягнувшіе любить тебя и дѣлать только то, что служить къ славѣ твоей!

Нѣтъ, намъ нуженъ не договоръ съ правительствомъ, не внѣшняя форма конституціонныхъ государствъ, въ видѣ общей говорильни, а нравственное обновленіе, нравственное перерожденіе, намъ нужна та правда Божія, которая возвышаетъ народъ и привлекаетъ милость Божію. Эту истину подтверждаетъ какъ слово Божіе, такъ и историческій опытъ всего человѣчества. Какъ бы ни были хороши законы наши сами по себѣ, они не помогутъ горю, если только люди, приставленные къ проведенію ихъ въ жизнь, не будутъ воодушевляться нравственнымъ закономъ. Люди безсовѣстные всегда найдутъ возможность обойти эти законы и самымъ законѣйшимъ образомъ совершать самыя незаконныя дѣла. Напрасно строить крѣпости, если тѣ, кому онѣ ввѣряются, будутъ трусы; если вмѣсто самоотверженія, патриотизма и чувства долга они будутъ жить только утробными интересами... Тогда чрезъ эти твердныя пройдутъ ослы не только Филиппа Македонскаго, но и всякаго другого врага. Что бы ни говорили современные радѣтели о мнимомъ благѣ народа, но надобно сознаться, что нынѣшняя Россія своимъ могуществомъ и обширностью обязана Россіи древней. Съ живѣйшею преданностію св. православной вѣрѣ, съ пламенною любовью къ отечеству, съ неизмѣннымъ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога, наши предки создали единство Россіи, раздвинули ея предѣлы на необозримое пространство, вынесли на плечахъ своихъ безчисленныя невзгоды и приготовили намъ то вещественное духовное богатство, которымъ мы пользуемся. А мы? Мы

часто не цѣнимъ этого богатства, не воздаемъ должной чести, преданности и благодарности нашимъ предкамъ, любимъ выставять на позоръ, съ Хамовымъ злорадствомъ, ихъ медленность и погрѣшности и въ погонѣ за иностранными порядками забываемъ о томъ, что нужно-ли пользы отечества нашего.

Въ нашемъ положеніи намъ нужно каяться въ грѣхахъ своихъ и просить прощенія у Господа Бога. Наши предки въ такихъ случаяхъ, не обинуясь, исповѣдывали свои грѣхи и калялись, налагая постъ на всѣхъ—и старыхъ и молодыхъ, и даже на безсловесныхъ животныхъ. И Господь всегда принималъ такое покаяніе и прощалъ. Намъ нужно усугубить свои молитвы о Государѣ и Его державѣ, намъ надобно молиться Спасителю Богу, чтобы Онъ „даровалъ пастырямъ нашимъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоначальникамъ—мудрость и силу, судіямъ—правду и велицепріятіе, наставникамъ—разумъ и смиренномудріе, супругамъ—любовь и согласіе, обидимымъ—терпѣніе, обидящимъ—страхъ Божій; всѣмъ же вообще—духъ разума и благочестія“. (Мол. акаѳ. Покр. Богор.).

Русь! Святая Русь! Будь по прежнему свята не только по имени, но и дѣлами и поступками сыновъ твоихъ! Не забывай, что въ силу и славу вошла ты путемъ самодержавія и крестнаго подвига. Будь вѣрна до смерти своимъ Государямъ и тѣмъ исконнымъ началамъ, на которыхъ создавалось твое вѣшнее величіе; не размѣнивай на мелочь всякой лжи, коварства и мщенія свою вѣру, свою народность. Знай, что крѣпка ты только своей вѣрой православной, да любовію къ Царю и родинѣ! (Кіев. Епарх. Вѣд.).

Жажда религіознаго знанія весьма велика въ народѣ, и ее необходимо удовлетворять. И если приходскій священникъ не сумѣетъ во время удовлетворить эту жажду религіознаго знанія, то ее удовлетворитъ непризванный проповѣдникъ сектантства изъ мутнаго источника своего знанія. Въ сектантство потому идутъ не „самые негодные члены прихода“, какъ иногда говорятъ, а люди часто довольно толковые, религіозные и богатые, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого матеріальнаго расчета переходить въ сектантство. Слѣдовательно, для прекращенія развитія сектантства въ приходахъ необходимо главнѣе всего всеобщее и притомъ, по возможности, основательное ознакомленіе прихожанъ съ основными истинами православнаго христіанскаго вѣроученія. Необходимо удовлетворить развившуюся въ народѣ жажду религіознаго знанія. Это и будетъ

главнѣйшею мѣрою борьбы съ сектами. Когда это будетъ достигнуто, и когда прихожане въ состояніи будутъ дать хоть какой-нибудь отвѣтъ въ своемъ упованіи всякому вопрошающему, тогда само собой развитіе сектантства прекратится. Но удовлетворяется ли въ настоящее время эта народная жажда религіознаго знанія, какими способами и насколько? Главнымъ и единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли служатъ внѣбогослужебныя собесѣдованія и то по „мѣстамъ“. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлено въ настоящее время это дѣло, собесѣдованія не удовлетворяютъ всѣмъ духовнымъ потребностямъ прихода. Поэтому, кромѣ собесѣдованій, въ настоящее же время необходимо, какъ можно скорѣе, знакомить съ изданіями особыхъ брошюръ и листовъ, въ которыхъ излагается положительное ученіе православной Церкви, на основаніи слова Божіа, объ основныхъ догматахъ христіанскихъ въ противосектантскомъ духѣ, притомъ въ доступной для пониманія простого народа формѣ изложенія. Порядокъ же ознакомленія можетъ быть такой: при совершеніи, напр., таинства св. крещенія священникъ будетъ давать воспріемникамъ брошюру объ этомъ таинствѣ, при вѣнчаніи—о таинствѣ брака, его святости и богоучрежденности, при говѣннѣ въ Великій постъ—брошюру о поминовеніи умершихъ и т. д. Такимъ образомъ можно будетъ постепенно познакомить всѣхъ прихожанъ съ основными догматами православной вѣры и предохранить ихъ отъ зараженія сектантствомъ.

Крестьяне вмѣсто того, чтобы проводить время въ пустыхъ разговорахъ и пьянствѣ при крестинахъ, бракахъ, поминкахъ и т. п., займутся чтеніемъ брошюрокъ объ истинахъ вѣры. Если предположимъ, въ приходѣ будетъ 150 крещеній, то не менѣе 1500 душъ узнаютъ ученіе православной Церкви о св. крещеніи изъ прочитанныхъ брошюръ, чего никакъ нельзя ожидать при нынѣшнихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Если прихожане чего не поймутъ при чтеніи, то они, несомнѣнно, спросятъ объ этомъ священника при внѣбогослужебномъ собесѣдованіи. Такимъ образомъ, недомѣнные вопросы послужатъ темой для собесѣдованія, и священнику не придется заблаговременно придумывать ее. Средства же для приобрѣтенія брошюръ и листовъ можно брать изъ церковныхъ суммъ; суммы эти даютъ прихожане, слѣдовательно, для ихъ духовной пользы и можно взять ихъ; трата эта, несомнѣнно, вознаградится. (Совр. Об. № 47).

О церковной проповѣди.

(Голосъ пасомаго).

Учить народъ слову Божію и воспламенять сердца любовію къ Богу—вотъ двѣ изъ главнѣйшихъ обязанностей Церкви по отношенію къ своимъ чадамъ. Первое достигается главнымъ образомъ путемъ проповѣди, второе—многообразно:—отчасти путемъ той же проповѣди и собственнаго пастырскаго примѣра, отчасти же путемъ истово совершаемаго Богослуженія. Обязанности эти настолько важны и существенны, что свв. Апостолы—первые устроители Церкви Христовой—нашли нужнымъ въ 58-мъ Апостольскомъ правилѣ постановить слѣдующее: „Епископъ или пресвитеръ, нерадящій о причтѣ и о людѣхъ и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности—да будетъ изверженъ“. Свв. Отцы VI-го вселенскаго собора подробно разсматривали этотъ вопросъ и изрекли слѣдующее священное правило: „Предстоятели церквей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы при недостаткѣ умѣнія въ семъ не уклониться отъ подобающаго. Ибо, чрезъ ученіе вышереченныхъ отцовъ, люди, получая познаніе о добромъ и достойномъ избраніи, и о неполезномъ и достойномъ отвращеніи, исправляютъ жизнь свою на лучшее, и не страдаютъ недугомъ невѣдѣнія, но, внимая ученію, побуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и страхомъ угрожающихъ наказаній содѣлываютъ свое спасеніе“. Сказано ясно и опредѣленно; никакихъ толкованій и комментаріевъ не требуется. Что сказать, чѣмъ

оправдаться нарушителямъ этого чисто вселенскаго, соборнаго, святоотеческаго правила, въ которомъ предусмотрѣнъ и недостатокъ умѣнія со стороны нѣкоторыхъ пастырей въ составленіи собственныхъ словъ и подробно разсмотрѣно значеніе церковнаго ученія для пасомыхъ?

Согласно съ приведенными соборными правилами въ древнемъ православномъ Богослуженіи поученіе было *введено въ чинъ*: за утреней послѣ первой кафизмы читалось толковое Евангеліе, послѣ 6-й пѣсни канона читался прологъ или въ „Триоди“ синаксарь; за литургіей также всегда предлагалось поученіе или изъ книги „Златоустъ“ или иное какое. Богослуженіе вслѣдствіе этого являлось школой не только для чувства, но и для разума. Даже такой реформаторъ, какъ Лютеръ, сократившій чинъ богослуженія до *non plus ultra*, до нѣсколькихъ молитвъ и пѣснопѣній, символа вѣры и чтенія изъ Апостола или Евангелія—не дерзнулъ, однако, подвергать сокращенію проповѣдь, но, наоборотъ, возвелъ ее въ чинъ богослуженія, сдѣлавъ ее неотъемлемой и едва ли не самой главной составной частью каждаго богослуженія, необходимость и важное значеніе которой проистекаетъ не только изъ правилъ св. отцовъ, но и изъ простаго здраваго смысла. Что же мы видимъ на этотъ счетъ въ современномъ православномъ Богослуженіи? Во многихъ церквяхъ проповѣдь можно услышать не болѣе 2—3 разъ въ годъ, въ другихъ это тоже крайне рѣдкое явленіе, а, главное, совершенно случайное, зависящее отъ желанія священника; вечернія поученія—чтеніе толковаго Евангелія, пролога и синаксарей сохранились только въ старообрядческихъ храмахъ, да въ нѣкоторыхъ общежительныхъ православныхъ монастыряхъ; во всѣхъ же приходскихъ храмахъ безъ исключенія совершенно пропускаются, даже въ лаврахъ (Кіево-Печерской, Сергіевской) и многихъ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ чтеніе всего этого часто считается излишнимъ. Въ большинствѣ церквей проповѣдь замѣняется какимъ-нибудь велегласнымъ концертомъ въ то время, когда по смыслу службы всѣ присутствующіе въ храмѣ приглашаются забыть все земное и всѣ помыслы и чувства свои направить горѣ, къ небесному. Въ результатъ всего этого страшный „недугъ невѣдѣнія“ широкой волной разливается среди сыновъ Церкви православной: толкуютъ вкривъ и вкосъ Евангеліе, потому что не слышатъ въ Церкви вѣрнаго его толкованія, не знаютъ о житіи и подвигахъ святыхъ, такъ какъ не слышатъ пролога, въ которомъ, кромѣ краткаго жизнеописанія святыхъ заключается еще не мало отвѣтовъ на самые

практическіе жизненные вопросы въ духѣ святоотеческомъ; не знаютъ содержанія и значенія праздниковъ, такъ какъ не слышатъ синаксарей, въ которыхъ все это подробно разъясняется. Спрашиваю недавно одного юношу, знаетъ ли онъ, въ честь чего установленъ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы: получаю отвѣтъ: „въ честь погребенія Богоматери“; или: собираются православные каждый годъ въ субботу на 5-й седмицѣ великаго поста слушать акафистъ Пресвятой Богородицѣ, но многіе ли изъ нихъ знаютъ, въ честь чего установленъ этотъ акафистъ? Между тѣмъ въ синаксарѣ на этотъ день все это подробно объясняется. Нравоучительныя проповѣди, предлагавшіяся въ древнемъ православномъ Богослуженіи каждую недѣлю, а въ св. Четырдесятницу и каждый день, изъ книги „Златоустъ“ и т. п., теперь, какъ сказано выше, также приходится далеко не такъ часто слышать. Но, скажутъ, все это слишкомъ устарѣло, все это написано неудобопонятнымъ древне-славянскимъ языкомъ и можетъ навести одну только тоску на слушающихъ. Допустимъ (хотя на дѣлѣ это и не такъ), что это такъ; но логично ли взамѣнъ всего этого поставить черту—оставить пустое мѣсто, совершенно пропустить весь поучительный отдѣлъ Богослуженія? Есть много прекрасныхъ проповѣдей на самыя различныя темы, какъ новѣйшихъ, такъ и болѣе древнихъ церковныхъ учителей—Іоанна Златоуста, Тихона Задонскаго, Иннокентія Херсонскаго и мног. друг.; толкованій на Евангеліе тоже не мало, напр. прекрасныя поученія на Воскресныя Евангелія Дьяченко, Прологъ также есть на русскомъ языкѣ. Что же касается синаксарей, въ которыхъ излагается сущность праздника, то ихъ легко и удобно было бы излагать священнику своими словами. Въ лучшихъ общежительныхъ монастыряхъ нашихъ (Оптина, Зосимова, Глинская пустынь и т. п.), гдѣ еще уставъ болѣе или менѣе строго соблюдается, широко пользуются сочиненіями вышеупомянутыхъ авторовъ и показываютъ при помощи ихъ безусловно большое воздѣйствіе на умъ и чувство слушателей.

Часто ссылаются на то, что теперь многіе изъ присутствующихъ въ церкви, лишь только начинается проповѣдь, уходятъ вонъ изъ храма. „Если, говорятъ они, начать говорить поученія, то никто не станетъ посѣщать храма“.. О, лукавое возраженіе, составленное не для блага ближняго, а для оправданія своихъ собственныхъ слабостей и грѣховныхъ привычекъ!

Пастырю ли учить овецъ и управлять ими, или заблудшимъ овцамъ пастыря?.. Не про наше ли время пророчествовалъ ап.

Павель, говоря: „Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху. И отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ“ (II-ое къ Тим. IV, 3—4)?

И вотъ какое наставленіе даетъ онъ по этому поводу епископу: „проповѣдуй слово, настой во время и не во время обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“. (II-ое къ Тим. IV, 2).

Церковь Христова есть „столпъ и утвержденіе истины“: только тогда она можетъ рассчитывать на всеобщее уваженіе и благоговѣніе, если она будетъ высоко нести свое знамя, если не будетъ ни въ чемъ отступать отъ истины, если будетъ всегда и неуклонно возводить своихъ чадъ отъ земнаго къ горнему, идеальному, а не сама спускаться въ преисподнюю человѣческихъ страстей. Соборныя и Апостольскія правила относительно проповѣди настолько истинны и безусловны, что отступать отъ нихъ истинной Церкви ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ. Если-бы не половина, а девять десятыхъ церкви не захотѣла бы ихъ слушать, все-таки Церковь не въ правѣ лишать одну десятую оставшихся въ храмѣ просвѣщенія и назиданія.

Впрочемъ, такое небрежное отношеніе къ проповѣди и Богослуженію обыкновенно не имѣетъ мѣста при правильной постановкѣ дѣла церковнаго, а встрѣчается только тамъ, гдѣ паства распущена и лишена пастырскаго вразумленія и назиданія.

Наказаніемъ за игнорированіе священныхъ снѣхъ правилъ служатъ религіозное невѣжество, теплохладность и равнодушіе пасомыхъ и паденіе пастырскаго авторитета, характеризующія современное православное общество.

Чтобы поднять проповѣдь на надлежащую высоту, необходимо ввести ее въ чинъ Богослуженія, дневнаго и вечерняго, какъ это было въ древне-православномъ Богослуженіи, какъ это требуется соборными и апостольскими правилами и, наконецъ, простымъ здравымъ смысломъ, а не предоставлять этого дѣла усмотрѣнію настоятелей. Только при этомъ условіи въ связи съ истовымъ исполненіемъ православнаго богослуженія получить значеніе великой духовной школы для православнаго народа, каковое въ настоящее время имъ утрачено.

Православный.

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Предъизображеніе Церкви ¹⁾.

(Евангеліе св. Іоанна, X, 1—16).

*Великаго Пастыря овецъ Господа
Иисуса* (Евр. XIII, 20).

«Да будетъ одно стадо, одинъ пастырь».

Таковы заключительныя, и тѣмъ не менѣе, по смыслу, центральныя и рѣшающія слова трехъ притчей или аллегорій о Добромъ Пастырѣ, записанныхъ св. Іоанномъ въ десятой главѣ его Евангелія.

Прежде всего нужно замѣтить, что здѣсь три разныя притчи. Въ первой Христосъ представляется истиннымъ Пастыремъ, который ищетъ доступа къ стаду и которому привратникъ отворяетъ дверь. Во второй притчѣ, Христосъ Самъ есть дверь стада, чрезъ которую всѣ должны входить, и даже болѣе, ибо Онъ прибавляетъ: «Кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ и пажить найдетъ» (ст. 9). Въ третьей притчѣ Христосъ открываетъ Себя какъ Добраго Пастыря, который знаетъ Своихъ собственныхъ овецъ и который полагаетъ Свою жизнь за Своихъ овецъ.

Прекрасно сказано, что изъ трехъ притчей первая представляетъ картину, озаряемую сіяніемъ ранняго утра; вторая изображаетъ дѣятельную полуденную жизнь и движеніе на открытомъ пастбищѣ; третья рисуетъ вечернюю сцену, когда стада въ загонѣ находятъ безопасность отъ нападеній полночныхъ волковъ.

Но главный интересъ притчей будетъ найденъ въ обстоятельствахъ, при которыхъ онѣ возникли, и которыя помогутъ намъ понять ихъ истинное значеніе. Въ этихъ притчахъ Иисусъ Христосъ полагаетъ

¹⁾ Статья Артура Карра изъ англійскаго журнала «The Expositor».

первые камни основанія Своей Церкви. Онѣ представляютъ первые ясные признаки въ этомъ Евангеліи отдѣленія отъ іудаизма; и этотъ видъ ихъ показываетъ ихъ тѣсную связь съ предшествующимъ чудомъ. Слепой человѣкъ, котораго Иисусъ исцѣлилъ, былъ изгнанъ и исключенъ изъ іудейской синагоги. Въ часъ его несчастія Христосъ нашель его и открылъ ему Себя, какъ Сына Божія. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые могли слышать голосъ Спасителя и имѣли силу (power) познать Его. Отдѣленный отъ іудаизма, этотъ человѣкъ стоялъ одинъ со Христомъ, какъ его единственнымъ прибѣжищемъ. Черезъ него перваго должно было явиться, что быть истиннымъ ученикомъ Христа несомнѣнимо съ фарисействомъ. Разсматриваемый въ такомъ освѣщеніи, слѣдовательно, этотъ случай представляетъ начало христіанской Церкви. И по этому поводу Христосъ произноситъ притчи, которыя учатъ той же самой истинѣ. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы нарисовать, какъ въ картинѣ, черты Его будущей Церкви и противопоставить ее съ праведностью фарисеевъ и той формой, которую они придали религіи Израиля.

Иисусъ не хотѣлъ уничтожить законъ. Мы знаемъ, что Онъ пришелъ исполнить законъ. Онъ пришелъ, чтобы строго порицать извращеніе закона, какового извращенія фарисеи дали замѣчательный примѣръ въ ихъ ложномъ обвиненіи, взведенномъ на Него въ нарушеніи субботняго дня и ихъ безжалостномъ поступкѣ съ человѣкомъ, исцѣленнымъ отъ слѣпоты. Они показали также ихъ недостойнство быть религіозными вождями и ихъ неспособность признать Сына Божія и понять значеніе знаменія, посредствомъ котораго человѣку, рожденному слѣпымъ, было возстановлено зрѣніе.

Въ первой притчѣ, такимъ образомъ, стадо представляетъ домъ Израиля, къ которому приходитъ Христосъ. Должно помнить, что восточный овчій дворъ строится съ высокой оградой и въ него входятъ только черезъ одну дверь, которая охраняется въ теченіе ночи придверникомъ, который, безъ сомнѣнія, не допустилъ бы войти туда никого, кому не позволено войти. Утромъ истинный Пастырь приходитъ и придверникъ отворяетъ дверь, ибо онъ знаетъ Его голосъ. Въ этихъ словахъ Христосъ выражаетъ Свое право быть единымъ истиннымъ Пастыремъ Израиля. Придверникъ — должно ли понимать подъ нимъ Бога — Отца, какъ нѣкоторые думаютъ, или Іоанна Крестителя — отво-

рываетъ дверь и Христось, истинный Пастырь, входитъ. Онъ зоветъ Своихъ собственныхъ овецъ по имени и выводитъ ихъ, т. е. Онъ основываетъ Свою Церковь, по словамъ св. Петра, изъ «столь многихъ, коихъ Господь Богъ нашъ призываетъ къ Себѣ» (Дѣянія II, 39). Это именно случилось съ человѣкомъ, который получилъ даръ зрѣнія. Иисусъ нашелъ его, и онъ услышалъ голосъ Иисуса и увѣровалъ. Должно замѣтить, что не всѣ овцы внутри двора слышали и узнавали голосъ ихъ Пастыря. Весь Израиль не слышалъ голоса Христа. Только тѣ, кто могли сказать со св. Петромъ: «Господи, къ кому мы пойдѣмъ? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Ин. VI, 68).

Здѣсь Евангелистъ замѣчаетъ, что тѣ, которые слышали эту притчу, «не поняли, что такое Онъ говорилъ имъ» (ст. 6).

Иисусъ, поэтому, въ слѣдующей притчѣ выражается болѣе ясно. Онъ говоритъ прямо: «Я дверь овцамъ... Кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ и выйдетъ и пажить найдетъ» (ст. 7—9). Мы отмѣчаемъ значеніе этихъ словъ въ виду существующаго религіознаго состоянія во Израилѣ. Здѣсь была ревниво оберегаемая теократія. Священникъ (priest) и ловить и фарисей — каждый предъявлялъ право на обладаніе ключемъ знанія, воспрещая всякій входъ въ іудейскую церковь и общину иначе, чѣмъ черезъ нихъ самихъ. Имъ Иисусъ противопоставляетъ Себя одного и говоритъ: «Я—дверь». Право, казалось, невозможное, слишкомъ великое, чтобы быть когда-либо реализованнымъ. Но исторія христіанской Церкви служить чудеснымъ подтвержденіемъ этого.

Затѣмъ Онъ прибавляетъ съ яснымъ указаніемъ на фарисеевъ и другихъ, сбивающихъ съ праваго пути учителей: «Всѣ, сколько ихъ ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники... Воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить; Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ» (ст. 10). Здѣсь на языкѣ притчи и метафоры выражено то, что Иисусъ сказалъ фарисеямъ въ другихъ словахъ: «Вы дѣлаете тщетнымъ Слово Божіе вашимъ преданіемъ» (Мр. VII, 13), или что разумѣетъ св. Павелъ, когда говоритъ: «буква убиваетъ, а духъ даетъ жизнь» (2 Кор. III, 6), т. е. буква фарисейства убиваетъ, а духъ Христа даетъ жизнь.

Эти слова, такимъ образомъ, служатъ осужденіемъ системы, которая имѣла силу и значеніе въ іудейской общинѣ въ это время, —

значеніе, которое болѣе, чѣмъ всякое другое, выразилось въ осужденіи и смерти Христа; эта система, въ теченіе долгаго времени, даже въ самой Церкви, была силой, противъ которой со всей энергіей и властью боролся св. Павелъ. Духъ іудаизма былъ самой страшной опасностью для Церкви Христовой и для чистоты апостольской проповѣди. И эту систему Господь жизни осуждаетъ однимъ спокойнымъ словомъ: «Я дверь». Съ момента произнесенія этихъ словъ было опредѣлено, что входъ въ Кафолическую Церковь совершается не черезъ іудаизмъ и обрѣзаніе, но черезъ Христа единого, черезъ крещеніе въ Его имя.

Заключительныя слова этого стиха даютъ другой признакъ Церкви. На мгновеніе картина исчезаетъ и открывается лежащая подъ ней реальность ¹⁾: „Кто войдетъ Мною, (тотъ) спасется; и войдетъ и выйдетъ и пажить найдетъ“ (ст. 9). Мысль о христіанской свободѣ и христіанскомъ господствѣ. Человѣкъ, входящій и выходящій, чтобы пастись за оградой на обширныхъ пастбищахъ, символизируетъ христіанина, о которомъ апостоль могъ сказать: «Все ваше» (1 Кор. III, 22), и который былъ наслѣдникомъ всего того, что было лучшаго и самаго цѣннаго въ накопленномъ опытѣ древняго міра (Филип. IV, 8). Онъ «нашелъ пастбище» въ мысляхъ и литературѣ Греціи, въ законахъ и дисциплинѣ Рима, какъ впоследствии въ силѣ и настойчивости тевтонскаго характера.

Въ третьей притчѣ (ст. 11—16) содержится иное и еще болѣе прекрасное откровеніе Христа—дальнѣйшее осужденіе враговъ истинной религіи и третій признакъ церкви будущаго. «Я добрый (καλός) Пастырь». Въ первой притчѣ Христосъ открылъ Себя какъ «Пастыря овецъ» — истиннаго Пастыря, который признается придверникомъ и Своими овцами. Здѣсь Онъ—«Добрый Пастырь», не только нравственно-добрый, но совершеннымъ и прекраснымъ образомъ исполняющій всѣ обязанности пастыря—не только, какъ въ первой притчѣ, приходящій рано утромъ къ Своему стаду и ведущій его изъ загона, или, какъ во второй, дающій свободную и открытую пажить и даръ спасенія людямъ, — но заботящійся о Своихъ овцахъ и даже полагающій Свою жизнь за нихъ. Это было великое откровеніе. Оно предсказывало крестъ

1) Ср. Іезекіилія XXXIV, 31.

и основаніе Церкви на жертвѣ ея Основателя. Оно предсказывало также силу и дѣйственность этой жертвы, какъ очевидности мужества и любви Добраго Пастыря.

И кто, если держаться такой интерпретаціи, суть наемники, которые въ часъ опасности «бѣгутъ отъ волка», и противопоставляются Добраму Пастырю, который полагаетъ Свою жизнь за овецъ? Конечно, ихъ не должно отождествлять съ «ворами и разбойниками, которые входятъ, чтобы украсть, и убить, и погубить» (ст. 10). Напротивъ, они люди, которые нарочно наняты, чтобы стеречь и защищать стадо, отражать опасность даже съ рискомъ собственной жизни. Эта обязанность, кажется, соотвѣтствуетъ служенію іудейскихъ священниковъ и левитовъ, на которыхъ была возложена обязанность поддерживать духовную и религіозную жизнь Израиля, и хранить его отъ смертоносныхъ и развращающихъ вліяній. Дѣлать это священники и левиты небрегли. Они допустили безъ протеста или сопротивленія господствовать ученію фарисеевъ и уничтожить всякое значеніе закона: они были не въ состояніи охранить чистоту іудейской церкви и не исполнили высокаго порученія, возложеннаго на нихъ.

Эта интерпретація подкрѣпляется намекомъ, повидимому, на эту притчу въ порученіи св. Павла пресвитерамъ Ефесской церкви, которые встрѣтились съ нимъ въ Милетѣ, о чемъ разсказывается въ Дѣянїяхъ: «Я знаю, — сказалъ онъ, — по отшествіи моемъ, войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, говорящіе превратное, чтобы увлечь учениковъ за собою» (XX, 18 и слѣд.). Христіанское священство (ministry) заняло теперь мѣсто іудейскаго жречества (priesthood). Служители (ministers) Церкви должны быть вѣрны своему долгу, защищать стадо Христова отъ ложныхъ учителей—опасныхъ волковъ, которые угрожали Церкви; и не должны быть похожи на наемниковъ, которые убѣгали при приближеніи опасности. Обращеніе къ болѣе поздней исторіи Ефесской Церкви покажетъ, что это предупрежденіе не было оставлено безъ вниманія. Эта церковь, хотя она оставила свою первую любовь, все-таки одобряется, потому что она не могла «сносить злыхъ людей», потому что испытала тѣхъ, «которые называли себя апостолами и нашла ихъ лжецами», и потому, что ненавидѣла николаитовъ (Откр. II, 1 и слѣд.). Таковы признаки Церкви, которая внимала предостереженіямъ Христа и Его апостола.

Заканчивая эту статью, нельзя не обратить вниманія на замѣчательный параллелизмъ между этими притчами, взятыми въ связи съ предшествующимъ чудомъ, и пророчествомъ о пастыряхъ Израиля въ 31 главѣ книги пророка Іезекіиля. Ибо хотя комментаторы ссылались на разныя мѣста въ Ветхомъ Завѣтѣ и на другія аллегоріи для иллюстраціи этихъ притчей, особенная знаменательность яснаго предсказанія Іезекіиля не была достаточно замѣчена. Его смыслъ заключается не только въ реализаціи идеальнаго Пастыря во Христѣ, но также и въ контрастѣ между жестокими и вѣроломными пастырями стада Господня и Добрымъ Пастыремъ, сопоставляемыми въ одномъ мѣстѣ. И не только въ этомъ, но и въ контрастѣ между церковью, развращенной и погубленной ложными учителями и недобросовѣстными правителями, и церковью, усовершенной присутствіемъ и руководствомъ Божественнаго Пастыря.

У Іезекіиля, «овцы были разсѣяны, потому что не было пастыря, и сдѣлались пищей для всѣхъ полевыхъ звѣрей» (ст. 5). У св. Іоанна, слѣпой нищій отвергается іудеями и *обрътается* Христомъ—случай, который даетъ ключъ къ притчѣ, — такъ, у Іезекіиля Господь Богъ потребуетъ овецъ Своихъ отъ руки злыхъ пастырей (ст. 10); и «Я Самъ отыщу овецъ моихъ и осмотрю ихъ» (ст. 11). Какъ Христосъ пришелъ, чтобы Его овцы «имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ» (ст. 10), такъ стадо Господне «будетъ отдыхать на хорошемъ загонѣ и будетъ пастись на тучной пажити на горахъ Израилевыхъ» (Іез. XXXIV, 14).

Но самый замѣчательный и назидательный параллелизмъ находится между предсказаніемъ Іезекіиля:—«Я поставлю надъ ними одного пастыря, который будетъ пасти ихъ, раба Моего Давида; онъ будетъ пасти ихъ, и онъ будетъ у нихъ пастыремъ» (XXXI, 23)—и словами Христа: «Я добрый Пастырь... они услышатъ Мой голосъ, и будетъ одно стадо, одинъ Пастырь» (ст. 14, 16).

Это—послѣдній и самый важный признакъ Церкви будущаго, содержащійся въ этихъ притчахъ. Другіе признаки Церкви, предъизображенной въ этихъ притчахъ, достигли исполненія. Но въ теченіе столѣтій казалось намъ, будто идеаль единства, предсказанный Іезекілемъ, подтвержденный Христомъ, и сильно желаемый Его вѣрными учениками—овцами многихъ стадъ—погибъ безвозвратно. Въмѣсто единства людямъ приходилось быть свидѣтелями не только раздѣленія въ

Церкви Христовой, но сильной ненависти между церквами и христіанскими общинами, которыя въ настоящее время сходятся въ основномъ (are fundamentally agreed), но несутъ наказаніе за забытые споры и прошлую небрежность.

Но какъ бы то ни было, обѣтованіе и предсказаніе Учителя подтверждаетъ, что единство есть признакъ Его Церкви. Если исторія чему-нибудь научила, она научила тому, что въ этомъ единствѣ должно быть различіе—различіе практики и организаціи. Съ самаго начала были различія, зависѣвшія частью отъ національнаго характера и традиціи, частью отъ индивидуальнаго темперамента и воспитанія; но еще болѣе часто отъ ложнаго пониманія. Есть страницы церковной исторіи, которыя, въ интересахъ не только мира, но и истины, должны бы быть переписаны вновь (rewritten) или уничтожены (unwritten), потому что онѣ наполнены споромъ о вещахъ недоказуемыхъ или несущественныхъ. Иногда проблескъ желаемаго осуществленія сверкаетъ въ выраженіяхъ, которыя слышатся оттуда, откуда не ожидаешь слышать. Одни изъ самыхъ послѣднихъ словъ папы Льва XIII служатъ примѣромъ этого. Въ первый день своей роковой болѣзни умирающій папа сложилъ нѣсколько латинскихъ стиховъ, заключеніе которыхъ напоминаетъ нѣкоторыя выраженія Псалма XLII:

Quid te tanta premit formido? Quique peracti
 Quid seriem repetens tristia corde foves?
 Christus adest miserans, humili veniamque roganti
 Erratum—ah fidas—eluet omne tibi.

(Зачѣмъ угнетаетъ тебя столь великій страхъ?
 Зачѣмъ ты, вспоминая о прошедшемъ, въ сердцѣ согрѣваешь печаль?
 Милосердый Христосъ находится близъ тебя; всякій
 Грѣхъ, повѣрь, Онъ омоетъ тебѣ—смиренному и просящему прощенія).

Слова, подобныя этимъ, служатъ фундаментомъ христіанства. И на такомъ именно основаніи можетъ быть построено существенное единство, и это возможно, прежде чѣмъ это столѣтіе сведетъ счеты съ прошедшимъ, возможно, *задолго* до того (possibly before this century is reckoned with the past, possibly *long* before that), такъ что слова Учителя могутъ еще исполниться: „Одно стадо, одинъ Пастырь“.

С. Звѣринскій.

Антихристіанское лжеученіе спиритизма.

«Первое условіе всякаго ученія (доктрины)—быть логичнымъ». «Сила спиритизма—въ его философіи, въ его призывѣ къ разуму (raison) и къ здравому смыслу».

Алланъ Кардекъ. «Книга Духовъ», 55 и 457.

«Спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ?»

Исаія 8, 19.

§ 1. Предварительныя понятія о составности природы человѣка и о полнотѣ его жизненныхъ силъ.

Главная отличительная черта спиритизма заключается въ признаніи вещественнаго общенія людей съ душами умершихъ и перевоплощенія ихъ на землю и на другія планеты.

Начала этихъ воззрѣній проникаютъ въ глубочайшую древность, и спиритизмъ входилъ въ тайныя ученія жрецовъ египетскихъ храмовъ, коихъ основа была метампсихоза, т. е. переселеніе душъ людей въ животныхъ и птицъ. Корни спиритизма усматриваются также и въ индійскихъ вѣрованіяхъ. Еврейскій каббализмъ, эллинскій пифагоризмъ, средневѣковая алхимія, астрологія, магія, мистика и мранкмасонство не чужды отчасти спиритическихъ вѣрованій и признаній, какъ со стороны ученія, такъ и со стороны приложенія и проявленія. Спиритизмъ входитъ въ число знаній, извѣстныхъ подъ названіемъ таинственныхъ, сокровенныхъ, т. е. оккультическихъ. Но современный спиритизмъ непосредственно выросъ изъ ученій Месмера и Бредда о животномъ магнетизмѣ, а часть его явленій, называемыхъ гипнотизмомъ, даже признана современною положительною наукою. Такъ что месмеризмъ (или бреддизмъ) съ одной стороны и оккультизмъ съ дру-

гой производители духовызывательскаго спиритуализма и перевоплощенническаго спиритизма. До 1848 г. спиритизмъ еще не обособлялся, не выдвигался, какъ особое ученіе. Таинственные стуки въ Аркадіи въ домѣ Уикманъ, въ Гайдесвилль въ Ньюйоркскомъ Штатѣ Сѣв. Америки въ семействѣ Фокса были тою поворотною гранью, отъ которой сталъ развиваться собственно спиритуализмъ или спиритизмъ, какъ таковые. Сперва стуки (духостучаніе) и столоверченіе, потомъ планшетное писаніе (столописаніе), затѣмъ вызваніе замогильныхъ духовъ, ихъ матеріализація и сниманіе съ нихъ фотографій—было рядомъ новыхъ спиритическихъ проявленій, которыя возбудили къ себѣ интересъ ученыхъ естествоиспытателей и мыслителей. Нѣмецкіе мыслители возвели спиритизмъ на высоту философіи, французскіе же пропагандисты влили спиритизмъ въ религіозно-нравственную доктрину. Образовались въ Западной Европѣ многочисленныя общества, съ представителями науки во главѣ съ цѣлью изученія явленій спиритизма. Таковы: Англійское Общество для психическихъ изслѣдованій, основанное въ 1882 г., Общество трансцендентальной физики и психологіи въ Берлинѣ. Спиритическая философія и спиритическое вѣроисповѣданіе съ особымъ молитвеннымъ культомъ были тѣми составными частями, изъ которыхъ образовалась своеобразная вѣротерпимая секта и сектантскія общества съ особыми спиритическими радѣніями, называемыя „сеансами“. Спиритизмъ въ этомъ видѣ является предметомъ величайшаго интереса. Обратимъ вниманіе на то, что индійскій спиритизмъ древности сохранился и по сей день въ спиритизмѣ факировъ. Буддуизмъ (или буддизмъ), благодаря спиритамъ и нѣмецкимъ мыслителямъ, перенесенъ въ Европу и образовалъ общества подъ названіемъ теософическихъ. Замѣтимъ также, что средневѣковая алхимія, астрологія, магія (бѣлая и черная), каббала, мистика, франкмасонство сохранились и по сіе время, образуя ордена и тайныя общества, напр. ордена Мартинистовъ и каббалистическій орденъ Креста-Розы и др. Не забудемъ наконецъ, что оккультизмъ, какъ особое знаніе, имѣетъ своихъ профессоровъ и ученыхъ докторовъ, и всѣ эти отрасли знанія и ихъ представители принимаютъ спиритизмъ какъ бы подъ свое покровительство, опредѣляя для него особое мѣсто на ряду съ другими оккультическими занятіями и знаніями. Спиритическія общества, соприкасаясь въ своемъ ученіи съ оккультизмомъ, въ

то же время по дѣятельности принадлежать къ числу тѣхъ обществъ или сектъ, которыя пытаются воспроизвести необычныя явленія посредствомъ возбужденія и атрофированія нервности человѣка. Связь между всѣми указанными вѣтвями общественныхъ группировокъ основывается на ихъ признаніи въ человѣкѣ особой, помимо плоти (трупа), матеріальной составности, названной различно: то астральнымъ тѣломъ, то переспритомъ и т. п. Вотъ почему знакомство со спиритизмомъ должно начаться съ изученія составности человѣческой природы. Въ этомъ спиритизмъ главнымъ образомъ и окончательно расходится съ христіанствомъ, и дѣятельность спиритовъ часто безсознательно направлена, какъ и франкмасонство, къ низведенію и уничтоженію христіанства, несмотря на то, что спириты считаютъ часто себя вѣро-терпимыми и на видъ отъ христіанства вообще и даже отъ православія не отказываются.

Прежде, чѣмъ выступить противъ спиритическихъ теоретическихъ измышленій, намъ нужно приготовить и хорошенько вооружиться и только во всеоружіи богословскаго и философскаго знанія идти въ походъ противъ врага христіанства, быть можетъ, самаго злѣйшаго и вѣроломнѣйшаго изъ всѣхъ, ибо врагъ этотъ одѣлся въ овечью шкуру, какъ волкъ. Спиритизмъ облачается въ ризу христіанства, проповѣдуя любовь и милость съ одной стороны, язычество, духовызываніе и метампсихозу съ другой. Прощеніе и совершенство предсказывается имъ рѣшительно всѣмъ, даже падшимъ ангеламъ и діаволамъ, и такимъ образомъ льстиво сулитъ онъ чрезвычайныя блага каждому безъ исключенія, что противорѣчитъ всѣмъ пророчествамъ и откровеніямъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Отсюда необыкновенное довольство и душевное самоудовлетвореніе спиритовъ, ученіе которыхъ составляетъ какъ бы новую форму квіетизма въ нашей современности.

Нашъ походъ предпринять во имя истины и будетъ чисто умозрительнаго свойства. Его поле сраженія — философско-богословское разсмотрѣніе истинъ, а потому всякая ложь, хотя бы она исходила такъ называемыхъ «высшихъ духовъ», считается нами предметомъ нашего разбора. Вотъ почему и вооруженіе наше будетъ состоять только изъ запаса правильно понятыхъ и правильно опредѣленныхъ коренныхъ философскихъ и духовныхъ основоположеній. Такихъ опредѣленій потребуется небольшое количество, всего три—четыре: что есть

Богъ, безконечность, духъ и душа, тѣло? Но такъ какъ они безусловно необходимы для правильнаго пониманія спиритическаго вопроса, то мы и предпочитаемъ въ нихъ утвердиться заблаговременно.

Всѣ коренныя понятія, опредѣленіе которыхъ нужно намъ установить, относятся къ областямъ тѣлесности, душевности и духовности, т. е. составности нашей природы, нашей полноты, а потому первымъ вопросомъ, которымъ мы займемся, будетъ опредѣленіе полноты сторонъ жизни человѣка.

Изъ числа многоразличныхъ ученій о составности человѣка главныхъ три:

1. *Одноосновное*—чисто матеріалистическое; по сему ученію человѣкъ есть функція или продуктъ одной матеріи.

2. *Двуосновное*, по которому человѣкъ состоитъ изъ плоти и души, причемъ подъ душою разумѣютъ либо жизненное начало (*principe vital*)—это ученіе виталистовъ; либо силу—это ученіе виртуалистовъ; либо собственно душевное начало (*principe animal*) по ученію анималистовъ, либо начало умственно-разсудочное по ученію рационалистовъ, или же начало смутно понимаемаго духовнаго по ученію спиритуалистовъ.

3. *Трехъосновное*—христіанское, по коему человѣкъ состоитъ изъ тѣла (плоти), души и духа, причемъ душа и духъ принимаются за два отдѣльныя начала и до, и по смерти хотя и слитно пребывающія и безсмертныя по существу, но оба по смыслу и значенію раздѣльныя другъ отъ друга.

4. *Многоосновное*, когда составность человѣка раздробляется на еще большее число самостоятельныхъ частей, какъ это дѣлаютъ современные теософы.

Изъ всѣхъ этихъ ученій мы будемъ держаться христіанскаго ученія, выраженнаго Апостоломъ Павломъ въ его посланіяхъ и принятаго Отцами Церкви и современными учеными богословами не только православнаго, но и инославнаго міра (еп. Теофанъ, Мертенсъ, Лютардтъ, Бетексъ и др.). Яснѣе всего ученіе это выражено въ 1-мъ посланіи Ап. Павла къ Фессалоникійцамъ, гл. 5, ст. 23; «Самъ Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ, и душа, и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа Нашега Иисуса Христа».

§ 2. Что есть вещество?

На основаніи современной науки и современнаго любомудрія, главнымъ образомъ по ученію Канта и его послѣдователей, матеріей, веществомъ или плотью должно назвать все то, что требуетъ для своего существованія пространства, времени и механической необходимости или причинности. Вещество иначе немислимо, оно—все то, что наполняетъ пространственный объемъ, все, что подвергается измѣненію во времени и проявляется, какъ слѣдствіе механической причины, подчиняясь неуклонно законамъ природы, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ наукъ естественныхъ.

§ 3. Что есть духъ?

Духъ—все то, что не вещество. Духъ поэтому внѣ времени, поверхъ и понизъ времени, онъ преждевремененъ и впереди всякаго времени,—онъ вѣченъ. Духъ внѣ пространства, онъ всюду и нигдѣ; онъ подъ пространствомъ и надъ пространствомъ,—онъ вездѣсущъ. Духъ внѣ механической причины, т. е. безгранично свободенъ, можетъ творить новое изъ ничего безъ всякаго понужденія, ибо самъ причина всего, имъ сотвореннаго—онъ сверхъестественъ, чудотворящъ.

Итакъ, все, что вещество, то не духовно, все, что духовно,—то не вещественно (сверхъестественно). Признаки и свойства духа не приложимы къ веществу, признаки и свойства вещества не приложимы къ духу. Они, можно сказать, составляютъ его существенность, тогда какъ признаки и свойства духа составляютъ его суть. Одно есть безусловное отрицаніе другого, одно безусловно независимо отъ другого.

§ 4. Что есть душа и тѣло душевное?

Духъ и тѣло (плоть) были бы абсолютно несовмѣстимы, если не существовало третье начало *душевное*, которое совмѣщаетъ плотъ и вещество съ духомъ и духовностью, но совмѣщаетъ только въ сознающей особи, въ лицѣ совѣстливомъ, въ свободной личности. Связь вещества, матеріи и плоти исключительно съ душою неодоухотворенною такъ же возможна, какъ связь души съ духомъ, т. е. одуховленіе души

безъ плоти, хотя способной пріять оболочку изъ тончайшей эфирной матеріи. Къ первой категоріи принадлежатъ животныя: скоты, гады, звѣри земные и др., ко второй—людскія души безсмертныя послѣ земной смерти, ангелы и аггелы и другіе небожители.

Слово „*тѣло*“ имѣеть два смысла: тѣло—плоть, вещественный составъ нашего плотскаго тѣла, и тѣло—идейное, напримѣръ тѣло Церкви Христовой. Тѣло въ этомъ смыслѣ есть организація, членосоставность (строй, созданіе, домостроительство), т. е. соборъ частей, подчиненныхъ единству, полнотѣ и цѣлокупности всего цѣлага. Отсюда—тѣло плотское (его идейный образъ), тѣло душевное и тѣло духовное.

Повторяемъ, душа человѣческая есть связь вещества (плоти) съ нашимъ сознающимъ „я“, т. е. душа есть связь нашей плоти съ духомъ. Душа животнаго есть связь плоти съ несознающимъ себя, а лишь инстинктивнымъ чувствомъ особи. Животное безсловесно и сознательность выразить словомъ не въ состояніи; его душа не одухотворена. Во всякомъ случаѣ *душа не вещество*, но способна связываться съ веществомъ и облекаться въ тончайшую свѣтовую оболочку. Она связывается съ плотью въ тѣлѣ человѣка посредствомъ самыхъ тонкихъ частей этой плоти, въ подвижныхъ измѣненіяхъ кровообращенія, т. е. она присутствуетъ при постоянномъ обмѣнѣ воздѣйствія нервной мозговой работы на всѣ ткани тѣла. Поэтому въ Ветхомъ Завѣтѣ прямо указывается, что сѣдалище души въ крови. *Душа не духъ*, но способна воспринять всѣ воздѣйствія духа и связаться такъ тѣсно, что многіе богословы отождествляютъ ихъ окончательно (напр. Гиляревскій) и считаютъ ихъ нераздѣльными. Но смѣшивать ихъ нельзя уже потому, что и звѣрей, имѣющихъ безспорно души, нужно было бы признать одухотворенными, а у нихъ душа не одуховлена. Что звѣри земные получили отъ земли душу живую, о томъ свидѣтельствуетъ книга Бытія Моисея. Книга Бытія говоритъ также о томъ, что созданный изъ праха земнаго человѣкъ, начиная отъ Адама, перваго духовнаго человѣка, будучи также душою живую, получилъ отъ Господа Бога дыханіе жизни, т. е. изъ душевнаго творенія сталъ духовнымъ созданіемъ.

Итакъ, душа по своему существу не свободное начало, а опредѣлительное; она детерминична, т. е. на нее налагаются предѣлы съ

двухъ сторонъ: со стороны плоти, образующей тѣло, и со стороны духа, т. е. произвола его творческой свободы и самоотвѣтственности. Отсюда громадная разница между душой, детерминистической частью человѣка, и духомъ,—стороной свободотворческаго почина. Свобода только въ духѣ, отвѣтственность человѣка въ жизни зависитъ только отъ свободы духа. Животныя съ душою живою, но безъ вдуновенія въ нихъ дыханія жизни Господа Бога,—не отвѣтственны, ибо духовно не свободны. Душа и плоть связаны необходимостью подчиниться внѣшнимъ и внутреннимъ законамъ: психическимъ, физиологическимъ, космическимъ и т. п. Духомъ же человѣкъ свободенъ и отчасти свободотворенъ, но за то и отвѣтственъ за свою свободу и за качество своего творчества. Тѣло же подвергается вліянію душевныхъ способностей, руководимыхъ духовными личными силами.

Итакъ, тѣломъ (плотью) человѣкъ проявляетъ свою вещественную сущность, душою—свою психическую сущность (естество), а духомъ—свободную совѣтливую суть. Тѣломъ человѣкъ—*фактъ*, предметъ, душою—*актъ рожденія*, явленіе, а духомъ—*инициатива*,—свободный починъ.

Все плотское, тѣлесное по своей природѣ, т. е. по своей сущности, заключаетъ въ себѣ три свойства: 1) *питаніе*—плототвореніе, 2) *движеніе* и 3) *чувствительность*. Все душевное по своей природѣ, т. е. по сущности своей, заключаетъ въ себѣ три способности; *разумъ, чувство и желаніе* (воля не свободная). Все духовное по своей природѣ, т. е. по своей сути, состоитъ изъ трехъ даровъ: *боговѣднія* и страха Божія (даръ вѣры), *самосознанія* (даръ совѣсти, отвѣта или отвѣтственности) и *свободы воли* (даръ свободотворческаго произволенія).

§ 5. Промежуточные составныя части: тѣлодушевность и душедуховность.

Какъ ни кратка эта картина нашей составности, она представляетъ изъ себя уже довольно развитую сложность, что вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что человѣкъ—наиболѣе совершенное созданіе на землѣ и наиболѣе сложное изъ всѣхъ живущихъ существъ.

Но для вѣщаго выясненія спиритическихъ явленій всякаго рода, т. е. практической прикладной части ученія, а именно его таинственныхъ проявленій, намъ нужно указать еще на одну подробность въ сложной составности человѣка, безъ которой нельзя будетъ разграничить вышеперечисленныя явленія отъ явленій, повидимому, того же свойства, но по сути совершенно противоположнаго качества, каковы: знаменія, пророческія видѣнія, откровенія, боговидѣнія, богоборство, богоношеніе, преображеніе, восхищенія даже до седьмого неба и другія чудеса изъ духовной жизни святыхъ угодниковъ Божіихъ, апостоловъ, пророковъ и Самого Господа нашего Іисуса Христа.

Такъ какъ человѣкъ существо цѣльное и связанное, то въ немъ всѣ три стороны его составности не разграничены рѣзко, а соединены съ нѣкоторою постепенностью, и между плотью и душою и духомъ и душою образуются промежуточныя состоянія тѣлодушевности (между плотью и душою) и душедуховности (между душою и духомъ). Въ первыхъ явленіяхъ участвуютъ совмѣстно два начала—плотское и душевное, во вторыхъ—душевное и духовное.

Первыя явленія разсудочно-физиологическія,—область настоящаго *мистицизма*, флюидизма, прилога или навожденія; вторыя—сознательно-творческія, какъ напр. наша умственно-сердечная молитва, — область эта духовнаго созерцанія и озаренія.

Принимая во вниманіе эти дополнительные подраздѣленія, полнота человѣка будетъ пяти-членная: плоть, тѣло душевное, душа, душедуховное и духъ. Грань между плотью и душевностью нѣкая эфирная оболочка тоньше и прозрачнѣе свѣта. Душедуховное отъ всего тѣлеснаго, плотскаго отдѣлено тою-же эфирною свѣтовою оболочкою. Мы ограничимся этими пятью членами и дальнѣйшія подробности и тонкости оставимъ безъ разсмотрѣнія. Предварительныя понятія о составности были необходимы; безъ нихъ, какъ безъ азбуки и словаря, мы не могли бы разобраться въ спиритизмѣ, въ его запутанномъ велемудріи, въ его научныхъ изысканіяхъ, ибо въ немъ, на ряду съ вѣрными фактами и мыслями, незамѣтно вкраплены недопустимыя неправильности язычества и несообразныя увѣренія модныхъ западныхъ ученій, отравляющія въ конецъ всю систему. Плевелы и доброе сѣмя всѣяны въ поле спиритизма одною рукою. Намъ изъ всего сказаннаго необходимо обратить особое вниманіе и усвоить себѣ крѣпко безъ ко-

лебанія одно: *вещество не есть духъ, и духъ не содержитъ въ себѣ ничего рѣшительно матеріальнаго*. Это положеніе составляетъ основу всякой духовной дисциплины и краеугольный камень всякаго вѣроисповѣднаго ученія. Второе—промежуточная область плотдусевная есть область мистицизма (психургизма), а промежуточная область душедуховная есть область созерцанія, духовнаго настроенія, озаренія, чудотворенія.

Второй важный вопросъ, который требуется выяснитъ предварительно: о какомъ именно спиритизмѣ намѣрены мы бесѣдовать?

§ 6. Французскій спиритизмъ Аллана Кардека.

Слово *спиритизмъ* просто сбиваетъ всѣхъ съ толку, и его давно бы пора замѣнить болѣе общимъ обозначеніемъ, не содержащимъ въ себѣ никакого намека на гипотезу, на вѣроученіе, а означающимъ лишь тѣ таинственныя явленія, которыя придаютъ соблазнительную занимательность всему ученію. Спиритизмъ имѣетъ собственно два отдѣльныя значенія и слѣдовательно долженъ имѣть и два наименованія: 1) для особаго ученія, слагающагося изъ духосообщеній, получаемыхъ черезъ медіумовъ въ сеансахъ; 2) для обозначенія явленій, причина которыхъ находится внѣ нашей области бытія, т. е. производимыхъ якобы душами покойниковъ. Мы же этимъ явленіямъ загробнаго вмѣшательства въ нашу жизнь склонны дать другое наименование, а именно словомъ Вл. Соловьева — *психургическія*, и оставляемъ слово *спиритизмъ* для обозначенія философскаго лжебогословскаго ученія.

Какъ ученіе, спиритизмъ не есть одно опредѣленное міровоззрѣніе и жизнепониманіе. Почти каждый спиритъ, какъ свободомыслящій протестантъ, мыслить по своему и ничуть не руководствуется спиритическими духооткровеніями самыхъ возвышенныхъ духовъ. Большинство спиритовъ ни мало не заботится о цѣльности исповѣданія, и нѣкоторые изъ нихъ, признавая бездуховныя души, отрицаютъ Св. Троицу и Господа Иисуса Христа, какъ Бога, въ то же время исполняютъ таинства и требы Православной Церкви. У нихъ православныя вѣрованія, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, сплѣтаются съ обрывками научныхъ знаній, и каждый подмѣшиваетъ къ спиритизму то, что ему по сердцу, и останавливается на тѣхъ сторонахъ спиритическаго ученія,

которыя для него особенно успокоительны и особенно прилились по вкусу.

Спиритъ обыкновенно эклектикъ, и его смѣсь вѣрованій и убѣжденій замѣчательно пестрая. Спириты, какъ въ прежнее время односторонніе матеріалисты, наивно воображаютъ, что имѣютъ дѣло съ достовѣрностями, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ вращаются въ области узкаго отвлеченія, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющаго. Такихъ матеріалистовъ б. проф. Юрьевскаго университета Тейхмюллеръ называетъ наивными матеріалистами. Подобно этому спиритизмъ иныхъ часто также спиритизмъ наивный. Успѣхъ спиритизма въ Россіи, обладательницѣ св. Православія, чисто сохранившей христіанское ученіе, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что большинство нашей интеллигенціи, позабывъ высокія истины Православія, понимаетъ крайне смутно все *духовное* и не знакомо съ духовными твореніями отцовъ Церкви и богослововъ. Интеллигенція относится крайне враждебно ко всему, что напоминаетъ церковь, церковность, духовность и духовную жизнь. Хотя наше матеріалистическое воспитаніе прошлаго столѣтія приучило почти всѣхъ интеллигентовъ смотрѣть на все исключительно съ рациональной точки зрѣнія, но духовныя запросы не вполнѣ заснувшей совѣсти окончательно заглушены быть не могли, а потому, когда появилась иноземная проповѣдь, затрагивавшая вопросы духовнаго свойства, въ большинствѣ случаевъ поверхностно и часто даже духовно только по имени, многіе духовно неустойчивые православные кинулись на эту заморскую проповѣдь. Намъ ярко помнится Редстокъ съ его религіозно-проповѣдническими сеансами, оставившій слѣдъ свой въ нашемъ высшемъ обществѣ въ лицѣ Пашкова и его послѣдователей штундистовъ; помнится и Бедеръ, протестантскій проповѣдникъ, во всякомъ случаѣ болѣе талантливый, чѣмъ мало свѣдущій въ духовныхъ дѣлахъ Редстокъ; наконецъ, памятно и увлеченіе спиритуалистомъ Юмомъ, родственникомъ по женѣ спирита А. Н. Аксакова. Все, мало-мальски относящееся до духовной жизни этихъ названныхъ пропагандистовъ, принималось нашей духовно неразвитой публикой безъ критики, безъ провѣрки. Духовность смѣшали съ „духами“, замогильными тѣнями, и спиритизмъ, что въ переводѣ означаетъ „ученіе о духахъ“, нашель многочисленныхъ послѣдователей, которые составили кружокъ, своего рода секту.

Кромѣ этихъ самоличныхъ спиритовъ, есть цѣлый рядъ ученѣйшихъ и благонамѣренѣйшихъ людей, которые выразили ученіе въ стройныхъ распорядкахъ. Карль Дю-Прель создалъ философію мистичизма и основывалъ свои положенія на допущеніи реальности четырехмѣрныхъ существъ. Нашъ соотечественникъ пок. А. Н. Аксаковъ составилъ лучшее руководство по прикладному спиритизму ¹⁾. Маркизь Ипполитъ Денизаръ Риваль собралъ и истолковалъ въ 1858 году духосообщенія, полученныя имъ черезъ посредство прорицательницы Целины и сомнамбулки г-жи Бодэнъ, и составилъ возможно полное и многостороннее вѣроученіе. Онъ-то и придумалъ для него самое названіе „*спиритизмъ*“ и явился основателемъ такъ называемаго французскаго спиритизма. Маркизь Риваль считалъ себя перевоплотившимся духомъ Аллана Кардека, принялъ это имя за псевдонимъ. Болѣе полного и обстоятельнаго изложенія философскаго ученія спиритизма, какъ спиритизмъ Аллана Кардека, не существуетъ. Всѣ разновидности этого ученія изложены далеко не такъ полно, но все же исповѣдуютъ метампсихозу и занимаются вызываніемъ мертвыхъ. Одно изъ видоизмѣненій составляетъ спиритуализмъ американскій. Его отличіе отъ французскаго заключается въ томъ важномъ утвержденіи, что перевоплощеніе возможно отъ одной планеты на другую, и отрицается перевоплощеніе на ту же планету. Такое ученіе назовемъ планетной метампсихозой ²⁾. Французскій спиритизмъ признаетъ и планетную, и земную метампсихозы. Представителемъ американскаго спиритуализма былъ знаменитый медиумъ Даніель Дангласъ Юмъ, который и выяснилъ намъ лично эту разницу.

Спиритизмъ А. Н. Аксакова занимается исключительно медиумическими явленіями, называемыми психургическими (терминъ Вл. Соловьева). Онъ съ презрѣніемъ отвергалъ положенія ученія Аллана Кардека, былъ однимъ изъ непримиримыхъ противниковъ его и такимъ оставался до конца. Насколько спиритизмъ Аксакова опытнаго, настолько спиритизмъ Аллана Кардека богословско-философскаго направленія. Въ Россіи выдвинулся въ спиритической области инженеръ

¹⁾ Лучшій критическій разборъ спиритизма данъ въ трудѣ Франка Подмора «Спиритизмъ», вышедшій недавно въ переводѣ на русскій языкъ Петрово-Соловово.

²⁾ На солнце люди почему-то не перевоплощаются.

путей сообщенія Карышевъ, писатель также противоположнаго Аксакову стана, ибо утверждаетъ, что спиритизмъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую впалъ и позитивизмъ. Вся дѣятельность спиритовъ, пишетъ онъ, направлена исключительно на доказательство реальности медиумическихъ явленій и къ собиранію фактовъ проявленія загробной жизни между живущими. У спиритовъ такъ же, какъ и у позитивистовъ, все вниманіе обращено на обогащеніе экспериментальной части, а другая, умозрительная часть знанія, по его мнѣнію, положительно отсутствуетъ. Спиритуалистическою философійю Аллана Кардека Карышевъ не удовлетворяется, и на нашъ вопросъ, гдѣ же напечатанъ правильно-понятый спиритизмъ, Карышевъ отвѣтилъ намъ, что такой книги еще нѣтъ. Если необходимо охарактеризовать спиритическое направленіе самого Карышева, то, кажется, вѣрнѣе всего назвать его эфиризмомъ, ибо эфиръ и эфирологія, повидимому, имѣетъ въ его ученіи первенствующее значеніе.

Заранѣе объявляемъ, что по убѣжденію нашему мы стоимъ относительно явленій спиритизма скорѣе на сторонѣ Аксакова, не раздѣляя, впрочемъ, его неправильнаго взгляда на происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ присутствія матеріальныхъ призраковъ и относимся совершенно отрицательно и къ теоріи Карышева—эфиризму, и къ философійю Аллана Кардека, ученіе котораго, какъ основателя и главнаго представителя собственнаго спиритизма, а не его послѣдующихъ видоизмѣненій, будетъ предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Итакъ, ни ученія Аксакова, ни ученія Карышева, ни Дю-Преля мы не разсматриваемъ. Нашъ трудъ относится только къ ученію Аллана Кардека.

Все ученіе Аллана Кардека изложено въ семи книгахъ. Главное его основное сочиненіе „Книга духовъ“ представляетъ изъ себя подробнѣйшій толковый катехизисъ спиритизма. Существуетъ и краткій катехизисъ подъ названіемъ „Что есть спиритизмъ?“ Начатки же этого ученія изложены въ маленькой книжкѣ „Спиритизмъ въ его простѣйшемъ выраженіи“. Всѣ эти книги догматическаго характера. Коренная книга всего спиритизма „Книга духовъ“ названа составителемъ спиритуалистическою философійю и содержитъ всѣ начала спиритической доктрины: ученіе о душѣ, какъ квинтэссенціи матеріи, и о безсмертіи ея, о природѣ духовъ, т. е. замогильныхъ привидѣній, и ихъ сноше-

ній съ людьми, о законахъ нравственности, не признающей существенной разницы между добромъ и зломъ, о жизни настоящей и о жизни грядущей, о будущности челоуѣчества и т. д. Прикладная часть спиритизма и его опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій изложены Кардекомъ въ „Книгѣ медіумовъ“, путеводителѣ медіумовъ и вызывателей, которая представляетъ изъ себя продолженіе „Книги духовъ“ — „Евангеліе по спиритизму“ содержитъ объясненіе изреченій Христа, ихъ согласованіе съ спиритизмомъ и примѣненіе къ различнымъ обстоятельствамъ жизни. Книга „Бытія“ Кардека есть толкованіе пророчествъ и чудесъ по спиритическимъ воззрѣніямъ. Книга „Небо и Адъ“ содержитъ толкованіе о божественной справедливости, изслѣдованіе ученія о смерти, небѣ, адѣ, чистилищѣ, ангелахъ и чертяхъ. Изъ одного этого перечня видно, что вопросъ поставленъ достаточно многосторонне, а потому даетъ возможность широко судить о его достоинствахъ и недостаткахъ. Намъ хотѣлось бы назвать спиритизмъ Аллана Кардека, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, отдѣльнымъ именемъ, чтобы выдѣлить его какъ отъ наивнаго спиритизма салоннаго баловства столоверченія, такъ и отъ теософскаго индійскаго факиризма, соприкасающагося съ спиритизмомъ. Проще всего было бы назвать его *алланкардизмомъ* по первоначальному имени перевоплощеннаго маркиза Риваля; но такая переименовка не законна, ибо самъ перевоплощенный въ маркиза Риваля духъ Аллана Кардека назвалъ, придумавъ и самое слово, свое ученіе спиритизмомъ. Это его слово, и потому оно неотъемлемая принадлежность его ученія. Наоборотъ, всѣ разновидности, отступающія отъ Кардековскаго спиритизма, должны присвоить себѣ новыя наименованія. Франкъ Подморъ въ своемъ историческомъ и критическомъ изслѣдованіи „Спиритизмъ“ (переводъ съ англійскаго М. Петрово-Соловова. СПб. 1904 г. стр. 5) указываетъ, что съ употребленіемъ слова „спиритуализмъ“ связана двусмысленность, такъ какъ этотъ терминъ обыкновенно употребляется для опредѣленія философской системы или, точнѣе, философскаго образа мыслей. Этотъ терминъ служитъ также для опредѣленія вѣры въ общеніе съ духами умершихъ. Другому обозначенію „спиритизмъ“ внѣ предѣловъ Франціи не удалось войти въ общее употребленіе. „Кромѣ того въ Англии оно часто употребляется спиритами для обозначенія особенной формы ихъ вѣрованія, ученія о перевоплощеніи, связаннаго съ име-

немъ Аллана Кардека“. Въ этомъ послѣдуемъ примѣру указанныхъ англійскихъ спиритовъ.

Опредѣливъ, какой именно спиритизмъ занялъ наше вниманіе, намъ нужно также точно указать, какое вѣроисповѣданіе христіанства будемъ имѣть въ виду.

§ 7. Изъ числа христіанскихъ вѣроисповѣданій—протестантскаго сектантства, ватиканскаго католичества и восточнаго соборнаго Православія, мы будемъ руководствоваться міровоззрѣніемъ исключительно вселенской соборной церкви.

Теперь нѣсколько словъ о христіанствѣ. Къ сожалѣнію, историческое христіанство не есть однородное вѣроученіе, въ немъ нѣсколько исповѣданій и нѣкоторыя изъ нихъ кореннымъ образомъ отличаются отъ истиннаго ученія Христа, переданнаго Евангелистами, Апостолами и принятаго вселенскою церковью. Христіанство то возводитъ своихъ епископовъ до непогрѣшимости божества (Ватиканъ), то низводитъ божество Иисуса Христа до милаго пропагандиста, любезнаго учителя идеалиста (Ренанъ, Гарнакъ).

Христіанство въ настоящее время выразилось тремя направленіями.

I. Христіанство личнаго вѣрованія, признаваемое каждымъ вѣрующимъ отдѣльно на свой страхъ и совѣсть и толкующее ученіе по своему и только для себя лично, подобно тѣмъ спиритамъ, которые, не придерживаясь ученія Аллана Кардека, измышляютъ свой собственный спиритизмъ. Быть можетъ, спиритизмъ иныхъ такихъ особовѣровъ подходитъ близко къ лжехристіанству иныхъ раскольниковъ, но это дѣло ихъ личное и для другихъ необязательное.

II. Есть христіанство, которое устанавливается однимъ человѣкомъ, считающимъ себя непогрѣшимымъ, оно обязательно для всѣхъ его подчиненныхъ. Таково ватиканское католичество, и изъ него-то черпаетъ спиритизмъ свои свѣдѣнія, когда разсуждаетъ о чистилищѣ, въ его вѣроисповѣданіи принятомъ. Но разсматривать спиритизмъ съ точки зрѣнія ватиканизма нѣтъ надобности, такъ какъ Ватиканъ предалъ спиритизмъ анаемѣ и проклялъ и отлучилъ всѣхъ католиковъ—спиритовъ и спиритуалистовъ отъ церкви.

III. Мы же станемъ твердою ногою на воззрѣніи Православія,

тѣмъ болѣе, что вѣковой опытъ аскетовъ, пустынножителей востока изслѣдовалъ до удивительной тонкости всѣ явленія и стороны духовной жизни человѣка.

Итакъ, на вопросъ, какое исповѣданіе христіанства принимаемъ мы въ основу нашего изслѣдованія, скажемъ: исповѣданіе истинно-православной соборной вселенской церкви и духовный опытъ православнаго востока. Посему предметъ нашего изслѣдованія, выраженный опредѣленно, слѣдующій: *спиритическое въроученіе Аллана Кардека есть ученіе, несогласное съ христіанскою православною върою соборной вселенской церкви восточной*, и, какъ выводъ изъ сего, слѣдуетъ, что послѣдовательный (не наивный) спиритъ—заблуждающійся и не истинный христіанинъ Св. Православной Церкви.

§ 8. Взглядъ спиритизма на Бога Отца и на Св. Троицу.

Въ спиритизмѣ двѣ стороны изученія: 1) философская, изложенная въ „Книгѣ духовъ“ и 2) практическая, изложенная въ „Книгѣ медиумовъ и духовызывателей“. Вторая сторона многимъ занимательнѣе и таинственнѣе первой: тутъ вызваніе замогильныхъ тѣней и оплотненіе духовъ, тутъ верченіе и прыганіе, а иногда и ломаніе столовъ, тутъ писаніе блюдочками догматическихъ установленій новой религіи или духовныя сообщенія посредствомъ выстукиванія буквъ, тутъ игра гармоникъ и летаніе колокольчиковъ и балалаекъ, тутъ духопризрачныя свѣтописи (фотографіи) и удивительно мастерскія изваянія гипсовыхъ рукъ, парафиновыхъ перчатокъ; тутъ апорты (приносы) небесныхъ тканей и букетиковъ, завязываніе и развязываніе узловъ и появленіе летающихъ рукъ и т. д. Но всѣ эти занимательныя явленія намъ вовсе не занимательны; мы остановимся преимущественно на въроучебной части.

Разсмотрѣть спиритизмъ въ одинъ обхватъ во всей его полнотѣ невозможно. Нужно выяснитъ каждый коренной вопросъ отдѣльно и выдѣлить изъ спиритизма то, что противорѣчитъ христіанству. Это необходимо въ виду того, что спиритизмъ непослѣдователенъ и, прикрываясь добродѣтелью христіанства, подъ вліяніемъ духовъ лжи и оболщанія, спутываетъ одно съ другимъ, дабы легче поддѣть легко-вѣрныхъ послѣдователей. Если бы спиритизмъ былъ ученіемъ христі-

анскимъ, то, какъ ученіе совершенное, къ которому, по откровенію Самого Бога Слова, ничего новаго прибавить нельзя, не потребовало бы для себя (спиритизма) цѣлаго словаря новыхъ духовныхъ понятій. Изъ этихъ весьма многочисленныхъ новыхъ словообозначеній и опредѣленій разсмотримъ самыя важнѣйшія и изъ 1016 вопросовъ спиритическаго катехизиса остановимся менѣе, чѣмъ на двадцати.

Намъ предстоитъ выяснитъ прежде всего вопросъ: какъ смотритъ спиритизмъ на Бога?

На первый вопросъ первой страницы спиритическаго пространнаго катехизиса, что есть Богъ, дается отвѣтъ: Богъ есть высшая интеллигенція (intelligence), первопричина всѣхъ вещей ¹⁾). Православный же катехизисъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: „Богъ есть Духъ“.

Интеллигенція или разумъ и первопричинность—понятія скорѣе вещественнаго и разумнаго міра, но никакъ не опредѣленія личнаго духовнаго Творца міра, такъ какъ интеллигентная первопричина есть одно изъ частныхъ свойствъ премудрости и благодати Бога, выраженное притомъ недостаточно почитательно, а никакъ не совокупность всѣхъ его существенныхъ свойствъ. Это воззрѣніе на Бога прямо указываетъ рационалистичность и матеріалистичность вопросителя и не обнаруживаетъ въ немъ высокаго духовнаго интереса. *Богъ по спиритизму не есть духъ.* Спиритизмъ потому отрицаетъ духовность Божества, что считаетъ духъ только какъ квинтэссенцію матеріи. Богъ по спиритизму невещественный разумъ, духъ же вещественъ, на подобіе доктрины многоумнаго гр. Толстого, который въ первомъ стихѣ Евангелія отъ Іоанна слово „Слово“ подмѣниваетъ словомъ „разумъ“ и утверждаетъ въ своей передѣлкѣ Евангелія, что Богъ былъ разумъ; словомъ, получается что-то сродственное интеллигенціи духовнущителя, сомнамбулки, сообщеніями которой пользовался Кардекъ, съ утвержденія гр. Толстого. Эти прорицающіе духи Бога за Духа не признаютъ, но называютъ духами самихъ себя. Богъ спиритовъ—не единотроичный трипостасный личный Духъ, а лишь высшее безличное мышленіе и первопричина, ибо Онъ, по Кардеку, не *Духъ всевѣдущій, вседовольный и всеблаженный.* Разница между личнымъ творчествомъ и первопричиною та, что первое конкретно, второе же лишь

¹⁾ Livre des Esprits стр. 1. 2 Изданіе Didier et C-іе 1860 г.

умозрительно. Спиритизмъ не допускаетъ творческаго измѣненія естественныхъ законовъ, т. е. не допускаетъ сверхъестественнаго чудотворенія. Разъ установленъ законъ, Богъ его уничтожить или нарушить не можетъ, такъ что, хотя спириты называютъ Бога Творцомъ, но не свободнымъ, а подчиненнымъ законамъ, хотя бы Имъ Самимъ установленнымъ. Такое воззрѣніе, не допускающее чудесъ, приближается къ понятію о божествѣ пантеистическомъ, хотя спириты формально пантеизмъ отрицаютъ. Если Богъ—Творецъ всего, то Онъ свободенъ и воленъ уничтожить Свое твореніе и перетворить то, что найдетъ нужнымъ, по волѣ Своей, т. е. воленъ творить чудеса и дать силу чудотворенія, кому Онъ предназначитъ. Отрицаніе чудесъ влечетъ за собою признаніе неполноты свободы Творца. Итакъ, взглядъ спиритизма на Бога есть взглядъ и рационалистическій, и детерминистическій, а не духовный. Богъ отдѣленъ отъ Своего творенія, такъ живописуетъ Кардекъ, какъ художникъ отъ своей картины. Богъ есть безконечность, т. е. то, что не имѣетъ ни конца, ни начала, а „безконечность“ (продолжаетъ тамъ же Кардекъ ¹⁾)—„неизвѣстность, а все то, что неизвѣстно, то безконечно“. Богъ есть безконечность, но по Кардеку это опредѣленіе не полное. Богъ существуетъ, потому что нашъ разумъ требуетъ причины всякому слѣдствію. Само ученіе же посему матеріалистическое, ибо безпричинныхъ (вещественныхъ) духовныхъ личныхъ новотвореній не допускаетъ. Этимъ спиритизмъ подтверждаетъ, что не признаетъ безпричинныхъ явленій, называемыхъ чудесами. Богъ по спиритизму существуетъ и потому, что въ насъ есть врожденное чувство Его существованія (психологическое доказательство существованія Бога).

Отрицая духовность души, спириты очевидно поэтому же и отрицаютъ духовность Божества.

Принимая Бога только какъ первопричинный разумъ, Кардекъ и духи, ему внушающіе, не признаютъ троичности Бога. Господа Бога Иисуса Христа они считаютъ за медиума, т. е. матеріальнаго посредника между Богомъ и людьми, а о Св. Духѣ даже рѣчи не можетъ быть, ибо самъ Богъ Творецъ не есть по спиритизму

¹⁾ Livre des Esprits стр. 1.

Духъ, а только невещественная интеллигенція. Если спиритизму нечуждо понятіе о Троицѣ, то онъ имъ обнимаетъ не представленіе о Богѣ триипостасномъ, а о природѣ, заключающей якобы Бога, флюидъ, т. е. вещество, и духъ,—тоже вещество, но утонченное. Это и обнаружится при дальнѣйшемъ изслѣдованіи предмета.

По спиритизму Богъ есть мышленіе, первопричинное начало и безконечность, т. е. неизвѣстность, и первопричина вѣчная, неизмѣняемая, невещественная, единая, всемогущая, верховно-добрая и справедливая.

Мы оспариваемъ мысль Кардека, что неизвѣстное безконечно. Наоборотъ, предѣлъ ея, т. е. начало и конецъ безмѣрной безконечности непознаваемы, а безконечность въ ея частяхъ—единственное, что нами можетъ быть рационально познаваемо; α и ω непознаваемы, а многіе промежутки самой безконечности доступны. Богъ и есть начало и конецъ, первый и послѣдній, α и ω .

Опредѣленіе безконечности, какъ чего-то, не имѣющаго ни начала, ни конца, младенчески наивно, ибо все, рѣшительно все имѣетъ и начало, и конецъ, и это начало и конецъ есть Богъ. Если начало и конецъ и всѣ промежутки доступны изслѣдованію, то сама безконечность въ полнотѣ своей постижима, и тогда безконечность изъ безмѣрной обратится въ измѣряемую, такъ что измѣренная безконечность вся извѣстна. Незвѣстность можетъ также относиться къ конечнымъ явленіямъ, какъ равно и неизмѣримымъ длительностямъ, ибо неизвѣстность есть только неопредѣленность и несознательность. Предметъ неопредѣленности и несознательности можетъ быть конечнымъ. Утвержденіе Кардека, что все, что неизвѣстно,—безконечно (абсолютно)—просто абсурдъ и указываетъ на полное невѣжество того есприта, который очевиднымъ вздоромъ соблазнилъ и прельстилъ Кардека, а также подчеркиваетъ недостаточное богословско-философское развитіе самого Кардека, который напечаталъ вторымъ опредѣленіемъ своего катехизиса вздоръ, внушенный вздорнымъ духомъ. Эти разсужденія умѣстны только для полемическихъ цѣлей, для вѣрующаго же въ Бога въ духѣ и истинѣ они положительно излишни.

Намъ также можно было ограничиться только сравненіемъ атрибутовъ Бога по катехизису Кардека и, указавъ на существенную разницу въ представленіи о Богѣ между его катехизисомъ и катехизи-

сомъ православной церкви, этимъ удовлетвориться, но мы остановились надъ замѣченнымъ разногласіемъ для того, чтобы уличить малую духовную возвышенность еспритовъ, диктовавшихъ Кардеку подчасъ очевидную нелѣпость, и показать, что ихъ рационалистическія и матеріалистическія мысли заурядны. Къ тому же онѣ и совпадаютъ какъ нельзя болѣе съ модными теченіями западно-европейской цивилизаціи прошлаго столѣтія, а не представляютъ высшаго вдохновенія духовъ Истины, знакомящихъ насъ съ новыми откровеніями вѣчной божественности.

§ 9. Взглядъ спиритизма на душу, духъ (esprit), духовъ (Esprits), на ангеловъ, діаволовъ и сатану, на матерію и на флюидъ.

Второй предметъ, подлежащій разбору: что понимаетъ спиритизмъ подъ духомъ и душой ¹⁾.

Спиритизмъ различаетъ два понятія о духѣ—еспритѣ. Esprit, писанное строчною буквою (e), обозначаетъ всесвѣтное интеллигентное начало и отвлеченіе отъ личныхъ свойствъ извѣстныхъ подъ тѣмъ же названіемъ существъ (абстракція индивидуальности). Esprit съ прописною буквою (E) означаетъ особи, личности или существа внѣтѣлесныя, но матеріальныя ²⁾. Духъ въ первомъ значеніи есть интеллигентное начало вселенной ³⁾. Это начало для людей—ничто, для самихъ духовъ что-то (ничего есть ничто, а ничто не существуетъ). Для людей еспритъ или интеллигенція—одно и то же. „Душа есть мысль“, читаемъ на стр. 57 Livre des Mediums. Мысль принимается, какъ нѣчто вещественное, такъ какъ она можетъ быть, по опытамъ спиритизма, воспроизведена на свѣточувствительной пластинкѣ. „Требуется установить связь духа съ матеріей, чтобы обинтеллигентить

1) Чтобы не смѣшивать ангеловъ, серафимовъ и прочихъ чиновъ ангельскихъ съ чертями, діаволами и демонами, мы будемъ иногда обозначать духовъ спиритизма еспритами, т. е. оставимъ за ними французское слово. Эти есприты и злые духи, т. е. демоны христіанства, далеко не одно и то же. Демоны—отдѣльныя свободныя творенія, злоупотребившія своею свободою. Есприты спиритизма—несовершенные духи, воплощающіеся въ чловѣка земли, въ обитателей другихъ планетъ.

²⁾ Livre des Esprits стр. 33.

³⁾ Ibid стр. 10.

матерію (pour intelligenter la matière)“. „Духъ и вещество вѣчно связаны, отдалить духъ отъ матеріи возможно только мысленно“. „Духъ же есть квинтэссенція матеріи“ ¹⁾. Въ матеріи нѣтъ ничего, изъ сего слѣдуетъ, что нематерьяльный духъ есть „ничто“, т. е. не существуетъ, а все, что существуетъ, то вещественно. Все вещественно—вотъ главная основа спиритизма.

„Вселенная состоитъ изъ трехъ вещей (choses): изъ матеріи, духа и Бога. Эти три предмета составляютъ Троицу вселенной“. Что Богъ олицетворяется, не указано, но духи суть индивидуализація интеллигентнаго начала, а тѣло — вещества. „Къ числу матеріальныхъ вещей нужно прибавить еще и всемірный токъ (fluide), который служитъ постоянною связью духа и матеріи“; „матерією духъ ограничивается“. Изъ этого ряда опредѣлений мы видимъ, что основныя понятія спиритизма не выходятъ изъ области интеллигенціи, причинности и матеріальности. Богъ — первопричина интеллигентная, духъ, и токъ, и матерія — вещественны.

Богъ, матерія съ флюидомъ и есприть—вотъ спиритическая Троица вселенной. Отношеніе Бога и другихъ частей Троицы между собою таково: Богъ творитъ матерію, флюидъ и духовъ. Есприть и матерія связаны постоянно съ какимъ-нибудь флюидомъ. Богъ и есприть по существу интеллигентны, флюидъ и матерія инертны, но подвижныя начала.

Матерія есть видоизмѣненіе единаго первичнаго простаго вещества (мнѣніе прошлаго вѣка, которое наука нынѣ отбрасываетъ, токъ есть эфирная подвижная, невѣсомая матерія. Матерія есть сила, движеніе и расположеніе частицъ первичной матеріи. Всеміровое пространство безгранично и матеріально наполнено. Организмъ есть одушевленная матерія, а причина одушевленія—„жизненное начало“ (которое имѣетъ матеріалистическимъ источникомъ вселенскій токъ), оно есть принадлежность плоти и движущая сила органическихъ тѣлъ. Жизненная сила послѣ разрушенія организма возвращается къ міровымъ массамъ.

Инстинктъ животныхъ есть неразумная интеллигенція.

Вотъ выписки, почти дословныя, спиритическаго міровоззрѣнія. Все

1) Ibid. стр. 35.

сказанное до сихъ поръ носить отпечатокъ безличнаго и вещественнаго.

Опредѣлимъ теперь, что есть духъ и духи, писанные прописными буквами. Esprits суть безтѣлесныя существа, а не начало всемірнаго мышленія (интеллигенціи); они плотныя и очищенныя, утонченныя матеріальности (c'est une matière quintessenciée— матерія приведена въ квинтэссенцію) ¹⁾, но въ то же время до того эфирныя, что не могутъ быть отличены нашими грубыми пятью чувствами. Духи имѣютъ внѣшній обликъ или форму, они пламенеобразны, какъ бы сіянія и эфирныя искры ²⁾. Духи по цвѣту измѣняются отъ темнаго облика до блеска рубина, соотвѣтственно ихъ степени совершенства. Духи переносятся въ пространства и требуютъ для этого нѣкотораго времени; они переносятся со скоростью примѣрно мысли, а мысль, какъ испыталъ каждый работающій умственно, требуетъ относительно много времени для своего проявленія и развитія.

Духи облечены болѣе грубою матеріальною субстанціею, называемою переспритомъ.

Изъ этого краткаго описанія духовъ по спиритизму видно, что Еспритъ съ заглавною буквою веществененъ и интеллигентенъ и въ этомъ, слѣдовательно, онъ не выходитъ изъ границъ раціонализма и матеріализма.

Субстанція пересприта, будучи матеріально грубѣе, чѣмъ вещество духа, въ то же время по спиритизму тоньше плоти человѣческаго тѣла. Она есть промежуточное состояніе между веществомъ духа и веществомъ плоти. Великіе аскеты и Отцы православной Церкви признаютъ подобную оболочку духовъ и души, отрицая въ то же время рѣшительно и непреложно вещественность самаго духа и самой души. И ихъ воззрѣніе по сему предмету отличается отъ спиритическаго пересприта тѣмъ, что эта нѣкая тонко-претонкая стихія, которая тоньше даже свѣта, есть предѣлъ матеріальнаго бытія. Спириты же этимъ предѣломъ вещественности считаютъ духовъ. Душевное, по святоотеческому воззрѣнію, а тѣмъ болѣе духовное существо внѣ этой матеріальной вещественности, какъ бы тонко и эфирно оно ни было. При

1) Livre des Esprits, стр. 35.

2) Тамъ же стр. 37.

этомъ духъ христіанами понимается, какъ личная сила, отъ Бога исшедшая и Имъ вдохновенная въ лицо человѣка. Духъ вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и сознаетъ нѣкимъ духовнымъ сокровеннымъ чуть-емъ и самоудостовѣряется въ своемъ исхожденіи отъ Бога. Душа же изведена по повелѣнію Божію землю и принадлежитъ всякой живой твари, но въ человѣкѣ она сочетается съ духомъ и потому превосходитъ всякую нечеловѣческую душу. Душа въ человѣкѣ есть личное проявленіе совокупности трехъ сторонъ его природы и жизни мыслительной, желательной и чувствующей. Ни въ душѣ, ни тѣмъ болѣе въ духѣ нѣтъ ничего матеріальнаго, но заключены бываютъ въ свѣтовую оболочку эфира. Объ этой тонкой оболочкѣ лучшій знатокъ духовной жизни, Еп. Теофанъ, пишетъ такъ: „Я признаю, что такая тончайшая стихія есть, все проникаетъ и всюду проходитъ, служа послѣднею гранью вещественнаго бытія. Полагаю при семъ, что въ этой стихіи витають всѣ блаженные духи—ангелы и святые Божіи,—сами будучи облечены въ нѣкую одежду изъ этой же стихіи. Изъ этой же стихіи и оболочка души нашей (доразумѣвайте при семъ словѣ и духъ, который есть душа души нашей человѣческой). Сама душа—духъ, невещественна; но оболочка ея—изъ этой тонкой вещественной стихіи. Тѣло наше грубо, а та оболочка души—тончайшая есть и служитъ посредницею между душою и тѣломъ. Черезъ нее душа дѣйствуетъ на тѣло и тѣло на душу.

„Та стихія, о коей рѣчь, всюду проходитъ и никакой нигдѣ помѣхи не встрѣчаетъ себѣ. Лучъ солнца проходитъ сквозь стекло, а та стихія—и сквозь стекло, и сквозь стѣны, и сквозь землю, и сквозь все, но какъ она проходитъ сквозь все, такъ и тѣ, которые витають въ ней, могутъ проходить сквозь все, когда нужно (какъ Спаситель вошелъ въ горницу, гдѣ были Апостолы, дверемъ затвореннымъ). Обитають они въ опредѣленномъ мѣстѣ, но когда имъ повелѣвается или позволяется, тотчасъ переносятся, куда нужно, по той стихіи, и никакихъ преградъ не только не встрѣчаютъ, но и не видятъ“. (Что есть духовная жизнь, 48—50. Письмо XIII).

Обратимъ вниманіе еще и на то обстоятельство, что православные богословы не отрицають свѣтеніе душъ блаженныхъ святыхъ и ангеловъ Божіихъ, и это причина, почему вѣнчики и сіянія, изображаемые на иконахъ, выражаютъ дѣйствительность, а не есть услов-

ность или символизмъ. Но тутъ разница весьма существенная: сіяніе, свѣтозарность не есть окраска или опредѣленный свѣтъ, рубиновый напимѣръ, и она не принадлежитъ самой душѣ и невещественному духу, а есть свойство просвѣтленія только оболочки и безъ всякаго красочнаго расцвѣчиванія. „Когда душа состоитъ внѣ благодати, оболочка ея или мрачна, какъ ночь темнѣйшая, если кто поблажаетъ страстямъ,—продолжаетъ Еп. Теофанъ на 101 страницѣ тѣхъ же писемъ,—или сѣра, какъ неопредѣленный туманъ, когда кто не слишкомъ преданъ страстямъ, живетъ однакожъ въ суетѣ. Подъ дѣйствіемъ же благодати вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ проникается ею душа, просвѣтляется постепенно и оболочка ея, подобно тому, какъ разгуливается пасмурная погода. Когда душа вся проникается благодатью, тогда и оболочка вся становится яркосвѣтлюю. Какъ внутреннее все въ семь случаѣ стянуто къ единому, отъ коего исходятъ и всѣ тамошнія движенія и дѣйствія, то и яркосвѣтлость оболочки представляется исходящею изъ того же центра вслѣдъ за духовными дѣйствіями. Это и есть лучезарность. Внутреннее облагодатствованнаго блеститъ, какъ звѣзда, не духовнымъ только, но и вещественнымъ свѣтомъ. Эта свѣтозарность внутренняя у таковыхъ нерѣдко прорывается и наружу и бываетъ видима для другихъ... Объ отцѣ Серафимѣ Саровскомъ говорятъ, что онъ часто просвѣтлялся, особенно во время молитвы, въ церкви видимо для всѣхъ. И про святителя Тихона я еще маленькій слышалъ нѣчто подобное. Преображеніе Господне, когда Онъ явился весь облистанъ свѣтомъ, одного съ этимъ происхожденія“. (стр. 102).

Эта лучезарность святыхъ называется также Фаворскимъ свѣтомъ.

Итакъ, спиритизмъ духъ считаетъ вещественнымъ, а духовность души отрицаетъ. Чтобы судить о нравственной сторонѣ спиритическихъ духовъ, приведемъ 118-ый ¹⁾ вопросъ спиритическаго катехизиса: Можетъ ли духъ выродиться (пасть — *dégénéger*)?

Отвѣтъ: „Нѣтъ, духъ можетъ остановиться въ развитіи, но онъ не испадаетъ“.

Ангелы, демоны и духи—одно и то же; одни болѣе развитые, другіе болѣе отсталые. Зла самого по себѣ нѣтъ, есть невѣжество и от-

¹⁾ Livre des Esprits, стр. 51.

сталость. (Зло такимъ образомъ понятіе не качественное, а количественное). Духи созданы простыми, невѣжественными; таковъ и сатана, который есть несовершенный духъ, а не отдѣльная сущность. Духи зла могутъ достигнуть совершенства, ихъ называютъ только злыми, а въ сущности они отсталые. Вотъ характерное изображеніе по спиритизму духовъ. Выводъ простой: нѣтъ существеннаго различія между духами, ангелами, людьми и діаволомъ, нѣтъ зла, нѣтъ паденія, а все прогрессъ и прогрессъ, все эволюція и эволюція. Это чисто модное Спенсерово эволюціонное ученіе, примѣненное ко всему интеллигентному міру замогильному. Нужно ли доказывать, что все это идетъ въ разрѣзъ съ коренными воззрѣніями Свящ. Писанія, гдѣ ярко показана гибель духовъ злыхъ, а не ихъ постепенное эволюціонное совершенствованіе. Гибель духа зла,—отца лжи, и всѣхъ грѣшныхъ нераскаянныхъ, по приговору двухъ судовъ осужденныхъ на двойную смерть, на низверженіе въ кромѣшную тьму геенны огненной, опредѣленно предвѣщена откровеніями. Уже теперь вырисовывается достаточно ясно разница между истиннымъ христіанствомъ и догматами спиритизма. Но разница эта будетъ еще убѣдительнѣе, когда получимъ точный отвѣтъ на вопросъ: что есть душа по спиритизму. Отвѣтъ: Душа есть воплощенный или перевоплощенный духъ.

Итакъ, ангелы, черти, духи могутъ воплощаться на землѣ въ тѣла новорожденныхъ. Между душою и духомъ, ангелами и бѣсами нѣтъ разницы въ существѣ, а только въ состояніи. Спиритизмъ и въ этомъ вопросѣ держится взгляда Дарвина. Онъ, такъ сказать, дарвинизмъ духовъ въ загробной жизни или замогильный дарвинизмъ.

По спиритизму полная составность человѣка будетъ заключаться въ плоти, жизненномъ началѣ, переспиритѣ и воплощенномъ духѣ или бѣсѣ, т. е. душѣ. Выключая жизненную силу, бывшую въ модѣ въ прошломъ столѣтіи и нынѣ отвергнутую почти всеми психологами и даже многими спиритами, въ человѣческомъ существѣ три начала: плоть, переспиритъ и душа, и всѣ три вещественнаго свойства,—плоть грубая, переспиритъ потоньше, а душа, воплощенный духъ, совершенно эфирная матерія. Духовности въ представленіи души, какъ и въ представленіи о Божествѣ, у спиритовъ нѣтъ. Животныя такъ же одухотворены, какъ и люди, но когда они околѣваютъ, ихъ духъ

сразу переходить въ новое воплощеніе, а въ надземномъ пространствѣ духовъ животныхъ нѣтъ.

Все въ спиритизмѣ эволюціонно, прогрессивно, матеріально, детерминично, рационально, дарвинистично и составляетъ замѣчательную смѣсь всѣхъ западно-европейскихъ самоновѣйшихъ ученій, отличается онъ отъ нихъ только своимъ крайнимъ *оптимизмомъ* и невозмутимымъ квіетизмомъ (самоуспокоеніемъ) и удивительнымъ безразличіемъ и вѣротерпимостью. По матеріальности это ученіе легко понятно для большинства неразвитыхъ духовно и умственно, поколебавшихся христіанъ. По оптимизму оно просто обворожительно: нѣтъ пекла, геенны огненной и озера расплавленной сѣры (Откровенія Іоанна), нѣтъ діавола, отца лжи, нѣтъ чертей; всякъ и каждый долженъ неминуемо достигнуть совершенства и блаженства, и въ этомъ видятъ справедливость любвеобильной интеллигентной первопричины, т. е. Бога. «Спириты придумали замѣнить адъ множествомъ рожденій грѣшащаго, (пишетъ Еп. Теофанъ въ «Вѣчности мученій» стр. 16). Очень неудачно, потому что кто остался неисправимымъ въ одно рожденіе, тотъ можетъ продолжать и во второе, и не только продолжать, но и углубить, или тѣмъ неизбежно и углубить, что продолжить. Но что было во второе, то можетъ быть и въ третье рожденіе и такъ далѣе,—до осатанѣнія. А для такихъ ужъ, конечно, неизбеженъ адъ».

Мы остановились на вопросѣ о составности человѣка поподробнѣе, потому что этотъ вопросъ, собственно говоря, коренной. Человѣкъ познаетъ и представляетъ себѣ міръ, жизнь и начала только по своему собственному маломіру, по внутренней своей жизни и по тѣмъ началамъ, которыя вложены въ него. Чего въ немъ нѣтъ и для чего у него не имѣется органа познанія, останется навсегда ему неизвѣстнымъ. Представленіе о себѣ есть представленіе о всемъ мірѣ и, наоборотъ,—какъ понимаетъ міръ человѣкъ, такъ онъ относится и къ себѣ. Спириты не отмѣчаютъ въ душѣ духовности, не видятъ ея въ загробной жизни, равно какъ и въ представленіи о Божествѣ. Христіанство въ лицѣ своего Апостола различаетъ въ полности и цѣлости троицу составности, и для него міръ слагается изъ трехъ областей: области вещественнаго, душевнаго и духовнаго, изъ которыхъ одна другой возвышеннѣе и проникновеннѣе. Сѣется тѣло душевное. Христіанство представляетъ себѣ Бога также единотроичнымъ (впостаси),

которые отличаются между собою началами творчества, рожденія и исхожденія. Спиритизмъ, признавая составность челоѣвка изъ плоти, черепригъ и души—всѣхъ трехъ матеріальныхъ, т. е. во времени, пространствѣ и механической законности, слагаетъ мръ также изъ трехъ матеріальныхъ областей: вещества и такъ называемаго флюида и духа, — всѣ три отличаются отсутствіемъ духовности, т. е. творческой свободы. Спириты представляютъ Бога интеллигенціей, первопричиной всего, и отъ ихъ вниманія ускользаетъ самое возвышенное для челоѣческаго духовнаго представленія Сущаго, а именно: всевѣдѣніе, всеблженство и всодовѣлство Бога. И въ этомъ материалистическо-раціональномъ настроеніи заключается главное отличие истиннаго христіанства отъ спиритизма. Вотъ почему слова Кардека (*livre des Esprits*, 449), что спиритизмъ есть самый рѣзкій антагонистъ материализма, кажутся намъ грубѣйшимъ самообманомъ или сатанинскою ложью, внушенною низко стоящими инспираторами черезчуръ довѣрчивому и недалекому богослову-философу, основателю ученія. По нашему, спиритизмъ и есть крайность, доведенная до грани пропасти материализма, ибо онъ реально материализуетъ не только само духовное начало, — духъ, — до такой степени, что можно получить отъ духа здоровую пощечину, но материализуетъ его теоретически, опредѣляя духъ, какъ квинтэссенцію матеріи. Спиритизмъ есть послѣдняя, быть можетъ, потуга діавола унизить или уничтожить въ людяхъ духовное, но послужить, какъ всякое бѣдствіе или наказаніе, для очищенія духовности и возгорѣнія горячимъ пламенемъ всемірной любви въ духѣ и истинѣ для приготовленія челоѣчества ко второму происшествію Иисуса Христа. Для этого необходимо отдѣлить совершенно отчетливо область духовности и духа отъ души и признать, что и душа, и духъ — духовныя начала внѣ времени, пространства и причины.

Это убѣдительно доказывается твореніемъ Еп. Теофана въ книгѣ «Душа и ангель не тѣло, а духъ», написанномъ противъ брошюры «Слово о смерти и прибавленіе къ нему». Еп. Теофанъ окончательно опровергаетъ вымыслы спиритизма Кардека, признающаго, что душа имѣетъ тонкую вещественную оболочку, и другого спирита Пьерара, который твердилъ, что то и есть душа, что Кардекъ признаетъ оболочкой: «душа есть эфирное тѣло и больше ничего». Эта новость — тѣлесность души и ангеловъ — нисколько не доказана, а по старому

остається вполнѣ доказанною и непреложною древняя истина, что *душа и ангелъ—не тѣло, а духъ*».

Спириты же, наоборотъ, утверждаютъ, что не будь душа и духъ матеріальными, они были бы «ничто», а «ничто» не существуетъ. Духи спиритовъ и холодъ, и голодъ испытываютъ, а по индійскому спиритизму духи бывають мужскаго и женскаго пола и размножаются въ надземномъ пространствѣ. (*Le spiritisme dans le monde, par Ial-liot*).

На этомъ можно было бы и покончить, ибо если душа и духъ по спиритизму матеріальны, то это ученіе языческое, а не христіанское. Но для большей убѣдительности сего разберемъ еще два взгляда спиритизма: на Господа Нашего Иисуса Христа и на перевоплощеніе.

§ 10. Взглядъ спиритизма на Бога Сына Господа Нашего Иисуса Христа.

По спиритизму, въ міровой исторіи были при откровенія: Моисей, Христосъ и спиритизмъ. Иисусъ Христосъ положилъ основу ученію о духахъ, но не договорилъ до конца, и какъ Онъ пришелъ не нарушить законъ Моисея, а исполнить его, такъ точно спиритизмъ пришелъ не разрушить ученіе Христа, а исполнить его. Это тотъ самый спиритизмъ, который духъ считаетъ матеріей, который, отрицая Самую Троицу, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ божественность Иисуса Христа, а о Св. Духѣ, какъ въпостаси Св. Троицы, ни одного слова.

Взглядъ спиритизма на Господа Нашего Иисуса Христа изложенъ въ его книгѣ Бытія (гл. XV, 2 стр. 330). «Это не вѣра и не убѣжденіе, а только гипотеза», по которой Христосъ есть высочайшій есприть, и этотъ есприть (который не есть ничто, т. е. матеріаленъ) значительно выше по развитію земного человѣчества, по внѣшнему же виду, какъ особенно высокій, Онъ, должно быть, рубиноваго блеска. По внушенію какого-то неизвѣстнаго есприта-прорицателя, Христосъ былъ *медіумъ*, но не простой духовызыватель и посредникъ людей съ душами мертвыхъ, а медіумъ Самого Бога, т. е. боговызыватель и богопосредникъ, но не въ духовномъ значеніи, а чисто матеріальномъ — Онъ превышаетъ всякаго пророка. Очевидно, однимъ допущеніемъ такого кощунственнаго взгляда или даже одною такою гипотезою спиритизмъ

отрицаетъ вѣру въ Божество Иисуса Христа, и это окончательно подтверждаетъ признаніе самаго ученія не христіанскимъ ученіемъ, а ученіемъ весьма низко стоящихъ духовъ, еспиритовъ. Итакъ, эти духи соблазна и лжи кощунственно признали Иисуса Христа за медиума Бога, но не за Самого Бога. Если же современный спиритизмъ долженъ договорить до конца то, что медиумъ Бога не договорилъ, т. е. спиритизмъ долженъ восполнить этотъ пробѣлъ, то нынѣшніе духовызыватели (медиумы) должны также обнаружить силу не менѣе возвышенную, чѣмъ медиумъ Бога, — иначе говоря, теперешніе спириты по меньшей мѣрѣ равны по возвышенности съ Боговызывателемъ, т. е. съ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Не чрезмѣрно ли гордо это самоуниженіе? Спириты называютъ Христа медиумомъ Бога и дѣйствія Его медиумической силы сопоставляютъ съ силами современныхъ, думая, что черезъ своихъ медиумовъ они могутъ идти дальше знанія міра духовнаго, чѣмъ это открылъ намъ Иисусъ Христосъ Своимъ ученіемъ, слѣдовательно признаютъ себя въ лицѣ своихъ медиумовъ выше Христа. Выводъ неотразимый, но не обнаруживаетъ въ спиритическихъ медиумахъ большой скромности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Герценъ и наши дни.

XX.

Разумъ утренній и разумъ вечерній.

Герцену приходилось подходить къ русской общинѣ—этому загадочному для него сфинксу почти вплотную. Отмѣтимъ нѣкоторые характерные намеки.

„Утвердилось русское государство страшными средствами: рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи. Сквозь строй шель онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее—дѣло праздное. Живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться всѣми силами, хорошо-ли онѣ приобрѣтены или дурно, кровью-ли достались или мирнымъ путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

„Читалъ я ваши споры объ общинѣ. Они очень любопытны, но меньше, чѣмъ кажется, идутъ къ дѣлу. Родовое-ли начало сельской общины или государственное, была-ли земля общинная, помѣщичья, или великокняжеская, скрѣпило-ли крѣпостное право общину или нѣтъ,—все это надо привести въ ясность. Но для насъ всего важнѣе настоящее положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя, какъ онъ есть. Государство и крѣпостное право по своему сохранили родовую общину. Постоянное, *зимующее* начало, оставшееся въ ней отъ патріархализма, вовсе не утратилось. Общинное владѣніе землею, миръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырасти новая общественная жизнь — почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ.

„Вотъ почему, любезный другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквиема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуюсь, что я русскій“. (V, 336—337).

Какъ увидимъ ниже, Герцень иногда и иначе — проще и яснѣе — объяснялъ утверженіе русскаго государства. Здѣсь мы видимъ, что Герцень считается только съ наличною жизнью общины, игнорируя ея историческій и психологическій смыслъ. Но пока намъ важна его вѣра въ будущность общины.

Герцень, какъ извѣстно, больше всего боялся „ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣдѣнія и проч., централизаторовъ по-французски и бюрократовъ по-пруски“ (VI, 286).

„Завися, какъ католическое духовенство отъ чужой власти, они должны по стопамъ своихъ учителей питать зубъ противъ всего соціальнаго, а тутъ, какъ нарочно, на самомъ порогѣ „право на землю“, „общинное владѣніе“. Вотъ почему мы думаемъ, что, если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто народнаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобы урожай былъ хорошъ. А улучшенія, которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться, что вѣка черезъ полтора, дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти“. (VI, 287),

Здѣсь любопытна одна черта общественной психологіи образованнаго меньшинства, занимающаго даровую квартиру надъ русскимъ народомъ. Правительствующіе нѣмцы всегда, конечно, были противъ общины. Но они были слишкомъ трусливы и осторожны. Нужно много идейной пролетарности, чтобы поднять руку надъ глубокоукоренившимся и неистребимымъ строемъ народной жизни. На помощь бюрократамъ пришли литераторы и передовые умы. Смѣлости и отрицанія у нихъ было больше, потому что рѣшительно никакой отвѣтственности они не несли за свою идейную болтовню. Къ нимъ скоро примкнула вся интеллигенція. Показателемъ новой перемѣры фронта, какъ всегда, явилась уличная пресса. Такъ возникло идейное теченіе противъ общины,

т. е. противъ народа, рука объ руку съ значительною частью бюрократіи.

Вообще, чтобы хоть сколько-нибудь уяснить текущую путаницу понятій, надо помнить, что наша интеллигенція до мозга костей бюрократична, что всякій Носарь-Хрусталевъ хочетъ такъ же *управлять*, какъ и графъ Витте, что делегаты рабочихъ союзовъ прежде всего присваиваютъ себѣ всѣ функціи полицейскаго участка. Вопросъ идетъ не о самоуправленіи страны, а о правѣ управленія страной той или другой фракціи меньшинства. Отсюда тупость идейности и варварство такъ называемой „сознательности“.

Отмѣтимъ еще рядъ замѣтокъ Герцена, опредѣляющихъ его отношеніе къ мужику и деревнѣ.

„Западные публицисты съ тѣмъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое имъ даетъ ненависть къ Россіи и невѣжество, смѣются, когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значеніи нашего освобожденія крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленіе его ставитъ насъ на совѣмъ другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени“. (VI, 281—282).

„Первый актъ возмущенія противъ западно-историческаго ига сдѣланъ *образомъ постановленія* вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ правительство сорвалось съ битой западной колени, взявъ въ основу *нелѣпность* общиннаго владѣнія и *предразсудокъ* освобожденія *съ землею*. Надобно, чтобы правительство нашло мужество независимости передъ *порицаніемъ мудрыхъ міра сего*—такъ, какъ его имѣлъ апостолъ Павелъ, сознаваясь, что *истина*—сумасбродство для эллиновъ“ (VI, 241).

Этотъ шагъ кажется настолько важнымъ для Герцена, что онъ именно по этому поводу сдѣлалъ одно характерное замѣчаніе.

„...Разумъ не *одинъ*. Ихъ *два*. Разумъ міра *саднящагося, вечерняго* не совпадаетъ съ разумомъ міра *восходящаго, утренняго*“ (VI, 241).

Пока—совѣмъ напротивъ. Торжествуетъ „саднящійся, вечерній разумъ“ русскихъ иноземцевъ. Но—сбудется и это пророчество Герцена, хотя его осуществленіе не дешево обойдется русской интеллигенціи.

„Россія является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* фізіологическимъ характеромъ,—не европейскимъ, не азіатскимъ, но славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему.

— Какое счастье,—сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ,—что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагѣ съ римскимъ правомъ.

„А мы прибавимъ—ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложеніе не захватываютъ все проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ. Остальныя учрежденія введены насиліемъ и держатся насиліемъ.

„У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предрассудковъ, которые у западнаго человѣка, какъ параличъ, отбиваютъ цѣлую половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община —съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху.

„Если это сколько-нибудь такъ, то надобно быть русскимъ для того, чтобы именно въ эти черные дни Европы обратить на Россію особенное вниманіе. Оно, впрочемъ, такъ и дѣлается. Россія занимаетъ многіе сильные умы. Мнѣ самому приходилось говорить объ Россіи съ серьезными людьми, какъ Прудонъ и Маццини... И я увѣряю, что взглядъ ненависти и страха замѣняется раздумьемъ и желаніемъ поближе узнать это новое явленіе, котораго *силу и право* на будущее отрицать нельзя; да они этого и не хотятъ“ (V, 335 — 336).

И Герцену казалось, что „восходящій, утренній разумъ“ мужицкой общины и мужицкой совѣсти будетъ развиваться быстро и скоро принесетъ свои плоды.

„Конечно, послѣднее тридцатилѣтіе было тяжело и все историческое развитіе наше шло труднымъ и мудренымъ путемъ. Но развѣ оно не дало своихъ залоговъ? Развѣ мы остановились, устали? Развѣ Русь раздробилась на части, подпала чужому владычеству? Нѣтъ, мы сто-

имъ цѣлы и невредимы, полные силъ, связанные единствомъ передъ новымъ путемъ.

„Насъ пугаетъ ужасное и отсталое состояніе народа, его привычка къ безправію, бѣдность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняетъ развитіе. Но, въ противоположность Бюргеровой баллады, мы скажемъ: *живые ходятъ быстро*, — и шагъ народныхъ массъ, когда онѣ принимаются двигаться, необычайно великъ. У насъ-же не къ новой жизни надо ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ“ (VI, 172).

Событія шли медленнѣе, чѣмъ думалъ Герценъ. Только теперь, на нашихъ глазахъ сошлись и столкнулись два разума,—разумъ мужицкой совѣсти и разумъ дряхлаго, истощеннаго и бесплоднаго схоластическаго пролетаріата. Близкое будущее покажетъ перипетіи борьбы. Но мы съ Герценомъ вѣримъ, что будущее не за книжниками и фарисеями, не за паразитами въ чужомъ дому, не за ренегатами русской жизни.

XXI.

Община и свобода личности.

Въ мнѣніяхъ Герцена объ общинѣ есть одна характерная черта,— по нашему мнѣнію, объясняющая все дѣло. Ему казалось, что въ общинѣ нѣтъ свободы личности.

„Свобода лица—величайшее дѣло. На ней и *только на ней* можетъ вырости дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ долженъ человѣкъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе, какъ въ ближнемъ, какъ въ цѣломъ народѣ“ (V, 170—171).

Нельзя не привѣтствовать этихъ мудрыхъ и благородныхъ словъ. Но надо помнить, что по немощности человѣческой природы уважать свободу въ цѣломъ народѣ, а особенно въ другомъ, гораздо труднѣе, чѣмъ уважать свободу въ себѣ и для себя. Это обычный промахъ всѣхъ эгоистическихъ натуръ. А ихъ вѣдь, если не ошибаемся, въ природѣ не мало. Изъ этого-то и возникаетъ вопросъ величайшей важности для всякаго государства, для всякаго общества, для всякаго народа, — какъ установить грань между нашею личною свободою, свободою другихъ и свободою общины и народа. Чтобы осуществить свою

свободу, нельзя насиловать и угнетать другихъ. А какъ это сдѣлать? Кто знаетъ? Кто это сказалъ и даже кто объ этомъ думалъ?—Только русскій мужикъ. И этотъ вопросъ онъ вполнѣ и до конца разрѣшилъ въ своей общинѣ.

„Русскій народъ, подавленный рабствомъ, не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія, и которыя тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаціи.

„Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городамъ и по всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той-же социальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы запада.

„Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

„Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

„Россія изуродованное и дикое.

„Будущее никогда не формируется прежде своего осуществленія.

„Народы англосаксонскіе освободили лицо на счетъ общественной и круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка“. (V, 320).

„Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоитъ въ томъ, чтобы на основаніяхъ науки, сознательно развитъ элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада. Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобы у свободной личности *земля осталась подъ ногами*, чтобы общинникъ былъ совершенно свободное лицо“. (VI, 285).

XXII.

Свобода и амнистія.

Къ главной задачѣ устройства народной жизни Герценъ подошелъ такъ близко, какъ къ ней не подходилъ еще ни одинъ западникъ.

Надо было сдѣлать одинъ только и небольшой шагъ, чтобы перейти „въ восходящій, утренній“ міръ. Но онъ этого шага не сдѣлалъ.

Правъ онъ въ томъ, что это „главная задача“ нашего времени, которую сознательно и добросовѣстно, хотя бы только для себя, должны рѣшить каждый человѣкъ, который беретъ на себя отвѣтственность за любое общественное и политическое дѣло. Здѣсь главный узелъ всѣхъ и всякихъ политическихъ споровъ. Это камень многимъ на паденіе и очень немногимъ на возстаніе. Это поворотный моментъ въ философіи и совѣсти каждаго человѣка. Это девизъ, который рѣзко разграничиваетъ партіи, отдѣляетъ мечтательныхъ насильниковъ отъ свободныхъ и не стѣсняющихъ чужой свободы членовъ свободнаго общества.

Герценъ не замѣтилъ того, что свобода лица осуществляется во всей той полнотѣ, въ которой она возможна въ разумномъ и нравственно-воспитанномъ обществѣ, въ общинѣ, вѣрной завѣтамъ Христовой любви къ ближнему. Самыя гордыя мечты о самодержавной независимости личности, о кантовской автономіи каждаго отдѣльнаго лица вполнѣ совмѣстимы съ общиннымъ строемъ и внѣ его теряютъ всякій смыслъ, становятся беспочвенными утопіями, фатальными движеніями сомнамбулизма.

Говоримъ о принципіальной сторонѣ дѣла, а не о практическихъ формахъ осуществленія. Россія даетъ „рѣшеніе изуродованное и дикое“? Что это значитъ? Въ основахъ общинной жизни Герценъ видѣлъ болѣе высокія и чистыя нравственныя начала, чѣмъ тѣ, которые лежатъ въ основѣ западнаго эгоизма и западной борьбы. Что-же въ нихъ дикаго? Если-же они изуродованы, народъ не виноватъ. Община въ Россіи давно уже лишена свободы. Она долго пряталась и теперь прячется отъ идейныхъ глазъ начальства и интеллигенціи и жила, таясь отъ „свѣта“ мнимой научности и идейнаго изуверства. Но она жила и живетъ, потому что это единственная форма жизни и въ золотые дни свободы, и въ особенности въ дни гнуснаго рабства, когда верхній слой пытается расшатать и съ корнемъ вырвать общественное сознание низшаго слоя, замѣнивъ его буйными инстинктами пролетаріата.

Два вѣка подъ помѣщиками и поль-вѣка подъ интеллигентами, людьми омертвѣвшей совѣсти и мертваго знанія, вооруженными для борьбы съ народомъ всѣми послѣдними словами науки и всѣми сред-

ствами идейнаго и экономическаго угнетенія, не сломили общины, но крѣпко ее помяли, притиснули къ землѣ и скрутили гужами и веревками. Вотъ откуда идутъ слѣды уродства. Они не изъ общины, а извнѣ. Ее калѣчила рука идейныхъ палачей и тупиць, ее давила дѣйствительно уродливая оболочка чужихъ формъ. Внѣ этого вѣковаго гнета, за общимъ дѣломъ въ большихъ размѣрахъ она заявить себя не могла, хотя существенныя стороны ея уклада видны и подъ этой искаженной внѣшностью.

Противопоставлять общину и свободу личности—это значитъ говорить не о свободѣ личности, а о правѣ ея на тираннію, хотя бы большинство было не на сторонѣ единичнаго или партійнаго мнѣнія.

Кто можетъ стѣснить свободу въ области мнѣнія, въ области личныхъ убѣжденій, въ привычкахъ мышленія и въ самобытномъ строѣ ума? Община состоитъ изъ живыхъ и свободныхъ людей и каждый имѣетъ всѣ права личнаго самоопредѣленія,—но только до той черты, за которою начинается насиліе надъ чужой свободой. Когда рѣшается не личное, но общее дѣло и одинъ человекъ не путемъ убѣжденія, но путемъ принужденія стремится къ торжеству и успѣху своей личной мысли, онъ, сохраняя свободу только для себя, этимъ самымъ перестаетъ быть свободнымъ и переходитъ если не въ станъ рабовъ, то въ лагерь деспотовъ и насильниковъ. Въ общемъ дѣлѣ тотъ не признаетъ чужой свободы, кто не подчиняется общему рѣшенію. Онъ уходитъ изъ семьи свободныхъ людей, свободно рѣшающихъ судьбы общаго дѣла, если, даже сохраняя свои мнѣнія и убѣжденія, не примкнетъ къ общему голосу своей среды.

Говорить о свободѣ на необитаемомъ островѣ—риторическій фокусъ. Рѣчь о свободѣ понятна только тамъ, гдѣ говорятъ о свободномъ общеніи людей. И здѣсь нравственный судъ ближнихъ получаетъ всю свою силу. Противоестественно за чужую ошибку или за чужую испорченность отвѣчать своими боками. При всей, даже неограниченной свободѣ личности, даже въ томъ случаѣ, когда человекъ устраиваетъ свои будто-бы собственныя дѣла, онъ не можетъ отказаться отъ отвѣтственности передъ общественнымъ судомъ, который судитъ его отношенія къ ближнимъ нравственнымъ судомъ, по разуму и совѣсти всей общины. Теперь, когда говорятъ о свободѣ личности, всегда и по логикѣ ходячихъ понятій, говорятъ о безотвѣтственности, о невмѣ-

няемости, объ амнистіи. Предполагается, что каждый человекъ можетъ дѣлать, что хочетъ, даже тамъ, гдѣ всѣ права имѣютъ отнюдь не его личные интересы. Безотвѣтственность — счастливая принадлежность звѣря, дикаря, раба, которые живутъ подь принужденіемъ, должны выполнять чужую волю и не имѣютъ ни сознательности, ни свободы. Тамъ, гдѣ кончается отвѣтственность и начинается амнистія, — мы входимъ въ область безсознательности и рабства. Свобода только тамъ, гдѣ всѣ одинаково свободны, гдѣ каждый имѣетъ свою волю и принудительно не поставленъ въ невозможность проявлять ее. Но свобода — не въ мечтахъ, а въ жизни — предполагаетъ единеніе всѣхъ членовъ общества въ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ общественной жизни. Люди враждебныхъ общественныхъ инстинктовъ вмѣстѣ ужиться не могутъ. И свобода общины была бы нарушена, если бы ея отдѣльные члены стали нарушать общепризнанные законы общежитія. И люди неодинаковой общественной совѣсти не могутъ жить вмѣстѣ и рѣшать одно дѣло, какъ общее имъ. Поэтому самыя свободолюбивыя общины всегда оставляли за собою право выбрасывать изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые не были проникнуты общимъ духомъ. Лишеніе этого права повело бы къ возможности насилія надъ общиною, къ принудительному господству немногихъ и къ рабству остальныхъ.

То не свобода, что покупается цѣною общаго страданія и несчастья. Это произволь, источникъ рабства и разслоенія. Вотъ почему въ такой общинѣ и большинство не имѣетъ внѣшняго авторитета. Отдѣльныя явленія реальной жизни не сразу и не всегда подходятъ подь обычныя нормы установившагося быта. Чтобы освѣтить ихъ свѣтомъ того духа, который собралъ людей въ общину и далъ общинѣ опредѣленный характеръ и типичность, нужна иногда особенная тонкость сужденія, особенная проницательность и догадка и тогда тотъ, кто въ данномъ случаѣ угадалъ общую всѣмъ правду, увлекаетъ другихъ, которые прежде были другого мнѣнія.

Внѣшнія юридическія формы неподвижны и мертвы. Въ нихъ много рутинны и безсознательности. Онѣ не считаются съ капризными и пестрыми оттѣнками дѣйствительности. Онѣ учатъ обобщать, подводить къ однообразію, а жизнь разнообразна и пестра. Здѣсь постоянная возможность несправедливости, внѣшняго отношенія къ дѣлу,

духовнаго усыпленія. А совѣсть безсонна и зорка. Она взвѣшиваетъ малѣйшій жизненный оттѣнокъ, внутренній смыслъ всякой подробности и поэтому всегда остается началомъ творческимъ. И этотъ голосъ совѣсти, откуда бы онъ ни шелъ, будитъ совѣсть другихъ людей, которые сошлись въ общину ради общаго дѣла въ единеніи духа. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого единенія, тамъ нѣтъ и не можетъ быть ни общины, ни общаго дѣла, ни свободы. Тамъ область насилія и произвола,— область случайнаго преобладанія, неправой побѣды, хотя бы и въ оболочкѣ внѣшней легальности.

При умственномъ и нравственномъ разложеніи общества девизомъ общественной свободы является циничный девизъ: „плевать на всѣхъ“; отсюда распущенность, преступность и порочность, что пролагаетъ дорогу девизу постоянной амнистіи.

Этотъ вопросъ о свободѣ личности въ общественной жизни— является лучшимъ показателемъ здоровья или разложенія общества и народа. Общество дряхлѣетъ, разлагается и падаетъ, гдѣ свобода одинокой личности осуществляется за счетъ свободы другихъ членовъ общества.

Вотъ почему и русскія городскія революціи претятъ русскому мужику, потому что они грозятъ честной и разумной организациі общиннаго дѣла. Здѣсь столкнулись два міра, два враждебныхъ начала и пытаются объединить ихъ—дѣло большой близорукости и неразумительности. Кто побѣдитъ? Отвѣтъ простъ и ясенъ. Городское населеніе—часто мѣняется. Ему приходится примѣняться къ обстоятельствамъ, которыя скоро мѣняются и сами. Поэтому оно неустойчиво и недолговѣчно. Деревня отъ тревожной жизни города—далека и считается со стихійными силами, которыя всегда—тѣ-же. Временная побѣда города—миражъ, который въ свое время пропадетъ безслѣдно.

Это, впрочемъ, отнюдь не исключаетъ возможности временной побѣды города, — вѣрнѣе, пролетаріата, потому что все городское населеніе до извѣстной степени проникнуто пролетарскою тенденціею отъ низшихъ слоевъ до высшихъ и поэтому, располагая всѣми орудіями власти и военной силы, можетъ предписать деревнѣ свою случайную волю. Мораль и психологія пролетаріата, охватывая все городское населеніе случайнымъ и временнымъ ожесточеніемъ, разжигая страсти злобами текущаго дня, подталкивая людей на тираннію и терроръ,

можетъ дать такое-же торжество и такую-же побѣду, какія иногда падаютъ на долю всякой хорошо организованной и вооруженной разбойничьей шайки. Но въ такой побѣдѣ уже таятся сѣмена скорого пораженія.

XXIII.

„Что растеть, то юно“.

Въ настоящее время роль общины совсѣмъ не блестяща. Вотъ уже почти двѣсти лѣтъ прошло, какъ деревня сообща, всѣми своими силами вынуждена отбоариваться отъ реформаторовъ, то изъ помѣщиковъ, то изъ начальства, то изъ интеллигенціи, то изъ пролетаріата. При постоянномъ давленіи и натискѣ на деревню это, конечно, дѣло нелегкое. На него община истощаетъ всѣ свои силы. Некогда думать о широкой политической жизни, о честномъ строѣ земли сверху до низу. Не до жиру, быть бы живу.

Но это борьба за существованіе. Это послѣдняя карта, послѣ которой пропадать придется. Такъ жить мужику, какъ его учать господа и интеллигенты, конечно, нельзя. Опытъ давно показаль, что имъ нельзя вѣрять: они сами не умѣютъ жить честно и поэтому не могутъ научить этому и другихъ. И нужно много смѣтливости, изворотливости и находчивости, чтобы перетерпѣть нестерпимую тяготу барскихъ идей, барскаго самодурства и барскаго пролетаріата.

Но это единственное живое зерно во всей нашей жизни. Пока оно было здоровымъ и сильнымъ, оно приносило богатые плоды. Наши историки и теоретики, изучая только дѣла правительства, и высшаго общества, просмотрѣли факты огромнаго значенія. Какое дѣло мужику до русской исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій? И что собственно русскаго въ этой исторіи? На немъ никакой вины нѣтъ. На верху дѣлали не свое, а чужое дѣло. А онъ, пока могъ, свое дѣло дѣлалъ. Онъ отоцалъ, осѣлъ и угомонился, когда нашей интеллигенціи весьма хитрыми средствами удалось довести его до пролетаризаціи или, вѣрнѣе, до нищеты. То, что имъ сдѣлано, ни для кого не тайна. Это на глазахъ у всѣхъ. Русское государство создано мужикомъ, а не господами. Это лучшее свидѣтельство стойкости и творчества мужика.

Здѣсь мы подходимъ къ самому щекотливому для западниковъ

вопросу. Въ русской исторіи они видятъ только нелѣпость, самодурство и произволь. Это, конечно, и вѣрно, поскольку дѣло идетъ о культурныхъ слояхъ общества. Но вотъ несомнѣнный и очевидный фактъ: русское государство. Безъ ума, безъ совѣсти, безъ энергіи его было сдѣлать нельзя. Кто-же это дѣлалъ? И здѣсь Герценъ ушелъ отъ западниковъ.

„Все то, что ставится такъ дорого другимъ народамъ, Россіи не было зачтено ни во что, или, хуже, послужило ей-же въ обвиненіе: ни то, что она уцѣлѣла подъ татарскимъ игомъ, ни то, что втихомолку выросла и сложилась въ огромное государство, отбившееся отъ всѣхъ сосѣдей и сохранившее самостоятельность; ни ея 1612, ни 1812 годы. О пожарѣ Москвы говорятъ только потому, что слишкомъ много иноплеменниковъ видѣли зарево. Избавила-ли Россія Европу отъ грубаго солдатскаго гнета или замѣнила его другимъ,— объ этомъ можетъ быть вопросъ. Но что Россія спасла Германію отъ французскаго ига, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса. Разверните Штейна, Аридта и другихъ современниковъ и посмотрите, какъ въ черную годину для Германіи лучшіе люди ея глядѣли на Александра I и на Россію. Что-же вышло изъ этого? Полнѣйшая ненависть не къ русскому правительству, не къ русскому вмѣшательству, а къ русскому народу, ко всякому нашему успѣху, ко всякому нашему человѣческому порыву. Такъ и узнаешь въ современныхъ публицистахъ Германіи измѣщанившихся братьевъ ливонскихъ рыцарей, не пропускавшихъ въ XVI в. докторовъ въ Россію. Не странно-ли все это?

„Вотъ вамъ еще примѣръ. Англія, ломающаяся отъ тучности и избытка силъ, выступаетъ за берега, переплываетъ черезъ океаны и создаетъ новые міры. Ей удивляются—и она заслуживаетъ удивленія. Но такъ-ли смотреть на подвиги колонизаціи Сибири, на ея почти безкровное завоеваніе? Горсть казаковъ и нѣсколько сотъ бездомныхъ мужиковъ перешли на свой страхъ океаны льда и снѣга—и вездѣ, гдѣ осѣдали усталыя кучки въ мерзлыхъ степяхъ, забытыхъ природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами. И это отъ Перми до Тихаго океана... И такія колоссальныя событія едва помѣчены исторіей, или помѣчены для того, чтобы поразить воображеніе дантовскимъ образомъ ледянаго острога въ нѣсколько тысячъ верстъ“.

(VI, 221 — 222).

Такихъ словъ не говорятъ наши западники. У нихъ клещами не

вырвешь признанія въ этомъ несомнѣнномъ и неоспоримомъ фактѣ. У Герцена хватило мужества и прямоты для этого вывода. Здѣсь онъ говоритъ языкомъ Н. Я. Данилевскаго въ его книгѣ „Европа и Россія“. Объясненіе этого факта—просто и естественно. Наслѣдственная привычка къ общинной жизни спаяла и цементировала народныя силы, давала прочность и устойчивость каждому новому починку и поселку, создавала изъ ничего живой и крѣпкій организмъ. Интеллигенція, дома всѣмъ и всему чужая, всюду вносила рознь и вражду, принципы одинокаго эгоизма, проповѣдывала „распыленіе“ населенія, превращеніе народа въ народныя массы, а этихъ уже полумертвыхъ массъ въ атомы, чтобы наполнить ряды безземельнаго пролетаріата, ради минутной потѣхи готоваго разбивать то, что строилось на вѣка. Пролетаріи и босяки—дѣти русской интеллигенціи, которая съ самаго своего начала усвоила себѣ черты богемы и ежедневнаго отрицанія. Ей удалось придушить творческія зиждательныя силы народа, сбросивъ его на дно, и она надѣется, что ея старческая истощенность и духовное оскотленіе дадутъ источникъ „новой жизни“ и новую правду. Теперь на пространствѣ всей Россіи идетъ борьба между этими двумя началами. Кто одолѣетъ? Сказать трудно. Ограниченность и лживость, беспощадность и наглость случайныхъ авантюристовъ и кондотьеровъ, наслѣдственныхъ паразитовъ и туенядцевъ, —огромная разрушительная сила. Погибая сами, они нанесутъ гибельный ударъ и народу. Мужикъ—строитель по инстинкту, по вѣрѣ и по совѣсти, какъ-нибудь обстроится и послѣ этого набѣга басурманской орды, но погибнетъ многое, что выросло и на народной почвѣ.

Видѣлъ въ мужикѣ эту творческую способность и Герценъ. „Что растетъ, то юно“,—говорилъ онъ.

„И тотъ-же юный пластицизмъ! Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринослава, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построенъ, а государство. Новороссійскій край лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешнія поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развѣваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи?

„Читая лѣтопись семейства Багровыхъ, я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ уфимскую провинцію съ „селле-

рами“, переселяющимися изъ Нью-Йорка куда-нибудь въ Висконсинъ или въ Иллиноа. Совершенно новая расчистка нежилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь. Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣнями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А вѣдь это всего вѣкъ тому назадъ. Тоже было въ Саратовскомъ краю и въ Пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ, чтобы они не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки). Земля для нихъ была все еще общимъ достояніемъ, той *res nullius*, на которую каждый имѣетъ право“. (V, 334—335).

Багровъ, можетъ быть, съ вѣшной стороны и походилъ на „сетлеровъ“. Но, несомнѣнно, во многомъ отъ нихъ и отличался. Иной воздухъ въ уфимской степи, и иной—въ американскихъ преріяхъ. Того нравственнаго цемента, который объединяетъ людей одной вѣры, одной совѣсти и дружной общей жизни у сетлеровъ не было и не могло быть. И тѣмъ не менѣ психологія русской колонизаціи подмѣчена вѣрно. Если нашъ мужикъ, приткнувшись кое-какъ на новомъ мѣстѣ, строится какъ-нибудь, на спѣхъ и наскоро, если личное удобство и комфортъ онъ отлагаетъ на будущее, то это только потому, что надо прежде всего покорить себѣ землю и природу, чтобы потомъ, когда первый напряженный трудъ придетъ къ концу, заняться этимъ уже на досугѣ. Если эта особенность народной души не сгибла подъ игомъ татаръ и помѣщиковъ, можно думать, что она не сгинетъ подъ игомъ нигилистовъ и социаль-демократовъ, и многоименныхъ пролетаріевъ, которые всѣмъ набьютъ оскомину свою младенческою сказочкою про бѣлаго бычка.

XXIV.

Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги.

Отмѣтивъ съ такою опредѣленностью самобытность русскаго народа, Герценъ сдѣлалъ попытку указать на главныя черты этой самобытности. Эта попытка ему не удалась. Онъ пѣлъ съ чужаго, нѣмецкаго голоса, а это всегда выходило у него неважно и, принимая съ вѣтру чужую мысль, онъ и самъ не замѣчалъ, что становится въ противорѣчіе съ собою.

„Воспримчивый характеръ славянъ, ихъ *женственность*, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и пластицизма дѣлають по преимуществу народамъ, нуждающимся въ другихъ народахъ. Они не вполне довлѣють себѣ. Оставленные на себя, „славяне легко убаюкиваются своими пѣснями“, какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ, „и дремлють“. Возбужденные другими, они идутъ до крайнихъ слѣдствій. Нѣтъ народа, который бы глубже и полнѣе усваивалъ себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою. Того упорнаго непониманія другъ друга, которое существуетъ теперь, какъ за тысячу лѣтъ, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нѣтъ. Въ этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натурѣ лежитъ необходимость отдаваться и быть увлекаемымъ.

„Чтобы сложиться въ княжество, Россіи были нужны варяги.

„Чтобы сдѣлаться государствомъ, монголы.

„Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую.

„Но при всей своей воспримчивости не оказали-ли славяне вездѣ полнѣйшую неспособность къ развитію *современнаго* европейскаго государственнаго чина, постоянно впадая или въ отчаяннѣйшій деспотизмъ или въ безвыходное неурстройство?

„Эта неспособность и эта неполнота—великіе *таланты* въ нашихъ глазахъ“. (11, 411).

Нѣмцы—большіе мастера на такіе комплименты. Они хотять видѣть въ славянствѣ *женственность*, чтобы держать ихъ въ своей опекѣ. Они приписываютъ славянамъ довѣрчивость и наивность, чтобы отказать имъ въ талантѣ управленія. И въ этомъ есть, конечно, своя доля правды. Но вспомнимъ то, что Герценъ говорилъ объ „юномъ пластицизмѣ“ русскаго народа. Эта работа и подвигъ крѣпкаго мужа, а не слабой женщины. Чтобы сразу и прочно осѣсть на новомъ мѣстѣ, нужна прежде всего способность самоуправленія, способность, охраняя свободу личности, всѣхъ привлечь къ общему дѣлу. Въ этой именно способности и заключается тайна роста русской государственности. Эта способность сказывалась и въ томъ, что каждый русскій, дѣлая свое личное дѣло, былъ убѣжденъ, что въ то-же время онъ дѣлаетъ и государево дѣло. Какъ ни разнообразны типы и характеры отдѣльныхъ людей, но всѣ они дѣлали одно общее дѣло и въ этомъ со-

знаніи общенія и единства почерпали руководящее начало всей своей дѣятельности. Наслѣдственный неистребимый инстинктъ всегда подсказывалъ вѣрную цѣль и ближайшую къ ней дорогу.

Сложность государственной организациі не по душѣ мужику. Ему дороги и понятны только самыя общія схемы государственнаго механизма. Онъ врагъ регламентациі и формалистики. Онъ никогда не создавалъ того, что называется правительствомъ. Царя онъ зналъ и видѣлъ въ немъ идеалъ правды и справедливости. А на правительство смотрѣлъ, какъ на стихійную силу, съ которой такъ или иначе надо считаться, но въ которой его правды и его совѣсти нѣтъ. Онъ предпочиталъ стоять на своихъ ногахъ, признавая надъ собою только царскую волю и во всемъ повинуюсь ей, а въ остальномъ руководствоваться своею совѣстью и своимъ здравымъ смысломъ. Онъ не былъ за бояръ въ московской Руси и за чиновниковъ въ петербургской. Въ эти рамки его душа не вмѣщалась.

Когда подходили въ томъ или другомъ столѣтіи двѣнадцатые годы, какъ въ 1812 и особенно 1612, когда онъ видѣлъ, что опасность грозитъ самымъ основамъ государственнаго строя,—онъ поднимался, чтобы устранить разруху и привести дѣло въ порядокъ. Это—главное дѣло и, сдѣлавъ его, онъ уходилъ въ свой маленькій мірокъ. Къ мелочамъ политической жизни, какъ и къ политикѣ вообще, онъ равнодушенъ. Его желаніе—въ томъ, чтобы его по возможности оставили въ покоѣ и дали возможность заниматься своимъ и мірскимъ дѣломъ.

Теперь, когда ему приходится создавать себѣ правительство, контролировать и мѣнять его, онъ стоитъ передъ такою задачею, которая не проясняется ни прошлымъ опытомъ, ни настоящими потребностями. Да, придти къ царю разъ и сказать ему всю правду,—это ему дѣло знакомое и понятное. Но его правда—не пролетарская: она не на годъ и не на два. Она неизмѣнчива. Что-же толку повторять ее изъ году въ годъ? А слѣдить за всѣми мелочами и частностями—въ своемъ міру онъ привыкъ и умѣетъ, а прилаживаться къ борьбѣ партій—ему не по душѣ. Нельзя забывать, что онъ, пахарь и кормилецъ родной земли, будетъ имѣть дѣло съ людьми, мнѣнія и желанія которыхъ онъ считаетъ грѣхомъ и неправдой. Онъ занятъ дѣломъ и любитъ дѣло. Онъ не охочъ до ежедневной полемики, на которой его противники зубы съѣли и внѣ которой они круглый нуль. Ему придется слушать рѣчи тамъ, гдѣ надо рѣшать и рѣшать серьезно общее

дѣло, которое онъ привыкъ рѣшать по Божьи и по совѣсти, съ общаго по возможности согласія всѣхъ.

Если-бы Дума выросла на почвѣ деревенскаго самоуправленія, постепенно поднимаясь снизу вверхъ, онъ-бы безъ лишнихъ рѣчей и словъ самымъ точнымъ образомъ высказалъ-бы свою мысль. Но переходъ отъ деревенскаго схода къ Государственной Думѣ такой головоломный скачекъ, что простому мужику не сообразиться съ такою перемѣною декорацій. Несомнѣнно, что на первый планъ выступятъ не его интересы, не его желанія. Дѣло будетъ рѣшаться не по его совѣсти и не по его вѣрѣ. Опытные говоруны закидаютъ его словами и собьютъ съ толку. Онъ снова увидитъ, что господа пустили его въ правительство только для мебели и эффекта. Барская затѣя покажется ему барскимъ пустякомъ. И онъ снова выкинетъ ту-же штуку, которую онъ не разъ уже выкидывалъ въ исторіи: онъ снова забастуетъ для исторіи и будетъ ждать лучшихъ временъ.

„Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги. Онъ упрется, ляжетъ на ней, вратеть въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ“. (VI, 287).

Но этотъ сонъ будетъ не подъ крѣпостнымъ правомъ, съ которымъ народъ какъ-никакъ мирился, а подъ Батыемъ и подъ Мамаемъ. Народъ будетъ знать, что наверху настоящій врагъ: онъ стрѣлялъ изъ револьверовъ въ образа и издѣвался надъ его вѣрой.

XXV.

„Народъ не съ ними“.

На нашихъ глазахъ двухвѣковая трагикомедія приходитъ къ концу. Полный разрывъ становится очевиднымъ даже очень близорукимъ. Мнимые друзья народа явно стали его непримиримыми врагами. Отнынѣ когда-то затаенная и прикрытая вражда снимаетъ свою маску. Мужику приходится начинать эту борьбу и довести до конца. Лукавой рѣчью и хитрымъ словомъ не замажешь трещины.

Чуткіе и проникательные люди, въ томъ числѣ и Герценъ, давно уже видѣли эту трещину и указывали на нее. Но праздномысліе и празднословіе всегда имѣли неотразимое вліяніе на передовые умы и кондотьеры слова долго съ успѣхомъ отлыгались отъ истины.

„Каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ (русскимъ доктринарамъ нѣмецкой складки) страшную истину, что не только правительство противъ нихъ, но что и *народъ не съ ними* или, по крайней мѣрѣ, что онъ совершенно чужой. Если онъ недоволенъ, то со всѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны“.

„Народъ не съ вами,—говорилъ Герценъ французскимъ демократамъ,—потому что въ вашей борьбѣ онъ не находитъ своей, потому что ваша борьба—борьба двухъ правительственныхъ формъ—не его борьба... Вы воображаете, что приобрѣли дѣло, когда произнесли слово, а народу дѣла нѣтъ до словъ. Народъ не съ вами, наконецъ, потому, что вы должны быть съ нимъ“. (V, 144).

Въ послѣднихъ словахъ та магическая формула, которая одна только и выводитъ изъ заколдованнаго круга праздныхъ словъ и праздной жизни. Не орлами ширять по поднебесью, не озарять свѣтомъ новой правды все человѣчество, а быть вѣрными слугами народа, т. е. мужика, должны бы тѣ русскіе люди, которые за счетъ мужика получаютъ знаніе и образованіе. Стать внѣ народа и брать на себя какую-то самостоятельную роль—могутъ только люди грубаго и черстваго сердца, беспочвенные мечтатели, полумертвые доктринеры. Но эта простая истина русской интеллигенціи была недоступна и поэтому все, что она дѣлала, было пародією и каррикатурой, туманной картиной волшебнаго фонаря, мимолетной тѣнью, не оставляющею слѣдовъ на холстѣ.

„Масса русская не идетъ въ правильную складку. На этомъ держится доля всѣхъ надеждъ. При чрезвычайной впечатлительности и поверхностной подражательности, у насъ все перенималось—и ничего не пустило корней. Всѣ монополии, исключительныя права привилегіи, сословныя разграниченія являлись съ каррикатурными преувеличеніями—грубо, дерзко и нестерпимо ярко, окраски (большою частью казенныя) были линючи, не могли выдержать перваго ливня. Одна сильная метель—и все исчезнетъ, какъ исчезли военныя поселенія, стоившія столько-же жизнью, какъ сраженіе, и вдвое болѣе страданій, чѣмъ цѣлая война... И какъ исчезнетъ? Не оставляя по себѣ ни жалости, ни другаго слѣда, кромѣ пыльныхъ бумагъ въ архивѣ, да изумленія, что *это было*, что это *могло быть* въ самомъ дѣлѣ“ (VI, 374).

Такъ исчезли военныя поселенія, такъ не удалась организація го-

родскаго сословія, такъ исчезло крѣпостное право, такъ исчезнетъ все, что создаетъ русская интеллигенція. И теперешніе ея замыслы—только мыльные пузыри, какъ они ни ярки и ни пестры. Крѣпко только то, что дѣлаетъ самъ народъ. А ему уже два вѣка ничего дѣлать не давали.

„Царь Борисъ былъ большой просвѣтитель и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ“.

„Цѣпь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока Петръ I заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы“. (V, 189).

„И съ положеніемъ перваго камня на балтійскомъ берегу начался новый актъ трагедіи: его характеръ—открытое расторженіе народа на двѣ части: одну нѣмью, другую постороннюю народу, безхарактерную“. (VI, 110).

„Петръ разрушилъ въ правительствѣ единство съ народомъ. Онъ отвлеченныя понятія поставилъ вмѣсто косныхъ, непосредственныхъ понятій, вызвалъ полярность, противопоставилъ одни элементы другимъ. Родные братья, вовлеченные въ борьбу, не узнавали другъ друга. И тутъ ихъ вина болѣе, нежели переворота: они безсознательно были братья и поэтому инстинктъ не устоялъ противъ революціи. Правительство заняло относительно народа совсѣмъ другое мѣсто. Оно не его мысль выражало, а мысль европеизма и отвлеченной централизаціи. Оно сочло себя—за одно желаніе образованія—образованнымъ и смотрѣло на народъ, какъ на стадо“. (VI, 111—118).

Интеллигентное русское общество явилось только сколкомъ съ петровскаго правительства: и до сихъ поръ, оно считаетъ себя образованнымъ за совершенно платоническое преклоненіе передъ какой-то наукой, никому невѣдомой и вымышленной. И за это считаетъ себя призваннымъ быть вожакомъ народнаго стада, хотя совершенно не знаетъ, куда его вести и какъ вести.

Оно всегда было чужимъ въ народѣ и инстинктивно искало другой почвы. Ему показалось, что его родина—западъ и что оно, оторвавшись отъ темнаго и невѣжественнаго роднаго народа, можетъ войти, какъ полноправный членъ, въ семью западныхъ народовъ. Но это была только барская блажь, которая блажью остается и до нашего времени.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о преподаваніи исторіи и обличенія раскола и сектъ въ дух. семинаріяхъ.

(По поводу статьи проф. Н. И. Ивановскаго въ янв. кн. „Мисс. Об.“ за 1906 годъ).

О постановкѣ преподаванія обличенія расколо-сектантства въ духовныхъ семинаріяхъ и о болѣе правильной, а главное—болѣе жизненной, организаціи миссіонерскаго дѣла вообще, поднимались уже давно вопросы, но отвѣта опредѣленнаго и твердаго, кажется, не было.

Проведенная Н. И. Ивановскимъ мысль о желательности сокращенія преподаванія исторіи и обличенія расколо-сектантства, въ надеждѣ на уроки по церковной исторіи, — несомнѣнно вѣрна. И это, полагаю, можетъ подтвердить каждый изъ проходившихъ въ семинаріи церк. исторію и истор. раск.-сект. съ обличеніемъ его, а также подтвердятъ и преподаватели, знакомые съ обличеніемъ раскола не по учебнику только, но и практически.

Я съ своей стороны считаю не лишнимъ высказать и свои соображенія по сему вопросу.

Сокращенное въ сравненіи съ настоящимъ преподаваніе исторіи и обличенія раскола не дастъ ничего хорошаго, но и настоящее немного даетъ. Укажу нѣсколько фактовъ.

Я самъ въ семинаріи „проходилъ“ расколъ. Были у насъ (въ Томскѣ) попытки и вести бесѣды съ раскольниками, которыя подъ наблюденіемъ нашего преподавателя велъ миссіонеръ-начетчикъ. И вотъ, бывало, пока говоритъ нашъ защитникъ православія, такъ и

кажется: „пропаль раскольникъ. Теперь ему только уходить съ бесѣды остается, если не хочетъ сознаться въ своей неправотѣ“. Но когда дойдетъ очередь до начетчика и онъ станетъ приводить свои аргументы, страшишься несостоятельности нашего сотрудника. И такъ почти во все время бесѣды, — несмотря на то, что бесѣда касалась предмета, пройденнаго на урокахъ, листы и тексты по которому еще не успѣли испариться изъ головы. Такъ было въ семинаріи.

Дальше. Когда я кончилъ курсъ и поступилъ въ псаломщики, въ первый же годъ зачислился въ число сотрудниковъ противораскольника епархіальнаго братства и сталъ опять готовиться. Учебникъ просмотрѣлъ еще разъ: даже прочелъ отъ корки до корки Катихизисъ, Златоустникъ и Кн. о вѣрѣ. Дѣлалъ это, разумѣется, не по принужденію, а единственно изъ желанія обогатить себя знаніями. Но и послѣ этого, когда пошелъ въ домъ къ расколку побесѣдовать, — при томъ неграмотному, о чемъ былъ освѣдомленъ, такъ, надо сознаться, съ такимъ страхомъ подходилъ туда, что, еслибъ не стыдъ за свое малодушіе, непременно вернулся бы домой.

Въ чемъ же причины этого? Можетъ быть, только я такой трусъ? Нѣтъ. Подобное же я слышалъ отъ многихъ, изучившихъ и догматику, и церк. исторію, и обличеніе раскола — товарищей. Потомъ, когда я прослужилъ уже лѣтъ шесть, значить почти всякіе виды видалъ, пришлось мнѣ ѣздить по одному благочинію съ благочинническимъ мисс-священникомъ. И тотъ по учебнику обличеніе раскола зналъ хорошо, кромѣ того, по моему указанію, готовясь при мнѣ провести бесѣду, просмотрѣлъ необходимое по соч. арх. Павла Пруссака, составилъ и даже записалъ планъ бесѣды, — словомъ сдѣлалъ все въ его положеніи возможное, чтобы самому съ успѣхомъ провести бесѣду; когда же началъ, смотрю, вскорѣ все сложилъ на меня. „Не знаю, — объяснялъ онъ послѣ, — какой-то страхъ напалъ“. Словомъ, явленія такія не рѣдкость. Въ чемъ же дѣло?

Ни въ чемъ другомъ, полагаю, какъ въ томъ, что знанія, какія мы получили въ семинаріи, не были нами, такъ сказать, переварены, какъ слѣдуетъ, прочувствованы. Знали мы и листы, и тексты, но только до перваго возраженія, твердо и съ убѣжденіемъ высказаннаго противъ нихъ. Дѣло въ томъ, что насъ не учили пользоваться своими знаніями, не подготовили къ разнымъ неожиданнымъ вопросамъ и не

выработали находчивости. Практически знакомые съ полемикой поймутъ меня, такъ какъ знаютъ, какое значеніе имѣеть послѣдняя.

Въ бесѣдахъ, напр., бываютъ и такіе случаи. Разъ велъ я бесѣду въ первый же годъ своего служенія миссіи. Слушателей чело-вѣкъ 20. Среди нихъ одинъ начетчикъ, хотя и не особенно важный, но для меня тогда и этотъ былъ страшень. Рѣчь зашла о перстосложеніи. Пришлось сослаться на извѣстное мѣсто изъ Больш. Катих.: „три персты возлагаемъ на чело“. Дѣлаю выводъ, что здѣсь рѣчь о троеперстїи и служить противъ старообрядцевъ двуперстниковъ. Но начетчика этимъ я не удивилъ. Онъ нашелся и говорить, что они такъ и дѣлають, т. е. на чело возлагають три перста. Меня это, конечно, озадачило и такимъ образомъ удивленнымъ оказался я. Пытаюсь выйти изъ затрудненія, складываю персты по-старообрядчески и спрашиваю, такъ ли они крестятся?—Такъ, говорятъ. Затѣмъ кладу два пальца на лобъ и спрашиваю, такъ ли они дѣлають?—Такъ, отвѣчаютъ. „Сколько же пальцевъ я на лобъ положилъ?“ спрашиваю начетчика. Говорить: „три“. „Какъ же такъ, допытываюсь, три? Вѣдь я держу два?“— „Два-то два, говорить, да и три-то не отсѣчены. Вотъ и мы, когда кладемъ два перста, три тутъ же, значить, и ихъ кладемъ“. Чтобы сдѣлать начетчика безотвѣтнымъ, показываю два пальца—указательный и средній—уже народу, полагая, что они будутъ болѣе правдивы и безпристрастны, и спрашиваю: сколько показываю пальцевъ? Молчатъ. Прошу отвѣтить. Они переглянулись: „дамы, говорятъ, неграмотны, ты вотъ съ нимъ бесѣдуй“, и указываютъ на начетчика. Что было дальше дѣлать? Кто испыталъ на опытѣ, что раскольники, когда не могутъ взять мытьемъ, такъ стараются взять катаньемъ, лишь бы, хотя бы кажущійся, да ихъ перевѣсъ былъ, тотъ пойметъ, что несмотря на всю нелѣпость возраженія начетчика и явную недобросовѣстность слушателей, я долженъ былъ съ этимъ возраженіемъ считаться, да еще опровергать его не отъ разума, а отъ писанія. Пришлось сдѣлать выводъ, что такъ какъ два перста они непосредственно возлагають на чело, да и остальные три кладуть сюда же, значить, крестятся всѣми пятью, а это-де въ Больш. Кат. на л. 7 запрещено. Только уже послѣ этого начетчикъ замолчалъ. Но это я узналъ не изъ учебника. Да, подобныхъ неожиданностей не мало.

Какой же выводъ изъ этого? Нужно ли все подобное собрать и составить учебникъ объемомъ, положимъ, съ кн. Никона Черног. и полпуда вѣсомъ, — нужно ли составить своего рода „Маргаритъ“? Полагаю, что, если бы кто и сдѣлалъ это, это было бы недурно, но только не годилось бы для изученія въ семинаріи. Но тогда, какъ же быть съ преподаваніемъ въ семинаріи, если полного руководства, если бы оно и было, дать нельзя, а современное не достаточно?

Я, будучи преподавателемъ церковной исторіи и истор. и облич. раскола въ миссіонерско-катихизаторскомъ училищѣ, въ текущемъ учебномъ году сдѣлалъ такой опытъ.

Ученики 6-го кл. проходятъ обличеніе раскола въ общемъ въ томъ же объемѣ, какъ и прежде — по учебн. Плотникова, — съ тою только разницею, что одно изъ учебника мной было опущено, а другое прибавлено. Въ 8-мъ кл. изъ 6-ти уроковъ по исторіи раскола одинъ удѣлили на изученіе обличенія его, но только проходимъ одни возраженія раскольниковъ безъ ознакомленія съ опроверженіемъ ихъ. При этомъ указываю, какъ именно и въ какой именно полнотѣ пользуются тѣмъ или другимъ возраженіемъ раскольники. Преподаваніе въ томъ и другомъ классѣ ведется такъ, что въ обоихъ классахъ за недѣлю проходитъ одна и та же часть учебника. Затѣмъ, обыкновенно въ пятницу, одинъ изъ учениковъ 8-го кл. — очередной миссіонеръ — идетъ на урокъ раскола въ 5-й кл. къ „раскольникамъ“, гдѣ по пройденнымъ вопросамъ и происходитъ бесѣда. При этомъ требуется, чтобы онъ держалъ себя передъ слушателями не какъ предъ товарищами, а какъ предъ людьми незнакомыми. Старообрядцы-пятиклассники со своей стороны выставляютъ двухъ собесѣдниковъ — начетчика и помощника ему, — но большею частью принимаютъ участіе всѣ болѣе ревностные. На слѣдующій день начетчикъ идетъ въ 6-й классъ и ведетъ бесѣду по тѣмъ же вопросамъ. Въ итогъ получается то, что ученикъ 6-го класса „практикуется“ въ 5-мъ, а ученики этого класса, и не готовясь, уже на практикѣ изучаютъ то, что въ 6-мъ имѣютъ учить по учебнику. А кромѣ всего этого оба класса слышатъ достоинства и недочеты бесѣдъ совопросниковъ и, разумѣется, дѣлаютъ должные выводы. Такой постановкой, думается, достигается двоякая цѣль: 1) облегчается изученіе предмета, и 2) вырабатывается умѣнье владѣть своимъ оружіемъ, умѣнье управлять ходомъ бесѣды и находчивость. А насколько не-

обходимо стремиться къ достиженію 2-го, показываютъ, между прочимъ, такіе случаи. Мнѣ, напр., не разъ приходилось выслушивать отъ какого-нибудь ученика хорошую передачу урока и ставить за это 4 или 5. Но когда послѣ этого сдѣлаешь ему нѣсколько возраженій, даже указанныхъ въ учебникѣ, но съ отгѣнкомъ, какой не проведенъ въ учебникѣ, ученикъ становился безотвѣтнымъ, хотя въ общемъ это и довольно развитые люди.

Затѣмъ, я облегчалъ изученіе раскола и тѣмъ, что почти не требовалъ заучиванія на память приводимыхъ въ учебникѣ текстовъ и листовъ, предоставляя полное право все подыскивать въ выпискахъ Озерскаго и, съ одной стороны, опускать, что приведено въ учебникѣ, а съ другой, приводить, что есть у Озерскаго, но оставлено въ учебникѣ. Вообще имѣлось въ виду одно, — чтобы ученикъ въ состояніи былъ оправдать или опровергнуть извѣстную мысль, откуда бы ни почерпалъ матеріалъ для этого, т. е. разумію, непосредственно ли изъ старопечатныхъ книгъ, или изъ вып. Озерскаго. При веденіи бесѣдъ позволялъ имѣть подъ руками какія угодно пособія, хотя бы тотъ же учебникъ. Словомъ, не столько имѣлъ въ виду набить голову ученика знаніемъ „на память“, сколько выработать въ немъ умѣнье пользоваться хотя бы тѣмъ малымъ, что собрано въ болѣе извѣстныхъ руководствахъ и пособіяхъ, въ родѣ вып. Озерскаго, соч. митр. Григорія, или въ томъ же учебникѣ. При этомъ и запоминаніе происходило само собою, безъ „заучиванія“: причемъ, чтобы подготовить учениковъ къ разнаго рода неожиданностямъ въ полемикѣ съ раскольниками, я старался сообщить на урокахъ все, съ чѣмъ на опытѣ ознакомился самъ.

О результатѣ такихъ занятій говорить пока преждевременно, потому что такой методъ въ нашемъ училищѣ практикуется только еще 1-й годъ. Но миссіонерскія способности учениковъ я уже знаю, и убѣжденъ, что такая постановка преподаванія исторіи и обличенія раскола наиболѣе отвѣчаетъ миссіонерской пользѣ этой каѳедры.

Преподаватель Бійскаго мисс.-катихиз. уч. епарх. мисс.

Священникъ А. *Фелидовъ*.

Почему православные отпадаютъ въ сектантство?

Вопросъ о томъ, почему православные люди уходятъ въ сектантство, всегда занималъ миссіонеровъ и пастырей приходовъ; они съ чувствомъ великой скорби и недоумѣнія не разъ видѣли, какъ уходятъ въ сектантство иногда и лучшіе люди въ приходѣ, становясь потомъ открытыми врагами всего, что носитъ имя православія. Гдѣ причина этого печальнаго явленія?

При рѣшеніи этого вопроса, нужно всегда помнить, что всякая религія дорога человѣку и привязываетъ его къ себѣ постольку, поскольку она удовлетворяетъ потребностямъ всѣхъ сторонъ его души: ума, сердца и воли. Неудовлетвореніе одной изъ нихъ ведетъ къ холодности и индифферентизму въ религіи, неудовлетвореніе всѣхъ—къ невѣрію; отсюда и отступленіе отъ вѣры. Я, конечно, не отрицаю возможности отпаденія отъ нея и по другимъ,—нечистымъ, эгоистическимъ причинамъ, но въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду отпаденія отъ православія людей, искренно ищущихъ спасенія и вѣчной жизни.

Итакъ, посмотримъ, насколько современная православная русская церковь удовлетворяетъ религіозныя потребности ея членовъ, особенно изъ простаго народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря школамъ и просвѣщенію, народъ въ своемъ умственномъ развитіи шагнулъ далеко впередъ; теперь онъ уже желаетъ осмыслить свою вѣру, и вопросы—что, какъ и почему существуетъ въ церкви, къ которой онъ принадлежитъ, очень тревожатъ и волнуютъ его умъ. Его любознательность еще болѣе увеличивается вслѣдствіе проникающихъ въ его среду религіозныхъ идей чисто отрицательнаго характера. Кто же и какъ долженъ удовлетворить естественную любознательность вѣрующаго христіанина? Конечно, пастырѣ его,—и путемъ прежде всего проповѣди, вѣбогослужебныхъ бе-

сѣдъ, чтеній, путемъ снабженія соотвѣтствующаго содержанія книгъ и проч.

Безспорно, огромное значеніе должно имѣть, не только въ смыслѣ удовлетворенія эстетическаго чувства, а и въ смыслѣ религіозно-воспитательномъ, христіанское богослуженіе въ св. храмѣ.

Но считаю совершенно лишнимъ доказывать, что современная проповѣдь и вообще наученіе христіанской вѣрѣ стоитъ въ нашей церкви на очень низкомъ уровнѣ, что въ этомъ повинны не только пастыри, а и архипастыри, что ихъ мѣсто стали занимать въ городахъ на трибунахъ и кафедрахъ богословствующіе либералы изъ интеллигенціи, придумывающіе новое христіанство, а въ деревняхъ—сектантскіе вожаки, искажающіе православіе. Половина слышанныхъ мною по селамъ проповѣдей была на тему о богачѣ и Лазарѣ, и это часто говорилось тому народу, который пухнулъ отъ голода. И нѣтъ ничего удивительнаго, что то невѣжество и полуязычество среди простаго народа, та непроглядная тьма, гдѣ вѣра смѣшалась съ суевѣріемъ, о которой 20 лѣтъ назадъ такъ часто и громко говорилъ приснопамятный архіепископъ херсонскій Никаноръ, царить и теперь среди народной массы во всей своей силѣ.

Если проповѣдь церковная молчитъ, то и богослуженіе Православной церкви мало научаетъ ея членовъ, будучи совершаемо на языкѣ, мало для нихъ понятномъ. Слова благовѣстія Христова и тѣ читаются въ храмѣ на малопонятномъ для народа славянскомъ языкѣ. Нужно имѣть много любви и привязанности къ церкви, чтобы простоять зимою въ очень холодномъ, а лѣтомъ въ душномъ храмѣ подрядъ нѣсколько часовъ, не понимая ни того, что говорятъ въ немъ, ни того, что дѣлаютъ. Даже дома простолюдинъ молится безсознательно, молится наоборомъ до неузнаваемости искаженныхъ славянскихъ словъ, дающихъ въ своемъ сочетаніи одну бессмыслицу.

По самой природѣ своей, какъ и вообще всѣ славяне, нашъ русскій народъ очень пѣвучъ и ему можно было бы найти для себя великое религіозное удовлетвореніе и эстетическое наслажденіе въ участіи въ церковномъ пѣніи, но онъ и этого лишень, будучи принужденъ слушать неродственные его духу, чуждые напѣвы, исполняемые неискусными хорами или охрипшимъ по разнымъ причинамъ дьячкомъ. Лишь въ очень немногихъ приходахъ стали вводить общее пѣніе цер-

ковныхъ молитвъ въ храмахъ: не смотря на указаніе и Типикона на общее пѣніе, многіе смотрятъ на него, какъ на излишнюю затѣю.

Не находя удовольвенія своему уму, религіозному и эстетическому чувству въ храмѣ, нашъ народъ мало видитъ хорошаго и въ жизни членовъ своей церкви. Ему прекрасно извѣстны великіе завѣты Христа Спасителя: „люби ближняго, какъ самого себя“ (Мѡ. 22, 37—40); „по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. 13, 35); „любите враговъ вашихъ“ (Лук. 6, 27—28); „да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ да будутъ въ Насъ едино“ (Іоан. 17 гл.) и др. Но въ то же время народъ видитъ, какъ ежедневно на каждомъ шагу грубѣйшимъ образомъ нарушаются эти святыя завѣты Христа тѣми, кто носитъ великое имя „христіанинъ“. Видитъ онъ безпомощную въ приходѣ бѣдность однихъ наряду съ увеличивающимся благосостояніемъ другихъ, холодныхъ и безучастныхъ къ положенію немущихъ; видитъ онъ раздоры въ семьѣ, ссоры между родственниками и сосѣдями, вражду между цѣлыми селами; видитъ частые случаи воровства, насилій, грабежа, поголовнаго пьянства, разгула молодежи, лицемѣрія въ вѣрѣ, безразличія къ ней и даже кощунства. Видитъ, что всѣ эти пороки его односельчанъ никѣмъ не сдерживаются, не исправляются, а изо дня въ день множатся и растутъ,—что даже пастырь церкви не обращаетъ вниманія на ихъ искорененіе, напротивъ—и у него самого есть многія слабости и даже пороки, остающіеся на глазахъ у его пасомыхъ, къ великому ихъ соблазну, въ то время, какъ именно онъ, какъ отецъ прихода, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, чтобы освѣщать всѣхъ свѣтомъ любви, вѣры и жизни христіанской,—прежде всего долженъ заботиться о нравственномъ исправленіи своихъ прихожанъ и проведеніи въ ихъ жизнь духа Христовой любви, долженъ и словомъ и примѣромъ жизни своей ввѣдрять въ жизнь прихода начала Евангельскаго ученія. Мало того,—въ силу Богомъ данной ему власти, пастырь прихода долженъ не только учить и священнодѣйствовать, но и управлять ввѣренными ему душами, по заповѣди Христа: „что свяжете на земли, будетъ связано на небѣ“ (Мѡ. 18), долженъ налагать на сознательно погрѣшающихъ въ вѣрѣ и жизни членовъ церкви духовныя мѣры наказанія, долженъ, съ участіемъ всего прихода, какъ ап. Павелъ съ участіемъ коринфскихъ

христіанъ, принимать мѣры исправленія порочныхъ своихъ прихожанъ. Всего этого нѣтъ; вездѣ въ приходяхъ распущенность и своеволие. Но такъ не должно быть, думаетъ ищущій спасенія христіанинъ, иначе это общество—не христіанское; оно таково только по имени; въ немъ нѣтъ Христа, слѣд., нѣтъ и возможности спасенія.

Пора понять, что многіе изъ современныхъ христіанъ ищутъ Христа, не какъ отвлеченный, прекрасный образъ, не какъ Христа, сидящаго только на небесахъ одесную Отца, а какъ реальное Его обнаруженіе въ жизни послѣдователей на землѣ, какъ Христа, всегда пребывающаго среди Своихъ вѣрныхъ въ основанной изъ нихъ и для нихъ, исполненной благодати св. Церкви, въ которой Онъ обѣщаль быть всегда, „до скончанія вѣка“. Отъ несовершенства христіанской жизни православныхъ людей ищущій лучшей жизни и спасенія ошибочно заключаетъ о несовершенствѣ православной вѣры, забывая, что причина перваго лежитъ въ самихъ людяхъ, въ ихъ слабой или злой и испорченной волѣ. Во всякомъ случаѣ, не отпадая открыто отъ церкви, не порывая еще съ нею видимой связи, люди, ищущіе спасенія, не удовлетворенные въ своихъ религіозно-нравственныхъ запросахъ и желаніяхъ перерожденія окружающей ихъ православной среды, очень близки къ отпаденію отъ церкви, по крайней мѣрѣ представляютъ собою хорошо подготовленную почву для насажденія и произрастанія сѣмянъ всякой ложной вѣры и мнимаго показного благочестія.

Для такихъ людей вопросъ объ отступленіи отъ церкви—вопросъ только времени и, если хотите, даже случая.

Пропагаторы раскола и особенно сектантства очень хорошо это понимаютъ и, соврацая колеблющихся православныхъ, выставляютъ имъ напоказъ и подчеркиваютъ тѣ именно недостатки, которыми страдаетъ наше современное православное общество. Свою проповѣдь они ведутъ очень искусно, начиная на первыхъ порахъ съ предметовъ, повидимому, менѣе важныхъ, не затрагивая даже вопросовъ вѣры.

Въ дни, напр., говѣнія сектантъ посѣщаетъ православнаго и задаетъ ему хотя бы такой вопросъ:

— Что, отговѣлся?

— Да,—отвѣчаетъ православный,—Господь сподобилъ.

— Я видѣлъ, что и земскій начальникъ былъ въ церкви, вѣроятно, тоже говѣлъ.

— Да, говѣль.

— И зачѣмъ это вашъ батюшка его причащаетъ, да еще и просфору при народѣ подносить? Вѣдь только разъ въ годъ и бываетъ въ церкви; теперь его снова увидишь тамъ ровно черезъ годъ. Развѣ это членъ церкви?

— А приставъ тоже говѣль?

— Да, говѣль.

— И опять, какъ и всегда, съ своею сожительницею? Онъ впереди народа, а она съ незаконными дѣтьми на клиросѣ. Навѣрно, какъ и въ прошлые годы, батюшка вынесъ имъ по просфорѣ. И это у васъ православіе? Распутство одно! Прочитай посланіе къ Коринѳянамъ, тамъ увидишь, какъ поступали съ такими людьми въ истинной Христовой церкви.

Сектантъ уходитъ, а въ душѣ православнаго еще болѣе усилилось справедливое недовольство отсутствіемъ церковной дисциплины, которое еще яснѣе имъ сознается при чтеніи слова Божія.

Далѣе сектантъ уже не оставляетъ намѣченной имъ жертвы. Явившись къ православному вторично, онъ, какъ бы мимоходомъ, спрашиваетъ его.

— Слыхалъ, какое несчастіе случилось съ Степаномъ?

— Да, самъ былъ тамъ. Сгорѣло все: домъ, лошади, хлѣбъ; сразу въ бѣдняка превратился.

— Что же, ваши помогли ему?

— Какъ же, помогли: что уцѣлѣло отъ пожара, то растащили по домамъ.

— Ну, и народъ же у васъ! Хуже татаръ, а еще „православными“ называются. А вотъ у насъ, слава Богу, не такъ: когда такая же бѣда случилась съ Иваномъ, мы всѣмъ міромъ скоро поставили ему новую хату, выорали и засѣяли своими сѣменами поле, міромъ же убрали, свезли и смолотили хлѣбъ и отдали ему готовое зерно. Бери и съ Богомъ поправляйся! Вотъ вы съ презрѣніемъ называете насъ „штундами“, а скажи, гдѣ проявилась Христова любовь, у васъ или у насъ. Христосъ сказалъ: „по тому узнають, что вы ученики Мои, что любите другъ друга“. Кто же ученики Христовы—вы или мы?

Православный молчитъ, да и что онъ сектанту скажетъ?

— А можетъ быть, вашъ батюшка убѣдитъ прихожанъ помочь несчастному? — лукаво спрашиваетъ сектантъ.

— Батюшка? Ну, это врядъ ли: кто его послушаетъ?

— Это правда. Кто его послушаетъ, когда онъ думаетъ только о себѣ; только и знаетъ, что у другихъ брать: родится кто—береть, женится—береть, умретъ—береть, а вѣдь написано въ Евангеліи: „даромъ получили, даромъ и давайте“. Да, кажется, и ты имѣлъ съ нимъ дѣло, когда сына женилъ?

И вспомнилъ православный многодневный торгъ съ батюшкой изъ-за вѣнчанія своего сына, вспомнилъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ надбавилъ батюшкѣ послѣдній рубль и какъ при этомъ батюшка при народѣ оскорбилъ его, обвинивъ въ скупости, и пр. И чувство недовольства и неуваженія къ своему пастырю зашевелилось въ глубинѣ души его. Онъ мысленно сталъ перечислять всѣ отрицательныя качества своего пастыря и его пасомыхъ и, быть можетъ, впервые осудилъ ихъ всѣхъ. Сектантъ опять уходитъ, а у смущеннаго его рѣчами православнаго чувство недовольства жизнію всей паствы и безучастнымъ отношеніемъ къ ней пастыря продолжаетъ расти и увеличиваться.

Онъ уже дѣлаетъ сравненіе между жизнью православныхъ и сектантовъ, и оно роковымъ образомъ все склоняется въ пользу послѣднихъ. „Хорошіе, думаетъ онъ, люди сектанты, лучше нашихъ; одно жаль: вѣру поломали и въ храмъ Божій не ходятъ“...

Въ третье свое посѣщеніе православнаго сектантъ затрагиваетъ вопросы уже на иную тему.

— Куда это? — спрашиваетъ онъ православнаго.

— Въ церковь.

— Въ какую?

— Какъ въ какую? Да въ нашу.

— Развѣ это церковь? Церковь не въ стѣнахъ изъ камней, а въ сердцахъ людей, какъ и апостолъ учитъ: „вы церковь Бога живаго и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (2 Кор. 6, 19), или какъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ христіанамъ: „не знаете, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа“ (1 Кор. 6, 19). Да и ходить-то въ церковь совершенно лишнее: можно и дома молиться. „Ты

же, когда молишься, сказалъ Спаситель, войди въ комнату твою, затвори дверь твою“... (Мѡ. 6, 6). Да и бесполезно ходить тебѣ въ церковь: вѣдь ты все равно ничего не понимаешь, что тамъ дѣлаютъ, что читаютъ, поютъ. Ну, скажи, напр., для чего у васъ кадятъ, свѣчи жгутъ? Скажи, понимаешь ли ты, что лепечеть на клиросѣ псаломщикъ или что онъ поетъ? Ты и Евангелія не понимаешь, потому что читаютъ его для васъ на непонятномъ языкѣ. Да ты не понимаешь не только церковныхъ, а и домашнихъ молитвъ. Ну, скажи, братъ, что это значить: „иже вездѣ сый и вся исполняй“? Вы всѣ особенно усердно молитесь во время херувимской, а скажи, что значить: „иже херувими тайно образующе“, или: „дориносима чинми“? Молчишь, потому что не знаешь. Ну, иди, иди въ свою церковь, будешь стоять, какъ пень.

И пошелъ православный въ храмъ свой. Рѣчь сектанта не мало смутила его, онъ нашелъ въ ней много правды и задумался. Войдя въ храмъ, онъ сталъ молиться, но, дойдя до словъ молитвы Св. Духу: „иже вездѣ сый“, впервые остановился, желая понять святыя слова ея. Что же это значить: „иже вездѣ сый и вся исполняй... иже вездѣ сый“?..

Такъ, въ машинальномъ повтореніи непонятныхъ для него словъ, застала его и херувимская пѣснь. Съ первыхъ же ея словъ весь храмъ оживился, всѣ стали особенно сосредоточены, молитвенно настроены; по храму прошелъ гулъ молитвы всего народа. Одинъ лишь онъ впервые не можетъ молиться: „иже херувими тайно образующе“... что это значить, преслѣдуетъ его неотвязчивая мысль до самаго совершенія великаго входа. На нѣсколько минутъ его вниманіе занято священнодѣйствіемъ; но вотъ запѣли: „Яко да Царя всѣхъ подыместъ“, дошли до словъ: „дориносима чинми“, и снова онъ весь поглощенъ мыслію о значеніи этихъ словъ. Пропѣли „Достойно есть“, „Отче нашъ“, а онъ все повторяетъ: „дориносима чинми“... Окончплась обѣдня, машинально приложился онъ ко кресту, также машинально вышелъ изъ храма, бессознательно направился домой, и всю дорогу, до самаго дома, мучительно до боли сверлила его мозгъ одна неотвязная мысль: что это значить: „иже вездѣ сый и вся исполняй“... „иже херувими тайно образующе“... „дориносима чинми“?.. Спросить развѣ батюшку? Да нѣтъ, не стоитъ: опять сконфузить при пародѣ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, когда на мой вопросъ, послѣ разго-

вора съ сектантомъ, для чего кадятъ и свѣчи ставятъ предъ иконами, онъ отвѣтилъ: „а тебѣ, вѣроятно, двухъ копѣекъ для церкви жаль или въ штунду собираешься“? Нѣтъ, не пойду! Но все таки для чего же это у насъ и Евангеліе и молитвы въ церкви и дома читаются на чужомъ языкѣ, думаетъ онъ, для чего все богослуженіе непонятно, когда апостоль прямо учитъ, чтобы христіане и пѣли и молились на языкѣ, для всѣхъ понятномъ? Какая польза для души отъ такой молитвы и стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, ходить въ храмъ и стоять по цѣлымъ часамъ, ничего не понимая? Вѣдь можно и дома помолиться своими словами. Господь все равно услышитъ: Онъ всездѣущій. Да и угодна ли Богу бессознательная молитва? Быть можетъ, такую молитвою я только оскорбляю Его?

Въ слѣдующее воскресенье православный съ большимъ для себя принужденіемъ идетъ въ храмъ и не столько въ немъ молится, сколько старается уловить непонятныя для себя слова. Съ сомнѣніемъ въ душѣ, съ досадою и мученіемъ совѣсти онъ оставляетъ храмъ раньше окончанія богослуженія. Въ слѣдующее за симъ воскресенье онъ совсѣмъ не идетъ въ храмъ, а сидитъ дома. Сектантскія рѣчи упали на подготовленную почву и сдѣлали свое дѣло, любовь къ храму погасла, религиозное чувство благоговѣнія къ православному богослуженію подавлено; но вѣра въ святость и истинность ученія православной церкви еще жива, еще не утеряна, хотя уже не такъ сильна и чиста, какъ прежде, сомнѣніе незамѣтно коснулось и ея.

Человѣкъ вѣры не можетъ долго оставаться безъ удовлетворенія своихъ религиозныхъ потребностей; его душевная пустота должна быть чѣмъ-либо заполнена. Какимъ содержаніемъ она заполнится, это другой вопросъ, и въ данномъ случаѣ онъ рѣшается существованіемъ въ приходѣ сектантства и его искусной настойчивой пропагандой.

Человѣка, религиознаго вообще, но охладѣвшаго къ культу своей вѣры, разочарованнаго въ жизни своихъ единовѣрцевъ, недовольнаго отсутствіемъ церковной дисциплины среди нихъ, сектантамъ не трудно убѣдить посѣтить ихъ религиозное собраніе. Такой православный пойдетъ туда не по одному лишь любопытству, нѣтъ,—его повлечетъ туда, быть можетъ, и бессознательно, исканіе того, чѣмъ бы онъ могъ заполнить пустоту души своей, явившуюся съ утратой прежней вѣры.

Итакъ, вмѣсто храма Божьяго православный побывалъ уже въ

собраніи сектантовъ. На первыхъ порахъ онъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета о всемъ, что видѣлъ и слышалъ у нихъ; онъ только чувствуетъ, что совершилъ что-то нехорошее, похожее на измѣну родному православію. и, мучимый совѣстью, старается оправдать себя въ своемъ поступкѣ, причѣмъ незамѣтно для себя оправдываетъ и самихъ сектантовъ.

Православный вспоминаетъ послѣднее свое посѣщеніе храма, когда вмѣсто молитвы онъ только ловилъ непонятныя въ богослуженіи слова, и утомленный долгой и скучной для него службой, вышелъ изъ храма до ея окончанія, вспоминаетъ онъ это и удивляется, что такъ быстро и незамѣтно пролетѣло для него время въ собраніи сектантовъ. И какъ у нихъ, думаетъ онъ, все просто, понятно, не такъ, какъ тамъ, въ храмѣ. А пѣніе? Развѣ можно сравнить его съ скучнымъ пѣніемъ безголосаго дьячка? Да и поютъ они такія понятныя, хорошія, за душу хватающія „псалмы“. Особенно одна врѣзалась въ его память:

„Сокрой свое горе
Отъ ваоровъ людскихъ:
Слезъ много есть въ мірѣ
Безъ вздоховъ твоихъ“..

Да, много горя и у меня, но людямъ и не говори о немъ: не пожалѣютъ, даже не выслушаютъ, пожалуй осмѣютъ. Вѣрно въ той пѣснѣ поютъ они, чтобы рассказать о горѣ Иисусу Христу: Онъ лишь одинъ можетъ успокоить... Хорошая пѣсня! Да и проповѣдь ихъ пресвитера хорошая была, ясная и понятная; онъ говорилъ о страданіяхъ Спасителя, о томъ, что кровь Его очищаетъ всѣ наши грѣхи, если мы только вѣримъ въ Него; говорилъ онъ и о людскихъ страданіяхъ и какъ облегчить ихъ. Хорошо говорилъ и все къ дѣлу, не такъ, какъ нашъ батюшка, который все читаетъ намъ по какой-то книжкѣ про богача и Лазаря и постоянно грозитъ намъ вѣчными муками за служеніе мамонѣ, за заботы о богатствѣ,—намъ, у которыхъ иногда въ домѣ лишняго куска хлѣба нѣтъ. А какъ они молятся? И православный вспоминаетъ одушевленную, полную энтузіазма, импровизированную молитву пресвитера (не знаетъ, бѣдный, ея искусной фальши!), въ которой онъ благодарилъ Спасителя за Его подвигъ страданій,—вспоминаетъ слышанные вздохи, видѣнныя слезы, плачь мужчинъ и женщинъ и думаетъ: „да, вотъ это молитва христіанъ“!

И за что такъ ненавидятъ штундистовъ? Вѣдь ничего худаго нѣтъ въ ихъ собраніяхъ, и православіе вовсе не порицаютъ, а только молятся Богу да себя назидаютъ. Можетъ быть, правду говорилъ мнѣ сектантъ, что истинныхъ учениковъ Христа ждутъ скорби и гоненія...

На слѣдующія собранія православный уже самъ спѣшитъ, безъ приглашенія. Тамъ онъ начинаетъ уже слышать иную проповѣдь: о поклоненіи Богу въ духъ и истинѣ, о печати антихриста, объ идолахъ, которые имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, — ноги и не ходятъ и проч... Онъ ясно понимаетъ, на что намекаетъ лукавый проповѣдникъ, но даже въ душѣ своей не протестуетъ: онъ уже давно подпалъ подъ вліяніе проповѣдника, онъ прямо загнипнотизированъ имъ. Правда, при первой подобной проповѣди онъ съ тяжелымъ чувствомъ смущенія уловилъ себя на мысли, что онъ продаетъ свою вѣру, что онъ почти сектантъ, но теперь совѣсть его уже молчитъ, онъ спокоенъ, православіе уже чужое для него.

Отступника теперь тревожитъ одна лишь мысль: какъ убѣдить жену оставить православіе? Онъ припоминаетъ все ея негодованіе, когда она впервые узнала о посѣщеніи имъ сектантскихъ собраній, памятно ему ея гнѣвъ и слезы, мольбы и даже угрозы наложить на себя руки; но дѣйствовать нужно: если онъ нашелъ истину, то и женѣ нужно дать ее. Безконечныя, ежедневныя похвалы жизни сектантовъ и указанія на случаи нехристіанскаго поведенія православныхъ постепенно, хотя и медленно, дѣлаютъ свое дѣло; не мало подвигаетъ его и искусный въ пропагандѣ сектантъ. Жена съ отраднымъ чувствомъ замѣчаетъ, что, со времени знакомства съ сектантами, мужъ ея измѣнился къ лучшему: то бывало, иногда выпьетъ лишнее и буянить, теперь этого нѣтъ, прежде прескверно ругался, теперь этого не слышно, бросилъ курить, пересталъ шляться по базарамъ въ дни воскресныя, а сидитъ дома и читаетъ всѣмъ слово Божіе, сталъ ласковѣе къ дѣтямъ, добрѣе къ ней самой. Словомъ, перемѣнился къ лучшему, благодаря чему и хозяйство пошло на ладъ. И все это — подъ вліяніемъ сектантовъ; видно, правду мужъ говоритъ, что они добрые люди и хорошіе христіане; онъ зоветъ къ нимъ; пойду когда-нибудь, посмотрю, что это у нихъ тамъ за собранія; вѣдь зазорнаго въ этомъ ничего не будетъ...

Побывавъ нѣсколько разъ на собраніяхъ у сектантовъ и встрѣтивъ съ ихъ стороны вниманіе и ласковый пріемъ, подъ вліяніемъ по-

стоянныхъ рѣчей и усиленныхъ просьбъ мужа, жена, послѣ долгаго колебанія и нравственной борьбы, наконецъ рѣшаетъ: „куда иголка, туда и нитка“, и на слѣдующее собраніе они идутъ оба вмѣстѣ со всѣми дѣтьми.

Молва народа объ отпаденіи въ штунду православной семьи скоро доходитъ и до батюшки. Моментъ роковой: ласковымъ словомъ, разумнымъ наставленіемъ, раскрытіемъ истиннаго смысла и величія православной вѣры, объясненіемъ ученія о церкви Христовой, какъ единственной хранительницы спасающей благодати Божіей, подаваемой въ святыхъ ея таинствахъ, быть можетъ, еще не поздно было бы удержатъ поколебленныхъ въ вѣрѣ, но вмѣсто того, чтобы пойти къ заблудшимъ овцамъ и принести имъ евангельское слово любви, мира и спасенія, батюшка чрезъ сельскихъ властей потребовалъ ихъ къ себѣ. Холодное и жестокое слово обличенія и укоризны при народѣ не тронули сердца заблудшихъ, а насмѣшки, брань и даже угрозы прихожанъ только еще больше ожесточили ихъ.

Чрезъ полгода или годъ священникъ доноситъ епархіальному начальству (если не скроетъ совѣмъ) о совращеніи православной семьи; начальство посылаетъ миссіонера. Послѣдній, не зная всѣхъ причинъ и подробностей самаго хода совращенія, ведетъ цѣлый рядъ публичныхъ бесѣдъ, дѣлаетъ совратившимся частныя увѣщанія, но безуспѣшно, о чемъ и даетъ начальству отчетъ. Отчетъ идетъ въ архивъ, а начальство дѣлаетъ свое заключеніе какъ о пользѣ миссіи вообще, такъ о способности и дѣятельности миссіонера въ частности. Семья же православная для церкви погибла и, быть можетъ, навсегда.

Я этимъ оканчиваю, дѣлая слѣдующее заключеніе.

1) Если наученіе истинамъ вѣры православной, какъ съ церковной каедры, такъ и другими способами (преподаваніемъ въ школахъ Закона Божія, внѣбогослужебными бесѣдами, чтеніями, распространеніемъ въ народѣ религіозно-нравственнаго содержанія книгъ и пр.), не будетъ всюду поставлено въ нашей церкви на должную высоту;

2) если богослужебный, во многомъ непонятный для народа, славянскій языкъ не будетъ настолько упрощенъ, чтобы его всѣ понимали;

3) если народъ не будетъ активно участвовать въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ въ храмѣ;

4) если сельское духовенство не будетъ стоять на высотѣ своего

великаго призванія и не будетъ матеріально обезпечено настолько, чтобы не быть вынужденнымъ заглядывать, какъ это было до сихъ поръ, въ руки прихожанъ;

5) если церковь не проведетъ въ жизнь народа началъ дѣятельной христіанской любви, если она нравственно не оздоровитъ жизнь приходо́въ, не вдохнетъ въ жизнь православныхъ людей нравственную бодрость и свѣжесть, не вселитъ въ нихъ прочное убѣжденіе въ истинности, чистотѣ и спасительности православія, какъ вѣры Христовой, и не воспитае́тъ въ нихъ яснаго сознанія необходимости принадлежать къ этой именно церкви, какъ единственной хранительницы спасающей благодати Божіей;

6) если, наконецъ, не будетъ поднята на должную высоту церковная дисциплина, въ отношеніи пастырей, пасомыхъ и отпадшихъ;

7) вообще, если церковь русская не вдохнетъ новую жизнь въ общество вѣрующихъ на вышеуказанныхъ началахъ, — общее недовольство ею сектанто́въ будетъ всегда существовать и отпаденія отъ нея будутъ продолжаться, не смотря на всѣ усилія приходской и спеціальной миссиі.

М. Кальневъ.

Въ защиту церковной школы.

Въ день открытія предсоборнаго присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, между прочимъ, былъ сдѣланъ запросъ о томъ, останутся ли церковныя школы въ вѣдѣніи Церкви или нѣтъ? Бывшій оберъ - прокуроръ Святѣйшаго Синода, кн. Оболенскій отвѣтилъ на него въ утвердительномъ смыслѣ. Лицо же, очень близко стоящее къ министерству народнаго просвѣщенія, имѣющее непосредственное участіе въ рѣшеніи этого дѣла, въ бесѣдѣ съ нами прямо высказалось, что передача церковныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія — „только вопросъ времени“. Кто тутъ болѣе освѣдомленъ, не знаемъ.

Интересно, что доводы, какіе приводятъ современные противники церковной школы, совершенно тѣ же самыя, что были высказываемы ими 10 лѣтъ назадъ, когда въ одно время дальнѣйшее существованіе церковной школы подвергалось очень большому сомнѣнію, вызвавъ оживленную литературную полемику о пользѣ и пригодности церковно-приходской школы для цѣлей народнаго образованія. Отрицательное отношеніе нѣкоторой части печати къ церковнымъ школамъ не могло не отразиться такъ или иначе на сочувствіи къ ней общества. И дѣйствительно, только благодаря ея вліянію, стали возможны такія явленія, какъ, напр., демонстративные отказы со стороны нѣкоторыхъ земствъ въ матеріальной помощи церковнымъ школамъ, пожертвованія частныхъ лицъ на школьное дѣло, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти пожертвованія не достались на долю школъ церковныхъ и т. п. Правда, подобнымъ единичнымъ фактамъ тогда еще можно было противопоставить тысячи имъ противоположныхъ; довольно было бы указать хотя на тотъ фактъ, что самое существованіе большинства церковныхъ школъ обязано добровольнымъ пожертвованіямъ, что свидѣтельствуетъ о большомъ сочувствіи къ нимъ народа.

Изъ всей извѣстной намъ литературы по вопросу о цер-

ковной школѣ нѣтъ болѣе основательнаго изслѣдованія, какъ статья незабвеннаго школьнаго дѣятеля, профессора С. А. Рачинскаго, помѣщенная въ юньской книжкѣ „Русскаго Обзорѣнія“ за 1895 годъ, подъ заглавіемъ: „Церковная школа“. Въ ней не только собраны всѣ отрицательныя сужденія о пользѣ церковной школы для народнаго образованія, но и даны, со свойственной Рачинскому глубиною мысли, основанныя на широкомъ и многолѣтнемъ его опытѣ, правдивыя на нихъ отвѣты и вѣскіе доводы въ пользу церковныхъ школъ. Эта статья не потеряла значенія и для нашего времени. И наканунѣ рѣшенія вопроса о судьбѣ церковной школы, когда враждебная ей печать, безъ сомнѣнія, снова выступитъ противъ нея, статья Рачинскаго имѣетъ особый интресъ не только для сторонниковъ и защитниковъ церковной школы, но и для лицъ, вообще интересующихся дѣломъ народнаго образованія. Поэтому мы считаемъ очень своевременнымъ подробно ознакомить ихъ съ содержаніемъ этого интереснаго труда С. А. Рачинскаго.

Въ началѣ своей статьи авторъ касается причинъ отрицательнаго или, по крайней мѣрѣ, скептическаго отношенія къ церковной школѣ какъ со стороны людей, посвятившихъ себя школьному дѣлу, такъ со стороны тѣхъ, кто не имѣетъ къ нему даже никакого отношенія. Причиной отрицательнаго отношенія къ церковно-приходской школѣ г. Рачинскій считаетъ прежде всего „тотъ вѣтеръ невѣрія, который давно вѣетъ въ Европѣ, вѣетъ и въ Россіи, — быть можетъ, острѣе, чѣмъ гдѣ-либо, благодаря нѣкоторому стѣсненію, сосредоточивающему его порывы. Ясно, говоритъ онъ, что складъ мысли, сложившейся подъ этимъ вѣяніемъ, не можетъ допустить желательности не только первенствующей роли, но и какого-либо дѣйствительнаго вліянія духовенства въ дѣлахъ народнаго образованія“. Для людей, отвергающихъ само христіанство, „идеаломъ школы, является школа лаическая, безбожная, тотъ антиподъ школы церковной, который послѣдовательно осуществляется въ современной Франціи“¹⁾.

„Есть много и такихъ людей, которые только видимо принадлежатъ къ церкви, исповѣдуютъ вѣру, имѣющую мало общаго съ православнымъ церковнымъ вѣроученіемъ (пашковцы, толстовцы и др.); конечно, и эти люди не могутъ сочувствовать церковной школѣ, „такъ какъ каждый изъ нихъ, говоритъ Ра-

1) Въ наши дни, можно сказать, уже и осуществился...

чинскій, желалъ бы видѣть въ школѣ орудіе распространенія *своей* вѣры“.

Но свою статью авторъ не для нихъ пишетъ, а для тѣхъ, которые, не нарушая союза съ церковью, все таки „считаютъ руководство школою дѣломъ, духовенству нашему непосильнымъ, по недостаточной подготовкѣ его къ этому дѣлу, по множеству иныхъ обязанностей, на него возложенныхъ, наконецъ, по нравственнымъ свойствамъ нашего духовенства“.

Опроверженіемъ этихъ мнѣній авторъ-педагогъ и занимается въ своей статьѣ.

II.

Мнѣніе о неподготовленности нашего духовенства къ веденію школьнаго дѣла, по словамъ Рачинскаго, очень легко опровергается уже тѣмъ, что дѣти духовенства, начиная съ школьнаго возраста, „всегда находятся въ тѣсной связи съ сельскою школою: тамъ они подготовляются для поступленія въ духовныя училища, во время же долгаго ученія въ вакаціонное время всегда возвращаются въ обществѣ учителей и ихъ питомцевъ, помогая имъ въ церковномъ иѣнни и проч.“

Касаясь практическаго, такъ сказать, активнаго знакомства воспитанниковъ семинарій со школьнымъ дѣломъ, Рачинскій замѣчаетъ, что въ пятомъ и шестомъ классѣ семинаріи они не только слушаютъ курсъ педагогики и дидактики, но и присутствуютъ при урокахъ въ образцовой школѣ, имѣющейся при каждой семинаріи, и принимаютъ въ нихъ участіе. „По окончаніи курса огромное большинство изъ нихъ начинаетъ самостоятельную свою жизнь съ учительства при сельской школѣ. Усердная школьная дѣятельность, замѣчаетъ Рачинскій, считалась нашими епископами лучшею подготовкою къ священству. Со времени возстановленія школы церковно-приходской такая подготовка стала почти обязательною. Въ епархіяхъ, имѣющихъ семинаріи многолюдныя, такой предварительный искусь довольно продолжительнъ: пять, шесть лѣтъ учительства до посвященія—явленіе самое заурядное“.

Далѣе, указавъ на то, что въ епархіяхъ діаконо-учительскія мѣста всюду замѣщаются изъ лучшихъ опытныхъ учителей, кандидатура которыхъ на священство зависитъ всецѣло отъ ихъ усердія къ школьному дѣлу, къ которому, слѣд., они въ своемъ же интересѣ должны относиться самымъ серьезнымъ образомъ, Рачинскій основательно заключаетъ, что совокупность этихъ условій, при коихъ развилось все молодое поколѣніе на-

шего духовенства, при коихъ будутъ развиваться и всё послѣдующія, не позволяютъ намъ считать наше сельское духовенство къ школьному дѣлу неподготовленнымъ.

Предположеніе, что нашему духовенству нѣтъ времени, за множествомъ приходскихъ обязанностей, слѣдить, какъ должно, за школьнымъ дѣломъ, Рачинскій считаетъ совершенно ошибочнымъ. „Опытъ показалъ, говоритъ онъ, что преподаваніе Закона Божія во множествѣ сельскихъ школъ ведется превосходно, а это немыслимо безъ частаго посѣщенія школы“... Если взять во вниманіе, что діаконъ - учителя, не будучи отрываемы въ учебные дни, всегда могутъ сосредоточить свои силы на занятіяхъ въ школѣ, то ясно станетъ, что священнику всегда есть время слѣдить за ходомъ занятій даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы школъ въ его приходѣ было и нѣсколько, такъ какъ всѣмѣста, гдѣ существуютъ въ приходѣ школы, священникъ часто посѣщаетъ для совершенія различныхъ требъ.

Особенно подробно разсматриваетъ Рачинскій предубѣжденное мнѣніе многихъ о неспособности нашего духовенства вести школьное дѣло вслѣдствіе нравственныхъ своихъ недостатковъ. Не отрицая недостатковъ воспитательной стороны въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и того факта, что среди нашего духовенства есть люди порочные, небрежные и равнодушные къ исполненію своихъ обязанностей, Рачинскій въ то же время говоритъ, что никто, конечно, не возьмется утверждать, чтобы въ рядахъ духовенства процентъ недостойныхъ былъ больше, чѣмъ, напр., въ сословіи педагогическомъ, врачебномъ, военномъ, судебномъ и т. д. Статистикъ, справедливо замѣчаетъ онъ, эти вещи не подлежатъ. Личныя продолжительныя наблюденія автора-педагога привели его къ тому убѣжденію, что число сельскихъ священниковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ плодотворной, истинно пастырской дѣятельности, разительно возрастаетъ,—что увеличивается число священниковъ учительныхъ и въ церкви, и въ школѣ, что именно въ школьномъ дѣлѣ изъ числа ихъ стали появляться дѣятели выдающіеся, о коихъ прежде и помину не было.

Напрасно нѣкоторые стараются отстранить отъ школьнаго дѣла духовенство, которое все-таки имѣетъ огромное, неотрашимое вліяніе на ходъ школьнаго обученія по причинамъ, которыя мы объяснимъ словами самого Рачинскаго.

„Инспекторамъ училищъ, говоритъ онъ, ввѣрены округи столь обширныя, школы столь многочисленныя, они притомъ обременены такою массой канцелярской работы, что даже ли-

шены возможности заглянуть разъ въ годъ въ каждое изъ подвѣдомственныхъ имъ училищъ... О какомъ-либо руководственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Таковое оказывать на учителя можетъ только усердный священникъ, или иной образованный мѣстный житель, попечитель или просто сосѣдъ, внимательно слѣдящій за ходомъ школьнаго дѣла. Очевидно, что изъ всѣхъ этихъ вліяній, *de jure* или *de facto* надъ школою властныхъ, постояннымъ и притомъ для школы благотворнымъ, можно считать только вліяніе добраго священника“.

Рачинскій, правда, признаетъ, что много есть школъ грамоты, плохо поставленныхъ въ учебномъ отношеніи, но укорять въ этомъ духовенство нельзя: „плохія эти школы созданы не духовенствомъ, а мѣстною нуждою, помимо всякихъ правительственныхъ распоряженій“. Впрочемъ и въ постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ земскихъ и министерскихъ Рачинскій видитъ много неудовлетворительнаго. О земствахъ, напр., онъ говоритъ слѣдующее: „школьная дѣятельность ихъ, въ отношеніи количественномъ, заслуживаетъ самой безусловной похвалы и благодарности. Нельзя сказать того же объ этой дѣятельности въ отношеніи качественномъ“. Эту неудовлетворительность земскихъ школъ Рачинскій объясняетъ очень просто: „руководство школой было (*implicite*) имъ (земствамъ) поручено въ періодъ крайняго шатанія умовъ, въ періодъ бурнаго разлива идей противощерковныхъ, въ періодъ всеобщаго увлеченія популярными отголосками западнаго матеріализма и позитивизма“.

Не съ особенной похвалой отзывается Рачинскій и о школахъ министерскихъ: „Кое-что, говоритъ онъ, по школьному дѣлу дѣлается также и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Имъ устроены кадры правильнаго надзора, пока невозможнаго, за малолюдствомъ персонала; но кадры эти могутъ быть пополнены. Имъ основаны многочисленныя учительскія семинаріи сомнительнаго достоинства и несомнѣнной дороговизны; но оно, конечно, озабочено тѣмъ, чтобы деньги, на нихъ ассигнованныя, тратились болѣе производительпо. Имъ содержится не мало образцовыхъ училищъ ничѣмъ, кромѣ дороговизны не отличающихся отъ школъ, коимъ они призваны служить образцомъ“...

Итакъ, къ какому жѣ, спросимъ теперь, выводу приходитъ почтенный педагогъ въ своей статьѣ по вопросу о церковной школѣ?

Изъ многообразныхъ силъ, которыя могутъ оказывать

доброе вліяніе на народное образованіе, онъ первую и лучшую силу видитъ въ сельскомъ духовенствѣ.

„Изъ этихъ силъ, говоритъ онъ, единственная, способная дѣйствовать повсемѣстно, въ духѣ единомъ и желательномъ, въ предѣлахъ, точно очерченныхъ и естественныхъ, въ связи съ прошлымъ, съ благотворнымъ вліяніемъ на будущее—есть сельское духовенство. Этою силой слѣдуетъ намъ пользоваться прежде всего, ее надлежитъ намъ всѣми мѣрами укрѣплять и воспитывать, очищать и направлять, ибо:

Лучшій изъ мыслимыхъ руководителей начальной школы есть добрый священникъ.

Самый желательный изъ доступныхъ намъ сельскихъ учителей есть діаконъ, подготовленный долгимъ учительствомъ.

Школы низшаго разряда *никому* кромѣ священника поручены быть не могутъ“.

III.

Намъ кажется, что споръ о пригодности церковно - приходской школы для народнаго образованія скоро опять поднимется. Пусть поэтому люди безпристрастные и дѣйствительно желающіе добра народу, ознакомившись съ взглядомъ на нее такого высокаго въ школьномъ дѣлѣ авторитета, какъ С. А. Рачинскій, отнесутся къ ней доброжелательнѣе и болѣе серьезно. Намъ, впрочемъ, лично чрезвычайно удивляютъ постоянныя нападки на церковную школу. Ихъ, дѣйствительно, и объяснить ничѣмъ инымъ нельзя, какъ только „вѣтромъ невѣрія“ и вытекающимъ изъ него несочувствіемъ и даже враждебностью къ церковной школѣ потому только, что она „церковная“, или печальнымъ непониманіемъ той великой пользы, какую оказываетъ эта школа нашему народу.

Замѣчательно худая у насъ, русскихъ, черта: за какое бы доброе дѣло мы ни взялись, намъ непремѣнно нужно перессориться; и ссоримся мы долго, а дѣло стоитъ, по крайней мѣрѣ идетъ далеко не такъ, какъ слѣдовало бы идти ему, при дружномъ усиліи участниковъ этого дѣла. Такъ происходитъ у насъ и съ дѣломъ народнаго образованія. Къ чему это недружелюбное отношеніе къ церковнымъ школамъ нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при земскихъ или министерскихъ школахъ, и иногда прямо враждебное, кичливое отношеніе нѣкоторыхъ земствъ? Къ чему это въ нѣкоторыхъ органахъ печати плохо скрываемое, а иногда и прямо высказываемое презрѣніе къ церковнымъ

школамъ и слишкомъ большое превозношеніе школъ министерскихъ и земскихъ? Неужели школы церковныя учать народъ худому? „Всѣ, говоритъ Рачинскій, начиная съ людей власти имущихъ и кончая послѣднимъ полуграмотнымъ воспитанникомъ учительской семинаріи, долгомъ своимъ считаютъ бороться противъ школы церковной, усматривая въ ней какой-то враждебный имъ лагерь“. Нужно же быть справедливыми и признать, что, хотя, дѣйствительно, многія церковныя школы поставлены, по причинамъ вышеуказаннымъ, не совсѣмъ удовлетворительно, но вѣдь не секретъ, что есть много и школъ земскихъ изъ рукъ вонъ плохихъ, куда хуже церковныхъ, какъ встрѣчаются и церковныя школы, которыя могли бы послужить образцомъ не только для земскихъ, но и министерскихъ; это—фактъ неоспоримый и хорошо извѣстный самимъ противникамъ церковныхъ школъ. А между тѣмъ условія самаго существованія церковныхъ школъ и школъ земскихъ и министерскихъ далеко не равныя.

До 1880 года министерству народнаго просвѣщенія отпущалось на школы 6 милліоновъ съ лишнимъ и въ это время церковная школа только начинала свое существованіе; но уже къ 1892—93 учебному году, благодаря энергіи духовенства, у нея образовался школьный бюджетъ въ 3,507,406 рублей! Замѣчательно, что, благодаря даровой администраціи, весь этотъ бюджетъ почти цѣликомъ и расходовался на открытіе и содержаніе самыхъ школъ. Между тѣмъ содержаніе школъ земскихъ и министерскихъ, сравнительно съ церковно-приходскими, обходится казнѣ очень дорого; да это и естественно, такъ какъ духовенство трудится для церковныхъ школъ даромъ, а тамъ нужно имѣть не только платныхъ учителей, но и многочисленную, на довольно большомъ содержаніи, администрацію. Такъ, напр., одна школьная инспекція, еще десять лѣтъ тому назадъ, обходилась министерству народнаго просвѣщенія въ 650,000 рублей, да содержаніе шестидесяти учительскихъ семинарій для приготовленія учителей—въ 1,000,000 рублей.

„Вся тяжесть работъ по управленію школами въ каждой епархіи лежитъ обыкновенно на ректорѣ семинаріи и дѣлопроизводителѣ епархіальнаго училищнаго совѣта. Отцы ректоры за свои труды не получаютъ никакого вознагражденія, хотя возложенное на нихъ школьное дѣло часто превышаетъ ихъ труды по исполненію прямыхъ служебныхъ обязанностей. Дѣлопроизводители совѣтовъ получаютъ ничтожное вознагражденіе, — отъ 120 до 300 руб. за труды по исполненію 5—7 тысячъ вхо-

дящихъ бумагъ. Между тѣмъ директоры народныхъ училищъ за такую же дѣятельность получаютъ по 2500 р., а на канцеляріи уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ въ земскихъ губерніяхъ отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства по 250 р. на каждую, всего—101,125 руб.¹⁾

Такъ было пятнадцать лѣтъ назадъ, но и теперь, съ введеніемъ по епархіямъ института епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей, инспекція церковныхъ школъ обходится несравненно дешевле, чѣмъ инспекція школъ министерства народнаго просвѣщенія, не говоря уже о томъ, что какъ прежде, такъ и теперь учительскій и законоучительскій трудъ въ церковной школѣ часто совершенно не оплачивается.

Позволительно поэтому спросить: неужели даровой и полезный трудъ духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія народа не заслуживаетъ глубокой благодарности и сочувствія русскаго общества?

Такъ какъ теперь привыкли убѣждаться не столько логическими доводами, сколько цифрами статистики, то мы и къ ней обратимся, чтобы наглядно показать увеличеніе церковныхъ школъ и числа въ нихъ учащихся за истекшее двадцатипятилѣтіе, что, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ и о пользѣ для народа церковной школы и о сочувствіи къ ней русскаго народа.

„За истекшее (1880 г.) десятилѣтіе духовенствомъ построено 9.208 школьныхъ домовъ, которые, съ инвентаремъ, земельными участками, оцѣниваются въ суммѣ 7.000,000 руб. Къ 1892 — 93 учебному году духовенствомъ открыто около 30,000 церковныхъ школъ, изъ коихъ 200 двукласныхъ и около 12,000 однокласныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ этихъ школахъ обучалось свыше 900,000 дѣтей обоего пола. Въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія въ это же время было *такое же* количество школъ, около 30,000, по заявленію самого г. министра народнаго просвѣщенія въ департаментъ государственной экономіи 15 апрѣля 1893 года“²⁾.

„На содержаніе 27,264 школъ въ 1893 году духовенство получало казеннаго пособія 615, 685 руб., т. е. въ среднемъ около 22 руб. на школу, а изыскало мѣстныхъ средствъ 2,464,000 руб., т. е. въ среднемъ около 90 рублей на школу; значитъ, въ сущности школа принуждена была терпѣть нужду и лишенія.

1) «Церк. Вѣстн.» 1891 г. № 23.

2) Тамъ же.

Во второе десятилѣтіе число школъ также сильно возрасло; однако, если сравнить средства содержанія школъ за первое десятилѣтіе и за второе, то окажется, что во второмъ размноженіе школъ въ пропорціональномъ отношеніи къ средствамъ было медленнѣе, чѣмъ въ первомъ, хотя абсолютная цифра и выше; это, конечно, зависѣло отъ того, что теперь усилія направлены были въ большей степени на упроченіе и улучшеніе существующихъ школъ, чѣмъ на открытіе новыхъ. За второе десятилѣтіе число школъ въ 1904 году достигло 43,841, а учащихся въ нихъ было 1.924,710.

Съ 1884 только года и по 1904 годъ включительно народныя жертвы для поддержанія и развитія церковной школы достигли весьма внушительной суммы свыше 70,000,000 рублей.

Эти 70 милліоновъ рублей народныхъ жертвъ на церковно-приходскую школу имѣютъ исключительную цѣнность и чрезвычайную принципиальную значимость. Въ этихъ пожертвованіяхъ по справедливости нужно видѣть выраженіе сочувствія народа церковно - приходской школѣ. Народъ одобрилъ эту школу и подтвердилъ ея право на существованіе столь значительными жертвами своими, какихъ нельзя бы было добыть школѣ ни давленіемъ начальства, ни авторитетомъ отдѣльныхъ, хотя бы и выдающихся лицъ, а единственно открытымъ общимъ сочувствіемъ ей глубокихъ слоевъ и огромныхъ массъ населенія“ 1).

Теперь только и говорятъ о всеобщемъ и обязательномъ обученіи; но пусть противники церковной школы, въ которой обучаются до 2 милліоновъ дѣтей, подумаютъ хорошенько и убѣдятся, что, при истощенныхъ войною и смутою финансахъ, съ закрытіемъ церковныхъ школъ съ такимъ большимъ контингентомъ даровой инспекціи и даровыхъ учителей 2), не осуществитъ правительству этой давно лелѣмой мечты.

1) «Записка о церковныхъ школахъ». Изд. Святѣйшаго Синода, стр. 5—6.

2) Всѣхъ учащихся въ церковной школѣ въ 1905 году было 49,581; изъ нихъ 399 священниковъ, 3,093 діаконовъ, 2,208 псаломщиковъ; остальныя—свѣтскія лица: учителей 24,571 и учительницъ 19,310.

На содержаніе церковныхъ школъ въ 1904 году поступило 6,317,742 р. изъ мѣстныхъ источниковъ (отъ церквей, земствъ, городовъ, приходскихъ попечительствъ), 7,414,564 р. — изъ Государственнаго Казначейства и 831,287 р.—изъ суммъ губернскаго земскаго сбора; всего 14,553,593 руб. Так. обр.—половину этой суммы для церк. школъ духовенство иыскиваетъ само.

Наши земскія и министерскія школы, переполненныя учащимися, ежегодно отказываютъ въ приемъ въ нихъ очень и очень многимъ изъ желающихъ поступить туда. По справедливому замѣчанію Рачинскаго, еслибы всѣ министерства открыли столько школъ, сколько ихъ открыло министерство народнаго просвѣщенія, то и тогда ихъ было бы недостаточно. Ослѣпленные непонятной ненавистью къ церковной школѣ, ея противники готовы допустить, чтобы дѣтей обучали полуграмотные солдаты, еврейскіе меламеды, мусульманскіе муллы, — кто угодно, но только не наше православное русское духовенство; они готовы лучше оставить 2 милліона дѣтей въ темнотѣ и невѣжествѣ, чѣмъ допустить ихъ обучаться въ школѣ церковной. И это чуть не открыто высказывается тѣми мнимыми ревнителями народнаго просвѣщенія, которые, на словахъ, горячо ратуютъ за всеобщее и обязательное обученіе!

Мы слышали, что нѣкоторые изъ раздѣляющихъ мнѣніе о необходимости закрытія церковнаго типа школъ проектируютъ выкупить у духовнаго вѣдомства всѣ церковныя школы, уплативъ стоимость самихъ школъ и ихъ инвентаря; при этомъ высказываютъ ту соблазнительную для всегда нуждающагося духовенства мысль, что полученная за школы довольно значительная сумма могла бы пойти на образованіе фонда для улучшенія матеріальнаго положенія духовенства, въ видѣ, напр., усиленія его жалованья. Болѣе циничнаго и унижительнаго для духовенства предложенія, кажется, нельзя сдѣлать: оно напоминаетъ тожественное предложеніе сатаны взалкавшему въ пустынѣ Спасителю и Учителю міра (Мѣ. 4, 1—4).

Мы увѣрены, что духовное вѣдомство съ благороднымъ негодованіемъ отвергнетъ проектируемое предложеніе и этимъ только лишній разъ докажетъ народу свою любовь къ нему и самопожертвованіе для его духовнаго блага и блага самой Церкви православной. Въ случаѣ же давленія правительства на Церковь въ школьномъ вопросѣ она съумѣетъ передать церковныя школы самому народу и тѣмъ спасти ихъ для него самого. Но мы надѣемся, что до этого дѣло не дойдетъ.

Итакъ, пора уже бросить предубѣжденное мнѣніе о церковныхъ школахъ, какъ никуда негодныхъ, увидѣть ихъ пользу и сознать, что кѣмъ бы и въ какой бы мѣрѣ ни дѣлалось добро для народа, нужно только радоваться и быть глубоко благодарнымъ этимъ дѣятелямъ. Всякій, вносящій словомъ или дѣломъ разладъ и нестроеніе въ святое дѣло народнаго образованія, совершаетъ великій грѣхъ, тяжкое преступленіе и нравственно

много отвѣтственъ предъ нашимъ народомъ, которому всякая школа, — министерская ли, земская или церковно-приходская, несетъ грамоту, свѣтъ и истину. Пора, наконецъ, созвать, что, только при взаимномъ согласіи и дружной совмѣстной работѣ всѣхъ просвѣтительныхъ учреждений и всѣхъ дѣятелей по народному образованію, возможенъ успѣхъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа, ибо если антагонизмъ участниковъ всякаго дѣла губить его, то губить онъ и святое дѣло народного просвѣщенія.

Пусть же мнѣніе такого высокоавторитетнаго педагога, какъ С. А. Рачинскій, послужитъ примиряющимъ и крѣпко связующимъ звеномъ между всѣми тружениками на поприщѣ народного образованія. Во имя правды и добра пусть всѣ, посвятившіе себя дѣлу народного просвѣщенія, всѣ, искренно желающіе ему самаго лучшаго успѣха, всѣ, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали, дружески подадутъ руку общенія и взаимопомощи другъ другу и бодро поведутъ народъ къ желанному свѣту для блага родной нашей страны.

М. Кальневъ.

Къ вопросу о единовѣрческомъ архіереѣ, въ связи съ другими вопросами относительно единовѣрія.

(По поводу сочиненія протоіерея Ильи Легатова „О современныхъ нуждахъ единовѣрія и о мѣрахъ для сближенія старообрядцевъ съ православною церковію“. Архангельскъ. 1905 г.).

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, представляетъ не мало хорошихъ практическихъ соображеній относительно привлеченія старообрядцевъ къ соединенію съ церковію. Видно, что авторъ знакомъ съ миссіонерскимъ дѣломъ и съ миссіонерскими задачами. Но не это собственно, а одно обстоятельство, которое онъ особенно подчеркиваетъ и дѣлаетъ, какъ говорятъ, кардинальнымъ въ своихъ разсужденіяхъ, усматривая въ немъ именно наибольшую въ будущемъ пользу для церкви, побуждаетъ насъ остановиться на брошюркѣ о. прот. Легатова и познакомиться съ нею поближе. Разумѣемъ центральную его мысль о единовѣрческомъ епископѣ, которая проходитъ чрезъ всѣ почти (кромѣ первыхъ двухъ) его статьи, объединенныя въ одномъ заглавіи. Мысль о единовѣрческомъ епископѣ доведена уже до свѣдѣнія и разрѣшенія высшихъ правящихъ сферъ и, очень вѣроятно, будетъ предметомъ соборнаго обсужденія. Поэтому и брошюрка о. Легатова получаетъ особый смыслъ, какъ матеріалъ при обсужденіи вопроса о единовѣрціи.

О. протоіерей толкуетъ о „современныхъ нуждахъ единовѣрія“ въ семи небольшихъ статьяхъ и цѣль его та, чтобы указать пути для сближенія старообрядцевъ съ православною церковію. Прекрасная задача. Но не можемъ того уяснить, что о. протоіерей въ своихъ статьяхъ,—какъ говоритъ въ предисловіи,—даетъ понять, „что мы (т. е. кто мы?) должны идти на *всякія* съ своей стороны уступки“ (стр. 3). Не слишкомъ ли ужъ много сказано про „*всякія*“ уступки“?.. Впрочемъ, далѣе поясняется про уступки собственно въ богослужебномъ строѣ. „Лучше сдѣлаемъ, пишетъ авторъ, если сами откроемъ настежь двери въ ту сферу богослужебнаго строя, который для нихъ (старообрядцевъ) служить

идеаломъ религіозной жизни“ (4). Признаться, и съ этой стороны опять не понимаемъ, что значитъ „открыть настежь двери въ сферу богослужебнаго строя“?. Допустить ли старообрядцевъ (съ ихъ строемъ) въ единеніе съ православною церковію?—но это и сдѣлано въ единовѣрїи. Улучшить ли положеніе единовѣрцевъ?—но тогда прямо объ этомъ и говорить нужно. Или такъ открыть двери нашихъ, православныхъ храмовъ, чтобы въ нихъ установить прежній чинъ и строй?—тогда опять свой разговоръ.

Требуется быть яснымъ. Замѣчаю на послѣднее. Открывая церковныя двери въ этомъ смыслѣ „настежь“, не измѣнимъ ли мы существующій церковный порядокъ, соборами утвержденный, такъ что въ правѣ ли мы и сдѣлать это? А съ другой стороны, тогда сами старообрядцы позовутъ ли насъ туда, гдѣ эти двери никогда и не закрывались, и не будутъ ли, какъ и теперь, если не болѣе, соблазнять многихъ своей, хотя и не слишкомъ старой, стариной? Мы скажемъ: пожалуйста къ намъ въ открытыя двери. А они отвѣтятъ: давно ли вы ихъ открыли, не вина ли ваша въ ихъ закрытіи, и многое подобное скажутъ. Тогда и „кадръ нынѣшнихъ миссіонеровъ“,—которыхъ авторъ, видимо, почему-то не долюбиваетъ (хотя самъ былъ такимъ же миссіонеромъ),—окажется совсѣмъ ужъ не „излишнимъ“, а еще болѣе нужнымъ, чтобы удержать многихъ при церкви.

Въ концѣ предисловія почему-то сдѣлана ссылка на Высочайшій манифестъ 17 апрѣля, въ которомъ провозглашается вѣроисповѣдная свобода старообрядцевъ, наравнѣ съ признанными инославными вѣроисповѣданіями. При чемъ тутъ манифестъ, того не видимъ, какъ не знаемъ и того, будто кто-то, особенно теперь, говоритъ, что „въ старинѣ нашей *ничего нѣтъ хорошаго*“ (4—5).

Привести все это въ идейную связь очень затруднительно и едва ли возможно. Представляется, что авторъ сдѣлалъ въ своихъ статьяхъ лишь наброски излюбленныхъ мыслей, съ цѣлью осудить существующее и похвалить то, чего еще нѣтъ. Приѣмъ этотъ не особенно похвальный и даже практичный.

Дѣйствительно, въ статьяхъ его (7), соединенныхъ въ одну брошюрку подъ общимъ заглавіемъ, и идутъ разсужденія, хотя и болѣе опредѣленные, но мало раскрытыя и обоснованныя.

Въ первой статьѣ говорится о предубѣжденіяхъ, существующихъ противъ единовѣрїя въ средѣ православныхъ вообще и „нашихъ батюшекъ“ въ частности, и о стѣснительныхъ условіяхъ для вступленія въ единовѣрїе, такъ что, оказывается,—теперь больше свободы уходитъ въ расколъ, чѣмъ сдѣлаться единовѣр-

цемъ. „Батюшки“, замѣчаетъ авторъ, идею объ устраненіи ограничительныхъ условій для вступленія въ общество единовѣрцевъ „выслушиваютъ съ недоумѣніемъ и даже съ ужасомъ“ (10). Положимъ, это — сущая правда и не въ одномъ Архангельскѣ, но, можно сказать, повсюду. Причинъ здѣсь много и не очень, конечно, вѣскихъ. Но и авторъ нашъ въ своемъ устраненіи препятствій тоже пошелъ слишкомъ ужъ далеко за указанную границу, дошелъ до свободнаго обращенія православныхъ приходо-довъ въ единовѣрческіе (12). Объ этомъ мы писали въ своей статьѣ „Наканунѣ вѣротерпимости“ („Прав. Собес.“ 1905 г. и отд. брош.), повторяли и въ заключеніи по поводу одного дѣла Казанской консисторіи (см. „Миссіон. Обзор.“ мартъ 1906 г.). Въ томъ же духѣ и высказалась наша при владыкѣ комиссія по церковнымъ реформамъ (подлинникъ въ дѣлахъ канцеляріи Св. Синода), и повторять не будемъ (тѣмъ болѣе, что наша записка казанскому владыкѣ тоже напечатана. „Мисс. Обзор.“ 1906 г.). А что до того, что теперь легче, пожалуй, идти въ расколъ, чѣмъ въ единовѣріе, то это отъ того, что дарованіе свободы вѣроисповѣданія иномыслящимъ принадлежитъ власти государственной, а возможность перехода изъ православія въ единовѣріе подлежить всецѣло компетенціи власти церковной, въ домостроительствѣ церковномъ могущей дѣйствовать совершенно независимо. Само собой понятно, что считается съ этимъ необходимо и вопросъ объ этомъ можно считать предрѣшеннымъ... Но не нужно съ плеча рубить вѣковое также дерево (допущеніе единовѣрія, при *обдержномъ употребленіи* исправленнаго обряда). Измѣнять признанные принципы, особенно въ жизни церковной, вдругъ никоимъ образомъ нельзя.

Во второй статьѣ, встрѣтивъ сочувственный отзывъ своей широкой идеѣ, авторъ продолжаетъ рѣчь на ту же тему, освѣщая только ее съ другихъ сторонъ и выдвигая тѣмъ какъ-бы новые мотивы. Примѣчательно, что здѣсь онъ уже прямо и говорить, что употребленіе „старыхъ книгъ можетъ быть и въ православныхъ церквахъ“, оговариваясь, „гдѣ подходящія условія“ (16). И мы можемъ яснѣе повторить, что это уже прямое нарушеніе принятаго и утвердившагося порядка, о чемъ, если и можно было говорить, то двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Слишкомъ много протекло времени, чтобы оборачивать жизнь на старый ладъ. Далѣе, впрочемъ, авторъ и еще оговаривается, упирая на частные только случаи.

„Отчего бы не воспользоваться миссіонеру благопріятнымъ случаемъ, не сдѣлать удовольствія людямъ (скорѣе приспособле-

ніа къ нимъ), съ благоговѣніемъ взирающимъ на старыя книги, и не послужить по этимъ книгамъ *хоть одинъ разъ* ¹⁾, въ приходѣ, въ который миссіонеръ пріѣхалъ для собесѣдованій съ народомъ? Если авторъ имѣлъ въ виду только это, то зачѣмъ же онъ на стран. 16-й заявлялъ, какъ о мѣрѣ наиболѣе „радикальной для противодѣйствія“ расколу, о томъ, что раньше сказали? Выходить, онъ говорилъ на удачу, не завѣсивъ того, что говорилъ, и потому дѣлая оговорки. Последняя оговорка представляеть дѣло уже въ такомъ видѣ, который не можемъ не признать цѣлесообразнымъ, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда ни въ комъ это не вызоветъ неудовольствія, или какого-либо недомѣнія, а миссіонеръ съумѣетъ отслужить, какъ слѣдуетъ.

Но далѣе авторъ какъ будто самъ себя съ означеннымъ „по старымъ книгамъ“ побиваетъ. На стр. 21 онъ бросаетъ мысль о *народѣ православномъ*, что онъ „въ дѣлѣ пониманія вѣры настолько поднялся выше, что старообрядчество ему кажется чѣмъ-то страннымъ, наивнымъ“. Если это такъ, то зачѣмъ миссіонеръ будетъ и служить по „старымъ книгамъ“? Кому онъ можетъ „доставить этимъ удовольствіе“? Старообрядцамъ раскольничающимъ? Но вѣдь они на его службу все равно не пойдутъ, а если нѣкоторые и придутъ посмотрѣть, то во всякомъ случаѣ молиться не будутъ. Народу православному? Но что ему за „удовольствіе“ видѣть у себя въ церкви нѣчто странное, наивное?..

Вотъ что значитъ разбрасываться въ мысляхъ въ разныя стороны. Дѣло-то въ томъ, —почему и мы призвали мысль автора о служеніи въ извѣстныхъ случаяхъ по старымъ книгамъ цѣлесообразною, что народъ нашъ слишкомъ мало еще поднялся „въ дѣлѣ пониманія вѣры“. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ; поэтому-то и полезно бываетъ до извѣстной степени приспособляться къ его обычаямъ и къ его пониманію. Но гдѣ онъ таковъ, какимъ рисуеть его о. протоіерей, тамъ ни о какихъ приспособленіяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ третьей статьѣ авторъ знакомитъ читателей съ воззрѣніями старообрядцевъ на тѣ обрядовыя формы богослужебнаго строя, которыхъ они держатся, и на преимущественное ихъ значеніе предъ формами православія, а также и на преимущество ихъ по жизни. Все это давнымъ-давно извѣстно и едва ли нужно было докладывать объ этомъ, можетъ быть въ тысячный разъ, и докладывать православному протоіерею, —попросту „самому себя

1) Курсивъ нашъ.

сѣчь“. Впрочемъ, теперь мода такая, „все-де у насъ худо, а у другихъ хорошо“. Какъ назвать эту моду?.. Но автору для чего же nibудь это понадобилось.

Въ концѣ доклада о нравственныхъ преимуществахъ старообрядства, авторъ заявляетъ, „насколько трудно бороться съ вкоренившимися въ людяхъ убѣжденіями и привычками“ (26). И изъ этой сентенціи, кажется, ничего особеннаго не вытекаетъ, кромѣ развѣ того, что служеніе миссіонера, которому приходится бороться съ вкоренившимися въ людяхъ убѣжденіями, разъяснять значеніе (большое, или очень малое) этихъ убѣжденій, а также и значеніе привычки смотрѣть на себя въ нравственной жизни свысока, унижая елико возможно—другихъ,—есть, по истинѣ, служеніе трудное изъ труднѣйшихъ и въ него ли бросать какой либо упрекъ? Но авторъ совершенно неожиданно дѣлаетъ совсѣмъ иное заключеніе. Онъ говоритъ это, по его словамъ, къ тому, „чтобы со всею ясностію (?) показать, что миссіонерское дѣло у насъ поставлено неправильно“ (26). Послѣднее слово, хотя и неожиданно явившееся, обращаетъ на себя серьезное вниманіе. Интересно узнать, въ чемъ его неправильность и какъ поставить его правильно. Отъ этого авторъ не уклонился и продолжаетъ свои разсужденія на эту тему, хотя въ *нужды* единовѣрія она какъ будто не входитъ. Будемъ же внимательны.

Прежде всего о. протоіерей указываетъ на самое названіе „миссіонеръ“, какъ непріятное для старообрядцевъ (!). Пусть будетъ такъ, если такъ. Но нами подмѣчалось, что оно стало какъ-то опошливаться не столько старообрядцами, сколько совсѣмъ другими, не изъ ихъ лагеря,—которымъ по другимъ причинамъ не симпатичны ни способы ихъ служенія, ни самыя даже цѣли, какъ искусственно придуманныя. Какъ же замѣнить это названіе,—авторъ не говоритъ. Мѣстами придумано уже названіе „проповѣдника“. Не будемъ и этого оспаривать, лишь бы цѣли остались тѣ-же, миссіонерскія, а не мѣнялись на *общее* проповѣдничество о вѣрѣ и нравственности. Въ послѣднемъ случаѣ миссіонерство, какъ таковое, совершенно уничтожается... Однако, названіе само по себѣ еще дѣло небольшое. Въ чемъ же неправильность постановки миссіонерскаго дѣла по существу?

„Миссіонеры православной церкви, рассказываетъ авторъ, „*критикуютъ* обряды, уважаемые раскольниками“ (29), и въ результатѣ ничего не получается. По правдѣ, если кто изъ миссіонеровъ такъ дѣлалъ, если изъ устъ его раздавалась рѣзкая на означенные обряды критика,—когда на нашихъ глазахъ единовѣріе,—то ничего и не могло получиться хорошаго. Лучшіе мис-

сiонеры такъ не дѣлали и не совѣтовали другимъ дѣлать. Дѣлалъ ли такъ нашъ авторъ—бывшій миссионеръ, спрашивать его находимъ неделикатнымъ... Въ подобныхъ вопросахъ наша точка зрѣнія должна быть не полемическая, а апологетическая. И это установлено и въ наукѣ, со времени выхода въ свѣтъ извѣстной книги митрополита Григорія „Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь“,—хотя авторъ книги, при изложеніи, и не былъ послѣдователенъ до конца. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣлъ на обрядовыя разности и архимандритъ Павелъ (Прусскій). Да и гораздо еще раньше въ „Увѣщаніи“ Платона выступаетъ примирительная относительно обрядовъ идея. Поэтому и въ наши дни кто этому не слѣдовалъ и не слѣдуетъ, тотъ, дѣйствительно, плохой миссионеръ.

Критикуя наличныхъ миссионеровъ за неправильную постановку нѣкоторыхъ изъ нихъ, авторъ отстраняетъ всѣхъ,—и виновныхъ въ такой постановкѣ, и указываетъ другихъ,—священниковъ церковей единовѣрческихъ (не справившись, всѣ ли они способны къ миссионерствованію), „иначе называемыхъ“, добавляетъ онъ, „старообрядческими“ (29). Для чего это „иначе“, совсѣмъ непонятно и невѣрно, такъ какъ теперь названіе „старообрядцы“, „старообрядческій“ относится до раскольниковъ старобрядцевъ, единовѣрцевъ же необходимо отличать отъ нихъ. Да и раньше такъ слѣдовало выражаться, во имя точности мысли. Что же до миссионерствованія единовѣрцевъ, то кто когда отклонялъ ихъ отъ этого? О. Павелъ, архимандритъ *единовѣрскаго* монастыря, всю жизнь свою положилъ на миссионерское служеніе. Есть и другіе. Но если исключительно единовѣрцамъ предоставить дѣло миссіи, то много ли найдется Павловъ?... Найдется много, которымъ это дѣло совсѣмъ не подь силу. А что еще хуже, и такіе окажутся,—далеко не Павлы,—которые не миссионерами православія окажутся, а единовѣріе захотятъ устроить по своему, въ видѣ отдѣльной церкви. И многое другое можетъ оказаться, далеко не желательное и православной церкви не полезное. Поэтому передавать только дѣло миссионерствованія изъ однихъ рукъ въ другія значитъ еще ничего не сказать о болѣе правильной и желательной постановкѣ миссіи. Въ своей упоминаемой статьѣ „Наканунѣ вѣротерпимости“... мы говорили уже о единовѣрцахъ, какъ „передовыхъ бойцахъ за православіе“, и больше повторять тоже не будемъ и только недоумѣваемъ, на кого же возлагаются нашимъ авторомъ надежды.

Правда одно, что раскрываетъ о. протоіерей на 30-й страницѣ своей брошюрки, т. е. что единовѣрцы по своимъ обычаямъ и

образу жизни ближе къ старообрядцамъ, чѣмъ православные, и имъ легче вліять на послѣднихъ. Но и въ этомъ случаѣ дальнѣйшія заключенія автора неправильны, и миссіонерамъ единовѣрческимъ изъять изъ своей миссіонерской практики,—какъ говоритъ онъ,—„спорные пункты о вѣрѣ и благочестіи по отношенію къ православной церкви“ (30) невозможно, ибо вопросы объ этомъ не нами возбуждаются, а старообрядцами, такъ что и двуперстнику-единовѣрцу волей-неволей придется такъ или иначе защищать троеперстіе. Разумѣть должно и другіе обряды. И кто изъ миссіонеровъ лучше ихъ можетъ ихъ защитить, это еще вопросъ и очень немаловажный. Все дѣло въ пониманіи и опытности. Вообще, авторъ, съ такимъ несочувствіемъ и съ такою желчью относящійся къ миссіонерамъ православнымъ и такъ рѣшительно ратоборствующій за миссіонеровъ-единовѣрцевъ, какъ кажется, говоритъ тенденціозно, переливая чрезъ край. Пусть работаютъ всѣ, и единовѣрцы и православные, дружно работаютъ на пользу *общей* матери-церкви святой и апостольской, и работаютъ умѣючи.

То миссіонерскія замѣтки. Но не въ этомъ еще вся суть, ради которой мы обратили вниманіе на брошюрку о. Легатова,—а въ томъ, что авторъ сказалъ въ самомъ концѣ настоящей статьи и раскрываетъ въ слѣдующей, четвертой.

Отъ единовѣрческаго миссіонерства какимъ-то, тоже мало-постижимымъ образомъ онъ перескакиваетъ къ единовѣрческому архіерею. „Да, только на почвѣ объединенія (?) отщепенцевъ съ обществомъ единовѣрцевъ можетъ быть поставлено въ правильное и цѣлесообразное положеніе миссіонерское дѣло обращенія на путь спасенія (это, кажется нѣчто другое, чѣмъ „объединеніе“) заблуждающихся въ расколѣ“. Такъ разсуждаетъ авторъ и вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: „А потому (?) единовѣрцію нужно предоставить въ этомъ дѣлѣ господствующую роль; даровать ему права на самостоятельное (!) существованіе и для сего учредить епископскую кафедру“ (?!)... Какъ же не понять, что въ миссіонерскомъ дѣлѣ единовѣрческая іерархія составляетъ предметъ существенной важности и что существованіе ея въ Россіи вызывается указаніями самой исторіи раскола“ (разумѣй бѣлокриницкую іерархію)?.. „Съ учрежденіемъ іерархіи въ единовѣрціи и организаціи института миссіонеровъ *на новыхъ началахъ* ¹⁾

¹⁾ Курсивъ нашъ.

естественно ожидать, что между раскольниковыми старообрядцами и *православною церковію* произойдетъ сближеніе, такъ какъ спорные вопросы о вѣрѣ и благочестіи (слѣдовало сказать: объ обрядѣ), служащіе нынѣ камнемъ преткновенія для старообрядцевъ, теряютъ свое значеніе и силу. Мало того: „тогда и то нареканіе на православную церковь, что она якобы предала клятвѣ старые обряды и книги, не будетъ имѣть смысла“. „О, если бы далъ Господь теплыхъ молитвенниковъ для единовѣрческой паствы въ Россіи“!.

Разбросанныя на полутора страничкахъ мысли автора какъ-то трудно собрать въ одинъ фокусъ. Правда, фокусъ этотъ со стороны словесной какъ будто и есть, это самостоятельный единовѣрческій епископъ. Но, сказавъ о немъ, авторъ переходитъ въ область иллюзій.

Онъ заговариваетъ о сближеніи раскольниковыхъ старообрядцевъ и православной церкви между собою. Но какъ это произойдетъ и кто съ кѣмъ будетъ сближаться: старообрядческие ли епископы, уже 60 лѣтъ существующіе,—съ единовѣрческими, или послѣдніе съ первыми, или наоборотъ (какъ бы слѣдовало) съ православными, и будутъ ли послѣдніе сближаться даже съ австрійскими, чрезъ единовѣрческихъ,—все темно во облацѣхъ и, какъ говорится, про все это „бабушка на двое сказала“. Одно ясно, что обрядовые вопросы, а особенно вопросъ о клятвахъ, не отойдутъ на задній планъ и ни мало не потеряютъ своей остроты. Объ этомъ, хотя безсознательно, проговаривается и самъ авторъ. „Средостѣніемъ и предметомъ спора, говорить онъ, останется только вопросъ о хиротоніи, ибо первый епископъ для единовѣрческой паствы долженъ принять ее отъ епископовъ *господствующей въ Россіи православной церкви* 1), которые сами священнодѣйствуютъ по новымъ книгамъ“ (32). Что означаетъ эта вставка? Не то ли, что и при *единовѣрческомъ* епископѣ обрядовые вопросы (или, какъ выражается авторъ, „спорные вопросы о вѣрѣ и благочестіи“) останутся въ томъ же видѣ, какъ и теперь? Авторъ питаетъ надежду, что со временемъ этотъ вопросъ (о поставленіи *перваго* единовѣрческаго епископа епископами новообрядствующими, а втораго, должно быть, онъ *одинъ* уже поставитъ; такъ выходитъ) „потеряетъ свою силу и значеніе“. Не знаемъ, конечно, какъ и что будетъ, но думаемъ и опасаемся, что съ появленіемъ самостоятельныхъ единовѣрческихъ епископовъ (конечно, не одного) рѣчь будетъ не объ *объединеніи* ихъ

1) Курсивъ нашъ.

съ епископами старообрядческими, — чего Боже сохрани, — а скорѣе всего, пожалуй, о препирательствѣ между единовѣрцами и православными о превосходствѣ „старыхъ и „новыхъ“ книгъ и обрядовъ.

Почтенный о. протоіерей совсѣмъ запутался въ своихъ мысляхъ. Выдвигая вопросъ о самостоятельномъ единовѣрческомъ епископѣ, ему слѣдовало бы, прежде, чѣмъ говорить объ обращеніи раскольниковъ, да о какомъ-то объединеніи съ старообрядческой іерархіей, — остановиться повнимательнѣе на вопросѣ о порядкѣ и устройствѣ *своего* церковнаго дома, оставивъ пока въ сторонѣ миссіонерскія цѣли. Какъ только онъ произнесъ слова „самостоятельный единовѣрческій епископъ“, ему и естественно и необходимо было опредѣлить отношенія этого епископа къ священноначалію православной церкви, какъ къ своему корню, имѣя въ виду, что и единовѣрческіе епископы *въ существѣ* такіе же православные. Подумалъ ли авторъ о томъ, будетъ ли учрежденіе единовѣрческаго *самостоятельнаго* епископа, а тѣмъ паче епископата соответствовать церковнымъ канонамъ и согласоваться съ понятіемъ о *единой* (православной) церкви. Посмотримъ, можетъ быть, онъ скажетъ объ этомъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Въ статьѣ четвертой и развиваются мысли и надежды на единовѣрческую, или, какъ выражается авторъ, на „старообрядческую въ православной церкви“ іерархію (32). „Эта мысль, докладываетъ авторъ, можетъ осуществиться безъ нарушенія церковныхъ канонѣвъ, чрезъ поставленіе для епархій, зараженныхъ расколомъ, епископовъ, *въ помощь* мѣстнымъ архіереямъ“ (33). Читая отъ строки, полагаемъ, что при вопросѣ о единовѣрческихъ епископахъ имѣются въ виду епископы собственно викарные, какъ *помощники* епархіальнаго. Объ этомъ и разговоръ другой и автору слѣдовало и въ предшествующей статьѣ такъ прямо и сказать. Но если такъ стало предноситься въ его сознаніи, когда онъ писалъ свою настоящую статью, то онъ долженъ былъ или оговорить, или пояснить слова предшествующей статьи, что „единовѣрцію нужно даровать права на *самостоятельное* существованіе (какъ понимать эту фразу?) и для сего учредить епископскую кафедру“, и что „*единовѣрческая іерархія* составляетъ предметъ существенной важности“? Безъ этого совсѣмъ непонятно, зачѣмъ же онъ бросалъ слова, могущія сбить съ толку читателя, если въ головѣ его всегда была мысль о единовѣрческихъ епископахъ, только какъ „помощникахъ“ епархіальному? Впрочемъ, почитаемъ, можетъ, увидимъ.

Далѣе вопросъ о епископѣ и въ настоящей статьѣ раскры-

вается опять съ миссіонерскою точки зрѣнія. Авторъ имѣеть въ виду главнымъ образомъ богослуженіе съ его уставностію и благолѣпною красотою. О богослуженіи хорошо, пожалуй, сказано, но затѣмъ рѣчь опять о первомъ единовѣрческомъ епископѣ, и опять спутывающая читателя. По автору, онъ „долженъ быть поставленъ *непретъно* по сношеніи съ восточными патріархами, съ ихъ вѣдома и согласія“. Но ради чего это требуется (особенно поставленіе викарія), не знаемъ. Мало того, желательнымъ представляется автору, чтобы первый единовѣрческой епископъ былъ хиротонисанъ при непосредственномъ участіи одного изъ восточныхъ патріарховъ, напимѣрь, іерусалимскаго“ (34), и былъ избранъ изъ природныхъ единовѣрцевъ (34). Отъ такой своей мысли авторъ приходитъ въ восхищеніе, что такое событіе будетъ свидѣтельствовать о заботливости и искренней любви православной церкви къ заблудшимъ, что такого епископа примутъ не только поповцы, но и безпоповцы, такъ какъ крещеніе природныхъ единовѣрцевъ не отрицается и послѣдними. Сколько хорошихъ словъ и благихъ чаяній! Но если отнестись къ дѣлу проще и посмотрѣть на него корректнѣе, то, во 1-хъ, гдѣ и въ чемъ любовь и заботливость къ „заблудившимъ“, когда поставятъ епископа для единовѣрцевъ, а не для нихъ? Не отнесутся ли и поповцы къ сему съ подозрительностію и съ неудовольствіемъ? Вѣдь самъ авторъ замѣчаетъ, что такой епископъ былъ бы „большимъ противовѣсомъ австріякамъ“ (34).

Психологически то странно, что кому мы захотѣли бы устроить „противовѣсъ“, тотъ и пойдетъ къ сближенію съ нами. Развѣ что по тому соображенію, что „обличи премудраго и возлюбить, даждь премудрому вины и премудршій будетъ“, но не думаемъ, чтобы такъ высоко мыслилъ авторъ о членахъ Бѣлокриницкой іерархіи. Жизнь совѣмъ другое показываетъ,—то, что непріятный противовѣсъ вызываетъ на болѣе ожесточенную борьбу и глумленіе даже надъ весьма хорошимъ явленіемъ. Это относительно поповцевъ. А что до безпоповцевъ, пріемлющихъ яко-бы крещеніе „природныхъ“ единовѣрцевъ, то такое заявленіе автора составляетъ его недоразумѣніе. Принципъ безпоповцевъ-перекрещенцевъ (поморцевъ, едосѣвцевъ, филипповцевъ, бѣгуновъ и др. под.) тотъ, что „еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“. Есть, правда, и въ средѣ безпоповцевъ не повторяющіе крещенія надъ тѣми, которые крещены во имя Св. Троицы, въ три погруженія (т. наз. старые и новые спасовцы), но такое неповтореніе крещенія относятъ они не къ „природнымъ“ только единовѣрцамъ, но и ко всѣмъ православнымъ.

И причина этому совсѣмъ другая, не имѣющая никакого отношенія къ единовѣрїю. Да при томъ отъ неповторенія крещенія до признанія хиротонїи еще слишкомъ далеко. Посему, какъ будутъ безпоповцы смотрѣть на единовѣрческаго епископа, признають ли его хиротонїю, это, по меньшей мѣрѣ, вопросъ настолько трудный, что рѣшать его однимъ почеркомъ пера рѣшительно невозможно. Лучше было бы, если бы авторъ нашъ ничего и не говорилъ о безпоповцахъ.

Остановимся на проектируемомъ единовѣрческомъ епископѣ и на ожиданїи отъ него всякихъ для церкви благъ и съ другой, практической тоже, стороны. Какъ бы, при дарованїи особаго единовѣрческаго епископа, того не случилось, что, погнавшись за двумя зайцами, ни одного не убьемъ: и единовѣрїя къ себѣ не приблизимъ, и раскольниковъ не обратимъ?.. А между тѣмъ нарушимъ церковные каноны (1 всел. соб. прав. 8-е, 3 соб.—3-е, 4 соб.—12-е и двукратн. 16-е), произведемъ въ церкви замѣшательство и поколеблемъ понятїе единства церкви. Авторъ ничего этого знать не желаетъ,—увлекшись только миссіонерскимъ значенїемъ, очень проблематическимъ. Будемъ же мы раскрывать извѣстныя уже намъ картины самаго ходатайства о дарованїи единовѣрцамъ особаго епископа, какъ желаютъ того сами единовѣрцы. Сначала рѣчь была объ одномъ единовѣрческомъ епископѣ на всю Россїю, при Св. Синодѣ и непосредственно ему подчиненномъ. Но ясно было, что одинъ епископъ на всю Россїю, въ какое положенїе его ни поставь, удовлетворить всѣхъ не можетъ. Скоро понадобилось бы просить другого, потомъ третьяго и т. д. Рукоположивъ одного, можно ли было бы отказать въ другомъ и третьемъ и пятомъ и десятомъ?.. А тамъ и съѣздовъ попросятъ и соборы ихъ сами собой явятся, пока, скажемъ, совѣщательные, но такого свойства, что и совѣщательныхъ постановленїй трудно будетъ не утвердить, а тамъ, можетъ, и большее что послѣдуетъ. Не долго пришлось этого ждать въ проектахъ заправителей единовѣрческихъ ходатайствъ о епископѣ. Они заводили уже рѣчь не объ одномъ архіереѣ, а о епископатѣ, съ митрополитомъ во главѣ (имѣя въ виду предполагаемое образованїе митрополичьихъ округовъ) и нѣсколькими епископами ¹⁾, заговаривали и объ особыхъ единовѣрческихъ „соборахъ“ и даже прямо объ обособленїи. При какомъ-то приподнятомъ настроенїи рѣчь была слишкомъ ужъ откровенна. Поэтому, выслушавъ ее,

¹⁾ Обсужденїе этого было внесено въ VI отд. предсоборнаго Присутствїя.

болѣе политичные защитники мысли о единовѣрческихъ епископахъ, выражались осторожнѣе, всего не досказывали. Но если осуществится, хотя и не вполнѣ и не сразу, все то, о чемъ проговариваются, то единовѣріе получитъ совершенно наглядный видъ другой церкви, со стороны до времени только внѣшній. А кто можетъ поручиться, что не возникнетъ несогласій между православными и единовѣрцами и по существу,—хотя по вопросамъ, вѣры не касающимся, и, чего Боже сохрани, не произойдетъ фактическаго несогласія и разрушеніе церковнаго единства?.. Кому какая будетъ отъ этого польза и радость? Православнымъ, кромѣ слезъ и горя,—что отчуждились отъ нихъ ихъ братья по вѣрѣ и церкви, ничего не будетъ, да и отчуждившимся единовѣрцамъ, когда опомнятся отъ навѣянныхъ мыслей, тоже пользы не будетъ, такъ какъ православіе для нихъ—точка опоры. А будетъ тогда радость только расколу... Нашего автора, видимо, это вовсе не занимаетъ. Ему чудится, что къ сонму единовѣрческихъ епископовъ примкнуть австрійскіе съ ихъ паствами, и будетъ церковь православно-общестарообрядческая. Да хорошо ли даже и это? Онъ-то, православный священникъ, при чемъ тогда останется? Останется ли тѣмъ, что онъ есть, или примкнетъ къ православно-общестарообрядческой? Но вѣдь легко случиться можетъ, что та церковь, которой теперъ онъ служителъ, отойдетъ уже на второй планъ, а если захочетъ примкнуть къ послѣдней, то какъ бы не подвергли тамъ его исправѣ, хотя и не теперешней, а самой, положимъ, незначительной, въ родѣ того, чтобы „попрощаться“, т. е. испросить прощеніе у этой православно-общестарообрядческой церкви. Да такъ ли еще будетъ, какъ автору представляется, т. е. что епископы австрійскіе примкнутъ къ единовѣрческимъ,—мы, по крайней мѣрѣ, мало на себѣ рассчитываемъ? Наоборотъ: не позовутъ ли къ себѣ первые послѣднихъ?.. И предъ этимъ нужно поставить большой знакъ вопроса. А всякая сдѣлка тѣхъ и другихъ никогда не будетъ на пользу православія. Вотъ гдѣ опасность наибольшая не только съ теоретической, догматико-канонической стороны, но съ самой жизненно-практической, опасность, отъ которой невозможно закрывать глазъ, выдвигая вопросъ объ *особахъ* единовѣрческомъ епископатѣ.

Есть еще проектъ о единовѣрческихъ епископахъ въ предѣлахъ предполагаемыхъ митрополій, — равныхъ по управленію единовѣрческими церквами епархіальнымъ, на ряду съ ними подчиненныхъ митрополиту и собору. Проектъ этотъ представляется болѣе другихъ удобопріемлемымъ, по его разсмотрѣнію и деталь-

ной разработкѣ. Правда, и о немъ нужно было подумать и подумать, чтобы не сдѣлать перваго невѣрнаго шага, при которомъ неизбѣжно должны послѣдовать и дальнѣйшіе. Но въ виду того, что раздѣленіе на митрополіи первымъ и вторымъ отдѣлами Присутствія отклонено, проектъ этотъ отпалъ самъ собою и не подвергался спеціальному разсмотрѣнію.

Мы, хотя и кратко, сказали, что по совѣсти должны были сказать относительно особаго единовѣрческаго епископа. Намъ нѣтъ надобности рекомендоваться, что мы чтимъ единовѣріе, какъ учрежденіе православное, законмѣрное и цѣлесообразное, и любимъ единовѣрцевъ, какъ братьевъ о Христѣ; но посему-то и вынуждаемся сказать правду, какъ ее понимаемъ, и предостеречь отъ опасностей, которыя намъ представляются,—хотя это, можетъ быть, и непріятно нѣкоторымъ единовѣрцамъ, смотрящимъ на дѣло подъ другимъ угломъ зрѣнія. Во всякомъ же случаѣ мы изумляемся, что нашъ авторъ, почтенный отецъ протоіерей, говоря о миссіонерахъ-единовѣрцахъ, о привлекательности ихъ богослуженія, о любви народной къ ихъ обычаямъ и о др. подобномъ, съ такою поспѣшностію, безъ органической, предметной связи, ничѣмъ прямо не вынуждаемый,—выдвинулъ означенный вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ и рѣшилъ его съ такою поразительною легкостью въ положительномъ смыслѣ.

Изумленіе наше усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что о. протоіерей къ обществу единовѣрцевъ не принадлежитъ. Когда заводятъ рѣчь о епископѣ послѣдніе, то мы должны цѣнить въ нихъ то, что въ ихъ рѣчахъ слышится наболѣвшее сердце, вслѣдствіе, дѣйствительно, существующихъ въ ихъ жизни ненормальностей, происходящихъ и не по ихъ винѣ. Мы должны цѣнить то, что они ратоборствуютъ за свое въ домѣ церкви помѣщеніе, за неприкосновенность своихъ обычаевъ и дарованныхъ имъ правъ, за цѣлость своей общины, за ея процвѣтаніе. Здѣсь и самое увлеченіе заслуживаетъ уваженія. Иное дѣло, когда говорящій смотритъ со стороны на предметъ, непосредственно его не касающійся. Такой писатель долженъ и разсуждать только корректно, не увлекаясь никакими побочными соображеніями, повидимому, очень заманчивыми,—или же совсѣмъ не братья за рѣшенія важныхъ церковныхъ вопросовъ, если чувствуетъ себя недостаточно свѣдущимъ въ принципахъ церковнаго устроенія и безъ широкаго жизненнаго кругозора.

Еще одно замѣчаніе или разъясненіе по поводу церковныхъ принциповъ. Не разъ мы слышали, что понятіе единства церкви

сохранится и при подчиненіи единовѣрческаго епископа высшему только священноначалію, въ лицѣ ли патріарха, или всероссійскаго синода. Но такое подчиненіе или единеніе—лишь въ самомъ верху пирамиды, средняя часть которой, не говоря о низшей, находится въ разобщеніи, тогда какъ жизнь строго по существу церковная сосредоточивается именно въ этой срединѣ. И патріархъ, и синодъ, и даже соборъ въ точномъ, каноническомъ смыслѣ представляютъ ту же власть епископскую, только съ большими административно-церковными полномочіями. Ибо степеней священства только три и въ отношеніи догматическомъ возглавляются они епископомъ. И патріархъ не есть папа въ римско-католическомъ значеніи. Съ другой стороны указанное подчиненіе патріарху или синоду слишкомъ далекое, отвлеченное и будетъ существовать только въ теоріи, да на бумагѣ. Жизнь и наглядность поставитъ вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ *православныхъ* въ одной мѣстности епископовъ, и по этимъ именно отношеніямъ будутъ судить всѣ о церкви и ея *единствѣ*.

Указываютъ еще для рѣшенія вопроса о епископѣ на 79, 112, 132 и др. правила древняго Карфагенскаго собора относительно обращающихся донатистскихъ епископовъ. Но тамъ картина совсѣмъ другая, далеко не похожая на положеніе нашихъ единовѣрцевъ. Не раскрываемъ этой картины сейчасъ, потому что это раскрытіе увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Если позволить время, скажемъ объ этомъ особо.

На этомъ кончаемъ наши замѣчанія о единовѣрческомъ епископѣ и переходимъ къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ о протоіерея Легатова.

Далѣе онъ говоритъ объ участіи восточныхъ патріарховъ въ рѣшеніи употребленія „старыхъ“ книгъ и обрядовъ, о мѣстахъ жительства единовѣрческихъ епископовъ, о потерѣ обаянія „австрійской іерархіи“, о необходимости вообще въ значительныхъ монастыряхъ служить по старымъ книгамъ и объ образованіи въ нихъ „старообрядческихъ общинъ“ (?), объ употребленіи „старыхъ обрядовъ приходскими священниками, о приобрѣтеніи въ церковныя бібліотеки „старыхъ“ книгъ (учительныхъ), о важномъ значеніи этихъ книгъ, о чтеніи изъ нихъ поученій въ православныхъ храмахъ и опять о бесполезности нашей теперешней миссіи. Все это въ указанномъ порядкѣ изложено только на семи страничкахъ (35—42), чѣмъ четвертая статья и оканчивается. Ясно, что брошенная авторомъ мысли совсѣмъ не раскрыты и всесторонне не продуманы. Разсматривать каждую мысль обстоя-

тельно и всесторонне нѣтъ конечно, никакой возможности. Можно сказать лишь вообще, что нѣчто изъ рекомендуемаго и сейчасъ есть (библіотеки „старыхъ“ книгъ при церквахъ, употребленіе по мѣстамъ при требоисправленіяхъ и въ частныхъ случаяхъ двуперстнаго благословенія, или посолонія), иное представляется и симпатичнымъ и желательнымъ, о чемъ и вопросы уже подняты (сношеніе съ восточными патріархами о подтвержденіи единовѣрія и о разъясненіи клятвъ собора 1667 г.); остальное же или трудно осуществимо (обращеніе Соловецкаго монастыря въ единовѣрческій, образованіе „единовѣрческихъ общинъ“ въ другихъ монастыряхъ и т. п.), или составляетъ лишь одни благія чаянія (потеря обаянія „австрійской іерархіи“).

Въ общемъ авторъ какъ будто рекомендуетъ опять переустройство церковнаго богослуженія и порядка на старый ладъ. Повторивъ, „не поздно ли это“, продолжимъ: можно ли зачеркнуть съ такою легкостію двухвѣковую слишкомъ исторію существующаго строя и порядковъ церковной жизни, оставившихъ несомнѣнно, во многихъ свои глубокіе слѣды и создавъ вѣковыя тоже привычки?.. Думается, что это не такъ легко. Въ возвращеніи къ старому автору представляются чудныя картины церковнаго благолѣпія, которое привлечетъ къ церкви отколовшихся отъ нея любителей старины. Но, смотря на дѣло безъ увлеченія, мы можемъ и другое представленіе имѣть и другія картины рисовать, совсѣмъ нежелательныя, въ другой цвѣтъ окрашенныя. О томъ, пойдутъ ли къ намъ при измѣненіи строя церковной жизни двѣсти слишкомъ лѣтъ назадъ раскольничествующіе, мы уже замѣчали, что это пока еще сомнительно. А у себя, дома, что можетъ случиться, если высшая церковная власть приметъ проектъ о протоіерея и сдѣлаетъ соответствующее распоряженіе? Ни для кого не секретъ, что на ряду съ приверженцами стараго порядка вещей у насъ есть и теперь очень много людей—изъ духовенства, да и изъ недуховенства, которые съ предубѣжденіемъ смотрятъ на „старообрядчество“ само по себѣ, а отсюда и на единовѣріе подозрительно. Самъ авторъ не скрываетъ раздающихся по поводу его проекта недоумѣній и возраженій со стороны его сослуживцевъ (стр. 42, 49 и 61).

Мы слышали даже въ публичныхъ засѣданіяхъ такихъ священниковъ, которые съ страстностію въ тонѣ заявляли: „вы насъ въ единовѣріе хотите обратить“, „для меня троеперстное сложеніе—святыня моихъ предковъ, за которую я умереть готовъ“,—хотя никто еще и не думалъ ни въ единовѣріе обращать

говорившихъ, ни тѣмъ болѣе жизни лишать. Само собой понятно, что это сказано,—особенно послѣднее,—для краснаго словца, но оно характеризуетъ настроеніе. И такое настроеніе не мѣстное только, а болѣе или менѣе повсюдное. И съ нимъ нельзя не считаться. Имѣя въ виду это обстоятельство, мы и выразили опасеніе, когда говорили о единовѣрческомъ епископѣ, какъ бы при полнотѣ единовѣрческой іерархіи и при существующемъ стремленіи къ обособленію, не послѣдовало раздѣленіе между православіемъ и единовѣріемъ (что тоже: православнымъ старообрядствомъ). Опасаніе наше не на воздухѣ только висить, не плодъ нашей фантазіи.

Далѣе (со стр. 37-й) авторъ мечтаетъ о составленіи въ болѣе значительныхъ монастыряхъ (очевидно православныхъ) „старообрядческихъ общинъ“. Это выходитъ „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ“,—опять заговариваетъ о совершеніи богослуженія въ приходскихъ церквахъ по „старымъ“ книгамъ, „хотя существованію тамъ единовѣрія въ должномъ порядкѣ не всегда и не вездѣ благоприятствуютъ условія мірской жизни“ (какъ будто единовѣрцы всѣ—монахи), о томъ, чтобы имѣть требники и служебники „старопечатные“ и предлагать совершеніе требъ по старому обряду, докладываетъ, что старыя книги и поучительны и интересны и въ концѣ снова заявляетъ, что „при всѣхъ достоинствахъ миссіонера (конечно, православнаго) нельзя ожидать отъ него существенной пользы, если онъ будетъ только полемизировать на почвѣ обращенія къ православію заблуждающихся“. Что означаетъ весь этотъ наборъ словъ, кромѣ того, чтобы вбить читателю въ голову свои общія мысли? Ради этого, развѣ только, все это много разъ и повторяется.

Пятая статья (42—49) содержитъ нѣсколько мыслей митрополита Филарета относительно единовѣрія, съ заключеніемъ, что онъ „разсуждалъ о старообрядчествѣ теоретически, по кабинетному“, при томъ же смотрѣль, какъ всѣ тогдашніе администраторы, на старообрядчество „съ предубѣжденіемъ“. Статья эта современнаго значенія не имѣетъ. Что же касается значенія научно-историческаго, то взгляды приснопамятнаго іерарха на многіе вопросы, единовѣрія и единовѣрцевъ касающіеся, подвѣяніемъ лицъ и обстоятельствъ, мѣнялись, отъ болѣе строгихъ и подозрительныхъ къ болѣе мягкимъ и довѣрчивымъ.

Въ шестой статьѣ авторъ снова заводитъ рѣчь о болѣе широкихъ правахъ единовѣрія и о единовѣрческихъ епископахъ, ихъ необходимости и миссіонерской отъ нихъ пользы. Поводомъ къ

Этимъ новымъ разсужденіямъ послужило сознаніе, что едино-вѣріе въ настоящемъ его состояніи „не оказываетъ благотворнаго воздѣйствія на раскольничающее старообрядчество“ (52). „Если бы единовѣрію, разсуждаетъ авторъ, предоставлены были при самомъ его открытіи болѣе широкія права и полномочія, то *миссіонерамъ нашимъ теперь нечего было бы дѣлать*“. Такъ ли это, сказать, конечно, трудно, какъ трудно вообще говорить о томъ, чего не было и какъ пошла бы жизнь при другихъ условіяхъ и при другой обстановкѣ. Скорѣе можно думать, встрѣтились бы другія затрудненія и ненормальности, другія злобы времени. Болѣе любопытны разсужденія о единовѣрческихъ епископахъ, при ихъ отсутствіи въ настоящее время.

Причину недостаточнаго вліянія единовѣрія на прочихъ старо-обрядцевъ авторъ видитъ въ томъ „главнымъ образомъ, что существующіе въ единовѣрїи священники мыслятся раскольничающими старообрядцами не свободными *отъ общенія*, съ новшествами великороссійской церкви“. Разсуждая такъ прямолинейно, ужели почтенный православный протоіерей думаетъ, что желаемые имъ единовѣрческіе епископы порвутъ и порвать должны такое общеніе съ православною іерархією? Если таковы его думы и предположенія, то незачѣмъ было бы ему даже и заговаривать о необходимости и полезности единовѣрческаго епископа. Всякому понятно, что не единеніе наше укрѣпилъ бы онъ, а породилъ бы внутреннее разъединеніе между нами и единовѣрцами—чего собственно мы и должны опасаться. Своею откровенностію—искреннею, или напускною (не знаемъ)—онъ и зачеркиваетъ самый вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ. Точно предчувствуя это, онъ снова вводитъ насъ въ область значенія и пользы его съ миссіонерской стороны, замѣтивъ, что приверженцы австрійскаго священства предвидятъ въ немъ „свою гибель“ (53). Мы это слышали и замѣчали, что дѣло еще не въ гибели, пока очень сомнительной, а въ томъ, что, если и на самомъ дѣлѣ какимъ-либо путемъ епископы австрійскіе и единовѣрческіе соединятся между собою,—а на почвѣ единства обряда и одинаковаго уклада жизни это не невозможно,—и образуютъ *свою общестарообрядческую* церковь, или даже назовите ее *православно-старообрядческою*,—кто будетъ тогда отвѣчать предъ Богомъ за раздраженіе Его Церкви? Мы твердимъ теперь и единовѣрцы вторятъ намъ, что православіе и единовѣріе *едина*, святая церковь, и это считаемъ вѣрнымъ, и это видимъ, хотя не съ полной еще наглядностію. Но что будетъ *тогда*, когда осуществляются предна-

чертанія автора? Мы—или австрійскіе будемъ говорить объ этомъ единствѣ?.. Нѣтъ, если ужъ серьезно и съ точки зрѣнія церковной пользы говорить о единовѣрческомъ епископѣ, то требуется поставить его такъ, чтобы не было и очевиднаго нарушенія церковныхъ правилъ и отнюдь не нарушались бы миръ и единеніе между православіемъ и единовѣріемъ. При этомъ ни на минуту не слѣдуетъ и того забывать, что не мы пришли къ нимъ, а они къ намъ, соединившись въ едино, и потому точкою отправленія при всѣхъ реформахъ единовѣрія должны быть не недоразумѣнія, возникающія между единовѣрцами и православными, которыя необходимо, конечно, устранять,—а идея православія и внутреннее, общецерковное, прежде всего, съ нимъ единеніе, а не боковыя цѣли, хотя бы и очень высокія; ихъ можно имѣть въ виду только между прочимъ“. Когда наглядно осуществится первое, тогда съ большою легкостію и прямою, чуждою заднихъ мыслей, невыясненныхъ предположеній и естественныхъ вслѣдствіе этого опасеній, будутъ достигаться и вторыя. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ совершенно опустилъ это изъ виду и не обмолвился ни единымъ словомъ.

Въ седьмой, послѣдней статьѣ о протоіерей самъ признаетъ правильность нашихъ заключеній и предположеній, только онъ смотритъ на это, какъ на нѣчто совсѣмъ неопасное. Онъ какъ-бы сознательно идетъ на встрѣчу тому, чего мы такъ опасаемся и отъ чего предостерегаемъ. Поэтому намъ предстоитъ болѣе всего выписку только сдѣлать изъ его статьи. „Говорятъ, рассуждаетъ онъ, что учрежденіе въ единовѣрїи епископства (это уже болѣе, чѣмъ просто епископа, или викарныхъ, какъ въ ст. 3 и 4) опасно для православія въ томъ отношеніи, что оно поведетъ единовѣрїе къ обособленію отъ православной церкви. Но обособленіе это и безъ того существуетъ и оно не причиняетъ православію никакого вреда (?). Правда, съ учрежденіемъ епископства обособленіе единовѣрія, можетъ быть, приметъ болѣе рѣзкія формы (sic), но оно будетъ касаться лишь административной части. Чистоты же христіанскаго ученія въ догматическомъ отношеніи (какъ будто въ этомъ только и весь грѣхъ! А преслушаніе церкви? А раздраніе ея?..) оно нисколько не касается и церковно-каноническимъ правиламъ не противорѣчитъ“ (?).

Напавъ на такую прекрасную мысль объ обособленіи въ административной лишь части, авторъ продолжаетъ развивать свою теорію чрезъ уподобленіе съ автокефальными церквами, независимыми отъ другихъ церквей, въ чемъ и видитъ такое же обособленіе. Вотъ его слова:

„Административное обособленіе (не хочется ему сказать „каноническое“, и онъ употребляетъ другой терминъ, въ церковныхъ правилахъ не употребляемый ¹⁾, въ цѣляхъ укрыться за нимъ) единовѣрія не составляетъ ли чего либо новаго въ исторіи церкви христіанской? Нѣтъ, намъ извѣстно, что помѣстныя церкви со времени апостольскихъ обособлялись между собою (sic!), т. е. существовали самостоятельно, независимо одна отъ другой (авторъ думаетъ въ одной мѣстности создать двѣ „помѣстныя“ церкви; затѣя не малая, и не старая). А что представляютъ изъ себя въ настоящее время церкви: Всероссійская, Константинопольская, Александрійская, Іерусалимская, Антиохійская, Абиссинская (?), Болгарская (въ глазахъ патріарха константинопольскаго схизматическая), Сербская, Черногорская? Не обособленіе ли христіанъ одного и того же вѣроисповѣданія (Абиссинская несторіанскаго) въ административномъ отношеніи?—А что, если бы рядомъ съ Архангельской консисторіей явилась другая, единовѣрческая, и рядомъ съ епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ другой епископъ, тоже именующійся „православнымъ“? Которая же консисторія на самомъ-то дѣлѣ была бы православною и который епископъ православнымъ? По автору, пожалуй, выходитъ, что обѣ консисторіи православныя и оба епископа православные. Поэтому далѣе онъ и пишетъ, что „единовѣрческая іерархія во всякомъ случаѣ должна будетъ находиться въ подчиненіи Св. Синоду“. Но объ этомъ мы уже говорили.

Читаемъ далѣе. „Попытки о единовѣрческомъ епископѣ оставались безрезультатными („Мисс. Обзор.“ 1905 г. кн. 10, ст. Сенатова) не потому, что представители власти боялись обособленія единовѣрія отъ православной церкви, а совершенно по другимъ причинамъ. Нѣкоторые предполагали (кто эти „нѣкоторые“,— совершенно неизвѣстно), что единовѣріе при своемъ епископствѣ не только разовьется въ самостоятельную церковь (это и есть обособленіе), но и благодаря выборному началу и глубокой народности, можетъ оказаться болѣе цвѣтущимъ, чѣмъ православіе и, пожалуй, болѣе господствующимъ“ (а это что же, какъ не то же обособленіе съ плюсомъ)?

Это—слова г. Сенатова. Но тотъ же Сенатовъ приводитъ эпизодъ изъ жизни и дѣятельности приснопамятнаго митрополита

¹⁾ Прав. 39-е св. апост. 8-е прав. 1-го всел. соб. 2-е прав. 11 соб. и многое множество другихъ что это,—административныя нормы, или каноническія?

московскаго Филарета, какъ онъ отвѣтилъ московскимъ едино-вѣрцамъ, которые пришли просить о своемъ епископѣ: „А развѣ я для васъ худой архіерей?.. Какъ вы меня, старика огорчили!.. Я думалъ, вы меня любите, а вы хотите убѣждать отъ меня“!.. Думается, что эти слова сказаны не по мелочному самолюбію, или властолюбію, а по опасенію той же обособленности.

„Какой-то фельетонистъ, читаемъ далѣе, въ газетѣ „День“ дѣлаетъ заключеніе, что если единовѣрцы получаютъ своего едино-вѣрческаго епископа, то единеніе между православіемъ и едино-вѣріемъ нарушится“, и что „австрійскіе старообрядцы говорятъ, что эта затѣя, въ случаѣ успѣха ея, окончится гибелью едино-вѣрія“ (61—65).

Выходитъ, они ни мало этого не боятся и не видятъ въ этомъ ничего *для себя* опаснаго. Авторъ, видимо, иронизируетъ надъ фельетонистомъ, но опровергаетъ его лишь тѣмъ, что „московскіе единовѣрцы обсуждаютъ уже проектъ прошенія“ (65).

Но довольно. Проекты уже не только написаны, но и представлены куда слѣдуетъ, и разсматривались, хотя окончательное рѣшеніе далеко еще не произнесено, почему и несвоевременно теперь говорить о нихъ.

Послѣдняя статья автора настолько откровенна и ясна, что не видится и надобности много говорить по ея поводу,—кромѣ сдѣланныхъ уже краткихъ замѣчаній. При этомъ не хочется добавлять, но нужно,—что сдѣланное на автокефальныя помѣстныя церкви указаніе ихъ обособленности представляетъ полнѣйшее непониманіе дѣла и можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что все это написано во имя предвзятой идеи. Въ этихъ церквахъ, въ нихъ самихъ нѣтъ ничего похожаго на наше единовѣріе (по особымъ обстоятельствамъ сдѣлано исключеніе для майноцевъ) и мыслей нѣтъ ни о какихъ особыхъ для кого бы то ни было епископахъ.

Конецъ статьи завершается не имѣющими значенія разсужденіями о существующемъ между помѣстными церквами обрядовомъ разнообразіи (68—69) и представляется проектъ положеній о единовѣрческой іерархіи, составленный въ духѣ разсмотрѣнныхъ взглядовъ и сужденій. Поэтому останавливаться на немъ не будемъ. Отмѣтимъ только, что епископы проектируются и епархіальные и викарные (70), т. е. цѣлый епископатъ. Миссіонерами же должны быть только единовѣрцы; значить, всѣ православные зачеркиваются однимъ почеркомъ пера, единовѣрческіе же сами собой народятся, только бы дали епископовъ. Какъ,

подумаешь, все это легко и просто!. Но любопытнѣе всего то, что о. протоіерей, бывшій довольно долго миссіонеромъ и издавшій нѣсколько полемическихъ противъ раскола сочиненій,— хорошихъ и полезныхъ, теперь ставитъ крестъ надъ своей дѣятельностью, какъ совсѣмъ бесполезной, переоцѣнивая и въ своемъ лицѣ старыя цѣнности. По правдѣ же, эти цѣнности были гораздо цѣннѣе настоящей его брошюрки. Мы долго остановились на ней потому особенно, что мысли, въ ней проводимыя, слышали и отъ нѣкоторыхъ другихъ, почти буквально и настойчиво повторяемыя. Дивиться, впрочемъ, тутъ нечего: теперь мода такая,—все прежнее ломать, какъ совершенно негодное, а новой-то постройки мы еще не видимъ, да скоро ли и начнется она и когда завершится, сказать слишкомъ мудрено. Въ этомъ со-знается въ самыхъ послѣднихъ строкахъ и нашъ авторъ, найдя себѣ оправданіе въ *принципѣ*, „трудно осуществимомъ“.

Проф. Н. Ивановскій.

По сектовѣднію.

Какъ нужно вести миссіонерскія собесѣдованія съ сектантами?

(О методѣ собесѣдованій).

Правильный взглядъ на значеніе миссіонерскихъ собесѣдованій, или на то мѣсто, которое они должны занимать въ нашей церковной жизни, уже открываетъ миссіонеру-собесѣднику вѣрный путь къ успѣху собесѣдованія. Если онъ будетъ знать, что миссіонерское собесѣдованіе не должно быть ничѣмъ инымъ, какъ вызваннымъ обстоятельствами особаго рода церковнымъ учительствомъ, то онъ и не будетъ добиваться ничего иного, кромѣ цѣлей церковнаго учительства: наученія истинной вѣрѣ. Природный талантъ и изощренныя наукой и опытомъ способности покажутъ ему путь къ достиженію этихъ цѣлей. И ничто такъ не должно быть, повидимому, чуждо миссіонеру, проповѣднику Божіей истины, какъ опредѣленная, разъ навсегда принятая, методика миссіонерскихъ собесѣдованій.

Къ методу миссіонерскихъ собесѣдованій, какъ и содержанію ихъ, хотѣлось бы приложить Слово Божіе: „не заботьтесь, какъ или что сказать, ибо въ тотъ часъ дано будетъ, что сказать“ (Мѡ. 10, 19), но трезвая дѣйствительность заставляетъ насъ воздержаться отъ пренебреженія вопросомъ о методѣ собесѣдованій. Вдохновенныхъ бесѣдъ, когда, по истинѣ, не столько говоритъ самъ проповѣдникъ, сколько говоритъ за него его устами „Духъ Отца Небснаго“, такихъ бесѣдъ мало. Какъ и всякое учительство, миссіонерскія бесѣды чаще бывають повседневною работою человѣческихъ силъ и способностей. А въ этомъ случаѣ вопросъ о лучшемъ примѣненіи ихъ, для большаго успѣха, или, что тоже, вопросъ о методѣ миссіонерскихъ собесѣдованій далеко не безразличенъ. Отъ него зависитъ весьма часто весь успѣхъ миссіонерскаго труда.

Методы миссіонерскихъ бесѣдъ разнообразны, но, насколько намъ приходилось читать записанныя собесѣдованія и слышать

самимъ, большинство бесѣдъ ведется по слѣдующему методу. Послѣ выясненія православнаго ученія объ извѣстномъ, избранномъ миссіонеромъ или подсказанномъ собесѣдниками предметѣ, миссіонеръ предлагаетъ сектантамъ вопросъ приблизительно въ такой формулѣ: „Если такое ученіе о такомъ-то предметѣ содержится православною Церковью, то вы, уклонившіеся отъ Церкви, какъ учите объ этомъ предметѣ и на какомъ основаніи?“ Миссіонеръ домогается, затѣмъ, изложенія сектантами ихъ вѣроученія, опровергаетъ ихъ доводы и основанія и обнаруживаетъ ложность сектантскаго ученія по необоснованности его или противорѣчію со св. писаніемъ.

Мы не одобряемъ этой формулы перехода отъ изясненнаго ученія православной Церкви къ собесѣдованію по предмету рѣчи. Не одобряемъ и обусловливаемого этою формулою метода собесѣдованія. И по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, этою формулою сектанты какъ бы призываются къ публичному отвѣтствованію за свое вѣроученіе. Миссіонеръ въ своихъ цѣляхъ воленъ предложить, на обсужденіе истинности его, православное ученіе, а вызывать на это сектантовъ не совсѣмъ благоприлично, если сами сектанты не заявляютъ охоты сдѣлать это. Во-вторыхъ, эта формула и этотъ методъ сразу придають характеръ собесѣдованію обличительный. Безъ крайней же необходимости, къ этому публичному обличенію миссіонеръ не долженъ прибѣгать, если онъ только хочетъ сохранить доброжелательное отношеніе сектантовъ къ его бесѣдамъ. Въ-третьихъ, наконецъ, такой постановкой своей бесѣды миссіонеръ лишаетъ свою бесѣду—учительности, т. е. не достигаетъ главной цѣли своего проповѣдничества. Слыша отъ него запросъ о „своемъ упованіи“, сектанты естественно настораживаются и замыкають въ себѣ самихъ тѣ сомнѣнія, недоумѣнія и отрицанія по отношенію къ православному ученію, разъяснить которыя есть призваніе миссіонера. А не выскажутъ своихъ возраженій сектанты, останутся не вскрытыми и тѣ душевныя томленія, съ которыми обыкновенно приходятъ на бесѣду и православные.

Огорошенные вопросомъ миссіонера, сектанты часто ссылаются на свою неподготовленность къ обстоятельному отвѣту. Сколько здѣсь приходится иногда выслушивать миссіонеру нелестныхъ сравненій и указаній на счетъ книжной мудрости и простаго сердцемъ разумѣнія! Мы живо помнимъ одно торжественное, въ присутствіи епископа, многочисленнаго ученаго сонма духовныхъ лицъ и властей собесѣдованіе. Лекторъ, тоже носившій не

то по недоразумѣнію, не то для карьеры (вѣдь бываетъ же это!) званіе епархіальнаго миссіонера, долго, болѣе часа читалъ объ оправданіи и освященіи, читалъ, нужно сказать, по тетрадкѣ. Чтеніе окончилось. Миссіонеръ, уже настоящій, обратился къ сектантамъ, для перехода къ бесѣдѣ, съ слѣдующими словами: „если таково ученіе православной Церкви объ оправданіи и освященіи, то, уклонившіеся отъ Церкви, какъ учите вы объ оправданіи и освященіи?“ Въ отвѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, было гробовое молчаніе. Миссіонеръ дѣлаетъ попытки подбодрить сектантовъ, повторяетъ вопросъ, обращается то къ одному, то къ другому изъ болѣе видныхъ сектантовъ. „Ну, братъ Иванъ, что же? Или вы, Иванъ Васильевичъ, такъ какъ же?“... Сектанты молчатъ, только переглядываются. Наконецъ Дементій, одинъ изъ самыхъ елейныхъ, но въ тоже время самыхъ каверзныхъ сектантовъ, обращается къ архіерею. „Ваше преосвященство! Насъ спрашиваютъ, какъ учимъ мы объ оправданіи. Вопросъ для насъ труденъ. Мы вотъ слышали, какъ лекторъ цѣлый часъ читалъ объ этомъ по тетрадкѣ и мы ничего не уразумѣли. Да и самъ лекторъ врядъ-ли что разумѣетъ въ этомъ. Пусть безъ тетрадки вновь намъ все расскажетъ: тогда и мы отвѣтимъ про свое“... Картина!..

И миссіонеръ, предлагая сектантамъ ту или иную постановку бесѣды, долженъ имѣть въ виду ихъ малообразованность, часто малограмотность, ихъ неспособность къ ясному и точному воспроизведенію своего вѣроученія. Иначе всякое указаніе сектантовъ на свою малообразованность въ сравненіи съ высокоученымъ миссіонеромъ будетъ учтено не въ пользу миссіонера. Сколько бы ни силился миссіонеръ ввязать сектантовъ въ такого рода бесѣду, какъ бы настойчиво ни приводилъ онъ повелѣніе апостола „давать отвѣтъ всякому вопрошающему о своемъ упованіи“, какъ бы ни стыдилъ онъ ихъ при этомъ указаніемъ на необузданную ихъ проповѣдь въ „потаенныхъ мѣстахъ“ и на молчаніе ихъ здѣсь, при всемъ честномъ народѣ, сектанты только озлобятся и будутъ имѣть основаніе или не придти другой разъ на бесѣду, или уйти даже сейчасъ, а православные слушатели въ лучшемъ случаѣ вынесутъ только увѣренность, что „противъ миссіонера сектанты не выстояли“.

Иногда, впрочемъ, сектанты бываютъ рады такой постановкѣ бесѣды, особенно, если среди нихъ есть люди краснорѣчивые. Въ отвѣтъ на предложеніе миссіонера высказать свое упованіе, они заведутъ такую рѣчь, что у миссіонера только бы хватило умѣнья справиться съ нею. Пойдетъ уже не миссіонерская бе-

сѣда, т. е. не разъясненіе православнаго ученія, а сравненія и параллели.

Мы малосвѣдуици въ характерѣ противораскольническихъ миссіонерскихъ бесѣдъ, но то, что мы знаемъ, даетъ намъ основаніе полагать, что рассматриваемая нами постановка противосектантскихъ бесѣдъ взята у противораскольническихъ. Но тамъ есть дѣйствительное основаніе до параллелей. Основа одна: церковная жизнь. Необходимо только оправдать свой обрядъ или практику ссылками на строку одинаково признаваемыхъ авторитетовъ. Отсюда и параллели; вопросъ только—у кого больше доводовъ. Отсюда и желаніе собесѣдующихъ сторонъ выговорить себѣ больше, или, по крайней мѣрѣ, одинаковое количество времени, чтобы успѣть все вычитать.

На противосектантскихъ бесѣдахъ ~~собѣсьмъ~~ другое. Никакихъ параллелей здѣсь не можетъ быть. Сектантство по существу отрицаетъ Церковь православную и все, что въ Церкви, у сектантовъ возбуждаетъ одно лишь отрицаніе или недоразумѣніе. Въ этомъ заключается и задача бесѣдъ православнаго миссіонера съ сектантами. Не сектантское ученіе должно быть рассматриваемо миссіонеромъ, а православное. Миссіонеръ долженъ стремиться не къ тому, чтобы сектантское ученіе было поставлено въ сравненіе или параллель съ православнымъ, хотя бы даже изъ одного этого сопоставленія могла быть видна ложность его. Нѣтъ, православный миссіонеръ долженъ имѣть въ виду уяснить, оправдать, защитить православное ученіе...

Нельзя надѣяться на то, что обнаруженіе сектантами несостоятельности своего ученія уже докажетъ православнымъ истинность и неопровержимость православнаго ученія. Весь интересъ слушателей при этомъ переходитъ на сектантское ученіе. Какой удобный случай сектантамъ для проповѣди, пропаганды! И сектанты пользуются этими случаями, а со свободю 17-го апрѣля еще больше воспользуются ими. Пусть и нескладна будетъ рѣчь сектанта: недостатокъ логики они съ большимъ успѣхомъ для себя восполняютъ теплотою чувства, и впечатлѣніе будетъ сдѣлано. Пусть миссіонеръ попробуетъ остановить такого оратора, пусть только сдѣлаетъ замѣчаніе говорить кратче, прямѣе, не вдаваться въ подробности, не отвлекаться отъ предмета рѣчи, сектантъ будетъ апеллировать къ слушателямъ, и слушатели станутъ на его сторону послѣ того, какъ сами слышали предложеніе миссіонера изложить въроученіе сектантовъ.

Конечно, все будетъ зависѣть отъ діалектической ловкости миссіонера и опытный собесѣдникъ-миссіонеръ справится съ

Этими неблагоприятными возможностями и добьется желаннаго для него хода бесѣды, но неудобство и нецѣлесообразность такой постановки бесѣды слишкомъ велики, чтобы за нее держаться. Мы это подчеркиваемъ потому, что этотъ методъ имѣетъ много послѣдователей и защитниковъ. Предпочтеніе, которое оказываютъ этому методу, объясняется тактическими соображеніями миссіонеровъ. Гораздо легче нападать и обличать, чѣмъ защищаться. Позиція миссіонера въ этомъ случаѣ чрезвычайно выгодна. Онъ не отвѣчаетъ за православное ученіе, не защищаетъ его, а самъ является судьей очевидной неправды и обличителемъ явнаго заблужденія. Кромѣ того божественное совершенство православной Церкви, какъ непререкаемой истины, кажется многимъ миссіонерамъ недопускающимъ публичнаго отрицанія и нападенія, а престижъ ея, какъ государственной Церкви, долго поддерживалъ убѣжденіе, что представители Церкви могутъ только судить другихъ, а не выслушивать чужія сужденія о Церкви, да еще часто отрицательныя и похулительныя. Правда, роль судящаго и обличающаго сектантство, его грѣхи и невѣжество такому миссіонеру довести до конца рѣдко удается безъ того, чтобы самому не стать хоть на время, въ виду непослѣдовательности сектантовъ, въ положеніе представителя обвиняемой стороны, однако многіе миссіонеры и до сихъ поръ не желаютъ мѣнять, по отношенію къ сектантству, своей якобы выгодной позиціи судьи и обличителя.

Между тѣмъ, если миссіонерская бесѣда должна достигать цѣлей положительнаго ученія, а не обличенія чужихъ заблужденій, то она должна имѣть другую постановку и вестись по другому методу. Начинать нужно, какъ и при первомъ методѣ, съ изложенія краткаго и яснаго ученія православной Церкви объ избранномъ предметѣ бесѣды. Изложеніе это только выходить должно изъ основнаго какого-либо текста Св. Писанія, а не представлять собою библейское, т. е. состоящее изъ исторически послѣдовательныхъ текстовъ Св. Писанія, ученіе. Къ этому библеизму въ изложеніи православнаго вѣроученія весьма многіе стремятся и въ виду исключительнаго авторитета, который имѣетъ въ глазахъ сектантовъ св. писаніе, такимъ библеизмомъ думаютъ сдѣлать изложеніе православнаго ученія болѣе приемлемымъ и непререкаемо доказательнымъ. Но дѣло въ томъ, что послѣдовательное и логически развитое изложеніе догмата не вкладывается въ пониманіе простецовъ сектантовъ и православныхъ слушателей и они легче воспринимаютъ его собесѣдовательнымъ путемъ. Къ собесѣдованію этому нужно прибегать

тексты св. писанія, не ослабляя интереса къ нимъ въ предварительномъ изложеніи, не ослабляя и вниманія слушателей долгимъ изложеніемъ. Сектанты все равно не разъ будутъ прерывать изложеніе миссіонера, хотя бы оно состояло не изъ разсужденія, какъ они выражаются помягче: „отъ своей головы“ и погрубѣе: „отъ собственнаго чрева“, а изъ одного столь имъ любезнаго вычитыванія текстовъ слова Божія.

Изложеніе православнаго вѣроученія еще лучше, если будетъ только краткимъ введеніемъ слушателей въ суть вопроса о предметѣ бесѣды; самое же развитіе этого вопроса лучше предоставить уже собесѣдованію. Оно, это изложеніе, должно закончиться тезисами или кратко изложенными положеніями православнаго вѣроученія. Миссіонеръ долженъ направить бесѣду къ тому, чтобы сектанты высказали всѣ свои возраженія противъ этихъ тезисовъ, какъ антитезисы или противоположенія. Тогда заключеніе бесѣды, опять принадлежащее миссіонеру, будетъ вѣроучительнымъ выводомъ изъ разъясненныхъ имъ сектантскихъ возраженій. Этотъ общій методъ всякаго діалектическаго развитія долженъ быть образцовымъ планомъ и для всякой миссіонерской бесѣды.

Напр. бесѣда идетъ, предположимъ, о крещеніи дѣтей. Чего желательно коснуться въ изложеніи вѣроученія о крещеніи дѣтей? Выходя изъ заповѣди Спасителя о крещеніи (шедше убо...), необходимо установить, во-первыхъ, что крещеніе обязательно для всѣхъ христіанъ, обязательно, слѣдовательно, и для дѣтей, во-вторыхъ, что дѣти несутъ на себѣ первородный грѣхъ и требуютъ возрожденія духовнаго, какъ бы малы они ни были, и въ-третьихъ, что дѣти доступны благодати Божіей, а безсознательность дѣтской души замѣняется вѣрою, отрицаніемъ и объятами родителей и воспріемниковъ... Зная напередъ, что сектанты возражаютъ и могутъ возразить по существу противъ крещенія дѣтей, можно какъ разъ ожидать, что ихъ возраженія и будутъ противоположеніемъ этимъ, выставленнымъ православнымъ миссіонеромъ, тезисамъ. Вотъ къ этому, къ выводу сектантовъ на всестороннія возраженія, и долженъ вести миссіонеръ бесѣду, въ интересахъ всесторонности и полноты вѣроучительнаго содержанія ея.

Для этого, изложивши ученіе Церкви и выставивши его въ видѣ опредѣленныхъ, и по возможности, немногихъ тезисовъ, миссіонеръ долженъ перейти къ самой бесѣдѣ. Но предварительно весьма полезно переспросить сектантовъ, знаютъ ли они, что православная Церковь содержитъ такое именно ученіе и въ

такихъ именно положеніяхъ. Это необходимо какъ для ясности представленія сектантами православнаго ученія, такъ и въ цѣляхъ методологическихъ — чтобы напередъ подготовить сектантовъ къ послѣдовательности въ собесѣдованіи. Когда это удастся миссіонеру сдѣлать, можно прямо спросить: какое недоумѣніе вызываетъ первое положеніе (тезисъ) православнаго ученія, почему сектанты его отрицаютъ и на какомъ основаніи? Когда вопросъ о первомъ тезисѣ будётъ исчерпанъ, т. е. когда миссіонеръ дастъ отвѣтъ на всѣ возраженія сектантовъ, можно, сдѣлавъ краткое заключеніе, переходить ко второму тезису и т. д. Въ этомъ діалектическомъ собесѣдовательномъ разсмотрѣніи православнаго ученія и заключается планъ, содержаніе и вся цѣнность миссіонерскихъ собесѣдованій. Заключеніе всей бесѣды должно содержать повтореніе частныхъ заключеній, увѣщаніе, призывъ къ миру, любви и вѣрности и т. п. Это уже дѣло вдохновенія и обусловливается обстоятельствами самой бесѣды.

При предлагаемомъ нами методѣ миссіонерскихъ бесѣдъ миссіонеръ какъ будто идетъ сектантамъ на помощь въ ихъ возраженіяхъ, даетъ прямыя и опредѣленныя темы для возраженій, систематизируетъ ихъ, старается, какъ будто, вызвать самое возраженіе православному ученію. Но онъ дѣлаетъ все это въ цѣляхъ полноты и всесторонности учительнаго содержанія своихъ бесѣдъ. Миссіонеру чрезвычайно важно, чтобы всѣ возраженія, которыя существуютъ въ душѣ сектантовъ противъ православнаго вѣроученія и которыя служатъ предметомъ ихъ бесѣдъ съ православными, были вынаружены. Ему чрезвычайно важно, чтобы это вынаруженіе было во всей полнотѣ, опредѣленности и даже рѣзкости. И какъ же не придти сектантамъ малограмотнымъ, непривыкшимъ излагать полно, подробно и послѣдовательно свои мысли, на помощь въ этомъ, когда это выгодно самому миссіонеру? Кромѣ того, тамъ, гдѣ сектанты почему-либо не высказываютъ своихъ возраженій противъ православнаго ученія, и миссіонеру приходится вести ее монологически, т. е. говорить одному, тамъ бесѣда много теряетъ въ своемъ интересѣ. Наконецъ, направить сектантовъ на серьезныя и существенныя возраженія это значитъ не только придать глубокое содержаніе своей бесѣдѣ, но и отклонить сектантовъ отъ пустыхъ и вадорныхъ замѣчаній, отъ мелкихъ и пустыхъ состязаній въ спорѣ. Рѣдкій миссіонеръ не желалъ бы встрѣтить серьезное возраженіе со стороны сектанта. Такія возраженія даютъ вдохновеніе и удовлетворенность миссіонеру и, кажется, нѣтъ ничего

хуже, когда на бесѣдѣ встрѣчаешь тупое молчаніе, или поверхностныя вялыя замѣчанія.

Какъ же достигнуть того, чтобы всѣ возможные возраженія на бесѣдѣ по одному опредѣленному предмету сектантами были высказаны, чтобы, кромѣ того, были высказано по возможности не беспорядочно, а хоть въ какой-нибудь послѣдовательности? Это зависитъ отъ умѣнья миссіонера вызывать сектантовъ на возраженія и управлять этими возраженіями, а это умѣнье выражается въ умѣньи составлять раздѣльно положенія или тезисы православнаго ученія объ извѣстномъ предметѣ, которыми миссіонеръ начинаетъ бесѣду.

Опытный миссіонеръ, года два нелѣтно ведущій бесѣды съ сектантами и слѣдящій за миссіонерскою литературой, знаетъ почти все, что можетъ сказать послѣдователь той или иной секты противъ православнаго ученія о томъ, или иномъ предметѣ. Эти, циркулирующія въ сектѣ всевозможныя возраженія и основанія къ нимъ нужно мысленно распредѣлить на нѣсколько отдѣловъ, сообразно ихъ внутреннему сходству. Противъ предполагаемыхъ возраженій этихъ и нужно выставить отдѣльныя положенія православнаго ученія.

Напримѣръ, въ вопросѣ о крещеніи дѣтей, сектанты-штундисты приводятъ, въ отрицаніе значенія крещенія дѣтей, много различныхъ доводовъ и соображеній, обоснованныхъ текстами св. писанія, но всѣ эти доводы легко свести къ тремъ разрядамъ: 1) крещеніе необязательно для дѣтей (нѣтъ заповѣди о дѣтяхъ; нѣтъ указаній въ св. писаніи на случаи крещенія дѣтей; крещеніе дѣтей не предшествуется обязательнымъ обученіемъ и т. д.); 2) дѣти не имѣютъ нужды въ крещеніи (дѣти не грѣшаютъ, „таковыхъ есть царствіе Божіе“, „дѣти святы“ и т. д.) и 3) крещеніе требуетъ сознательнаго отношенія и не можетъ простираться на дѣтей (дѣти „вѣры не имѣютъ“ сами, не могутъ общать „добрую совѣсть“; ихъ безсознательность и какъ бы неспособность ощущать дѣйствія благодати Божіей, невозможность вмѣненія вѣры однихъ другимъ и т. д.). Сообразно съ этими тремя, примѣрно, разрядами возраженій, необходимо и выставить три главныхъ положенія въ изложеніи православнаго вѣроученія о крещеніи дѣтей о чемъ мы говорили раньше: 1) общеобязательность для всѣхъ, а слѣдовательно, и для дѣтей крещенія, 2) дѣти, какъ и взрослые, имѣютъ нужду въ благодатномъ возрожденіи и очищеніи и 3) дѣтскій возрастъ доступенъ дѣйствию благодати Божіей, а актъ сознательнаго отношенія къ таинству крещенія за дѣтей представляютъ родители

и воспріемники. Такая, приблизительно и примѣрно, формулировка православнаго вѣроученія и вызоветь соотвѣтствующія возраженія сектантовъ.

Если бы, по состоянію религіозной осмысленности сектантовъ, оказалось или нужно было бы предполагать, что такая формулировка покажется для нихъ слишкомъ общей, не уразумѣваемой, а слѣдовательно, и не ведущей къ частнымъ и послѣдовательнымъ возраженіямъ, необходимо раскрыть каждое изъ данныхъ положеній въ видѣ болѣе частныхъ. Напримѣръ, первое положеніе въ видѣ слѣдующихъ вопросовъ: крещеніе обязательно для всѣхъ или не для всѣхъ? а для дѣтей? почему для дѣтей обязательно? обязательность крещенія для дѣтей имѣеть-ли доказательства въ Словѣ Божіемъ? и т. д. Руководящею мыслью для миссіонера въ развитіи этихъ частныхъ вопросовъ должна служить цѣль бесѣды—подробное и всестороннее собесѣдовательное изслѣдованіе предмета. Эта мысль подскажетъ ему всѣ наводящія сектанта на возраженіе вопросы...

Сектанты обыкновенно весьма охотно откликаются на подобные, вызывающіе на возраженія, вопросы. Имъ кажется, что миссіонеръ самъ дается имъ въ руки, и уже отъ миссіонера зависитъ, чтобы ему не запутаться самому въ возраженіяхъ сектантскихъ, чтобы дать на нихъ вполне удовлетворительный, согласованный съ истиной, отвѣтъ.

Методъ, или постановка и веденіе собесѣдованій, имѣеть двѣ стороны: формальную, о которой мы сейчасъ вели рѣчь и которая касается внѣшняго плана бесѣды, и нравственную, которую можно бы назвать нравственной чуткостью, благородствомъ и деликатностью собесѣдника. Эта сторона имѣеть несравненно болѣе важное значеніе для успѣха собесѣдованія, чѣмъ первая, и безъ удовлетворительной ея постановки миссіонерское собесѣдованіе будетъ или бездушной діалектической игрой доказательствъ въ лучшемъ случаѣ, или обиднымъ издѣвательствомъ надъ умственнымъ невѣжествомъ въ худшемъ. Пусть со стороны православнаго миссіонера, въ отвѣтъ на невѣжество, тупость, отрицаніе и даже злобу сектантскую, послѣдуетъ такая рѣчь, въ которой, по слову Псалмопѣвца, „милость и истина встрѣтятся, правда и миръ облобызаются“...

И первое требованіе отъ всѣхъ разсужденій миссіонера въ бесѣдѣ съ сектантами — не подчеркивать бѣдности религіозной мысли сектанта и риторическими похвалами не превозносить богатство и глубину православнаго ученія—къ чему такъ склонны весьма многіе изъ миссіонеровъ. Правда, эта разность между

православіемъ и сектантствомъ поразительна и сыну православной Церкви сознание этой разности доставляетъ чувство какъ бы гордости и самоудовлетворенія, но это чувство, весьма естественное, должно вести къ чувствамъ отца, а не старшаго сына въ притчѣ о блудномъ сынѣ.

Миссіонеръ долженъ помочь сектантамъ, этому блудному сыну, „прийти въ себя“, сознать, что въ своей религіозной жизни они живутъ одними блужданіями, однимъ отступленіемъ отъ Церкви, отрицаніемъ всѣхъ ея догматовъ и обрядовъ, что они не имѣютъ полноты христіанскаго вѣдѣнія и изъ сокровищницы Церкви они унесли и сохранили только то, что, правда, даетъ имъ право именоваться христіанами, но не представляетъ богатства христіанскаго вѣдѣнія, что не обогащаетъ ихъ христіанскую жизнь. Миссіонеръ долженъ постараться, чтобы они восчувствовали „гладь духовный“, и въ бесѣдахъ съ ними онъ долженъ показать, что о весьма многомъ изъ евангельскаго ученія они совсѣмъ не думаютъ, не бесѣдуютъ, не дѣлаютъ его достояніемъ своей религіозной жизни.

И дѣйствительно, на своихъ сектантскихъ собраніяхъ, на которыхъ постоянно ведутъ религіозныя бесѣды (кто часто бывалъ на этихъ собраніяхъ, тотъ знаетъ это), о главныхъ догматахъ евангелія, а слѣдовательно и христіанства, они не говорятъ и не думаютъ. Тамъ болѣе они разсуждаютъ о томъ, что слѣдуетъ отвергнуть изъ православнаго ученія въ той, конечно, его части, которая доступна имъ и противъ которой легко выставить тексты св. Писанія. У сектантовъ почти нѣтъ положительнаго ученія, да они и боятся его развитія. Не обладая творческимъ умомъ, не обладая и образованіемъ, они видятъ, что при развитіи положительнаго христіанскаго ученія имъ придется воспользоваться книгами православныхъ богослововъ, а отсюда и пойти по пути православія, чего они больше всего боятся. Вотъ развѣ теперь, когда осуществилась свобода печати, когда къ нимъ на помощь придетъ богатая переводная протестантская литература, когда и самимъ имъ легче станетъ получать образованіе, развѣ только теперь у нихъ можетъ развиться положительное вѣроученіе или догматика.

А въ настоящее время даже у болѣе видныхъ сектантовъ раціоналистическаго толка бѣдность религіозной мысли удивительна. Они почти ничего не знаютъ изъ того, что открыто въ Откровеніи о Богѣ, о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, объ освященіи вѣрующихъ Духомъ Святымъ, о созданіи Церкви Христовой, ея составѣ, свойствахъ, о будущей жизни,

воскресеніи мертвыхъ и прочихъ частяхъ христіанскаго церковнаго вѣроученія. Изъ всего богословія у нихъ только развиты вопросы о вѣрѣ, какъ чувствѣ преданности и упованія на Бога, и о спасеніи, какъ блаженномъ сознаніи своей спасенности. Если сектанты и вводятъ въ свое ученіе и другіе предметы вѣры, но опредѣленныхъ и общихъ возрѣній они, повторяемъ, не имѣютъ. Напримѣръ, о крещеніи одни мыслятъ, какъ о таинствѣ возрожденія вѣрующихъ, другіе—какъ о знакѣ лишь вступленія въ новую жизнь, не говоря уже о третьихъ, которые признаютъ только духовное, мыслимое крещеніе. Тоже и о причащеніи и т. д.

Въ общемъ сектанты къ догматическому ученію христіанства безразличны. У нихъ нѣтъ символическихъ книгъ, общепринятыхъ и общеобязательныхъ. То, что выдавали сектанты за таковыя, при подачѣ изложенія своего вѣроученія въ различныхъ присутственныхъ мѣста, написано къ случаю, *ad hoc*, и не можетъ почитаться изложеніемъ символическаго ученія сектантства. Нельзя признавать за положительное вѣроученіе сектантства и то, что пишутъ объ этомъ различные книжные изслѣдователи его. Въ ихъ „системахъ“ больше ихъ собственнаго остроумія и избобрѣтательности, чѣмъ подлиннаго вѣроученія сектантовъ.

Все это мы говоримъ къ тому, что у сектантовъ рационалистическаго направленія, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, дѣйствительно, замѣчается бѣдность религиозныхъ знаній и невѣжество. Однако, повторяемъ, миссіонеръ на своихъ бесѣдахъ долженъ дать почувствовать ее съ цѣлью возбудить духовный гладъ, но не для подчеркиваній и сравненій. Укажите нищему на его лохмотья съ сожалѣніемъ о немъ, съ готовностью помочь ему изъ своихъ средствъ, предложите ему трапезу отъ своего стола, одежды на плечи, обувь на ноги и перстень на руку его. Но если вы укажете ему на его лохмотья, съ цѣлью сравнить его нищету со своимъ достаткомъ и богатствомъ, ему лишь горче будетъ его нищета и ненавистнѣе ваше богатство. А слушатели, такіе же бѣдные и нищіе, всегда станутъ сожалѣть больше о его нищетѣ, чѣмъ радоваться о вашемъ богатствѣ...

Кромѣ этого, кромѣ готовности больше облекать, чѣмъ обнажать бѣдность сектантскаго вѣроученія, нравственная чуткость и деликатность миссіонера должны заставить его смотрѣть на сектантскія разсужденія не столько съ точки зрѣнія той лжи, которую они вносятъ въ вѣру православнаго народа, сколько съ

точки зрѣнія той правды, къ которой они стремятся и которую они, по своему, достигаютъ.

Рѣдко кому изъ миссіонеровъ, и далеко не однажды, приходится выслушивать отъ сектантовъ, въ отвѣтъ на вопросъ, почему они отдѣлились отъ церкви, указанія вродѣ слѣдующихъ: мы пожелали идти за Христомъ, мы увѣровали во Христа, мы читаемъ Слово Божіе и оно насъ обратило къ хорошей жизни: не пьянствовать, не сквернословить и т. д. Въ устахъ сектантовъ эти слова далеко не фразы и не ложь и они указываютъ на дѣйствительный фактъ въ своей жизни, на дѣйствительное переживаніе вѣры и откровенія... И вотъ, чтобы не оскорбить сектантовъ, чтобы окончательно не отвергнуть ихъ, миссіонеръ долженъ признать драгоценную для нихъ дѣйствительность этого переживанія. Онъ долженъ „испытывать духовъ, отъ Бога-ли они“, но даже если со всею ясностью онъ уразумѣтъ ложность этихъ пореживаній съ точки зрѣнія объективной единой христіанской истины, то онъ не можетъ, не долженъ отрицать субъективной, личной цѣнности этихъ переживаній для самихъ сектантовъ. Въ ихъ жизни это величайшее сокровище, „святое святыхъ“ ихъ, и рука даже вѣрующаго по истинѣ не смѣетъ коснуться, или гласно заподозрить это святилище.

Боже сохрани миссіонера отъ этого! Сколько происходило на миссіонерскихъ бесѣдахъ столкновеній, и даже кровавыхъ, отъ словеснаго оскорбленія чужой святыни. Эти столкновенія происходили чаще по винѣ раскольниковъ и сектантовъ, чѣмъ православныхъ, но вина миссіонера, если она случится, въ этомъ случаѣ непростительна... Съ авторомъ этихъ строкъ былъ не одинъ разъ случай, когда только благодаря чрезвычайнымъ его усиліямъ оскорблявшіе православныхъ сектанты спасались отъ избіеній, но одинъ разъ онъ самъ едва спасся отъ этого же, а можетъ быть и отъ смерти...

Дѣло происходило позднимъ вечеромъ въ избѣ одного малеванца, куда авторъ зашелъ для бесѣды вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ. Малеванцевъ собралось человѣкъ двадцать и послѣ немалого труда бесѣду удалось наладить. Говорили о чрезвычайныхъ дарахъ Духа Святаго. Сектанты, сперва стѣсняясь, а потомъ, все болѣе и болѣе откровенно, стали говорить о себѣ, какъ о сынахъ Божіихъ, христахъ, ангелахъ, пророкахъ и т. д. Авторъ слушалъ съ болью и любопытствомъ, священникъ негодовалъ. Вдругъ въ избу вошелъ новый малеванецъ. Священникъ обратился къ автору и, показывая на вошедшаго, сказалъ громко: „а вотъ рекомендую: сей мужъ даръ языковъ

имѣть“. Воцарилось молчаніе. На лицѣ вошедшаго сперва на мгновеніе изобразилась страшная мука затронутой для него дорогой святыни. Затѣмъ онъ пришелъ въ страшную ярость и бросился къ священнику. До тѣхъ поръ довольно мирные сектанты громко закричали, повскакали со своихъ мѣстъ и съ угрожающимъ видомъ обступили чужихъ для нихъ людей. „Иуды, Иуды, — кричали они, — чему вы вѣрите? Это написано, а вы не вѣрите, вамъ только то принимать, за что деньги можно брать!“ и т. д. въ этомъ родѣ. Миссіонеръ и священникъ были одни среди разъяренной толпы дюжихъ мужиковъ и только милость Господня спасла ихъ...

Когда сектанты говорятъ о своей вѣрѣ и своихъ религиозныхъ переживаніяхъ, миссіонеръ не можетъ отнестись къ этому съ насмѣшкой, пренебреженіемъ и отрицаніемъ. Онъ долженъ, самое большое, постараться деликатно побудить ихъ къ испытанію, провѣркѣ своей вѣры и только. Нужно быть самому высококаго духа и жизни, чтобы судить чужого раба, нужно быть тѣмъ праведникомъ, для котораго уже законъ не лежитъ, чтобы переступить съ пользою для погибающей души ту черту, которая отдѣляетъ дозволенныя намъ Христомъ сужденія отъ недозволеннаго осужденія.

И мало того, что миссіонеръ съ полною чуткостью и внимательностью долженъ отнестись къ духовнымъ переживаніямъ сектантовъ, онъ не долженъ ограничиться однимъ только указаніемъ неправоты ихъ, когда они сами нападаютъ на Церковь. Напр., если сектанты будутъ говорить о томъ, что пока они были въ православной вѣрѣ, они были полными невѣждами въ Словѣ Божіемъ, пьянствовали, сквернословили, разбойничали, блудодѣйствовали и т. д. Можно ли миссіонеру, въ отвѣтъ на это, спросить ихъ, какъ это часто и многіе дѣлаютъ: „а теперь вы развѣ лучше, развѣ не замѣчатся и среди васъ подобные пороки?“ Конечно, вдумчивый миссіонеръ, если на это сошлется, то на этомъ отнюдь не остановится. Вѣдь онъ знаетъ, а если не знаетъ, то ему сектанты скажутъ не только о томъ, что среди сектантовъ дѣйствуетъ дисциплина противъ падшихъ, а у православныхъ ея нѣтъ, но и то, что существованіе пороковъ и паденіе нравственное у сектантовъ понятно, на то они, по словамъ миссіонера, и сектанты, т. е. отдѣлившіеся отъ Тѣла Церкви члены, отрѣзанныя вѣтви отъ Лозы Христа; но почему такіе пороки существуютъ среди православныхъ, въ Церкви, въ царствѣ благодати и истины? Съ другой стороны, миссіонеръ, въ возраженіе сектантамъ, не долженъ ограничиться стереотипными

фразами, въ родѣ слѣдующихъ: развѣ въ Церкви нельзя вѣровать, нельзя идти за Христомъ? Развѣ въ Церкви учать пьянствовать или сквернословить? Развѣ въ Церкви нельзя читать или не читается Слово Божіе? и т. д. Миссіонеръ такими возраженіями только оттянетъ вопросъ и останется чуждъ уму и сердцу сектанта.

Нѣтъ, миссіонеръ, и при нападкахъ на Церковь Христову, долженъ быть готовъ подъять на себя иго Христова, перестрадать за то, въ чемъ хотя и не Церковь повинна, но повинны служители Церкви. Онъ долженъ не только уклоняться, но и подставить щеку для заушенія, чтобы это было во спасеніе слушателей. Нужно съ его стороны великое мужество, но онъ долженъ сознаться, съ болью и жалостью сердца признать, безбоязненно и во всеуслышаніе, что среди православныхъ замѣчается дѣйствительный упадокъ вѣры, что въ борьбѣ за блага земной жизни, часто въ погонѣ за удовольствіями, у насъ почти не остается ни времени, ни силъ идти за Христомъ, что Слово Божіе у православныхъ въ забвеніи и пренебреженіи, не читается, не изучается, что вся церковная жизнь сводится къ одному обряду... Имѣйте мужество сознаться въ этомъ недостаткѣ церковной жизни православныхъ, и вы побѣдите сектантовъ признаніемъ правды, вы сблизите ихъ съ собою, найдете доступъ къ ихъ сердцу и уму, ибо они увидятъ, что и вы страдаете тою болью, которою они страдали, установите почву для дальнѣйшаго соглашенія. Они сами спросятъ васъ, а если не спросятъ, то мучительно будутъ думать и съ страшнымъ любопытствомъ будутъ выслушивать васъ, когда вы будете выяснять имъ, почему, болѣя ихъ муками о неправдѣ жизни среди православныхъ, вы остались вѣрны истинѣ православія. Они уже не пропустятъ безъ вниманія, не останутся равнодушными, когда вы будете говорить, что при паденіи нравовъ, при полномъ упадкѣ дисциплины Церковь Христова все же непрестанно не только учитъ истинѣ, но и даетъ благодатныя средства къ правдѣ жизни, которую ищутъ сектанты, что ради этой правды жизни всѣмъ, желающимъ ея, не только не слѣдуетъ отдѣляться отъ Церкви, но наоборотъ, всѣ силы свои напячь къ тому, чтобы тѣснѣе, ближе сплотиться въ Церкви, что только въ тѣсномъ церковномъ союзѣ, гдѣ искони и вѣра, и слово Божіе, и уроки святыхъ, и благодать Божія, можно спасти и себя и другихъ.

Покаянный тонъ миссіонерскихъ бесѣдъ, можетъ быть, и вызоветъ ропотъ и осужденіе современныхъ книжниковъ и фари-

сеевъ, но для созиданія царства Божія, для привлеченія заблуждающихъ, для укрѣпленія колеблющихся, для проповѣди истины и правды, это покаяніе сдѣлаетъ больше, чѣмъ самодовольство фарисейское и ревность ихъ о славѣ и чести буквы и формы... Смущаться этимъ ропотомъ миссіонерамъ не слѣдуетъ. Ихъ хотя и называютъ „поповскими адвокатами“, но защищать они должны не славу и честь земныхъ и грѣшныхъ членовъ Церкви, а славу и честь самой Церкви, какъ Тѣла Христова, да представитъ ее самое безъ пятна и порока...

Если во всей своей бесѣдѣ съ сектантами миссіонеръ сохранитъ уваженіе къ сектантскимъ религіознымъ убѣжденіямъ, если онъ безбоязненно и искренно готовъ будетъ признать тѣ дѣйствительныя немощи, которыми болѣетъ современная церковная жизнь православныхъ и на которую указываютъ сектанты, онъ станетъ на вѣрную дорогу къ обращенію сектантовъ и къ укрѣпленію православныхъ. Онъ будетъ лечить корень болѣзни и здоровье пошлетъ Господь Богъ.

Самое трудное, съ чѣмъ приходится считаться миссіонеру на бесѣдѣ съ сектантами и что требуетъ отъ него именно этого великаго уваженія къ личности сектантовъ, чтобы жестоко не изболтать ихъ,—это частое извращеніе ими Слова Божія, не смотря на все видное благоговѣніе сектантовъ къ нему. Неправильное чтеніе буквы Писанія, пропускъ отдѣльныхъ словъ и предложеній, перестановка ихъ и т. п. чисто-фальсификаторскіе приемы выводятъ изъ терпѣнія часто самаго хладнокровнаго миссіонера. Миссіонеръ разъясняетъ какое-либо положеніе въ ученіи православной Церкви, а сектантъ съ самымъ, повидимому, невиннымъ видомъ прерываетъ его разъясненіе какимъ-либо текстомъ, въ корень уничтожающимъ все разъясненіе миссіонера. И добро бы текстъ дѣйствительно относился къ предмету или ходу рѣчи, а то представляетъ выхваченное отдѣльно мѣсто, безъ всякаго отношенія къ приводимымъ доказательствамъ. Напр. миссіонеръ, въ разъясненіе отличія св. иконъ отъ идоловъ, говоритъ, что Церковь Христова отвергаетъ идолопоклонство и православные гнушаются идоловъ. Сектантъ, прерывая миссіонера, говоритъ: „а въ Писаніи сказано, что вы, гнушаясь идоловъ, святотатствуете“... Что тутъ сказать миссіонеру? Мысль сектанта совершенно дикая, но онъ привелъ подлинныя буквальныя слова Писанія, только превративъ совершенно ихъ смыслъ. Апостолъ (Рим. 2, 22) этими словами: „гнушаясь идоловъ, святотатствуешь“ указываетъ, что если чело- вѣкъ избѣгаетъ одного грѣха, то не избѣгаетъ другого, если

онъ неповиненъ въ идолопоклонствѣ, то повиненъ бываетъ въ святотатствѣ, а сектантъ, придираясь къ слову миссіонера, что православные гнушаются идоловъ, хочетъ какъ будто указать, что этимъ самымъ они, согласно Писанію, святотатствуютъ... Въ миссіонерской практикѣ такіе случаи, повторяемъ, безчисленны и часто ставятъ въ тупикъ миссіонера.

Что-же дѣлать въ этомъ случаѣ миссіонеру? Мы полагаемъ, что какъ ни возмутительно подобное злоупотребленіе сектантовъ текстами св. писанія, миссіонеру все же не слѣдуетъ набрасываться на нихъ въ этомъ случаѣ со словами: „это неправда, ложь, этого не говоритъ Св. Писаніе!“ Не слѣдуетъ этого дѣлать, во-первыхъ, изъ чувства собственнаго самосохраненія. Попробуйте доказать толпѣ малообразованныхъ слушателей грамматическій смыслъ словъ, что обстоятельство времени не есть обстоятельство образа дѣйствія или причины, попробуйте уяснить имъ правила этимологіи, или синтаксиса, или законы логическаго мышленія, т. е. всего того, что позволяетъ устанавливать истинный смыслъ словъ и выраженій, буквально приводимыхъ. Да что буквально? Если сектанты и не буквально приводятъ, если и очевидно перевираютъ, перестанавливаютъ и измѣняютъ слова и выраженія, то и тогда трудъ миссіонера въ области филологіи страшно тяжелъ и неблагоприятенъ. Толпа легче повѣритъ краткому, но остроумному замѣчанію сектанта, чѣмъ цѣлому филологическому изслѣдованію миссіонера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорнія“ маленькій рассказъ, какъ баба-сектантка уничтожила всю бесѣду миссіонера о крестѣ и крестномъ знаменіи своею ссылкой на славянскій текстъ Евангелія: „що Христось не крестывся, якъ сядавъ обидать“, т. е. не совершалъ крестнаго знамени предъ обѣдомъ. По-славянски этотъ текстъ въ дѣйствительности говоритъ иное и читается такъ: „фарисей же видѣвъ дивися, яко (Исусъ) не прежде крестися прежде обѣда“ (Лук. 11, 38). И вотъ неудачное слово въ славянскомъ текстѣ „крестися“ вмѣсто поставленнаго подъ строкой „умыся“ дало бабь-сектанткѣ основаніе ея до очевидности нелѣпому заявленію о неупотребленіи Исусомъ Христомъ крестнаго знаменія, и вся послѣдующая филологія миссіонера была безсилна смягчить впечатлѣніе, произведенное на православныхъ сектанткою...

Итакъ, во-первыхъ, миссіонеру нужно быть до чрезвычайности осторожнымъ въ бесѣдѣ съ сектантами при обличеніи ихъ обращенія съ текстами Св. Писанія, въ виду тѣхъ трудностей, которыя представляетъ всякое выясненіе подлиннаго смысла тек-

стовъ предъ малообразованными слушателями. Во вторыхъ, ему же слѣдуетъ снизойти къ сектантамъ, къ ихъ дѣйствительной беспомощности въ пользованіи Св. Писаніемъ. Они всю жизнь свою хотятъ построить на буквѣ Писанія, они всё основанія своего отступленія отъ Церкви хотятъ поставить подъ защиту Слова Божія. Они не столько въ этомъ случаѣ злонамѣренны, когда не разумѣютъ Писанія или, повидимому, злоупотребляютъ имъ, сколько темны, невѣжественны по своей малограмотности. И вотъ постоянное обличеніе миссіонера убиваетъ ихъ, отнюдь не воскрешая для истинной жизни. Постоянное до жестокости обличеніе миссіонерами сектантовъ въ ихъ непониманіи текстовъ Св. Писанія мало кого возвратило изъ нихъ въ православіе, но у многихъ изъ нихъ убило самую вѣру въ Св. Писаніе. На этой, именно, почвѣ потери, подъ воздѣйствіемъ обличительныхъ бесѣдъ миссіонеровъ, сектантами-штундистами вѣры въ букву Писанія создавалась среди нихъ возможность увлеченія чисто хлыстовскимъ ученіемъ малеванства. Другихъ сектантовъ такое обличеніе доводитъ до озлобленія и отчаянія, третьихъ — до индифферентизма ко всякой религіи. Всего этого миссіонеръ долженъ страшиться и избѣгать.

Чтобы допустить необходимое обличеніе неправильнаго пониманія сектантами текстовъ Св. Писанія, нужно согласить обличеніе съ тѣми дѣйствительными, невыдуманнми сектантами побужденіями, которыя заставляютъ сектантовъ читать или понимать тотъ или иной текстъ такъ или иначе. Нужно въ каждомъ приводимомъ съ искаженіемъ текстѣ, если только сектантъ-собесѣдникъ не явный шарлатанъ, стараться постигнуть ту долю нравственной или логической правды, которая естественно ведетъ сектанта къ незлонамѣренному, а естественному при его малограмотности, искаженію Слова Божія. Легко, напр., при извѣстной діалектической ловкости, сбить сектанта съ позиціи, даже совсѣмъ съ толку, представить его предъ слушателями или лжецомъ, или дуракомъ, когда, напр., сектантъ утверждаетъ, что подъ водою крещенія нужно разумѣть ученіе или слово Божіе, и приводитъ текстъ: „изъ чрева его рѣки потекутъ воды живой“ (Іоан. 7, 38), или „вода, которую Я дамъ, сдѣлается источникомъ воды текущей въ жизнь вѣчную“ (Іоан. 4, 14), гдѣ подъ словомъ вода можно разумѣть благодатное слово Божіе, или ученіе (правильнѣе возрождающую силу Божію). Такъ точно поступаютъ сектанты, когда желаютъ перевести бесѣду миссіонера о крестѣ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, на мысли о внутреннемъ крестѣ (аще хочетъ по мнѣ идти, да возьметъ

крестъ свой...), бесѣду о св. крещеніи и о св. причащеніи — на чашу страданій (можете-ли пить чашу сію и крещеніемъ креститься), бесѣду о чашѣ св. Крови — на чашу крестныхъ страданій (да мимо идетъ Меня чаша сія) и т. д. Путемъ доведенія до абсурда, путемъ сопоставленія съ другими мѣстами св. Писанія, гдѣ уже не остается никакихъ сомнѣній, что вода, въ которой совершенно было крещеніе Самого Господа Иисуса Христа, евнуха царицы Еѳіопской и др., есть подлинная, не метафорическая вода, что крещеніе есть погруженіе въ воду, а не въ Слово Божіе (иначе какъ же сказано, что Христось не крестилъ никого (Іоан. 4, 2), или что Духъ Святой сходилъ тогда, когда крещаемый выходилъ изъ воды, т. е. выходилъ или отходилъ отъ Слова Божія: должно бы какъ разъ наоборотъ!) и т. д., путемъ такого логическаго приѣма легко поставить сектанта въ тупикъ. Теперь существуетъ много учебниковъ и пособій, гдѣ приводятся почти всѣ встрѣчающіеся въ практикѣ миссіонерской случаи подобной логомахіи сектанта съ миссіонерами. Но если миссіонеръ ограничится однимъ обличеніемъ, ложно, или съ искаженіемъ приводимыхъ сектантами текстовъ св. Писанія, онъ и на шагъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сектантамъ, не подвинется къ цѣли своего миссіонерскаго служенія — привлеченія заблудшихъ въ лоно Церкви.

Когда, по ходу бесѣды, миссіонеръ поставленъ бываетъ въ необходимость воспользоваться своими діалектическими преимуществами и путемъ различныхъ логическихъ приѣмовъ онъ доводитъ до обнаруженія самими сектантами полнѣйшей нелѣпости ихъ утвержденій и отрицаній, миссіонеръ въ то же время, воздавая должное работѣ религіозной мысли сектантовъ, хотя эта работа и привела ихъ къ нелѣпымъ заключеніямъ, долженъ остановиться на положительной и вѣрной части ихъ сужденій. Онъ долженъ признаться сектантамъ и разъяснить слушателямъ положительное значеніе ихъ отрицанія, напр., вещественности воды крещенія, чаши причащенія или креста страданій. Миссіонеръ долженъ раскрыть слова сектантовъ о благодатномъ ученіи Слова Божія, ведущаго въ жизнь вѣчную, о чашѣ страданій, выпадающей на долю каждаго христіанина, или о добровольномъ несеніи своего креста, что эти слова полны для христіанъ глубокаго значенія. Мы, православные христіане, заключили почти всю религіозную жизнь свою въ обрядъ; христіане часто по метрицкѣ и исповѣднымъ росписямъ, съ крестомъ на груди, мы почти оставляемъ безъ вниманія духовную жизнь христіанства и слова сектантовъ о духовномъ христіанствѣ да будутъ для

насъ живымъ укоромъ и наставительнымъ обличеніемъ. При такомъ обращеніи съ выраженіями сектантовъ, бесѣда миссіонера, даже и въ обличительной своей части, не приметъ характера взаимныхъ попрековъ, а будетъ полна глубокимъ учительнымъ содержаніемъ.

Миссіонеру предстоитъ еще послѣдній трудъ, послѣднее усиліе—сдѣлать заключеніе къ бесѣдѣ...

Удачно сдѣланное заключеніе имѣетъ громадное значеніе. Оно можетъ представлять слушателямъ все учительное содержаніе бесѣды въ краткомъ, но отдѣланномъ видѣ, какъ итогъ всѣхъ слышанныхъ разсужденій. Въ другомъ случаѣ, оно должно восполнить содержаніе бесѣды, исправить погрѣшности, дополнить пропуски, поставить новые вопросы для послѣдующей бесѣды, какъ выводы изъ разсужденій настоящей. Въ третьемъ случаѣ, когда самъ миссіонеръ чувствуетъ, что бесѣда прошла не такъ, какъ слѣдуетъ, не въ духѣ христіанской любви и снисхожденія, онъ въ заключеніи долженъ обратиться со словомъ христіанскаго прощенія, испросить это прощеніе у сектантовъ и православныхъ слушателей, если онъ самъ былъ виною, по своей горячности или жестокосердію, враждебнаго настроенія во время бесѣды, или дать урокъ любви и прощенія сектантамъ, если они были на бесѣдѣ повинны въ недобрыхъ чувствахъ.

Къ такого рода заключеніямъ ведутъ методологическія требованія, которыя можно предъявить къ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ. Но самъ миссіонеръ, его личное чувство, вопреки всѣмъ доводамъ разума, ищетъ другого конца своей бесѣды. О, какъ хочется ему собрать плоды своего труда, какъ хочется ему, послѣ утомительнаго труда воздѣлыванія почти дѣвственной почвы душъ человѣческихъ и сѣянія на ней Слова Божія, какъ хочется ему выйти еще въ поле съ серпомъ въ рукѣ и сжать плоды трудовъ своихъ!.. Конечно, если миссіонеръ видитъ, что результатомъ его бесѣды является только большая озлобленность и недовѣріе сектантовъ къ православному вѣроученію и къ Церкви, тогда можетъ быть вопросъ только о прощеніи, о испрошеніи мира и снисхожденія. Но иногда Богъ видимо ниспосылаетъ на миссіонерскій трудъ благодать плодоношенія. Миссіонеръ, читая въ душахъ своихъ собесѣдниковъ и слушателей, самъ видитъ, какъ смягчаются ихъ души, какъ падаетъ на нихъ сѣмя Слова Божія и прорастаетъ; онъ видитъ въ очахъ слезы умиленія и слышитъ вздохи сокрушенія. Первоначальное чувство недовѣрія и недоброжелательства сектантовъ къ миссіонеру растаеваешь, какъ воскъ, подъ лучомъ его любви и ласки.

Чѣмъ дальше идетъ бесѣда, тѣмъ больше водворяется въ ней миръ и тишина и къ концу какъ будто съ небесныхъ круговъ слетаетъ тихій ангелъ и машетъ своимъ небеснымъ крыломъ. Сектанты давно уже ничего не возражаютъ, и когда миссіонеръ спрашиваетъ ихъ, они просятъ его самого говорить. Они жадно внимаютъ его ученію и его голосъ звучитъ уже „со властью“, признанной въ сердцахъ сектантовъ. О, какъ хочется тогда миссіонеру пожать плоды трудовъ своихъ, поднять серпъ, чтобы сжать созрѣвшія колосья и связать ихъ въ снопы для Церкви Христовой!.

Нс... инъ есть сѣяй и инъ есть жняй... и инъ есть собирай... Миссіонеръ долженъ воздержаться отъ соблазна обратиться къ сектантамъ въ заключеніи своей бесѣды съ предложеніемъ возвратиться въ Церковь православную. Часто одно подобное предложеніе губитъ весь предшествующій трудъ миссіонера. Уже примиренные съ Церковью, уже разсѣявшіе всѣ свои недоумѣнія, склонившіеся въ душѣ къ признанію божественной истины православія, сектанты, слыша предложеніе немедленно возвратиться въ Церковь, вновь замыкаются въ себя и, въ отвѣтъ на предложеніе миссіонера, они глядятъ или тупо, или съ смущеніемъ. Имъ живо припоминается то, что оттолкнуло ихъ отъ Церкви и это воспоминаніе, при предложеніи миссіонера, сдуваетъ, какъ вѣтеръ, все впечатлѣніе бесѣды..

Нѣтъ, если бесѣда миссіонера не потрясла сектанта настолько, чтобы душа его, какъ зрѣлый плодъ, сама не упала съ вѣрою въ кошицу Церкви, то миссіонеръ, какъ бы ни благоприятно шла его бесѣда, долженъ терпѣливо ждать плодовъ рукъ своихъ. Кому, какъ не ему, должно помнить слово Апостола, что „насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій“. И если онъ, подъ вліяніемъ собственнаго своего славолюбія и нетерпѣнія, или подъ вліяніемъ начальственныхъ указовъ—обратить заблудшихъ, станетъ искусственно трудиться надъ возвращеніемъ, станетъ искусственно выгонять изъ зазеленѣвшей вѣтви бутонъ и, раскрывая лепестки бутона, обращать его насильно въ цвѣтокъ, плода онъ никогда не добьется, а въ случаяхъ успѣха, надъ нимъ только исполнится Слово Божіе о тѣхъ, кто „обходитъ море и сушу, дабы обратить хотя одного“..

Хотите обратить къ Церкви созрѣвшаго къ тому на вашей бесѣдѣ сектанта, бойтесь обращаться къ нему съ предложеніями прямо и публично, а пойдите къ нему въ хату и не разъ, поплачьте, поскорбите съ нимъ, сдѣлайте его интимнымъ своимъ другомъ и, когда онъ даже самъ будетъ заговаривать съ вами

о возвращеніи въ Церковь, легкомысленно не спѣшите съ исполненіемъ его желанія. Помните, что ему нужно еще послѣ этого непрестанное руководство и духовныя подкрѣпленія...

Мы этимъ и заканчиваемъ наши замѣтки о томъ, какъ нужно вести миссіонерскія бесѣды съ сектантами. Эти замѣтки болѣе указывали на то, чего долженъ избѣгать миссіонеръ или отъ чего онъ долженъ воздерживаться въ общемъ планѣ бесѣды, чѣмъ то, по какому опредѣленному пути и съ какимъ опредѣленнымъ содержаніемъ онъ долженъ выступать на бесѣду. Но опредѣленный частный планъ и содержаніе миссіонерскихъ бесѣдъ опредѣляются уже частнымъ предметомъ бесѣды. Здѣсь уже имѣютъ значеніе, при обладаніи діалектическими способностями, положительныя знанія христіанской догматики и апологетики, тогда какъ постановка или методъ бесѣды, при положительныхъ знаніяхъ, требуетъ отъ миссіонера болѣе личнаго творчества, какъ дѣла вдохновенія, какъ дара Божія.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъгинъ*.

По расколовѣднію.

Къ вопросу о чинопріемѣ «священныхъ» лицъ изъ австрійскаго раскола.

* Старообрядцы австрійскаго священства уже давно добиваются признанія ихъ іерархіи со стороны Православной церкви законною и дѣйствительною, побуждаемые къ тому именно сознаниемъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ дѣятелей, внутренней неправды своей іерархіи. Стремленіе къ достиженію сказанной цѣли не прекращается у поповцевъ и до настоящаго времени. Они хорошо сознаютъ и чувствуютъ, что заглушить голосъ совѣсти, непрестанно вопіющей въ клубинѣ ихъ сердець о незаконности Бѣлокриницкой іерархіи, никто изъ сознательно вѣрующихъ послѣдователей этой іерархіи никогда не будетъ въ состояніи: это психологически не возможно; но они также хорошо сознаютъ и чувствуютъ и то, что признаніе Православною церковью Бѣлокриницкой іерархіи законною и дѣйствительною можетъ водворить у поповцевъ внутренній миръ и спокойствіе, можетъ прочно утвердить ихъ въ мысли, что они, оставаясь или пребывая управляемыми и пасомыми духовно оною іерархіею, находятся не въ ложной, а въ истинной Христовой церкви. Этимъ собственно и объясняется постоянное непрекращающееся стремленіе поповцевъ къ достиженію сказанной цѣли.

Желаемая поповцами законность или дѣйствительность ихъ іерархіи можетъ сообщиться ей не тѣмъ только, если она когда-нибудь будетъ признана со стороны Православной церкви іерархіею истинною и православною, но и тѣмъ, если Православная церковь найдетъ возможнымъ принимать въ свое общеніе поповщинскихъ архіереевъ и священниковъ „въ сущемъ санѣ“, безъ новаго надъ ними рукоположенія. Теперь, въ виду предстоящаго Всероссійскаго Церковнаго Собора, нѣкоторые газеты и журналы, не исключая и духовныхъ, высказываютъ мысль,

что старообрядцы въ догматическомъ отношеніи вполнѣ православы, и поставляютъ на видъ такое обстоятельство (замѣчу въ скобкахъ, *давно* проповѣдуемое самими поповцами), что Православная церковь до настоящаго времени еще не высказала или не установила своего авторитетнаго, точно выраженнаго взгляда или опредѣленія относительно достоинства Бѣлокриницкой іерархіи, а предоставляла рѣшать этотъ вопросъ лишь искусству миссіонеровъ. Въ виду такого заявленія печати можно думать, что вопросъ о каноническомъ достоинствѣ Бѣлокриницкой іерархіи будетъ предметомъ обсужденія на предстоящемъ Всероссийскомъ Церковномъ Соборѣ. Вѣроятность этого обсужденія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ „Матеріалахъ къ предстоящему Всероссийскому Церковному Собору“, печатаемыхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, высокопреосвященный архіепископъ харьковскій Арсеній, между [прочимъ, прямо поставилъ такой вопросъ: „можетъ ли предстоящій Соборъ подъять на себя великую миссію примиренія со старообрядческимъ міромъ“? („Церковныя Вѣдомости“, № 2, 1906 г., стр. 64). Вопросъ конечно, законный, настойчиво выдвигаемый самою жизнью, игнорировать который едва ли возможно. Въ связи съ этимъ вопросомъ, несомнѣнно, выступить во всей своей жгучей силѣ и вопросъ относительно каноническаго достоинства Бѣлокриницкой іерархіи. Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ духѣ мира и христіанской любви, въ духѣ воссоединенія старообрядцевъ съ Православною церковью, разумѣется, крайне желательно. Но меня смущаетъ и сильно тревожитъ и озабочиваетъ слѣдующее обстоятельство. Существуютъ убѣжденія, что первымъ, наиболее вѣрнымъ и цѣлесообразнымъ шагомъ на пути къ примиренію или воссоединенію старообрядцевъ-поповцевъ съ Православною церковью можетъ послужить, именно, соборное постановленіе Православной церкви о принятіи поповщинскихъ клириковъ „въ сущемъ санѣ“, безъ новаго надъ ними рукоположенія. Такое постановленіе, по мнѣнію держащихся сказаннаго убѣжденія лицъ, вполнѣ законно можетъ быть обосновано на понятіи о христіанской любви и о христіанскомъ снисхожденіи къ блуждающимъ старообрядцамъ, а ближайшимъ своимъ результатомъ этого рода постановленіе, надѣются, можетъ имѣть пробужденіе въ поповцахъ чувства желанія въ воссоединенію съ Православною церковью. *Нельзя не сознаться, что надежда на воссоединеніе поповцевъ съ церковью сильно подкупаетъ въ пользу того мнѣнія, чтобы вопросъ о достоинствѣ Бѣлокриницкой іерархіи разрѣшенъ былъ, именно, въ желаемомъ и для старообрядцевъ смыслѣ,*

т. е. въ смыслъ соборнаго постановленія о принятіи въ церковь старообрядческихъ клириковъ „въ сущемъ санѣ“, безъ новаго надъ ними рукоположенія. Однако же есть серьезныя основанія для опасенія, что предполагаемая отъ такого разрѣшенія Соборомъ вопроса о Бѣлокриницкой іерархіи надежда на воссоединеніе поповцевъ съ церковью можетъ оказаться призрачною. Вѣдь и дарованіе гражданской свободы вѣроисповѣданія также поселяло у нѣкоторыхъ надежду, что эта свобода смягчитъ заблудшія сердца именуемыхъ старообрядцевъ, пробудитъ въ нихъ чувство христіанской любви и смиренія и, такимъ образомъ, расчиститъ путь или подготовитъ почву для братскаго взаимоотношенія въ религіозномъ отношеніи между старообрядцами и православными. Но вотъ гражданская свобода вѣроисповѣданія дарована; старообрядцы пользуются ею въ большей мѣрѣ, нежели Православная церковь. Какое же, спрашивается, чувство пробудила въ поповцахъ по отношенію къ православію дарованная вѣроисповѣданіямъ свобода? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, можетъ служить появившаяся послѣ того у поповцевъ свободная старообрядческая литература. Я приведу изъ нея нѣсколько выдержекъ для показанія истиннаго настроенія поповцевъ по отношенію къ Православной церкви, достаточно характеризующаго ихъ религіозное міросозерцаніе.

1) Издававшійся за границею „Старообрядческій Вѣстникъ“, разсуждая по вопросу о „примиреніи“ поповцевъ съ Православною церковью, категорически утверждаетъ, что въ дѣлѣ первоначальнаго отступленія старообрядцевъ отъ Православной церкви „виновною стороною“ являются будто бы не первооснователи старообрядческаго раскола, а сама Православная церковь; поэтому, названный старообрядческій журналъ, обнаруживая тайное желаніе поповцевъ, и заключаетъ, что „пока не будетъ признана со стороны Православной церкви Бѣлокриницкая іерархія законною и дѣйствительною, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о воссоединеніи старообрядцевъ съ церковью“ (см. „Стар. Вѣстн.“ № 9, стр. 528),

2) Когда на IV всероссійскомъ старообрядческомъ съѣздѣ одинъ изъ членовъ его, нѣкто Макаровъ, сдѣлалъ предложеніе обратиться къ Константинопольскому патріархату съ вопросомъ о каноническомъ достоинствѣ Бѣлокриницкой іерархіи, то собраніе съѣзда рѣшило, что такое обращеніе не только „не желательное“ и „безполезно“, но даже и „унижительно для старообрядческой іерархіи“ (см. „Старообр. Вѣстникъ“, № 9, стр. 573).

3) Издающійся въ Н. Новгородѣ подъ редакцію старообряд-

ческаго „епископа“ Иннокентія журналъ „Старообрядецъ“ сообщаетъ, что поповцы-окружники, уже послѣ объявленія свободы вѣроисповданій, въ „проектѣ“ примиренія съ противоположными постановили „не принимать къ руководству“ приближавшее поповцевъ къ воссоединенію съ Православною церковью „Окружное Посланіе“ (см. № 3, стр. 354), а о Православной церкви окружники снова составили безпоповщинское понятіе, будто она „въ порицаніи единоотнаго имени Христова *Исусъ* и въ нѣкоторыхъ другихъ (?) предметахъ *еретичествуетъ*“ (см. тамъ же стр. 354). Только именно этимъ безпоповщинскимъ воззрѣніемъ поповцевъ на Православную церковь и можно объяснить свободное наименованіе свободнымъ журналомъ „Старообрядецъ“ православныхъ христіанъ, особенно православную гражданскую власть, „слугами антихриста, низвергающими съ старообрядческихъ колоколенъ хвалу Божію“ (см. „Старообрядецъ“, № 3, стр. 363).

Сейчасъ указанное и подобное указанному нехристіанское поведеніе по отношенію къ православнымъ издаваемого старообрядческимъ „епископомъ“ журнала вызываетъ у православныхъ рецензентовъ такое о немъ сужденіе: „мы должны съ сожалѣніемъ отмѣтить въ „Старообрядцѣ“ его тонъ, безусловно враждебный къ Православной церкви, переходящій даже въ *издѣвательство* (курс. подлинника) надъ нею“ (см. Прибавл. къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“ № 9, 1906 г., стр. 439). Этотъ же отзывъ по всей справедливости можетъ быть данъ и о другомъ старообрядческомъ органѣ, издаваемомъ поповцами подъ названіемъ: „Голосъ Старообрядца“. А имѣющая свѣтскій характеръ „Народная Газета“, издаваемая тѣми же поповцами, редактируется нѣкимъ г. Алексѣевымъ, принадлежащимъ по убѣжденію, какъ сообщаетъ „Колоколъ“, къ крайнимъ революціоннымъ политическимъ партіямъ, который и является поэтому „противникомъ“ не только православной церкви, но и вообще всего христіанства (см. „Колоколъ“, № 22, отъ 27 января 1906 г.).

Приведенныя данныя показываютъ, что дарованная свобода вѣроисповданій обманула надежды тѣхъ благодушныхъ людей, которые надѣялись пробудить эту свободу въ поповцахъ чувство христіанской любви и смиренія, которые думали, что свобода вѣроисповданій безъ замедленія создастъ почву для воссоединенія старообрядцевъ съ церковью. Подобно этому, полагаю, не осуществляются надежды на воссоединеніе поповцевъ съ Правосл. церковью и въ томъ случаѣ, если вопросъ о достоинствѣ Бѣлокриницкой іерархіи разрѣшенъ будетъ на предстоящемъ

Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ въ желаемомъ поповцами смыслѣ, т. е. въ смыслѣ постановленія о принятіи старообрядческихъ клириковъ въ общеніе съ церковью безъ новаго надъ ними рукоположенія. Я даже думаю и признаю за несомнѣнное, что такое постановленіе Собора, если оно состоится не одновременно съ воссоединеніемъ всѣхъ вообще поповщинскихъ „епископовъ“, не исключая и противокружническихъ, будетъ грозить Православной церкви великою опасностью. *Послѣ такого постановленія борьба съ поповщинскимъ расколомъ будетъ во сто кратъ труднѣе, нежели въ данное время.* Труднѣе не потому только, что поповцы во всей полнотѣ могутъ пользоваться для пропаганды своихъ „церковныхъ“ общинъ и учрежденій всѣми предоставленными имъ нынѣ гражданскими спободами, недоступными въ одинаковой съ ними мѣрѣ даже и для Православной церкви; но главнымъ образомъ потому, что самая слабая сторона церковно-религіознаго положенія поповщинскаго общества будетъ расчищена и укрѣплена самою Православною церковью актомъ соборнаго постановленія о принятіи поповщинскихъ клириковъ „въ сущемъ санѣ“, безъ новаго надъ ними рукоположенія. И теперь миссія Православной церкви имѣетъ въ дѣлѣ борьбы съ поповщинскимъ расколомъ только одно сильное и могучее средство: это, именно, указаніе и разъясненіе вѣрующимъ простецамъ того положенія, что Бѣлокриницкая іерархія представляетъ собою не Божественное учрежденіе, а учрежденіе *человѣческое*, созданное притомъ довольно нечистоплотными средствами, а потому и лишенное Божественной силы и власти на связаніе и разрѣшеніе, принадлежащее истиннымъ епископамъ; но съ признаніемъ Бѣлокриницкой іерархія законною и дѣйствительною, хотя въ смыслѣ постановленія о принятіи поповщинскихъ клириковъ въ церковь въ „сущемъ санѣ“, православная миссія утратитъ и это единственно сильное теперь доказательство въ дѣлѣ борьбы съ поповщинскимъ расколомъ. Когда поповщинскіе „священники“ и „епископы“ будутъ принимаемы въ общеніе съ церковью „въ сущемъ санѣ“, поповщинская община необходимо представится взору простыхъ вѣрующихъ людей вполне православною въ догматическомъ отношеніи и вполне законною въ іерархическомъ устроеніи. А такой взглядъ простого народа на поповщину сообщитъ этой послѣдней силы выступить, не безъ надежды на успѣхъ, въ открытую и равноправную борьбу съ Православною церковью, дабы занять ея мѣсто въ народной жизни.

Изложенныя соображенія приводятъ меня къ мысли, что

признаніе Бѣлокриницкой іерархіи законною и дѣйствительною, хотя бы въ смыслѣ принятія поповщинскихъ клириковъ „въ сущемъ санѣ“, можетъ принести для Православной церкви вмѣсто пользы великій и непоправимый вредъ, грозящій для нея неисчислимыми бѣдствіями. Думается поэтому, что Православная церковь, при рѣшеніи вопроса объ истинномъ достоинствѣ Бѣлокриницкой іерархіи, не должна опускать изъ виду слова св. Василія Великаго, несомнѣнно во всей полнотѣ понимавшаго силу христіанской любви, значеніе и цѣну христіанскаго снисхожденія къ заблуждающимся, допустимыя въ дѣлѣ благоустроенія церковнаго: „я не признаю епископомъ и не причислилъ бы къ іереямъ Христовымъ того,—говорилъ св. Василій,—кто, *на подрывъ вѣры возведенъ въ предстоятели нечистыми руками*“ (см. Дѣян. Всел. Собор., т. 7, стр. 61, изд. 2); а первый поповщинскій „епископъ“ Кирилль,—поясню,—*возведенъ „въ предстоятели“ для поповщинскаго общества отступившимъ отъ Православной церкви Америкосіемъ, именно, „на подрывъ вѣры“* въ неложное обѣтованіе Спасителя о не прекращаеомъ существованіи въ Христовой церкви православныхъ епископовъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѡ. 28, 20).

Нижегор. епарх. мис. *Θ. Кругловъ.*

Церковь Христова и времении безъ епископа быти не можетъ ¹⁾).

(Изъ полемики).

«Замѣчанія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ священника *Сергія Шалкинскаго и Калл. Картушина*»).

Изъ книги Усова.

«Вотъ чему учать св. отцы; вотъ что заповѣдуетъ святая Церковь: хотя бы не только всѣ епископы, но и вся вселенная, весь міръ стали мудрствовать по-еретически, уклонился въ ересь,—и тогда православный христіанинъ не долженъ смущаться, какъ чего-то необыкновеннаго; но долженъ пребывать въ православной вѣрѣ, хотя бы пришлось остаться даже и одному, какъ Лотъ въ Содомѣ: ибо лучше не управляться никѣмъ, чѣмъ быть подъ управленіемъ нехорошаго начальника, нехорошаго по отношенію къ вѣрѣ».

Это ученіе святыхъ отецъ согласно ученію святыхъ апостолъ и на немъ основано. Святой апостолъ Павелъ выражается даже сильнѣе святыхъ отецъ, свидѣтельства которыхъ мы привели. Онъ говоритъ: «Аще мы (то есть сами апостолы), или ангель съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаеема да будетъ» (Галат. зач. 199).

Замѣчаніе. Слова ап. Павла: „аще мы или ангель съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаеема да будетъ“, — Усовъ приводилъ уже и раньше. Въ своемъ мѣстѣ мы уяснили ихъ истинный смыслъ, показали, что они не могутъ служить оправданіемъ ложнаго ученія Усова о возможности уклоненія въ ересь всѣхъ епископовъ. Если-бы они имѣли смыслъ пророчества о томъ, что всѣ ангелы и всѣ епископы уклонятся въ ересь, то не было бы и слова *аще*, а прямо было бы сказано, что „мы апостолы-епископы будемъ благовѣствовать вамъ новое ученіе и за это заслужимъ анаеему“. Но апостолъ такъ не сказалъ. Поэтому Усовъ, передавая слова апостола съ другимъ значеніемъ, проповѣдуетъ „паче“ апостоловъ и

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ» 1906, № 7.

подлежить тому наказанію, на которое указалъ апостоль. Вѣдь самъ же онъ говоритъ, что „ангелы никогда не погрѣшаютъ“ (гл. 6 стр. 28), что „апостолы грѣшить не могли, будучи озарены такимъ свѣтомъ и удостоены такой благодати“ (стр. 35 гл. 7). Слѣдовательно, не могутъ погрѣшить и всѣ епископы, намѣстники св. апостоловъ,— такъ какъ и они удостоены такой же благодати.

Если Усовъ докажетъ, что всѣ ангелы могутъ погрѣшить, тогда, конечно, правъ будетъ онъ и въ своемъ ученіи о возможности уклоненія въ ересь всѣхъ епископовъ.

«Что же мы видимъ во времена Никона? Тогда ни ангелы съ небесъ не благовѣствовали паче благовѣщеннаго, ни апостолы не проповѣдывали вопреки себѣ, ни вся вселенная не уклонилась въ ересь,—а произошло событіе самое обыкновенное, простое, заурядное: ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ частичка архіереевъ, числомъ двадцать девять, изъ которыхъ многіе уже раньше уклонились въ заблужденіе, а другіе нѣсколько разъ перемѣняли вѣру: были и католиками и магометанами, даже отрекались отъ Христа, учились въ іезуитскихъ академіяхъ, поведенія самаго грязнаго, низкаго и развратнаго,—собрались въ 1666—1667 г.г. на соборъ, подтвердили всѣ прежнія никоновскія заблужденія, нововведенія и клятвы: за немногими исключеніями, и изложили еще отъ себя клятву на православныхъ христіанъ за православныя преданія. При этомъ нѣкоторые члены собора дѣйствовали злонамѣренно, а нѣкоторые были просто вовлечены въ заблужденіе хитростію и обманомъ, не понимая, что на соборѣ было и что они подписывали, ибо многіе и русскаго языка не знали и не понимали. А миссіонеры о нихъ и кричатъ умильно нараспѣвъ: «всѣ епископы! всѣ епископы! Могли ли всѣ епископы?! Могли ли сразу всѣ епископы уклониться въ заблужденіе? Кто всѣхъ епископовъ смѣеть послушаться!.. и проч. А тутъ и взглянуть не на что: всѣ епископы,—а ихъ даже и трехъ десятковъ нѣтъ. Вотъ такъ всѣ!»

Замѣчаніе. Не находя никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего ученія о возможности бытія Церкви Христовой безъ епископа, Усовъ прибѣгаетъ къ обычному своему приему ругать и чернить православныхъ епископовъ, забывая слова св. Іоанна Златоуста: „отношенію къ жизни (пастырей) не спрашивай“ и правило св. отецъ, подвергающее наказанію отдѣляющихся отъ церкви „грѣховнаго ради извѣта“ на пастырей.

Ставить онъ въ обвиненіе нашей св. церкви и то, что нѣкоторые члены соборовъ 1666 и 1667 г.г. подписывались подъ актами Дѣяній этого собора, не зная и не понимая русскаго языка. Лицемѣре, вынь прежде бревно изъ своего собственнаго глаза, и тогда уже указывай на сучекъ въ глазу брата твоего.

Если нѣкоторые члены собора и не понимали русскаго языка, то они имѣли переводчиковъ, которые переводили для нихъ слова Дѣянія на греческій языкъ. А скажите-ка, какъ вашъ чудотворецъ, вос-

кресившій вашу мертвую церковь, бѣглый, запрещенный митрополитъ Амвросій,—не умѣвшій говорить по-русски,—исповѣдывался и открывалъ глубины сердца своего не понимавшему ни слова по-гречески бѣглому священнику Иерониму? Вотъ тутъ-то, дѣйствительно, ложь и обманъ и притомъ въ такомъ „дѣяніи“, какъ совершеніе таинства исповѣди.

Да, г. Усовъ, какъ вы ни изощрялись, а доказать, что „всѣ епископы“ могутъ уклониться въ ересь, не могли. Епископы—это не ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ частичка, а *душа церкви* (Ириной св.): какъ тѣло безъ души не можетъ жить, такъ и церковь безъ епископовъ мертва. А по вашему св. Церковь умерла въ 1666 и 1667 году.

Изъ книги Усова.

14. Бѣдственное состояніе церкви.

Новообрядецъ. Вы все доказываете, что епископы могутъ уклониться въ заблужденіе и будто-бы дѣйствительно уклонились при Никонѣ. Но это еще не оправдываетъ вашего общества, претендующаго на наименованіе церкви. Можетъ ли быть что-либо подобное съ церковію, что было съ вашимъ обществомъ, можетъ ли она находиться въ такомъ униженіи, чтобы быть безъ епископа,—вотъ въ чемъ суть вопроса, и вы его никогда не рѣшите.

Старообрядецъ. Если бы вы безпристрастно и внимательно вели бесѣду и слушали мои возраженія и отвѣты, то не сказали бы этого, потому что это ваше недоумѣніе и возраженіе уже рѣшено, на основаніи свидѣтельствъ священнаго писанія. Напомню нѣкоторыя изъ нихъ. Было представлено, что церковь можетъ быть вдовствующею, т. е. безъ епископа, что безъ епископа при содержаніи святой вѣры она, какъ корабль крѣпкій, хотя и не имѣющій нѣкоторыхъ матросовъ, что вскорѣ послѣ ея созданія она оказалась безъ епископа, когда апостолы пребывали въ невѣрїи Христову воскресенію. Конечно, пребываніе церкви безъ епископа—событіе жестокое, испытаніе великое и тяжкое, бѣдствіе горестное. Но это не должно смущать и не смутить истинно-вѣрующаго православнаго христіанина.

Что такія горестныя событія могутъ происходить въ церкви, объ этомъ свидѣлствуютъ писанія святыхъ отецъ. Изъ многого представлю хотя немного. Петръ Хрисологъ, учитель церковный пятаго вѣка глаголетъ о церкви сице: «Малый кораблець Христовъ (церковь) иногда возносится къ нему, иногда опускается въ бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхомъ, иногда покрывается волнами страстей, иногда выплываетъ на веслахъ исповѣданія» (кн. его ч. 1 сл. 19, о укроц. морской бури). «Святый Амвросій медиоланскій сравниваетъ ее (церковь) съ луною, которая по временамъ исчезаетъ, но остается не исчезнушею, затмится она можетъ, но не исчезнуть» (объясненіе Фед. Яковлева на Апокалипс. гл. 20, ст. 4). Въ другомъ мѣствѣ сказано такъ: «Понеже Господь различными образами управляетъ церковь Свою въ мірѣ семъ, иногда убо аки во гробъ затворяя оную, иногда аки отъ смерти возставляя, иногда аки древо до корени посякая (что касается до внѣшняго вида), иногда паки возустраоя: убо блюстися подобаетъ намъ,

не судимъ о томъ по чувствамъ нашимъ и по плотскому мудрованію, еже Господь провѣщаетъ о управленіи церкви Своея; ибо спасеніе ея часто сокрыто бываетъ отъ умовъ и очесъ человѣческихъ. Господь не привязываетъ Себя къ человѣческимъ средствамъ, ниже къ обыкновенному порядку природы, но хочетъ превышать силою Своею все то, что ни воображаютъ человѣческіе умы» (толк. Иринея псков. на 10 ст. 1 гл. пророка Осін).

Вотъ въ какомъ бѣдственномъ положеніи можетъ иногда находиться церковь: какъ бы опускается въ бездну, какъ бы исчезаетъ, затмевается подобно лунѣ, иногда Богъ какъ бы во гробъ затворяетъ ее, или, какъ древо, до корени посѣкаетъ, и затѣмъ снова возустраиваетъ, воскрешаетъ, управляетъ Своею силою, возноситъ къ небу. Все это дѣйствительно и случилось съ Христовою церковію: когда епископы въ XVII столѣтіи уклонились въ заблужденіе и она осталась безъ нихъ, тогда она казалась какъ бы во гробъ затворенною, какъ бы древомъ, до корени посѣченнымъ, какъ бы затмившеюся подобно лунѣ, или опустившеюся въ бездну подобно кораблю. А когда митрополитъ Амвросій присоединился къ ней и она снова стала съ епископами, тогда она представилась въ самомъ дѣлѣ возустроенною, воскресшею, вознесшеюся къ небу, будучи всегда управляема Христовою силою, особенно въ бѣдственныя времена, при оскуднѣніи учителей.

Безпоповецъ. Теперь ты насъ оправдалъ совершенно. Ты доказалъ, что церковь подобно кораблю опускается въ бездну, подобно лунѣ исчезаетъ, и даже какъ бы во гробъ затворяется, или какъ древо до корени посѣкается. А съ нами такъ именно и случилось: у насъ церковь сейчасъ пребываетъ какъ бы исчезнувшею, или во гробъ затворенною, не имѣя ни священства, ни таинствъ и не имѣя надежды имѣть ихъ.

Старобрядецъ. Приведенныя нами свидѣтельства о церкви къ вамъ вовсе не подходятъ и ничуть не оправдываютъ васъ. Въ нихъ говорится, что церковь Христова иногда опускается въ бездну, а иногда возносится къ небу. А ваша церковь (если только вашу безпоповскую общину можно назвать церковію), какъ спустилась въ бездну, такъ уже и не выходитъ оттуда, не возносится къ небу, а пребываетъ въ безднѣ безъ всякой надежды выбраться изъ нея. Затѣмъ, церковь сравнивается съ луною, которая по временамъ исчезаетъ, но остается не исчезнувшею, а снова по прошествіи нѣкотораго времени, является полною и совершенною; а ваша безпоповская церковь какъ исчезла разъ навсегда, такъ и остается исчезнувшею постоянно, а не временно. Еще говорится, что Богъ такъ управляетъ Своею церковію, что иногда аки во гробъ затворяетъ ее, иногда аки отъ смерти возоставляетъ, а вашу общину какъ затворилъ во гробъ, такъ она и осталась въ немъ навсегда безъ малѣйшей надежды востать отъ этой духовной смерти. Далѣе сказано, что Богъ Свою церковь иногда аки древо до корени посѣкаетъ, иногда паки возустраиваетъ; а ваша безпоповская община разъ посѣчена до корени и навсегда осталась въ такомъ видѣ, никогда не имѣя никакой надежды и возможности паки возустроиться въ прежнее состояніе.

Такимъ образомъ, если съ церковію Христовою и случаются слишкомъ горестныя событія, то это бываетъ только *иногда*, то есть на нѣкоторое время, а не навсегда остается она въ такомъ печальномъ положеніи. Ваше же безпоповщинское общество, затворившись во гробъ, посѣк-

шнсь до корени, или исчезнувъ, остается постоянно въ этомъ положеніи и даже не желаетъ и не можетъ выйти изъ него. А всему этому виною сами вы, безпоповцы, не желающіе принять на покаяніе обращающихся отъ ереси священнослужителей въ ихъ санъ, преступая этимъ священныя правила (8-е перв. вселен. соб.; 69 е кареаген. соб.) и противясь всей практикѣ церкви, принимавшей отъ ереси епископовъ въ ихъ санъ.

Замѣчаніе. „Что горестныя событія могутъ происходить въ церкви, объ этомъ свидѣлствуютъ *писанія святыхъ отецъ*. Изъ многого представляю хотя небольшое“, говоритъ Усовъ. И далѣе приводитъ „свидѣтельства“ Петра Хрисолога, *святаго* Амвросія Медиоланскаго и Иринея, архіепископа Псковскаго.

Эти слова Усова мы выписали, чтобы показать, на сколько неразборчивъ Усовъ въ средствахъ защиты своего ложнаго ученія: обѣщаясь приводить „свидѣтельства“ святыхъ отецъ, онъ называетъ такимъ святымъ отцемъ и Петра Хрисолога, и даже Иринея, архіепископа Псковскаго, котораго, какъ и всѣхъ епископовъ православной церкви, всегда, хотя и бездоказательно, считаетъ еретикомъ. Это характерная черта раскольническихъ писателей: не одинъ Усовъ, но и Перетрухинъ въ своемъ тупомъ „Мечѣ духовномъ“ Иринея псковскаго называетъ также святымъ отцемъ. Что это, какъ не намѣренный обманъ довѣрчивыхъ раскольниковъ! Когда нужно, раскольнической защитникъ и слова еретика выдаетъ за писаніе *святаго* отца. Если Иринея арх. псковскій святой отецъ, то почему же Усовъ не въ единеніи съ тою церковью, къ которой принадлежалъ этотъ архіепископъ, жившій послѣ патр. Никона? Если же онъ еретькъ, то зачѣмъ Усову нужно было называть его святымъ отцемъ? Очевидно, чтобы ввести въ обманъ малосвѣдущихъ людей. Такова правда защитниковъ лжи.

Но обратимся къ разсмотрѣнію приведенныхъ свидѣтельствъ.

Первое изъ нихъ принадлежитъ учителю пятаго вѣка Петру Хрисологу. Но Петръ Хрисологъ не говоритъ, что церковь Христова временно можетъ быть безъ епископа. Онъ лишь церковь Христову, то-есть „собраніе всѣхъ вѣрующихъ Божіихъ“ съ епископами, священниками и діаконами, содержащихъ правую вѣру и освящающихся посредствомъ св. седми таинствъ церковныхъ (Велик. Катих.), уподобляетъ кораблю, который, совершая плаваніе по морю, иногда плыветъ спокойно, иногда,—во время слабаго вѣтра,—колеблется, иногда,—въ сильныя бури, возносится вверхъ волною, или же спускается въ водныя долины—„бездны“ и покрывается устремляющимися на него волнами, но тѣмъ не менѣе не потопляется, а выплываетъ на веслахъ. Такъ и церковь Христова: она во время мира церковнаго совершаетъ свое святое плаваніе по волнамъ сего „житейскаго моря“, доставляя пребывающихъ въ ней къ небесной пристани,—ереси и смуты приво-

дять ее въ колебаніе: она уже не спокойно совершаетъ свое плаваніе, а въ материнскихъ попеченіяхъ о заблуждшихся“, колеблется страхомъ“ за ихъ спасеніе и направляетъ свои усилія къ тому, чтобы не погибъ никто изъ чадъ ея; сильныя возстанія еретиковъ, какъ волны морскія, устремляющіяся на церковь, не устрашаютъ ее: она идетъ навстрѣчу этимъ волненіямъ, разсѣкаетъ ихъ своимъ ученіемъ, возносится надъ ними, и побѣдивъ одну страшную волну, оставивъ ее за собой, какъ уже не опасную, спускается опять на гладь моря, чтобы побѣдить устремляющуюся на нее новую волну — или ересь; борьба страшная, жестокая: она одна среди необъятнаго пространство бушующихъ волнъ, но онѣ не страшны ей; итакъ, побѣждая одну ересь за другою, она торжественно, какъ исповѣдница Великаго Имени Христова, выплываетъ снова на гладкую, спокойную поверхность моря и совершаетъ свое путешествіе.

Кромѣ того, корабль-церковь всегда плыветъ, погружается и выплываетъ *цѣлымъ* во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ. Гдѣ же тутъ указаніе на то, что этотъ корабль-церковь лишился своихъ епископовъ? Петръ Хрисологъ жилъ въ пятомъ вѣкѣ: пусть же Усовъ докажетъ, что до пятаго вѣка въ церкви Христовой было такое „событіе“, когда въ ней не оставалось ни одного истинно-православнаго епископа. Но такого „событія“ онъ не укажетъ ни въ твореніяхъ святыхъ отецъ, ни въ исторіи. Въ первые вѣка христіанства церковь, дѣйствительно, вытерпѣла много страданій, но епископовъ никогда не лишалась, не умирала, какъ раскольническая мнимая церковь.

Второе свидѣтельство—слова св. Амвросія, уподобляющаго св. церковь лунѣ, тоже не оправдываютъ той мысли, что будто бы св. церковь можетъ лишиться всѣхъ епископовъ. Луна, исчезая отъ взора въ одной мѣстности, продолжаетъ изливать свой свѣтъ въ другой, и при этомъ *никогда* ни въ малѣйшей части не измѣняетъ своей формы и не утрачиваетъ своихъ свойствъ: какою создалъ ее Творецъ міра, такою она *всегда* пребываетъ. Это свѣтило, т. е. луна, говоритъ бл. Августинъ, „полно каждый день, но его полнота видна бываетъ людямъ только тогда, когда находится противъ солнца. Ибо, когда луна находится вмѣстѣ съ солнцемъ, то, занимая положеніе подъ солнцемъ, она кажется исчезающею; но она бываетъ полною и тогда, потому что освѣщается съ другой своей половины и только лишь не можетъ быть видима тѣмъ, когорые находятся внизу, т. е. населяютъ землю“ (твор. бл. Августина, т. 7, стр. 135, изд. Кіевъ—1893 г.).

Какъ луна всегда равна себѣ, такъ и церковь *никогда* не измѣнить своего внѣшняго вида, т. е. пребудетъ съ трехчинной іерархіей и седмью таинствами, не утратитъ она и присущей ей благодати Св. Духа. Но церковь Христова имѣетъ большую силу и крѣпость,

нежели соляце, луна и прочія свѣтила небесныя. „Не прейдетъ бородъ сей христіанскій: небо и земля измѣнятся (сказалъ Христосъ), слова же Моя и евангеліе Мое *не разоритъ*, но пребываютъ. Аще и вся двинутся, но о Мнѣ вѣра не оскудѣетъ, являетъ же здѣ, яко церковь честнѣйшу имать всѣхъ тварей (какова и луна). Ибо *аще и тварь измѣнится* (если бы и луна измѣнилась), *вѣрныхъ церкви и слова ея* (ученіе) и Евангеліе *никогда же*“ (Благов. Луки зач. 107); какою создалъ Господь Свою церковь, т. е. съ трехчинною іерархією и седмью тайнствами, такую она неизмѣнно и пребудетъ, какое ученіе Господь вручилъ своєї церкви, такое она и будетъ проповѣдывать вѣчно. Только еретики и раскольники могутъ проповѣдывать новое ученіе „его же отцы наша“ святіи „не предаша намъ“: святые отцы учатъ, что „церковь безъ епископа быти не можетъ“, что „гдѣ нѣтъ епископа, тамъ нѣтъ и церкви“, кто „не съ еписковомъ, тѣ не земледѣліе Христово, но сѣмя вражіе“ и проч., а Усовъ, не соглашаясь съ св. отцами, доказываетъ, что они ошибались, неправду сказали, такъ какъ, по его—усовскому ученію, церковь временно можетъ быть мертвою, развращенною, погубленною, вдовою, рождающею дѣтей безъ мужа.

Третье свидѣтельство Усова взято изъ словъ Иринея, архіепископа Псковскаго (по мнѣнію Усова, еретика, по еретика святаго). Но и Иринея не оправдываетъ „вдову мертвую и развращенную“. Прежде всего, Усовъ неправильно относитъ *всѣ* слова преосвящ. Иринея къ церкви новозавѣтной, такъ какъ пророчество Осіи, котораго толкуетъ преосвящ. Иринея, относилось лишь къ израильтянамъ. Въ предисловіи къ своему толкованію преосвящ. Иринея говоритъ: „И тако посылаетъ Осію, повелѣвая ему предреши, что имѣетъ случиться съ десятию колѣнами израилеными. Пророчество Осіи раздѣляется на 14 главъ, въ которыхъ пророкъ представляетъ отверженную Синагогу, предвѣщаетъ ея разрушеніе, и званіе языковъ, сильно ополчается на безпорядки, господствовавшіе въ царствѣ десяти колѣнъ, укоряетъ наипаче вельможъ, священниковъ и лживыхъ учителей, за ихъ суетвѣріе и алчность къ богатству; но щадитъ колѣно Іудино, поелику назначенъ былъ учителемъ для однихъ токмо израильтянъ. Наконецъ удивительнымъ образомъ описуетъ различный характеръ истиннаго и ложнаго Богопочитанія“. И въ толкованіи на 2 ст. 1 глав. преосв. Иринея говоритъ: „Пророкъ показываетъ, какое въ самомъ началѣ дано было ему повелѣніе, а именно, чтобъ явную брань объявилъ израильтянамъ, и отъ лица Божія возвѣстилъ имъ погибель“.

Что, дѣйствительно, и приведенныя Усовымъ слова изъ толкованія на 10 ст. 1 главы относятся къ израильтянамъ, ясно видно по прочтеніи толкованія на весь этотъ стихъ.

Усовъ особенное вниманіе обращаетъ на слова: „Господь церковь...“

аки во гробѣ затворяя и аки отъ смерти возстающа, аки до корени посылкая, паки возустроя“... Но въ нихъ все, касающееся „посѣченія“ и „смерти“, относится къ церкви ветхозавѣтной, а „возустроеніе“ и „аки отъ смерти возстаніе“—къ новозавѣтной. Это видно изъ слѣдующихъ словъ пр. Иринея, изъ толкованія на тотъ же стихъ: „Пророкъ убо, вѣдая, что имѣлъ онъ дѣло съ гордыми людьми, которымъ обычно было препираться и съ самимъ Богомъ, глаголетъ: *и будетъ число сыновъ израилевыхъ аки песокъ морской, иже не измѣрится.* Аки бы сказалъ: *когда Богъ изсѣчетъ васъ изъ корене,* то и тогда пребудетъ нерушимо оное обѣтованіе, данное Аврааму: *Воззри на небо и изочи звѣзды, аще возможеши исчесати я: тако будетъ стѣмя твое.* Ибо въ Его всемогущей воли состоитъ въ едину минуту *новую церковь возсоздать,* яже превзойдетъ числомъ людей звѣзды небесныя и песокъ морской. И изъ чего? Изъ камней, изъ ничего. *Нарушаетъ бо не сущая яко сущая.* Пророкъ Исаіа въ главѣ 10 пророчества своего глаголетъ: *Аще будутъ людие израилены яко песокъ морской, останокъ ихъ спасетъся.* Но пророкъ Осіа еще выразительнѣе здѣсь глаголетъ, показывая, что израильтяне до такого малолюдства дойдутъ, что *будутъ казаться какъ бы ничто;* но и тогда де *Господь наче всякаго чаянія чловѣческаго церковь Свою возсозиждетъ,* и покажетъ, что Онъ не всеу обѣщаль Аврааму, яко сѣмя его будетъ подобно числомъ песку морскому. Мы къ сему приобщаемъ слѣдующее примѣчаніе“ (л. 14). И далѣе слѣдуютъ приведенныя Усовымъ слова, въ заключеніе которыхъ сказано: „такъ убо надлежитъ понимать мѣсто сіе“, т. е. что оно относится къ церкви израильской, которую Богъ „изсѣчетъ изъ корене“, и вмѣсто нея возсоздастъ церковь новую, превосходящую числомъ звѣзды небесныя и песокъ морской. Далѣе, *израильтяне* дойдутъ до такого малолюдства, что будутъ казаться какъ бы *ничто* (вымершіе, во гробѣ затворенные)... но... Господь церковь свою *возсозиждетъ* (отъ смерти возставитъ)... и она будетъ подобна числомъ песку морскому“. И ниже: „Ибо Богъ, возсозиждетъ церковь свою какъ изъ Іудеевъ, такъ изъ язычниковъ, хотя бы весь міръ („умы чловѣческіе“) за погибшую (во гробѣ затворенную) ее почель“.

О церкви же новозавѣтной пр. Иринея говоритъ: „Понеже бо лицемѣры хотѣніе Божіе какъ-бы насильно къ себѣ привязываютъ: сего ради пророкъ глаголетъ, что въ волѣ Божіей состоитъ новую церковь въ едино мгновеніе возсоздать. За симъ слѣдуетъ: *и будетъ на мѣстѣ, на немже речеса имъ: не людие мои вы, сіи тамо прозовутся сынове Бога живаго.* Пророкъ увеличиваетъ здѣсь милость Божію къ новой церкви чрезъ сравненіе, аки бы сказалъ: *когда Богъ церковь свою возсозиждетъ снова,* тогда состояніе ея будетъ блистательнѣе,

нежели какъ было прежде. Чего ради? Понеже, глаголетъ, избранные Божіи нарекутся не токмо народомъ Божиимъ, но и *сынами Бога живаго*, то есть, Богъ прискреннѣ явить себя Отцемъ ко всѣмъ тѣмъ, ихъ-же собереть во едино тѣло. Хотя бо и жившіе древле подъ закономъ были почтены симъ титуломъ, но не съ толикимъ преимуществомъ. Богъ вящшую сообщить честь новоизбраннымъ людямъ, понеже явственнѣ откроетъ благодать чрезъ усыновленіе“ (л. 15 об.).

И въ другомъ мѣстѣ: *„Обручу ты себѣ во вѣкъ“*. Здѣсь подразумевается прикровенное противоположеніе между супружествомъ прежнимъ, о которомъ доселѣ говорилъ пророкъ, и между симъ вторымъ, о которомъ нынѣ условливается Богъ. Ибо первое оное супружество, въ которое всупилъ Богъ съ Синагогою при ея изведеніи изъ Египта, было расторжено, поелику народъ не сохранилъ вѣрности, какъ сказано выше: и потому супружество оное было временное, о семъ же новомъ супруествѣ утверждаетъ пророкъ, что оно будетъ постоянное и вѣчное, противопоставляя сіе состояніе оному отпаденію, которое скоро отчуждило народъ отъ Бога. *Обручу ты, глаголетъ, себѣ во вѣкъ*. За симъ изъявляя, на какихъ законахъ чіе учинить имѣеть, присовокупляетъ во первыхъ: *въ правдѣ и судѣ*: во вторыхъ, *въ милости и въ щедротахъ*: въ третьихъ, *въ вѣрѣ*. Ибо хотя Богъ и прежде учинилъ съ израильтянами завѣтъ свой въ правдѣ и въ судѣ, поелику въ завѣтѣ его не было ничего притворнаго или несправедливаго и ложнаго: но завѣтъ оный нарушенъ былъ съ стороны народа, какъ сказали мы выше. По чему правду здѣсь разумѣтъ Богъ не одну токмо свою, но и взаимную или обоюдную“... „Къ сему присовокупляетъ второе: *въ милости и щедротахъ*. Которыми словами означаетъ, что хотя народъ того и недостойнъ, однако сіе не воспрепятствуетъ ему примириться съ Богомъ: понеже, глаголетъ, въ примиреніи семъ Богъ будетъ взирать на благодать свою паче, нежели на заслуги своего народа“... „За симъ присовокупляетъ третіе, *въ вѣрѣ*, удостовѣряя о постоянномъ и твердомъ союза онаго продолженіи. Сіе же съ тѣмъ намѣреніемъ глаголетъ, дабы показать, что союзъ или *завѣтъ оный по тому будетъ твердъ, понеже съ обохъ сторонъ сохранится вѣрность*. Наконецъ присовокупляетъ: *И увѣси Господа*. Сіе и пророкъ Іеремія въ вышереченномъ мѣстѣ приложилъ: *не научить кійжедо ближняго своего, глаголя: познай Господа; яко вси познають мя отъ мала даже и до велика*. Пророкъ же Осія единымъ словомъ глаголетъ здѣсь, *увѣси, Господа*, на семъ основаніи полагая твердость завѣта. Ибо какъ израильтяне заблуждали во мракѣ невѣжества, скитаяся въ слѣдъ своихъ кумировъ: то обѣщаетъ имъ свѣтъ истиннаго Богопознанія. Господь, глаголетъ, озаритъ сердца ваша

свѣтомъ своего Боговѣдѣнія, и ты, о синагога, увѣси нѣкогда Господа своего. А идѣже есть Боговѣдѣніе, тамо людѣ не отпадаютъ отъ Господа, ниже отторгаются, еже ходити во слѣдъ сатаны. Тогда убо пребываетъ твердъ союзъ съ Богомъ“ (л. 37 и далѣ).

Итакъ, церковь раскольниковъ до м. Амвросія была подобна синагогѣ, нарушившей завѣтъ свой съ Богомъ. Но вмѣсто ветхозавѣтной, посѣченной, церкви Господь создалъ *новую* церковь, которую обручилъ Себѣ въ вѣкъ. Кто же вмѣсто посѣченной, развращенной и вдовствующей раскольниковъ церкви создалъ имъ *новую* церковь? Митрополитъ Амвросій, слѣдовательно эта церковь и должна именоваться не Христовой, а Амвросіевою. Едва-ли и почитатели Усова будутъ благодарны ему за такое сравненіе и откровенное признаніе, что ихъ церковь *новая*, хотя такое признаніе и справедливо. Вѣдь, невольно, каждый австрійскій старообрядецъ долженъ будетъ подумать: если наша церковь *новая*, устроенная Амвросіемъ, вмѣсто посѣченной Христовой, то Амвросія мы и должны считать своимъ богомъ, а девятый членъ символа вѣры читать такъ: „вѣрую во едину новую святую Амвросіевскую церковь, явившуюся вмѣсто посѣченной Христовой“.

Изъ книги Усова.

«Чтобы еще болѣе убѣдить васъ въ томъ, что дѣйствительно иногда великія и страшныя бѣдствія постигаютъ церковь, но они всегда бываютъ временны, а не вѣчны, такъ что по минованіи ихъ она опять придетъ въ свое прежнее положеніе, въ свое нормальное состояніе,—представлю еще одно свидѣтельство изъ ученія святыхъ отецъ. Святый Іоаннъ Златоустъ въ письмахъ къ діакониссѣ Олимпіадѣ пишетъ о церкви такъ: «Правда, церковь терзается, ея вожди изгнаны; хищные волки вторглись въ овчарню и разогнали стадо; сильные міра поднялись противъ святилища и внесли въ него злоупотребленія и расколъ. Что-же? развѣ никогда не случилось подобнаго въ мірѣ? Развѣ церковь Христова не возрасла среди смутъ, и самъ Христосъ отъ колыбели до могилы не былъ окруженъ поруганіемъ? А если это такъ, то зачѣмъ роптать, и что такое мы со всѣми нашими жалкими страданіями, когда Сынъ Божій и Его апостолы принесли намъ истину лишь посреди преслѣдованій и мученій? О, я не хочу укрывать зло, тебя ужасающее, не хочу ни отрицать, ни умалять его; я хочу, напротивъ, чтобы ты разсмотрѣла его такимъ, каково оно есть, т. е. болѣе ужаснымъ, болѣе глубокимъ, какимъ оно тебѣ еще не кажется. Да, мы плывемъ среди необъятной бури. Корабль, влекущій насъ, носится безъ управленія по волѣ разъяреннаго океана. Половина матросовъ въ морѣ; ихъ трупы предъ нашими взорами качаются на поверхности волнъ; другую половину ждетъ гибель. Нѣтъ болѣе парусовъ, нѣтъ болѣе мачтъ; весла брошены, кормило сломано, и кормчіе, сидя на скамьѣ, обняли колѣна руками, не зная, что предпринять, и находя силы для однихъ стenanій. Темная ночь скрываетъ все до подводной скалы, на которую они несутся, и до слуха ихъ доносится только оглушительный ревъ валовъ.

Само море изъ нѣдръ своихъ поднимаетъ мерзостныхъ чудовищъ, которыхъ извергаетъ на корабль къ великому ужасу плывущихъ... Тщетно пытаюсь я выразить обиліемъ этихъ образовъ множество бѣдствій, насъ одолюющихъ, ибо какой же человѣческой языкъ могъ бы передать ихъ? *И всетаки я, который долженъ бы смущаться ими болѣе, нежели кто нибудь, я не покидаю надежды:* я поднимаю взоры къ высшему Кормчему вселенной, кому не нужно искусство управленія среди бури... Итакъ, отчаяваться не должно, напротивъ должно постоянно помнѣть слѣдующую истину: одного только несчастья слѣдуетъ страшиться въ мірѣ—грѣха и слабости духа, которая приводитъ ко грѣху; все прочее—мечта. Ковы и вражда, обманы и клеветы, оскорбленія и извѣты, хищеніе, заточеніе, острые мечи, взволнованныя моря, война въ цѣломъ мірѣ—все это ничто, и не можетъ смутить душу бодрствующую. Апостоль Павелъ учитъ насъ этому, говоря: видимыя вещи временны. Зачѣмъ же страшиться, какъ дѣйствительнаго бѣдствія, случаевъ, которые уносятся временемъ, какъ вода увлекается рѣкою?

«Но, скажутъ, такое бѣдствіе—бремя жестокое, тяжелое!—Конечно, но взглянемъ на него съ другой стороны, и научимся его презирать. Оскорбленія, презрѣнія, насмѣшки, обращаемыя на насъ врагами, что они въ самомъ дѣлѣ? Шерсть истлѣваго плаща, который точатъ черви и время истребляютъ. «Однако же, прибавляютъ, посреди этихъ испытаній, постигающихъ міръ, многіе погибаютъ и соблазняются». Справедливо, и это много разъ случалось; *но послѣ гибели, смерти и соблазновъ порядокъ возстановляется же, воцаряется татина, и правда возобновляетъ свой прежній путь.* Вы хотите быть мудрѣ Бога! Вы излѣдуете повелѣнія Провидѣнія! Преклонитесь лучше предъ закономъ, Имъ предписываемымъ, не судите, не ропщите, повторяйте только съ апостоломъ: Глубина намѣреній Божіихъ, кто можетъ постигнуть васъ?

«Если представитъ себѣ человѣка, никогда не видавшаго ни восхода, ни захождения солнца,—не соблазнился ли бы онъ при видѣ, какъ исчезаетъ дневное свѣтило съ небосклона и ночь охватываетъ землю? Онъ подумалъ бы, что Богъ его покидаетъ. А тотъ, кто видѣлъ только весну, не соблазнился ли бы онъ, увидѣвъ наступленіе зимы, этой смерти природы? Онъ подумалъ бы, что Богъ, отрекаясь отъ Своего творенія, оставляетъ міръ, Имъ созданный. И тотъ, кто видитъ, какъ сѣютъ сѣмя въ землю, и какъ это сѣмя изгниваетъ подъ землею и инеемъ, не соблазнился ли онъ, спрашивая: для чего погибло это сѣмя? Но позже онъ увидитъ его возрожденіе въ желтѣющихъ нивахъ, другой увидитъ восходящее солнце, и весну, снова смѣняющую зиму. Эти люди раскаются потомъ въ своемъ ослѣпленіи и преклонятся съ благоговѣніемъ предъ порядкомъ, установленнымъ Провидѣніемъ. Такъ и въ нравственномъ мірѣ, и въ событіяхъ жизни; достаточно наблюдать ихъ, чтобы векоръ убѣдиться со скорбію, что подобное сомнѣніе есть просто богохульство.

«Но даже исторія нашего искупленія развѣ не окружена соблазнами? Какимъ предметомъ искушенія долженъ былъ быть этотъ божественный Младенецъ, обернутый пеленами, лежащій въ вертепѣ, принужденный покинуть ясли, служившія Ему колыбелью для того, чтобы бѣжать къ народу чужеземному. Не могли ли многіе сказать, при видѣ бѣднаго семейства Іосифова, само себя изгнавшаго: «Какъ? и это Спаситель человѣчества. Царь неба и міровъ, Сынъ Божій?» И они должны были бы соблаз-

наться. Позднѣе, когда этотъ Младенецъ возвратился изъ изгнанія и возросъ, непримиримая война возгорѣлась противъ Него отовсюду. Сначала ученики Іоанна преслѣдуютъ Его своею завистливою враждою. «Учитель, говорятъ они Предтечѣ, Тотъ, Кто былъ съ тобою за Іорданомъ, крестить нынѣ, и всѣ приходятъ къ Нему!»—слова зависти, внушенный духомъ злобы. А когда Іесусъ начинаетъ творить чудеса, сколько клеветъ противъ Него, и сколько соблазновъ для слабыхъ. «Ты самарянинъ, кричатъ Ему со всѣхъ сторонъ, и дьяволъ овладѣлъ Тобою». Его обвиняютъ въ томъ, что Онъ любитъ хорошую пищу и вино, людей нечестивыхъ и развращенныхъ. Видя Его бесѣдующимъ съ женщиной, Его назвали пророкомъ ложнымъ, «если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, что за женщина говоритъ съ нимъ». При одномъ появленіи Его скрежетали зубами, и не одни только іудеи пылали къ Нему враждою. Самые братья Его, замѣчаютъ евангелисты, не вѣрвали въ Него.

«Олимпіада возражала, въ оправданіе своей скорби, что многіе, уступая гоненію, впали въ заблужденіе и расколъ. «Развѣ ты думаешь, возражалъ энергически Златоустъ, что не было учениковъ, соблазвившихся при видѣ креста? Когда враги Христа, наконецъ, овладѣли имъ, медленно утоляя надъ нимъ свою звѣрскую мстительность, то предавшій Его ученикъ, при видѣ Его униженія, конечно торжествовалъ, тогда, какъ другіе соблазнялись этимъ. А самый судъ, бичеваніе, осмѣяніе царскаго достоинства, а распятіе—какой соблазнъ должны были произвести они! Христосъ покинуть Своими учениками; вокругъ Него не видно ничего кромѣ оскорбленій со стороны солдатъ или черни, насмѣшекъ, злословія, заушеній.—«Если ты Сынъ Божій, кричали Ему у подножія Его креста, то сойди со креста и мы вѣруемъ въ Тебя». Но верхомъ оскорбленія, превосходившимъ всякія измышленія нечестія, было предпочтеніе вора, разбойника, запятнаннаго кровію. «Кого хотите: Христа или Варавву»—«Варавву! кричитъ весь народъ іудейскій, хотимъ Варавву, а Этого распни, распни Его». Была ли когда-нибудь смерть болѣе позорная? И Онъ умираетъ одинокій, безъ друзей, безъ учениковъ; одинъ разбойникъ, товарищъ по казни, исповѣдуетъ Его съ креста своего. Нѣтъ, никогда всѣ соблазны, вмѣстѣ взятые, не могли сравниться съ такимъ соблазномъ. Самое погребеніе Его есть милостыня?—Вотъ какъ Истина, ниспосланная съ небесъ, получила Свое начало на землѣ: Ея путь былъ окруженъ обстоятельствами, которыя были для сильныхъ испытаніемъ и гибелью для слабыхъ. Она осуществила божественное слово Ею Самою пронанесенное: горе соблазняющемуся!» (До здѣ изъ писемъ Златоуста къ Олимпіадѣ; въ кн. «Св. Іоаннъ Златоустъ и импер. Евдокія». Тьерри, стр. 342—347)»

Замѣчаніе. Что Св. Церковь Христову *иногда* постигаютъ великія гоненія—это истина, съ которой согласны всѣ—и православные и раскольники. Разница ученія Православной церкви отъ раскольническаго лишь въ слѣдующемъ: Православная церковь вполне вѣруетъ въ непреложность божественнаго обѣтованія Спасителя, рѣкаго: *„созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей; она не сомнѣвается, что какія бы гоненія ни постигались, эти гоненія послужатъ къ ея славѣ и посрамленію еретиковъ и гонителей, такъ какъ всѣ эти „брани“, по словамъ св. І. Златоуста, посылаются Господомъ для*

того, чтобы показать „ея свѣтлѣйшую побѣду“. Усовъ же и единомысленные ему раскольники всѣхъ наименованій (въ этомъ вопросѣ всѣ раскольники единомысленны), напротивъ, учатъ, что слова Спасителя о необходимости Св. Церкви—пустой звукъ, такъ какъ историческія событія будто бы „доказываютъ“ противное Божію обѣтованію, что еретики и др. гонители будто бы *иногда* одолеваютъ церковь, отнимаютъ притѣсненіями и „обманомъ“ и обольщеніями всѣхъ епископовъ и под. Такого ученія Усова св. Церковь никогда не раздѣляла; поэтому онъ напрасно трудился, дѣлая большіе выписки изъ твореній с. Іоанна Златоуста. Этотъ св. отецъ, равно какъ и всѣ учителя св. Церкви, не допускали даже и возможности бытія св. Церкви безъ епископа, хотя бы и во времена великихъ гоненій на нее: „Церковь безъ епископа быти не можетъ. Если бы прекратилось въ ней апостольство (или чинъ епископовъ), то все разстроилось бы и разрушилось“, учитъ св. Іоаннъ Златоустъ, т. е. если бы еретики или гонители лишили Св. Церковь богоустановленнаго епископскаго сана, то не было бы и самой церкви—все дѣло, ради котораго Спаситель сошелъ на землю, пострадалъ, проливъ Свою неповинную Божественную Кровь,—разрушилось бы и разстроилось; этимъ враги св. Церкви доказали бы, какъ доказываютъ своимъ ученіемъ и раскольники, что Христосъ не въ состояніи исполнить Своего обѣтованія, не въ силахъ сохранить свое достоиніе—св. Церковь, что, поэтому, Онъ не есть истинный Богъ. Пусть такъ думаютъ еретики и раскольники, а мы вмѣстѣ съ блаженнымъ Іеронимомъ несомнѣнно вѣруемъ, что „если Онъ изъ ничего сотворилъ все, то, конечно, сотворилъ не для того, чтобы погубить, но чтобы сотворенное спаслось по Его милосердію. Посему и въ (книгѣ) Премудрости... мы находимъ слова: „Онъ создалъ, чтобы *все было*, и рожденія міра спасительны, и не будетъ для нихъ яда смертоноснаго“ (Прем. 1,14) (Іерон. т. 15, стр. 152, изд. Кіевъ 1900 г.) Мы вѣримъ, что еще и небо и земля, и вся стхія измѣнится, *церковь же никогда не измѣнится* (благов. Лука 107 зач.), не потеряетъ, не утратитъ ни одного изъ дарованныхъ ей Господомъ свойствъ или признаковъ.

Усовъ, желая доказать противное, и „чтобы еще болѣе убѣдить“, своихъ единомысленниковъ, что св. Церковь можетъ быть *иногда* безъ епископовъ, дерзновенно ссылается на св. Златоуста, якобы учившаго такъ же. Но достаточно прочитать первыя слова Златоуста, выписанныя Усовымъ изъ письма къ Олимпіадѣ, чтобы видѣть неправоту усовскихъ умозаключеній: „правда,—говоритъ св. отецъ, церковь терзается, *ея вожди изгнаны*“. Остановимся на этихъ словахъ. Усовъ, безъ сомнѣнія, выписываетъ ихъ для того, „чтобы еще больше убѣдить читателя въ возможности бытія Церкви Христовой безъ еписко-

повъ. Вотъ, молъ, и св. Іоаннъ Златоустъ „свидѣтельствуеть“, что Церковь Христова можетъ быть во времена гоненій безъ епископовъ или вождей. Но такого извращенія святоотеческихъ словесъ не пойметъ только тотъ, кто не хочетъ ничего понимать, кто каждому слову Усова довѣряетъ безусловно; мыслящій же читатель невольно возразитъ ему и скажетъ: если во времена еретическихъ возстаній на св. Церковь—вождей ея—епископовъ изгоняли, то это лишь доказываетъ, что они въ то время были—иначе не было бы и рѣчи объ ихъ изгнаніи. Если же понимать эти слова по-усовски, т. е. что *изгнаніе* епископовъ изъ одного города въ другой—значитъ совершенное лишеніе ихъ, то придется также допускать, что и Христа Спасителя и Его апостоловъ на землѣ не было, ибо и Они,—какъ говорить далѣе и св. Златоустъ,—„принесли намъ истину лишь посреди *преслѣдованій* и мученій“. Св. Златоустъ говоритъ, что всѣ роды преслѣдованій, воздвигаемыхъ противъ Церкви Христовой—„*есть ничто*, и не можетъ смутить душу бодрствующую, такъ какъ *Св. Церковь Христова возросла среди смутъ*“. Поэтому, продолжаетъ онъ, я (какъ епископъ), который долженъ бы смущаться ими (разными смутами и бѣдствіями) болѣе, нежели кто-нибудь, я не теряю надежды“, т. е. надежды на то, что враги святой Церкви, не смотря на всю ярость свою, не побѣдятъ св. Церковь, а сами будутъ побѣждены ею—пусть многіе (изъ епископовъ, но не всѣ) соблазняются, „но порядокъ возстановится же, воцарится тишина, и правда возобновитъ свѣй *прежній* путь“. *Прежній* же путь Св. Церковь *никогда* не совершала безъ епископовъ, а лишь только, по словамъ св. Аванасія Великаго, *идя этимъ путемъ* она извергала недостойныхъ, или замѣняла уклонившихся въ ересь, достойными и православными епископами.

Итакъ, никакія „горестныя бѣдствія“ не могутъ лишить Св. Церковь всѣхъ епископовъ. Если же раскольники и пребыли 180 лѣтъ безъ епископовъ, то это служить явнымъ доказательствомъ того, что ихъ община ложно именуется себя Христовой Церковію. „*Ты долженъ уразумѣть, что епископъ въ церкви и церковь во епископѣ, и кто не съ епископомъ—тотъ и не въ Церкви*“ (св. Кипр. ч. 1, пис. 54), „такъ какъ *церковь заключается во епископѣ, клирѣ и всѣхъ стоящихъ въ вѣрѣ*“ (Письмо 17).

Раскольническая церковь въ продолженіе 180 лѣтъ была безъ благодати Святаго Духа, такую она остается и теперь съ принятіемъ, по ихъ мнѣнію, еретика Амвросія, такъ какъ, не имѣя сами благодати Св. Духа, раскольники не могли преподавать опой и Амвросію („*ни-ктоже бо даетъ что, самъ не имѣя*“).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

**Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

Обзоръ печати.

II-ой томъ сочиненій А. П. Шапова. Изданіе М. В. Пирожкова.
1906 г. Ольга Ивановна Шапова.

1.

Говорятъ, что мертвыхъ съ погоста не носятъ. И для обычной жизни—это вѣрно: не носятъ, умерли... Но въ литературѣ сплошь и рядомъ бываетъ наоборотъ: чѣмъ крѣпче и энергичнѣе умеръ покойникъ, тѣмъ чаще таскаютъ его изъ могилы и говорятъ: смотрите, онъ живъ...

Когда-то имя А. П. Шапова было въ большомъ ходу. Правда, на первыхъ позиціяхъ онъ никогда не стоялъ, передовымъ бойцомъ въ борьбѣ противъ застоя и отсталости не былъ, но его передовые органы все-же печатали и подписчики, надо полагать, почитывали его статьи.

Въ лагерѣ прогрессистовъ онъ пользовался репутаціею расколѣвѣда и этнографа. Но это сомнительная репутація. Чаще всего это никуда негодный хламъ, торопливыя обобщенія изъ слишкомъ мимолетныхъ и случайныхъ впечатлѣній, тенденціозный и легковѣсный подборъ фактофъ и нестерпимая идейная болтовня, гдѣ въ потокѣ шаблонныхъ фразъ тонетъ всякое подобіе здраваго смысла.

Особенно винить его за это нельзя. Жилъ онъ далеко, въ Сибири, хорошихъ источниковъ подъ руками не имѣлъ, серьезно работать не могъ, а жить было надо и приходилось выѣзжать на пестрой рухляди либеральныхъ фразъ. Теперь чтеніе его „произведеній“ вызываетъ непобѣдимую скуку.

Но когда-то онъ былъ въ чести и славѣ,—да и теперь радикалы-гробокопатели не прочь подновить память о немъ, хотя онъ, давній мертвецъ, воскреснуть не можетъ и слова его нынѣ смѣшны и мертвы.

Теперь они имѣютъ только историческое значеніе. Въ этомъ смыслѣ П томъ его сочиненій—документъ очень любопытный. Любопытна въ немъ манера его мышленія, отношеніе къ литературѣ и къ жизни.

Было-бы ошибочно сказать, что этотъ типъ нынѣ вымеръ. Напротивъ,—онъ сильно распространился, но принялъ, если и не другія формы, то другія слова. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ предшествующее поколѣніе, эти отцы нашихъ идейныхъ босяковъ и хулигановъ.

Есть въ немъ несомнѣнно и свѣтлыя черты. Ни презрѣнія, ни строгаго нравственнаго осужденія онъ не заслуживаетъ. Въ постоянномъ отрицаніи не было настоящей ненависти и дѣятельной злобы. Все, чего онъ заслуживаетъ, это жалость.

Дряхлый, безвольный, безсильный, погруженный въ отвлеченныя мечты, фразеръ по привычкѣ и по натурѣ, онъ во истину не вѣдалъ, что творилъ,—или, точнѣе, ничего не творилъ, а писалъ публицистическія статьи, получалъ небольшой гонораръ и былъ твердо увѣренъ, что пересоздаетъ міръ и возрождаетъ человѣчество.

Мы и не стали бы говорить объ этой книгѣ, если бы въ ней не было статьи „Ольга Ивановна Шапова. Характеристика ея умственныхъ и нравственныхъ качествъ“.

Это документъ высокой цѣнности. Авторъ—поэтъ и трубадуръ своей жены, ставитъ ее на пьедесталъ какого-то великаго общественнаго служенія и приглашаетъ всѣхъ приносить ей жертвы, какъ идолу.

Повидимому, она была очень хорошая женщина, хотя и отъявленная нигилистка. Нѣкоторыя черты ея характера вдовецъ-мужъ отмѣтилъ какъ-то ненарокомъ, но именно эти черты, на которыя самъ онъ никакого вниманія не обращалъ, до нѣкоторой степени облагораживаютъ и оправдаютъ дикія и уродливыя черты общенигилистическаго типа.

Она была хорошей женой и вѣрной подругой мужа, т. е. „совершила въ предѣлахъ земныхъ все земное“. И честь ей!

Но восторженный и все еще влюбленный мужъ захотѣлъ ей воздвигнуть другой алтарь, алтарь богини и героини.

Удалось-ли ему это или нѣтъ, пусть скажетъ самъ читатель. А матеріалъ для рѣшенія мы ему дадимъ диковинный и любопытный.

II.

„Да, это была, дѣйствительно, святая, праведная женщина,—говорилъ про покойницу жену ученый Щаповъ, подводя итоги своей характеристики,—въ высокомъ, истинно-антропологическомъ, социальномъ нравственномъ значеніи этихъ словъ. Это была женщина не настоящаго, а будущаго времени. Въ теченіе десяти лѣтъ я ее изучалъ изо дня въ день, изъ часу въ часъ,—и отъ всей глубины души вопію, взываю и завѣщаю всѣмъ будущимъ, все лучшимъ и лучшимъ, истинно-антропологическимъ генераціямъ отмѣтить въ будущей антрополого-соціологической исторіи, отмѣтить на знаменахъ грядущихъ, истинно-человѣческихъ, социальномъ-кооперативныхъ ассоціаціи скромное, неизвѣстное въ настоящее время, но многозначительное социальномъ-антропологическое имя этой рѣдкой еще въ современномъ нашемъ обществѣ женщины,—Ольги Ивановны Щаповой (Жемчужниковой). Въ Сибири-же такой женщины еще и не бывало и, вѣроятно, долго не будетъ.

„Знаю, что она, по величайшей своей скромности, велѣла-бы мнѣ уничтожить эти строки и всю ея коротенькую біографію. Но уничтожьте всѣ мои сочиненія, отнимите мою жизнь, бросьте въ огонь или въ воду все, что я написалъ и напечаталъ въ русской литературѣ, только,—умоляю, заклинаю всѣхъ будущихъ людей, которые будутъ жить на мѣстѣ нынѣшней Россіи и Сибири,—сохраните эти мои строчки о женщинѣ, Ольгѣ Ивановнѣ Щаповой“.

Завѣщаніе автора—исполнено. Строки сохранены. Зачѣмъ-же и почему-же ихъ сохранили?

Отвѣтъ на это мы сейчасъ дадимъ, а пока отмѣтимъ только одну подробность литературной манеры автора. На нѣкоторыя слова онъ напираетъ съ непонятнымъ упорствомъ, хочетъ выжать изъ нихъ смыслъ, какого они не имѣли, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Это какія-то магическія слова, которыя владѣютъ волшебной силой и закрываютъ пустоту смысла и содержанія.

У Щапова это слово—„социально-антропологическій“. Теперь въ такомъ-же чинѣ ходитъ слово „идейный“, „идейность“. Имъ козыряютъ люди, которымъ надо припрятать свое невѣжество и свою безтолковость.

Вотъ изъ-за этого-то слова и ему подобныхъ въ свое время и читали Щапова—и такъ-же мало понимали, что читаютъ, какъ мало понималъ и тотъ, кто бросалъ ихъ горстями на бумагу.

Отнимите отъ Щапова только эти два слова, это обаяніе идейнаго жупела, и онъ, какъ писатель, пропасть. Мысли блѣдны, вульгарны и

ничтожны, научнаго и историческаго знанія—мало, личный опыт—бѣденъ, здраваго смысла и пониманія жизни—нѣтъ и въ заводѣ. Трескъ и блескъ фразы, тогда новой, туманной и безформенной—только и есть на лицо. Но этого вполне довольно, чтобы гипнотизировать „мыслящую Россію“ его и нашего времени.

Биографію жены самъ авторъ выдѣляетъ изъ ряда другихъ своихъ работъ и „завѣщаетъ непременно напечатать ее, какъ только будетъ можно“.

„Антрополого-соціологическая лѣтопись или исторія должна отмѣчать многозначительное антропологическое существованіе (особенно въ наше трудное, тяжелое, многострадальное и многоскорбное социальное время) каждой личности, будетъ-ли то мѣщанинъ, мужикъ или крестьянка, мѣщанка и т. п., будетъ-ли то извѣстная или почти вовсе неизвѣстная, но социальнo-нравственнo замѣчательная личность“.

Много-же дѣла будетъ у будущей антрополого-соціологической лѣтописи, если она послѣдуетъ совѣту Щапова. Вѣдь онъ требуетъ, чтобы она записывала даже, съ позволенія сказать, пустяки.

„Въ настоящемъ очеркѣ изъ биографіи Ольги Ивановны представлена только общая антрополого-соціологическая или социальнo-нравственнaя характеристика ея. Ея многострадальная борьба съ моимъ грубымъ порокомъ—пьянствомъ, которымъ я страдалъ въ первые годы сожителства съ нею и отъ котораго, только благодаря ея энергическимъ усиліямъ, избавился,—ея соучастіе со мною въ трудной туруханской экспедиціи (въ 1866), въ которую она перенесла много лишений и страданій во время нашего тридцатидневнаго плаванія по Енисею на лодкѣ отъ Туруханска до села Ворогова (65—62° с. ш.) и многіе факты изъ ея скромной, но многозначительной жизни, будутъ мною описаны въ особой запискѣ“.

Этой записки мы не читали. Мы имѣемъ только „характеристику“.

Борьба съ пьянствомъ мужа, конечно, доброе и хорошее дѣло. Но если каждую такую борьбу записывать на страницы „антрополого-соціологической лѣтописи“, то гдѣ-же найти столько бумаги и кто такую лѣтопись читать будетъ?

Но „характеристика“ напечатана точно, съ рукописнаго матеріала, писаннаго рукою самаго А. П. Щапова и переданнаго М. К. Лемке В. И. Семейскимъ, по желанію Н. К. Михайловскаго, получившаго отъ Г. З. Елисеева.

Это редакціонное примѣчаніе къ биографіи.

Документъ, значить, „многозначительный“!

А вы, читатель, заинтересовались личностью и дѣятельностью Ольги Ивановны Щаповой (Жемчужниковой)?

Ш.

Дочь учителя семинаріи, оставшаяся сиротой двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія, Ольга Ивановна провела молодость и получила воспитаніе въ домѣ своего дяди, петербургскаго протоіерея, Меліоранскаго.

Какъ съ нею познакомился и какъ на ней женился авторъ ея біографіи, свѣдѣній нѣтъ.

„Ея широкой и высокой лобъ,—описываетъ ея наружность, овдовѣвшій мужъ,—съ рельефно выдающимися бугорками въ передней части, все съ большею и большею выразительностью отпечатлѣвалось на себѣ ея рѣдкія умственныя дарованія, ея глубокососредоточенную работу мысли, думъ, ея самостоятельно активную выработку глубокихъ и живыхъ убѣжденій, особенно социальнo-нравственныхъ,—словомъ, ея рѣдкую или весьма не частую среди нашихъ женщинъ (да и наибольшей части мужчинъ) серьезнѣйшую умственную жизнь“.

Очевидно „рѣдкій или весьма нечастый“ лобъ! На одномъ лбу трудно прочитать такъ много! По бугоркамъ и линиямъ лба обыкновенно не опредѣляли „социальнo-нравственныхъ“ убѣжденій человѣка. Но біографъ, очевидно, умѣетъ отлично разбирать фізіологическіе гіероглифы, которыхъ не прочитать бы и Шамполіону.

Въ августѣ 1869 года Ольга Ивановна получила мѣсто учительницы въ иркутской женской гимназіи „по классу ариметики“ и преподавала нѣкоторое время французскій языкъ.

Съ обычной точки зрѣнія ничего необычнаго и исключительнаго въ этомъ событіи нѣтъ. Пристроилась—и слава Богу. Мужъ писалъ „антрополого-соціологическія“ статьи съ утра до ночи, но деньжонокъ не хватало и по хозяйству всегда были недочетки. А тутъ, что называется, Богъ послалъ.

Но Ольга Ивановна все дѣлала не спроста и на все смотрѣла съ самой высшей точки зрѣнія.

„Какъ только вставала утромъ, какъ только приходила изъ гимназіи, какъ только приходила или пріѣзжала съ базара (съ провизіей), какъ только возвращалась съ небольшой прогулки со мной,—сейчасъ садилась она за свой столикъ, обложенный педагогическими книгами, учебниками, руководствами“.

Трудолюбіе, конечно, похвальное, прекрасно рекомендуемое серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу со стороны учительницы.

Но суть дѣла не въ этомъ.

„Постоянно домогаясь, постоянно всевозможными варіаціями задачъ и комбинацій примѣровъ достигая въ умахъ дѣтей отчетливаго разумно-сознательнаго пониманія: „почему?“—она стремилась развить

въ дѣтяхъ такую силу мышленія, такую разумно-сознательную отчетливость, ясность и точность пониманія, сужденія и умозаключенія, которыя сдѣлали ихъ умственно-сильными не только въ научномъ саморазвитіи, но и въ социальномъ-нравственномъ самонаблюденіи и самовоспитаніи“.

Это уже, повидимому, слишкомъ высокій штиль. Спору нѣтъ, что ариеметика въ рукахъ хорошаго учителя въ школѣ можетъ быть однимъ изъ сильныхъ средствъ для развитія сообразительности и находчивости. Но едва-ли можно видѣть въ ариеметикѣ средство для нравственнаго развитія и самовоспитанія. Это фокусъ, котораго до сихъ поръ не знали и не знаютъ въ школѣ. Авторъ-энтузіастъ приплелъ къ ариеметикѣ какую-то мудреную нравственность, очевидно, ни къ селу, ни къ городу. Онъ рабъ своего „антрополого-соціологическаго“ слога и явно не понимаетъ того, что пишетъ.

Вотъ до чего всегда доводятъ текущая идейность и научность!

Какую-же нравственность ариеметическимъ путемъ внѣдрила въ своихъ ученицъ эта „социально-гуманная, возвышенно-стремительная женщина“, какъ называетъ ее мужъ-біографъ?

„Если она замѣчала, что какая-нибудь дѣвочка, дочь богатыхъ родителей, обнаружившая больше наклонностей къ нарядамъ и даже уже и къ кокетству, чѣмъ къ ученію, свысока или нѣсколько презрительно относилась къ дѣвочкѣ бѣдной, плохо одѣтой, дочери небогатыхъ рабочихъ родителей, то она своимъ, особенно впечатлительно дѣйствовавшимъ, гуманно уважительнымъ отношеніемъ къ этой послѣдней бѣдной дѣвочкѣ—старалась доводить невольно до стыда презиравшую ее богатую дѣвочку, особенно если бѣдная дѣвочка отличалась и большими способностями и лучше училась, чѣмъ дѣвочка богатыхъ родителей.“

„Лѣнливимъ, избалованнымъ, вообще болѣе испорченнымъ домашней средой дѣвочкамъ—она часто давала чувствовать и болѣе или менѣе ясно сознавать то, какъ бѣдныя, неизбалованныя дѣвочки или дѣвочки менѣе разсѣянныя, менѣе увлекавшіяся модными нарядами, пустыми забавами матерей и т. п., болѣе способны были къ пониманію и усвоенію уроковъ и отличались большей любовью къ ученію, единственно вслѣдствіе того, что менѣе занималась матеріями для модныхъ платьевъ, бантиками, шубками бархатными, да сплетнями и пересудами въ кухняхъ съ горничными и стряпками о худой одеждѣ, о разныхъ домашнихъ недостаткахъ у бѣдныхъ сосѣдей, у своихъ квартирантовъ и т. п.“.

„Вникая въ разговоры дѣвочекъ, она хотѣла научить ихъ съ незубоскальными, просмѣшливыми сплетнями и пересудами, а съ сердо-большимъ участіемъ, съ чувствомъ жалости и состраданія рассказы-

вать другъ другу о видѣнныхъ ими чужихъ бѣдныхъ людяхъ, несчастныхъ разнаго рода—калѣкахъ, слѣпыхъ, хромыхъ, уродахъ, больныхъ и т. п. однимъ словомъ, она всего болѣе, всего пламеннѣе желала гуманно-соціального воспитанія и направленія дѣтей.

„Но одинъ въ полѣ не воинъ. Среди жалкаго педагогическаго персонала не только женской, но и мужской гимназій въ Иркутскѣ, въ концѣ 60-тыхъ и въ началѣ 70-тыхъ годовъ, Ольга Ивановна, и какъ человекъ, и какъ учительница, рѣзко обособлялась. Нѣкоторые учителя иркутской классической гимназій (сибиряки) насмѣшливо называли ее философомъ“. Въ обществѣ иркутскомъ легкомысленныя, вѣтранныя, пустыя дамы тоже глумливо поговаривали: „Щапова, преподавая ариметику, все хочетъ, изъ всѣхъ силъ домогается, чтобы дѣвочки понимали: „почему“? Все „почему да почему“! Но она, разумѣется, не обращала никакого вниманія на эти невѣжественныя толки“.

IV.

Чѣмъ-же собственно былъ такъ плохъ учащій персоналъ женской и мужской гимназій въ Иркутскѣ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ?

„Ольга Ивановна рассказывала мнѣ, какъ учительницы, между классами, въ часъ отдыха или пережиданія своего срочнаго урока, сходились вмѣстѣ въ одну комнату въ гимназій не затѣмъ, чтобы поговорить съ живою любовью къ дѣлу о насущныхъ педагогическихъ вопросахъ и потребностяхъ, а только за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ пить чай съ разными сладостями и пирожками изъ кондитерской, и за чаемъ только и толковали съ живѣйшимъ увлеченіемъ о множествѣ у каждой изъ нихъ шитья, обновъ, платьевъ, о своихъ или чужихъ стряпцахъ, либо зубоскально передавали другъ другу разныя городскія сплетни, особенно скандальнаго свойства.

„Глубоко-серьезная Ольга Ивановна не могла принимать и не принимала никакого участія въ этой зубоскально-сплетнической, бессмысленно-болтательной чаепитной артели учительницъ. Она, если предстоялъ еще другой урокъ, обыкновенно задумчиво, одна, особнякомъ ходила въ комнату, а если не было другаго урока, тотчасъ приходила домой и, напившись со мною чаю, садилась за дальнѣйшее приготовленіе уроковъ“.

Въ чемъ-же собственно выражалась ея гуманно-антрополого-соціологическая нравственность въ ея рационально-разумной, культурно-сознательной идейной и педагогической дѣятельности?

„Дѣтскіе сады были предметомъ ея пламеннѣйшей, соціально-пе-

дагогической, социальнo-нравственной вѣры въ возможность воспитанія лучшихъ человѣческихъ поколѣній, способныхъ къ новому, истинно-соціологическому, гуманно-соціальному, именно—къ социальнo-кооперативному общественному устройству“.

Какъ-же осуществлялись эти неудобоназываемыя мечты на практикѣ?

„Она строго осуждала, напримѣръ, то, что начальница „дѣтскаго сада“ вмѣсто воспитанія въ дѣтяхъ чувства человѣческаго достоинства и права, приучала ихъ къ раболѣпію и человѣкоугодничеству, заставляя дѣтей дѣлать для генерала-губернатора къ празднику такія бездѣлушки, которыя могли-бы польстить его самолюбію, или не воспитывала или заглушала въ дѣтяхъ инстинкты социальнoй симпатіи, чувство равноправности и человѣческаго братства, явно предпочитая нарядныхъ и упитанныхъ дѣтей знатныхъ и богатыхъ родителей дѣтямъ бѣдныхъ рабочихъ людей, или, вмѣсто того, чтобы съ усиленною гуманною энергіею исправлять нѣсколько испорченныхъ нравственнo бѣднѣйшихъ дѣтей-сиротъ, выгоняла ихъ изъ „дѣтскаго сада“.

Въ свое время она хотѣла соединить „по крайней мѣрѣ, учительницъ иркутской женской гимназіи въ одинъ дружный педагогическій союзъ во имя высшихъ научно-антропологическихъ идеаловъ воспитанія. Но, увы! Всѣ учительницы, ея сотрудницы, служили только изъ за жалованья“!

Потомъ она „имѣла пламеннѣйшее желаніе устроить при женской гимназіи особый классъ для чтенія и бесѣдъ съ ученицами“, чтобы „читать и изъяснять популярное изложеніе соціологическаго ученія или самую популярную передѣлку соціологическихъ статей, касающихся общественнoй организаціи и антропологическихъ законовъ и потребностей умственнаго развитія, труда, взаимныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ въ обществѣ и проч.“.

„Но устроить новый, небывалый классъ при женской гимназіи начальствомъ найдено было невозможнымъ, незаконнымъ“.

V.

Остановимся пока на этомъ. Не въ обиду будь сказано покойнику, писать онъ не мастеръ. Точно корни въ лѣсу корчуетъ. Для самыхъ простыхъ и житейскихъ дѣлъ и понятій придумываетъ трехъ-этажныя иностранныя слова, которыя должны были бы придать его изложенію научно-раціональный и сознательно-кооперативный оттѣнокъ, а на самомъ дѣлѣ уничтожаютъ и послѣдній смыслъ рѣчи, который безъ нихъ еще какъ-нибудь можно было-бы найти.

Слогъ при всей своей претенціозности топорный и дубоватый.

И все-таки документъ, съ которымъ онъ такъ долго возился при жизни, и который съ такою торжественною серьезностью завѣщаль потомству, имѣеть свое литературное значеніе.

Онъ помогаетъ намъ понять манеру и эффекты нашей текущей идейной беллетристики. Это одинъ изъ многочисленныхъ отцовъ тѣхъ дѣтей, которыя пишутъ по тому-же шаблону, только слова пускають другія.

Но попробуемъ вникнуть въ дѣло и, отбросивъ громкія иностранныя слова и условныя прикрасы рѣчи, разберемъ поводы къ его восторгамъ и къ его сатирѣ.

Вполнѣ возможно, что Ольга Ивановна была отличной учительницей ариеметики. Но едва-ли одно это давало ея супругу право на такой, напримѣръ, полетъ его симпатіи.

„И, горя, свѣтаясь, пылая неугасимо, неистоцимо приносятъ и они („святыя волненія и пророчественныя думы Оленьки“) съ собой новую *маленькую*, но яркую лучезарную частичку свѣта въ тотъ обще-историческій факель, въ ту путеводную звѣзду общечеловѣческаго антрополого-соціального движенія и прогресса, въ то физико-антропологическое и антрополого-соціологическое Солнце Разума и Чувства, Истины и Правды, при свѣтѣ которыхъ идемъ не только мы, пигмеи, но шли, идутъ и будутъ идти такіе великаны антрополого-соціального движенія, какъ Христось, Руссо, Сень-Симонъ, Фурье, Оуэнь, Контъ, Лассаль, Прудонъ, Марксъ, Милль, Мадзини и весь сонмъ имъ подобныхъ“.

И зачѣмъ только во главѣ этой компаніи социалистовъ, позитивистовъ и революціонеровъ антрополого-соціологу понадобилось ставить имя Христа?!

Но вернемся къ Ольгѣ Ивановнѣ и ея антропологической морали на урокахъ ариеметики.

Новаго въ этой морали сравнительно мало. Ни въ одной хорошей школѣ не дадутъ проявляться инстинктамъ спеси богатыхъ дѣтей и не позволятъ имъ свысока относиться къ бѣднымъ за бѣдность. Едва-ли и это можно назвать „новымъ словомъ“ въ педагогическомъ искусствѣ, которое въ первый разъ повѣдала міру Ольга Ивановна.

Но къ этой простой и азбучной истинѣ она примѣшиваетъ большую ложку тенденціи и пристрастія. Дѣти богатыхъ всегда хуже и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи дѣтей бѣдныхъ родителей.

Обильная струя босаяческой и пролетарской морали сквознымъ вѣтромъ носится въ ея педагогической хранилѣ. Только плохой педагогъ всю свою мудрость сводитъ только къ этой грубоватой и во всякомъ случаѣ неумной формулѣ.

И дѣтскія радости отъ дѣтскихъ нарядовъ уже не такой „соціально-

антропологическій“ порокъ, ятобы ополчаться на него съ такою сокрушительною стремительною. Тутъ не одно чванство богатствомъ, а, есть кое-что и другое. Цѣлыми днями говорить только о „калѣкахъ, слѣпыхъ, хромыхъ, уродахъ, больныхъ и т. п.“—едва ли желательно и цѣлесообразно въ школѣ, которая не должна быть домою вѣчной печали и безостановочнаго покаянія.

Это уже слишкомъ прямолинейный ригоризмъ, жесткая помѣсь аскетизма и утопіи.

Если всмотрѣться въ жизнь и дѣятельность не одной Ольги Ивановны, а всей семьи Шаповыхъ, то мы не найдемъ ни такой исключительной силы мысли, ни такого великаго подвига, который бы давалъ имъ право смотрѣть на все окружающее общество, какъ на дикихъ скотовъ, людей допотопной формаціи, двуногихъ животныхъ, недостойныхъ и имени человѣка.

Ни выдающимся ученымъ, ни выдающимся писателемъ Шаповъ не былъ. Мы видѣли его слогъ. Безтолковая терминологія прикрываетъ удивительное убожество и безсиліе мысли. Пухлыя, растянутыя фразы, испеченныя на плохомъ маргаринѣ, похожи одна на другую, какъ пышки въ корзинѣ рыночной торговли. Его литературная карьера кончалась съ полученіемъ гонорара изъ либеральной редакціи за послѣднюю статью.

Откуда-же это самовозвеличеніе, это самопоклоненіе, это самообожествленіе? Неужели смѣшное и наивное повтореніе смѣшныхъ и туманныхъ словъ „соціолого-антропологическій“ даетъ каждой бездарности право на лучшее мѣсто среди владыкъ и боговъ Олимпа?

Дѣла, чувства и мысли Ольги Ивановны, если смотрѣть на нихъ не черезъ розовые очки мужа и единомышленника, еще незначительнѣе, еще зауряднѣе. Преподавала ариметику, читала книжки толстыхъ журналовъ и популярныя книжки, мечтала о несбыточныхъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ ничего не вышло, и представляла изъ себя тотъ общераспространенный элементарный типъ провинціальной нигилистки, который потомъ такъ часто фигурировалъ въ русской беллетристикѣ—то въ вѣнкахъ невянущей славы, то съ растрепанной шевелюрой и обитымъ подоломъ въ реакціонной фотографіи.

Но и она отнята отъ здѣшняго міра, поднята въ область будущаго, возведена въ санъ героини и подвижницы и для нея требуютъ скрижалей исторіи, вѣчной памяти грядущихъ поколѣній.

Это, конечно, одинъ изъ видовъ наследственнаго сумасшествія на почвѣ книжности и отвлеченности. Но въ этой маніи есть одна грубая, отталкивающая черта.

Самообожаніе ведетъ къ такому цинически-безстыдному, откровенно наглому и ни на чемъ не основанному презрѣнію къ окружающему

обществу, которое не может не возбуждать въ здоровомъ человѣкѣ чувства гадливаго отвращенія.

Мы уже видѣли, какъ отдѣльвали супруги Щаповы педагогическій персоналъ женской и „мужской (классической)“ гимназіи. Тѣ, которые не признавали притязательныхъ нигилистовъ полубогами, были ниже уровня разумныхъ существъ.

Вотъ еще одинъ убѣдительный примѣръ, новое доказательство маніи величія.

VI.

Всегда и всегда платонически „кооперативная“, Ольга Ивановна „не разъ энергично порывалась устроить въ Иркутскѣ артель или ассоціацію огородническую или садоводческую“.

„Перебрали мы съ ней тогда всѣхъ мужчинъ и женщинъ, — постоянныхъ иркутскихъ жителей, которыхъ хоть сколько-нибудь знали въ то время. Но ни одной личности не находили подходящей, готовой и способной къ такому социальнo-кооперативному дѣлу. Да и вообще некого было найти. Туземность, можно сказать, полудикарская, полуживотная, положительно была неподготовлена, не развита ни къ чему возвышенно-идеальному.

„Сибиряки и сибирячки, даже наиболѣе образованные или самохвално величавшіеся туземной мѣстной интеллигенціей, всецѣло поглощены были эгоистическими, семейно-родовыми и своекорыстно-скопидомскими интересами. Всецѣло поглощены они были грубо-материалистичнымъ, животное-эгоистическимъ утилитаризмомъ, фатскимъ франтовствомъ, щегольствомъ, жаждой одного наибольшаго полученія денегъ, часто какими-бы то ни было способами, для тщеславно-хвастливой выставки своего скопидомскаго благополучія, всецѣло поглощены были отвратительно-бездушнымъ, пустозвоннымъ, тщеславнымъ либерализмомъ для громко-пустозвоннаго самопрославленія и проч.

„Такіе сибиряки и сибирячки не только не понимали никакой возвышенно-идеальной, социальнo-возродительной инициативы, не только индифферентно, безчувственно и бессмысленно относились ко всякимъ новымъ, возвышенно-умозрительнымъ, антрополого-соціологическимъ идеаламъ, но и зубоскально, насмѣшливо глумились надъ всякимъ малѣйшимъ отступленіемъ отъ ихъ византійско-монгольской рутинно-церемонной уставности и обрядности, а тѣмъ болѣе зубоскально, сплетнически осмѣивали всякую новую, социальнo-преобразовательную идею, чуть только она провозглашалась не въ книгахъ, а на дѣлѣ, съ цѣлью реального социальнo-жизненнаго примѣненія и осуществленія“.

VII.

Вотъ логика, которая, волею карающей Немезиды, распустила свои черныя крылья надъ умами „мыслящей Россіи“. Она мертвой петлей затянула мертвый узелъ психопатической идейности и фальсифицированной научности. Она вселила ненависть ко всякому типическому проявленію реальной жизни, къ пестротѣ и разнообразію бытовой общественной.

Эти кроты ушли въ свои темныя кротовыя норы, отрицали свѣтъ и солнце, отъ которыхъ ихъ глаза были закрыты пленкой, и безсильно злились на все, что не лѣзло въ ихъ норки и жило въ свою голову, а не по книжкѣ.

Это вѣрно, конечно, что провинція была глубоко равнодушна къ вопросамъ общественной жизни. И едва-ли найдется живой человѣкъ, который не тосковалъ и не тоскуетъ объ этомъ. Провинція—спала. Но не для „огороднической ассоціаціи“ надо было ее будить. Весь этотъ „соціолого-антропологическій“ вздоръ—только другая сторона сонливости, безсознательности и празднои лѣни.

Убогою теоріею изъ популярной книжки или газетной статьёй этому горю не поможешь. Пока въ широкихъ потокахъ и разнообразныхъ формахъ личнаго творчества отдѣльныхъ людей съ своимъ словомъ и своею думою, народъ не отвѣтитъ на книжныя бредни холоповъ, подражателей, воровъ чужихъ словъ и оборотовъ рѣчи, безтолковыхъ переводчиковъ „съ иностраннаго“, профессоровъ, заучившихся до столбняка и обморока, поросшихъ щетиною Аладыныхъ, которые, если имъ вѣрить, соряютъ послѣдними словами науки въ каждомъ дешевомъ трактирѣ,—жизнь въ свое русло не войдетъ и первобытное варварство своихъ красныхъ знаменъ не опуститъ.

Но у Шаповыхъ другой мозгъ и другая психологія.

Ему—вообще „никого не найти“ для своего дѣла. Это что-нибудь да значить и объ этомъ слѣдовало бы подумать.

Почему?

Не потому-ли, что задуманное дѣло совсѣмъ не подходитъ къ даннымъ людямъ, къ данному быту, къ совѣсти и привычкамъ людей?

И не потому-ли, что самъ инициаторъ дѣла своего дѣла совершенно не понимаетъ и разводитъ такой туманъ, что всѣ живые и здоровые люди отшатываются отъ дикаго кликушества?

Но самолюбіе не позволяетъ ставить вопросы такъ просто. Каждый думаетъ: дѣло—превосходное и я—лучшій знатокъ и работникъ.

Надъ бѣдными Шаповыми всѣ въ Иркутскѣ смѣялись. И было чему

шосмѣяться. Каждую идею, выкраденную изъ десятыхъ рукъ, они предлагали въ такомъ уродливомъ и утопическомъ видѣ, что здравый смыслъ не могъ безъ хохота видѣть причудливой повадки взъерошенной химеры.

Этотъ смѣхъ не щадилъ идейнаго самолюбія и Нарциссъ, влюбленный въ себя, злился, какъ глупый ребенокъ, когда

Nulli eum juvenes, nullae petiere puellae.

Мнимое величіе непризнанныхъ лавровъ вызывало всѣ горечи обиды и зависти и выливалось въ формахъ презрѣнія, слишкомъ демонстративнаго, и потому явно напускнаго. Это маска неудачи и разочарованія.

Вы не признаете меня великимъ. Хорошо-же. Я признаю васъ скотами.

Но чѣмъ-же ты великъ и славенъ, грозный обличитель, гнѣвъ котораго стынетъ въ своеобразной отрадѣ брани и ругательства?

Это характерная черта не только шаповской биографіи, но и всей русской идейной литературы.

Читая статьи Шапова, мы стоимъ у колыбели того движенія, которое только теперь созрѣло въ окончательной формѣ.

Шаповы полѣзли, какъ клопы, изъ всѣхъ щелей и мало-по-малу овладѣли русскимъ домомъ. Десятками лѣтъ обижаемое самолюбіе вырвалось наружу, полное гнѣва, и жаждетъ мести.

Но клопы боятся мороза, а весна—не единственное время года. Придутъ морозы, русскіе морозы и—клопы снова превратятся въ Шаповыхъ, изъ-за угла показывающихъ кукишь всей и всякой „туземности“.

VIII.

Мы не винимъ Шапова. Это иллюзія двухъ или трехъ поколѣній. Въ свое время она побѣждала, господствовала и торжествовала. Но на немъ такъ легко показать полное несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ русской интеллигенціи, у него такъ прозрачно мнимое презрѣніе ко всѣмъ и всякому, кто не съ нимъ, такъ осязательная идейная нетерпимость, что общія черты почти общаго недуга яснѣе всего проявляются въ его топорной и неуклюжей работѣ.

Теперь сама жизнь даетъ новую и вполне опредѣленную точку зрѣнія на нашихъ теоретиковъ, доктринеровъ и мечтателей. Они еще не перестали мудрить, но скоро перестанутъ. Ихъ мечты вышли на свободу и гуляютъ по рынкамъ. И всѣ видятъ, что это больныя мечты больнаго мозга. Ихъ ждетъ судьба Шаповской „ассоціаціи“ въ Иркутскѣ. Это идейная накипь надъ жизнью, которую потокъ унесетъ

внизъ, когда снесетъ тѣ глыбы и камни, которые съ берегового обрыва свалились на дно и временно загородили дорогу жизненному потоку. Это сны бродячей богемы, которой некуда порой преклонить голову и у которой ни въ жизни, ни въ мышленіи нѣтъ почвы подъ ногами.

Вотъ нѣсколько случайныхъ признаній Щапова, рисующихъ до извѣстной степени будничную атмосферу его семейной жизни.

„При нашей уединенной, замкнутой жизни въ Иркутскѣ, при глубоко́мъ отвращеніи къ иркутскому обществу, не имѣвшему никакихъ высшихъ, серьезныхъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ,— Ольга Ивановна, естественно, никакого другого сочувствія и участія къ себѣ не желала, какъ желала постоянного и самаго тепло-сердечнаго участія къ ней съ моей стороны. Особенно необходимо было это постоянное и живѣйшее участіе въ послѣдніе годы, когда она почти постоянно прихварывала, часто и очень сильно, то головой, то катарромъ желудка, то маточной болѣзью—и потому не могла уже заниматься и уроками, что ее сильно печалило и огорчало, а только и могла читать еще книги, журналы и газеты,—и то всегда лежа и не очень напряженно и долго, съ перерывами“.

„И вотъ меня теперь страшно мучить, сокрушаетъ и убиваетъ именно то, что я, по своимъ всежизненнымъ кабинетно-литературнымъ работамъ, при постоянной необходимости умственнаго самоуглубленія для обдумыванія тѣхъ или другихъ вопросовъ въ области своихъ изслѣдованій и литературныхъ статей, при постоянной проклятой необходимости торопиться писать, переписывать и отправлять въ Питеръ статьи для обезпеченія нашего насущнаго проживанія въ Иркутскѣ, часто невольно оказывался какъ-будто безучастнымъ къ скорбнымъ состояніямъ духа моей многострадальной и многодумной Оленьки. Часто, бывало, я пишу статью или спѣшу рѣшить, изслѣдовать какой-нибудь вопросъ, а сердце во мнѣ такъ и ноетъ и подсказываетъ мнѣ: она, бѣдная, скорбитъ, скучаетъ одна безъ дѣла; надо поскорѣе оторваться отъ своего стола и идти побесѣдовать съ ней.“

„Но опять—и работать-то, и писать-то, и переписывать статья скорѣе надо, даже изъ-за куска хлѣба, изъ-за долговъ надо. И такъ вотъ часто бывало, невольно замѣшкаешься подойти къ ней, разсѣять ея скорбь, скуку, чувство страданія или вообще хандристое, тяжелое психическое состояніе, либо не очень долго посидишь съ ней, спѣша къ своему дѣлу, къ кабинетному столу“.

IX.

Еще нѣсколько бытовыхъ черточекъ.

Она „все только читала книги, никуда не выѣзжала въ общество, не любила нарядовъ, не имѣла даже ни одного порядочнаго платья, все ходила почти въ одномъ и томъ-же очень неизящномъ починенномъ платьѣ, смѣняя его только для чистоты, которую она въ высшей степени любила соблюдать“.

„Ольга Ивановна только и желала и для себя, и для меня завести и поддерживать знакомство и сообщество съ одними лучшими людьми изъ политическихъ и государственныхъ ссыльных“.

Но эти случайные гости Сибири жили въ Иркутскѣ не долго и скоро исчезали.

„Только мы,—Оленька и я,—съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ—безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ, постоянно вздыхая и печалась о томъ, какъ-бы и чѣмъ-бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ-бы и чѣмъ-бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, какъ-бы замѣнить повымъ—до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ-бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, печалась и вздыхая обо всемъ этомъ изъ-за того, какъ-бы хоть сколько-нибудь поспокойнѣе углубиться въ свои умственные занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки моей и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное“!

Затѣяли было Шаповы у себя „читальные вечера“.

„Но независящія отъ насъ обстоятельства, частью отсутствіе научно-развитыхъ людей, которые могли-бы сдѣлать наши чтенія дѣйствительно полезными, развивающими, образовательными, — частью наибольшая склонность имѣющихся въ виду личностей къ увеселительнымъ развлеченіямъ и пустымъ легкимъ разговорамъ,—а частью, наконецъ, и наша экономическая несостоятельность издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія чайныя чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей,—вотъ всѣ эти обстоятельства приостанавливали мысли и желанія Ольги Ивановны, хотя мы и потомъ все надѣялись осуществить ихъ“.

X.

Такая семейная обстановка до известной степени объясняетъ и, пожалуй, оправдываетъ міровоззрѣніе біографа и его мысль.

Это богема по случайности и по естественному складу темпераментовъ. Это кукушка, которая отдыхъ находитъ только случайно, часто только въ чужомъ гнѣздѣ. Своего дома безпріютные странники не любили, да и любить было не за что. Приходилось много работать и работа была не по душѣ, спѣшная, вынужденная и неотсрочная. Съ окружающимъ обществомъ—ничего общаго. Все чужое,—довольное своей жизнью, занято своими дѣлами.

Бѣдно, сиротливо, неуютно, ничего постоянного и прочнаго.

И отъ этой сѣрой непривѣтливой дѣйствительности мечта рвется въ даль, далеко...

Куда? Но развѣ есть предѣлъ мечтательной фантазіи, которая не считается ни съ живыми людьми, ни съ земными условіями?

„Пусть ненужное, тяжелое, неныносимо-страдальческое, изболѣвшее тѣло твое, моя многострадальная, но и многоутѣшно-пророчесвенная Оленька, пусть оно тлѣетъ въ землѣ. Но твоя высоко-развитая нервная сила, частичка человѣческой, высоко-развитой и еще болѣе развивающейся нервной силы, твое сознаніе—искорка обще-человѣческаго, научно-профетическаго, антрополого-соціологическаго сознанія, многознаменательная, истинно-человѣчественная жизнь твоей души, твоей мысли, твоего чувства, твои возвышенно-соціальные гуманные желанія, порыванія и стремленія, твои антрополого-соціологическіе идеалы, убѣжденія, чувства и вѣрованія—они всѣ нетлѣнны, вѣчно передаваемы, они всѣ со мной, слились съ моей нервной силой, съ моимъ сознаніемъ, съ моими идеалами, чувствованіями, убѣжденіями, вѣрованіями и стремленіями, для передачи Великому Будущему. Они—нетлѣнная частичка, нетлѣнный атомчикъ жизни будущаго, лучшаго человѣчества“.

Пусть будетъ утѣшеніемъ и это, если нѣтъ другого утѣшенія. Мы видимъ, что прошлое умираетъ почти безслѣдно. Не многія имена звучатъ до насъ сквозь рядъ вѣковъ. Забыто многое, что казалось достойнымъ долгой памяти. Не дошли до насъ рѣчи крупныхъ, сильныхъ, умныхъ и смѣлыхъ людей, которые дѣлали большія дѣла, воля и мысль которыхъ оказали въ свое время огромное вліяніе на жизнь.

Они умерли—и они забыты. Человѣческая память—коротка.

„Листьямъ древеснымъ подобны сыны человѣковъ“.

Осенняя листва—опала. Весною деревья покроются новою листвою.

Листва—погибла. Но для дерева—ничего не погибло. Новой весной оно снова свѣжо и зелено.

Но вѣра въ безсмертіе не въ иномъ мірѣ, а въ памяти вѣковъ и поколѣній всегда имѣла и имѣетъ чарующую силу надъ сердцемъ человѣка.

И Шаповъ вѣрилъ въ свое и женино безсмертіе въ памяти людей.
Счастливыи сонъ!

Но за что не забудутъ его тѣ люди, среди которыхъ онъ жилъ?
Что онъ сдѣлалъ для нихъ? Были-ли у него добрыя дѣла и добрыя
чувства?

Нѣтъ, онъ ихъ не любилъ. Нѣтъ, онъ ихъ ненавидѣлъ, страстною
непримиримою ненавистью. Онъ презиралъ ихъ и не видѣлъ въ нихъ
ни образа Божьяго, ни образа человѣческаго.

Будутъ-ли они говорить о немъ своимъ дѣтямъ и внукамъ?

Но за что имъ вспоминать о человѣкѣ, который имъ казался смѣш-
нымъ и жалкимъ?

Или дѣйствительно есть или будетъ „антрополого-соціалистическое“
помянанье, въ которое записываютъ всѣхъ „кооперативно-мыслящихъ“
людей?

Такого помянанья до сихъ поръ не было. Его и не будетъ. Случи-
лось неожиданное и страшное событіе: слова „антрополого-соціалисти-
ческой“ потеряли свое магическое значеніе. Теперь идетъ только
„идейное“, только „идейность“. Отзвучить и это слово. Найдутъ дру-
гое. Упадутъ на землю и сгніютъ и эти листья.

Дерево—останется.

Бѣдный Шаповъ! Бѣдная Ольга Ивановна!

Н. Пустынникъ.

Церковь и смертная казнь.

Недавно въ „Странѣ“ (№ 101) г. А. Карташевъ въ статьѣ: „Цер-
ковь и убійства“ откликнулся на злобный вопросъ нашего времени
объ отношеніи Православной Церкви къ смертной казни.

Отъ богослова, бывшаго преподавателемъ духовной академіи, мы
вправѣ были ожидать вдумчиваго отношенія къ данному вопросу,
строго-объективнаго рѣшенія его. Но, къ сожалѣнію, каскадные нравы
поломили многихъ изъ нашихъ богослововъ. Послѣдніе частенько
стали пописывать въ прессѣ и обсуждать въ разныхъ комиссіяхъ
сложные и вѣками нерѣшенные вопросы примѣнительно къ живот-
нымъ инстинктамъ толпы. Получилось отвратительнѣйшее изъ зрѣ-
лищъ, какія когда-либо созерцалъ человѣкъ: ученый пошелъ на
службу улицѣ... Улица стала великой госпожей: она пляшетъ и пля-
шетъ властно, а ученый, ея „наймитъ“, ей подыгрываетъ, — онъ ея
музыкантъ!..

Въ роли такого музыканта выступилъ въ „Странѣ“ и г. Карта-
шевъ. И у него паюсъ героевъ „свободной“ улицы, инсинуаціи рус-

ской монополюшки, которая не щадятъ ни логики, ни имени, будь то самъ о. Кронштадтскій (уважаемый пастырь является у г. Карташева „полицейскимъ урядникомъ отъ своего чрева“!.. Замѣчательная логика: *полицейскій* урядникъ, но отъ *своего* чрева?! Это уже подражаніе Бальмонту съ его чихающимъ на затылкѣ носомъ!..), грубо-наивная самомнительность „мостовыхъ“ вершителей судебъ Россіи, жонглерство мыслями и т. под... А сверхъ всего, поразительная пустота митинговыхъ болтушекъ, прикрытая трескучими фразами изъ лексикона „подъангличанившихся трудовиковъ“ и трогательно-наивное самосѣченіе.

Съ умиленіемъ г. Карташевъ цитируетъ слова „преданныхъ сыновъ Церкви“, которые съ ребяческихъ задоромъ требовали отъ нея, чтобы она немедленно побудила гражданскую власть вложить мечъ въ ножны и не отмщать мечомъ дѣлающимъ злое; чтобы она заявила, что „смертная казнь, а тѣмъ болѣе разстрѣлы безъ суда (значить, по приговору суда можно убивать? Еще-бы, но только по приговору *революціоннаго* суда?! Противъ звѣрствъ революціи и г. Карташевъ не протестуетъ вмѣстѣ съ „преданными сынами церкви“...) — противны ученію Христа, что убійцы и насильники (читай: предержанія власти) не имѣютъ права быть членами Христовой Церкви, доколѣ не простятъ имъ этого смертнаго грѣха (а какъ-же въ Писаніи сказано, что о прощеніи *смертнаго* грѣха и молиться нельзя, такъ какъ онъ не простится?.. Очевидно, зарпортовались „необогословы“!)...

Скорбитъ г. Карташевъ, что голосъ „преданныхъ сыновъ Церкви“ остался „вопіющимъ въ пустынѣ“. И вотъ онъ обрушивается на Церковь! Но не имѣя прямыхъ данныхъ для ея обличенія, онъ на мѣсто Церкви подставляетъ „духовныя изданія“, которыя высказались въ нежелательномъ для него смыслѣ по вопросу о смертной казни. Нечего сказать, хорошъ литературный приѣмъ!.. Особенное вниманіе г. Карташевъ остановилъ на нашей статьѣ: „Къ вопросу о смертной казни“ („Миссион. Обозр.“ Май, 1906 г.). Ругнувъ прежде по бурсацкому „звучаю“ и для вящей убѣдительности своихъ рацей редактора „Мисс. Обозр.“, г. Карташевъ безцеремонно выдернулъ нѣсколько строкъ изъ нашей статьи и вышло, что у насъ „центральнымъ защитникомъ убійства является Самъ Христосъ“! Эффектно! Но за то возмутительно лживо!.. Впрочемъ, у каскадныхъ критиковъ и то, и другое въ великомъ почетѣ и упрекомъ во лжи ихъ не примешь.. Вѣдь вся ихъ „прелесть“, все ихъ „обаяніе“—это цѣлая сѣть, сплетенная изъ лжи и подтасовокъ. Еслибы г. Карташевъ добросовѣстнѣ процитировалъ нашу статью, написанную и по его словамъ „старательно“, то онъ-бы преподнесъ читателямъ „Страны“ и наши заключительныя слова въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ мы отдѣльно указали обя-

занность пастырей Церкви по отношенію къ преступникамъ: „и вотъ, въ оказаніи дѣлъ „милости“ къ преступникамъ и заключается святѣйшая обязанность пастырей Церкви“ (см. стр. 9-ю отдѣльно изд. брошюры).

Но, очевидно, не въ дѣляхъ гг. Карташевыхъ писать, какъ говорится, по совѣсти... Они призваны служить улицѣ... Въ жертву ей они приносятъ все. Помню, какъ этотъ-же г. Карташевъ пренаивно заявлялъ въ „Религіозно-философ. собраніяхъ“, что Христосъ „бралъ въ руки веревку собственно ради четвероногихъ“!.. Но все-же тогда у него еще хватало прежней доблести заявить, что „мы кончаемъ наши пренія, строго говоря, не разрѣшивъ вполнѣ поставленнаго вопроса“. Теперь-же для гг. Карташевыхъ все „легко“, все „ясно“!..

И эта „легкость“, эта „ясность“ сказалась особенно въ разбираемой нами статьѣ. Самъ того не замѣчая, г. Карташевъ прекрасно опровергъ самого себя и далъ поучительный урокъ „преданнымъ сынамъ Церкви“. А это вполнѣ возможно, когда для критика *все „ясно“, все „легко“!*..

Начавъ статью съ упрека Православной Церкви, что она открыто не высказалась въ пользу „преданныхъ сыновъ“ ея по вопросу о смертной казни, но „позорно молчала“, г. Карташевъ кончаетъ ту же статью чисто-профессорскимъ разсужденіемъ, въ которомъ доказываетъ, что подобныя требованія по самому существованію ихъ *не могутъ быть предъявлены* къ Православной Церкви!..

„Нельзя ей (Церкви), пишетъ г. Карташевъ, навязать гуманитарныхъ идеаловъ до конца, до ихъ корней, ибо тутъ двѣ разныхъ, диаметрально противоположныхъ метафизики. „Одна исходитъ изъ принципиальнаго равнодушія къ жизни, другая—изъ принципиальной, абсолютной любви къ ней. Въ самомъ лучшемъ случаѣ можно „оттереть“ церковь отъ ея жестокосердія настолько, что она не будетъ благословлять убійствъ, но найти въ ней активнаго соратника въ борьбѣ за „право на жизнь“—простодушная ошибка гуманистовъ, не знающихъ интимныхъ глубинъ церковнаго самосознанія. Церковь принципиально пассивна (аскетична) въ отношеніи къ благамъ жизни и къ самой жизни и потому можетъ мириться со всѣми ея ужасами, не имѣетъ абсолютныхъ, религіозныхъ мотивовъ къ энергичной борьбѣ съ ними. Да и самая психологія борьбы ей чужда: къ аскетичности, какъ ея родная сестра, неразрывно примыкаетъ покорность наличной власти, неистребимая въ церкви. Вотъ гдѣ источникъ всяческой и постоянной „черносотенности“ Церкви даже въ лицѣ ея свѣтилъ, духовныхъ талантовъ и святыхъ. Церковь разорвать съ этимъ не можетъ по долгу своей совѣсти, не можетъ нарушить торжества своей глубочайшей традиціи. Не слѣдуетъ напрасно и „выколачивать“ изъ

нея то, чего въ ней нѣтъ, нужно оставить ее въ покоѣ, не понуждать къ измѣнѣ себя самой. Если-же нужна человечеству церковь, религіозно и активно культивирующая жизнь, любящая космосъ, то эта, возможная на основѣ чистаго и еще не раскрытаго до конца евангелія, церковь будетъ уже не православная церковь. Только въ этой церкви будущаго и могутъ найти себя разрѣшеніе и утоленіе всѣ, слышанные нами вопли вѣрующихъ душъ, обреченныя теперь на беззвѣтное замираніе въ пустынѣ православія“.

Вотъ это—настоящая „медвѣжья услуга“ со стороны г. Карташева какъ самому себя, такъ равно и воспѣтымъ имъ „преданнымъ сынамъ“ Православной Церкви и всѣмъ прочимъ, кто требовалъ отъ нея громкаго и грознаго осужденія смертной казни и вообще наказаній особенно за политическія преступленія. Оказывается, что Правосл. Церковь и не можетъ произнести такого осужденія по „долгу своей совѣсти“, во имя „торжества своей глубочайшей традиціи“; что подобное осужденіе было-бы со стороны Церкви „измѣной себя самой“ и противорѣчило-бы „интимнымъ глубинамъ церковнаго самосознанія“.

Всѣ подобнаго рода требованія, по мнѣнію г. Карташева, должны быть направлены по адресу *другой* Церкви, *но не Церкви Православной*. И эта другая Церковь—„церковь будущаго“, имѣющая быть основанной на „еще не раскрытомъ до конца Евангеліи“ (но откуда-же тогда г. Карташевъ знаетъ, о чемъ скажетъ еще не раскрытый конецъ Евангелія?!). Словомъ, вопли господь и отцовъ противъ смертной казни должны быть направлены въ туманную даль, къ лику еще неявленной міру Церкви, о которой лепечетъ намъ г. Карташевъ жалко копируя талантливаго Д. С. Мережковскаго. А пока, живя въ лоноѣ Православной Церкви, мы не имѣемъ права выступать съ требованіями объ отмѣнѣ смертной казни въ нашемъ законодательствѣ; иначе мы, какъ поучаетъ насъ „Страна“, толкнемъ Церковь на измѣну себя самой.

Такъ-бы и давно надлежало высказаться публицистамъ „Страны“, а не пускаться въ перебранку съ духовными журналами, которая, какъ видимъ, привела г. Карташева къ самосѣченію.

И. Мариупольскій.

Архимандритъ Ѳеодоръ (А. М. Бухарева). О православіи въ отношеніи къ современности.

Въ книгѣ А. М. Бухарева, (бывш. архимандира Ѳеодора), подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ 4 главы,—1-я трактуетъ о дванадцятихъ церковныхъ праздникахъ, 2-я о современности въ отношеніи къ православію, 3-я озаглавлена такъ: „Образъ возрѣнія и жизни ветхозавѣтнаго человѣка“, наконецъ, 4-я говоритъ о Моисеевомъ законодательствѣ. Въ книгѣ ясно отпечатлѣлись достоинства и недостатки богословскаго мышленія Бухарева. Современная Бухареву богословская наука отличалась сухостью и схоластичностью. Богословы, шедшіе противъ теченія, выступавшіе изъ общепринятыхъ схоластическихъ рамокъ (напр. Иннокентій Борисовъ, Іоаннъ Смоленскій, Никаноръ Бровковичъ), подвергались тогда преслѣдованію и разнымъ неприяностямъ. Архим. Ѳеодоръ въ своемъ богословствованіи явился живымъ оппонентомъ по отношенію къ современной ему схоластикѣ. Его богословскія идеи были имъ глубоко продуманы, прочувствованы и пережиты. Богословскія построенія и разсужденія Бухарева являются результатомъ его личнаго психологическаго опыта, а отнюдь не диалектическаго процесса, какъ у другихъ тогдашнихъ богослововъ. Въ этомъ отношеніи произведенія г. Бухарева могутъ оказаться не безполезными и для нашего времени, когда явились „новопутьцы“ съ своеобразными приѣмами богословствованія (приводящими ихъ часто до абсурдныхъ выводовъ), особенно при обсужденіи пунктовъ касательно „святой плоти“ взаимоотношеній христіанства и язычества, христіанства и культуры и т. д. Извѣстный знатокъ личности Бухарева и его произведеній проф. П. Знаменскій въ своей вступительной статьѣ въ означенной книгѣ говоритъ. „Въ настоящее время извлечь изъ мрака забвенія А. М. Бухарева будетъ дѣломъ весьма великимъ и благовременнымъ, тѣмъ болѣе, что вся система его нравственныхъ возрѣній отличается рѣдкою всесторонностью, всепримиряющимъ характеромъ и главное—безукоризненно православнымъ направленіемъ“. Въ заключеніе нашей статьи приведемъ слѣдующее мѣсто изъ книги А. М. Бухарева, гдѣ онъ, разсуждая объ обязанности каждаго православнаго ревновать о православіи, здѣсь же и предостерегаетъ отъ ревности фанатичной, неразумной. „Подобно св. мученикамъ и исповѣдникамъ, будемъ мужественно и безбоязненно, съ ревностію стоять за истину Христову противъ лжи іудейства и язычества, духовно приражающейя и къ христіанамъ, но вмѣстѣ будемъ, подобно тѣмъ же добропобѣднымъ мученикамъ, одушевляться духомъ любви Христовой къ грѣшному и погибающему человѣку,—будемъ духовно шадить и миловать человѣка и въ іудеѣ, и въ невѣрномъ... Не похвально и для дѣла спасенія души не безопасно, если, ратуя противъ вторгающагося и въ міръ христіанскій духовнаго язычества, пренебрежемъ духа человѣколюбія Христова... Тутъ дѣло уже не въ частныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, а въ опасности отчужденія отъ духа истины и благодати Христовой, безъ котораго нельзя и самому спастись и способствовать спасенію другихъ, а, пожалуй, еще будешь давать самую свою ревностію, неразумною, только поводъ къ раз-

нымъ хуламъ на православное христіанство... Страшно, если именно такимъ образомъ будетъ исполняться надъ нами слово Божіе: *васъ ради присно имя Мое хулется во языцѣхъ* (Ис. 52, 5)". Эти слова А. М. Бухарева и для современныхъ ревнителей православія могутъ имѣть не маловажное значеніе, какъ путеводная звѣзда для ихъ дѣятельности. Въ общемъ книжка А. М. Бухарева читается съ интересомъ; впрочемъ, попадаются мѣста, проникнутыя крайнимъ и, если можно такъ сказать, слащавымъ мистицизмомъ, съ разнаго рода „умиленіями“, „воздыханіями“ и т. под., производящія на рядового читателя не то впечатлѣніе, на какое они рассчитываютъ.

Архим. Александръ.

Протоіерей А. П. Мальцевъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границею, съ 86 рисунками. Справочникъ съ календаремъ на 1906 годъ. Цѣна 2 рубля. СПБ. 1906 года. Продается въ книжныхъ магазинахъ Тузова, Новаго Времени и др.

Уже давно въ нашей литературѣ ощущался серьезный недостатокъ въ такой справочной книжкѣ, гдѣ бы были собраны свѣдѣнія и разнаго рода статистическія данныя о нашихъ заграничныхъ дипломатическихъ и духовныхъ миссіяхъ. Русскій человекъ, пріѣзжая въ тотъ или иной видный заграничный городъ, почти постоянно имѣетъ нужду обратиться за какими-либо свѣдѣніями въ находящееся тамъ русское консульство, а также имѣетъ обычно нужду, особенно живо ощущаемую на чужбинѣ, помолиться въ православномъ храмѣ (если онъ имѣется въ данномъ заграничномъ городѣ). Но какъ отыскать ему, за границей наши русскія учрежденія?—Вотъ здѣсь-то и будетъ для него прекраснымъ и, даже болѣе, незамѣнимымъ кормчимъ книга почтеннаго о. протоіерея Мальцева. Въ данной книгѣ русскій человекъ быстро отыщетъ все, что ему нужно, тѣмъ болѣе, что всѣ свѣдѣнія о заграничныхъ миссіяхъ и церквахъ расположены здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются здѣсь свѣдѣнія касательно историческаго прошлаго той или другой заграничной, какъ дипломатической, такъ и духовной миссіи. Значить, при помощи книги о. прот. Мальцева можно быть сразу „въ курсѣ дѣла“ касательно нашихъ заграничныхъ учрежденій. Данная книга является вполне необходимою вещью для нашей публики, а посему и продается не только въ книжныхъ магазинахъ, но и на большихъ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ, эта книга прочтется съ интересомъ и тѣми, кто не собирается ѣхать „заграницу“, а лишь желаетъ ознакомиться съ исторіей и устройствомъ нашихъ заграничныхъ дипломатическихъ и духовныхъ миссій.

Архим. Александръ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Омскіе миссіонерскіе курсы для пастырей.—Публичная проповѣдь штунды въ Омскѣ и Одессѣ.—Взглядъ сектантовъ на открывшійся періодъ религіозной свободы.—Изъ отчета миссіонера Вятской епархіи.—Къ вопросу о миссіонерскомъ дѣлѣ.

На страницахъ „Мисс. Обзор.“ не разъ указывалось на пользу краткосрочныхъ повременныхъ миссіонерскихъ курсовъ не только для мірянъ-начетчиковъ, но и для самихъ приходскихъ пастырей и членовъ клира. Пастырскіе миссіонерскіе курсы—дѣло новое. Первые опыты его сдѣланы были только два—три года назадъ въ кievской епархіи. Съ благословенія высокопреосвященнаго митрополита Флавіана, починъ въ устроеніи пастырскихъ миссіонерскихъ курсовъ сдѣлалъ почтенный кievскій миссіонеръ о. *Савва Потѣхинъ*, человекъ, сколько живой и чуткій къ нуждамъ миссіи, къ духу и требованіямъ времени, столько же и талантливый и опытный въ дѣлѣ миссіи. Докладъ о. Потѣхина на областномъ миссіонерскомъ прошлогоднемъ одесскомъ сѣздѣ объ организаціи пастырскихъ миссіонерскихъ курсовъ и о благоплодныхъ результатахъ этого новаго дѣла въ кievской епархіи обратилъ вниманіе дѣятелей миссіи. И вотъ одинъ изъ членовъ одесскаго сѣзда, работающій на далекой окраинѣ, омскій миссіонеръ Ливановъ не преминулъ воспользоваться рекомендованной сѣздомъ новой мѣрой для поднятія дѣла миссіи среди мѣстнаго духовенства. Встрѣтивъ архипастырское сочувствіе и полное содѣйствіе со стороны мѣстнаго владыки, преосвященнаго Гавріила, почтенный миссіонеръ устроилъ въ истекшемъ іюнѣ миссіонерскіе курсы въ Омскѣ. Курсы происходили въ теченіе 12 дней съ 12—24 іюня. Судя по отчету мѣстнаго епархіального органа, открытіе курсовъ обставлено было, какъ нѣкое церковное торжество, привлекавшее не только участіе духовнаго начальства, но и самой высшей въ краѣ свѣтской власти, генераль-губернатора, вниманіе котораго къ святому дѣлу миссіи православія на окраинѣ весьма цѣнно и дѣлаеть честь высокому представителю власти.

Послѣ молебна, отслуженнаго его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Гавріиломъ въ кафедральномъ Соборѣ 12 іюня въ 11 часовъ

дня, всѣ прїѣхавшіе изъ епархіи, посланные благочиніями слушатели, вольнослушатели, градо-омское духовенство и благочестивые міряне собрались въ зданіи женской гимназіи на открытіе курсовъ.

Въ 12 часовъ прибыли въ гимназію преосвященный Гавріилъ и его превосходительство, временный генералъ-губернаторъ.

Хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ пропѣлъ „Царю Небесный“ и владыка предложилъ вниманію собранія назидательную рѣчь.

Въ рѣчи владыка высказалъ много поучительнаго вообще для пастырей и миссіонеровъ; въ частности между прочимъ онъ отмѣтилъ, что съ изданіемъ манифеста 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, настало для православной Церкви тяжелое время, требующее напряженія духовныхъ силъ со стороны духовенства. Но оно не страшно только тогда, когда это время застанетъ насъ соединенными въ однообразный религіозный укладъ. Крѣпкія единодушіемъ силы, въ дѣйствіи тѣхъ или другихъ лицъ, выдержатъ всѣ бури, которыя вызываюся въ православномъ народѣ *лжеименнымъ разумомъ* (I Тим. 6, 21) и хитросплетеніями. Нынѣ раздаются голоса и въ печати и на пастырскихъ собраніяхъ, что миссіонерская дѣятельность въ той или иной епархіи, гдѣ есть сектанты разнаго рода, не удовлетворяетъ требованіямъ возстающихъ на православную Церковь, что для каждаго прихода, гдѣ обитаютъ *овцы отъ иного двора* (Ев. Іоан. 10, 16), нуженъ миссіонеръ-пастырь въ своемъ приходѣ, назидающій и облачающій отпадающихъ своихъ прихожанъ отъ праваго и истиннаго пути христіанской жизни,—но осуществить такое „благопоспѣшество“ среди приходскаго духовенства въ дѣйствованіи на уклоняющихся въ ту или другую ересь еще долго не придется; и это потому, что самое возникновеніе движеній сектантскихъ или раскольническихъ, по большей части, есть плодъ неудовлетворительности приходскаго пастыря или самаго прихода. Поэтому прошлогодній сѣздъ духовенства омской епархіи пришелъ къ пожеланію, чтобы хотя нѣкоторые изъ пастырей въ приходѣ которыхъ появились сектанты, или раскольники, или гдѣ многіе изъ пасомыхъ склонны перейти на пажитъ сектантовъ, познакомились съ тѣми приѣмами и способами вести борьбу съ еретиками и отражать ихъ злоухищренія на пажити своихъ овецъ. Для такой цѣли омскій прошлогодній сѣздъ духовенства ассигновалъ на предстоящіе курсы достаточную сумму. Указавъ, что „компетентные и опытные миссіонеры, передовые борцы за вѣру и руководители приходскихъ пастырей въ борьбѣ съ сектантами и раскольниками совѣтуютъ, въ видахъ лучшей постановки миссіонерскаго дѣла среди сектантовъ и раскольниковъ, учреждать періодическіе епархіальные сѣзды для священниковъ, въ паствѣ которыхъ находятся овцы *отъ иного двора*—владыка разъяснилъ отцамъ-курсистамъ, что они собра-

лись, дабы подь руководствомъ опытныхъ лицъ уразумѣть, какъ отражать назрѣвшія нужды въ дѣйствованіи среди еретиковъ и оказывать противодѣйствіе имъ, т. е. болѣе основательно пригтовиться къ требуемой жизни живой и опредѣленной работѣ. Преподавъ курсистамъ наставленіе о наилучшихъ способахъ пастырско-миссіонерскаго дѣйствованія, владыка замѣтилъ, что хотя съ появленіемъ отъ 17 апрѣля 1905 г. манифеста о вѣротерпимости православіе начало коегдѣ терпѣть утрату въ количествѣ душъ, нѣкогда истинно вѣрующихъ, но за то оно возмѣщается оживленіемъ вѣры въ самой православной средѣ.

Обращая вниманіе дѣятелей миссіи на то, что „у разнаго рода сектантовъ проявляется вѣра хотя и дикая, но не поддѣльная и живая, воодушевленіе хотя и иступленное, но могучее и сердечное, любовь хотя и страстная, но самоотверженная и искренняя“, владыко справедливо замѣтилъ, что эти живыя и мощныя силы потребуютъ отъ православныхъ миссіонеровъ-пастырей и учителей равныхъ, если не болѣе мощныхъ и живыхъ противосиль, чтобы подкрѣпить и предохранить отъ сектантскаго *лжеименнаго разума* (2-е Тим. 2, 15) русскій религіозный народъ и православное общество; эти мощныя силы потребуютъ отъ пастырей и миссіонеровъ неустанной борьбы для вразумленія *безчинныхъ, утѣшенія малодушныхъ и долготерпѣнія ко всѣмъ*; а потому со всякимъ тщаніемъ нужно будетъ *облещись* вамъ во оружія Божія, въ *щитъ вѣры*, въ *броню правды* и *шлемъ спасенія* (1 Еф. 6, 14) и тѣмъ сохранить познанную вѣру среди сомнѣній и невѣрія.

Несмотря на многопредметность рѣчи, приверженность преосвященнаго оратора къ отживающей нынѣ проповѣднической традиціи механическаго библеизма, рѣчь архипастыря несомнѣнно углубила вниманіе слушателей къ дѣлу миссіи.

Послѣ рѣчи владыки, пѣвчіе исполнили концертъ Бортнянскаго: „Господи, услыши молитву мою“. Затѣмъ епархіальный миссіонеръ И. А. Ливановъ сказалъ живую и весьма содержательную рѣчь о лукавствѣ сектантства и о задачахъ курсовъ.

Пѣвчіе еще пропѣли концертъ: „Утоли болѣзнь“, и была объявлена программа курсовъ.

Преподавъ всѣмъ слушателямъ архипастырское благословеніе и распросивъ каждого о мѣстѣ жительства, владыка отбылъ въ свою квартиру. Въ продолженіе курсовъ его преосвященство нѣсколько разъ присутствовалъ на утреннихъ занятіяхъ курсистовъ и принималъ участіе въ сужденіяхъ по разнымъ вопросамъ.

На вечеръ того же дня (съ 5 до 8 часовъ) были назначены первыя занятія.

Изъ приглашенныхъ лекторовъ пріѣхалъ одинъ только казанскій епархіальный противораскольнический миссіонеръ М. М. Васильевскій; приглашенный лекторъ кіевскій епархіальный миссіонеръ священникъ Савва Потѣхинъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не явился на курсы. Его замѣнили мѣстные миссіонеры и пріѣхавшій слушатель на курсы томскій епархіальный миссіонеръ священникъ П. Смирновъ.

Всѣхъ постоянныхъ слушателей на курсахъ было до 45 человекъ. Изъ нихъ 23 человека посланные отъ благочиній (въ томъ числѣ два уѣздныхъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ) и 22 вольнослушатели. Священниковъ слушателей было 30 человекъ, 5 діаконъ, 5 псаломщиковъ, 4 учителя и 1 учительница министерской школы. Кромѣ постоянныхъ слушателей были случайные посѣтители лекцій и бесѣдъ, такъ какъ всѣмъ желающимъ представлялась возможность бывать на курсахъ.

Отрадно было видѣть въ числѣ слушателей 5 человекъ священниковъ и одного отца діакона, прибывшихъ вольнослушателями на курсы изъ отдаленнѣйшаго благочинія епархіи (за 800 верстъ отъ Омска), не жалѣя ни времени, ни денегъ, ни спокойной домашней жизни, съ единственною цѣлью -- обогатиться миссіонерскими знаніями, въ виду надвигающейся на православную Церковь, и въ частности, на нашу епархію, тучи сектантства, въ формѣ баптизма, штунды, молоканства, субботничества и т. п. сектъ.

Напротивъ, грустно было вспоминать тѣ пять благочиній (въ ихъ числѣ и киргизская миссія), которые не нашли въ своей средѣ даже по одному слушателю и на бесплатное содержаніе и на казенные прогоны, ссылаясь преимущественно на то, что имъ не приходится имѣть дѣло ни съ раскольниками, ни съ сектантами...

12 іюня на вечернихъ занятіяхъ прибывшій лекторъ М. Н. Васильевскій познакомилъ слушателей съ внѣшнимъ правовымъ положеніемъ и внутреннимъ состояніемъ старообрядчества въ настоящее время.

Градо-омскій миссіонеръ священникъ М. Орловъ изложилъ исторію и вѣроученіе сектантской штунты, штундо-баптизма и баптизма.

Епархіальный миссіонеръ И. А. Ливановъ охарактеризовалъ состояніе мѣстнаго сектантства, изложилъ исторію и вѣроученіе молоканства и указалъ лучшія произведенія противосектантской литературы.

Съ 13 до 24 іюня занятія шли ежедневно утромъ съ 9 до 2 час. и вечеромъ съ 5 до 8. Состояли они въ слушаніи чтеній лекторовъ, въ обмѣнѣ мнѣній по поводу прочитаннаго, въ разъясненіи всякаго рода недоумѣній изъ области расколо-сектантской полемики, въ суж-

деніяхъ о лучшей постановкѣ приходской и епархіальной миссіи, преподаванія Закона Божія и т. д.

Дѣятельное участіе въ сужденіяхъ по вопросамъ миссіонерскаго характера принималъ епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ о. Дм. Садовскій.

Послѣ ужина иногда участниками курсовъ устраивались между собой примѣрныя бесѣды по разнымъ пререкаемымъ сектантами и раскольниками вопросамъ.

Кромѣ бесѣдъ курсисты, благодаря общежитію, имѣли возможность дѣлиться впечатлѣніями и недоумѣніями до глубокой ночи. 24 іюня послѣ литургіи въ кафедральномъ соборѣ преосвященный владыка въ сослуженіи съ о. о. курсистами вознесъ Господу Богу благодарственный молебенъ, послѣ котораго всѣ слушатели, члены комиссіи по устройству курсовъ и лекторы собрались въ общежитіи гимназіи на трапезу, во время которой изъ многочисленныхъ рѣчей выяснилось, насколько полезны и своевременны были только что кончившіеся миссіонерскіе курсы.

Въ то время, когда въ залѣ гимназіи происходили курсы православныхъ миссіонеровъ, мѣстные штундисты или баптисты устроили въ циркѣ-театрѣ Сичкарева публичныя молитвенныя собранія, на которыя баптисты приглашали „почтенную публику“ и которыя дѣйствительно посѣщались ежедневно публикой, особенно вечерами съ 8 до 10 час. Собранія эти баптистами устраивались съ 10 до 25 іюня и состояли главнымъ образомъ изъ проповѣдей и рѣчей пріѣзжихъ проповѣдниковъ. Конечно, слушатели курсовъ не преминули посѣщать эти собранія и воочію убѣдились, съ какими врагами православной Церкви придется имѣть дѣло всѣмъ пастырямъ омской епархіи... Въ противовѣсъ открытой сектантской пропагандѣ епархіальный и градской миссіонеры провели 5 публичныхъ бесѣдъ противосектантскаго характера.

Вѣроученіе сектантовъ, обычно, видоизмѣняется въ своихъ частностяхъ примѣнительно къ текущимъ обстоятельствамъ ихъ жизни и тенденціямъ ихъ сознанія. Наступившій періодъ религіозной свободы 1)

1) Прилагаемые къ настоящему времени термины „религіозной свободы“, „свободы совѣсти“ по нашему мнѣнію, нельзя считать точнымъ выраженіемъ обозначаемаго ими понятія. Ранѣе сектантовъ ограничивало государство по чисто государственнымъ соображеніямъ (съ точки зрѣнія вреда въ государственномъ отношеніи; неисполненіе закона *de facto* не въ счетъ). По тѣмъ же государственнымъ соображеніямъ примѣнительно

значительно измѣнилъ внѣшнія условія ихъ жизни, лишилъ ихъ собственной вѣсѣмъ видамъ сектъ тенденціи считать себя „гонимыми“ за Христа. Теперь имъ требовалось измѣнить свои взгляды на собственное положеніе и постараться не утратить прежней показной позиціи.

Молокане, какъ отживающіе свое время, наиболѣе инертные изъ сектантовъ, по объявленіи вѣроисповѣдной свободы нѣсколько опѣшили.

— Раньше мы были по евангелію, а теперь не по евангелію, говорили они мнѣ.

— Т. е. какъ же такъ?

— Раньше были гонимыми, а теперь нѣтъ.

Въ другой разъ они высказали, что теперь никто не живетъ по евангелію, ибо нѣтъ гонимыхъ за вѣру.

Мною было объяснено имъ, что въ апостольскія времена церковной жизни были періоды, когда многія помѣстныя церкви „были въ покоѣ“ (Дѣяній 9, 31), что тихое, безмятежное житіе было желательнымъ для апостоловъ (1 Тим. 2, 2) и что при этомъ у cadaго человѣка и донинѣ есть, по слову Господа, „свой крестъ“ (Матѣ. 10, 38; личные скорби, болѣзни, искушенія, соблазны), что крестъ праведнаго Іова можетъ быть и равночестнымъ кресту христіанскихъ мучениковъ.

Хлысты съ своимъ психопатическимъ вдохновеніемъ нашлись.

Когда мною было заявлено имъ, что они значительно утратили нынѣ мнимый ореолъ мученичества, они сказали:

— Если бы не сократились прежніе дни, не спаслась бы никакая плоть; ради избранныхъ они сократились (сравн. Матѣ. 24, 22).

Въ отвѣтъ мною было замѣчено имъ, что все-таки для повального разврата въ благоустроенномъ государствѣ едва ли сократятся ограниченія со стороны гражданскаго закона; такъ, въ другихъ странахъ имъ подобныя лица ограничены закономъ (напр., мормоны въ Америкѣ).

У баптистовъ начинается еще болѣе находчивая съ внѣшней стороны теорія во взглядѣ на положеніе вещей въ настоящее время.

Не такъ давно мнѣ по обстоятельствамъ службы пришлось быть

къ политическимъ вѣяніямъ времени нашлось возможнымъ и устранить нѣкоторыя стѣсненія прежнихъ лѣтъ. Словомъ, современная религіозная свобода лежитъ въ плоскости понятій не религіозныхъ, а государственныхъ.

Божественное ученіе св. Церкви, ея духъ, въ существѣ своемъ остаются и останутся внѣ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ распоряженій государства. Д. Г.

въ обществѣ баптистскихъ пресвитеровъ, заправилъ мѣстныхъ общинъ. Они, между прочимъ, пожелали выслушать отъ меня отвѣтъ на вопросъ: какъ я понимаю апокалипсическую тысячу лѣтъ царствованія со Христомъ (Откр. 20, 2—4)?

Я высказалъ, что, по ученію святой православной церкви и вопреки ученію адвентистовъ, тысячу лѣтъ, указанную Апокалипсисомъ, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ просто продолжительнаго времени, и царствованіе праведниковъ будетъ не на землѣ, а на небѣ.

Баптисты остались недовольны моимъ объясненіемъ и, видимо, считали это царствованіе уже наступившимъ здѣсь, на землѣ. Что связаный сатана—это представители закона (какъ логически выходитъ изъ послѣднему пониманію), они этого не говорили.

Въ разговорѣ, который велся между нами частно и касался многихъ предметовъ, по поводу незадолго бывшаго посѣщенія баптистами вмѣстѣ со мной моего добраго знакомаго протоіерея и привѣтливаго пріема, оказаннаго намъ у него, одинъ изъ баптистовъ замѣтилъ, что наступило исполненіе пророчества Исаи: левъ и ягненокъ будутъ вмѣстѣ...

По вопросу, кто былъ львомъ и кто ягненкомъ, я остался при особомъ мнѣніи.

Удивительно, что настоящее, неопредѣленное и тяжелое во многихъ отношеніяхъ время кажется раемъ для большинства сектантовъ!

Д. Граціанскій.

Дарованіе полной свободы старообрядцамъ и предполагаемое дарованіе автономіи православной церкви заставили задуматься старообрядцевъ австрійскаго согласія. Совершившееся у нихъ не по правиламъ церкви пріобрѣтеніе священства они прежде оправдывали „гонительными временами“. Нынѣ „гонительныя времена“ прошли. „Тѣ же австрійцы прежде очень любили ставить православной церкви въ вину, что она находится въ подчиненіи у государства — въ рукахъ оберъ-прокурорской власти. Нынѣ всѣ австрійскіе лжепопы, наравнѣ съ наставниками всѣхъ прочихъ толковъ, должны находиться въ подчиненіи и рукахъ ближайшей гражданской власти, которой они и должны быть споспѣшниками въ проведеніи различныхъ мѣръ правительства по отношенію къ старообрядцамъ. А между тѣмъ православная церковь, которую они ранѣе обвиняли въ потерѣ „древляго благочестія“, проситъ себѣ автономіи, и ей снова обѣщается эта автономія и она снова хочетъ жить во главѣ съ патріархомъ, управляться соборами епископовъ и жить такъ, какъ жила она до Никона патріарха

и во времена вселенскихъ соборовъ. Есть падъ чѣмъ задуматься старообрядцамъ. И нынѣ, являясь на бесѣды, даже самые ярые изъ старообрядцевъ уже не стараются сорвать своимъ неистовымъ крикомъ бесѣду, какъ бывало по временамъ прежде, но задаютъ вопросы по большей части мирно, спокойно, часто даже съ оговоркой, что они спрашиваютъ о томъ или другомъ предметѣ не для того, чтобы оскорбить собесѣдника, но потому, что имъ хочется узнать, насколько правильно то или другое ихъ мнѣніе. Выразительны слова безпоповскаго наставника Севастіана въ деревнѣ Ложкомояхъ Лыповскаго прихода. Наставникъ этотъ почти прежде всѣхъ явился на мою бесѣду и сперва отдѣльно, въ особой комнатѣ, а потомъ и на бесѣдѣ спрашивалъ меня: „что намъ дѣлать? къ вамъ идти—какъ то не хочется, а если къ вамъ не перейдешь, заставляють приписаться къ гражданской власти, а это, по нашему, что-то не ладно. У васъ будетъ соборъ. Мы на этотъ соборъ много надѣемся. Сдѣлайте намъ какое-нибудь снисхожденіе на этомъ соборѣ, и мы вамъ сдѣлаемъ и пойдѣмъ къ вамъ“. Поле для миссіонерскаго дѣланія среди старообрядцевъ нынѣ открыто широко. Если когда, то особенно въ настоящее время, старообрядцы расположены къ сближенію съ православною церковію (Вятск. Еп. Вѣд.).

Въ Совѣтъ Бр. Св. Креста поступилъ недавно докладъ епарх. миссіонера пр. Фіалковскаго объ усиленіи миссіонерской дѣятельности въ нижегородской епархіи. Авторъ доклада ярко описываетъ лихорадочную дѣятельность старообрядцевъ, австрійцевъ въ особенности. Онъ пишетъ, что у старообрядцевъ послѣ 17 апрѣля „начались соборы, съѣзды, ведется организація боевой дружины: австрійцы ставятъ епископовъ, поповъ, составляютъ кадръ миссіонеровъ; устраиваютъ монастыри, церкви, школы; ведутъ бесѣды, на бесѣдахъ разбрасываютъ листки по подобію революціонныхъ прокламацій, наполненные поношеніями Православной Церкви и преп. Серафима. Они, австрійцы, печатаютъ журналъ „Старообрядецъ“, „Народную Газету“ съ „Голосомъ. Старообрядца“ и ежемѣсячными „Изборниками“, и, наконецъ, книги и брошюры“.

Вооружая свою партію всѣмъ возможнымъ въ ихъ положеніи оружіемъ, австрійцы съ яростью нападаютъ въ своихъ произведеніяхъ на миссію Православной Церкви. Тутъ они не жалѣють ни красокъ, ни съ правдой не церемонятся. Авторъ доклада пишетъ: „Старообрядство устно и письменно заявляетъ о себѣ, что оно проповѣдуетъ миръ. Въ чемъ же оно видитъ умиротвореніе? А вотъ въ чемъ. Оно кричитъ: не нужно миссіонеровъ! Вредно миссіонерство: оно сѣетъ вражду, оно живетъ на счетъ народа, оно есть „армія наемныхъ миссіонеровъ ка-

зеннаго православія и полицейскаго благоправія, содержащая на послѣдніе гроши, такъ жестоко и безжалостно выколачиваемые съ темнаго и голоднаго мужика“ („Старообрядецъ“ № 2, стр. 117“). „Сердце обливается кровью, пишетъ нѣкій Музаферовъ (см. „Голосъ Старообрядца“ № 8, февр. 9, стр. 1): слезы текутъ моремъ и душа каменѣеть, когда приходится вспоминать тѣ насилія, какія издавна совершали надъ нами миссіонеры. Эти миссіонеры особый сортъ людей. У этихъ людей ни совѣсти, ни челоувѣколюбія, ни жалости, ни другихъ челоувѣческихъ качествъ нѣтъ. Масса примѣровъ доказываетъ, что эти хищники дѣйствовали противъ милостивѣйшихъ царскихъ указовъ и фактически нарушали обязанности не только духовнаго проповѣдника, но и полицейскаго агента“. Достается отъ этого сорта старообрядцевъ не только миссіонерамъ, но и самому правительству; ему они не особенно благодарны за то согласованіе началъ вѣротерпимости съ законами, какое не очень давно обнародовано. Вообще старообрядство хлестко и задорно дѣйствуетъ словомъ и прессой. Авторъ доклада, стоящій у дѣла миссіи, послѣ изображенія энергичной дѣятельности старообрядства, съ опасливостію осматриваетъ свое дѣло и сводитъ подсчетъ работамъ Братства Св. Креста, его отдѣленій, кружковъ и находитъ, что хотя не мало сдѣлано и у насъ и принято мѣръ по увеличенію миссіонерскихъ силъ, но еще многого остается желать. По причинѣ разъединенія, господствующаго въ средѣ нашего духовенства, оно не вдругъ откликается на призывъ Братства Св. Креста принятыя за дружную работу по объединенію вокругъ церкви Христовой ревнителѣй вѣры посредствомъ учрежденія кружковъ, или совѣтовъ, или попечительствъ. Въ концѣ своемъ докладъ особенно подчеркиваетъ отсутствіе у насъ въ епархіи литературной борьбы съ расколомъ и сектами и высказываетъ пожеланіе: 1) „завести свое литературное изданіе, по крайней мѣрѣ еженедѣльное. Оно должно обслуживать мѣстные нужды миссіи; въ немъ должны помѣщаться всѣ выдающіяся свѣдѣнія по расколу и противораскольническія бесѣды, замѣтки и статьи разнаго содержанія, а во время ярмарки—краткіе отчеты объ ярмарочныхъ бесѣдахъ. Въ этомъ изданіи могли бы участвовать своими трудами всѣ мѣстные миссіонеры, члены отдѣленій и кружковъ. Это изданіе было бы показателемъ миссіонерской нашей жизнедѣятельности. При этомъ изданіи могли бы издаваться отдѣльными отпечатками выписки изъ разныхъ книгъ и статей и даже старопечатныя книги, напр. „Жезль“.

2) „Основать при отдѣленіяхъ Братства Св. Креста распространеніе книгъ и брошюръ противораскольническаго и противосектантскаго содержанія“.

Миссіонеръ.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди, избранные отъ населенія.

Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія и на первомъ мѣствѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсвѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельного труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенство Законовъ Основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть приняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ, явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Смущенное же такими неполадками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ

цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшение народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ Отечествѣ.

Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получить тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ, указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 8 сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20 февраля 1907 года.

Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

Вѣрные сыны Россіи!

Царь вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ Своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины.

Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской.

Данъ въ Петергофѣ въ 9 день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же Нашего въ двѣнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Именные Высочайшіе указы

Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 105 свода основныхъ Государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ: Государственную Думу распустить, съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на 20-е февраля 1907 года.

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.
8-го іюля 1906 года.

На основаніи статьи 99 свода основныхъ Государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ: занятія Государственнаго Совѣта пріостановить, а временемъ ихъ возобновленія назначить 20 февраля 1907 года.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.
10-го іюля 1906 года.

1906 года 9-го іюля. „Двора Нашего гофмейстера, сенатора князя **Ширинскаго-Шихматова**—Всемиловѣйше увольняемъ, согласно прошенію, отъ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ гофмейстеромъ и въ званіи сенатора“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 12 іюля 1906 года за № 122, по Высочайшему Манифесту о роспускѣ Государственной Думы и о времени созыва таковой въ новомъ составѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 9 сего іюля за № 6926, съ препровожденіемъ, для повсемѣстнаго обнародованія, экземпляра Высочайшаго Манифеста, состоявшагося въ 9-й день сего же іюля, о роспускѣ Государственной Думы и о времени созыва таковой въ новомъ составѣ. Приказали: Напечатать Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ въ № 28 журнала „Цер-

жовныя Вѣдомости“ и особымъ прибавленіемъ въ количествѣ 50 экземпляровъ при каждомъ № для раздачи народу, предписать подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, чтобы означенный Высочайшій Манифестъ былъ прочитанъ во всѣхъ церквахъ Россійской Имперіи въ первый по полученіи № 28 „Церковныхъ Вѣдомостей“ воскресный или праздничный день по окончаніи божественной литургіи тамъ, гдѣ не былъ онъ прочитанъ по особому распоряженію, сообщенному исполняющимъ обязанности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по телеграфу; Правительствующему же Сенату о такомъ распоряженіи Святѣйшаго Синода сообщить вѣдѣніемъ.

О христіанскомъ миссіонерствѣ въ Китаѣ съ V вѣка.

(Историческая справка).

Перечитывая труды нашихъ знатоковъ Китая — Пржевальскаго, Ясецкаго, Потанина — приобретающіе въ настоящее время, въ силу нашего сближенія съ Китаемъ, особенный интересъ, мы замѣтили, что всѣ эти китаевѣды, не смотря на разногласіе ихъ взглядовъ на характеръ китайцевъ, на ихъ нравственныя качества, — одинаково утверждаютъ, что христіанскія миссіи между китайцами, а въ особенности между монголами, успѣха имѣть не могутъ, а скорѣе ихъ озлѣять, — что и подтверждается періодическими извѣстіями христіанскихъ миссій. Послѣднее извѣстіе бельгійской миссіи въ Монголіи въ 1891 г. у всѣхъ еще на памяти.

Исторія миссіонерскаго дѣла въ Китаѣ есть одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи христіанской церкви. Уже въ V и VI вѣкахъ проникали туда *сухимъ путемъ* изъ Византіи миссіонеры. Эти апостолы шли туда съ посохомъ въ рукахъ черезъ горы и рѣки, черезъ лѣса и пустыни; терпя нужду и голодь, они несли неизвѣстнымъ народамъ святое слово. Одна древняя надпись, найденная въ Китаѣ, гласитъ, что въ 635 году христіанство уже было внесено въ Китай. По смыслу надписи можно заключить, что первый апостолъ, внесшій въ страну Христово ученіе, былъ очень любимъ китайцами за его хорошее съ ними обращеніе, за его готовность жертвовать собой ради облегченія страждущихъ. Съ тѣхъ поръ прошло 1270 лѣтъ, и дѣло нисколько не подвинулось впередъ; какъ тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, тамъ, гдѣ христіанскіе миссіонеры сталкивались съ буддистами, первые всегда оказывались побѣжденными. По другимъ документамъ оказывается, что во время Чингисъ-Хана (XIII вѣкъ) миссіонеры ходили въ Татарію и Китай; совершали религиозныя процессіи и получали разрѣшеніе строить церкви. Въ тѣхъ же документахъ упомянуто, что въ 1246 году папой Иннокентіемъ IV былъ посланъ въ Монголію итальянскій миссіонеръ, который проникъ туда, перешедши Донъ, Волгу и Сѣверный берегъ Каспійскаго моря. Посланный туда же Людовикомъ Святымъ (13 вѣкъ) монахъ повѣствуетъ, что онъ нашелъ въ столицѣ Монголіи строеніе съ крестомъ. Войдя въ него, онъ увидѣлъ великолѣпно убранный алтарь съ изобра-

женіемъ Спасителя, Святой Дѣвы, Іоанна Крестителя и двухъ ангеловъ. Въ церкви сидѣлъ армянскій монахъ. Христіанское служеніе отправлялось совершенно свободно. Въ тѣ времена монгольскіе князья крестились и защищали проповѣдниковъ. Въ XV папа Климентъ V основалъ въ Пекинѣ архіепископство, во главѣ котораго былъ поставленъ французскій миссіонеръ, проповѣдывавшій тамъ 42 года. Послѣ себя онъ оставилъ тамъ цвѣтущую общину; китайское правительство не только не мѣшало ему, оно даже содѣйствовало распространенію христіанства. Затѣмъ въ XV вѣкѣ вдругъ стали уничтожать всѣ слѣды христіанской миссіи, храмы и миссіонеры были уничтожены неистовыми конфуціанцами, оказавшимися во главѣ правительства. Въ концѣ XVI столѣтія уже нельзя было найти въ Китаѣ и слѣдовъ христіанства; даже въ народныхъ преданіяхъ не сохранилось никакого воспоминанія о миссіонерахъ.

Дѣло надо было начинать снова. Миссіонеры пользовались тѣми эпохами, когда китайскій дворъ благопріятствовалъ христіанской религіи. Все зависѣло отъ настроенія императора; нравилась ему христіанская религія, пропаганда подвигалась быстро; не нравилась — миссіонеры умѣряли свою энергію, а подчасъ, ихъ даже вовсе изгоняли изъ страны; построенные же храмы разрушались. Неустойчивый характеръ христіанскихъ миссій, успѣхъ которыхъ зависѣлъ отъ дуновения вѣтра китайской власти, сохранился вплоть до нашего времени.

Чѣмъ объяснить ту злобу, которую возбуждаютъ въ китайцахъ христіанскія миссіи?

Дѣло въ томъ, что китайцы считаютъ христіанство сектой, преслѣдующей политическія цѣли; а миссіонеровъ они считаютъ политическими эмиссарами, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они занимаются торговлей и производятъ на китайца впечатлѣніе не посланныхъ Христа, а посланныхъ Франціи, Англіи и т. д. Къ тому же, китайцы, по своему атеистическому складу ума, никакъ не могутъ понять, что люди только изъ-за однихъ идеальныхъ цѣлей рѣшаются предпринимать такія далекія путешествія и терпятъ такія лишенія. Китайцы убѣждены, что всѣ миссіонеры — это торговые піонеры, вслѣдъ за которыми появятся европейцы съ цѣлью вытѣснить китайцевъ съ торговыхъ рынковъ. Фанатики — монгольскіе ламы, которые составляютъ треть всего монгольскаго населенія, пользуются минутой и натравляютъ народъ на миссіонеровъ. По крайней мѣрѣ такой характеръ имѣло послѣднее изобіеніе бельгійскихъ миссіонеровъ въ Монголіи въ 1891 г. Китайское же правительство оказываетъ ламамъ денежную помощь, съ должнымъ вниманіемъ относится къ народнымъ вѣрованіямъ и только этимъ путемъ и поддерживаетъ свой авторитетъ. Спрашивается, можно ли при подобной обстановкѣ рассчитывать въ настоящее время на успѣхъ христіанской проповѣди? Поневоля приходится вспомнить слова покойнаго Пржевальскаго: „сперва надо выучить монгола мыть руки, а уже затѣмъ приниматься за мытье его души. Не въ одной внѣшней формѣ должна явиться въ Монголіи пропаганда, рядомъ съ ней, рука объ руку, должно идти и цивилизующее вліяніе культуры болѣе высшей расы. Надо научить прежде всего монгола жить не въ такой грязи; заставьте его понять, что обжорство (онъ сразу можетъ съѣсть маленькаго барана) и лѣнь составляютъ пороки, что заслуга

человѣка передъ Богомъ заключается въ добрыхъ дѣлахъ, а не въ извѣстномъ числѣ читаемыхъ ежедневно молитвъ. Новое ученіе неминуемо потребуетъ отъ монгола измѣненія въ корнѣ его домашней и общественной жизни; но на это онъ не такъ-то скоро поддастся. Конечно, честь и слава миссіонерамъ, желающимъ положить начало духовному просвѣтленію монгола и китайца; ихъ подвигъ громаднѣй. Мы не отрицаемъ пользу, приносимую миссіонерами, мы только желали высказать, что почва для ихъ работы неблагоприятна, и что періодическія измѣненія тамъ миссіонеровъ не должны насъ удивлять. Монголъ вполнѣ пока доволенъ своей буддѣйской религіей и покуда лучшей не желаетъ; она пришлась какъ нельзя лучше къ его лѣнивому характеру. Буддизмъ подрываетъ энергію къ труду, безъ котораго немислимо христіанское совершенствованіе; онъ тормозитъ всякій прогрессъ. Монголъ всецѣло живетъ въ убѣжденіи, что жизнь есть бремя, а будущая нирвана есть блаженство; и далѣе того онъ не идетъ. Монголу нужна поэтика и культура и свѣтъ Христовъ. Отсюда понятно, насколько труденъ и насколько великъ долженъ быть трудъ христіанскихъ миссіонеровъ въ поднебесной имперіи Дракона.

А. А. Берсъ.

Забытый вопросъ.

(Письмо въ редакцію).

На 3 Всероссійскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ, насколько намъ помнится, было высказано многими миссіонерами желаніе, чтобы необходимыя для бесѣдъ старопечатныя книги были изданы въ обыкновенномъ форматѣ, чтобы не возить съ собой миссіонерамъ буквально пѣлаго воза „кожаныхъ книгъ“. Предложеніе это, кажется, было принято, но къ осуществленію его, какъ и многого другого, до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Дѣйствительно, большой вѣсъ и форматъ книгъ единовѣрческой печати является для миссіонеровъ часто безъ всякой нужды страшнымъ бременемъ при перевозкѣ съ мѣста на мѣсто, равно и упаковка и распаковка ихъ. Кромѣ всего этого страшная дороговизна книгъ единовѣрческой типографіи дѣлаетъ приобрѣтеніе ихъ въ приходскія библіотеки почти прямо невозможнымъ ни на церковныя, ни на попечительскія средства, вслѣдствіе чего многіе и даже большинство молодыхъ священниковъ, при всемъ своемъ желаніи, заняться дѣломъ миссіи въ своихъ приходахъ принуждены бываютъ отказываться отъ этого благого дѣла. Если бы всѣ необходимыя для бесѣдъ книги старопечатныя были изданы обыкновеннымъ форматомъ, но съ соблюденіемъ счета листовъ книгъ единовѣрческой типографіи, то вся библіотека могла бы легко помѣститься въ чемоданѣ миссіонера, и приобрѣтеніе ихъ для приходскихъ библіотекъ стоило бы весьма недорого, такъ что каждый, желающій заниматься миссіей священникъ могъ бы приобрѣсти ихъ безъ всякаго затрудненія. Конечно, епархіальнымъ, разбѣзднымъ миссіонерамъ необходимо имѣть въ запасѣ и кожаныя книги, на случай, если онѣ будутъ нужны, тѣмъ не менѣе они будутъ избавлены отъ напраснаго труда брать ихъ съ собою въ тѣ мѣста, гдѣ съ одинаковымъ успѣхомъ могли бы быть въ употребленіи и обы-

кновеннаго изданія книги, а такихъ мѣстъ въ каждомъ миссіонерномъ округѣ епархіи большинство. Если у кого явится мысль, что такимъ книгамъ старообрядцы довѣрять не будутъ, то такое опасеніе напрасно. Правда, на первый разъ по мѣстамъ и будутъ высказываться нѣкоторыя сомнѣнія и недовѣріе, но лишь временно, а затѣмъ прекратятся. Вѣдь не довѣряли же старообрядцы и единовѣрческимъ книгамъ въ свое время, требуя подлинниковъ патріаршаго дониконовскаго изданія, но теперь сами всюду совершаютъ по нимъ службу. Не довѣряли и „Выпискамъ Озерскаго“, но теперь съ удовольствіемъ ихъ покупаютъ и по нимъ бесѣдуютъ. Въ послѣднее время старообрядцы не стѣсняются, напримѣръ, пріобрѣтать Библию, Новый Заветъ, Псалтирь Синодальнаго изданія всякаго формата и размѣра, тѣмъ болѣе будутъ они слушать и читать книги, перепечатанныя съ единовѣрческихъ, съ соблюденіемъ ихъ подлинной орфографіи и счета листовъ. Думаемъ, что вопросъ этотъ не останется открытымъ, а заслужитъ вниманіе кого слѣдуетъ и получить свое скорѣйшее рѣшеніе.

Астраханскій епархіальный миссіонеръ-священникъ

Василій Добронравовъ.

До и послѣ миссіонерской бесѣды.

(Изъ исповѣди обратившагося баптиста).

Исповѣдая баптистскую секту, много лѣтъ я велъ жаркую войну съ мѣстнымъ миссіонеромъ (въ станицѣ Кизильской Верхне-Уральскаго уѣзда Оренбургской губ.). Я желалъ стереть ненавистную мнѣ Православную Церковь съ лица земли и навсегда истребить изъ поднебесной всякую память о ней. Но тщетенъ былъ мой трудъ и напрасна была моя энергія, при выполненіи такого моего желанія. Св. правда оказалась сильнѣе моего заблужденія. Лѣтомъ минувшаго 1905 г. въ нашу станицу пріѣхалъ миссіонеръ И. Мажиринъ (обратившійся изъ раскола). Назначена была и состоялась миссіонерская бесѣда. Продолжалась она цѣлыхъ 7 часовъ. Въ своихъ нападкахъ на православіе и въ ругательствахъ на миссіонера сектанты доходили до неистовства. Миссіонеръ спокойно терпѣлъ. Возражалъ миссіонеру и я со своимъ баптистскимъ пресвитеромъ—по вопросу о церкви, соборахъ и крестѣ. Наше возраженіе, — что церковь тамъ, гдѣ „два или три собраны во имя Христа“, миссіонеръ основательно, на св. Писаніи, опровергъ указаніемъ на подлинный составъ Христовой Церкви. Возражали мы на счетъ противорѣчій соборовъ Православной Церкви. Миссіонеръ подавалъ намъ соборныя дѣянія, чтобы мы указали эти противорѣчія. Мы отказались сдѣлать это.

А миссіонеръ между тѣмъ показалъ, что, по упованію Церкви Православной, тотъ „соборъ святъ, который послѣдуетъ прежде него бывшимъ святымъ соборамъ, а который не послѣдуетъ, не святъ, но скверенъ есть и отверженъ“ (Кормч. 70 гл.). Мои бывшіе братья особенно разсчитывали на возраженія о крестѣ: „въ книгѣ Премудрости, говорили они, пишется: „это рукотворенное проклято, а ваши отцы

сдѣлали изъ дерева крестъ и поклоняются ему: „кресту Твоему поклоняемся, владыко“... Какъ рукотворенное проклято, такъ, выходить, и сдѣлавшіе его прокляты“.

Миссіонеръ отвѣтилъ: „подождите проклинать крестъ и почитающихъ его, чтобы самимъ вамъ не оказаться подъ проклятіемъ. Въ 14 тл. Премудр. Соломона проклинается „рукотворенное, которое названо Богомъ“ (ст. 8); а мы крестъ за Бога не почитаемъ и Богомъ не называемъ, а чтимъ его потому, что чрезъ него явилась правда (ст. 7),— что онъ сдѣлался орудіемъ искупительныхъ страданій Спасителя. Замѣйте и то, что крестъ сталъ для христіанъ жертвенникомъ, на которомъ Самъ Господь нашъ І. Христосъ добровольно принесъ себя въ жертву за грѣхи міра: и—какъ клянуційся жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что на немъ (Мѣ. 23, 20), такъ и вы, проклиная крестъ-жертвенникъ, не проклинаете ли тѣмъ и принесшаго Себя въ жертву за грѣхи наши нашего Искупителя“?..

Послѣднія слова миссіонера потрясли мою душу настолько, что я тотъ же часъ рѣшилъ оставить сектантство, проклялъ его заблужденіе, и присоединиться къ св. Православной Церкви. Свое рѣшеніе я, по милости Божьей, и исполнилъ.

Крестьянинъ Кизильской станицы Верхне-Уральскаго уѣзда

Козьма Писмеровъ.

Изъ Ярославля.

(Къ безпорядкамъ въ Ярославской дух. семинаріи).

Въ Ярославской д. семинаріи въ концѣ марта сего 1906 г. три старшихъ класса закрыты до начала слѣдующаго 1906—07 учебн. г. за неблагоповеденіе учениковъ этихъ классовъ, выразившееся главнымъ образомъ въ отказѣ ихъ ходить на уроки къ одному изъ преподавателей и въ требованіи удаленія этого преподавателя изъ семинаріи.

Вскорѣ послѣ закрытія означенныхъ классовъ семинаріи въ средѣ духовныхъ лицъ епархіи, особенно имѣющихъ въ закрытыхъ классахъ своихъ дѣтей или близкихъ родственниковъ, а равно и предубѣжденно настроенныхъ противъ того преподавателя, явилась мысль ходатайствовать о допущеніи учениковъ закрытыхъ классовъ къ выпускнымъ и переходнымъ экзаменамъ. Въ послѣднее время дѣло это, какъ слышно, находится на разсмотрѣніи центрального управленія, а на дняхъ оно было предметомъ обсужденія въ учебно-воспитательной корпораціи упомянутой семинаріи.

По этому поводу мы хотѣли бы разобраться въ вопросѣ,—есть ли какія-либо разумно-воспитательныя основанія къ удовлетворенію указанного ходатайства духовенства. Наши мысли по этому вопросу таковы.

За всю послѣднюю треть—отъ Пасхи вплоть до конца текущаго учебнаго года въ упомянутыхъ классахъ семинаріи никакихъ учебныхъ занятій не производилось,—и ученики пребывали въ домахъ своихъ родителей. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ эту треть обыкновенно заканчиваются классные курсы по всѣмъ предметамъ, и дѣлаются при

этомъ, въ цѣляхъ достиженія учащимися единства и цѣльности въ знаніи предмета, общіе обзоры курсовъ, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и въ цѣломъ ихъ объемѣ, съ выясненіемъ ихъ основныхъ положеній.

Теперь является вопросъ: какъ же ученики, не прослушавъ курса по тому или другому предмету, и не усвоивъ его, будутъ подвергаться испытаніямъ? Вѣдь извѣстно, что изученіе по учебникамъ, если ученики закрытыхъ классовъ занимались этимъ безъ надлежащаго разъясненія со стороны преподавателей, признается дѣломъ совершенно ненормальнымъ. Ясно, что ходатайство духовенства вытекаетъ изъ того только соображенія, что пусть-де все погибаетъ, лишь бы мнѣ было хорошо...

Съ другой стороны закрытіе классовъ послѣдовало, какъ извѣстно, за проступокъ учениковъ, нетерпимый ни въ какой нормальной школѣ. Въ случаѣ же удовлетворенія возбужденнаго ходатайства, этотъ проступокъ не только останется безнаказаннымъ, но получить прямо премію. Оставаться въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ въ домахъ родителей, пребывая на лонѣ природы, далеко не одно и тоже, что ежедневно ходить въ классъ, находиться тамъ въ болѣе или менѣе напряженномъ душевномъ состояніи и на квартирахъ усиленно заниматься надлежащимъ учебнымъ дѣломъ, и при этомъ еще расходоваться на весьма недешевое нынѣ содержаніе въ городѣ.

Въ ходатайствѣ, очевидно, преслѣдуется одна только цѣль: какъ бы для ученика такъ или иначе не пропалъ даромъ годъ, и какъ бы поскорѣ заручиться ему тѣми или другими правами. Между тѣмъ не слѣдовало бы опускаться изъ виду, что права приобрѣтаются только должнымъ исполненіемъ обязанностей, и что предоставлять учащимся совершенно незаслуженныя ими права и привилегіи,—значить по меньшей мѣрѣ неосторожно обращаться съ образованіемъ въ нихъ нравственныхъ понятій.

Остается основаться въ удовлетвореніи возбужденнаго ходатайства только на чувствѣ милосердія и на снисхожденіи къ провинившимся. Но милость и снисхожденіе, будучи сами по себѣ вещами весьма добрыми, должны быть примѣняемы къ дѣлу всегда съ разумною осмотрительностію, иначе онѣ могутъ сопровождаться, что въ дѣйствительности и бываетъ, весьма вредными послѣдствіями какъ для дѣла, коего они касаются, такъ и для самихъ лицъ, коимъ они оказываются. Не произошло бы, въ случаѣ оказанія милосердія въ данномъ случаѣ, того, что учащіеся, возмнивъ себя присно пребывающими не столько подъ закономъ, сколько подъ безграничнымъ милосердіемъ, не стали бы еще смѣлѣе въ своей требовательности и въ образѣ своихъ дѣйствій: сегодня одного преподавателя заставляютъ уйти изъ семинаріи, а завтра, по своему невѣжеству и лѣни и т. п., обрекутъ на то же другого преподавателя, или инспектора, или ректора...

Пора бы перейти со стороны поблажекъ разнаго рода увлеченіямъ молодыхъ людей на сторону вполне безпристрастнаго, законнаго и серьезнаго отношенія къ поведенію питомцевъ духовной школы. Церковь настоятельно нуждается и въ лицѣ своихъ истинныхъ сыновъ сильно желаетъ, чтобы подлежащія учрежденія зорко слѣдили, нисколько не балансируя между прямою задачей духовной школы и измѣнчивыми

вѣяніями дня, за тѣмъ, чтобы состояніе учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ вполнѣ соответствовало той высокой задачѣ, которая предлежитъ пастырямъ Цѣркви. На поприщѣ пастырства болѣе полезны — тихонравіе, знаніе дѣла, ревностное добродѣланіе, чѣмъ господствующія нынѣ въ кандидатахъ священства борзое суесловіе, заносчивая требовательность и крайнее небреженіе всѣмъ, что прямо относится къ обязанностямъ пастырства.

N.

Нѣчто о сектантахъ нашего прихода.

(Голосъ изъ села Липяговъ Борисоглѣбск. у. Тамб. г.).

Въ приходѣ нашемъ, зараженномъ штундо-баптизмомъ, молоканствомъ, субботничествомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ приходахъ, холодность православныхъ къ храму Божию, безразличное отношеніе ихъ къ праздничнымъ днямъ и постами, неуваженіе къ духовенству, небытіе по нѣсколько лѣтъ у исповѣди и св. Причастія, стало явленіемъ весьма зауряднымъ. А такъ какъ для вразумленія заблудшихъ (т. е. сектантовъ) и для охраненія православныхъ отъ ихъ заблужденій у насъ почти ничего пока не предпринимается, то неудивительно, что зло это съ каждымъ годомъ безпрепятственно увеличивается. Въ нѣкоторыхъ селахъ православные уже успѣли присмотрѣться къ показной жизни сектантства и успѣли ознакомиться съ несостоятельностью ученія сектантовъ; въ нашемъ же приходѣ первое достигнуто православными только отчасти, а послѣднее, за отсутствіемъ миссіи, заставляеть желать многого и многого... Случаи совращенія при усиленной пропагандѣ главарей сектантства, къ крайнему прискорбію, увеличиваются, хотя и не превышая числа обращеній въ православіе. Самымъ большимъ зломъ, способствующимъ успѣху сектантской пропаганды, являються у насъ женщины, и въ этомъ отношеніи эти послѣднія представляютъ изъ себя самыхъ усердныхъ служительницъ духа, *дѣйствующаго въ снѣгахъ противленія*. Среди Липяговскихъ обывателей очень много такъ называемыхъ „ни холодныхъ“ и „ни горячихъ“, которые не пристають ни къ тому, ни къ другому берегу: они слишкомъ удалились отъ праваго пути спасенія и близки уже къ тому, чтобы навсегда порвать всякія связи съ православіемъ. Такіе-то люди, стоящіе, такъ сказать, между небомъ и землею, и дѣлаются чаще всего добычею или жертвою пропагандизма. Показная жизнь сектантовъ, къ которой, какъ уже упомянуто, еще не успѣли хорошо присмотрѣться православные нашего села, въ особенности влияетъ на женщинъ; и онѣ-то въ большинствѣ случаевъ и оставляють первыми правый путь спасенія и, оставивши оный, всѣми силами стараются увлечь за собою на путь лжи и своихъ мужей. И рѣдкій, колеблющійся уже въ вѣрѣ, мужчина можетъ устоять противъ такого соблазна. При разговорѣ съ сектантами не трудно убѣдиться, что многіе изъ нихъ оставили православіе прямо-таки черезъ женщинъ.

„Жена моя“, говорилъ мнѣ одинъ сектантъ: „перешла въ молоканство, перевела съ собою и дѣтей. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Думалъ, думалъ, перешель и я туда же“. Жалкая исторія и еще боль-

шаго сожалѣнія заслуживаетъ герой. ея! Но, повторяемъ, такой случай, къ сожалѣнію, далеко не единиченъ. А сколько найдется такихъ неумѣренныхъ женолюбцевъ, жертвующихъ тѣмъ, что должно считаться самымъ высшимъ и дорогимъ для человѣка?!

Но есть и такіе у насъ, которые, несмотря на самые усиленные соблазны, выходятъ, къ утѣшенію православія, и побѣдителями изъ подобной борьбы съ искушеніями. Одинъ солдатъ, возвратившійся со службы, узнаетъ, что жена его перешла тайно въ штундизмъ. Скрѣпя сердце, онъ примиряется съ своею участію. Но вотъ жена, какъ и нужно было ожидать, побуждаемая своими единовѣрцами, начинаетъ совращать и мужа. Долго и терпѣливо прислушивался этотъ послѣдній къ „бабымъ“, по его выраженію, „бреднямъ“. Но всему бываетъ конецъ. Однажды, потерявъ терпѣніе, этотъ борецъ за православіе строго-на-строго запретилъ женѣ напоминать ему о штундѣ и наконецъ, употребивъ не совсѣмъ благословное средство, онъ успѣлъ даже обратить въ православіе и жену. Важно еще и то, что вся родня Теодора сектанты; начиная съ родного брата... На дняхъ совращена была въ сектантство солдатка, принадлежащая къ строго православному семейству. Это совращеніе поистинѣ разрушило счастье всего этого семейства. Убить этимъ глава его, старикъ, отъ души ненавидящій сектантовъ, возмущены и всѣ остальные члены, а еще болѣе убить и пораженъ этимъ мужъ совращенной, который находится въ настоящее время на Дальнемъ Востокѣ. Въ письмахъ своихъ онъ грозитъ женѣ своей разводомъ, предлагаетъ ей заранѣе выбрать другого мужа. А съ какимъ отвращеніемъ, съ какою ненавистью относится онъ къ развратителямъ жены своей, разрушившимъ его счастье! Конечно, такого борца-героя трудно, а пожалуй и немислимо, будетъ отвратить отъ православія даже и женѣ.

Для подкрѣпленія нашего сектантства и для усиленія пропаганды въ село наше по временамъ наѣзжаютъ сектантскіе миссіонеры, которыхъ православные называютъ молоканскими митрополитами. (А православнаго миссіонера не было у насъ болѣе 5 лѣтъ!). Эти посѣщенія не остаются безъ явныхъ результатовъ. Православнымъ посѣтителямъ сектантскихъ собраний въ особенности нравится краснорѣчіе этихъ „митрополитовъ“.

Въ настоящее время въ приходѣ нашемъ, на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣсть, воздвигается сектантами громаднй молитвенный домъ.

Тяжело, невыразимо тяжело смотрѣть, какъ сектантство—этотъ многоглавый змій, творящій непрестанную борьбу съ Церковію Христовою, отторгаетъ и низвергаетъ въ погибель духовныхъ чадъ ея!..

Прихожанинъ.

Изъ Нагавской станицы, Донск. Обл.

Въ Нагавской станицѣ числится раскольниковъ около 3,000 душъ обоюго пола, изъ нихъ 10-я часть безпоповцевъ подземельнаго толка, а всѣ остальные принадлежатъ къ австрійцинѣ. Послѣдніе имѣютъ у

себя двухъ лжеіереевъ, изъ коихъ одинъ, именуя себя „протопресвитеромъ“, здѣшной станицы казакъ Фока Григорьевъ, состоитъ надъ раскольническими іереями благочиннымъ. Онъ имѣетъ постоянное письменное и личное сношеніе съ своимъ лже-архіереемъ Іоанномъ Московскимъ — урядникомъ Картушинымъ и лже-архіереями другихъ епархій. Нерѣдко Григорьевъ бываетъ и въ Москвѣ, откуда привозитъ всевозможныя отъ Картушина и духовнаго совѣта распоряженія по ихъ духовнымъ дѣламъ и разныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ правящемъ Петербургѣ еще до обнародованія того въ печати. Въ январѣ 1905 года я съ Фокою Григорьевымъ велъ миссіонерскую бесѣду и онъ въ это время сообщилъ мнѣ: „не много придется вамъ и миссіонерамъ вызывать насъ на бесѣды, вотъ наши епископы и другіе богатые купцы ходатайствуютъ о признаніи насъ, старообрядцевъ, наравнѣ съ православнымъ духовенствомъ и о полной свободѣ вѣроисповѣданія и министры дали слово исполнить просьбу старообрядцевъ“. И дѣйствительно, 17 апр. 1905 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о свободѣ вѣроисповѣданій. Намъ пришлось прочитать этотъ указъ въ газетахъ черезъ недѣлю послѣ его изданія, а лже-благочинный Ф. Григорьевъ получилъ телеграмму о немъ 17-го апрѣля вечеромъ, а 16-го вечеромъ онъ былъ извѣщенъ телеграммой о распечатаніи въ Москвѣ старообрядческихъ часовенъ и церквей. 17-го утромъ, въ день Св. Пасхи, старообрядцы пошли съ крестнымъ ходомъ вокругъ своей часовни и въ полномъ облаченіи, чего прежде у нихъ не бывало.

Они приобрѣли себѣ колокола, призѣсили ихъ на своихъ моленныхъ домахъ, и теперь бьютъ во вся... Правда, нѣкоторые изъ раскольниковъ сѣтуютъ и восклицаютъ: „погибе вѣра, погибе законъ, и вотъ пришло, что сбылись пророчества и на насъ старообрядцевъ, приѣмлющихъ австрійское священство, у насъ почти всѣ ереси новшества, только пока непоколебимо держатся наши безпоповцы отъ антихристовыхъ ересей“.

Грубость теперь раскольническихъ лже-іереевъ, уставщиковъ и др. по отношенію къ православнымъ и православному духовенству, по моимъ наблюденіямъ, съ 17-го апрѣля 1905 года, съ изданія новаго закона о вѣротерпимости, очень замѣтно усиливается. Такъ, напр., здѣсь, въ Нагавской станицѣ, въ іюнь мѣсяцѣ при выходѣ казаковъ 2-й очереди, на сборномъ пунктѣ, въ хуторѣ Агиновомъ, изъ трехъ церквей Нагавской станицы, мы, три іерея, служили на площади казакамъ напутственный молебенъ; за молебномъ присутствовали и два раскольническихъ мѣстныхъ лже-іерея (изъ нихъ одинъ „протопресвитеръ“). По окончаніи молебна эти „іереи“ пошли въ свою моленную и тамъ начали служить свои молебны. Мы — православные іереи съ станичнымъ атаманомъ пошли въ моленную послушать службу. Вошли въ моленную и стали около лѣваго клироса. Раскольническій „протопресвитеръ“, увидавъ насъ, дерзко намъ крикнулъ: „не смѣйте здѣсь молиться, уйдите изъ нашей церкви!“ Мы, конечно, вынуждены были сію же минуту выйдти, оскорбленные, изъ ихъ моленной.

Такъ теперь, съ обнародованіемъ новаго закона о вѣротерпимости, смѣло и дерзко поступаютъ старообрядческіе вожди и мнимые протопопы съ православными священниками, даже въ присутствіи атамана.

Іерей Андрей Коньковъ.

Переживаемая смута съ точки зрѣнія психіатріи.

Извѣстный кievскій психіатръ проф. П. А. Сикорскій даетъ на страницахъ „Кіевл.“ любопытную характеристику переживаемаго момента съ точки зрѣнія безпристрастной науки.

По неизблемымъ законамъ природы, во всякомъ обществѣ не только есть недалекіе и глупые люди, но, кромѣ того, существуетъ строго узаконенный процентъ помѣшанныхъ и психопатовъ. Эти послѣдніе стараются управлять людьми по собственнымъ, но безумнымъ нормамъ, ибо имъ кажется, что только они умны, а весь міръ безуменъ и долженъ быть заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Живя въ средѣ населенія, болѣзненные субъекты даютъ такое же, какъ и сами, поколѣніе людей нервныхъ, неуравновѣшенныхъ, безпокойныхъ, безумныхъ. Скрытое зло ярко выступаетъ въ смутные дни.. Случившіяся недавно страшныя событія въ Севастополѣ заставили всѣхъ содрогнуться.

Современное политическое движеніе содержитъ въ себѣ значительную дозу психопатіи, какъ по личному составу дѣятелей, такъ и по характеру самыхъ идей и дѣйствій, которыми потрясаются истомленная душа и напряженные нервы великаго и здраваго въ своихъ основахъ русскаго народа. Руководителямъ страны и ея лучшимъ людямъ необходимо подумать объ освобожденіи себя самихъ и русскаго народа отъ смуты, кошмара, психопатіи и тумана, которымъ затянута нравственные горизонты русской мысли. Это—не метафоры, не сравненія и не уподобленія. Это дѣйствительность!

Типическую черту русскаго общества въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ составляютъ: односторонность чувства, узость мысли, феноменальная слабость воли и, какъ слѣдствіе всего,—пассивность духа. Въ какихъ бы обаятельныхъ чертахъ ни изображалась дѣйствующая въ настоящую минуту партія ея сторонниками и вдохновителями, все-таки состояніе всего русскаго общества и этой самой партіи представляется въ дѣйствительности глубоко ненормальнымъ. Ненормально оно не въ смыслѣ только политическомъ или общественномъ, но ненормально оно и болѣзненно въ психологическомъ смыслѣ. Въ этомъ узелъ всего дѣла. Правительство безсильно осуществить реформы или отказать въ нихъ, общество утратило способность принять реформы, не говоря уже объ ихъ оцѣнкѣ. Дѣло идетъ о слѣпомъ душевномъ состояніи, болѣе разрушительномъ, чѣмъ созидательномъ. Оно во многомъ напоминаетъ собой тѣ эпидеміи самоистребленія, какія издавна наблюдались въ нашей исторіи и примѣръ которыхъ произошелъ на нашихъ глазахъ въ трагической исторіи двадцати пяти заживо погребенныхъ изувѣровъ въ Терновскихъ хуторахъ, близъ Тирасполя. Ярко наблюдается также утрата совѣсти, состраданія. Отсюда рядъ враждебныхъ столкновеній и междоусобій, отъ которыхъ раньше общество охранялось своими добрыми чувствами и своей коллективной совѣстью. Теперь, съ пониженіемъ этой совѣсти, злые субъекты и дегенераты утратили этотъ общественный коррективъ, который направлялъ и сдерживалъ ихъ. Сейчасъ стали возможными дикія дѣйствія, нападенія однихъ на другихъ, публичныя обиды и оскорбленія, бойкоты, на-

силія и полная разнузданность партійныхъ страстей. Страна обратилась въ обширное сыскное отдѣленіе, гдѣ вмѣсто синихъ появились другихъ цвѣтовъ жандармы. Преслѣдованіе за свободу политическихъ мнѣній напомнило намъ инквизиціонныя времена религіозныхъ преслѣдованій 1).

Наше время стало свидѣтелемъ небывалаго явленія—поразительной нравственной фальши. Ложь, даже на страницахъ печатныхъ органовъ, достигла такихъ размѣровъ и такой беззастѣнчивости, что поистинѣ, можно сказать, писатели утратили чутье истины и правды.

Бѣдность современной жизни и ея монотонность ни для кого не тайна. Газетная пресса, отражающая на себѣ текущую общественную жизнь, стала узкой и однообразной, и это тѣмъ ярче бросается въ глаза, что переживаемое время разсматривается многими, какъ періодъ всеобщаго подъема и расцвѣта духовныхъ силъ. Мы не видимъ серьезнаго обсужденія вопросовъ, но ежедневно встрѣчаемъ все менѣе и менѣе умѣлое повтореніе общихъ мѣствъ. Мы встрѣчаемся здѣсь, несомнѣнно, съ тѣмъ особеннымъ состояніемъ, которое извѣстно подъ именемъ „умственного автоматизма“ и которое характеризуется тупостью къ новымъ впечатлѣніямъ, къ оцѣнкѣ измѣняющихся условий, при остающейся остротѣ старыхъ мыслей и фразъ. Въ газетной прессѣ прибавились старыя прокламаціи и истерическое кликушество, но нѣтъ мыслей, нѣтъ новыхъ горизонтовъ, нѣтъ освѣщенія будущихъ перспективъ, нѣтъ руководства обществомъ.

Изъ Скопина.

Въ концѣ минувшаго года, на святкахъ, состоялось собраніе уполномоченныхъ и церковныхъ старостъ городскихъ и ближайшихъ къ городу церквей для обсужденія вопроса о положеніи церковно-приходскаго хозяйства. Собраніе пришло къ слѣдующему рѣшенію: „Признавая незаконнымъ установленіе монополии на покупку восковыхъ свѣчей исключительно въ епархіальномъ заводѣ и обременительнымъ и несправедливымъ поборъ съ церковью на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, рекомендовать нашимъ церковнымъ старостамъ: а) не признавать обязательнымъ для нихъ означенную монополию и покупать свѣчи тамъ, гдѣ, по ихъ усмотрѣнію, окажется цѣна дешевле и товаръ доброкачественнѣе; и б) прекратить представленіе всѣхъ поборовъ съ церковью, установленныхъ духовнымъ вѣдомствомъ, до разрѣшенія вопроса о православныхъ приходахъ и вообще о реформѣ церковнаго управленія Государственною Думою“ 2).

Основаніемъ таковой резолюціи послужили слѣдующія соображенія, изложенныя въ протоколѣ собранія. „1) Приходъ, какъ не признаваемый закономъ за юридическое лицо, не имѣетъ права пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность, даже на пожертвованныя

1) Авторъ, конечно, разумѣетъ нетерпимость и жестокость революціонеровъ.

2) Лучше было бы выразиться «высшею Церковною и Государственною властью,» чтобы не ожидать церковной реформы отъ евреевъ, татаръ и др. под. членовъ Думы.

суммы, съ цѣлью положить основаніе къ полученію опредѣленнаго, постояннаго дохода на церковно-приходскія потребности; почему единственнымъ источникомъ церковно-приходскихъ доходовъ является, такъ называемый, кошелевый сборъ въ храмѣ за богослуженіями и прожжа восковыхъ свѣчей, которые (т. е. доходы) въ настоящее время сократились до крайней степени, вслѣдствіе обрушившейся на мѣстное население общей экономической невзгоды. Кромѣ того продажа свѣчей представляетъ незначительную пользу церкви, благодаря монополіи, установленной незаконно (?), только съѣздомъ епархіальнаго духовенства, обязывающей церковь покупать для продажи свѣчи исключительно выработки епархіальнаго завода по цѣнѣ за пудъ на 8—10 руб. дороже цѣнъ частныхъ заводчиковъ, несмотря на одинаковое качество, признанное даже экспертизой,—свѣчей послѣднихъ съ епархіальными.

2) При такихъ незначительныхъ и непостоянныхъ доходахъ, прогрессивно увеличивающіеся установленные духовнымъ вѣдомствомъ поборы съ церкви являются въ настоящее тягостное время непосильными и невыполнимыми со стороны приходоѡ, съ трудомъ справляющимися съ расходами по содержанию и украшенію своихъ приходскихъ храмовъ. Здѣсь кстати было принято во вниманіе, что главная и большая часть поборовъ съ церкви употребляется на содержаніе духовныхъ учебныхъ заведеній, воспитывающихъ будто пастырей церкви, на самомъ же дѣлѣ, представляющихъ собою кастовыя учрежденія, для обученія дѣтей исключительно духовнаго клира, большинство которыхъ въ послѣдствіи увольняются изъ своего сословія, получая званіе врача, инженера, техника и проч. Примѣры на лицо: изъ дѣтей причтовъ нашихъ приходскихъ церквей ¹⁾, только 3—4 человека поступило на должности въ церковныхъ причтахъ, остальные разбрелись по различнымъ сословіямъ: и, вѣроятно, таковыя же положенія выражаются всюду и вездѣ. 3) Кромѣ отмѣченныхъ уже причинъ, невыразимо грустно, тяжело и обидно сознавать православному русскому люду, что жертвуемые имъ гроши, большею частью отъ скудости, а не отъ избытка, въ храмахъ Божіихъ за богослуженіемъ, употребляются на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, прославившихся почти повсюду въ Россіи ужасными волненіями въ крайне революціонномъ направленіи, оканчивавшимися обыкновенно только временнымъ закрытіемъ этихъ учреждений. Въ подтвержденіе приведены два факта, заимствованные изъ газетныхъ сообщеній: первый о томъ, какъ владимірская семинарія требовала для студентовъ всякихъ нужныхъ и ненужныхъ свободъ, вплоть до права посѣщенія театровъ, что поддерживалъ своимъ ходатайствомъ и епархіальный съѣздъ; второй—что профессора московской духовной академіи, находящейся въ стѣнахъ святой обители великаго молитвенника и ходатая предъ Богомъ за Россію преподобнаго Сергія, со своими студентами, не стыдясь, ходили по улицамъ Сергіевского посада съ красными флагами, распѣвая революціонныя пѣсни. А вѣдь они вѣроятно воспитывались также на средства отъ церковныхъ поборовъ, на какія и теперь воспитываютъ будущихъ пастырей церкви, а можетъ быть и архипастырей!...

Отказываемся, по убѣжденію, сочувствовать такому рѣзкому и не

1) Больше 10 ти.

во время затѣянному протесту собранія въ виду того, что уже скоро ожидается созывъ Церковнаго Собора, который, какъ видно изъ предсоборныхъ совѣщаній особаго Присутствія при св. Синодѣ, будетъ обсуждать вопросъ и о реформѣ приходской жизни. Извиненіемъ такому послѣдующему шагу служить дѣйствительная скудость церковныхъ кассъ; такъ, напримѣръ, по заявленію одного церковнаго старосты, по его приходо-расходнымъ книгамъ, подписаннымъ причтомъ и старостой, числится въ наличности на 1-е января 1906 г. 1 руб. 50 коп.; а благочинному нужно представлять взносъ за 1-ю половину сего года свыше 600 руб.

Протоколъ подписанъ всѣми, участвовавшими въ собраніи, и въ копій представленъ мѣстному епископу.

IV.

Постановленія миссіонерскаго съѣзда въ Тамбовѣ.

Опубликованы въ печати и изданы отдѣльной брошюрой „Протоколы 3-го Епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда въ Тамбовѣ въ январѣ 1906 года“.

Миссіонерскіе съѣзды въ Тамбовской епархіи не часты: первый былъ въ 1892 году, второй — въ 1898 году. Поводомъ къ созыву съѣзда 1906 года послужило новое положеніе вещей, создаваемое закономъ о вѣротерпимости. Въ съѣздѣ участвовали три настоящихъ и и два бывшихъ тамбовскихъ епархіальныхъ миссіонеровъ и человѣкъ около 60 духовенства, преимущественно изъ зараженныхъ расколо-сектантствомъ сель.

На съѣздѣ выяснено угрожающее положеніе расколо-сектантства послѣ 17 апрѣля. Изъ раскольническихъ толковъ признанъ особенно опаснымъ и активнымъ — австрійскій, смѣло встающій рядомъ съ православной церковью. Наиболе энергичной сектой является — шундцобаттизмъ, хотя число его послѣдователей въ епархіи въ 5 разъ меньше числа молоканъ (первыхъ 1,500, вторыхъ 8.000). Установлено, что у сектантовъ идутъ съѣзды и совѣщанія. Тамбовскіе делегаты были на всероссійскихъ съѣздахъ въ Воронцовкѣ, Астраханкѣ и Ростовѣ-на-Дону. Въ с. Разказовѣ 4—6 іюня 1905 г. былъ свой областной громадный молоканскій съѣздъ. По мѣстамъ идутъ усилія — построить особые молитвенные дома. По епархіи съѣздъ сектанскіе (особ. шт.-баптистскіе) миссіонеры. Касательно вѣроученія сектантовъ съѣздъ окончательно установилъ замѣчавшееся и раньше существованіе у тамбовскихъ молоканъ антитринитарныхъ, арианскихъ и докетскихъ мнѣній, а равно духовное пониманіе воскресенія мертвыхъ, суда и конца міра.

Разсуждая по вопросу о болѣе успѣшной борьбѣ съ расколо-сектантствомъ, съѣздъ подвергъ существующую организацію миссіонерскаго дѣла епархіи. Первые удары критики принялъ институтъ епархіальныхъ миссіонеровъ. Іереи, особенно изъ не сектантскихъ сель, выходя изъ идеала пастыря — миссіонера, отрицали право на существованіе миссіи, какъ особаго отъ пастырства института. Но когда мечтательное настроеніе поулеглось и смѣшеніе идеала съ дѣйстви-

тельностью достаточно выяснилось, когда выяснена была эта дѣйствительность,—тогда съѣздъ единогласно высказался о пользѣ и необходимости специальной миссии для поддержки и руководства миссии приходской и не только въ видѣ миссіонеровъ епархіальныхъ, но и въ видѣ института безприходныхъ окружныхъ или уѣздныхъ миссіонеровъ. Къ сожалѣнію, послѣднее постановленіе осталось и вѣроятно останется на бумагѣ, ибо съѣздъ, витая въ облакахъ, не занялся изысканіемъ на дѣло миссии средствъ большихъ, чѣмъ 5—6 тысячъ, на какія она существуетъ.

Особенно внимательной оцѣнкѣ было подвергнуто существующее въ Тамбовской епархіи миссіонерское братство. Его мертвый и канцелярскій характеръ былъ признанъ единодушно. Рѣшено реформировать его въ томъ смыслѣ, чтобы: а) расширить его задачи, б) отнять силу у совѣта и передать ее общему собранію и в) сдѣлать братство дѣйствительнымъ единеніемъ всего духовенства епархіи въ дѣлахъ миссии. Дѣлу о реформѣ преосвященнымъ данъ надлежащій ходъ.

Изъ остальныхъ постановленій съѣзда заслуживаютъ вниманія опредѣленія: о желательности малыхъ миссіонерскихъ союзовъ духовенства и мірянъ, о необходимости открытія въ епархіальномъ органѣ специального миссіонерскаго отдѣла; о необходимости веденія при духовной семинаріи практическихъ миссіонерскихъ занятій, согласно предписаніямъ св. Синода.

По вопросу о хлыстахъ съѣздъ одобрилъ введенную въ епархію, на основаніи синодскаго указа по поводу занятій Казанскаго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда, строгую церковную дисциплину, доводящую почти до полного отлученія отъ церкви нераскаяннаго хлыста, опознаннаго чрезъ публичное исповѣданіе вѣры по особо составленной формулѣ.

По предложенію преосвященнаго съѣздъ много занимался вопросомъ объ общемъ церковномъ пѣніи, какъ вспомогательномъ миссіонерскомъ средствѣ и высказалъ пожеланіе устроенія курсовъ такого пѣнія.

Къ сожалѣнію, съѣздъ не успѣлъ осуществить всю свою программу. Остались не тронутыми наиболѣе живые и практическіе вопросы: о миссии въ школѣ, о миссіонерскихъ изданіяхъ, о миссіонерскихъ курсахъ и кружкахъ, о мѣстной миссіонерской школѣ и т. д.

Послѣднія засѣданія были посвящены общему обсужденію послѣдствій закона 17 апрѣля для жизни церкви вообще. Но практическихъ недоумѣній и затрудненій въ отношеніяхъ миссии и духовенства къ міру раскола-сектантства, созданныхъ этимъ закономъ и особенно его недодѣлками, съѣздъ коснуться не успѣлъ.

Вообще съѣздъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что удѣлялъ слишкомъ много дорогого времени на словоговореніе по вопросамъ, не дающимъ дѣлового результата. Но несомнѣнно онъ поднялъ миссіонерскій духъ духовенства. Несомнѣнно и то, что далъ нѣсколько и практически осуществимыхъ постановленій, и при томъ по большимъ вопросамъ тамбовской миссии.

Письмо въ редакцію.

Въ 8—9 номерѣ издаваемой въ Харьковѣ „Церковной Газеты“ с.-петербургскій миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ подѣлился несоотвѣтствующими дѣйствительности личными впечатлѣніями отъ бывшаго у насъ въ Тамбовѣ въ январѣ сего года миссіонерскаго съѣзда. „Православный Путеводитель“, помѣщавшій ранѣе грубыя и необоснованныя нападки на миссіонеровъ,—что и послужило причиной открытаго протеста членовъ Одесскаго миссіонерскаго съѣзда 1905 г.,—теперь нашелъ въ субъективныхъ впечатлѣніяхъ Боголюбова недостававшее прежде доказательство для отрицательной характеристики миссіонерскаго института, и тотчасъ ¹⁾ перепечаталъ ихъ, какъ возраженіе на протестъ членовъ Одесскаго съѣзда.

Защищая себя и нашъ миссіонерскій съѣздъ противъ писательства г. Боголюбова, а равно и весь институтъ, къ которому принадлежимъ, противъ „Православнаго Путеводителя“, мы обращаемся къ г. Боголюбову съ настоящимъ открытымъ письмомъ, убѣдительно прося уважаемую редакцію „Миссіонерскаго Обзорія“ дать ему пріютъ на своихъ страницахъ во имя правды и за честь миссіонерства, которому органъ служить и которое объединяетъ.

Дмитрій Ивановичъ!

Въ своихъ „Впечатлѣніяхъ“ („Церк. Газ.“ № 8—9) вы оставиваетесь на томъ моментѣ въ занятіяхъ тамбовскаго миссіонерскаго съѣзда, когда обсуждался вопросъ о специальной миссіи. Вы пишете:

„Слышно было, что мѣстными миссіонерами для этой цѣли (т. е. въ отвѣтъ на вопросъ: „что дѣлать по нынѣшнимъ временамъ для вразумленія церковныхъ отступниковъ?“) проектировалось „умноженіе“ ²⁾ специальныхъ миссіонеровъ. Но каковъ пассажъ! По вопросу стали говорить сельскіе батюшки. Говорили торопливо, волнуясь, словно боялись, что имъ не дадутъ высказаться. Говорили въ одномъ направленіи: никакихъ специальныхъ

¹⁾ 30 Марта вышелъ 8—9 номеръ „Церк. Газеты“, а въ апрѣльской книгѣ «Прав. Путеводитель» уже успѣлъ, не ожидая опроверженій, перепечатать статью въ своемъ освѣщеніи.

²⁾ Курсивъ вашъ здѣсь, какъ и далѣе.

миссіонеровъ намъ не нужно. Какъ Богъ благословитъ, будемъ сами работать... Помогай вамъ Богъ на хорошемъ дѣлѣ, дорогіе батюшки! проносилось въ головѣ нашей. Но и другая мысль сверлила нашъ мозгъ при этомъ. Эта мысль напрашивалась сама собой. Она подсказывалась самими лицами священниковъ. И мысль эта производила въ насъ стыдъ и досаду на печальную ¹⁾ дѣйствительность. Вотъ что оказалось. Батюшкамъ надоѣла суетливость иныхъ миссіонеровъ, особенно „епархіальныхъ“. Въ-мѣсто того, чтобы благовѣстить *святое православіе* народу... нѣкоторые миссіонеры занимаются только статистикой и шпіонствомъ. Буквально шпіонствомъ! Они пролазятъ въ домъ священниковъ и на основаніи „подмѣченныхъ“ фактовъ, которые порою оказывались „сказками“,—сочиняютъ „дѣлыя дѣла“, оканчивающіяся плачевно для священниковъ... Если такъ, рѣшили батюшки, пусть-же специальныхъ миссіонеровъ-статистовъ и доносчиковъ не будетъ вовсе!.. И они были правы—тамбовскіе священники!.. Миссіонеры не должны быть доносчиками, шпіонами, казуистами“.

Отвѣчаемъ вамъ предъ лицомъ всей миссіонерствующей братіи и вслухъ всѣхъ участниковъ сѣзда.

Вы дѣлаете намеки на бывшее будто бы на сѣздѣ стѣсненіе свободы сужденій приходскаго духовенства и на то, что вопросъ о пользѣ специальной миссіи будто бы прорвался лишь подъ напоромъ смѣлости духовенства, вошелъ въ сужденіе сѣзда, какъ неожиданный пассажъ ²⁾. Это—извращеніе истины. Вы, очевидно, не потрудились познакомиться съ программой сѣзда. Въ этой программѣ, заблаговременно опубликованной (замѣтите: нами-же составленной), ясно поставленъ вопросъ „объ организаціи миссіонерскаго дѣла въ епархіи“, куда прежде всего и входилъ вопросъ о специально миссіонерскомъ институтѣ. По этому самому онъ и не могъ быть на сѣздѣ какимъ-то пассажемъ. Онъ прошелъ въ порядкѣ программы. И поставилъ его самъ присутствовавшій на вечернемъ засѣданіи 17 января епископъ Иннокентій. Вопросъ вызвалъ горячій обмѣнъ мнѣній. Свобода слова была при этомъ полная. Говорили долго многіе изъ духовенства ³⁾, держали рѣчи вы, Дмитрій Ивановичъ, г. Айвазовъ, Чинновъ и другіе. Прималкивали лишь одни мы, отчасти уступкатнымъ, по должности, принимать много участія въ обсужденіяхъ этого вопроса. А если-бы мы хотѣли стѣснить свободу слова и заградить уста, говорившія противъ нашей должности, то развѣ не могъ предсѣдательствующій епархіальный миссіонеръ не допустить къ прочтенію докладовъ напр. г. Чиннова или о. Ремизова (направленіе коихъ было всѣмъ напередъ извѣстно) на

¹⁾ Въ другой разъ вы называете это „смердными обстоятельствами“.

²⁾ Ваши слова: «Слышно было»... и далѣе, «но, каковъ пассажъ!».. и далѣе, «говорили торопливо, волнуясь, словно боялись, что имъ не дадутъ высказаться»...

³⁾ Вспомните, торопился-ли о. Дмитріевъ? Какъ долго читалъ по тетради о. Ремизовъ?

томъ совершенно легальномъ основаніи, что они не были предъявлены предсѣдателю заранѣе, до собранія. Предсѣдатель - миссіонеръ проявилъ здѣсь воистину много безпристрастія, вплоть до игнорирования обычныхъ правилъ сѣздовъ и формальностей.

Вы пишете: „слышно было, что мѣстными миссіонерами проектировалось „умноженіе“ специальныхъ миссіонеровъ“ 1). Не знаемъ, изъ какихъ закулисныхъ источниковъ черпали вы свои о насъ свѣдѣнія. Мы же сами этотъ слухъ узнали изъ вашей статьи. Какъ-же вы не постѣснялись разглашать въ печати слухи, или вами сочиненные, или во всякомъ случаѣ вами не провѣренные? Не произнесемъ слова, какимъ обычно называются этого рода поступки. Отвѣчаемъ лишь терминологіей вашей статьи: это и есть тѣ „сказки“, которыя порою не оправдываются, и поистинѣ „сочиненіе (литературныхъ) дѣлъ“ во вредъ тѣмъ, въ чьи дома вы втирались и о комъ вы подслушивали.

Вы говорите неправду, когда передаете, будто-бы всѣ рѣчи духовенства были въ одномъ направленіи—уничтоженія специального миссіонерства. Говорено было и это, но не одно это. Откуда-нибудь да взялось же постановленіе сѣзда не только о сохраненіи трехъ должностей миссіонеровъ епархіальныхъ, но даже о желательности имѣть имъ помощниковъ въ видѣ безприходныхъ (специальныхъ) окружныхъ миссіонеровъ.

Вообще вы совершенно несправедливо навязываете сѣзду и духовенству характеръ недовѣрія и враждебности къ специальной миссіи. Уже одно то, что предсѣдателемъ сѣзда правильной закрытой баллотировкой избранъ одинъ епархіальный миссіонеръ, въ товарищи ему—другой, говоритъ о довѣриіи духовенства къ миссіонерамъ.

Раздувая въ своемъ воображеніи голоса на сѣздѣ противъ специальной миссіи въ какую-то борьбу духовенства съ миссіонерами, вы приписываете сѣзду такія сужденія о миссіонерахъ, и такіе мотивы, какихъ на сѣздѣ совсѣмъ не было. Вы пишете: „оказалось вотъ что“ и далѣе сообщаете свѣдѣнія о шпіонствѣ миссіонеровъ. Гдѣ оказалось? На засѣданіяхъ сѣзда? Мы со всею рѣшительностью заявляемъ, что этого не было. Тѣ, кто говорилъ противъ специальной миссіи, отправлялись не отъ личныхъ служебныхъ недостатковъ настоящихъ или бывшихъ тамбовскихъ миссіонеровъ, а выходили изъ идеи пастыря—довлѣющаго миссіонера своего прихода. Въ этомъ было, конечно, „святое увлеченіе“. Шпіонами-же, доносчиками, казуистами, статистами ни насъ, ни васъ на сѣздѣ никто не обзывалъ. И вы оскорбляете не насъ только, а и весь сѣздъ „дорогихъ батюшекъ“, вводя на него въ печати столь явную и обидную напраслину.

Если-же все это слышано вами гдѣ-либо за кулисами или

1) Умноженіе числа специальныхъ миссіонеровъ — дѣло недурное, чтобы отъ него отречься. Но такое придано ему освѣщеніе у васъ. И это у васъ,—все еще специального миссіонера!? Эхъ, забыли вы свои тамбовскіе отчеты! А ваши фразы о застрявшемъ возѣ и полѣ, обрабатываемомъ нѣсколькими плугами?!

„мысль эта напросилась въ вашъ мозгъ сама собой“, или вы „усмотрѣли ее на лицахъ священниковъ“, то просимъ ясно и точно указать, къ кому вы всѣ эти эпитеты относите? Лицъ вы не назвали; ограничились уклончивыми „иные“, „особенно изъ епархіальныхъ“. Фактовъ вы не привели; довольствовались лишь памеками на какія-то „дѣла“ и „сказки“. Но мы не удовлетворены такою *suï generis* деликатностью. Назовите лица, приведите факты. Вы бросили комъ грязи въ небольшую группу лицъ; такъ имѣйте-же честность и смѣлость объясниться, въ кого вы мѣтили, и на какомъ основаніи? Обвините виновнаго, чтобы оправдать праваго. Не дѣлайте другимъ въ чужомъ пиру похмелья; не разсыпайте въ затѣянной дракѣ безъ разбору удара всякому, кто ни подвернется.

Кого вы обзываете грязными именами? Бывшихъ тамбовскихъ миссіонеровъ или насъ, настоящихъ?

Если—первое, спорить не будемъ. Дольше всѣхъ (изъ пяти) были въ Тамбовѣ миссіонеромъ вы, Боголюбовъ. Извѣстно и то, что покинули вы тамбовскую миссію послѣ представленія васъ мѣстнымъ Братствомъ къ увольненію. Можетъ быть, конечно, вы и знали за собой сказочныя дѣла и факты, именуемые шпионствомъ 1). Можетъ быть, послѣ оцѣнки въ родной вамъ академіи и печати 2) вы поняли, что много было въ вашей тамбовской

1) Не имѣете-ли вы въ виду того случая, когда по вашему несправедливому доносу въ 1895 г. чуть не былъ переведенъ на другой приходъ и получилъ строгій выговоръ конестории свящ. с. Теньчужева о. Смирновъ? Эта исторія сохранилась въ архивѣ Братства. Или, можетъ быть, вы вспомнили, какъ, еще не ознакомившись съ епархіей, въ самые первые годы службы, вы испещряли свои отчеты хорошими, а чаще дурными рекомендаціями приходскихъ священниковъ, дьяконовъ, даже учителей школь, переходя границы собственно миссіи и донося по начальству, то о безграмотности учителя (д. Максимовки), то о неладахъ священника съ прихожанами (с. Верхнее Чуево), то о другихъ ихъ недостаткахъ (с. Кривца, с. Островки, с. Падовъ, с. Грязнупи, с. Алешковъ, Казачьей и Черной Слободы и др.)? О скороспѣлости вашихъ наблюденій и легкомыслии аттестаций свидѣлствуютъ факты, когда вы въ 1895 г. хвалите причтъ, а въ 1896 г. его-же хулите (с. Лицяги).

2) «Богосл. Вѣстн.» 1906 г. Май. Коммиссія профессоровъ - специалистовъ, рассмотрѣвъ главные ваши полемическіе литературные труды, пишетъ по вашему адресу. «Большою бѣдою для библейской науки всегда служила проявляемая всякаго рода грамотеями, научно малограмотными, или даже совершенно безграмотными, дерзость въ употребленіи священнаго текста по своему усмотрѣнію и для своихъ личныхъ надобностей, независимо отъ дѣйствительнаго значенія и подлиннаго смысла Писаній... Кореннымъ и принципиальнымъ, проникающимъ всю постановку споровъ въ бесѣдахъ, недостаткомъ полемической методы Боголюбова служить неумѣренна усвоенная имъ себѣ отъ сектантовъ обязанность всенепремѣнно находить въ Писаніи отвѣты на такіе вопросы, какихъ само Писаніе прямо не имѣетъ въ виду и не рѣшаетъ... Отсюда у автора получаются разнаго рода натяжки, искусственности, произвольности, необоснованности, даже невѣрности въ толкованіи текстовъ, могуція быть на руку сектантамъ и вызывать неприятыя недоразумѣнія у православныхъ». Приводя затѣмъ кучи примѣровъ изъ вашихъ книгъ, профессора дѣлаютъ заключеніе: «Приведенныхъ примѣровъ, далеко впрочемъ не исчерпывающихъ подобнаго рода матеріалъ книги, считаемъ достаточнымъ для доказательства, что тѣ, кто дерзаетъ употреблять библейскій

полемикъ и казуистики. Можетъ быть, вамъ пришли на память, предъ лицомъ тамбовскаго сѣзда, и то, какъ вы разыскивали сектантовъ, гдѣ они по официальной статистикѣ не числились ¹⁾. Мы, конечно, ничего не смѣемъ имѣть противъ вашего самобичеванія или покаянія. Мы въ такомъ случаѣ вправѣ только просить васъ купаться въ своей грязи аккуратнѣе, чтобы не брызгать въ близъ стоящихъ. Вы пишете: „мы сидѣли, какъ на горячихъ угляхъ“; васъ понимали „стыдъ и досада“. Но зачѣмъ тогда срывать досаду на другихъ или тащить ихъ къ себѣ на жаровню?!

Если-же вы относите столь рѣзкія сужденія именно къ намъ, настоящимъ тамбовскимъ миссіонерамъ, и если произносите ихъ не отъ имени тамбовскаго сѣзда, а лишь отъ своего воображенія, тогда мы самымъ убѣдительноѣшимъ образомъ просимъ васъ непремѣнно объясниться напрямикъ и перейти отъ общихъ фразъ и намековъ къ фактамъ. И знайте, что въ такомъ случаѣ, если вы не докажете шпіонства „нѣкоторыхъ“ (т. е. даже не одного) изъ насъ, то *не мы* будемъ шпіонами и сочинителями дѣлъ... Крайность и рѣзкость вашихъ сужденій переходитъ всякія границы. Вы написали: „*вмѣсто того, чтобы благовѣствовать... нѣкоторые миссіонеры занимаютъ только статистику и шпіонствомъ*“. Это во всякомъ случаѣ ложь. Ни изъ настоящихъ, ни изъ прежнихъ тамбовскихъ миссіонеровъ вы не укажете такого, кто-бы *взятъ* благовѣстія занимался *исключительно* шпіонствомъ и статистикой; даже васъ противъ васъ, если это потребуется, мы беремъ подъ свою защиту. Стыдно, Дмитрій Ивановичъ!

Затѣмъ, еще два слова о статистикѣ, доносахъ и пролазаніи въ дома.

Заниматься *только* статистикой, конечно, недостойно миссіонера. Но быть епархіальнымъ миссіонеромъ, т. е. имѣть обязанность вліять на сектантство цѣлой епархіи, и не стремиться къ тому, чтобы точно знать, гдѣ, сколько и какихъ сектантовъ, — согласитесь, тоже неблагоразумно.

Если гдѣ-либо на миссіонера возложена официальная обязанность ²⁾, руководя миссіонерскимъ дѣломъ епархіи, дать отчетъ о положеніи его на мѣстахъ, — будетъ-ли въ такомъ случаѣ характеристика миссіонерства въ Н. приходѣ со стороны миссіонера шпіонствомъ или-же исполненіемъ принятыхъ на себя слу-

текстъ для полемическихъ и еще какихъ-другихъ цѣлей, безъ обладанія научною грамотою, должны быть крайне осторожны въ этомъ дѣлѣ... Изъясненія Библии Боголюбова нерѣдко поражаютъ, вмѣстѣ съ гибкостью и извортливостью изощрившейся въ долгихъ словопреніяхъ мысли, крайнею натянутостью и тенденціозностью... Трудно допустить, чтобы человекъ, прошедшій высшую богословскую школу, самъ не замѣчалъ всей странности подобныхъ толкованій библейскаго текста и призрачности одерживаемыхъ такими средствами миссіонерскихъ побѣдъ, о которыхъ онъ такъ часто и охотно говоритъ въ своей книгѣ“.

¹⁾ См. Годовой отчетъ г. Боголюбова. 1895 г.

²⁾ По мѣстной инструкціи 1893 года, которой до 1898 г. подчинены были вы, г. Боголюбовъ, такихъ правъ и обязанностей вы не имѣли. И однако вы уже въ 1895 г. преусердно аттестовали начальству священниковъ, клириковъ и учителей. Были-ли вы шпіономъ?—вотъ вопросъ.

жебныхъ обязанностей? Миссія наша пока не имѣеть прочнаго однотипнаго устройства. Есть много взглядовъ на миссіонеровъ. Одинъ миссіонеръ поставленъ, преимущественно какъ полемистъ; другой—прежде всего руководитель и организаторъ миссіонерскаго дѣла; а иной занялъ положеніе лишь проповѣдника. И надо быть терпиму и не сочинять дѣлъ изъ-за этихъ разностей.

А о „пролазаніи въ дома священниковъ“ мы только спросимъ г. Боголюбова: разумѣть-ли онъ подъ этимъ и то, какъ онъ самъ 4 года находилъ себѣ гостепріимный пріютъ въ домахъ тамбовскихъ священниковъ? Или, можетъ быть, онъ называетъ столь вульгарно исполненіе миссіонерами своей служебной обязанности—по пріѣздѣ въ приходъ, заявиться къ приходскому священнику и уговориться о солидарныхъ дѣйствіяхъ? (Сѣнод. Прав. 1888 г. § 10).

Дмитрій Ивановичъ! Омойте тѣхъ, кто не виновенъ. Освободитесь и сами отъ того некрасиваго положенія, въ какое вы стали. Къ первому вы обязаны, кромѣ всего прочаго, уже и тѣмъ, что мы такъ старались получить себѣ на сѣздѣ въ нашемъ лицѣ дорогаго гостя. И вдругъ, поистинѣ „какой пассажъ“!.

NB: А будете писать, пришлите номеръ или сообщите письмомъ, чтобы не проглядѣть намъ въ печати вашего отвѣта, какъ чуть не проглядѣли мы вашихъ „Впечатлѣній“ въ харьковской (почему?!) газетѣ.

Тамбовскіе епархіальные миссіонеры:

Священникъ Василій Стеженскій.

Владиміръ Базаряниковъ.

Михаилъ Третьяковъ.

1906 года 7 іюля. Тамбовъ.

О Т К Л И К И.

Миссіонеръ въ «очаровательной обстановкѣ».

(По поводу статьи въ „Церков. Голосѣ“ № 26 „О двухъ настроеніяхъ“).

„Освободительное движеніе“, въ смыслѣ повѣтреннаго наклона въ сторону свободы отъ всякой законности и порядочности, эпидемически приразилось и къ нашей церковной жизни и въ частности къ нѣкоторой части нашей миссіонерской рати. „Противъ факта не попрешь“, говорилъ Лѣсковскій дьяконъ Ахилла... Въ „Церковномъ Голосѣ“, № 26, помѣщена статья С.-Петербургскаго епархіальнаго миссіонера Д. Боголюбова „О двухъ настроеніяхъ“. Статья во многихъ отношеніяхъ любопытная. Авторъ говоритъ о „двухъ настроеніяхъ“ дѣятелей нашей внутренней миссіи. Одно, на основаніи миссіонерскаго опыта, психологіи народа, церковной исторіи и ученія св. отцовъ держится той мысли, что допущеніе открытой похулительной, бранной на православную церковь, внѣбесѣдной пропаторской проповѣди среди народнои православной массы оскорбительно для религіознаго чувства русскаго православнаго народа, унизительно для св. Руси и вредно для святой вѣры „малыхъ“ чады церкви; а первымъ дѣломъ миссіонеровъ считаетъ публичное собесѣдованіе съ вождями расколо-сектантства. Другое—на основаніи общей мысли о „всепобѣждающей силѣ евангельскаго православія и непобѣдимости свѣта мракомъ и правды ложью“—ратуетъ за полную разнузданность отступнической пропаганды, спеціальнымъ же миссіонерамъ рекомендуетъ главнымъ образомъ „просто, безъ препирательства, проповѣдывать народу, изъясняя ему православные пути спасенія во Христѣ“, прислушиваясь при этомъ, что о нихъ—миссіонерахъ—„скажутъ люди и печать“.

Г. Боголюбовъ съ рѣшительностію заявляетъ въ своей статьѣ, что онъ на сторонѣ второго „настроенія“, и съ неподражаемымъ ухарствомъ и беззащѣтностью инсинуируетъ противъ перваго „настроенія“ и выразителей его въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“. Лавры Аладына, видимо, не даютъ ему спать...

Двѣнадцать столбцовъ „Церковнаго Голоса“ „О двухъ на-

строеніяхъ“, по существу представляютъ собой въ журналѣ пустопорожнее мѣсто. Серьезному разбору въ немъ не къ чему прицѣпиться за отсутствіемъ однороднаго матеріала, какъ невозможно было серьезной научной политико-экономической критикѣ имѣть дѣло съ выкриками вислоухихъ болтуновъ „крайней лѣвой“ нашей первой Г. Думы. Общее впечатлѣніе (а объ этомъ собственно можно только и говорить) отъ статьи г. Боголюбова то, что онъ очень сердится на кого-то за непризнание въ немъ какого-нибудь авторитета. Точкой исхода служить успѣвшій уже состарѣться въ миссіонерской литературѣ вопросъ о „свободѣ совѣсти“ въ связи съ открытой пропагандой разныхъ религіозныхъ заблужденій среди православнаго простонародья. Вопросъ этотъ въ помянутой литературѣ освѣщенъ до осязательной убѣдительности и съ принципиальной, и съ историко-канонической, и съ логической, и съ практической стороны: свободы вѣры и исповѣданія ея въ своей средѣ никому воспретить невозможно, но допускать въ нашемъ православномъ отечествѣ всячески — похулительную на церковь пропаганду среди простого люда было бы сознательнымъ предательствомъ своей „меньшей братіи“ на расхищеніе „волкамъ“ со стороны пастырей и „старшихъ братій“ церковнаго стада. Исторія, средства и результаты пропаганды, напр., католичества въ западномъ краѣ, послѣ указа 17 апр. 1905 г., у всѣхъ, интересующихся нашей миссіей, теперь на виду.

Г. Боголюбовъ стоитъ за полную разнузданность отступнической пропаганды. Основная его точка зрѣнія это—„вѣра во всепобѣждающую силу православія евангельскаго“, въ побѣду „свѣта надъ мракомъ“ и „правды надъ ложью“. Новость—вродѣ открытія Америки въ XX вѣкѣ: да кому же неизвѣстно, что всѣ христіане вѣрятъ въ слова Христовы о неодолимости церкви отъ вратъ адовыхъ? Понимаетъ ли г. Боголюбовъ, что дѣло здѣсь не въ этомъ, а въ томъ,—можно ли быть увѣреннымъ, что, при полной пропагаторской разнузданности, насильственной духовной смерти не умретъ ни одна православная вѣрующая душа? Думаемъ, что такой увѣренности ни у кого изъ насъ не можетъ быть, да, вѣроятно, нѣтъ ея и у г. Д. Боголюбова: факты и способы массовыхъ со-вращеній православныхъ, хотя бы въ католичество, послѣ 17 апр. прошлаго года, надо думать, и ему извѣстны. Въ такомъ случаѣ, откуда же у нѣкоторыхъ оптимизмъ, граничащій съ ликованіемъ, при ожиданіи открытій дверей двора церковнаго для „волковъ грядущихъ“? Начало такого „настроенія“ нужно полагать: 1) или въ религіозномъ индифферентизмѣ, допускающемъ возможность спасенія въ любомъ исповѣданіи, или отрицающемъ ее во всѣхъ; 2) или въ кальвинистическомъ безусловномъ предопредѣленіи однихъ ко спасенью, а другихъ къ гибели, при которомъ собственно отпадаетъ вопросъ о какомъ бы то ни было церковномъ миссіонерствѣ; 3) или въ желаніи такого искушенія церкви, при которомъ крѣпкіе и сильные вѣрою окрѣпли бы и усилились бы еще болѣе за счетъ духовной гибели множества

неутвержденныхъ еще въ вѣрѣ и слабыхъ въ своей христіанской совѣсти; 4) или же, наконецъ, во флиртѣ съ „Марьей Алексѣвной“ „освободительнаго“ лагеря подъ шатромъ моды и передовства.

О первыхъ двухъ основаніяхъ глашатаи „освободительнаго“ „настроения“ не говорятъ, хотя эти основанія дѣйствительно были бы для нихъ достаточными основаніями; въ четвертомъ они не всегда откровенно признаются, но оно легко читается между ихъ строками. Останавливаются они на третьемъ основаніи и подкрѣпляютъ его общимъ упованіемъ на неодолимность дѣла Христова. Но основаніе это въ логическомъ выводѣ даетъ отрицаніе не только миссіонерства, но и пастырства въ Церкви Христовой и много напоминаетъ искушеніе Спасителя діаволомъ „броситься внизъ“: „писано бо есть: ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, на рукахъ возмутъ тя, да никогда преткнеши о камень ногою твоею“... Если дѣло Христово, какъ его понимаютъ ново-„настроеныя“, сильно самой своей истиной, то зачѣмъ вообще миссіонерская проповѣдь, да и самое церковное пастырство?

За послѣдніе три года кто только и гдѣ-то не брался аргументировать новое „настроenie“ и въ газетахъ и въ журналахъ и свѣтскихъ и духовныхъ: вездѣ въ такомъ или иномъ размѣрѣ объявлялись новые „Гамаліилы“, которые на разные лады, и безъ всякаго смысла, повторяли въ *защиту отступнической пропаганды среди православныхъ христіанъ* знаменитую рѣчь Гамаліила „Дѣяній“, сказанную имъ въ синагогѣ въ *защиту проповѣди свв. апостоловъ среди не христіанъ* (Дѣян. V, 33—40).

Много разъ рядился въ такую *гамаліиловскую тогу* и г. Д. Боголюбовъ, забывъ, вѣроятно, при своемъ „настроеніи“, что „по одеждѣ вѣдь только встрѣчаютъ“...

Это обстоятельство, надо полагать, и создало для „двухъ настроеній“ г. Боголюбова *casus belli* по отношенію къ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія и „Миссіонерскому Обзорнію“.

Чего-нибудь и сколько-нибудь новаго въ обоснованіе своего „настроения“ г. Д. Боголюбовъ въ своей статьѣ не сказалъ. Та же бутафорія, тѣ же побрякушки, погремушки и т. п.

Отмѣтимъ въ ней лишь нѣсколько новыхъ тактическихъ, такъ сказать, приемовъ автора въ защитѣ своей позиціи.

Г. Боголюбовъ пишетъ: „На „лѣто“ забрался я въ глубь благословенной Малороссіи. Кругомъ полная типина по сравненію съ петербургской суголокой. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть. Окно моей *рабочей* комнаты выходило прямо въ садъ. Еще и теперь оттуда пахнетъ молодою зеленью; а въ маѣ (а теперь уже августъ) оттуда, кромѣ того, неслись почти несмолкаемыя трели соловьевъ. Изящныя, *творчески вдохновенныя, свободныя, какъ полевой вѣтерокъ* (?),—эти трели ласкали мой слухъ и наводили на душу грезы. Святыя, тихія грезы... Подъ вліяніемъ такой очаровательной обстановки, у меня—въ полномъ смыслѣ—„расходились морщины на челѣ“. Благодаря ей же, хочется вѣрить (ужели до сихъ поръ не вѣрилъ?) въ могущество созидającychъ силъ природы,—въ ту Божественную экономію, при которой

надъ жизнью не могутъ царить полновластно слѣпныя стихіи и разныя человѣческія неправды“.

Предоставляемъ читателю судить, насколько безалаберны были тѣ „творчески-вдохновенныя, свободныя, какъ полевой вѣтерокъ, трели соловьевъ“, которыя „навели на душу“ г. Боголюбова такія „грезы“. Такъ „грезить“ могутъ только полуграмотные и исполнѣ пьяные мѣщане, когда имъ „въ атмосферѣ пахнетъ горизонтомъ“... Въ самомъ дѣлѣ. Въ приведенной выдержкѣ— что ни фраза, то новая нелѣпость, и не простая, а такъ сказать образованная и не лишенная поэтическаго оттѣнка. Ну что, напр., значить— „творчески вдохновенныя, свободныя, какъ полевой вѣтерокъ, трели соловьевъ“, когда, какъ извѣстно теперь это и слушателямъ петербургскихъ „чайныхъ“ „миссіонеровъ-проповѣдниковъ“, въ природѣ царятъ только законы необходимости, при которыхъ, до скончанія міра, въ стихійной жизни нѣтъ мѣста свободѣ. Далѣе, „святыя, тихія грезы“ навели г. Боголюбова на „хотѣніе вѣрнѣ въ могущество созидающихъ силъ природы, въ ту Божественную экономію, при которой надъ жизнью не могутъ царить полновластно слѣпныя стихіи (но „трели соловья свободны“?) и разныя человѣческія неправды“.

Тутъ ужъ полная неразбериха. Очевидно, Д. Боголюбовъ тутъ вздумалъ какому-то „таланту“ подражать, да вышло неудачно и смѣшно. „Могущество созидающихъ силъ природы (въ которое Боголюбовъ теперь только повѣрилъ) и Божественная экономія“ у него идутъ за одно; „слѣпныя стихіи и человѣческія неправды“—тоже; причемъ— „силы природы“ не позволяютъ „царить слѣпымъ стихіямъ“,—выходить, природа возстаетъ противъ самой себя, и т. п...: „Запахъ зелени“, „трели соловьевъ“, „могущество силъ природы“, „Божественная экономія“, „слѣпныя стихіи“, „человѣческія неправды“, „тихія грезы“—все въ одну кучу, въ одинъ бессмысленный хаосъ словъ: авось-де получится какое-нибудь впечатлѣніе... Да, дѣйствительно, „святыя грезы“: помнится, кажется, Бѣлинскій очутился разъ за границей въ положеніи „глупаго до святости“. Такія грезы могутъ быть „наведены“ только бездѣльемъ грезящаго въ „благословенной Малороссіи“, при полномъ однако сознаніи, что и эти „грезы“ будутъ оцѣнены на вѣсъ золота въ нѣсколько двадцатыхъ чиселъ въ казначействѣ „сутолочнаго“ Петербурга...

„И готовъ я, такъ настроенный, сказать себѣ (?) и другимъ словами поэта: „другъ мой, братъ мой, страдающій братъ! кто бы ты ни былъ, не падай душою. Вѣрь, погибнетъ Вааль (именно?) и проснется на свѣтѣ любовь“ (къ кому и какая?). Ахъ, какъ хороши стихи поэта, и сколько заложено въ нихъ бодрящаго настроенія!“

Думается, Д. Боголюбовъ для своей цѣли могъ бы позаимствовать у Надсона болѣе подходящія для него стихи—вродѣ: „Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая, кто не отрекался отъ своихъ боговъ, кто не падалъ духомъ, рабски унывая, не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ“... („Наше поколѣнье юности не знаетъ“). А если бы онъ, такъ сказать,

вникъ въ Надсона, то, во первыхъ, не привелъ бы и его стиховъ изъ „Другъ мой, братъ мой“, гдѣ поэтъ ждетъ „любви“, которая „придетъ въ міръ въ силѣ и славѣ своей, не подѣ гнетомъ цѣпей, не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ“; а во вторыхъ, не искалъ бы „бодрящаго настроенія“ въ чахоточномъ нытьѣ, въ концѣ концовъ отдающемъ дохлятиной. Помимо того, православному противораскольническому миссіонеру вдохновляться и аргументироваться отъ Надсона—все равно, что жиду торговать свининой..

„Такія мысли сверлили мой мозгъ, когда я участвовалъ еще въ засѣданіяхъ VI отдѣла предсоборнаго присутствія. Въ этомъ отдѣлѣ мы думали надъ тѣмъ, какъ охранить православныхъ христіанъ отъ зараженія иновѣріемъ и какими способами лучше всего бороться съ нашимъ расколосектантствомъ? По правдѣ сказать, на эту тему отъ „докладчиковъ“ не пришлось услышать ни одной новой мысли. Они говорили много, говорили „съ вѣсомъ“, но въ рѣчахъ ихъ звучали старыя, уже запѣтыя мелодіи“.

Странно, почему же это самъ г. Боголюбовъ не „докладывалъ“ „новыхъ мыслей“ или, быть можетъ, и „докладывалъ“, да изъ скромности умолчалъ о своихъ „новостяхъ“. Въ протоколахъ VI отдѣла, напечатанныхъ въ „Церков. Вѣд.“ о „докладахъ“ г. Боголюбова съ „новостями“ и безъ нихъ нѣтъ ни слова. А что и старыя „мысли“ ему мало извѣстны, доказательство этого находимъ въ его настоящей статьѣ. Онъ пишетъ, что одинъ изъ „докладчиковъ“, „заботясь объ укрѣпленіи противораскольническихъ позицій, возбудилъ вопросъ о разъясненіи клятвъ собора 1654 г.“. Что тутъ, невѣжество г. Д. Боголюбова или клевета на VI отдѣлъ, не знаемъ. Какія же это такія клятвы были на соборѣ 1654 г., въ разъясненіи которыхъ нуждалась бы противораскольничья миссія? Всѣмъ, хоть сколько-нибудь знакомымъ съ исторіей раскола, извѣстно, что такихъ клятвъ на соборѣ 1654 года не было. Какъ же это и кому же VI отдѣлъ могъ поручить докладъ на тему о не существующемъ, и кто же изъ его членовъ могъ взять на себя такую работу? Ново-„настроенному“ противораскольничьему миссіонеру надо бы теперь хоть сказать, что „виноватъ-де стрѣлочникъ“, опечатка молъ... Мы не удивляемся этой „опечаткѣ“ г. Боголюбова: отъ юности своя опечатка не занималась до позапрошлага года; съ азовъ же изучать исторію раскола и штудировать пудовые фоліанты для полемики съ нимъ, согласитесь, для человѣка, съ „морщинами на челѣ“, дѣло не подходящее; къ тому же г. Боголюбовъ рѣшилъ перейти и перешелъ на амплуа „миссіонера-проповѣдника“ (совершенную „новость“ въ исторіи нашей миссіи).

„Но это еще—не вся бѣда. Для меня главная печаль состояла въ томъ, что на работы VI отдѣла предсоборнаго присутствія слишкомъ тяжелую руку силилось наложить бюро „Миссіонерскаго Обзорнія“. Бороться съ этимъ бюро было невысказано съ надеждою на успѣхъ (Аладьинъ все время кричалъ: „до+

лой, въ отставку!“): *количественно* (курсивъ Боголюбова) борющіеся были бы всегда въ меньшинствѣ“ (но не *качественно* молъ!).

„Вскую прискорбны“, г. Боголюбовъ: очень „печально“ было бы, если бы въ VI отдѣлѣ было большое *количество* „борющихся“ и по своему *качеству* предподносящихъ отдѣлу „новости“ въ родѣ „клятвъ собора 1654 года“...

Поигравъ нѣсколько въ „Гамалилы“ и смѣшавъ сознательно или бессознательно „свободу вѣроисповѣданія“ (въ смыслѣ свободного отправленія отступниками своего религіознаго культа въ своей средѣ, и жизни по своимъ вѣрованіямъ,—что закономъ не преслѣдуется, за исключеніемъ сектъ изувѣрныхъ и явно безнравственныхъ) со свободою наглой, при всякихъ средствахъ, пропаганды отступничества среди церковныхъ чадъ, г. Боголюбовъ находитъ затѣмъ, что скорбь „сотрудниковъ „Миссіонерскаго Обзорнія“ по случаю этой именно послѣдней свободы „особенно нехристіанская и... неумная... ибо она не обвѣяна вѣрой во всепобѣждающую силу евангельскаго православія... и боится, какъ бы мракъ не побѣдилъ свѣта, и ложь не оказалась могущественнѣй святой правды“... Мы спросили бы г. Боголюбова, „по-христіански“ ли поступалъ Христосъ, изгнавшій безчинниковъ изъ „дома Божія“, „по-христіански ли и умно ли“ заповѣдывалъ Апостоль „изъять злаго отъ насъ самихъ“, „по-христіански“-ли и „умно“-ли обращались свв. отцы, напр., Карфагенскаго собора, къ „царскому человѣколюбію славнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ самодержцевъ понещися, чтобы каеолитическая церковь... была ограждена ихъ промышленіемъ: дабы въ благочестивыя ихъ времена дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ бессильнымъ народомъ посредствомъ нѣкагого страха, когда не могутъ соврагити оный посредствомъ убѣжденія“... и просили „противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ дати имъ божественную помощь, не необычайную и не чуждую святымъ писаніямъ; ибо и апостоль Павелъ, какъ показано въ истинныхъ дѣяніяхъ апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою помощію“... (прав. 104). Какъ по этому вопросу разсуждали другіе свв. отцы вселен. и помѣст. соборовъ, пусть прочтеть г. Боголюбовъ въ житіи св. І. Златоуста (помѣщенномъ въ „Маргаритѣ“) и Дѣяніяхъ собора 1666—67 г.г. (лл. 81—2). Ужели, теперь, Христосъ, апостолы и свв. отцы менѣе г. Боголюбова „обвѣяны были вѣрой во всепобѣждающую силу евангельскаго православія... и боялись, какъ бы мракъ не побѣдилъ свѣта, и ложь не оказалась могущественнѣй святой правды“?

Но, быть можетъ, г. Боголюбовъ представилъ для своихъ утвержденій какія-нибудь „особенно христіанскія и умныя“ основанія? Ожиданіе было бы напраснымъ. Заниматься основаніями своихъ сужденій—это не въ характерѣ людей, которые богословствуютъ (съ позволенія сказать) „подъ вліяніемъ очаровательной обстановки и тихихъ грезъ, наведенныхъ запахомъ молодой зелени, трелями соловьевъ и свободнымъ полевымъ вѣтеркомъ“... Вотъ, однако, основанія г. Боголюбова:

„Я и самъ нѣкогда былъ въ рабствѣ у суевѣрнаго страха: но *Господь просвѣтилъ меня* и я хочу предостеречь свою братію отъ обольщающихъ сѣтей, которыя для неопытныхъ разстилаются рыбарами изъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

Вотъ *ultima ratio* боголюбивской аргументаціи: „его, видите ли, „Господь просвѣтилъ“, и мы боимся, „какъ бы намъ“, при смиренномъ несогласіи съ сужденіями Д. Боголюбива, „не оказаться и богопротивниками“... „Грезы“ очевидны вполнѣ: уже слишкомъ, видимо, затрещали „соловьи“ и задулъ „полевой вѣтерокъ“.

Г. Боголюбивъ пишетъ, что онъ „12 лѣтъ боролся съ сектантствомъ“; и нечаянно, добавили бы мы, воспринялъ приемы его послѣднихъ доказательствъ: извѣстно, что штундисты, хлысты, духоборы, скопцы и пр. и пр., когда имъ нечѣмъ уже оправдаться въ своемъ упованіи, ссылаются на то, что ихъ „Господь просвѣтилъ“... Весьма легкой способъ доказательства, не вошедшій пока, къ сожалѣнію, ни въ одну „логику“ въ мірѣ: сказалъ—„Господь меня просвѣтилъ“ и дѣлу конецъ, чего тутъ еще расуждать?..

Что говорить далѣе г. Боголюбивъ, уже „просвѣщенный Господомъ“, критикѣ, разумѣется, не должно подлежать. Укажемъ только, что въ дальнѣйшихъ своихъ строкахъ г. Боголюбивъ говоритъ вотъ о чемъ:

„Не нужно людямъ плакать отъ того, что на нихъ падаютъ камни и что отъ дрожжей заквашивается тѣсто...“

Пока изъ нашихъ (миссіонерскихъ) рядовъ будутъ раздаваться голоса, напоминающіе окрики „держимордь“, пока мы не перестанемъ тянуть вѣроисповѣдной области въ сторону старыхъ полицейско-охранительныхъ порядковъ,—*на насъ люди* (какіе?) *будутъ смотрѣть*, какъ на гасителей свѣта и на своекорыстныхъ жрецовъ и... дѣло наше подастъ даже поводъ въ печати (жидовской, да!) *говорить о насъ*, какъ о духовныхъ башибузукахъ“.

Такъ вотъ какой „Господь-то просвѣщаетъ“ Д. Боголюбива: что скажутъ о немъ „люди“ и „печать“! Ужели г. Боголюбиву неизвѣстны слова Христовы: „горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо“ (Лк. 6, 26), или ап. Павла: „для меня очень мало значить, какъ судите обо мнѣ вы или какъ судятъ другіе люди... Судья мнѣ Господь“ (I Кор. 4,13—4).

Коснулся Д. Боголюбивъ далѣе и публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ и нашель ихъ ненужными, кромѣ „иныхъ случаевъ для подрыва довѣрія въ народѣ къ расколо-сектантамъ“. Какіе признаки этого „иного случая“, когда публичная бесѣда необходима, авторъ не указалъ и, видимо, не признаетъ того, что „подрывъ довѣрія къ расколо-сектантамъ“ нуженъ для православныхъ проповѣдниковъ Христовой истины „по вся дни“.

Въ заключеніе статьи г. Боголюбивъ „хочетъ кликъ кликнуть братьямъ-миссіонерамъ“, въ духъ—„пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, и просыпается отъ своихъ „грезъ“, при такомъ чувствительномъ воззваніи къ „братьямъ“: „Ахъ, пора намъ бросить *старое настроеніе* и не обольщаться ничтожными надстройками надъ тѣмъ, что уже отжило свой вѣкъ и что оказалось

непрочнымъ въ потокѣ времени. На новыхъ устояхъ, съ *новымъ просвѣтленнымъ настроеніемъ*... молодые миссіонеры обязаны соорудить свое зданіе (а себя, какъ старика, съ „морщинами на челѣ“, г. Боголюбовъ отъ этого дѣла увольняетъ). Они должны рѣшительно отбросить отъ себя суевѣрно-чиновническіе пережитки и смѣло пойти на борьбу со всякой неправдой и со всякимъ зломъ, насъ окружающими. Господь будетъ имъ помощію и защитой“.

Если бы авторъ вспомнилъ Надсона, на котораго онъ развѣ сослался, такъ, думается, онъ закончилъ бы свое воззваніе стихами этого поэта:

„Дружно на работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Чтобъ никто не могъ ужъ вымолвить съ упрекомъ:
Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка“...

Не правда ли, какъ это подходило бы къ воззванію—„братьямъ-миссіонерамъ“? На этомъ мы и прерываемъ свой голосъ о „настроеніи“ г. Д. Боголюбова и не мѣшаемъ ему на будущее время вдохновляться „трелями соловьевъ, запахомъ молодой зелени и свободнымъ полевымъ вѣтеркомъ“, для „новыхъ мыслей“ въ нашей противораскольнической миссіи...

Н. Гринякинъ.

25-12824

UNIVERSITY OF CHICAGO

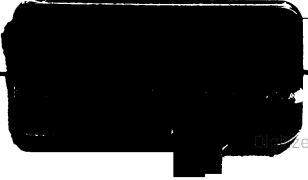

25 851 967

BX 460 Missionerskoe
•Mb7 obozrienie
Jul-Aug
1906

BX 460 Missionerskoe
•Mb7 obozrienie
Jul-Aug
1906

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

25851967

U of Chicago

25851967